

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

P.A. MINAKIR

**STUDIES OF THE PROBLEMS
OF INTERNATIONAL ECONOMIC
INTERACTIONS:
GLOBAL, NATIONAL,
REGIONAL ASPECTS**

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2022

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

П.А. МИНАКИР

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ,
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2022

УДК 339
ББК 65.5
М 62

Минакир П.А. Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты: монография / отв. ред. В.П. Чичканов; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 720 с.

ISBN 978-5-906118-65-3

В монографии обобщены результаты многолетних исследований теоретических и прикладных проблем динамики мировой экономики, закономерностей формирования и механизмов цикличности глобальной финансово-экономической системы, особенностей периодических кризисов на субглобальных и национальных уровнях. Представлен генезис исследований форм и стадий международной экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, формирования блоковых и линейных структур торгово-экономической кооперации. Приведены полученные автором после 2000 г. результаты анализа и сценарного прогнозирования торгово-инвестиционного взаимодействия России и российского Дальнего Востока с экономиками и интеграционными форматами АТР и Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: мировая экономика, международная экономическая интеграция, финансовые и торгово-экономические кризисы, интеграционные форматы, иностранные инвестиции, экспортная специализация, внешнеэкономическое сотрудничество, российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Рецензент – доктор экономической наук *Б.Х. Краснопольский*

Утверждено к печати Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-65-3 © Минакир П.А., 2022

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2022

Minakir P.A. Studies of the Problems of International Economic Interactions: Global, National, Regional Aspects / Edited by V.P. Chuchkanov; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Institute for Economic Research. – Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2022. – 720 p.

The monograph summarizes the results of many years of research in the field of theoretical and applied problems of the dynamics of the world economy, the patterns of formation and mechanisms of the cyclical nature of the global financial and economic system, and the features of periodic crises at the subglobal and national levels. The genesis of studies of the forms and stages of international economic integration in the Asia-Pacific region, the formation of block and linear structures of trade and economic cooperation is presented. The results of the analysis and scenario forecasting of trade and investment interaction between Russia and the Russian Far East with the economies and integration formats of the Asia-Pacific Region and Northeast Asia, obtained by the author after 2000, are presented.

Keywords: world economy, international economic integration, financial and trade and economic crises, integration formats, foreign investments, export specialization, foreign economic cooperation, Russian Far East, Asia-Pacific region.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Раздел 1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТRENДЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ....	12
1.1. Теоретические модели современных экономических кризисов	13
1.2. Эмпирический анализ кризиса 2007–2009 гг.	146
1.3. Санкционные шоки и кризисы	182
Раздел 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АТР	246
2.1. Общие закономерности интеграции в АТР	247
2.2. Экономическая интеграция в СВА: форматы взаимодействий	277
2.3. Прикладные аспекты экономической интеграции	363
Раздел 3. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ РОССИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В АТР	454
3.1. Россия и ДФО: на пути к интеграции	455
3.2. Интеграционные взаимосвязи Дальнего Востока	530
3.3. Кооперация на фоне кризиса: национальная и региональная проекции	610
Заключение	681
Список литературы	686

CONTENTS

Preface.....	8
Part 1. GLOBAL TRENDS AND PATTERNS.....	12
1.1. Theoretical models of modern economic crises	13
1.2. Empirical analysis of the 2007–2009 crisis	146
1.3. Shocks and crises resulting from sanctions	182
Part 2. ECONOMIC INTEGRATION IN THE ASIA-PACIFIC REGION	246
2.1. General patterns of integration in the Asia-Pacific region	247
2.2. Economic integration in the North-Eastern Asia: forms of interactions	277
2.3. Paractical aspects of economic integration	363
Part 3. TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE RUSSIAN FAR EAST, AND THE ASIA-PACIFIC REGION	454
3.1. Russia and the Far Eastern Federal District: on the way to integration	455
3.2. Integration relations of the Russian Far East	530
3.3. Cooperation against the background of the crisis: national and regional projections	610
Conclusion	681
References	686

Предисловие

Проблемы международной экономической кооперации СССР / России со странами АТР, и в особенности со странами Северо-Восточной Азии, находятся в фокусе исследований дальневосточных экономистов без малого 60 лет, практически с момента формулирования академиком В.С. Немчиновым стратегического тезиса об ориентации восточных районов СССР на рынки стран Тихоокеанского бассейна. Это представлялось, и остается актуальным до сих пор, естественным и самым рациональным способом развития этих районов.

Конечно, время внесло коррективы в эту концепцию. Западная Сибирь с 1970-х гг. значительно продвинулась в интеграции с европейскими районами СССР и европейским энергетическим рынком, благодаря реализации крупномасштабных проектов добычи нефти и природного газа. Но и до настоящего времени для ненефтегазовых отраслей специализации (угольной, лесной) экспорт на рынки стран АТР представляется главным способом поддержания уровня спроса и, соответственно, масштабов производства. Для Восточной Сибири и, особенно, для Дальнего Востока тезис об экспортной специализации экономики, ее кооперации с рынками стран АТР и СВА до настоящего времени является бесспорным императивом.

На Дальнем Востоке исследования условий и возможностей этой кооперации интенсифицировались с созданием лаборатории экспортной специализации, которая с 1971 г. вошла в состав вновь созданного Института экономических исследований. Стратегический тезис В.С. Немчинова конкретизировал Л. Встовский как экспортную специализацию экономики Дальнего Востока в ориентации на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна.

Исследовательская программа интеграционных взаимодействий прошла несколько этапов.

В 1971–1978 гг. исследования концентрировались на изучении конъюнктуры внешних рынков по основным товарным позициям дальневосточного экспорта, прогнозировании отраслевых экспортных товарных потоков, изучении прибрежной и приграничной торговли Дальнего Востока. Основным объектом исследований являлась торговая кооперация с Японией, формы внешнеэкономических взаимодействий, в частности проблемы и перспективы инвестиционного сотрудничества в рамках межгосударственных компенсационных соглашений (по углю, природному газу, лесной промышленности). Рассматривались и вопросы развития экспортного сектора в лесной промышленности в рамках советско-корейского соглашения.

В 1980-х гг. основной исследовательский фокус сместился в направлении изучения экспортного потенциала отраслей специализации (лесной, угольной, рыбодобывающей) Дальнего Востока и особенностей размещения экспортного производства. Однако по-прежнему интенсивно изучались проблемы торгово-инвестиционного сотрудничества с Японией в рамках прибрежной торговли и компенсационных соглашений и общие проблемы двустороннего внешнеэкономического сотрудничества с Японией и США. Большое внимание уделялось оценке влияния экспортного сектора на развитие дальневосточного хозяйственного комплекса. Важнейшей частью исследований в этот период являлось изучение перспективного экспортного потенциала Дальнего Востока в связи с предстоящим освоением ресурсов зоны строящейся Байкало-Амурской магистрали.

В 1990-х гг. исследования были сосредоточены на проблемах торгово-экономического взаимодействия российского Дальнего Востока со странами АТР и в первую очередь со странами Северо-Восточной Азии. Объект исследований значительно расширился, как и его предмет. Кроме Японии исследования были сосредоточены на набирающем экономическую мощь Китае и начинающих взаимодействия с Россией и ее Дальним Востоком Республикой Корея. В этот период начались интенсивные исследования в рамках международной научной кооперации по проблемам международной экономической интеграции, особенно в рамках развивавшей в тот период концепции «Япономорского кольца». Исследовались проблемы и перспективы экономической интеграции стран Северо-Восточной Азии, двусторонние торгово-экономические связи Дальнего Востока с Японией, Китаем, Республикой Корея, США, проблемы реализации интеграционных проектов (Туманган, Энергетическое кольцо,

Транспортная сеть, интеграция финансовых рынков, формирование и функционирование свободных экономических зон в Китае и на российском Дальнем Востоке). Новым направлением исследований стала проблематика иностранных инвестиций в экономике Дальнего Востока.

В 2000-х и 2010-х гг. продолжались начатые в 1990-х гг. исследования, но их горизонт значительно расширился за счет изучения институциональных условий внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока на двусторонней и многосторонней основе. Самостоятельным направлением исследований стало изучение теоретических и прикладных аспектов экономической интеграции в Северо-Восточной Азии, интеграционных институтов и торгово-экономических союзов. Объект исследований расширился за счет стран АСЕАН. Череда финансово-экономических кризисов (1997–1998, 2007–2008, 2015–2016, 2020 гг.), оказавших большое влияние как на экономику стран субрегиона Восточной Азии (включая Дальний Восток России), так и на происходящие в нем интеграционные процессы, стимулировали исследования теоретических и прикладных аспектов формирования и проявления глобальных региональных и национальных экономических кризисов и циклов. Значительно расширились в этот период исследования новейших тенденций формирования региональных международных торгово-экономических группировок (интеграционных блоков, зон свободной торговли) в зоне АТР.

Начало 2020-х гг. ознаменовалось концентрацией исследований на проблемах механизмов формирования и последствий нового класса глобальных, региональных и национальных кризисов – «пандемического кризиса» 2020 г. и развернувшегося в 2022 г. мирового «санкционного» торгово-экономического и финансового кризиса.

Автор представленной вниманию читателя книге в течение 50 лет руководил вышеупомянутыми исследованиями, проводил их лично и с участием ряда соавторов. В книге обобщена часть этих результатов, полученных в течение последних 20 лет. Ограниченный объем не позволили включить в книгу результаты, полученные до 2000 года, но многие из них приведены в изданной в 2017 г. монографии автора.

Книга включает три раздела. В первом разделе приводятся результаты исследований по общим проблемам функционирования мировой экономики, теории и закономерностям формирования и про-

явления мировых торгово-экономических и финансовых циклов и кризисов. Во втором разделе рассматриваются результаты исследований в области экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в субглобальном аспекте и ее проявления в многостороннем и двусторонних форматах. В третьем разделе приводятся результаты исследований по проблемам торгово-экономического сотрудничества России и Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность своим коллегам, на разных этапах сотрудничавших и выступавших соавторами при проведении исследований, результаты которых составили основу данной книги – *Н.Е. Антоновой, А.Б. Бардаль, О.Г. Васильевой, Н.П. Горюновой, А.П. Горюнову, Е.И. Деваевой, О.В. Дёминой, Я.В. Дёминой, А.Н. Демьяненко, Д.А. Изотову, В.Д. Калашиникову, Т.Е. Котовой, В.Е. Кучерявенко, С.Н. Леонову, Н.В. Ломакиной, М.Г. Мазитовой, Н.Н. Михеевой, Н.А. Мостовой, В.Е. Попову, О.М. Прокапало, О.М. Рензину, Н.П. Рыжовой, Д.В. Суслову*, а также сотрудникам Института экономических исследований ДВО РАН, оказавшим огромную помощь в подготовке к публикации данной книги – *С.В. Коротковой, Ю.И. Саблиной, Ю.В. Криводубовой*.

Особая благодарность автора *Л.А. Самохиной* и *В.В. Червонцевой* за вклад в обработку, редактирование и оформление материалов книги.

Раздел 1.

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ
И ЗАКОНОМЕРНОСТИ**

1.1. Теоретические модели современных экономических кризисов

КОНЬЮНКТУРНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ЦИКЛЫ И КРИЗИСЫ¹

Значительная часть исследований в области экономической теории связана с проблемами общего экономического равновесия и циклических нарушений равновесных состояний макроэкономических систем. Уже в XVIII в. в странах с рыночной экономикой вполне отчетливо стала проявляться цикличность воспроизводства капитала и общей экономической конъюнктуры. При этом цикличность нарушения равновесных состояний экономики проявлялась не только в форме периодических промышленных кризисов или кризисов перепроизводства (товаров и капитала), но и в форме специфических финансовых кризисов. Последние были связаны с общей экономической конъюнктурой, но вместе с тем их периодичность подчинялась и своим собственным законам, вызывались они специфическими обстоятельствами, в том числе и коренящимися в экономической политике.

Конъюнктурный цикл (бизнес-цикл)

Теория общего экономического равновесия пытается описать и объяснить условия статического состояния равновесия на всех рынках при различных предположениях. Однако уже при рассмотрении теории общего равновесия оказывается, что равновесное состояние чрезвычайно краткомерно. Ему предшествуют и за ним следуют многообразные изменения основных макроэкономических парамет-

---

¹ Минакир П.А., Горюнова Н.П. Конъюнктурные и финансовые циклы и кризисы // Вестник ДВО РАН. 2003. № 5.

ров (выпуска, занятости, цен, ставки процента, спроса, предложения, количества денег). Эти изменения макроэкономических параметров исследуются в теориях экономического цикла и экономического роста.

История теоретического рассмотрения циклического характера экономического роста восходит еще к XIX в., когда в «Капитале» К. Маркса была дана трактовка периодических кризисов перепроизводства капитала. Как известно, концепция К. Маркса сводилась к тому, что причиной периодических кризисов является периодическое обесценение капитала в результате скачкообразных изменений органического строения капитала (соотношения постоянного и переменного капитала) и, соответственно, понижения средней нормы прибыли. В основе периодичности скачков (шоков) лежит средний период оборота основного капитала. Для К. Маркса экономические кризисы как самостоятельное явление экономической динамики не представляли специального интереса. Он рассматривал кризисы перепроизводства капитала лишь сквозь призму закона тенденции общей нормы прибыли к понижению. Периодические кризисы в его концепции являлись наглядной демонстрацией действия этого закона. В свою очередь механизм действия самого закона и являлся механизмом (моделью) цикла воспроизводства капитала¹.

Фактически Маркс впервые рассматривал так называемую шокую концепцию экономических циклов. При этом для Маркса существовал только один вид шока, который приводит к кризису в экономике, – технологический шок. В дальнейшем этот подход получил развитие в работах теоретиков XX в.

В XX в. идеологами экономических циклов стали американские ученые А. Бернс и У. Митчелл². Согласно их определению, которое стало классическим, экономический цикл – это колебания в экономической активности при рыночной организации хозяйства, которые характеризуются наличием четырех фаз (подъема, спада, оживления и подъема следующего цикла). Эти фазы постоянно сменяют друг друга, но не подчиняются в общем случае какому-либо периодическому закону. Бернс и Митчелл, следовательно, исходили из следующих предпосылок относительно конъюнктурного цикла:

---

¹ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1954. С. 257–270.

² *Burns A., Mitchell W.* Measuring Business Cycles. N.Y.: NBER, 1946.

- циклы характерны для рыночной экономики, причем организованной на принципах частного предпринимательства;
- циклы характеризуются строгой последовательностью фаз;
- смена фаз не подчиняется какому-либо периодическому закону;
- продолжительность цикла не имеет какого-либо единого основания, длительность циклов колеблется от 1 до 12 лет¹.

Если первое и второе предположения соответствовали выводам марксова анализа периодических циклов, то последние две предпосылки находятся в вопиющем противоречии с теорией К. Маркса. Для последнего продолжительность цикла строго определялась средней продолжительностью износа основного капитала (главным образом морального износа), а это, в свою очередь, исключало предположение об отсутствии закономерности в смене фаз цикла.

Первоначальная концепция Бернса и Митчелла сводилась к тому, что экономический цикл, или цикл деловой активности, представляет собой колебания вокруг тренда экономического роста². При этом сам тренд представлялся некоторой динамической константой, определяемой как результат действия факторов, обуславливающих долговременный рост в экономике. Цикл поэтому трактовался как временное (краткосрочное) отклонение от тренда. Тренд определяет потенциальное значение национального дохода (или ВВП), соответствующее полному использованию ресурсов. С этой точки зрения траектория роста определялась траекториями изменения масштабов используемых ресурсов при данной их эффективности. При этом под полным использованием ресурсов понимается не 100%-ное их использование, но использование при естественном уровне безработицы и нормальной величине резервных мощностей (порядка 20%). В фазах цикла фактическая величина национального дохода отклоняется от «потенциального» (*рис. 1, А*).

Подобная позиция являлась естественным следствием предположения о том, что цикл есть результат случайных, а не закономерных шоков. Поэтому реакции выпуска и других макроэкономических переменных на шоки неустойчивы во времени. По сравнению с этой концепцией трактовка К. Маркса выглядела гораздо более современ-

---

¹ Burns A., Mitchell W. Measuring Business Cycles. 1946. P. 3.

² Ibid. P. 7.

ной. Воздействие шоков на экономику рассматривалось как закономерный и периодический результат самого экономического развития. То есть цикл трактовался не как результат экзогенных воздействий, а как следствие эндогенных шоков в экономике. Соответственно предполагалось, что в каждом цикле происходит сдвигка самого тренда (рис. 1, А-2) в результате технического перевооружения материального производства (изменения технических характеристик основного капитала) и изменения ряда фундаментальных макроэкономических параметров, которые по существу ограниченно эластичны (уровень цен, эффективность факторов производства, уровень заработной платы).

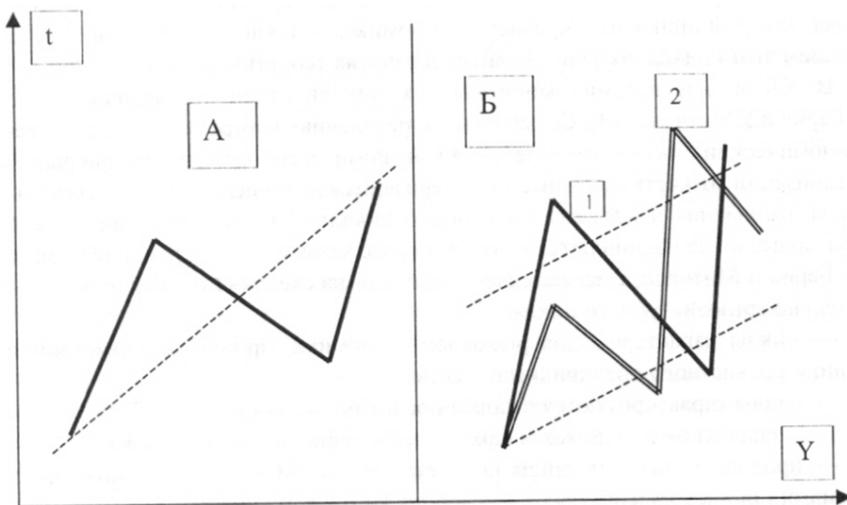

Рис. 1. Тренд и цикл. 1 – неоклассическое представление;
2 – марксово представление

В 1980-е гг. «трендовая» концепция цикла Бернса и Митчелла эволюционировала в сторону концепции Маркса. В ряде исследований было показано, что колебания выпуска связаны не столько с краткосрочными и неустойчивыми отклонениями от тренда, сколько с устойчивым воздействием шоков. При этом уровень выпуска не обязательно сопровождается возвратом к прежнему уровню, а возможен долговременный сдвиг тренда. То есть временной тренд роста

сам подвержен существенным смещениям¹. Этот подход занял все-таки промежуточное положение между концепцией Бернса-Митчелла и концепцией Маркса (рис. 1, Б-1).

Почему наблюдаются колебания вокруг тренда, почему смещается тренд при сохранении неустойчивости в коротких периодах? Выяснению этих вопросов и посвящены все известные теории и модели экономических циклов.

1. Детерминистские теории

Теория перепроизводства капитала К. Маркса. К. Маркс объяснял циклические колебания в экономике (естественно, в условиях совершенной конкуренции, так как его теория относится к середине XIX в.) периодическими изменениями соотношения стоимости труда и капитала. Это соотношение он называл «органическим строением капитала» (это определяет некоторое подобие между марксовской теорией цикла и теорией реального бизнес-цикла, которая имеет основанием технологические шоки. Однако аналогия на этом и кончается, так как для Маркса технологические шоки индуцировались самими фирмами, воздействовали на параметры микроэкономики – норму прибыли, а затем и макроэкономики – совокупный спрос, совокупное предложение, уровень цен, ставку процента, реальные кассовые остатки, занятость. Ключевыми параметрами при этом признавались, норма прибыли и соотношение капитала и труда).

Исходной принималась некая средняя для экономики величина нормы прибыли, равная отношению совокупной массы прибыли функционирующих агентов рынка (π) к совокупному применяемому ими капиталу (K):

$$\rho^* = \pi / K^*. \quad (1)$$

Эта средняя норма прибыли принималась соответствующей некоторой средней норме органического строения капитала (θ):

$$\theta^* = (F / V)^*, \quad (2)$$

---

¹ *Campbell J., Mankiw G. Are Output Fluctuations Transitory? // Quarterly Journal of Economics. 1987. Vol. 102. Issue 4; Nelson C., Plosser C. Trends and Random Walks in Macroeconomic Time Series // Journal of Monetary Economics. 1982. Vol. 10. Issue 2; Prescott E. Theory Ahead of Business Cycle Measurement // Carnegie-Rochester Conference Series on Public. 1986. Vol. 25.*

где F – применяемый постоянный капитал, V – применяемый переменный капитал, θ^* – средняя норма органического строения.

При этом все агенты рынка делятся на три группы: 1) фирмы, для которых $\theta = \theta^*$, 2) фирмы, для которых $\theta < \theta^*$, и 3) фирмы, для которых $\theta > \theta^*$. Будем обозначать органическое строение капитала, превышающее θ^* , через θ^a . Маркс вводил общее правило цикличности инвестиций в основной капитал: прирост инвестиций в основной капитал происходит до тех пор, пока θ^a не станет новой средней нормой органического строения капитала. То есть $F > 0$ при $\theta^* < \theta^a$ и $F = 0$, $F < 0$ при $\theta^* = \theta^a$. Еще одной важной предпосылкой являлось утверждение о том, что программы модернизации основного капитала начинаются примерно в одно время.

Совокупный спрос определяется при предположении отсутствия государственных расходов как

$$Q = AD = C + I, \quad (3)$$

при этом C трактуется как личное потребление и зависит от доходов наемных рабочих, то есть: $C = aW$. В теории Маркса величина заработной платы определяется некоторой «естественной» величиной, которую он называет «стоимость рабочей силы» и которая имеет естественный предел снизу, т. е. сфера зависимости величины заработной платы от спроса и предложения труда ограничена – заработная плата постоянна, пока не пройдена точка равновесия спроса и предложения, а затем повышается в зависимости от превышения спроса над предложением. Будем считать, что $W = \eta L$. Численность занятых (L) определяется при данном значении органического строения капитала в зависимости от его применяемой величины, т. е. $L = \theta K$. Наконец, инвестиционный спрос определяется приростом основного капитала, т. е. $I = I_0 + \Delta I$. Здесь $\Delta I = K - K_0$. Знаем, что $K = \theta^a L$, а $K_0 = \theta^* L$, где K есть ожидаемая величина применяемого в производстве капитала. Поэтому $\Delta I = L (\theta^a - \theta^*)$. Здесь θ^a – органическое строение капитала, к которому стремятся фирмы, осуществляющие инвестиции в техническую модернизацию.

Обобщив приведенные выше теоретические зависимости, получим выражение для совокупного спроса:

$$Q^D = AD = \{a\eta + (\theta^a - \theta^*)\}L + I_0. \quad (4)$$

Выражение в круглых скобках в теории Маркса является дискретным. Оно равно нулю при установлении нового значения общественно усредненного органического строения капитала. В периоды осуществления технической модернизации это выражение имеет фиксированное положительное значение.

Рассмотрим некоторое исходное состояние экономики (рис. 2). При заданных кривых совокупного спроса и предложения равновесная цена равна P_0 , что соответствует положению фирм на рисунке 3, где фирмы распределены на три группы, из которых для средней экономической прибыль равна нулю, для фирм с $\theta < \theta^*$ прибыль отрицательна, а для фирм с $\theta > \theta^*$ прибыль положительна (они получают сверхприбыль).

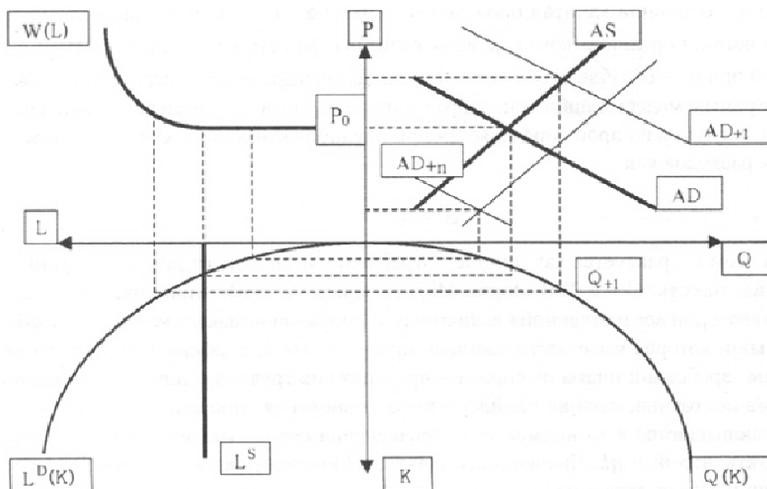

Рис. 2. Совместное равновесие на рынке благ и труда

В следующем периоде часть фирм начинает инвестировать в техническое перевооружение. Это приводит к увеличению совокупного спроса, так как предъявляется дополнительный спрос на элементы физического капитала. Кривая совокупного спроса сдвигается в положение AD_1 . Цены увеличиваются, и фирмы третьей группы начинают получать экономическую прибыль при росте сверхприбыли у фирм с $\theta > \theta^*$ и $\theta = \theta^*$. Фирмы увеличивают загрузку производственных мощностей и увеличивают спрос на рабочую силу. На

рынке труда появляется дефицит, повышается заработная плата, однако это не изменяет поведения фирм, так как повышение номинальной зарплаты нивелируется ростом цен, в итоге реальная зарплата не растет или растет медленнее, чем цены, что не препятствует росту прибыли.

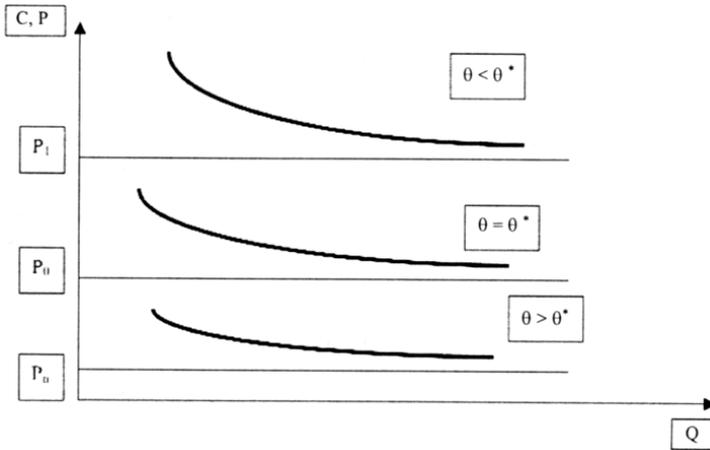

Рис. 3. Затраты и прибыли агентов рынка при разном значении θ

Начинается циклический подъем. Через некоторое количество периодов, в которых повторяется описанная последовательность событий, основная часть фирм, которая инвестировала в техническое перевооружение, завершает свои инвестиционные программы. Это означает резкое сокращение инвестиционного спроса и сдвиг кривой AD вниз. Параметр $(\theta^a - \theta^*)$ принимает нулевое значение. В то же время совокупное предложение, которое определяется как $Q^s = Q^s(K, L)$, резко увеличивается благодаря вводу в действие всего ожидавшегося прироста физического капитала. Это сдвигает кривую AS вниз. Точка равновесия в модели « $AS-AD$ » смещается в положение E_n , цены понижаются и часть фирм, для которых $\theta < \theta^a$, могут продолжать функционировать на рынке, только неся убытки.

В условиях высокой деловой активности, высокого уровня доходов ставка процента была сравнительно низка, что позволяло заимствовать средства в банках для инвестиций и текущих операций. Понижение цен повышает спрос на заимствования для погашения

взятых в предыдущие периоды обязательств и, следовательно, рост ставки процента.

Убыточные фирмы начинают покидать рынок, объем выпуска сокращается в соответствии с сокращением совокупного спроса. Уменьшается количество функционирующего капитала и, соответственно, занятость. Это приводит к снижению заработной платы. Потребление сокращается, сокращаются и начальные инвестиции для нового цикла в связи с невозможностью ссуд. Это приводит к новому сокращению совокупного спроса.

Экономика входит в стадию спада, или кризиса. Переход в фазу оживления связан с понижением ставок про цента из-за сокращения спроса на ссуды, что создает возможность для потенциальных инвестиций. При новом значении органического строения капитала формируется новый состав групп в соответствии с соотношениями значений « θ » и « θ^* », и фирмы начинают инвестировать средства в новое техническое перевооружение. Экономика переходит в фазу подъема, и процесс повторяется.

Теория длинных волн Н. Кондратьева. Концепция экономического цикла К. Маркса была развита советским экономистом Н.Д. Кондратьевым¹. Статья, в которой впервые была изложена концепция длинных волн в экономике, появилась в начале 1930-х гг. XX в. Кондратьев провел обширные экспериментальные исследования в области динамики конъюнктуры на различных отраслевых рынках. В результате этих эмпирических исследований он обнаружил наличие длинных циклов конъюнктуры в то время, как традиционный цикл экономической активности, и циклы Маркса также, являются среднесрочными и краткосрочными.

Согласно концепции Н. Кондратьева, цикличность в экономике также провоцировалась периодическими шоками спроса и предложения, в основе которых лежали технологические шоки. В отличие от Маркса, для которого единственной материальной основой циклических колебаний являлась длительность периода воспроизводства основного капитала, Кондратьев рассматривал долговременные циклические колебания конъюнктуры, в основе которых лежали циклы изменения технологических способов производства. При этом Конд-

---

¹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их об- суждение в Институте экономики // Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.

ратьев анализировал долголетнюю динамику главным образом сырьевых товаров, обращавшихся в XIX – начале XX в. на мировых рынках. Следовательно, как и Маркс, он трактовал экономический цикл как феномен материального производства. Но, в отличие от Маркса, он связывал циклы совокупного спроса не только со спросом на элементы основного, но и оборотного капитала. Кроме того, Н.Кондратьев эволюционировал недопустимо далеко с точки зрения ортодоксальных марксистов, от признания причинно-следственной связи между циклическостью совокупного спроса и циклическостью «перепроизводства капитала».

Согласно «теории длинных волн», периодически происходит кардинальное изменение технологии производства и технической основы производства, что меняет основные параметры производства, поведение рыночных агентов и распространяется, как правило, на все основные компании не только в пределах национальной экономики, но благодаря международной конкуренции вызывает циклические колебания в мировой экономике. То есть постулировалось, что материальной основой периодичности и основной причиной экономического «длинного» цикла является не внутренняя природа капитала, как общественного отношения, а закономерности технологической динамики. Вероятно, именно эта «деидеологизация» экономических циклов и стала причиной забвения концепции Н. Кондратьева в СССР.

2. Концепция случайных импульсов

Этот подход подразумевает, что циклическость развития экономики является следствием воздействия на экономику серии последовательно возникающих независимых импульсов, или шоков, которые распространяются в экономике, а способ их распространения зависит от структуры экономической системы. Основовоположники этого подхода – советский экономист Евгений Слуцкий¹ и норвежский экономист Рагнар Фриш².

Обычно выделяются три вида шоков:

---

¹ *Слуцкий Е.* Накопление случайных причин как источник циклических процессов // Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 3. Вып. 1; *Slutsky E.* The Summation of Random Causes As the Source of Cyclic Processes // *Econometrica*. 1937. Vol. 5. No. 2.

² *Frish R.* Problems of Impulses' Distribution in Economy // *Economic Essays in Honour of Gustav Cassel*. London: Allen and Unwin, 1933.

- *шоки предложения* – технологические сдвиги, природные катаклизмы, открытие новых источников сырья, колебания мировых цен на сырье, изменения уровня номинальной заработной платы;
- *политические шоки* – результат решений политических институтов, воздействующие на спрос – изменение предложения денег, обменного курса, фискальной политики;
- *шоки в спросе частного сектора* (изменение инвестиционных или потребительских расходов).

Различные теории экономического цикла по-разному описывают механизм распространения импульсов, вызванных шоками. Разногласия вызывает и то, являются ли циклы закономерностью развития экономики или они случайны в условиях совершенной конкуренции, гибких цен и рационального поведения экономических агентов. Различные теории дают различные ответы на этот вопрос.

Кейнсианская теория дает ответ, заключающийся в том, что причиной циклов является недостаток конкуренции, обуславливающий жесткость цен и заработной платы¹. Согласно теории Дж. Кейнса, основным источником распространения в экономике импульсов, порождающих циклические колебания выпуска, являются инвестиции. Инвестиции же, утверждал Кейнс, неустойчивы по своей природе, так как мотивируются «животным чутьем» предпринимателя, а не «... вычислениями средневзвешенной прибыли, умноженной на соответствующие вероятности»². Неустойчивость инвестиций, колебания в их величине и объясняют, по утверждению Кейнса, колебания в уровне совокупного спроса. А недостаточная гибкость заработной платы приводит к тому, что колебания совокупного спроса проявляются как колебания выпуска, а не уровня цен.

Простейшей моделью, описывающей конъюнктурные колебания в результате колебаний уровня инвестиций и последующего изменения уровня выпуска, является модель Ллойда Метцлера. В ней предложено описывать зависимость цикла активности от роста инвестиций и состояния производственных запасов. Один только рост

---

¹ *Сакс Дж., Ларрен Ф.* Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело, 1999. С. 570.

² *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. С. 218.

инвестиций провоцирует экономический рост, но не дает цикличности. Поэтому были введены инвестиции в производственные запасы. Фирмы обычно следят за состоянием запасов, которые сокращаются в результате повышения спроса и увеличиваются при его сокращении. В модели Метцлера описывается зависимость выпуска продукции от состояния запасов и инвестиций при предположении об отсутствии государственного регулирования.

Суммарный выпуск Q предназначен для продажи на рынке (Q_r), создания запасов (Q_s), а также для инвестирования на другие цели (не в запасы):

$$Q = Q_r + Q_s + I_0. \quad (5)$$

Предполагается самый простой случай – ожидаемые объемы продаж на рынке в период t равны объемам продаж предыдущего периода. В то же время объем продаж равен объему потребления данной продукции (C). $C = bQ$, где b – доля потребления в доходе, а доход есть Q , так как мы рассматриваем макроэкономическую ситуацию, в которой совокупный доход представляет собой совокупный выпуск. Тогда объем продаж в предыдущем периоде, равный потреблению в ($C_{-1} = bQ_{-1}$), определится как

$$Q_r = bQ_{-1}. \quad (6)$$

Устойчивое функционирование каждой фирмы предполагает, что она должна поддерживать предельный уровень запасов. В периоде $t-1$ изменение запасов равняется фактическому объему продаж в данном периоде (bQ_{-1}) минус объем продаж предыдущего периода (bQ_{-2}). И тогда в периоде t будет выбран такой объем выпуска для пополнения запасов, чтобы он был достаточен для компенсации непредвиденного снижения уровня запасов в предшествующем периоде:

$$Q_s = bQ_{-1} - bQ_{-2}. \quad (7)$$

Подставим (6) и (7) в (5) и получим:

$$Q = 2bQ_{-1} - bQ_{-2} + I_0. \quad (8)$$

Если при заданном начальном значении объема выпуска, объема инвестиций и уровня запасов на конец периода предположить, что во втором периоде произойдет резкое увеличение инвестиций, то модель действительно будет индуцировать циклическое развитие, правда с угасающей амплитудой цикла¹.

Более сложную по структуре, но столь же простую по смыслу конструкцию предложили П. Самуэльсон и Дж. Хикс, которые предложили модель, основанную на механизме акселератора, т. е. описывающую зависимость между приростами выпуска и инвестициями, а не между полным объемом выпуска и инвестициями. Предложенная ими модель мультипликатора-акселератора до сих пор играет важную роль в объяснении бизнес – циклов².

По предположению величина инвестиций определяется не объемом выпуска, а его изменениями:

$$I = h(Y_{+1} - Y), \quad (9)$$

где h – доля выпуска, представляющая собой инвестиции. Здесь h является акселератором, так как: $I = \Delta K / \Delta y(y_{+1} - y)$. Объем выпуска определяется спросом:

$$Q = C + I. \quad (10)$$

Потребление (C) является функцией дохода с лагом в один период:

$$C = aQ_{-1}. \quad (11)$$

Параметр a представляет собой мультипликатор автономных расходов, так как уравнение (10) фактически является основным уравнением равновесия на рынке благ, где потребление содержит коэффициент, входящий в формулу мультипликатора

---

¹ Metzler L. The Nature and Stability of Inventory Cycles // Review Economics Statistics. 1941. Vol. 23. No. 3.

² Hicks J.R. A Contribution to the Theory of the Trade Cycle. Oxford: Oxford University Press, 1956; Samuelson P. Interactions between the Multiplier Analysis and the Principle of Acceleration // Review Economics Statistics. 1939. Vol. 21. No. 2.

$(\Delta y = [1 / (1 - a)]\Delta I)$. А инвестиции есть функция от изменения доходов (см. формулу 9) с лагом тоже в один период и от экзогенных инвестиций I_0 , уровень которых определяется «животным чутьем» предпринимателя. То есть величина инвестиций определяется как:

$$I = h(Q_{-1} - Q_{-2}) + I_0. \quad (12)$$

Объединив уравнения (10), (11) и (12), получим:

$$Q = aQ_{-1} + hQ_{-1} - hQ_{-2} + I_0 = (a + h) Q_{-1} - hQ_{-2} + I_0. \quad (13)$$

Уравнение (13) очень похоже на уравнение (8) – и там и здесь выпуск зависит от его уровня в предыдущие два периода. То есть в этих моделях реакцией на увеличение инвестиций является один и тот же тип циклического поведения.

И модель Метцлера, и модель Самуэльсона – Хикса исходят из гипотезы о важности инвестиционных шоков для объяснения циклической экономической активности. При этом инвестиционные шоки являются экзогенным фактором, стимулирующим колебания совокупного спроса. Сильным допущением этих моделей является наличие одного только рынка благ. При всей важности колебаний инвестиций и провоцируемых ими колебаний совокупного спроса необходимо учитывать наличие и других фундаментальных параметров (в том числе эндогенных), определяющих динамику национальной экономики и циклические колебания этой динамики.

Одним из способов учета не единственности рынка благ в национальной экономике является введение в модели цикла других рынков. В частности, по этому пути пошел Т. Тевес, который модифицировал модель Самуэльсона – Хикса, введя в нее модель денежного рынка, взаимодействующего с рынком благ через ставку процента. В модели Тевеса предложено следующее итоговое уравнение динамического равновесия:

$$Q = (a + h) Q_{-1} - (h + 1) Q_{-2} + I_0. \quad (14)$$

Здесь $I = I_0 (L_y / L_i)$, т. е. произведение начальных инвестиций на отношение спроса на деньги для сделок (L_y) к спросу на деньги как имущество (L_i). Важно то, что введение параметра денежного рынка позволяет моделировать колебания и воздействовать на них с

учетом денежной политики Центрального банка¹. Правда, и в модели Тевеса колебания выпуска связаны с экзогенными колебаниями совокупного спроса.

Экзогенные импульсы обеспечивают колебательные процессы в экономике и с точки зрения монетарной концепции цикла. Особенностью монетарного подхода является то, что экзогенным стимулом здесь признается кредитный шок со стороны банковской системы. Основоположником этого подхода является Р. Хаутри, который в 1920-х гг. предложил теорию, согласно которой увеличение кредита сопровождается снижением ставки процента, ростом инвестиций и совокупного спроса. Увеличение спроса провоцирует рост цен. Увеличение потребления кредита сокращает резервы банков и снижает предложение кредита. Рост цен сокращает чистый экспорт. В результате возникает дефицит на рынке денег и ставка процента повышается. Объем инвестиций снижается. Эта теория была позднее использована при построении модели Д. Лейдлера². Смысл модели в том, что динамическое равновесие на рынке благ и денег поддерживается при коэффициенте загрузки мощностей равном 1. При этом каждому темпу роста денежной массы соответствует темп роста цен. Соответственно, при снижении коэффициента загрузки необходимо повысить количество денег в обращении и, соответственно, – уровень цен. Это и есть исходный пункт по Хаутри – увеличение массы денег ведет к снижению процентной ставки, росту инвестиций, росту выпуска и увеличению загрузки мощностей, что сопровождается ростом цен.

Эндогенное объяснение колебаний экономической конъюнктуры было дано в модели Н. Калдора³. В модели Калдора рассматривается только рынок благ. Цикл трактуется как переход из неустойчивых в устойчивые состояния равновесия на этом рынке. Предметом рассмотрения в этой модели является соотношение функций инвестиций и сбережений в краткосрочном и среднесрочном периодах.

---

¹ Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика. СПб.: СПбГУЭФ, 1999. С. 255–263.

² Laidler D. An Elementary Monetarist Model of Simultaneous Fluctuations in Prices and Output // Inflation in Small Countries / Ed. by H. Frisch. Berlin; Heidelberg: Springer, 1976.

³ Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика. 1999. С. 258–261.

Калдор рассматривал функции инвестиций (I) и сбережений (S) как нелинейные возрастающие функции от дохода:

$$I = I(y, t); S = S(y, t).$$

Форма соответствующих кривых при этом различна (рис. 4).

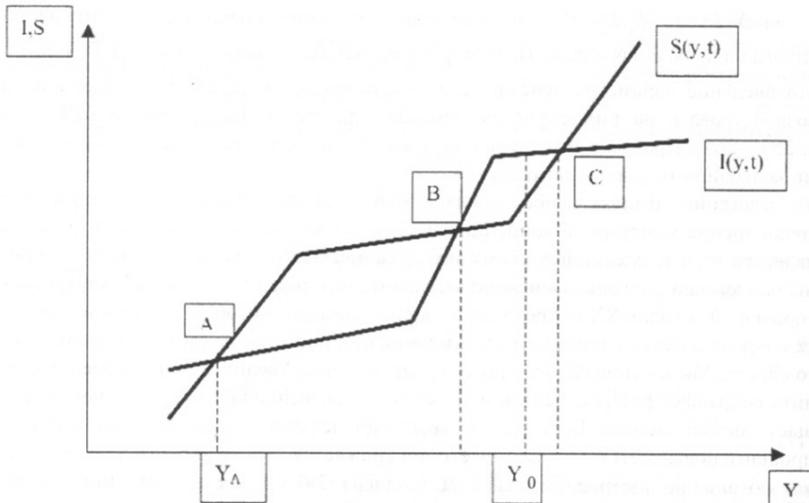

Рис. 4. Функции инвестиций и сбережений, точки равновесия в модели Калдора

Эластичность инвестиций по доходу минимальна в условиях низкой занятости свободные мощности позволяют увеличивать национальный доход без существенных инвестиций в основной капитал) и при высокой занятости (инвестиции сдерживаются высокой ставкой процента и высокой заработной платой). Зато при переходе к более высоким уровням занятости (оживление в экономике) эластичность максимальна в связи с необходимостью и возможностью наращивания реального капитала.

Для функции сбережений, напротив, склонность к сбережениям максимальна именно при низком уровне дохода, когда экономические агенты стремятся за счет сбережений создать условия в будущем для роста благосостояния, а также при уровне дохода, существенно превышающем среднюю величину (экономические агенты

имеют возможность повысить норму сбережения). При среднем уровне дохода норма сбережений сокращается, так как основная часть доходов идет на потребление для поддержания среднего стандарта уровня благосостояния.

В точках пересечения функций инвестиций и сбережений (А, В, С) рынок благ и услуг находится в равновесии. При этом в точке В равновесие неустойчиво, так как на участках АВ и ВС наблюдается постоянное превышение инвестиций над сбережениями, или наоборот. Соответственно, на рынке благ возникает либо дефицит, либо избыток благ и услуг.

Механизм цикла в модели Калдора таков: если экономика находится в точке, которой соответствует национальный доход y_0 (см. рис. 4), то дефицит на рынке благ (инвестиции больше сбережений) стимулирует рост производства, и национальный доход увеличивается до y_C , т. е. устанавливается устойчивое равновесие. Если оно сохраняется достаточно долго, то увеличиваются доходы домашних хозяйств и их сбережения. Тогда график $S(y, t)$ сместится вверх (см. рис. 4). А график $I(y, t)$ сдвинется вниз, так как размер реального капитала станет близок к оптимальной величине. В некоторый момент времени точки В и С совместятся (см. рис. 4), что означает переход устойчивого равновесия в неустойчивое. Следовательно, любые колебания в размере национального дохода теперь будут изменять соотношение сбережений и инвестиций, что приведет к сокращению производства и установлению нового состояния устойчивого равновесия, но на более низком уровне. Это опять сдвинет кривую сбережений и, впоследствии, кривую инвестиций. Экономика будет описывать постоянные колебательные движения между «высоким» и «низким» состояниями устойчивого равновесия.

Кейнсианская концепция экономического цикла господствовала почти полвека (до начала 1970-х гг.). Это казалось естественным, так как предпосылки классической школы теоретически не допускали цикличности в выпуске. Действительно, с точки зрения неоклассической концепции колебания спроса воздействуют на уровень цен, а не на выпуск, так как кривая совокупного спроса вертикальна. Но впоследствии появились теории, которые объясняли возникновение циклических колебаний в экономике в рамках неоклассической традиции, т. е. в предположении о вполне гибких ценах и заработной платы. Были предложены два основных механизма влияния шоков на

выпуск и занятость: теория несовершенной информации и теория реального бизнес-цикла.

Первые пояснения по *теория несовершенной информации* принадлежат М. Фридману. Но развил теорию Р. Лукас, согласно выводам которого агенты каждого отдельного товарного рынка оценивают информацию о повышении цен в результате шока предложения с лагом (опозданием), не имея в момент повышения цен достоверной информации о том, изменились ли относительные цены их продукции (тогда они склонны увеличить предложение) или произошло общее повышение цен и относительные цены их товаров не изменились (тогда они не будут повышать выпуск)¹.

При этом каждый рыночный агент рассуждает рационально и при повышении цены на своем рынке считает, что это повышение частично вызвано повышением общего уровня цен, а частично есть увеличение относительной (относительно других товаров на других рынках) цены его продукции. Следовательно, даже когда экономика испытывает воздействие общеэкономического шока совокупного спроса, то каждый отдельный производитель считает, что относительная цена его товара увеличивается на некоторую величину. Следовательно, экономические агенты увеличивают выпуск. На основании этих предположений Р. Лукас выдвинул известную функцию предложения, названную его именем:

$$Q = Q_n + b(P - P^e). \quad (15)$$

Здесь параметр b характеризует выпуск в натуральном выражении, т. е. прирост общего выпуска, вызванный ожидаемым увеличением цен; Q_n – «естественный» уровень выпуска, соответствующий естественной безработице; P – фактический уровень цен, P^e – ожидаемый уровень цен.

Если фактические цены оказываются выше ожидаемых, то каждый производитель из-за несовершенства информации считает, что относительная цена его товара увеличилась, хотя на самом деле увеличился лишь общеэкономический уровень цен. Помогает в этом увеличении выпуска еще один эффект несовершенства информа-

---

¹ Lucas R. Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 2. Issue 2; Lucas R. Some International Evidence on Output-Inflation Trade-Offs // American Economic Review. 1973.

ции – различие реакции на информацию о повышении цен у фирм и у наемных работников.

Если уровень цен равен ожидаемому (P^e), то равновесная номинальная зарплата составляет W^* (рис. 5), а занятость – N^* . При увеличении уровня цен до P предприниматели начинают реагировать в соответствии с (15), и кривая спроса на труд перемещается в положение N_D' , при этом увеличивается номинальная заработная плата до W' и занятость возрастает до N' .

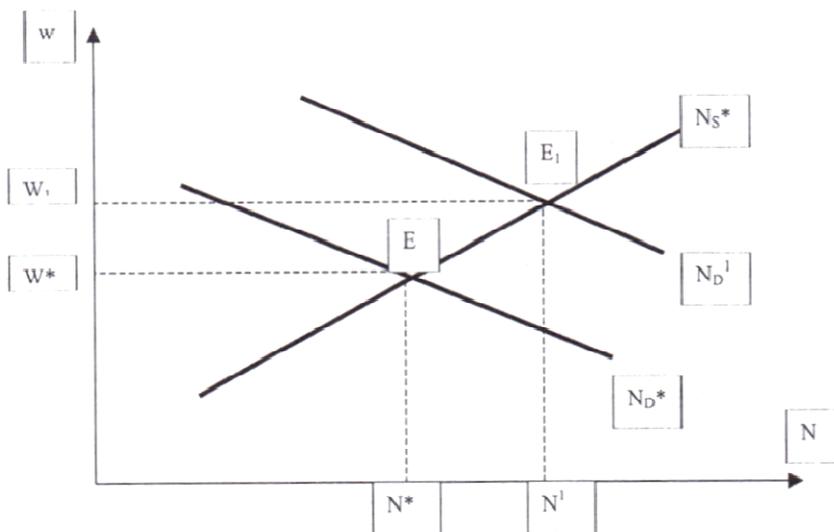

Рис. 5. Результат роста уровня цен

Однако рабочие еще не знают о существовании компоненты всеобщего повышения цен и воспринимают ситуацию роста W как повышение реальной заработной платы. Поэтому кривая предложения труда остается на месте, фирмы нанимают больше рабочих, справедливо полагая, что произошло снижение реальной заработной платы, а рабочие предлагают больше труда, ориентируясь на псевдоповышение реальной зарплаты.

Если все агенты рынка правильно понимают механизмы его функционирования и их ожидания рациональны, то при увеличении предложения денег агенты рынка понимают, что все цены возрастут в одинаковой пропорции и не предпринимают действий, направленных

ных на рост выпуска. Только при неожиданных изменениях предложения денег агенты рынка могут среагировать неадекватно, тогда работает принцип несовершенства информации, потому что фирмы реагируют по-разному на рост предложения денег, проявившийся в росте цен.

В основе *теории реального бизнес-цикла* лежит предположение о том, что основной причиной колебаний уровня деловой активности являются технические сдвиги. Этот подход основан на идеях Йозефа Шумпетера, полагавшего, что для капитализма характерны волны созидательного разрушения, во время которых введение новых технологий выталкивает часть фирм из бизнеса. Следовательно, эта теория основана на признании технологических шоков. Этот подход связан с именами Дж. Лонга, Ч. Пlossера, Э. Прескотта¹.

При изменении технологии (технологический шок) растет производительность труда. Фирмы увеличивают спрос на труд (впрочем, даже если занятость и не увеличивается, выпуск возрастает по причине роста производительности труда). Рост спроса на труд ведет к увеличению заработной платы (при этом цены не растут, а могут и снижаться в связи с тем же ростом производительности труда, т. е. растет именно реальная заработная плата). При положительном наклоне кривой предложения труда рост реальной заработной платы приводит к увеличению занятости. Таким образом, технологический шок вызывает увеличение двух основных параметров – выпуска и занятости.

Главная проблема этого подхода – трудность в объяснении наблюдаемого факта, который заключается в том, что в реальном цикле малые изменения реальной зарплаты сопровождаются большими изменениями выпуска и занятости. В теории предлагаются объяснения этого факта. Например, говорят, что все дело в замещении труда во времени. То есть труд не замещается досугом в пределах одного цикла, а взаимозамещение происходит между смежными периодами: когда реальная зарплата высока, люди работают больше, а когда она становится ниже (спад активности), они работают меньше. Именно поэтому небольшие перепады в зарплате вызывают большие притоки и оттоки труда.

---

¹ Long J., Plosser C. Real Business Cycles // Journal of Political Economy. 1983. Vol. 91. No. 1; Prescott E. Theory Ahead of Business Cycle Measurement // Carnegie-Rochester Conference Series on Public. 1986.

Но реальность такого объяснения сомнительна, так как должно быть соблюдено много условий, чтобы эта теория соответствовала фактам.

Еще одной трудностью является то, что теория реального бизнес-цикла хорошо объясняет рост в результате технологического прогресса. Но чтобы объяснить спад, следует предположить наличие технологического регресса. Представить себе его на практике весьма сложно. В то же время понятие технического регресса имеет ключевое значение в концепции реального бизнес-цикла, так как именно технический регресс объясняет рецессию, тогда как технический прогресс объясняет только подъем в экономике. То есть без технического регресса можно описать цикличность подъемов в экономике, но не классический цикл конъюнктуры (подъем – спад – оживление – подъем). Экономически же объяснить ситуацию с техническим регрессом трудно.

3. Бихевиористическая концепция экономического цикла

В некотором смысле к теории несовершенной информации примыкает модель, объясняющая возникновение периодических циклов в экономике как результат борьбы макро-экономических агентов за перераспределение национального дохода. При этом каждый из макроэкономических агентов рассматривает противную сторону как конкурента, поведение которого необходимо учитывать при выработке собственной стратегии поведения. В предположении, что в экономике взаимодействуют два макроэкономических субъекта – предприниматели и домашние хозяйства, представляемые профсоюзами, М. Крафт и П. Вайзе предложили свою модель, объясняющую механизм цикла изменениями стратегии поведения предпринимателей и домохозяйств.

Предполагается, что стратегия предпринимателей заключается в выборе решения проблемы «малые инвестиции (Γ) – большие инвестиции (Γ^+)». А стратегия профсоюзов заключается в выборе тактики требований «высокая заработная плата (W^+) – низкая заработная плата (W^-)». При этом возникает матрица исходов «игры» между профсоюзами и предпринимателями:

Стратегия предпринимателей	Стратегия профсоюзов	
	W^-	W^+
Γ^+	1	2
Γ	3	4

Выбор стратегии 1 (высокая занятость, большой валовой фонд зарплаты, большие инвестиции) ведет к высокому уровню спроса на рынке благ, что дает высокую прибыль из-за низкой удельной зарплаты. При высоком спросе на труд увеличивается заработная плата, что заставляет профсоюзы перейти к стратегии 2. По мере роста зарплаты снижается прибыль, что усугубляется ростом дивидендов из-за высоких инвестиций. Это приводит к необходимости выбора между стратегиями 3 и 4. В стратегии 3 растет безработица, но растут и прибыли в связи с падением зарплаты и уменьшением дивидендов. Совокупный спрос падает. В стратегии 4 безработица становится очень большой. Прибыль уменьшается. Кризис становится затяжным.

Описанные концепции и модели экономических циклов и кризисов, конечно, не исчерпывают все многообразие теоретических конструкций в этой сфере экономической теории. Но все они, преимущественно, касаются процессов, протекающих в пределах рынка благ и услуг. Хотя отдельные модели включают рассмотрение рынка денег, но последний анализируется лишь как дополнительный фон для основных событий, разворачивающихся в сфере динамики совокупного спроса.

Между тем в современной экономике экономические циклы и кризисы отнюдь не локализируются в рамках товарных рынков. Современные циклы многомерны, взаимопереплетение рынков и экономических субъектов невероятно сложно. Совокупный спрос, инвестиции, денежное предложение уже давно не являются единственными существенными переменными, объясняющими экономические циклы. Поэтому необходимо рассмотреть одну из наиболее динамичных сфер – самостоятельно продуцирующую цикличность и сильно влияющую на общеэкономический цикл.

Финансовые (валютные и банковские) кризисы

Содержание и модели кризисов. Тесная взаимосвязь валютных и банковских кризисов выявлена событиями последнего десятилетия прошлого века. Если в 1970-х гг. XX в. из 25 валютных кризисов только 3 сопровождалось системной де стабилизацией в банковском секторе¹, то в 1990-х гг. уже практически каждый второй валютный кризис совпадал с банковским кризисом (28 из 52).

---

¹ *Kaminsky G., Reinhart C.M.* The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System. International Finance Discussion Paper. No. 544. 1996. P. 6.

Валютные кризисы на развивающихся рынках могут быть разделены на четыре типа:

- внешнеэкономические кризисы (*current account crises*);
- кризисы ликвидности (*balance sheet crises*);
- кризисы, возникшие в результате сдвига в поведении инвесторов (*contagion crises and irrational speculation*);
- кризисы, являющиеся следствием банковских проблем (*bank-run currency crises*).

Этими четырьмя схемами пути формирования валютных кризисов не исчерпываются, поскольку возможны их разнообразные комбинации.

Внеэкономические кризисы обусловлены, как правило, фиксацией номинального курса национальной валюты или ее «грязным плаванием» на уровне, который противоречит другим целям монетарной политики. При расширении денежной массы в данной стране темпами, большими по сравнению с темпами других стран (особенно по сравнению с торговыми партнерами), привлекательность импорта резко возрастает. Экспорт теряет свои позиции, в результате чего спрос на иностранную валюту возрастает быстрее, чем предложение. Возможности поддержания фиксированного курса в такой ситуации ограничены валютными резервами центрального банка (согласно экспертам, их, как правило, хватает на несколько месяцев финансирования импорта и на несколько дней финансирования оттока капитала)¹. Необходимо также отметить, что способность поддерживать фиксированный валютный курс зависит от сбалансированности экономической политики, от совместимости этого направления макроэкономической политики с другими целями.

Кризис платежного баланса может произойти и без бюджетного дефицита: если темпы инфляции в данной стране (в силу различных причин) превышают ее темпы в странах / торговых партнерах. Это повлечет ухудшение платежного баланса (в результате ухудшения «условий торговли»), что рано или поздно приведет к девальвации.

---

¹ Монтез М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. М.: Дело, 1999. С. 96.

Механизм развертывания кризиса данного типа может быть адекватно описан моделями валютных кризисов первого поколения¹.

Кризис ликвидности допускает возможность возникновения валютного кризиса в условиях плавающего валютного курса и внешнеторгового профицита. Эта ситуация определяется как «кризис внешней (государственной и частной) задолженности»². Финансовая паника в этом случае вызвана чрезмерным ростом внешней государственной и частной задолженности, которая превосходит размеры золотовалютных резервов. Страна является платежеспособной в том смысле, что она в состоянии обслуживать платежи по долгу за счет будущих экспортных доходов, но ее ликвидность временно нарушена. Если инвесторы уверены в надежности заемщиков и стабильности валюты, они будут продолжать финансирование и ситуация на валютном рынке не претерпит изменений. Однако увеличивающиеся размеры государственного долга могут вызвать сомнения у инвесторов в способности и желании правительства исполнить свои обязательства. Пессимистичные ожидания могут привести к досрочному выводу капиталов, что повлечет истощение валютных резервов, последующему отказу от выполнения страной своих обязательств по внешнему долгу и / или девальвации валюты.

Для *кризисов, возникших в результате сдвига в поведении инвесторов*, характерен эффект «заражения». Этот эффект является одной из наиболее характерных черт недавней волны кризисов, поразивших развивающиеся страны. Финансовый кризис перекидывается из одной страны на другую, при этом страны могут не иметь тесных взаимных экономических связей. Колебания валютного курса могут возникнуть в ответ на появление у участников финансовых рынков новой информации или стать результатом сдвигов в поведении инвесторов. Валютные кризисы на развивающихся рынках могут быть спровоцированы эффектом «заражения» или перестройкой инвесторами из развитых стран своих портфелей активов (описываются моделями асимметрии информации).

Кризисы, являющиеся следствием банковских проблем, являются разновидностью кризисов ликвидности. В этом случае валют-

---

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. 1954. С. 257–270.

² Монтес М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. 1999. С. 55.

ный кризис оказывается следствием банковского кризиса. Вкладчики и кредиторы банков, почувствовав неуверенность в способности коммерческих банков и Центрального банка страны обеспечить бесперебойное обслуживание вкладов, могут изъять средства из банков. Вызванная этим инфляция является мощным стимулом для перевода средств в иностранную валюту, что провоцирует спекулятивную атаку. Перевод средств из национальных банков в иностранные активы без их одновременной валютизации будет препятствовать возникновению валютного кризиса. Таким образом, рост удельного веса иностранных банков в банковской системе может являться стабилизирующим фактором для финансовой системы страны.

В последнее время валютные кризисы все чаще сопровождаются банковскими. Это связано с возросшей ролью банков в экономике и особенностями формирования финансовых потоков в банковской системе. Банки являются финансовыми посредниками, значительная часть обязательств которых формируется за счет краткосрочных депозитов и средств до востребования, а активов – за счет средне- и долгосрочных кредитов корпоративным и частным заемщикам. Если обязательства банков превосходят по срочности доступные активы, реальностью становится несостоятельность банков.

Особое внимание в современной теории банковских кризисов уделяется разграничению ситуаций нарушения стабильности в банковской сфере и полномасштабного кризиса системы.

ДВОЙНЫЕ КРИЗИСЫ: ТЕОРИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ¹

Валютные и банковские кризисы: дефиниции

События последнего десятилетия XX в. выявили тесную взаимосвязь валютных и банковских кризисов. Если в 1970-х гг. из 25 валютных кризисов только три сопровождались системной дестабилизацией в банковском секторе², то к концу столетия характер кризисных событий изменился. В значительной степени слабую взаимосвязь валютных и банковских кризисов в 1970-х гг. можно объяснить ограниченным характером валютных операций банков и слабым влиянием валютных кризисов на состояние реальной экономики. В 1990-х гг. уже практически каждый второй валютный кризис совпадал с банковским (28 из 52). Тесная взаимосвязь банковских и валютных кризисов в развивающихся странах и регионах с переходной экономикой в последние годы позволяет рассматривать их вместе, как единый феномен, объединяя их также и единым термином – «двойные кризисы».

Рассмотрим основные дефиниции банковских и валютных кризисов. Одно из определений валютного кризиса принадлежит Дж. Френкелю и А. Роуз³. Они определили пороговое значение валютного кризиса как 25% номинального обесценения национальной валюты, сопровождающегося увеличением темпа обесценения валюты по сравнению со средним уровнем за последние пять лет на 10 процентных пунктов⁴.

---

¹ Горюнова Н.П., Минакир П.А. Двойные кризисы: теория и эмпирические подходы к анализу // Горюнова Н.П., Минакир П.А. Финансовые кризисы на развивающихся рынках / отв. ред. С.Н. Леонов; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006.

² Kaminsky G., Reinhart C.M. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. 1996. P. 6.

³ Frankel J., Rose A. Currency Crises in Emerging Markets: An Empirical Treatment // Journal of International Finance. 1996. Vol. 41. No. 3–4. P. 4.

⁴ Последнее условие вводится, чтобы не рассматривать случаи высокой инфляции, когда валюта обесценивается по отношению к иностранным в номинальном, но не в реальном выражении.

Альтернативный подход к определению эпизодов валютных кризисов использовали Б. Эйхенгрин, А. Роуз и К. Виплош¹, Г. Камински и К. Рейнхарт², а также Дж. Сакс, А. Торнелл и А. Веласко³. Их версия базируется на том, что спекулятивная атака на национальную валюту может быть встречена денежными властями ростом учетной процентной ставки и / или продажей золотовалютных резервов. Девальвация национальной валюты (в виде перехода к плавающему валютному курсу или фиксации валютного курса на более низком значении) используется денежными властями как крайняя мера.

Согласно М. Фельдштейну⁴, валютные кризисы на развивающихся рынках могут быть разделены на четыре типа:

- внешнеэкономические кризисы;
- кризисы ликвидности;
- кризисы, возникшие в результате сдвига в поведении инвесторов (эффект «заражения»);
- кризисы, являющиеся следствием банковских проблем.

Этими четырьмя схемами пути формирования валютных кризисов не исчерпываются, поскольку возможны их разнообразные комбинации.

Кризис первого типа обусловлен, как правило, фиксацией номинального курса национальной валюты или ее «грязным плаванием» на уровне, который противоречит другим целям монетарной политики. При расширении денежной массы в данной стране темпами, большими по сравнению с другими странами (особенно торговыми партнерами), привлекательность импорта резко возрастает. Экспорт теряет свои позиции, в результате чего спрос на иностранную валюту возрастает быстрее, чем предложение. Возможности поддержания фиксированного курса в такой ситуации ограничены

---

¹ *Eichengreen B., Rose A., Wyplosz C. Exchange Rate Mayhem: Antecedents and Aftermath of Speculative Attacks // Economic Policy. 1995. Vol. 10. No. 21.*

² *Kaminsky G., Reinhart C.M. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. 1996.*

³ *Sachs J., Tornell A., Velasco A. Financial Crises in Emerging Markets: The Lesson from 1995 // Brookings Papers on Economic Activity. 1996. No. 1.*

⁴ *Feldstein M. Economic and Financial Crises in Emerging Market Economies: Overview of Prevention and Management / IMF. Working Papers. No. 8837. 2002.*

валютными резервами Центрального банка (согласно экспертам, их, как правило, хватает на несколько месяцев финансирования импорта и на несколько дней финансирования оттока капитала)¹. Необходимо также отметить, что способность поддерживать фиксированный валютный курс зависит от сбалансированности экономической политики, от совместимости этого направления макроэкономической политики с другими целями.

Как правило, отмечается, что кризис платежного баланса может произойти и без бюджетного дефицита: если темпы инфляции в данной стране (в силу различных причин) превышают ее темпы в странах-торговых партнерах. Это повлечет ухудшение платежного баланса (в результате ухудшения «условий торговли»), что рано или поздно приведет к девальвации. Механизм развертывания кризиса данного типа может быть адекватно описан моделями валютных кризисов первого поколения².

Кризисы второго типа (кризисы ликвидности) допускают возможность возникновения валютного кризиса в условиях плавающего валютного курса и внешнеторгового профицита. М.Ф. Монтес и В.В. Попов³ определяют такую ситуацию как «кризис внешней (государственной и / или частной) задолженности». Финансовая паника в этом случае вызвана чрезмерным ростом внешней государственной и / или частной задолженности, которая превосходит размеры золотовалютных резервов. Страна является платежеспособной в том смысле, что она в состоянии обслуживать платежи по долгу за счет будущих экспортных доходов, но ее ликвидность временно нарушена. Если инвесторы уверены в надежности заемщиков и стабильности валюты, они будут продолжать финансирование, и ситуация на валютном рынке не претерпит изменений. Однако увеличивающиеся размеры государственного долга могут вызвать сомнения у инвесторов в способности и желании правительства исполнить свои обязательства. Пессимистичные ожидания могут привести к досрочному выводу капиталов, что повлечет истощение валютных резервов, по-

---

¹ Монтес М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. 1999. С. 96.

² Krugman P. A Model of Balance-of-Payments Crises // Journal of Money, Credit and Banking. 1979. Vol. 11. No. 3.

³ Монтес М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. 1999. С. 55.

следующий отказ от выполнения страной своих обязательств по внешнему долгу и / или девальвацию валюты. Механизм формирования кризиса в данном случае описывается моделями ликвидности¹.

Эффект «заражения», характерный для кризисов третьего типа, является одной из наиболее характерных черт недавней волны кризисов, поразивших развивающиеся страны. Финансовый кризис перекидывается из одной страны на другую, при этом страны могут не иметь тесных взаимных экономических связей. Колебания валютного курса могут возникнуть в ответ на появление у участников финансовых рынков новой информации или стать результатом сдвигов в поведении инвесторов. Валютные кризисы на развивающихся рынках могут быть спровоцированы эффектом «заражения» или перестройкой инвесторами из развитых стран своих портфелей активов (описываются моделями асимметрии информации).

Четвертый механизм формирования кризиса является разновидностью модели ликвидности. Согласно нему, валютный кризис оказывается следствием банковского кризиса. Вкладчики и кредиторы банков, почувствовав неуверенность в способности коммерческих банков и Центрального банка страны обеспечить бесперебойное обслуживание вкладов, могут изъять средства из банков. Вызванная этим инфляция является мощным стимулом для перевода средств в иностранную валюту, что провоцирует спекулятивную атаку.

Следует отметить, что перевод средств из национальных банков в иностранные активы без их одновременной валютизации будет препятствовать возникновению валютного кризиса. Таким образом, рост удельного веса иностранных банков в банковской системе может являться стабилизирующим фактором для финансовой системы страны.

В последнее время валютные кризисы все чаще сопровождаются банковскими. Банки являются финансовыми посредниками, значительная часть обязательств которых формируется за счет краткосрочных депозитов и средств до востребования, а активов – за счет средне- и долгосрочных кредитов корпоративным и частным заем-

---

¹ *Diamond D., Dybvig P. Bank Runs, Deposit Insurance and Liquidity // Journal of Political Economy. 1983. No. 91; Sachs J. Theoretical Issues in International Borrowing / NBER. Working Papers. No. 1189. 1983; Dooley M. A Model of Crises in Emerging Markets / NBER. Working Papers. No. 6300. 1997; Rodrik D., Velasco A. Short-Term Capital Flows / NBER. Working Papers. No. 7364. 1999.*

щикам. Подобный характер формирования финансовых потоков ведет к несостоятельности банка в случае, когда его обязательства превосходят по срочности доступные активы.

Понятие банковского, как и валютного, кризиса определяется неоднозначно, в зависимости от направления исследований, характера анализируемых факторов кризиса и т. п. Следует отметить, что особое внимание в современной теории банковских кризисов уделяют разграничению ситуаций нарушения стабильности в банковской сфере и полномасштабного кризиса системы.

Согласно классификации Г. Каприо и Д. Клинжебьел¹, можно выделить три основных типа кризисных ситуаций в банковском секторе:

- несостоятельность одного или нескольких банков, проблемы такого рода, очевидно, не имеют признаков системного кризиса;
- скрытое нарушение функционирования банковской системы;
- полномасштабный (системный) банковский кризис.

Открытая форма системного кризиса легко узнаваема. В этом случае, срабатывает классическая схема «набега вкладчиков», изымающих свои средства из банков. Массовый характер подобных явлений приводит к тому, что банки либо приостанавливают выдачу наличных средств со счетов клиентов, либо прибегают к иным способам выхода из кризисной ситуации (например, к помощи Центрального банка). Подобные проблемы, как правило, возникают и заканчиваются достаточно быстро.

Самая тяжелая ситуация для экономики страны складывается, когда очень высока доля тех банков, которые испытывают серьезные финансовые проблемы, но при этом продолжают функционировать. Эта ситуация достаточно типична не только для развивающихся стран и стран с переходной экономикой, но и для развитых стран (Япония в 1990-е гг.).

Скрытые нарушения функционирования банковской системы могут существовать на протяжении достаточно длительного времени, в условиях слабой системы банковского регулирования и надзора. В результате подобная ситуация может вылиться в полномас-

---

¹ *Caprio G., Klingbiel D. Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy or Bad Banking? // World Bank. Conference on Emerging Markets. Washington, 1996. P. 5.*

штабный экономический кризис, когда вкладчики отказываются нести средства в банки, а кредитные организации приостанавливают кредитование реального сектора.

Следует, однако, отметить, что разграничение кризисов является весьма условным.

А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа предложили альтернативный способ определения банковского кризиса¹. Ситуацию финансовой неустойчивости банковского сектора можно охарактеризовать как полномасштабный системный банковский кризис, если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

- доля безнадежных ссуд в общей сумме активов банковского сектора превышает 10%;
- затраты на проведение мер по оздоровлению ситуации в отрасли составили более 2% ВВП;
- результатом проблем в банковском секторе стала национализация значительной доли банков;
- имели место массовые изъятия вкладов из банков («набеги» вкладчиков), использовались меры чрезвычайного характера (замораживание депозитов, объявление длительных «банковских каникул») или вводились в действие механизмы государственного гарантирования депозитов.

Такой подход позволил авторам выделить 31 банковский кризис из 546 наблюдений (23 из них произошли в развивающихся странах, а 8 – в развитых)².

Теоретические модели кризисов

Первые работы, посвященные теоретическому описанию валютных и банковских кризисов, а также их взаимосвязи, появились на рубеже 1970–1980-х гг. как отклик на ставшие регулярными кризисные потрясения в валютной и банковской сферах. Теоретические модели обычно рассматривают влияние отдельных факторов на ситуацию на финансовых рынках. Их общий недостаток – отсутствие универсального подхода. Кризис рассматривается как явление, вызванное ограниченным числом факторов. Вследствие этого, как пока-

---

¹ Demirguc-Kunt A., Detragiache E. The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998. P. 90–91.

² Ibid. P. 91.

зывают эмпирические исследования, модели хорошо описывают только ограниченное число кризисных событий. Однако при этом модельный подход имеет важное преимущество – модели позволяют описать ключевые параметры и наиболее существенные взаимодействия, что дает возможность не только понять природу кризисов, но и претендовать на их предсказание и конструирование политики противодействия.

Первоначально были разработаны теоретические модели валютных кризисов, которые были достаточно адекватны условиям 1970–1980-х гг. Эти модели получили название моделей первого поколения.

Модели первого поколения¹ описывают валютный кризис как результат длительной денежно-кредитной и / или бюджетной экспансии, которая приводит в конечном счете к существенному отклонению реального курса национальной валюты от установленного властями паритета.

Канонической моделью первого поколения является модель П. Кругмана². В этой модели экзогенно задается расширение внутреннего кредита (например, государственной задолженности) и исходные золотовалютные резервы. Малая страна фиксирует свою валюту относительно мировой валюты. Основной вывод данной модели сводится к тому, что когда обменный курс, уровень процентных ставок и цен на мировом рынке фиксированы, а внутренний кредит растет с постоянной скоростью, то золотовалютные резервы будут с той же скоростью сокращаться. В результате истощения золотовалютных резервов государство будет вынуждено рано или поздно отказаться от поддержки фиксированного обменного курса валюты, что в итоге приведет или к переходу к системе плавающего валютного курса (свободного флота), или к фиксации валютного курса на новом, более низком уровне.

$$d + IR - p^* - S = -\alpha(i^*), \quad (1)$$

---

¹ Flood R., Garber P. Collapsing Exchange Rate Regimes: Some Linear Examples // Journal of International Economics. 1984. Vol. 17. No. 1–2; Krugman P. A Model of Balance-of-Payments Crises // Journal of Money, Credit and Banking. 1979.

² Krugman P. A Model of Balance-of-Payments Crises // Journal of Money, Credit and Banking. 1979.

где (i^*) , p^* и S – логарифмы соответственно процентной ставки на международном рынке капитала, уровня цен на международном рынке и обменного курса, выраженного в количестве единиц национальной валюты за единицу иностранной, d – размер внутреннего кредита Центрального банка правительству, предоставляемый в форме покупки обязательств правительства на открытом рынке, IR – золотовалютные резервы.

Модель также позволяет определить время атаки на национальную валюту. Для этого вводится понятие «теневого» обменный курс ($\tilde{S}_t$) (*shadow exchange rate*), т. е. ожидаемый инвесторами курс, который может сбалансировать денежный рынок после того, как золотовалютные резервы истощены:

$$d_t - p^* - \tilde{S}_t = -\alpha(i^* + \mu), \quad (2)$$

где μ – скорость роста внутреннего кредита, которая принимается в модели постоянной. Отсюда следует, что теневой обменный курс равен:

$$\tilde{S}_t = d_t + \alpha\mu. \quad (3)$$

Условием успешности атаки на национальную валюту в моделях первого поколения является превышение ожидаемого инвесторами обменного курса над фиксированным паритетом: $\tilde{S}_t > \bar{S}$. Таким образом, государство может поддерживать валютный курс неизменным до тех пор, пока объем внутреннего долга не превысит критическое значение ($\tilde{d}$).

Также из модели следует, что чем выше будет скорость роста внутреннего долга (μ), тем скорее обрушится фиксированный обменный курс и тем больше будет прибыль участников валютного рынка от проведения атаки на национальную валюту. Девальвация, в соответствии с моделью П. Кругмана, может быть предотвращена, если будут существенно снижены темпы роста внутреннего кредита либо государство получит финансовую помощь извне¹.

Однако в модели П. Кругмана невозможно оценить влияние процентной политики государства на вероятность возникновения

---

¹ Шпрингель В.К. Механизмы формирования валютных кризисов на развивающихся рынках. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.

кризиса. Предположение об обязательности условия непокрытого процентного паритета исключает возможность использования защитной процентной политики для предотвращения кризиса.

Развитием модели П. Кругмана является модель Р. Флуда и О. Жана¹. Она отличается от канонической модели предположением о том, что долговые обязательства, эмитируемые развитыми и развивающимися странами, не являются совершенными субститутами. Это означает, что условие непокрытого процентного паритета не действует. При этом появляется возможность оценить эффективность процентной политики государства. Оказалось, что защитная процентная политика не является эффективным инструментом предотвращения кризиса². Повышая процентную ставку, государство увеличивает стоимость обслуживания внутреннего долга и подавляет реальное производство. В том случае, когда внутренний долг велик по отношению к ВВП, рост процентной ставки может заставить инвесторов снизить оценки надежности государства как заемщика и тем самым спровоцировать отток капитала с финансового рынка страны.

Сравнение результатов тестирования моделей первого поколения с данными многочисленных эмпирических исследований показало, что эти модели достаточно адекватно описывают механизмы формирования валютных кризисов на развивающихся рынках в 1970-е гг. и начале 1980-х гг. Так, например, Х. Бланко и П. Гарбер³ с помощью модифицированной модели П. Кругмана показали, что в Мексике в 1973–1983 гг. вероятность превышения «теневым» обменным курсом фиксированного денежными властями обменного курса национальной валюты равнялась 2–5% в относительно спокойные периоды и 20–30% в предкризисные. Аналогичные результаты были получены Р. Гамби и С. Вийнбергенем также для Аргентины⁴. В то

---

¹ Flood R., Jeanne O. An Interest Rate Defense of a Fixed Exchange Rate / IMF. Working Papers. 2000.

² В модели Флуда и Жана природа фактора риска, введенного в модель Кругмана, не рассматривается.

³ Blanco H., Garber P.M. Recurrent Devaluation and Speculative Attacks on the Mexican Peso // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. No. 1.

⁴ Cumby R.E., van Wijnbergen S. Financial Policy and Speculative Runs with a Crawling Peg: Argentina, 1979–1981 // Journal of International Economics. 1989. No. 27.

же время в более поздние периоды (девальвация национальных валют стран Северной Европы в 1991–1992 гг. и мексиканского песо в 1994–1995 гг. (*tequila crisis*)) проводимые тесты не показали значимых отклонений «теневого» обменного курса от установленного государством¹.

В целом модели первого поколения показывают, что причиной валютного кризиса может стать продолжительная денежно-кредитная и / или бюджетная экспансия, приводящая к существенному отклонению реального курса национальной валюты от установленного властями паритета. Модели первого поколения, адекватно описывая кризисы 1970–1980-х гг., не срабатывали для описания событий 1990-х гг. Разделенные сравнительно небольшим отрезком времени, кризисы 1970–1980-х и 1990-х гг. тем не менее существенно различались с точки зрения природы и механизмов. Это обусловило необходимость разработки новых теоретических моделей для описания кризисов нового типа.

Гораздо более адекватны реальным особенностям и условиям двойных кризисов 1990-х гг. модели второго поколения, которые можно разделить на три основные группы²:

- модели самосбывающихся ожиданий³;
- модели ликвидности⁴;
- модели асимметрии информации⁵.

---

¹ *Otker I., Pazarbasioglu C.* Exchange Market Pressures and Speculative Capital Flows in Selected European Countries / IMF. Working Papers. No. 21. 1994; *Otker I., Pazarbasioglu C.* Speculative Attacks and Currency Crises: The Mexican Experience // *Open Economies Review*. 1996. No. 7.

² *Masson P.* Multiple Equilibria, Contagion, and the Emerging Market Crises / IMF. Working Papers. No. 164. 1999.

³ *Masson P.* Multiple Equilibria, Contagion, and the Emerging Market Crises / IMF. Working Papers. 1999; *Obstfeld M.* The Logic of Currency Crises / NBER. Working Paper. No. 4640. 1994.

⁴ *Diamond D., Dybvig P.* Bank Runs, Deposit Insurance and Liquidity // *Journal of Political Economy*. 1983; *Sachs J.* Theoretical Issues in International Borrowing / NBER. Working Papers. 1983; *Dooley M.* A Model of Crises in Emerging Markets / NBER. Working Papers. 1997; *Rodrik D., Velasco A.* Short-Term Capital Flows / NBER. Working Papers. 1999.

⁵ *Banerjee A.* A Simple Model of Herd Behavior // *Quarterly Journal of Economics*. 1992. No. 107; *Bikchandani S., Sharma S.* Herd Behavior in Financial Markets: A review / IMF. Working Papers. No. 48. 2000.

Представленные в работах П. Массона и М. Обстфельда модели самосбывающихся ожиданий¹ основаны на предположении о том, что рост ожиданий девальвации или дефолта могут сделать данные события более вероятными, деформируя соответствующим образом поведение экономических агентов (как резидентов, так и нерезидентов). Механизмы взаимосвязи ожидания девальвации валюты и фактической девальвации различны. В частности, рост внутренних процентных ставок может спровоцировать атаки на национальную валюту, так как вызывает рост опасений инвесторов, что увеличение цены привлечения средств на нужды обслуживания уменьшит возможности государства по обслуживанию своих обязательств.

В данных моделях несоответствие денежной политики условиям фиксированного обменного курса не является обязательной предпосылкой. Инвесторы опасаются, что государство может отказаться от поддержания фиксированного валютного курса, если возникнет опасность не достигнуть других важных целей экономической политики (снижения безработицы, внутреннего долга, обеспечения стабильности банковской системы и т. д.) вне зависимости от степени покрытия обязательств резервами. В результате девальвационные ожидания закладываются в поведение экономических агентов. Например, рост девальвационных ожиданий может привести к росту инфляционных ожиданий и требований повышения заработной платы. Государство в таких условиях, чтобы предотвратить рост безработицы и падение производства, может предпочесть девальвировать национальную валюту.

Формирование кризиса описывается моделями самосбывающихся ожиданий следующим образом.

Предполагается, что государство проводит валютную политику исходя из задачи минимизации функции социальных потерь следующего вида:

$$\min L = \left\{ \frac{\Theta}{2} \varepsilon t^2 + \frac{(\varepsilon_t - E_{t-1}(\varepsilon_t) - u_t - k_t)^2}{2} \right\}, \quad (4)$$

---

¹ *Masson P. Multiple Equilibria, Contagion, and the Emerging Market Crises / IMF. Working Papers. 1999; Obstfeld M. The Logic of Currency Crises / NBER. Working Paper. 1994.*

где L – функция социальных потерь, ε – темп девальвации валюты, E – оператор математического ожидания, u – экзогенный шок с нулевым математическим ожиданием и дисперсией, равной σ_t^2 , k – мера отклонения фактического значения безработицы от целевого и Θ – относительный вклад ценовых изменений в функцию социальных потерь.

Государство может проводить два типа валютной политики: следовать заранее установленному правилу (*rule*) или адаптироваться к внешним шокам (*discretion*).

В случае, когда государство следует «правилу», ожидаемый инвесторами темп девальвации валюты равен фактическому (если курс фиксирован, то обе величины равны нулю). При этом ожидаемая величина социальных потерь (EL^R) будет составлять:

$$EL^R = (\sigma_t^2 + k_t^2) / 2. \quad (5)$$

Если государство проводит адаптивную политику, то экономические агенты инкорпорируют это в свои ожидания ($E_{t-1}(\varepsilon_t) = -k_t$). В таких условиях государство, минимизирующее функцию социальных потерь вида (5), будет поддерживать фиксированный валютный курс только в случае отсутствия внешнего шока. Ожидаемая величина функции социальных потерь (EL^D) при этом будет равна:

$$EL^D = \sigma_t^2 / 4 + k_t^2. \quad (6)$$

Следствием соотношений (5) и (6) является то, что при отсутствии внешнего шока ($u_t = 0$) наилучшей государственной политикой является поддержание стабильного валютного курса. Если же внешний шок значителен по масштабам ($\sigma_t > k_t$), то наиболее целесообразно следовать «правилу».

При незначительных масштабах внешнего шока ($\sigma_t < k_t$) наилучшим выбором является реализация адаптивной государственной политики. И этот выбор объективно обусловлен характером поведения экономических агентов. Последние, получив информацию о внешнем шоке соответствующего размера ($\sigma_t < k_t$), будут ожидать от государства перехода как раз к адаптивной политике. В соответствии с этим экономические агенты будут строить свою стратегию на рынке труда исходя из предстоящего отказа государства от поддержания курса национальной валюты, т. е. начнут увеличивать спрос на рабо-

чую силу в предвкушении роста конкурентоспособности на соответствующих отраслевых рынках. Государство, стремясь к минимизации социальных потерь, должно будет поддержать эту стратегию поведения экономических агентов и действительно отказаться от поддержки обменного курса национальной валюты. Таким образом, внешний шок, воздействуя на поведение государства и частного сектора, может выступить причиной девальвации валюты.

Как показали эмпирические исследования, модели самосбывающихся ожиданий, в частности, хорошо описывают кризисы европейской валютной системы в начале 1990-х гг.¹

Модели самосбывающихся ожиданий в целом хорошо описывают валютные кризисы, но для объяснения взаимосвязанных валютных и банковских (двойных) кризисов наилучшим образом подходят модели ликвидности. Именно модели ликвидности могут использоваться для объяснения как валютных, так и банковских кризисов. Модели ликвидности показывают, что дисбаланс между активами и пассивами государства и реального сектора или банков по срочности может стать причиной финансовой паники.

Впервые анализ такой взаимосвязи был произведен в рамках модели Д. Даймонда и П. Дибвига (1983 г.), которая описывала ситуацию банковских банкротств². Модель отражает классическую ситуацию развертывания кризиса в результате недостаточного покрытия стоимости обязательств банка (сформированных вкладами до востребования) стоимостью активов банка. Ухудшение качества активов банка в условиях отсутствия страхования вкладов может спровоцировать так называемые «набеги» вкладчиков, которые будут стремиться изъять свои средства из банка прежде, чем будет объявлено о его банкротстве. Согласно модели Даймонда – Дибвига про-

---

¹ *Dornbusch R., Fischer S.* The World Debt Problem. Capital Flows and World Debt // *Economic Policy: Theory and Practice*. Washington, D.C.: IMF Press, 1987; *Edwards S.* The Great Exchange Rate Debate after Financial Stability / NBER. Working Papers. No. 9257. 2002; *Otker I., Pazarbasioglu C.* Exchange Market Pressures and Speculative Capital Flows in Selected European Countries / IMF. Working Papers. 1994; *Otker I., Pazarbasioglu C.* Speculative Attacks and Currency Crises: The Mexican Experience // *Open Economies Review*. 1995.

² *Diamond D., Dybvig P.* Bank Runs, Deposit Insurance and Liquidity // *Journal of Political Economy*. 1983.

цесс изъятия вкладов может стать самореализующимся. «Набеги» вкладчиков будут происходить даже при отсутствии фактических данных об ухудшении финансового состояния банка. Это обусловлено тем, что вкладчики формируют свое поведение на основе действий других вкладчиков, т. е. изъятие средств одними вкладчиками будет провоцировать нарастающий поток числа изымаемых вкладов. Вероятность возникновения подобных самосбывающихся процессов повышает уязвимость банковского сектора. В случае, когда информация об изъятии вкладов из отдельных банков охватывает все большее количество людей, возникает угроза банковской паники.

Д. Даймонд и П. Дибвиг показали, что система страхования вкладов при заданных в модели условиях делает более выгодным отказ от изъятия вклада в пользу пролонгации финансовых вложений.

В дальнейшем принципы, разработанные для банковских кризисов, были распространены на валютные кризисы. В частности, в модели, предложенной М. Дули¹, при увеличении объема прямых и косвенных обязательств государства сверх ликвидных активов государства начинается атака на национальную валюту. При этом формирование кризиса не зависит от того, в какой валюте (национальной или иностранной) номинирован долг, так как продажа накопленных иностранными инвесторами обязательств в местной валюте может служить катализатором валютного кризиса. Поскольку нерезиденты вкладывают средства в наиболее ликвидные финансовые активы, вывод средств с рынка характеризуется небольшими транзакционными издержками. В итоге рост оценок вероятности девальвации валюты вследствие ухудшения состояния экономики страны и / или внешних факторов приводит к переоценке доходности вложения средств. Последнее провоцирует мгновенную продажу активов в национальной валюте и перевод средств в иностранную валюту.

Модели ликвидности успешно объясняют, почему страны, имеющие примерно равные совокупную задолженность и объем процентных платежей по долгу, подвержены риску возникновения валютного кризиса в разной степени. Ключевыми факторами риска в соответствии с предположениями моделей ликвидности оказываются степень покрытия долговых платежей доходами и резервами государства, а также состояние банковской системы.

---

¹ *Dooley M. A Model of Crises in Emerging Markets / NBER. Working Papers. 1997.*

Именно поэтому данные модели широко использовались для описания мексиканского кризиса 1994–1995 гг.¹ и азиатского кризиса 1997 г.²

Наиболее простую и распространенную модель ликвидности в применении к валютному рынку предложили Д. Родрик и А. Веласко³. В соответствии с предположениями этой модели, роль ликвидности в формировании кризиса можно представить следующим образом.

Малая открытая экономика представлена репрезентативным инвестором-потребителем (фирма), который действует в трех периодах: 0 (период планирования), 1 и 2. Инвестирование k единиц в производство товара в период 0 принесет фирме в период 2 доход Rk единиц, где $R > 1$. Если проект ликвидируется в момент времени 1, то это принесет фирме доход, равный ρk , где $\rho < 1$, т. е. проект является неликвидным.

Для финансирования инвестиций фирма может привлечь кредит в иностранной валюте по нулевой ставке. Иностранные кредиторы нейтральны к риску. Предположим, что в момент времени 0 инвестор привлекает краткосрочный кредит (d) (на 1 период) ($d \leq k$) и долгосрочный (на 2 периода) ($f = k - d$). При этом фирма не может занять сумму по величине более k в периоде 0. В случае, если в структуре кредитования присутствуют краткосрочные займы ($d > 0$), возникает вероятность того, что кредиторы откажутся пролонгировать краткосрочные кредиты по окончании периода 1. Эту ситуацию авторы модели характеризуют как «массовые изъятия» краткосрочных кредитов (аналогично «набегам» вкладчиков на банки).

В последнем периоде (2) инвестор получает доход от инвестиций, возвращает непогашенные в первом периоде кредиты, полученный доход тратит на потребление.

---

¹ Rodrik D., Velasco A. Short-Term Capital Flows / NBER. Working Papers. 1999; Sachs J., Tornell A., Velasco A. Financial Crises in Emerging Markets: The Lesson from 1995 // Brookings Papers on Economic Activity. 1996.

² Chang R., Velasco A. The Asian Liquidity Crisis / NBER. Working Papers. No. 6796. 1998; Chang R., Velasco A. Liquidity Crises in Emerging Markets: Theory and Policy / NBER. Working Papers. No. 7272. 1999; Radelet S., Sachs J. The Onset of the East Asian Financial Crisis / NBER. Working Papers. No. 6680. 1998.

³ Rodrik D., Velasco A. Short-Term Capital Flows / NBER. Working Papers. 1999.

В данной модели при выполнении вышеуказанных условий может быть два сценария развития событий. Позитивный исход предполагает, что в периоде 1 кредиторы пролонгируют ссуды, что позволяет инвесторам не ликвидировать инвестиции. Получается, что в конце периода 2 инвестор получит доход Rk , а суммарный долг составит $d + (k - d) = k$. Таким образом, чистая прибыль инвестора $(R - 1)k$.

Однако отказ кредиторов от рефинансирования долга в периоде 1¹ может определить иной вариант развития событий. В этой ситуации для выплаты долга фирме придется ликвидировать инвестиции в размере $l = d / \rho$ в периоде 1. В таком случае к концу периода 2 доход фирмы составит $R(k - d / \rho)$, а сумма долга $-(k - d)$. Если размер долга превосходит доход ($d > \rho k * [(R - 1) / R - \rho]$), то инвестор оказывается в убытке и не может, соответственно, выполнить свои обязательства по долгосрочному займу. В этом случае выгодным для всех сторон краткосрочного заимствования становится отказ от рефинансирования долга в периоде 1.

Возникает вопрос: почему инвесторы не используют только краткосрочные заимствования? Одним из факторов является относительно более высокая ставка по краткосрочным кредитам. Как показали Д. Родрик и А. Веласко, относительная стоимость долгосрочных и краткосрочных форм финансирования оказывает значительное влияние на выбор инвестора.

В модели предполагается, что ставка процента на иностранные заимствования может отличаться от нуля только в том случае, когда кредитование данной страны является рискованным, тогда появляется вероятность отказа от рефинансирования долга и наступления кризиса. Предположим, что с вероятностью p кредиторы откажутся от рефинансирования краткосрочного долга в момент времени 1, в результате паники возникнет ситуация само-сбывающегося кризиса. Соответственно события будут разворачиваться противоположным образом с вероятностью $(1 - p)$. Задаваемая первоначальными условиями модели «неликвидная» технология финансирования является эффективной, если $R(1 - p) > 1$. Краткосрочная и долгосрочная став-

---

¹ Это может произойти если кредиторы имеют предположения относительно возможности отказа инвесторов от своих обязательств. Причиной может стать неблагоприятный внешний шок, либо ожидание инвесторами снижения доходности в периоде 2.

ки кредитования задаются соответственно как r_S и r_L . Д. Родрик и А. Веласко рассматривали два случая.

Случай 1. Предположим, что $d \leq \rho k$ и $r_S = 0$. Отказ от рефинансирования краткосрочного долга в периоде 1 вынуждает инвесторов выплатить сумму d . Максимальный доход, который может получить инвестор при ликвидации проекта в этом периоде, $-\rho k$. Этого достаточно для выполнения обязательств инвестора по обслуживанию краткосрочного долга. Таким образом, краткосрочная ставка процента на иностранные заимствования $r_S = 0$. С долгосрочной ставкой ситуация не столь однозначна. Если доля краткосрочного долга была относительно мала ($d > \rho k^*[(R - 1) / R - \rho]$), то инвестор сможет полностью выплатить оставшуюся часть долга в периоде 2. В таком случае ставка r_L тоже равна нулю. Однако рост величины краткосрочного долга ($\rho k^*[(R - 1) / R - \rho] < d \leq \rho k$) задает необходимость определения долгосрочной ставки процента следующим образом:

$$(1 - \rho)(1 + r_L) + \rho q_L(1 + r_L) = 1, \quad (7)$$

где q – вероятность того, что инвестор выполнит свои обязательства перед кредитором в периоде 2, при отказе от рефинансирования долга в периоде 1. Авторы модели предполагают, что эта величина равна отношению доступных активов к оставшейся сумме долга:

$$q_L = [R(k - d)\rho] / [(1 + r_L)(k - d)]. \quad (8)$$

Объединив формулы (7) и (8), мы получим, что ставка процента по долгосрочным кредитам определяется из выражения:

$$1 + r_L = (1 / (1 - \rho)) / [1 - \rho R(k - d) / \rho / (k - d)] > 1. \quad (9)$$

Случай 2. Предположим теперь, что $d > \rho k$. Очевидно, что в этом случае инвестор не сможет погасить весь краткосрочный долг целиком в момент времени 1. В таком случае ставка процента по краткосрочной ссуде примет положительное значение ($r_S > 0$) и будет определяться из выражения:

$$(1 - \rho)(1 + r_S) + \rho q_S(1 + r_S) = 1. \quad (10)$$

Вероятность выплаты долга в момент времени 1 равна

$$q_S = \rho k / [(1 + r_S)d]. \quad (11)$$

Аналогично предыдущему случаю, ставка по краткосрочному кредиту составит:

$$1 + r_S = [1 / (1 - p)][1 - p\rho k / d] > 1. \quad (12)$$

Во втором случае все ликвидные средства расходуются на выплату краткосрочного долга, в результате держатели долгосрочных кредитов не получают ничего в момент времени 2. Долгосрочная ставка процента определяется из выражения $1 + r_L = (1 - p)^{-1}$.

Рассмотренные ситуации позволяют утверждать, что в случае, когда активы инвестора ниже суммы обязательств ($d > \rho k * [(R - 1) / (R - \rho)]$), обслуживание краткосрочного долга обходится дешевле долгосрочного. С этой точки зрения для инвестора становится рациональным использование только краткосрочных способов долгового финансирования.

На основе своей модели Родрик и Веласко провели эмпирическое исследование и показали, проанализировав кризисный опыт 37 развивающихся стран, что сокращение ликвидности (основной причиной чего являлась значительная доля краткосрочной задолженности различного характера¹) было лидирующим фактором, провоцировавшим кризис.

И. Голдфajn и Р. Вальдес² предложили модель, которая в качестве основного фактора формирования кризиса рассматривала движение капитала. И. Голдфajn и Р. Вальдес выявили взаимосвязь между оттоком капитала и двойными валютно-банковскими кризисами. Построенная ими модель отражает цикличность движения ка-

¹ В состав краткосрочных потоков капитала авторы включили коммерческие кредиты, банковские ссуды срочностью менее года, краткосрочные заимствования частного и государственного сектора (в национальных и иностранных валютах), осуществляемые за рубежом или привлекаемые через нерезидентов. Из-за отсутствия полного ряда статистических данных из анализа были исключены государственные заимствования внутри своей страны, тем не менее авторы не умаляли значимости этого фактора в провоцировании финансового кризиса.

² *Goldfajn I., Valdes R. Capital Flows and the Twin Crises: The Role of Liquidity / IMF. Working Papers. No. 87. 1997.*

питала: значительный приток капитала в страну → кризис → резкий вывод капитала. Авторы модели показали, что активность деятельности банков в качестве финансовых посредников увеличивается непосредственно перед кризисом, и это усугубляет его последствия.

Между оттоком капитала из банков и валютными кризисами существует двойственная связь. С одной стороны, происходящие в результате неблагоприятных внутренних или внешних шоков массовые изъятия банковских вкладов повышают спрос на иностранную валюту, провоцируя девальвацию национальной валюты. С другой стороны, ожидание девальвации снижает доходность банковских депозитов, делая более выгодным раннее изъятие средств из банков.

Недостатком рассмотренных моделей ликвидности является предположение мгновенного перескока из устойчивого состояния в кризисное. Хотя, как показывает практика, для формирования кризисной ситуации на валютном рынке обычно требуется определенное время: девальвации предшествует относительно длительный период оттока капитала. Последнее предполагает, что экономические агенты отказываются от прежней модели поведения только в том случае, когда накопят новую информацию в достаточном объеме. Причем вывод средств с финансового рынка осуществляется асинхронно.

Этот недостаток отсутствует у моделей асимметрии информации. Модели этого вида позволяют объяснить природу возникновения самих процессов «набегов» вкладчиков. Они предполагают возможность цепного поведения инвесторов, т. е. возможность воздействия решения одного инвестора на поведение других, принимающих решение позже. В результате возникает эффект стадного поведения (*herd behavior*), когда инвестор ориентируется при принятии решения не на имеющуюся у него частную информацию, а на действия других участников рынка. Такой характер поведения инвесторов приводит к концентрации покупок и продаж активов на финансовом рынке в одном определенном секторе, что способствует росту волатильности рынка и отрыву цен от фундаментальных значений.

Первые модели стадного поведения (для примера взята модель А. Банерджи 1992 г.¹) базировались на предположении о том, что вложения осуществляются инвесторами вне зависимости от времени

---

¹ *Banerjee A. A Simple Model of Herd Behavior // Quarterly Journal of Economics. 1992. No. 107.*

приобретения актива по одной и той же цене. Инвесторы не имеют точной информации о сигналах, получаемых другими участниками рынка, и делают выводы об их характере на основе наблюдаемых действий.

Предположим, что несколько инвесторов принимают друг за другом решение о вложении средств. Платеж по инвестиции (V) может принимать с равной вероятностью значения $+1$ (прибыль) и -1 (убыток). Инвестор наблюдает действия своих предшественников. Кроме того, он принимает частный сигнал о характере рынка, который может быть двух типов G (*good*) и B (*bad*). Информация о действии других инвесторов, на основе которой он делает вывод о характере полученных ими сигналов, имеет для него значимость.

Если $V = +1$, то вероятность того, что полученный предыдущим инвестором сигнал был хорошим (G), равна p , где $0,5 < p < 1$. В том случае, когда $V = -1$, вероятность того, что новость была хорошей, равна $1 - p$, что плохой (B) – p . Применяя правило Байеса, можно показать, что апостериорная вероятность (p) того, что $V = +1$, после того как получен сигнал G , больше $0,5$.

Первый инвестор будет следовать частному сигналу: если получен сигнал G , то инвестор будет инвестировать, если B – то откажется. Следующий инвестор, получая хорошую новость и видя, что первый инвестор инвестировал средства в проект (т. е., скорее всего, получил хороший сигнал), также будет инвестировать. Третий инвестор, видя инвестиционное решение первого и второго инвесторов, будет полагать, что первый инвестор имеет положительную информацию и второй, скорее всего, – тоже. Таким образом, он будет полагать, что инвестиция является доходной, и будет инвестировать вне зависимости от своего частного сигнала. Так же независимыми от характера собственного сигнала будут действия последующих инвесторов. То есть возникает каскадный эффект.

Этот эффект возникает даже тогда, когда принимаемые инвестиционные решения влияют на цену актива (рост предложения капитала приводит к снижению доходности вложения)¹. Если популяция инвесторов состоит из «осведомленных» (получающих отно-

---

¹ *Agenor P.-R., Aizenman J. Contagion and Volatility with Imperfect Credit Markets / IMF. Staff Papers. No. 45. 1998; Avery C., Zemsky P. Multidimensional Uncertainty and Herd Behavior in Financial Markets // American Economic Review. 1998. Vol. 88. No. 4.*

сительно точные сигналы о будущей доходности инвестиций) и «неосведомленных» (чьи сигналы характеризуются высокой степенью ошибочности) и удельный вес различных типов инвесторов неизвестен, то оптимальным выбором для «неосведомленных» инвесторов является следование поведению лидеров рынка вне зависимости от характера поступающих сигналов.

Существование стадного поведения инвесторов в период финансовых кризисов подтверждается эмпирическими исследованиями. В частности, В. Ким и С.-Дж. Вей показали, что на корейском фондовом рынке покупки и продажи акций были значительным образом сконцентрированы по времени и секторам¹. Исследования Дж. Кальво и Е. Мендоза предоставили убедительные доказательства того, что на мексиканском фондовом рынке в 1994–1995 гг. также наблюдалось проявление каскадного эффекта². Эти же исследователи показали, что каскадные эффекты могут возникать не только на национальном, но и в рамках международного финансового рынка. Это подтверждается тем, что при росте объемов инвестиций на развивающиеся рынки внимание инвесторов переключается со страновых экономических показателей на региональные.

Возможным объяснением стадного поведения является то, что при одновременном инвестировании на множестве рынков инвесторы предпочитают группировать и анализировать информацию в рамках определенных кластеров, так как аналитическая работа по каждой отдельной стране (рынку) становится слишком сложной. Именно межстрановая группировка информации, соответственно инвестиционных решений, является основой для переноса кризиса из одной страны в другую в пределах выделенных инвестиционных кластеров. Асимметрия информации может являться одной из причин возникновения «эффекта заражения» – передачи кризиса из страны в страну. Причем, как это следует из выше приведенных рассуждений, для распространения кризиса не требуется обязательно, чтобы страны были тесно связаны между собой торговыми и финансовыми каналами³.

---

¹ Kim W., Wei S.-J. Offshore Investment Funds: Monsters in Emerging Markets / NBER. Working Papers. No. 7133. 1999.

² Calvo G.A., Mendoza E. Mexico's Balance-of-Payment Crisis: A Chronicle of Death Foretold // Journal of International Economics. 1996. No. 41.

³ Девальвация приводит к вытеснению отечественными товарами импортных, влияя на экспортные позиции других стран. Кроме того, если

Возникновение кризиса в одной стране может генерировать новую информацию о финансовом и экономическом состоянии другой, заставляя инвесторов сокращать вложения на ее финансовом рынке. Причем для этого не требуется, чтобы страны имели схожие по структуре экономики (последнее предполагает аналогичные ответы на схожие внешние шоки). Вследствие неполноты информации процесс вывода средств может затронуть страны с относительно благополучным состоянием экономики. Примером возможности такого поведения инвесторов может служить азиатский кризис 1997 г., когда под ударом оказались тайваньский, сингапурский и гонконгский доллары – валюты стран, имевших на момент кризиса высокие показатели экономического роста, значительные золотовалютные резервы и солидные внешнеторговые позиции.

Можно также предположить возможность «политического» заражения¹. Выбранная одной из стран стратегия минимизации внешнего шока может воздействовать на выбор других государств. Если асимметрия информации реально влияет на поведение инвесторов и динамику финансовых рынков, то эффект заражения должен подтверждаться статистически в виде роста взаимозависимости финансовых показателей различных стран во время кризиса. Проведенные исследования не позволяют однозначно подтвердить существования эффекта заражения.

Эффект заражения был характерен практически для всех финансовых кризисов 1990-х гг. Это, в частности, свидетельствует о нарастающей силе глобализационных связей, по крайней мере в области финансовых и валютных рынков. Так, например, С. Кальво и К. Рейнхарт показали, что корреляция между фондовыми индексами латиноамериканских стран существенно выросла после девальвации

страны конкурируют на одном и том же внешнем рынке, то девальвация одной из валют приводит к повышению конкурентоспособности ее товаров, таким образом воздействуя на экспортный потенциал и валютные доходы других государств. Распространение кризиса по финансовым каналам может быть представлено следующим образом: девальвация, негативно воздействуя на кредитный потенциал банков и других финансовых институтов, заставляет их сокращать объемы межгосударственного финансирования.

¹ *Шпрингель В.К.* Механизмы формирования валютных кризисов на развивающихся рынках. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 24.

мексиканского песо в декабре 1994 г.¹ Интересно, что коэффициенты корреляции между индексами латиноамериканских и азиатских стран, которые до событий в Мексике были положительными, после его начала, наоборот, стали отрицательными, что дало возможность авторам заявить о существовании значительного регионального «уклона» в поведении инвесторов. Исследования показали также значительное увеличение взаимозависимости показателей (курсы валют, процентные ставки в национальных валютах, доходность долговых обязательств в долларах США) финансовых рынков стран Восточной Азии после октября 1997 г.²

Эмпирические исследования: основные индикаторы кризиса

В 1990-е гг. среди экономистов укрепилось мнение о необходимости выявления основных индикаторов кризисов. Возможность прогнозировать кризисы позволяет если не предотвратить, то по крайней мере подготовиться и смягчить удар по экономике страны. Наиболее широко для целей поиска лидирующих факторов кризиса применялись эконометрические методы.

Один из приемов описания основных индикаторов валютно-банковских кризисов основан на «вероятностном подходе», предложенном в работах таких авторов, как А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа³ и Д. Харди и К. Пазарбасиоглу. Этот метод позволяет оценить вклад каждого отдельного фактора в развитие кризисной ситуации. Согласно данному методу, вероятность того, что кризис произойдет в определенное время в отдельно взятой стране, является функцией вектора p объясняющих переменных $X(i, t)$. Объясняемая переменная ($P(i, t)$) принимает значение 1 в случае, если валютный кризис произошел в стране i в момент времени t , и значение 0 в ос-

---

¹ *Calvo S., Reinhart C.M.* Capital Flows to Latin America: Is There Evidence of Contagion Effects? // Private Capital Flows to Emerging Markets After the Mexican Crisis. Washington D.C.: IMF Press, 1996.

² *Baig T., Goldfajn I.* Financial Market Contagion in the Asian Crisis / IMF. Staff Papers. No. 46. 1999.

³ *Demirguc-Kunt A., Detragiache E.* The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998; *Hardy D.C., Pazarbasioglu C.* Leading Indicators of Banking Crises: Was Asia Different? / IMF. Working Papers. No. 91. 1998.

тальных случаях. Для определения вклада экзогенных переменных в формирование кризисной ситуации используют метод наибольшего правдоподобия. Исследуемая функция в данном случае будет выглядеть следующим образом:

$$\ln L = \sum_{t=1}^T \sum_{i=1}^n P(i, t) \ln\{F[\beta X(i, t)]\} + [1 - P(i, t)] \ln\{1 - F[\beta X(i, t)]\}, \quad (13)$$

где T – число периодов наблюдения, F – кумулятивная функция вероятностного распределения, β – вектор оцениваемых коэффициентов при объясняющих переменных.

Следует отметить, что коэффициенты при экзогенных переменных показывают воздействие изменения значения регрессора на одну единицу на вероятность возникновения кризиса.

Однако наиболее наглядным и широко применяемым методом исследования в области идентификации факторов кризиса можно назвать «метод сигналов», разработанный Грасиэлой Камински¹. Этот метод рассчитан на выявление ранних индикаторов как валютных, так и банковских кризисов. Предполагается, что существует и может быть отобран конечный ряд объясняющих переменных, которые посылают сигнал, когда их значение переходит критический порог. При этом значения индикаторов рассматриваются в абсолютном выражении, поскольку значения некоторых переменных существенно уменьшаются перед наступлением кризиса, в то время как другие, наоборот, могут существенно возрасти.

Формальное выражение, сигнализирующее о наступлении кризиса, записывается следующим образом. Утверждается, что если в модели рассматривается n объясняющих переменных, то фактор Z^j «сигнализирует» о наступлении кризиса в период t , когда его значение пересекает критический уровень Z_t^j :

---

¹ Справедливо было бы отметить, что авторами этого подхода можно считать целую группу ученых (Камински, Рейнхарт, Лизондо). Первая работа была опубликована еще в 1996 г. (*Kaminsky G., Reinhart C.M. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. 1996*). Однако в более позднем исследовании 1999 г. были учтены новые факторы, имевшие значение в процессе развертывания последних кризисов, поэтому на этой работе будет сделан основной акцент.

$$\{S_t^j = 1\} = \{S_t^j, |Z_t^j| > |\check{Z}_t^j|\}. \quad (14)$$

Очевидно, что в случае отсутствия сигнала, выражение примет вид:

$$\{S_t^j = 0\} = \{S_t^j, |Z_t^j| < |\check{Z}_t^j|\}. \quad (15)$$

Выбор критического значения осуществляется исходя из принципа минимизации «шума». Величина шума рассчитывается следующим образом. В системе возможно наличие ошибок двух типов. Ошибка первого рода (α) имеет место, если кризис произошел, а объясняющая переменная не превзошла критического значения. Обратная ситуация характеризуется ошибкой второго рода (β): объясняющая переменная послала «сигнал» о наступлении кризиса, а он не произошел. Контрольное значение для существенности индикаторов Г. Камински предлагает задавать отношением шума к «хорошим» сигналам:

$$\omega = \beta / (1 - \alpha). \quad (16)$$

К «хорошим» сигналам в модели относятся те, которые правильно предсказали наступление кризиса в течение 24 месяцев.

С помощью метода сигналов был выявлен целый ряд индикаторов валютных и банковских кризисов на примере опыта 20 развитых и развивающихся стран¹ в период с 1970 по 1995 г. Это исследование позволило проанализировать ранние этапы 76 валютных и 26 банковских кризисов. В таблице 1 приведены ранние индикаторы валютных и банковских кризисов, которые сильно перекликаются друг с другом: из 12 индикаторов валютных кризисов и 14 индикаторов банковских 11 являются общими. Это еще раз доказывает тесную взаимосвязь валютных и банковских кризисов.

---

¹ В исследование были включены следующие страны: Аргентина, Боливия, Бразилия, Колумбия, Чили, Дания, Финляндия, Индонезия, Израиль, Малайзия, Мексика, Филиппины, Норвегия, Перу, Испания, Швеция, Таиланд, Турция, Уругвай и Венесуэла.

Ранние индикаторы валютных 11 банковских кризисов

Показатель	Значимость для банковского кризиса	Значимость для валютного кризиса
Быстрый рост денежного предложения	+	+
Высокий по отношению к ВВП внутренний кредит	+	+
Отток средств вкладчиков из банков	+	+
Снижение экспорта в результате неблагоприятных шоков на мировых рынках	+	+
Переоцененность национальной валюты	+	+
Низкие золотовалютные резервы	+	+
Слабое покрытие резервами краткосрочных обязательств (M2/резервы)	+	+
Разница в процентных ставках	–	+
Высокие процентные ставки на мировом рынке капитала	+	+
Высокий внешний долг	+	+
Отток капитала	+	–
Низкие темпы роста экономики (выпуска)	+	+
Рост национальных процентных ставок	+	–
Негативные шоки на фондовом рынке	+	+

Индикаторы имеют различную предсказательную силу. Одним из наиболее точных индикаторов (с самым низким уровнем шума) можно назвать курс национальной валюты, который определяет ситуацию как на валютном рынке, так и в банковском секторе. Переоцененность национальной валюты относительно среднего курса в периоды экономической стабильности отражается на снижении конкурентоспособности страны на мировом рынке. Критическим значением данного показателя Г. Камински определяет 30%¹. Достижение этого порога подрывает уверенность инвесторов в поддержании конкурентоспособности страны и провоцирует спекулятивную атаку на национальную валюту. Девальвация станет неизбежным следствием такого поворота событий.

---

¹ Kaminsky G. Currency and Banking Crises: The Early Warnings of Distress / IMF. Working Papers. No. 178. 1999. P. 18.

Девальвация вызывает серьезную дестабилизацию в банковском секторе в связи с тем, что многие банки занимают средства в иностранной валюте, а кредитуют клиентов в национальной. Во многих странах устанавливаются нормативные лимиты на размер открытых валютных позиций банков, однако банки находят способы обойти подобные ограничения. Кроме того, банки, финансируемые из иностранных источников, могут выдавать кредиты в иностранной валюте, устраняя открытую позицию. В этом случае валютный риск перекладывается на заемщика, однако неожиданная девальвация может сказаться на прибыли банка опосредованно в результате роста объема невозвращаемых кредитов.

Переоцененность национальной валюты подрывает позиции экспорта, одновременно неоднозначным становится направление движения импорта, который должен был бы возрастать в таких условиях. Однако, как показали Г. Камински и К. Рейнхарт, объемы импорта в предкризисный период также могут сокращаться. Во многом это может быть обусловлено снижением экономической активности, падением внутреннего спроса. Ухудшение «условий торговли» в свою очередь сказывается на сокращении ВВП.

Низкий уровень золотовалютных резервов считается одним из наиболее популярных индикаторов вероятного наступления валютного кризиса. Невозможность покрывать краткосрочные обязательства за счет резервов Центрального банка провоцирует спекулятивные атаки на национальную валюту.

Высокий по отношению к ВВП внешний и внутренний долг государственного сектора, быстрый рост денежного предложения, негативные шоки на важнейших для страны товарных рынках также увеличивают вероятность возникновения валютного кризиса. Кроме того, вероятность кризиса возрастает в случае, если страна испытывает рецессию. Валютный кризис в одной стране повышает вероятность его возникновения в других странах, прежде всего тех, которые расположены в одном и том же регионе или активно связаны с первой по торговым каналам.

Отношение внешней задолженности в банковском секторе к ВВП выступает показателем зависимости кредитных организаций от иностранного капитала в сфере финансирования своих операций. Резкие изменения этого показателя отражают уязвимость банковского сектора для неожиданного оттока иностранного капитала.

Существенное влияние на состояние валютного рынка в развивающихся странах оказывает стоимость капитала на международном рынке: увеличение процентной ставки в развитых странах приводит к существенному росту вероятности возникновения валютного кризиса на развивающихся рынках.

И. Голдфajn и Р. Вальдес¹ показали, что между оттоком капитала из банков и валютными кризисами существует двойственная связь. С одной стороны, отток средств из банков создает дополнительный спрос на иностранную валюту, а с другой, – ожидаемая девальвация валюты изменяет доходность банковских депозитов, тем самым увеличивая выгоду раннего изъятия средств из банков.

Можно представить и другой канал передачи шоков между банковским сектором и валютным рынком. Боязнь, что слабая банковская система с высокой долей просроченных ссуд в кредитном портфеле не сможет вынести последствий роста процентных ставок и сжатия ликвидности, может быть серьезным препятствием для проведения государством защитных мер в случае оттока капитала. Поэтому слабость банковской системы может послужить для спекулянтов одним из сигналов к атаке на национальную валюту.

В отличие от валютных кризисов вероятность возникновения финансовой паники в банковском секторе увеличивается в случае оттока капитала и роста реальных процентных ставок на национальном финансовом рынке. А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа подчеркивают особую роль повышения процентных ставок в развитии банковского кризиса.

Повышение краткосрочных процентных ставок особенно остро сказывается на состоянии банковского сектора в связи с тем, что их рост вызывает увеличение стоимости фондирования. Суть противоречия заключается в том, что значительную долю активов банков составляют долгосрочные кредиты, выдаваемые на условиях фиксированных процентных ставок, а это не позволяет банкам быстро среагировать на меняющуюся конъюнктуру рынка; результатом становится снижение прибыли или убыток. Таким образом, значительный рост краткосрочных процентных ставок может являться одной из основных причин сокращения ликвидности и последующей дестабилизации в банковском секторе. Повышение краткосрочных про-

---

¹ *Goldfajn I., Valdes R. Capital Flows and the Twin Crises: The Role of Liquidity / IMF. Working Papers. 1997.*

центных ставок в свою очередь может быть спровоцировано целым рядом факторов. Среди них можно выделить переход к сдерживающей монетарной политике, увеличение иностранных процентных ставок, изменение регулятивного уровня процентных ставок в связи с процессами либерализации или необходимость защиты национальной валюты от спекулятивной атаки¹.

Многие авторы² отмечают прямую зависимость между притоком капитала на развивающиеся рынки вследствие финансовой либерализации и расширением объема кредитов относительно ВВП («кредиты / ВВП»). А. Торнелл³ показал, что с ростом в течение непродолжительного периода времени объема предоставляемых банками ссуд растет доля безнадежных кредитов. Это можно обосновать тремя основными факторами. Во-первых, на развивающихся рынках, в условиях информационной непрозрачности, банки обладают ограниченными возможностями оценки качества заемщиков (поэтому эффективность вложения привлеченных ими иностранных средств оказывается недостаточно высокой⁴); во-вторых, существуют ограниченные возможности регулирующих органов в области мониторинга банковских учреждений. Кроме того, количество «хороших» заемщиков ограничено, что снижает вероятность возврата средств банка. Информационная закрытость реального сектора обуславливает высокую концентрацию ссуд: средства направляются в основном в тесно связанные с банками предприятия (акционеры, крупнейшие клиенты). В-третьих, высокая стоимость кредитных ресурсов приводит к возникновению ситуации неблагоприятного отбора (*adverse*

---

¹ Kaminsky G., Reinhart C.M. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. 1996.

² Demirguc-Kunt A., Detragiache E. The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998; Hardy D.C., Pazarbasioglu C. Leading Indicators of Banking Crises: Further Evidence / IMF. Staff Papers. 1999; Kaminsky G. Currency and Banking Crises: The Early Warnings of Distress / IMF. Working Papers. 1999; Tornell A. Lending Booms and Currency Crises: Empirical Links / NBER. Working Papers. No. 7340. 1999.

³ Tornell A. Lending Booms and Currency Crises: Empirical Links / NBER. Working Papers. 1999. P. 6.

⁴ Caprio G., Klingbiel D. Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy or Bad Banking? / World Bank. Conference on Emerging Markets. 1996; Mishkin F. Lessons from the Asian Crisis / IMF. Working Papers. No. 7102. 1999.

selection), когда значительная часть спроса предъявляется компаниями, которые заведомо не могут расплатиться по займу. Важным аспектом напряженной ситуации в банковском секторе в этих условиях становится увеличивающаяся зависимость финансового состояния банков от благополучия отдельных заемщиков (рост риска концентрации вложений).

Такая тесная взаимозависимость делает актуальным предположение о том, что между шоками, неблагоприятно воздействующими на финансовое положение заемщиков, и формированием системного банковского кризиса есть положительная связь (особенно, если влияние подобных шоков не может быть сокращено за счет диверсификации рисков)¹. Более того, банковские системы с низким уровнем капитализации обычно более чувствительны к определенным видам подобных факторов влияния. К ним могут быть отнесены циклические снижения ВВП, ухудшение условий внешней торговли и снижение стоимости активов, таких как ценные бумаги и недвижимость².

Согласно Харди и Пазарбасиоглу³, в качестве ранних индикаторов банковских кризисов могут рассматриваться высокая волатильность темпов инфляции (инфляция снижается в год, предшествующий кризису, и растет за два года до этого), рост кредитов частному сектору по отношению к ВВП и неблагоприятный шок на экспортном рынке, приток иностранного капитала. Авторы аналогично Камински и Рейнхарт добавили в систему ранних индикаторов банковских кризисов шоки на международных финансовых и торговых рынках.

А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа показали, что вероятность возникновения кризиса растет по мере снижения обеспеченности денежной массы золотовалютными резервами, хотя до них соотношение «M2 / резервы» рассматривалось исключительно как ин-

---

¹ Demirguc-Kunt A., Detragiache E. The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998. Pp. 84–85.

² Caprio G., Klingbiel D. Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy or Bad Banking? / World Bank. Conference on Emerging Markets. 1996; Kaminsky G., Reinhart C.M. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. 1996.

³ Hardy D.C., Pazarbasioglu C. Leading Indicators of Banking Crises: Was Asia different? / IMF. Working Papers. 1998.

дикатор устойчивости валютного курса. Они добавили к числу прочих индикаторов влияние собственно банковских финансовых и институциональных факторов на вероятность возникновения банковских кризисов. Существует мнение, что «набеги» на банки не произойдут в условиях наличия системы страхования депозитов. Страхование может быть явным (банк приобретает полную или частичную страховку правительственной организации или частной страховой компании) или неявным (вкладчики считают, что правительство либо предотвратит банкротство банка, либо покроет их убытки в противном случае). Для анализа влияния наличия системы эксплицитного страхования авторы ввели одноименный показатель. А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа показали, что страхование вкладов тесно связано с проблемой морального риска: если страховой взнос не учитывает полностью рискованность банковского портфеля, тогда наличие страховки создает почву для принятия банками чрезмерных рисков ради увеличения доходности. Этой проблемы можно избежать в условиях жесткого регулирования и контроля за деятельностью банков со стороны Правительства и Центрального банка¹. Однако подобная отлаженная система мониторинга банковской деятельности связана со значительными трудностями, особенно в период финансовой либерализации, которая имела место во многих странах в течение последних 15 лет. В таких условиях возникает угроза разветывания банковского кризиса.

Таким образом, А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа показали, что теоретические подходы к анализу связи между страхованием вкладов и банковскими кризисами довольно неоднозначны. С одной стороны, наличие системы страхования вкладов снижает вероятность срабатывания механизма самосбывающихся кризисов. С другой стороны, растет угроза разветывания банковского кризиса, спровоцированного неблагоприятными тенденциями макроэкономических параметров, поскольку управление банками формирует более рискованные портфели.

В условиях либерализации финансового сектора, с одной стороны, и слабых механизмов банковского регулирования и надзора – с другой, банковский кризис может быть спровоцирован «гра-

---

¹ Для учета фактора регулирования банковской системы в модель был введен параметр «закон и порядок» (*law and order*).

бительским» поведением¹ со стороны руководства банков. Банковские менеджеры могут принимать решения относительно инвестиций не только в рискованные, но и заведомо убыточные проекты, для извлечения собственной выгоды.

Тесная взаимосвязь факторов, провоцирующих, с одной стороны, дестабилизацию валютного рынка, а с другой – расшатывание банковского сектора, позволяет утверждать, что данные два типа кризисов необходимо рассматривать совместно.

Анализ развития кризисов в развивающихся странах подтверждает справедливость утверждения Г. Каприо и Д. Клинжебел о множественности факторов, провоцирующих финансовые кризисы². Как правило, в основе валютных и банковских кризисов лежат в значительной степени схожие и взаимосвязанные факторы. Достаточно полный сравнительный обзор системы факторов для кризисов 1970–1980-х гг. и 1990-х гг. на развивающихся рынках дан в работе В.К. Шпрингеля³. Для периода, который анализируется в его исследовании (1990-е гг.), структура факторов в целом сохраняется, однако характер влияния тех или иных факторов и их групп изменяется как в целом для двойных кризисов, так и для их последовательных составляющих – валютных и банковских кризисов (*табл. 2*).

Причинами кризисов являются как внутренние экономические дисбалансы, так и внешние шоки. Банковскому и валютному кризису предшествуют периоды снижения деловой активности, сокращения экспорта, а также повышение реальных процентных ставок и падение фондовых рынков. Ускорение темпов роста денежной массы и накопление значительной банковской задолженности, не подкрепленной золотовалютными резервами, можно также отнести к факторам двойных кризисов. Кроме того, значительное негативное влияние на формирование кризисной ситуации оказывают внешние шоки, такие как ухудшение условий торговли, повышение процентных ставок на мировом рынке капитала и «эффект заражения».

---

¹ Demircuc-Kunt A., Detragiache E. The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998.

² Caprio G., Klingbiel D. Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy or Bad Banking? / World Bank. Conference on Emerging Markets. 1996.

³ Шпрингель В.К. Принципиальные подходы к созданию системы ранней идентификации финансовых кризисов // Банковские услуги. 2002. № 1.

Таблица 2

Обзор факторов валютных и банковских кризисов

Группы факторов	Факторы кризиса	Механизмы воздействия	Воздействие на состояние банковской системы	Воздействие на состояние валютного рынка
Внешне торговые	Неблагоприятное изменение цен на основных для страны экспортных и импортных рынках	Резкое снижение цен на традиционные экспортные товары или резкий рост стоимости импорта означает для страны потерю валютных доходов. Кроме того, снижение доходов экспортеров может принести обслуживающим их банкам значительные потери по ссудам. Следствием станет снижение прибыльности банков	+	+
	Дефицит текущего счета платежного баланса	Значительный дефицит текущего счета является для инвесторов сигналом о снижении платежеспособности страны по внешнему долгу. Обычно основной причиной становится или превышение объемов импорта над экспортом, или то, что страна должна производить значительные процентные платежи по ранее привлеченным инвестициям	-	+
Движение капитала	Высокая стоимость заимствования средств на международном рынке	Рост процентных ставок на развитых рынках приводит к увеличению стоимости рефинансирования долга и заставляет инвесторов переоценивать относительную доходность вложения средств	+	±
	Высокий по отношению к ВВП внешний долг	Высокий внешний долг рассматривается инвесторами в качестве фактора финансовой нестабильности как государства, так и отдельного заемщика	±	±

Группы факторов	Факторы кризиса	Механизмы воздействия	Воздействие на состояние банковской системы	Воздействие на состояние валютного рынка
	Преобладание краткосрочных обязательств в структуре долга	Высокий удельный вес краткосрочных обязательств означает необходимость направления страной значительных средств на обслуживание внешнего долга. На банки он накладывает значительные ограничения в плане поддержания ликвидности	+	+
Финансовые	Низкая обеспеченность денежной массы золотовалютными резервами	Агрегат М2 может рассматриваться как сумма ликвидных средств, которые могут быть предъявлены для конвертации в иностранную и валюту. Золотовалютные резервы в свою очередь рассматриваются как покрытие ликвидных активов, которые должны служить страховым фондом для обслуживания краткосрочных обязательств государства. Низкий уровень золотовалютных резервов становится сигналом для иностранных инвесторов о снижении платежеспособности национальных заемщиков	+	+
	Денежно кредитная экспансия	Высокий рост внутреннего кредита в условиях фиксированного валютного курса приводит к сокращению резервов. Кроме того, облегчение условий доступа банков к ликвидным ресурсам часто ведет к принятию ими излишних рисков	+	+
	Реальное удорожание национальной валюты	Переоцененность национальной валюты в реальном выражении приводит к сокращению чистого экспорта и формирует девальвационные ожидания. Высокие де-	+	+

Группы факторов	Факторы кризиса	Механизмы воздействия	Воздействие на состояние банковской системы	Воздействие на состояние валютного рынка
		вальвационных ожидания могут спровоцировать массовые изъятия депозитов вкладчиками банков.		
	Высокие процентные расходы	Значительные выплаты по внутреннему долгу означают для страны сокращение возможностей своевременно обслуживать внешние платежи. Кроме того, чем больше участие нерезидентов на рынке внутреннего долга, тем выше может оказаться нагрузка на валюту в случае вывода средств. Для банков рост доходности по внутренним обязательствам означает, с одной стороны, рост процентных доходов, а с другой – снижение рыночной стоимости приобретенных ценных бумаг, т. е. снижение стоимости активов	±	+
	Высокий уровень финансовых рисков в банковской системе	Неадекватность величины капитала принятым рискам, слабая степень покрытия обязательств ликвидными активами, дисбаланс между валютными активами и обязательствами, высокая доля просроченных ссуд в кредитном портфеле банков могут вызвать как банкротство отдельного банка, так и широкомасштабный банковский кризис, воздействующий на состояние валютного рынка	+	+
	Эффект заражения	Вследствие возникновения кризиса на каком-либо национальном финансовом рынке инвесторы переоценивают вероятность возник-	±	+

Группы факторов	Факторы кризиса	Механизмы воздействия	Воздействие на состояние банковской системы	Воздействие на состояние валютного рынка
		новения кризиса в другой стране. «Заражение» может происходить как по торговым (через товарооборот между странами и/или конкуренцию на общих внешних рынках), так и по финансовым (существование общих кредиторов) каналам		

Примечания. (+) – значительное влияние; (–) – незначительное влияние или опосредованное через другой кризис; (±) – смешанный сигнал.

Источник: Шпрингель В.К. Принципиальные подходы к созданию системы ранней идентификации финансовых кризисов.

Приведенные факторы и индикаторы двойных кризисов не могут, во всяком случае без дополнительных экспериментальных исследований, считаться универсальными. Их структура, интенсивность и направленность действия зависят в общем случае от конкретных условий и взаимодействий, характерных для каждой данной страны и группы стран в конкретный отрезок времени.

Это относится и к моделям, описывающим формирование и развитие двойных кризисов. Конкретная экономическая и финансовая ситуация той или иной страны (группы стран), характер взаимодействия внутренних и внешних шоков, реакции на эти шоки национальных финансово-экономических систем определяют специфику выбора той или иной модели (а иногда их модификаций) для описания кризисных процессов.

Международный рынок капиталов: формирование предпосылок кризисов

Основной формой экономических взаимодействий до Второй мировой войны являлись внешнеторговые связи. Со второй половины XX в. на первый план в международных экономических взаимодействиях стало выдвигаться движение капитала. Так как экс-

портёрами капитала, естественно, выступали и выступают развитые страны, а импортёрами – развивающиеся экономики, то наращивание объемов международной миграции капиталов и соответственно перетока финансово-валютных средств приводило к увеличению размеров внешней задолженности развивающимися странами.

Внешняя задолженность формируется в рамках трех основных механизмов:

- 1) при использовании внешних источников для финансирования дефицита государственного бюджета;
- 2) в случае чрезмерного финансирования импорта государством за счет связанных иностранных кредитов для импорта товаров;
- 3) в результате чрезмерных зарубежных инвестиционных кредитов отечественными производителями.

Эти механизмы формирования внешней задолженности могут применяться как одновременно, так и изолированно. В зависимости от того, какой из механизмов используется (или превалирует), формируется структура внешней задолженности. Весьма принципиальной характеристикой такой структуры является соотношение внешней задолженности между государством и частным сектором. В зависимости от подобного соотношения страны-должники делятся на две группы.

В первую группу входят страны, для которых основная часть внешней задолженности формируется в результате финансовых заимствований государства и государственного сектора экономики. К этим странам относятся большинство латиноамериканских, африканских государств, Россия и страны СНГ.

Вторую группу образуют страны Восточной Азии, Турция, страны Восточной Европы, а из латиноамериканских стран в эту группу следует включить Чили. Для этой группы должников особенностью является повышенная доля задолженности частного сектора, при сравнительно небольшой задолженности государства¹.

Вплоть до начала 1970-х гг. масштабы импорта капитала развивающимися странами как первой, так и второй групп были относительно невелики и в абсолютном выражении, и по отношению к ВВП. Но затем началось активное накопление внешнего долга странами Африки и Латинской Америки (первая группа стран)². В значи-

---

¹ World Economic Outlook. IMF. 1999.

² *Dornbusch R., Fischer S.* The World Debt Problem. Capital Flows and

тельной степени это было связано с «нефтяным шоком», который заставил прибегнуть к массивным внешним займам для финансирования импорта энергоносителей. Разумеется, закупки производились в основном в интересах частного сектора и домашних хозяйств, но дебитором являлось главным образом правительство соответствующих стран. Во-первых, производственные компании в этих странах имели низкую кредитоспособность и не смогли бы получить необходимые ссуды без гарантий правительств и / или государственных банков. Во-вторых, в этих странах в этот период доля государственного сектора в экономике была еще высока. Соответственно сам внешний долг сформировался как преимущественно государственный внешний долг.

Основная часть латиноамериканских и африканских стран направляла иностранный капитал в импортозамещающие сектора экономики. Следовательно, вероятность возврата иностранных займов и платежей по инвестициям была напрямую связана с курсом национальных валют, так как импортозамещающие отрасли и производства не имели стабильного и достаточно масштабного дохода в конвертируемой валюте¹.

Государство первой группы стран являлось основным субъектом роста внешней задолженности и потому, что иностранные финансовые ресурсы привлекались для финансирования бюджетных дефицитов. Высокие бюджетные дефициты были обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, государственные расходы рассматривались как один из основных методов поддержания темпов экономического роста. Увеличение темпов роста способно было стимулировать

World Debt // Economic Policy: Theory and Practice. 1987; *Diaz-Alejandro C., Krugman P., Sachs J.* Latin American Debt: I Don't Think We Are in Kansas Anymore // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1984. No. 2; *Шпрингель В.К.* Проблема внешнего долга и экономическое развитие стран Латинской Америки в 80-е годы // *Экономический журнал ВШЭ*. 1999. № 3.

¹ *Kaminsky G., Pereira A.* The Debt Crises: Lessons of the 1980s for the 1990s / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. No. 481. 1994; *Rodriguez F.* The Political Economy of Latin American Growth / World Bank's Global Network Research Project. 1999; *Arrau P.* How Does the Debt Crisis Affect Investment and Growth? A Neoclassical Growth Model Applied to Mexico / International Economic Department, The World Bank. 1990. WPS 378.

высокий темп инфляции. Поэтому необходимо было сократить масштабы денежной эмиссии, что предполагало финансирование бюджетных дефицитов за счет внешних заимствований, рост государственных расходов при увеличении темпов роста. Во-вторых, внешние займы компенсировали неэффективность налоговой политики, что приводило к низкому уровню собираемости налогов и как следствие к дефициту доходной части государственных бюджетов. В-третьих, государственная экономическая политика включала в качестве чрезвычайно существенного элемента субсидирование экономики, на что расходовались значительные финансовые ресурсы (включая субсидирование импорта энергоносителей). В-четвертых, что характерно особенно для африканских стран, слишком высок был уровень государственных расходов на закупку вооружений. В-пятых, непомерно высок был уровень коррупции и хищений государственных финансовых ресурсов.

Рост внешней задолженности стимулировался благоприятной конъюнктурой международного финансового рынка в 1970-е гг. В развитых странах процентные ставки были относительно низки, обменные курсы национальных валют в развивающихся странах были благоприятны, что дополнялось выгодными обменными курсами и относительно высокими экспортными ценами. В результате реальные процентные ставки по кредитам с международного финансового рынка для заемщиков из развивающихся стран были очень низки. Эффективная ставка процента при этом определяется как дефлированная по индексу потребительских цен разница между номинальным «LIBOR» и приростом сырьевых экспортных цен¹.

В результате, так как ставки процента, выраженные в национальной валюте, превышали процентные ставки в развитых странах и, кроме того, правительства не могли в реальных финансово-экономических обстоятельствах прибегнуть к внутренним заимствованиям на длительный срок, происходило преимущественное накопление не внутреннего, а внешнего долга.

Иностранные заимствования плохо абсорбировались неразвитыми финансовыми рынками стран-заемщиков, что неизбежно приводило к увеличению реальных обменных курсов национальных валют. Результатом стало еще большее увеличение эффективности

---

¹ *Dornbusch R., Fischer S. The World Debt Problem. Capital Flows and World Debt // Economic Policy: Theory and Practice. 1987.*

внешних заимствований. Все это вело к быстрому росту зависимости этих стран от внешних источников финансирования.

За 10 лет (с 1973 по 1982 г.) чистый приток капитала на развивающиеся рынки составил около 330 млрд долл. (около 2% ВВП данных стран). При этом в тот период внешний долг, как правило, не выплачивался, а рефинансировался с помощью новых заимствований. Последнее, а также высокий удельный вес в структуре долга краткосрочных заимствований по плавающей ставке способствовали быстрому росту общей задолженности. Особенно значительно внешний долг латиноамериканских и африканских стран увеличился в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда повысился уровень процентных ставок в развитых странах. В результате массовых внешних заимствований и падения относительных цен экспорта сырьевых ресурсов выросли как внешний долг, так и соотношение долг / экспорт. К примеру, за период с 1973 по 1983 г. внешний долг Аргентины увеличился с 7,9 млрд до 45,3 млрд долл., а соотношение долг / экспорт с 92,7 до 144,7%; у Бразилии данные показатели увеличились соответственно с 26 млрд до 93,1 млрд долл. и с 236,6 до 364,9%. Совокупное для всех латиноамериканских стран соотношение долг / экспорт увеличилось с 1973 по 1983 г. с 176 до 243%. По номинальной стоимости внешний долг стран региона за тот же период вырос с 73 млрд до 325 млрд долл. Задолженность африканских стран за аналогичный период выросла с 45 млрд до 130 млрд долл.¹

Как следствие, после 1982 г. многие страны Африки и Латинской Америки оказались не в состоянии обслуживать взятые на себя обязательства: разразился долговой кризис.

Для стран второй группы закономерностью являлось направление иностранного капитала в основном в экспортно ориентированные производства. Приоритет отдавался развитию высокотехнологичных производств, имеющих высокую капиталоотдачу. Именно поэтому в страны второй группы значительная часть иностранных капиталов поступала в форме прямых инвестиций.

Для стран второй группы были характерны жесткая бюджетная политика, стабильная (в большинстве стран) политическая ситуация, политика предоставления налоговых льгот при импорте инвестиционных товаров, достаточно высокий уровень развития рыночных ин-

---

¹ Development Cooperation Review / OECD. 1976–1985.

ституты¹. В этих странах формирование рыночной экономики и политических институтов по времени совпало с периодом интенсивного расширения мировой торговли. Эти страны сами стали с самого начала субъектами этого глобального процесса. Соответственно государственная экономическая политика изначально была ориентирована на стимулирование и защиту экспортных отраслей.

Конкретными механизмами такого стимулирования и защиты являлось предоставление государством в лице центральных правительств и крупнейших банков гарантий для привлечения займов в конвертируемой валюте. Особенно важным фактором предоставления подобных гарантий было на первых этапах, когда компании-экспортеры еще не обрели достаточной стабильности и масштабов операций. Кроме того, развитие экспортных отраслей стимулировалось путем поддержания государством реальной стоимости национальной валюты на уровне ниже равновесного. Это обеспечивало снижение валютных рисков как для инвесторов, так и для заемщиков.

Страны второй группы и в период долгового кризиса сохранили возможность привлекать средства с международного рынка капитала. Общий приток капитала на развивающиеся рынки в период с 1983 по 1989 г. составлял около 17 млрд долл. в год, или около 1,6% ВВП развивающихся стран. Почти 90% этих капиталов приходилось на долю восточноазиатских стран, а чистый приток капитала в страны первой группы был отрицательным.

С начала 1990-х гг. поток капиталов на развивающиеся рынки резко увеличился по сравнению с уровнем 1970-х гг. Основными реципиентами стали страны Восточной Азии и Латинской Америки. После 1992 г. важными получателями иностранных инвестиций стали также страны Восточной Европы. Чехия, Венгрия и Польша относились к числу 20 крупнейших реципиентов иностранных инвестиций (из стран, относящихся к группе развивающихся рынков). За 1993–1995 гг. совокупный объем иностранных инвестиций в эконо-

---

¹ *Fischer S.* The Asian Crises: The View from IMF // Asian Association for International Cooperation and Trade. Singapore, 1998; *Kochhar K., Loungani P., Stone M.R.* The East Asian Crisis: Macroeconomic Development and Policy Lessons / IMF. Working Paper. No. 128. 1998; *Данкевич А.И., Игнацкая М.А.* Восточная и Юго-Восточная Азия: финансово-экономический кризис и его последствия // Деньги и кредит. 1999. № 3.

мику Венгрии и Польши составил соответственно 41 и 22% среднегодового ВВП данных стран¹.

Росту инвестиций в развивающиеся рынки способствовало несколько факторов². Во-первых, в результате проведенных в развивающихся странах в 1980-е гг. экономических реформ была укреплена финансовая система. Повышению интереса к развивающимся рынкам также способствовали улучшения в сфере налогообложения иностранных инвестиций, законодательной защиты прав собственников, совершенствование институтов банкротства, повышение прозрачности участников рынка, а также масштабная приватизация государственной собственности.

Во-вторых, реструктуризация долга в соответствии с планом Брейди снизила долговую нагрузку на экономику. Это привело к существенному увеличению темпов роста экономики, росту производительности труда.

В-третьих, снижение темпов экономического роста в развитых странах привело в условиях низкой инфляции в начале 1990-х гг. к уменьшению процентных ставок. Столкнувшись с сокращением доходности вложений, инвесторы начали искать новые сферы приложения капитала³.

С увеличением размеров инвестируемого в развивающиеся рынки капитала выросла доля краткосрочных инвестиций. Соответственно выросла и степень волатильности капитальных потоков в 1990-е гг. Легко заметить, что пик краткосрочных заимствований пришелся в странах Латинской Америки на 1993–1994 гг., а в странах Азии на 1995–1996 гг., т. е. на периоды, непосредственно предшествовавшие соответственно мексиканскому и азиатскому кризисам. Причем и в Мексике, и в странах Восточной Азии в предкризисный период удельный вес краткосрочной задолженности в структуре долга доходил до 40–50%⁴.

---

¹ *Lopez-Mejia A.* Large Capital Flows. A Survey of the Causes, Consequences and Policy Responses / IMF .Working Papers. No. 17. 1999.

² *Шпрингель В.К.* Механизмы формирования валютных кризисов на развивающихся рынках. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 49–50.

³ *Calvo G.A., Leiderman L., Reinhart C.M.* Capital Inflows and Real Exchange Rate Appreciation in Latin America / IMF. Staff Papers. No. 40. 1993.

⁴ *Corsetti G., Pesenti P., Roubini N.* What Caused the Asian Currency and Financial Crisis? A Macroeconomic Overview / NBER. Working Papers. No. 6833. 1998.

Иностраный капитал, особенно если его потоки становятся постоянным и заметным по размеру фактором национального производства и функционирования финансовой системы, оказывает сложное и не всегда сразу заметное воздействие на национальную экономику страны реципиента. Это воздействие может осуществляться по нескольким каналам.

Во-первых, импорт капитала приводит к увеличению предложения инвестиционных ресурсов. При этом снижается стоимость кредитов и увеличиваются инвестиции в реальный сектор экономики.

В случае привлечения капитала из-за границы по частным и государственным каналам существенно различаются экономические последствия. Если основным заемщиком иностранных средств является государство, то основная часть заимствований, как правило, используется не для финансирования инвестиций, а в качестве финансовых трансфертов, для финансирования военных расходов и субсидирования неэффективных производств. Часто при этом политическая целесообразность превалирует над соображениями рентабельности того или иного проекта при принятии решений относительно использования заемных средств. В результате отдача от инвестиций часто может не покрывать затрат на обслуживание займа.

Если заемщиком выступают частные компании – производители товаров (услуг), то, как правило, эффективность заимствований оказывается выше, чем в случае с формированием государственного внешнего долга. Это обусловлено тем, что заемные средства используются для расширения и модернизации производства. При этом заемщик относится к максимизации дохода от использования заемных средств более ответственно, так как в общем случае гораздо сильнее государства и его органов зависит от выполнения им обязательств по возврату долга. В результате частный заемщик значительно более заинтересован в нахождении максимально рентабельного способа использования заемных ресурсов.

Во-вторых, усиленный импорт иностранного капитала может вызвать рост денежной массы внутри страны, так как Центральный банк должен скупать иностранную валюту для пополнения золотовалютных резервов и предотвращения нежелательного роста реального курса национальной валюты. Это ведет к росту предложения денег и кредитов внутри страны, что приводит к увеличению темпов инфляции. Наиболее вероятно такое развитие событий при низком уровне

монетизации экономики. Инфляционный шок может быть в некоторой степени компенсирован стерилизацией интервенций (продажей государственных облигаций в национальной валюте на открытом рынке на сумму купленной иностранной валюты). Но это ведет к росту фискальной нагрузки на экономику и сохранению генерирующей приток капитала разницы между внутренними и внешними нормами процента.

В-третьих, импорт капитала провоцирует рост реальной стоимости национальной валюты в связи с увеличением спроса на нее. С одной стороны, дорогая национальная валюта позволяет финансировать дефицит торгового баланса и поддерживать высокий уровень потребления и инвестиций за счет импорта. Но, с другой стороны, это ведет к падению сравнительной конкурентоспособности отечественных товаров на внутреннем и мировом рынках.

Увеличение размеров международной миграции капиталов обусловило превращение каналов экспорта-импорта капиталов в важнейшие инструменты миграции различных экономических шоков между странами. Обратной стороной этого процесса стало беспрецедентное нарастание зависимости интегрированных с точки зрения рынка капиталов национальных экономик от внешних шоков. Свидетельством этого является то, что большинству валютных кризисов, произошедших в 1990-е гг. (мексиканский, восточноазиатский, российский), предшествовал период массивного притока капитала в страну, что вело к быстрому нарастанию дисбалансов в экономике и финансовой сфере. Дефицит торгового баланса в этих случаях являлся следствием переоцененности валюты, генерируемой притоком капитала по финансовым каналам, а не высокими темпами роста денежной массы.

Финансовые рынки промышленно развитых и развивающихся стран существенно различаются между собой.

В развитых странах на финансовых рынках преобладают корпоративные ценные бумаги, а государственные обязательства играют сравнительно незначительную роль в общем обороте. Это связано с тем, что государственные бумаги эмитируются главным образом для финансирования краткосрочных кассовых разрывов в бюджете и для регулирования денежного предложения. Поэтому эмиссия государственных обязательств не приводит к вытеснению корпоративных ценных бумаг. При этом все ценные бумаги на фондовых рынках номинированы в национальной валюте и имеют значительный срок

обращения. В этих условиях приток иностранного капитала стимулирует рост частных инвестиций и, как следствие, ведет к экономическому росту.

Структура финансовых рынков в развивающихся странах и странах с переходной экономикой существенно отличается от структуры этих рынков в развитых странах. Во-первых, основным эмитентом ценных бумаг является государство. Во-вторых, преобладают краткосрочные государственные обязательства. В-третьих, финансовый рынок обладает меньшей емкостью, чем в развитых странах. В-четвертых, Центральные банки имеют ограниченные возможности для операций с обязательствами в национальной валюте на открытом рынке. Расширение объема операций может привести к замещению частных инвестиций государственными расходами, а кроме того, к росту процентных ставок и соответственно росту стоимости рефинансирования для государства.

Ограниченный размер национальных финансовых рынков в силу засилья на них государственных ценных бумаг вынуждает частные компании для привлечения капитала самостоятельно или через местные банки выходить на международный рынок капитала. Вследствие слабого доверия к корпоративному сектору развивающихся рынков займы предоставляются преимущественно на кратко- и среднесрочной основе (*original sin hypothesis*)¹.

Одним из следствий усиленного притока на развивающиеся рынки иностранных капиталов является то, что именно они начинают доминировать при определении уровня и динамики цен².

Это создает на рынках ситуацию «спекулятивного пузыря»³, когда цены финансовых инструментов определяются не финансовыми показателями деятельности фирм или другими фундаментальными факторами, а ожиданиями инфляции. Вероятность возникновения «спекулятивных пузырей» на фондовом рынке и рынке недвижимости тем выше, чем больше ориентированность игроков на извлечение краткосрочной прибыли от торговых операций и чем

---

¹ *Eichengreen B., Hausmann R.* Exchange Rates and Financial Stability / NBER. Working Papers. No. 7418. 1999.

² *Шпрингель В.К.* Функционирование банковской системы России в период финансовой стабилизации // Экономический журнал ВШЭ. 2000. № 1.

³ *Flood R.P., Garber P.M.* Market Fundamentals Vs Price-Level Bubbles: The First Test // Journal of Political Economy. 1980. Vol. 80. No. 4.

меньше число обращающихся финансовых инструментов. «Спекулятивные пузыри» имеют тенденцию рано или поздно лопаться, т. е. резкий рост оборачивается резким спадом цен. Последнее может быть вызвано как изменением фундаментальных социально-экономических показателей, так и просто изменением поведения части инвесторов¹.

Интенсивный приток иностранного капитала в условиях низкого доверия населения к национальной валюте и высокой инфляции приводит, как правило, к аккумуляции значительной части этого притока в виде частных сбережений в иностранной валюте. Естественным результатом является постепенная «долларизация» системы расчетов в экономике, следствием чего становится недополучение доходов бюджета (в связи с потерей части дохода от сеньоража) и ослабление общей управляемости денежной системой. Иностранная валюта при высокой инфляции и высоких инфляционных ожиданиях является эффективным заменителем национальной валюты, спрос на которую со стороны резидентов резко сокращается.

Распределение приобретаемой населением валюты между наличностью и банковскими депозитами зависит от состояния банковской системы страны, уровня доверия к ней со стороны населения и бизнеса. Если национальные банки пользуются доверием, то приобретаемая валюта оседает в них. В результате рост депозитов в иностранной валюте повышает инвестиционный потенциал банковского сектора и делает кредиты более доступными для производства. Например, масштабы спада производства в латиноамериканских странах с развитой банковской системой (Аргентина, Бразилия) в 1980-е гг. были меньше, чем в странах с аналогичной долговой нагрузкой, но относительно слабой банковской системой (Боливия, Перу)².

---

¹ *Calvo G.A.* Balance of Payments Crises in Emerging Markets: Large Capital Inflows and Sovereign Governments / NBER. Currency Crises Conference. Cambridge, 1998; *Avery C., Zemsky P.* Multidimensional Uncertainty and Herd Behavior in Financial Markets // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No. 4.

² *Шпрингель В.К.* Проблема внешнего долга и экономическое развитие стран Латинской Америки в 80-е годы // *Экономический журнал ВШЭ*. 1999. № 3.

В целом влияние роста внешнего долга на состояние банковской системы определяется особенностями механизма притока иностранных капиталов. Если внешний долг формируется в основном в результате заимствований государства, то воздействие внешнего долга на банковскую систему носит опосредованный характер и связано с его влиянием на валютный и финансовый рынок. Если основными акцепторами иностранного капитала являются частные заемщики, то банковская система играет основную роль в процессе распределения иностранных займов, определяя, таким образом, эффективность использования привлеченных средств¹.

Как правило, на развивающихся рынках с преимущественной ролью в импорте иностранного капитала частного сектора банковские системы играют исключительно высокую роль в связи с закрытостью информации, неразвитостью альтернативных систем финансового посредничества (инвестиционные и пенсионные фонды, страховые компании). Банки на развивающихся рынках часто используют операции по трансформации краткосрочных и среднесрочных валютных займов в долгосрочные кредиты в национальной валюте, процентная ставка по которым весьма высока. При стабильном валютном курсе такое размещение ресурсов является высокодоходным. При этом по мере роста объема привлеченных банками с зарубежных рынков средств увеличивается объем вложений в сектора экономики, работающие на внутренний рынок и не имеющие постоянного дохода в иностранной валюте.

Но если при снижении цены национальной валюты банки терпят существенные убытки, то это при определенных условиях ведет к банковскому кризису. Именно поэтому банковские системы развивающихся стран и стран с переходной экономикой подвержены периодически возникающим кризисам.

---

¹ Caprio G., Klingbiel D. Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy or Bad Banking? / World Bank. Conference on Emerging Markets. 1996.

ВАЛЮТНЫЕ И БАНКОВСКИЕ КРИЗИСЫ НА РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЫНКАХ¹

Кризисы в странах Латинской Америки

С точки зрения предпосылок, механизмов формирования и способов разрешения кризисы 1970–1980-х гг. в значительной степени отличаются от кризисов 1990-х гг. Первые являются в целом кризисами государственных финансов, а вторые – кризисами частных финансов.

В странах Латинской Америки наиболее характерными являлись кризисы первого типа, т. е. кризисы государственных финансов. Кризисы в латиноамериканских странах в 1980-е гг. характеризуют основные макроэкономические показатели. Так, среднегодовой темп экономического роста в странах Латинской Америки сократился с 106% в 1970-е гг. до 101,8% в 1980-е гг. Резко увеличились темпы роста инфляции и безработицы. Ряд стран (Перу, Никарагуа, некоторые страны Карибского бассейна) были вынуждены отказаться от обслуживания внешних обязательств. Этот кризис стал результатом совместного воздействия спада в развитых странах в 1980–1982 гг., а также ошибок во внутренней экономической политике. Рецессия в США и Западной Европе, сопровождавшаяся ростом процентных ставок, с одной стороны, обусловила сокращение спроса на сырьевые товары, являвшиеся основой экспорта латиноамериканских стран, а с другой – привела к росту стоимости обслуживания и рефинансирования внешнего долга.

Кроме этого, внутренняя экспансионистская бюджетная и денежная политика была причиной роста инфляции и увеличения стоимости импорта, а также реального обесценения национальных валют. Увеличение размеров отрицательного чистого экспорта обусловило достаточно быстрое истощение валютных резервов, что наряду с ростом платежей по внешнему долгу привело к отказу государств от поддержания фиксированного обменного курса национальных валют и последующей их девальвации. В то же время отток иностранного и национального капитала с национальных финансо-

---

¹ Горюнова Н.П., Минакир П.А. Валютные и банковские кризисы на развивающихся рынках // Горюнова Н.П., Минакир П.А. Финансовые кризисы на развивающихся рынках / отв. ред. С.Н. Леонов; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006.

вых рынков не оказывал на ситуацию существенного влияния. В соответствии с ранее приведенной классификацией валютных кризисов такая ситуация характеризуется как внешнеэкономический кризис (*current account crises*).

Девальвация национальных валют не привела к быстрому решению накопившихся в экономике латиноамериканских стран проблем. Причиной такого «нестационарного» положения явилось то, что внутренние экономические политики по-прежнему основывались на стимулировании роста потребления и на экспансионистской денежной и бюджетной политике, хотя проблемы с обслуживанием внешнего долга не стали легче после разовой девальвации национальных валют.

Решение проблемы внешнего долга является сложной задачей для любой страны, но имеет существенные различия в доступных механизмах ее решения в зависимости от развитости экономики и рыночных институтов. Существуют разные принципиальные способы решения проблемы обслуживания внешнего долга. Во-первых, можно воспользоваться ростом бюджетных доходов, направив часть из них на выплату внешнего долга. Во-вторых, можно увеличить валютные доходы страны посредством роста стоимости экспорта или снижения импорта с помощью развития импортозамещающего производства. В-третьих, можно стимулировать рост чистых внутренних сбережений (как государственных, так и частных). В-четвертых, можно провести замещение внешнего долга внутренними заимствованиями.

Реально использовать «недефицитные» способы обслуживания внешнего долга в латиноамериканских странах оказалось невозможно. В условиях роста социально-политической напряженности, вызванной обычным при долговом кризисе ростом безработицы и потребительских цен, правительства были ограничены в своих возможностях снижать непроцентные расходы и увеличивать налоги. Кроме того, страны, относящиеся к числу развивающихся рынков, в большинстве своем отличаются слабой системой администрирования налогов, и рост налоговых ставок приводит не к росту бюджетных поступлений, а к переводу экономики «в тень», что снижает реальный уровень бюджетных доходов. Рост чистого экспорта не мог быть достигнут лишь за счет одноразовой девальвации, так как это требовало масштабных структурных преобразований. Фактически в условиях слабости государственной власти и отсутствия кон-

сенсуса в обществе в распоряжении у правительств оставался единственный инструмент – переориентация доходов бюджета на нужды обслуживания внешнего долга. Именно на этот путь и встали латиноамериканские страны в начале 1980-х гг.

Но направление значительных средств на нужды обслуживания внешнего долга привело к тому, что к середине 1980-х гг. в Мексике, Аргентине, Боливии и Бразилии дефициты бюджетов выросли до критического уровня.

В начале 1980-х гг. в странах с относительно развитыми финансовыми рынками (Мексика, Бразилия, Аргентина) для финансирования дефицита бюджетов использовалась эмиссия государственных облигаций в национальной валюте. Однако низкая емкость национальных финансовых рынков и преобладание в структуре внутреннего долга краткосрочных бумаг обусловили значительный рост реальных процентных ставок, что привело к снижению темпов экономического роста. Результатом стал отказ от масштабных облигационных займов и переход к финансированию бюджетных дефицитов за счет денежной эмиссии, размеры которой значительно увеличились к середине 1980-х гг. Эмиссия использовалась и как способ перераспределения валютных средств из частного сектора в государственный.

Переход от финансирования бюджетного дефицита за счет внутренних заимствований к увеличению денежной эмиссии блокировало падение темпов роста, но провоцировало гиперинфляцию. В некоторых латиноамериканских странах (Бразилия, Боливия, Аргентина) темп инфляции доходил до 1000% и более в год. Денежная эмиссия активировала контур опасной положительной обратной связи – увеличение денежной массы снижало покупательную способность национальной валюты, а реальная девальвация валюты стимулировала дальнейший рост инфляции.

Девальвация национальной валюты стимулирует инфляцию внутри страны по нескольким направлениям.

Во-первых, в результате снижения стоимости национальной валюты, что повышает стоимость импортной продукции. Зависимость роста потребительских цен от степени обесценения национальной валюты определяется эластичностью спроса на импортируемые товары и услуги от цен, а также структурой импорта. Чем больше в структуре импорта товаров потребительского спроса, и прежде всего товаров первой необходимости (т. е. товаров с неэла-

стичным спросом), тем в большей степени вследствие девальвации вырастут потребительские цены.

Во-вторых, вследствие увеличения денежной массы посредством «монетизации» части валютных поступлений, обусловленных превышением экспорта над импортом («голландская болезнь»). Инфляционное влияние этого фактора слабее в странах с преобладанием государственного экспорта, в которых большая часть валютных поступлений идет непосредственно в бюджет.

В-третьих, инфляция увеличивается по мере увеличения государственных расходов на цели обслуживания внешнего долга. Реальная девальвация увеличивает внутренний эквивалент долговых валютных затрат.

Как было отмечено выше, латиноамериканскими и африканскими странами в период высоких выплат по внешнему долгу широко использовалось стимулирование экспорта и сокращение импорта путем уменьшения реальной стоимости национальной валюты. В 1982–1989 гг. в странах с высокой долговой нагрузкой рост курса доллара мог в отдельные периоды времени опережать темп инфляции вдвое. При этом опережающие по сравнению с внутренней инфляцией темпы девальвации использовались не только в целях ограничения импорта, но и для компенсации падения цен на экспортные товары.

Такая валютная политика, действительно, привела к росту чистого экспорта. В частности, в Бразилии он составил в период 1982–1984 гг. 130% при 30%-ном сокращении импорта за счет более чем 40% реальной девальвации валюты.

Отток капитала в результате высокой инфляции и реальной девальвации национальной валюты в начале кризисного периода спровоцировал проблемы в банковской системе¹. Банкротство ряда крупных латиноамериканских банков в 1982–1983 гг. снизило уровень доступных для инвестирования сбережений и привело к росту «долларизации» денежного обращения. «Долларизация» стала дополнительным фактором роста цен и сокращения спроса на национальную валюту.

---

¹ *Rothier P.* Explaining the Behavior of Financial Intermediation: Evidence from Transition Economies / IMF. Working Paper. No. 36. 1999; *Gonzales-Hermosillo B.* Determinants of Ex-Ante Banking System Distress: A Macro-Micro Empirical Exploration of Some Recent Episodes / IMF. Working Paper. No. 33. 1999.

Определенную стабилизирующую роль банки сыграли только в тех странах, где банковские системы были сравнительно хорошо развиты, в частности, в Аргентине, Бразилии и Мексике. В этих странах, в отличие от Боливии, рост инфляции сопровождался увеличением совокупных депозитов (за счет валютной части), что обеспечивало банки необходимыми средствами для продолжения кредитования экономики.

Воздействие внешнего долга на экономику и глубина кризисных явлений зависели во многом еще и от способа концентрации экспортных доходов. При их аккумуляции в руках государства значительно увеличивается возможность одновременного сокращения бюджетного дефицита и обеспечения платежей по внешнему долгу за счет мер по увеличению экспортных доходов (например, путем девальвации).

Действительно, в таких странах, как Мексика, Чили, Боливия, Нигерия или Венесуэла, где государство контролировало основные экспортные потоки, увеличение экспорта приводило одновременно к улучшению платежного баланса и сокращению бюджетного дефицита. Напротив, в странах, где основная часть экспортных ресурсов контролировалась частным сектором (Аргентина, Бразилия, некоторые другие страны Африки и Центральной Америки), увеличение экспортных доходов, даже относительный избыток валютных средств в частном секторе экономики, вполне могло соседствовать с дефицитом государственного бюджета. В таких случаях единственным выходом для увеличения валютных ресурсов государства являлась эмиссия государственных ценных бумаг или, что еще хуже, денежная эмиссия.

Поскольку внешняя задолженность банков в случае поступления средств по государственным каналам была относительно небольшой, девальвация национальных валют не оказывала критического воздействия на состояние банковской системы. Для стран, переживших тяжелый долговой кризис в 1982–1989 гг., банкротства банков были характерны только на начальном этапе кризиса.

Высокая инфляция в латиноамериканских и африканских странах была преодолена в большинстве случаев в конце 1980-х гг. достаточно безболезненно. Большую положительную роль в успехе антиинфляционных программ сыграло достижение договоренностей с кредиторами, что позволило снизить долговую нагрузку. Как правило, стабилизационные программы включали решение трех взаимо-

связанных задач – ограничение совокупного спроса, корректировку относительных цен и снижение инфляционных ожиданий¹. Составными частями данных программ являлись сокращение государственных расходов, рост налоговой базы, либерализация финансового рынка, приватизация, ужесточение денежно-кредитной политики, а также фиксация обменного курса национальной валюты. В силу высокой долларизации денежного обращения фиксация валютного курса играла роль якоря для инфляционных процессов.

Вместе с тем, вследствие принятия в период гиперинфляции высоких рисков, банковский сектор в период торможения инфляционных процессов столкнулся в ряде стран с серьезными проблемами. Основной причиной являлось сокращение процентных доходов в результате падения процентных ставок при снижении темпов роста инфляции. Однако банковские кризисы не оказали заметного воздействия на развитие экономики латиноамериканских стран, так как соотношение банковских активов и ВВП было невысоким.

Влияние положения в банковском секторе на состояние реального производства и финансового рынка в странах, в которых основным заемщиком являлся частный сектор, было намного выше. Выше была и взаимообусловленность банковских и валютных кризисов в связи с тем, что банки играли важную роль в обслуживании иностранных капиталов. Выступая посредниками по привлечению средств в национальную экономику, банки принимали на себя избыточные валютные риски. Неплатежеспособность предприятий-заемщиков означала для банков снижение возможностей своевременно расплачиваться по взятым на себя обязательствам в иностранной валюте.

Особенно серьезный характер проблема неплатежеспособности банков приобретала при снижении курса национальной валюты. Это приводило, естественно, к сокращению возможностей обслуживать платежи в иностранной валюте путем конвертации номинированных в национальной валюте доходов и заемных средств. Это являлось важной причиной формирования банковских кризисов.

Во время мексиканского кризиса 1994–1995 гг. ситуация в банковском секторе оказала заметное влияние на развитие кризиса. Масштабный приток инвестиций (в основном портфельных) в страну

---

¹ Шпрингель В.К. Проблема внешнего долга и экономическое развитие стран Латинской Америки в 80-е годы // Экономический журнал ВШЭ. 1999. № 3.

в начале 1990-х гг. привел к росту отношения кредитов частному сектору к ВВП с 15,1% в 1989 г. до 46,3% в 1994 г. и, в конечном итоге, к сдвигу в структуре задолженности в пользу частного сектора. Сам по себе приток инвестиций являлся следствием либерализации валютного регулирования и приватизации государственных предприятий в Мексике, а также результатом экономического спада в США и других развитых странах. Банки выступали основными посредниками между иностранными инвесторами и частными заемщиками. При этом способность банков эффективно использовать данные средства была ограниченной: доля просроченных ссуд в кредитном портфеле банков увеличилась с 2,3% в 1989 г. до 9,4 % в 1994 г.

Приток капитала создавал возможности для поддержания на относительно высоком уровне темпов роста экономики (в 1991–1994 гг. около 103% в год) и роста золотовалютных резервов. В то же время он стал причиной возникновения существенных проблем для национальной экономики.

Во-первых, снизилась обеспеченность краткосрочных обязательств резервами. Поскольку степень монетизации ВВП была небольшой, перевод инвесторами средств из иностранной валюты в песо приводил к росту денежной массы. Так, соотношение денежной массы (M2) с ВВП удвоилось за период с 1989 по 1994 г., одновременно вдвое выросла инфляция. В то же время темпы аккумуляции золотовалютных резервов отставали от скорости роста денежной массы. Непосредственно перед кризисом (ноябрь 1994 г.) объем денежной массы превышал величину золотовалютных резервов страны более чем в 9 раз.

Во-вторых, государство проводило политику фиксации скорости обесценения национальной валюты (система *crawling peg*), что обуславливало ее реальное удорожание. Реальная стоимость мексиканского песо в 1994 г. превышала средний за период 1985–1989 гг. уровень более чем на 30%. По мере реального удорожания национальной валюты увеличивался дефицит по счетам текущих операций (с 1,6% ВВП в 1989 г. до 7,6% в 1994 г.).

В-третьих, значительно увеличивались цены на финансовые активы. Это было связано с тем, что значительная часть поступающих средств расходовалась для проведения спекулятивных операций на фондовом рынке и рынке недвижимости, что приводило к удорожанию обращающихся финансовых инструментов по отношению к фундаментальному уровню.

Для того чтобы взять под контроль инфляцию, Центральный банк Мексики принял решение ужесточить денежно-кредитную политику. Были резко сокращены темпы денежно-кредитной эмиссии. Это привело к росту реальных процентных ставок на финансовом рынке. В результате снизилась предпринимательская активность и ухудшилось финансовое состояние банковской системы. Кроме того, увеличились издержки по обслуживанию внутреннего долга. В связи с этим летом 1994 г. правительство было вынуждено предложить инвесторам обменять краткосрочные облигации в национальной валюте (СЕТЕС) на краткосрочные инструменты в долларах США (Tesobonos). Это позволило привлечь дополнительные валютные средства, но проблема валютной ликвидности стала еще более острой.

Длительная стагнация производства, большой дефицит торгового баланса и высокий уровень внешней задолженности обусловили переоценку инвесторами риска вложения средств в сторону повышения, что стало причиной вывода инвестиций. Для того чтобы минимизировать негативное воздействие оттока капитала на уровень национального производства, Центральный банк мог прибегнуть либо к повышению размера процентных ставок, либо к увеличению объема внутреннего кредита. Опасаясь, что рост процентных ставок негативно скажется в реальном и банковском секторах национальной экономики, Центральный банк выбрал либерализацию внутреннего кредита. Но это привело только к увеличению объема средств, которые могли быть использованы для спекулятивной атаки на национальную валюту, и к еще большему снижению обеспеченности денежной массы золотовалютными резервами.

Так как размер золотовалютных резервов был весьма ограничен, а пределы изменения процентных ставок невелики в силу слабости банковской системы и реального сектора экономики, единственным выходом для правительства Мексики стала девальвация национальной валюты. 15 декабря 1994 г. было объявлено о 15%-ной девальвации песо. Это дестабилизировало валютный и финансовый рынки, в результате чего отток капитала перерос в финансовую панику. В итоге за неделю валютные резервы Мексики уменьшились на 12 млрд долл., что привело к обесценению валюты еще почти на 50%. Полномасштабного банковского кризиса в стране удалось избежать только путем снижения резервных требований к коммерческим банкам и введения ограниченной схемы гарантирования депозитов.

В результате мексиканского кризиса начались спекулятивные атаки на ряд национальных валют. Кроме того, увеличились спрэды по обязательствам развивающихся стран. В наибольшей степени от событий в Мексике пострадали Аргентина, Бразилия и Филиппины¹. Так, в Аргентине за период с декабря 1994 по март 1995 г. фондовый индекс упал на 35%, а банковские депозиты сократились на 15%.

Макроэкономическая ситуация в азиатских странах перед кризисом

Существуют различные подходы к анализу причин, спровоцировавших азиатский кризис 1997 г.² Наиболее распространенными являются две основные точки зрения на природу разразившегося кризиса.

Первая – основными источниками кризиса в банковском секторе и на валютных рынках Азии называются резкие изменения ожиданий инвесторов относительно прибыльности вложений в данном регионе и, как результат, возникновение «модели стадного поведения», перерастающей в эффект «заражения». С этой точки зрения, ухудшение макроэкономических показателей не могло послужить базовым фактором развертывания кризиса.

Вторая – кризис могло спровоцировать ухудшение основных макроэкономических показателей (в предыдущей главе они рассматривались в качестве основных индикаторов кризиса), последующая реакция агентов (паника внутренних и иностранных инвесторов) только усугубила положение стран региона в кризисный период.

В действительности оба варианта реализовались в странах Восточной Азии одновременно. В таких странах, как Таиланд, Республика Корея, Индонезия, Малайзия и Филиппины, кризис был в определенной степени вызван накоплением макроэкономических дисбалансов. В то же время в Сингапуре и Гонконге причиной кризиса стали прежде всего сдвиги в поведении инвесторов. Нами рассматриваются страны первой группы. Именно эти страны наиболее

---

¹ *Baig T., Goldfajn I.* Financial Market Contagion in the Asian Crisis / IMF. Staff Papers. 1999; *Sachs J., Tornell A., Velasco A.* Financial Crises in Emerging Markets: The Lesson from 1995 // Brookings Papers on Economic Activity. 1996.

² Кризис охватил динамично развивающиеся страны: Республику Корея, Индонезию, Таиланд, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Китай.

пострадали от кризиса 1997 г., а сам кризис в этих экономиках был связан с общеэкономической динамикой, тогда как кризисные ситуации в Сингапуре и Гонконге явились в значительной степени бихевиористической реакцией на спровоцированные макроэкономическими диспропорциями потрясения валютно-финансовых систем «пятерки» (ЕА-5).

Структура внешних заимствований в случае азиатских стран была обусловлена использованием частным бизнесом стран региона рискованной стратегии высокого финансового рычага. Для финансирования инвестиционных затрат использовались дешевые краткосрочные (до одного года) займы. При этом норма задолженности была чрезмерной: у большинства ведущих компаний азиатских стран долговые обязательства превышали капитал в 2–3 раза.

Поскольку за исключением крупнейших компаний производители не могли самостоятельно выйти на международный рынок, посредником между зарубежными кредиторами и национальными заемщиками выступала банковская система, которая трансформировала кредиты в иностранной валюте в ссуды в национальной валюте. Такая политика привела к тому, что валютные обязательства банков стран региона превышали валютные активы в 2 раза и более.

Как известно, привлечение заемных средств помогает компании получить дополнительный выигрыш от снижения размера платежей по налогу на прибыль, поскольку платеж процентов по долгу в большинстве стран исключается из налогооблагаемой базы налога на прибыль. Политика использования краткосрочных средств для финансирования инвестиций требует от компании поддерживать высокие показатели прибыльности. Когда это невозможно, долг начинает рефинансироваться с помощью новых заимствований. В результате чрезвычайно быстро нарастает пирамида долга и сокращается разница между стоимостью привлечения средств и отдачей от инвестиций. Например, по состоянию на начало 1997 г. уровень рентабельности в 20 из 30 ведущих корейских фирм был ниже средней стоимости их займов¹.

Рост соотношения заемные / собственные средства, а также снижение прибыльности деятельности компаний-заемщиков заставил инвесторов пересмотреть риск операций на восточноазиатских рынках. В итоге вложения в обязательства банков и компаний

---

¹ *Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What Caused the Asian Currency and Financial Crisis? A Macroeconomic Overview / NBER. Working Papers. 1998.*

стран Восточной Азии сократились, что спровоцировало рост процентных ставок и падение фондовых индексов в странах региона еще в начале 1997 г.

Помимо высокой доли краткосрочных обязательств в структуре долга мексиканский и азиатский кризисы роднит то, что они происходили в условиях фиксации валютного курса или темпов его девальвации, дающих инвесторам обманчивое чувство защищенности от валютных рисков и снижающих у них стимулы хеджировать вложения. Поскольку изменение валютного курса грозит потерей капитала, у инвесторов растут стимулы выводить средства из страны при первой, даже мнимой, опасности.

Среди других важнейших причин азиатского кризиса следует отметить ухудшение внешнеторговых позиций государств Восточной Азии (группа EA-5) накануне кризиса. Важную роль в этом процессе сыграли девальвации японской иены и китайского юаня по отношению к доллару США в 1995–1996 гг., приведшие к ухудшению конкурентных позиций компаний стран региона на мировом рынке и сокращению чистого экспорта. Для обеспечения устойчивой платежеспособности по внешнему долгу им было необходимо увеличить сальдо внешнеторгового баланса от 2,3% ВВП в Малайзии до 6,9% ВВП в Таиланде.

Ухудшение внешнеторговой конъюнктуры привело к снижению платежеспособности корпоративных заемщиков банков и накоплению на фоне предыдущего кредитного «бума» значительного объема просроченных ссуд. По состоянию на конец 1996 г. доля таких ссуд в банковских кредитных портфелях колебалась от 8% в Республике Корея до 14% на Филиппинах. В то же время банки в большинстве своем были слабо капитализированы: отношение капитала к совокупным активам банковской системы ни в одной из стран группы EA-5 не превышало 10%.

Увеличение процентных ставок (как вследствие оттока капитала с рынка, так и в результате использования Центральными банками стран региона политики ограничения денежной массы в качестве защитной меры) в таких условиях привело к быстрому нарастанию проблем в банковском секторе еще на ранних этапах кризиса – весной-летом 1997 г. Банки отреагировали на это сокращением кредитных вложений и вложений в финансовые инструменты, что соответственно повлияло на реальное производство и ситуацию на финансовом рынке (*vicious circle*).

Для стран ЕА-5 макроэкономические дисбалансы не имели катастрофического характера, но были достаточно четко выражены, особенно учитывая тот факт, что в первой половине 1990-х гг. макроэкономические показатели для большинства стран региона отражали вполне устойчивую ситуацию и не предвещали каких-либо потрясений. Такое впечатление создается, в частности, тем, что часто нарушения в функционировании банковской системы связывают со значительным снижением роста реального ВВП в предкризисный год. В то же время для выделенных нами для анализа пяти стран Восточной Азии какого-либо существенного падения ВВП не наблюдалось. Однако существует ряд других макроэкономических индикаторов, динамика которых свидетельствует о взаимосвязи циклических колебаний с колебаниями макроэкономических трендов.

Если проанализировать предкризисную ситуацию в различных странах Восточной Азии в динамике с учетом хронологии событий, то выясняется, что везде наличествовала достаточно определенная тенденция ухудшения ключевых макроэкономических параметров, особенно на денежном и валютном рынках. Общая экономическая ситуация в регионе вызывала серьезные опасения уже в четвертом квартале 1996 г.

В ноябре – декабре 1996 г. на тайландский бат начались первые спекулятивные атаки, которые особенно усилились в первой половине 1997 г. Дефицит баланса текущих операций в Таиланде вырос практически до 8% к концу 1996 г. (в 1993 г. этот показатель составлял 5,7%). В это время макроэкономические показатели отражали значительные нарушения функционирования экономики Таиланда: отрицательное сальдо торгового баланса составляло около 7% ВВП, увеличивался размер краткосрочной внешней задолженности, ухудшались экономические позиции производственных и финансовых компаний, которые имели высокую долю внешних заимствований для финансирования спекулятивных сделок с недвижимостью и ценными бумагами.

Увеличивающиеся темпы роста в Индонезии вызвали к 1995–1996 гг. угрозу «перегрева» экономики: темп инфляции был одним из самых высоких в регионе, профицит торгового баланса сильно сократился. В ответ на ухудшение макроэкономической ситуации Банк Индонезии повысил в 1995 г. ставки процента и увеличил размер обязательных резервов для коммерческих банков с 2 до 3% в январе 1996 г. (к апрелю 1997 г. эта норма увеличилась до 5%). Индонезия,

как и большинство стран региона, столкнулась с проблемой выбора инструментов экономической политики. Банк Индонезии стремился снизить внутренний спрос, но необходимое для этого значительное повышение процентной ставки могло спровоцировать дополнительный приток капитала в страну, в результате чего еще больше повысилась бы стоимость национальной валюты. В качестве сдерживающего фактора для притока капитала в страну в результате монетарного сжатия Банк Индонезии расширил валютный коридор (первоначально допустимые дневные колебания курса были увеличены с 2 до 3%, а к сентябрю 1996 г. – до 8%). Однако эта мера не помогла сократить приток капитала.

Дефицит счета текущих операций увеличился значительно и в Малайзии, где его величина достигала 10% ВВП в 1995 г. Ситуация усугублялась значительным ростом (на 25%) государственных расходов на финансирование крупных правительственных проектов, которые были инициированы премьер-министром в рамках программы формирования статуса Малайзии как индустриальной страны. Аналогично Индонезии, Центральным банком Малайзии были повышены процентные ставки, кроме того, вводилась система ограничений на кредитование для приобретения автомобилей и недвижимости. К 1996 г. произошло значительное снижение темпов роста малайзийского экспорта (с 20,9% в 1995 г. до 7,3% в 1996 г.). Однако, вероятно, одним из самых важных аспектов в 1996 г. стал резкий приток капитала в страну (11,4 млрд долл. в 1996 г. против 2,4 млрд долл. в 1995 г.). Такой приток инвестиций был спровоцирован ростом процентных ставок в стране, которые стали «слишком привлекательны для инвесторов, чтобы продолжать их игнорировать». Приток внешнего финансирования привел к резкому росту объемов кредитования в стране, причем значительная часть средств направлялась на ссуды под покупку недвижимости. Результатом стал рост цен на недвижимость в самых крупных городах Малайзии на 25%.

Серьезные экономические проблемы в 1995–1996 гг. не обошли и Республику Корея. Дефицит счета текущих операций увеличился почти до 5% ВВП. Значительно сократился экспорт, накапливался краткосрочный внешний долг. Объемы производства сократились практически наполовину по сравнению с предыдущими годами. В еще большей степени сократилась прибыльность крупнейших корпораций, обремененных большой задолженностью. В результате фондовые индексы упали на 36% по сравнению с 1994 г.

На фоне других стран региона относительно более стабильными были позиции Филиппин. Несколько лет реформирования обеспечили профицит бюджета и относительно низкий уровень безнадежных кредитов в банковском секторе (в конце 1996 г. их доля составляла 3,4% в общем объеме кредитов). Однако рост объемов кредитования частного сектора повышал долю инвестирования в рискованные проекты и спекулятивные сделки с недвижимостью. В стране было значительное отрицательное сальдо текущего счета, рос реальный курс валюты.

В первом квартале 1997 г. правительство Таиланда оказывало значительную поддержку крупным национальным финансовым корпорациям, испытывавшим трудности с выполнением своих обязательств¹, что повлекло значительное увеличение денежной массы в стране. Кроме того, значительные гарантии, объявленные правительством Таиланда в отношении задолженности финансовых компаний, естественно, способствовали росту проблемы морального риска: национальными корпорациями наращивались суммы проблемных займов, которые привлекались из иностранных источников под гарантии правительства и Центрального банка. Только в июне 1997 г., после того как новый министр финансов объявил, что реальная величина золотовалютных резервов являлась лишь малой долей официально объявленных объемов, государство отказало в поддержке национальным корпорациям. Весной 1997 г. 28 млрд из 30 млрд долл., официальных резервов Таиланда было израсходовано на проводимые в целях защиты бата интервенции на форвардных рынках.

Стало очевидным, что правительство Таиланда не имело достаточно ресурсов, чтобы поддерживать национальные корпорации и отражать атаки на национальную валюту. Началась мощная спекулятивная атака на тайский бат, в результате чего 2 июля 1997 г. правительство отказалось от поддержания фиксированного курса, к этому моменту практически весь объем золотовалютных резервов был использован на поддержание курса бата². К августу курс бата упал на

---

¹ В первом квартале 1997 г. Фонд развития финансовых институтов (*Financial Institutions Development Fund, FIDF*) при Центральном банке Таиланда выделил кредитов на общую сумму свыше 8 млрд долл., 17,5% из которых получила крупнейшая в стране финансовая корпорация «Finance One».

² *Lindgren C.-J., Balino T., Enoch C., Guide A.-M., Quintyn M., Teo L. Financial Sector Crisis and Restructuring: Lessons from Asia / IMF. Occasional Paper. No. 188. 1999.*

20%, это стало началом полномасштабного валютно-банковского кризиса. Несколько позже были официально закрыты 56 финансовых учреждений, большая часть которых были фактическими банкротами задолго до наступления кризиса¹. Для того чтобы остановить давление на валюту, правительство Таиланда заключило 20 августа 1997 г. соглашение с МВФ о предоставлении трехлетнего кредита, с участием в данной программе помощи Международного банка и Азиатского банка развития. По мере того, как кризисная ситуация распространялась на другие страны региона и ожидания инвесторов относительно данного региона только ухудшались, курс бата продолжал падать.

На фоне ухудшения макроэкономических условий уже в первые месяцы 1997 г. произошло падение цен финансовых активов и недвижимости, и начались спекулятивные атаки на валюты азиатских стран. После того как произошла значительная девальвация бата, валютный кризис перекинулся на другие страны региона, которые имели аналогичную Таиланду структуру экспорта и схожие макроэкономические условия, т. е. Индонезию, Малайзию и Филиппины. К сентябрю 1997 г. тайский бат потерял 42% своей стоимости по сравнению с началом года, а индонезийская рупия, малазийский ринггит и филиппинское песо были девальвированы на 37, 26 и 29%, соответственно. Важно отметить, что корейская вона была девальвирована несколько позже остальных валют (в ноябре 1997 г.), что еще больше усугубило экономический кризис в стране, поскольку Республика Корея за этот период понесла существенные потери конкурентоспособности относительно других стран региона. Кроме того, резкое обесценение корейской национальной валюты не только привело к ухудшению финансового положения самой страны, но и в силу того, что Республика Корея является одной из крупнейших экономик региона, оказало воздействие и на остальные страны Восточной Азии. Произошло снижение стоимости сингапурского и тайваньского долларов, а также дальнейшая девальвация валют Таиланда, Малайзии, Индонезии и Филиппин.

Аналогичная ситуация складывалась в Республике Корея где кризис созрел еще задолго до начала спекулятивной атаки в октябре

---

¹ Значительное обесценение бата увеличило суммы внешнего долга таких компаний, чего можно было бы избежать, если бы тяжелое финансовое положение компаний было официально раскрыто непосредственно при возникновении проблем.

1997 г. и последовавшей в ноябре – декабре «финансовой паники». Уже в начале 1997 г. макроэкономические индикаторы отражали всю серьезность ситуации: увеличивался дефицит счета текущих операций, возрастающими темпами сокращался экспорт, снижались объемы производства. Большая часть корпоративных конгломератов (чиболей), имеющих громадные суммы задолженности, оказались банкротами. Тяжелейшее состояние корпоративного сектора и общая финансовая дестабилизация вызвали кризис банковского сектора, который выступал, как упоминалось выше, основным посредником между иностранными кредиторами и внутренними заемщиками.

Источником финансовой дестабилизации в Малайзии можно считать проблемы в секторе недвижимости. К весне 1997 г. спекулятивный «пузырь» кредитования сделок с недвижимостью и ценными бумагами раздулся до такой степени, что когда в марте Банк Негара вмешался в ситуацию, установив ограничения на такого рода кредиты, было уже поздно. Кроме того, подобные ограничения спровоцировали панику среди иностранных инвесторов, которые начали продавать акции. Как следствие, фондовые индексы упали до рекордно низких оценок. За неделю фондовый индекс KLCI упал на 6,6%, его значение было на 17,2% ниже февральского уровня.

Одним из ключевых индикаторов кризиса, как отмечалось выше, является состояние счета текущих операций¹. У пяти азиатских стран, наиболее пострадавших от кризиса 1997 г., наблюдался хоть и относительно небольшой, но тем не менее дефицит счета текущих операций. В 1994–1995 гг. в Индонезии, Республике Корея и на Филиппинах дефицит находился в пределах 2–5% ВВП, в то время как в Таиланде и Малайзии он составлял 5–10%. В 1996 г. во всех пяти странах дефицит счета текущих операций увеличился. Таким образом, можно предположить, что данный показатель предвещает возможность атаки на валюты страны, поскольку именно эти азиатские страны в наибольшей степени пострадали от обесценения национальных валют (в 1997 г. девальвация составила 43 п. п. в Индонезии, почти 30 п. п. в Республике Корея, 35 п. п. в Таиланде).

---

¹ *Milesi-Ferretti G.M., Razin A. Sustainability of Persistent Current Account Deficits / NBER. Working Papers. No. 5467. 1996; Kaminsky G., Lizondo S., Reinhart C. Leading Indicators of Currency Crises / IMF. Staff Papers. 1998; Dornbusch R., Goldfajn I., Valdes R. Currency Crises and Collapses // Brookings Papers on Economic Activity. 1995. No. 2.*

Считается, что дефицит счета текущих операций не несет в себе опасности для устойчивого развития экономики в условиях высоких темпов роста ВВП, поскольку в этом случае замедляется динамика показателя «внешний долг / ВВП» и повышаются возможности страны обслуживать свой долг. Кроме того, высокие темпы роста ВВП могут демонстрировать устойчивые темпы аккумуляирования капитала в ожидании высокой доходности. Динамично развивающиеся страны Восточной Азии демонстрировали устойчивые темпы роста экономики. Темпы роста ВВП в районе 7–10% были нормой для рассматриваемых стран в 1990-е гг. Исключением являлись только Филиппины, где тем не менее к 1994 г. темпы прироста ВВП достигли 5% в год. Только в 1996 г. в большинстве стран региона произошло замедление роста ВВП.

Начиная с 1997 г., темпы роста стали отрицательными уже во всех странах Восточной Азии. Отчетливым индикатором кризиса в Азии стало увеличение потребления частного сектора и уровня инвестиций в 1993–1995 гг. В 1996 г. эти показатели начинают сокращаться и принимают в 1997–1998 гг. отрицательные значения, отражая перегрев этих сегментов рынка.

В соответствии с канонической теорией азиатские страны не должны были столкнуться с проблемами неустойчивости, так как темпы роста ВВП были относительно стабильны. Однако в случае азиатских стран справедлива гипотеза «обратной зависимости». Речь идет о том, что именно быстрый экономический рост может повысить уязвимость валютно-финансового сектора экономики и вызвать его потрясения¹. Это связано с тем, что высокие темпы роста могут обуславливать формирование чрезмерно оптимистичных ожиданий относительно продолжения роста экономики данной страны в будущем. В результате может быть спровоцирован потребительский бум и расцвет инвестирования и соответственно активный приток иностранного капитала в страну для дополнительного растущего спроса. В таких условиях внешний шок может вызвать резкое изменение в

---

¹ Данное исключение применимо не только для азиатского кризиса, но и для случая Чили в 1979–1981 гг. и Мексики в 1977–1981 гг., где средние темпы роста реального ВВП в годы, предшествовавшие кризису, превышали 7% (*Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What Caused the Asian Currency and Financial Crisis? A Macroeconomic Overview / NBER. Working Papers. 1998*).

ожиданиях и как следствие привести к развороту инвестиционных потоков и в конечном итоге к развитию кризиса.

Поскольку сальдо текущего счета представляет собой разницу между национальными сбережениями и инвестициями, несложно предположить, что дефицит может возникнуть либо в результате сокращения сбережений, либо роста инвестиций. Для азиатских стран были характерны достаточно высокие темпы роста инвестиций в 1990-х гг. В большинстве стран они превышали 30% ВВП (в некоторых случаях – 40% ВВП) за исключением Филиппин, где темпы роста инвестиций находились в пределах 20–25%. Однако эффективность этих инвестиций вызывала сомнения. Основная доля подпадающих под подозрения в неэффективности инвестиций концентрировалась в нескольких секторах экономики (сектор недвижимости занимал среди них лидирующее положение). С другой стороны, особенностью азиатского кризиса было чрезмерное спекулятивное инвестирование в сектор недвижимости, что также не увеличивало эффективности инвестиций.

Бюджеты большинства азиатских стран имели положительное сальдо. Тем не менее, опираясь на отсутствие фискальной несбалансированности в годы, предшествовавшие кризису, нельзя исключить значимость фискального фактора в формировании азиатского кризиса. Как будет показано ниже, расширение внутреннего кредита, большую долю которого составляли безнадежные ссуды, повлекло кризис в банковском секторе, преодоление которого было связано со значительными издержками для бюджетов большинства стран региона (по оценкам МВФ, затраты на оздоровление финансового сектора составили порядка 20–30% ВВП¹).

Традиционным индикатором кризиса является высокий уровень инфляции, который сигнализирует о недостатках макроэкономической политики в стране и / или о несбалансированности бюджета, что стимулирует использование дохода от сеньоража. В условиях фиксированного курса высокая инфляция увеличивает уязвимость национальной валюты от спекулятивных атак. В странах Восточной Азии уровень инфляции был невысок. Поэтому этот индикатор был сравнительно малоэффективен. Уровень инфляции в среднем по региону не превышал 10% в 1990-е гг., за исключением Фи-

---

¹ *Fischer S. The Asian Crises: The View from IMF // Asian Association for International Cooperation and Trade. 1998.*

липпин. Это было связано с тем, что страны Восточной Азии использовали рестриктивную денежно-кредитную политику. В результате рост цен, связанный с удорожанием импорта, подавлялся мерами по сокращению денежной массы. Другой важной причиной умеренного роста цен в регионе было то, что в структуре импорта преобладали товары инвестиционного назначения и сырьевые материалы.

Внешнеторговые и финансовые индикаторы также отражали неоднозначную ситуацию в преддверии кризиса. Поддержание фиксированного (в Индонезии) или жестко привязанного к доллару (Таиланд, Малайзия, Филиппины и Республика Корея) курса национальных валют определило незначительные их колебания в 1990-е гг. Более высокие, по сравнению с развитыми странами, темпы инфляции привели к тому, что завышенными оказались реальные эффективные курсы¹.

По сравнению с 1990 г. к весне 1997 г. реальные курсы выросли на 19% в Малайзии, на 23% – на Филиппинах, на 12% – в Таиланде, на 8% – в Индонезии. В то же время реальный эффективный курс корейского вона снизился на 14%. Такое движение реальных курсов было частично обусловлено резким удорожанием американского доллара в 1995 г., к которому в различной степени были привязаны национальные валюты азиатских стран. Поэтому Республика Корея, придерживавшаяся более гибкого режима валютных курсов, не повторила траектории изменения стоимости «якорной» валюты в отличие от остальных стран.

Поддержание стабильного курса валюты в странах Восточной Азии было обусловлено необходимостью стимулировать приток капитала для поддержания высоких темпов роста ВВП, для чего необходимо было создать благоприятные условия для иностранных инвесторов. Для финансирования внутренних кредитов необходимо было привлекать внешние займы, стоимость которых сокращалась по мере снижения валютного риска.

Направленная на стабилизацию валютного курса политика обеспечивала на фоне динамично развивающихся экономик стран региона рост притока капитала. Это было отличительной чертой

---

¹ Под реальным эффективным курсом понимается курс валюты по отношению не к одной, а ко всем валютам всех стран мира, причем удельный вес валюты каждой из стран определяется ее удельным весом во взаимной торговле.

предкризисных периодов в большинстве стран Восточной Азии¹. Связанный с этим расцвет банковского сектора сформировал базу для развития последующих кризисных событий. И. Голдфajn и Р. Вальдес² показали, что наличие в стране финансовых посредников (банков), с одной стороны, способствует увеличению притока капитала в страну, но с другой – повышает вероятность возникновения кризиса ликвидности в финансовой системе, спровоцированного массовыми изъятиями вкладов из банков и переводом средств в иностранную валюту.

Таким образом, однозначной и жесткой трактовки системы макроэкономических показателей с точки зрения их использования в качестве индикаторов валютно-банковских кризисов в странах Восточной Азии дать нельзя. Однако если рассматривать систему основных показателей в их взаимосвязи и учитывать особенности общеэкономической ситуации и специфику тенденций развития этих стран в системе глобальной экономики, то в целом гипотеза о возможности использования ключевых макроэкономических показателей для целей идентификации предкризисных угроз вполне подтверждается в случае выделенных пяти стран Восточной Азии.

Роль финансовых потоков в формировании кризиса в странах Восточной Азии

Основной характеристикой развития мировых экономических отношений в конце XX в. стало явное размывание границ национальных финансовых рынков. Стремление развивающихся стран интегрироваться с ведущими постиндустриальными державами, в том числе и в области финансовых рынков, создавало благоприятную среду для развитых экономик извлекать экономическую ренту за счет получения дополнительных доходов при эксплуатации этих новых рынков, предоставляемых самими развивающимися странами. Если в конце XIX – начале XX в. экономические связи между странами в основном осуществлялись по торговым каналам, то после Второй мировой войны все большую роль стало играть международное движение капитала. Интеграция национальных экономик, ускоренное формирование глобальной экономической системы происхо-

---

¹ *Goldfajn I., Valdes R. Capital Flows and the Twin Crises: The Role of Liquidity / IMF. Working Papers. 1997.*

² *Ibid.*

дили не только на рынках благ и услуг, но и на финансовых рынках. Причем на последних интеграционные процессы протекали значительно более интенсивно. Увеличение объема международного оборота финансовых средств приводило к накоплению развивающимися странами значительных сумм внешнего долга.

Можно выделить три основных источника формирования внешней задолженности:

- 1) использование государством внешних источников для финансирования бюджетного дефицита;
- 2) привлечение государством связанных кредитов для импорта товаров потребительского и инвестиционного назначения;
- 3) привлечение средств национальными производителями товаров и услуг (под государственные гарантии или без них) на инвестиционные нужды.

Внешняя задолженность в каждом из вышеуказанных секторов распределяется между государством и частным сектором. Эти распределения определяют совокупную пропорцию распределения внешней задолженности той или иной страны на государственную и частную (корпоративную).

При этом важно отметить, что задолженность, формируемая кредитами под импорт и инвестиционными кредитами, представляет собой, как правило, задолженность банковского сектора той или иной страны. Именно этот факт в структурном смысле обуславливает тесную связь в случае развивающихся рынков между банковским и валютным кризисами. В Восточной Азии банки реально выступали основными посредниками между иностранными кредиторами и национальными заемщиками, кредитуя последних в национальной валюте при помощи ресурсов, полученных в кредит в иностранной валюте за пределами соответствующих стран.

Так, в Республике Корея, к примеру, в 1996 г. из 110 млрд долл. внешних обязательств, подкрепленных только 30 млрд долл. иностранных активов, около 85 млрд долл. приходилось на задолженность банковского сектора. В Таиланде ситуация была еще сложнее: при общей сумме обязательств в 99 млрд долл. иностранные активы насчитывали только 9 млрд долл., причем основная доля обязательств (85 млрд долл.) приходилась на банковский сектор (1996 г.) Аналогичной была структура обязательств во всех странах Восточной Азии.

С точки зрения характеристики распределения задолженности между государственным и частным секторами страны-должники

можно разделить на две группы. В первую группу входят страны, для которых характерна концентрация большей (80% и более) части внешней задолженности в руках государства и контролируемых им предприятий и банков (к ним можно отнести большинство латиноамериканских, африканских государств, Россию и страны СНГ). Вторая группа – страны, для которых характерна высокая задолженность частного сектора, в то время как объем долга государства относительно невелик¹ (страны Восточной Азии, Турция, восточноевропейские государства, а также Чили).

В целом восточноазиатские страны имели накануне кризиса относительно небольшой, как в абсолютном выражении, так и по отношению к ВВП, внешний долг, который не превышал 40% ВВП. Но структура внешнего долга большинства стран региона была крайне неудачна. Практически 60% внешней задолженности приходилось на долю краткосрочных обязательств. Именно это обусловило в дальнейшем развертывание азиатского кризиса как кризиса ликвидности, когда заемщики оказываются неспособными выполнять свои текущие обязательства по краткосрочным займам. В этой ситуации особенно важным становится возможность страны апеллировать к своим золотовалютным резервам. Если возникают проблемы с ликвидностью, золотовалютных резервов страны должно быть достаточно для выплаты обязательств по краткосрочным займам.

В наименьшей степени краткосрочный внешний долг был покрыт золотовалютными резервами в Индонезии, Таиланде и Республике Корея – странах, сильнее всего пострадавших в результате кризиса. Кроме того, в большинстве стран региона чрезвычайно высоким было отношение агрегата M2, отражающего наиболее ликвидные обязательства государства, к золотовалютным резервам. В Республике Корея показатель M2 в 6,5 раза превышал объем резервов в конце 1996 г., в Индонезии – в 7 раз, в Таиланде, Малайзии и на Филиппинах – примерно в 4 раза. Таким образом, Индонезия, Республика Корея и Таиланд находились под угрозой кризиса ликвидности, а если учесть обязательства по выплате процентов и суммы по долгосрочному долгу, то к этому списку можно добавить Филиппины и Малайзию.

Именно тот факт, что для стран Восточной Азии преобладающее значение имела корпоративная задолженность, в некоторой

---

¹ Данные взяты из: World Economic Outlook / IMF, 1999.

мере объясняет причину сравнительно небольшой степени влияния вариации макроэкономических показателей на цикличность валютного и банковского трендов.

Движение капитала между странами осуществляется в трех формах: прямые инвестиции, портфельные инвестиции и вывод ссудного капитала. Критерием разделения между прямыми и портфельными инвестициями является величина приобретаемого пакета акций (долей). В международной практике для выделения прямых инвестиций обычно используют трактовку МВФ, по которой прямые инвестиции – это инвестиции, производимые с целью приобретения части акций нового или уже действующего предприятия, осуществляющего свою деятельность в экономике страны, не являющейся страной базирования инвестора. При этом целью инвестирования является эффективное участие в управлении предприятием.

На протяжении столетия тенденции направления финансовых потоков сменяли друг друга, перемещаясь из области прямых инвестиций в сферу портфельных. В 1990-е гг. объем прямых инвестиций снова стал занимать лидирующие позиции. Начиная с 1995 г., объем прямых инвестиций устойчиво превосходил величину портфельных инвестиций. Однако значительная часть прямых иностранных инвестиций представляла собой краткосрочные вложения на фондовом рынке.

Новый виток в развитии рынка международных финансовых инструментов на азиатском рынке произошел после проведения в странах Восточной Азии финансовой либерализации. Г. Камински и К. Рейнхарт отмечают тесную взаимосвязь между либерализацией финансового сектора и развертыванием двойных валютно-банковских кризисов¹. Рост ставок процентов в результате финансовой либерализации вызывает интенсивный приток капитала в страну. В странах Восточной Азии финансовая либерализация происходила в основном в конце 1970-х – начале 1990-х гг. (в Индонезии – 1983–1993 гг., в Малайзии – 1978–1985 гг., в Таиланде – 1988–1990 гг., в Республике Корея – 1988–1995 гг., на Филиппинах – 1984–1991 гг.)².

---

¹ *Kaminsky G., Reinhart C.M.* The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System, International Finance Discussion Paper. 1996. P. 7.

² *Kaminsky G., Reinhart C.M.* The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve

Примерно две трети иностранных инвестиций в страны Восточной Азии направлялось в частный сектор. Кроме того, в течение всего десятилетия стабильно увеличивалась доля краткосрочных заимствований. Отличительной особенностью краткосрочных капиталов является их чрезвычайная волатильность. Пожалуй, именно рост краткосрочной части заимствований привел к росту волатильности потоков капитала в 1990-е гг. В результате в 1997 г. страны Восточной Азии оказались чрезвычайно уязвимыми к наступлению «синдрома мгновенной остановки»¹, массивного оттока капитала с финансовых рынков. По некоторым оценкам, общий отток капитала из пяти стран составил 34 млрд долл, во второй половине 1997 г., что эквивалентно сокращению ВВП на 3,6%².

В Восточной Азии наблюдалась чрезвычайно высокая корреляция между величиной краткосрочного долга и степенью обесценения валюты. Во второй половине 1997 г. сильнейшее падение курса национальной валюты охватило Республику Корея, Индонезию и Таиланд, т. е. те страны, где соотношение «краткосрочный долг / резервы» было максимальным в регионе, за ними следовали Малайзия и Филиппины. Первые три страны затем переживали и более глубокий экономический спад.

Важно подчеркнуть, что пик краткосрочных заимствований приходится в странах Восточной Азии на 1995–1996 гг., т. е. на период времени, непосредственно предшествовавший азиатскому кризису, когда удельный вес краткосрочной задолженности в структуре долга доходил до 50–60%.

Традиционно в странах Восточной Азии основным акцептором иностранного капитала являлись экспортно ориентированные производства. Приоритет отдавался развитию высокотехнологичных производств, имеющих высокую капиталоемкость. Другой важной особенностью инвестиционных потоков в Азию являлось достаточно

System, International Finance Discussion Paper. 1996. Pp. 19–21; *Bayraktar N., Wang Y.* Foreign Bank Entry, Performance of Domestic Banks, and Sequence of Financial Liberalization / World Bank Policy Research. Working Paper. No. 3416. 2004. P. 42.

¹ *Chang R., Velasco A.* Liquidity Crises in Emerging Markets: Theory and Policy / NBER. Working Papers. 1999.

² *Radelet S., Sachs J.* The Onset of the Asian Crisis / NBER. Working Papers. No. 6680. 1998.

активное участие государства в привлечении частным сектором внешних займов, особенно в ранние периоды¹. В силу того, что большинство частных компаний не могло самостоятельно выйти на рынок займов в иностранной валюте, государство в лице правительства или крупнейших банков с государственным участием предоставляло им соответствующие гарантии. Потом, по мере укрепления компаний и их выхода на мировой рынок, объем государственных гарантий сокращался.

Приток иностранных инвестиций теоретически и практически обуславливает через механизм инвестиционного мультипликатора ускорение развития принимающей экономики. Однако в то же время усиливается риск нарушения макроэкономического равновесия. Причина заключается в том, что инвесторы проявляют готовность принимать чрезмерные риски, надеясь на то, что они будут покрыты повышенной доходностью. Эта проблема известна в теории под названием «моральный риск». В случае восточноазиатских экономик проблема морального риска постоянно усугублялась. Это усугубилось для валютного рынка и банковского сектора дерегулированием финансовой системы. Именно дерегулирование запустило механизмы кредитной экспансии, что в конечном счете привело к формированию «пузыря» на фондовых рынках.

Таким образом, нарастающие объемы кредитования (целью кредитов в большинстве случаев выступало финансирование импорта сырья и оборудования) и ухудшение платежного баланса вследствие либерализации экономики спровоцировали кризис валютного рынка, проблемы на котором передалась во многом через дестабилизацию банковского сектора. Этот вывод подтверждается высокими показателями инвестиционной активности в странах Восточной Азии в годы, предшествовавшие кризису.

При этом необходимо учесть, что показатели размеров и доходности инвестиционных потоков не учитывают доли «плохих» инвестиций в сектор недвижимости и некоторые производственные отрасли. На основе показателя ICOR (*incremental capital output ratio* – показатель эффективности инвестиций, равный отношению «уровень инвестиций / темпы роста ВВП») невозможно рассмотреть отличия

---

¹ Fischer S. The Asian Crises: The View from IMF // Asian Association for International Cooperation and Trade. 1998; Ito T. Capital Flows in Asia / NBER. Working Papers. No. 7134. 1999.

доходностей по разным секторам экономики, но в качестве меры общей эффективности инвестиций его значение и изменение во времени может предоставить адекватную оценку производительности капитала. На основе данных за 1987–1992 гг. и 1993–1996 гг. можно сделать вывод о том, что в целом эффективность инвестиций была достаточно высокой для стран региона в 1987–1992 гг. и начала сокращаться за четыре года до наступления кризиса 1997 г.

Особенно ярким проявлением неэффективности инвестирования среди азиатских стран стала Республика Корея, где кризис 1997 г. был предварен серией банкротств крупнейших конгломератов (чиболей), которые активно кредитовались для финансирования своих проектов. В среднем отношение долга к активам для корейских чиболей в конце 1996 г. составляло 333%. Однако среди них были и те, у которых этот показатель был несоизмеримо выше. Для конгломератов, наиболее пострадавших в ходе кризиса, таких как Sammi и Jinco, этот показатель составлял 3245 и 8598% соответственно. Прибыльность крупнейших южнокорейских корпораций, рассчитанная на основе показателя ROIC (*return on invested capital* – прибыль на инвестированный капитал), не превышала на протяжении 1990-х гг. в среднем 3–6% (исключение составляла только корпорация Kia, рентабельность которой находилась на уровне 19%, но в 1996 г. сократилась до 9%¹). К 1997 г. семь из 30 крупнейших чиболей были объявлены банкротами (величина обязательств многих из этих конгломератов превосходила рыночную стоимость их активов более чем в 3 раза).

В других странах – в Таиланде, Малайзии, Индонезии – значительная доля инвестиций направлялась в сектор недвижимости, где доходность вложений стабильно снижалась. Чрезмерное спекулятивное инвестирование в недвижимость выразилось в том, что рост цен на акции в секторе недвижимости значительно опережал рост стоимости акций на остальных сегментах рынка в течение всего периода 1990–1996 гг. Соответственно именно в этом секторе произошло резкое падение индексов в 1997 г., что оказало существенное влияние на дестабилизацию финансового сектора, включая банковский, поскольку недвижимость часто использовалась в качестве залогов под кредиты.

Естественным результатом финансовой либерализации стало активное участие стран Восточной Азии в международных эконо-

---

¹ Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What Caused the Asian Currency and Financial Crisis? A Macroeconomic Overview / NBER. Working Papers. 1998. P. 15.

номических отношениях. С одной стороны, это, безусловно, является положительной характеристикой, поскольку, во-первых, значительный приток иностранной валюты в страну повышает возможности обслуживания внешнего долга; а, во-вторых, сам по себе отказ от выполнения финансовых обязательств и, как следствие, потеря финансовых поступлений становятся слишком невыгодными для страны-заемщика, что повышает ее надежность в глазах кредиторов. Однако, с другой стороны, высокая степень открытости экономики делает ее более уязвимой к внешним шокам. Так, в 1996 г. сокращение спроса на полупроводники и другие технологичные изделия повлекло серьезные последствия для стран Восточной Азии, которые имели значительную долю этих товаров в структуре своего экспорта. В результате этого темпы роста экспорта во многих странах региона значительно сократились (темпы роста экспорта в Малайзии в 1994, 1995 и 1996 гг. составили соответственно 23, 26 и 4%; в Таиланде – 22, 25 и 0%)¹. Дополнительное давление на торговый баланс оказало ухудшение конкурентных позиций вследствие девальвации японской иены и китайского юаня по отношению к доллару США в 1995–1996 гг. (это привело к реальному удорожанию валют стран региона, а соответственно и к сокращению чистого экспорта).

Роль эффекта заражения в развитии кризиса

Важную роль в развитии кризиса в Азии сыграл эффект заражения. Этот процесс начался в Таиланде с девальвации бата и достаточно быстро перекинулся на другие страны азиатского региона.

Существуют различные подходы к анализу каналов передачи эффекта заражения. С нашей точки зрения, их можно разделить на две основные группы: 1) фундаментальные связи между экономиками разных стран; 2) факторы, не связанные с фундаментальными показателями. В свою очередь фундаментальные связи включают как «реальную», так и «финансовую» составляющие.

Фундаментальные связи – реальные. Реальные связи обычно ассоциируются с торговлей и / или прямыми иностранными инвестициями. Для случая Восточной Азии прямые иностранные инвестиции можно рассматривать как реальную величину, поскольку

---

¹ *Монтес М.Ф., Попов В.В.* «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. 1999. С. 87.

они в основном имеют своей целью дополнение и усиление торговых связей между странами-донорами и реципиентами. Внутрорегиональный экспорт между странами региона составлял в 1996 г. почти 40% общего объема экспорта против 32% в 1990 г. Если сюда включить еще Японию, то данный показатель достигнет 51%. Такой высокий уровень внутрорегиональных торговых связей отражает активное развитие специализации и аутсорсинга со стороны более развитых стран региона. Около 75% торговли внутри региона приходится на сырье, полуфабрикаты и капитальное оборудование. Эти товары составляют около половины импорта в странах Восточной Азии. Вероятно, такая высокая степень взаимодополняемости в торговле повлияла на быстрое распространение негативного импульса. Сокращение импорта одной из стран региона сокращало доходы стран-потенциальных экспортеров, провоцируя тем самым снижение спроса с их стороны на импортируемую продукцию страны-инициатора шока и других стран региона.

Фундаментальные связи – финансовые. Финансовые связи возникают при диверсификации инвесторами финансовых портфелей в рамках международного рынка, тем самым появляются финансовые зависимости между различными странами. Страны, активы которых торгуются на международных финансовых рынках, имеющие ликвидные национальные финансовые рынки, в большей степени подвержены влиянию эффекта заражения¹. Наиболее существенные финансовые связи в рамках региона осуществляются через банковские кредиты, что также предполагает влияние событий в одной стране на другие. Японские банки имели большие открытые позиции для стран Восточной Азии как раз в то время, когда в 1997 г. в этих странах разразился кризис. Японские банки были вынуждены переоценить качество своих портфелей инвестиций в эти страны, когда обрушился курс тайского бата. Результатом стали отзыв кредитов и закрытие кредитных линий, что спровоцировало трансляцию негативного импульса в другие страны региона.

Аналогичные меры были предприняты и европейскими коммерческими банками, инвестировавшими в экономику азиатского

---

¹ *Kodres I., Pritsker M.* A Rational Expectation Model of Financial Contagion / Board of Governors of the Federal Reserve System, Washington, D.C. 1998; *Calvo G.* Capital Market Contagion and Recession: An Explanation of the Russian Virus. College Park: University of Maryland, 1998..

региона. Многие южнокорейские банки, получившие кредиты в иностранной валюте и инвестировавшие средства в индонезийские финансовые инструменты, сильно пострадали от обесценения рупии. Таким образом, тайландский кризис привел к тому, что международные инвесторы и банки, предоставляющие кредиты иностранным заемщикам, вынуждены были пересмотреть модель развития стран Восточной Азии и сократить лимиты, открытые странам этого региона, повлияв тем самым на валютные и фондовые рынки соседних с Таиландом стран.

Факторы, не связанные с фундаментальными показателями, – «стадное поведение». Величины изменений валютных курсов и фондовых индексов в странах Восточной Азии наводят на мысль о том, что кроме изменений фундаментальных показателей были и другие факторы, спровоцировавшие кризис. Шоки на самом деле передавались экономикам тех стран, между которыми финансовых связей либо не было, либо они были достаточно слабыми. Национальные и международные финансовые рынки передают шоки между странами, когда на рынках возникает беспокойство относительно будущего или наблюдается кризис в одной из стран. Когда кризис охватил Гонконг, инвесторы могли предположить, что подобное ожидает Аргентину, имеющую схожую систему валютного регулирования – *currency board*. Такие события оказывают влияние на ожидание инвесторов, которые, запаниковав, начинают выводить капиталы. Такое поведение называется «стадным».

События в Таиланде заставили инвесторов пересмотреть рискованность вложений в страны азиатского региона. Информация о состоянии финансовой системы в регионе и размере краткосрочного долга подтвердила опасения инвесторов, и начался быстрый отток капитала. Кроме того, ситуацию значительно усугубил отказ иностранных кредиторов продлевать или реструктурировать краткосрочные долги азиатским заемщикам, что стало очевидным уже в сентябре 1997 г. (это привело к оттоку примерно 50 млрд долл.)¹. Для покрытия своих финансовых обязательств (преимущественно краткосрочных и номинированных в иностранной валюте) корпоративные заемщики начали активно скупать валюту, что оказало еще большее давление на курсы национальных валют.

---

¹ *Kawai M., Newfarmer R., Schmukler S. Crisis and Contagion in East Asia: Nine Lessons. Washington: World Bank, 2001. P. 13.*

Ситуацию значительно ухудшала политическая нестабильность в регионе (особенно явно это проявилось в Индонезии, где стали известны факты о серьезной болезни президента страны).

Анализируя хронологию развития кризиса в странах Восточной Азии, можно оценить эффекты влияния событий в различных странах региона друг на друга. Вслед за девальвацией бата 2 июля в Таиланде Филиппины почти сразу также отпустили курс национальной валюты – 11 июля, а 14 июля от поддержания курса ринггита отказалась и Малайзия. После подписания соглашения между Таиландом и МВФ 14 августа курс своей валюты перестала поддерживать Индонезия. 17 октября, под давлением тенденций на валютном рынке, был освобожден курс тайваньского доллара. В октябре же финансовые власти Гонконга приняли решение о повышении процентных ставок, чтобы защитить свою валюту, что привело к резкому падению индекса Hang Seng. Результатом стал шок на мировых финансовых рынках, и 27 октября 1997 г. показатели фондовых рынков сократились как в Европе, так и в США.

В середине ноября Республика Корея также была вынуждена расширить границы валютного коридора, после чего резко упал не только курс воны, но и цены на акции. Окончательно к режиму плавающего валютного курса Республика Корея перешла в середине декабря после подписания с МВФ соглашения о финансовой помощи.

Следовательно, кризис распространялся последовательно посредством передачи из одной страны в другую отрицательных импульсов на валютных и денежных рынках. В результате за короткое время кризисом был охвачен практически весь регион. Важной особенностью действия эффекта заражения явилось то, что он провоцировал практически мгновенные падения валютных курсов и фондовых индексов при передаче на соответствующий национальный рынок отрицательного импульса из соседних экономик. Это свидетельствовало об отсутствии фундаментальных факторов, определявших динамику на валютных и денежных рынках. Ситуация практически полностью определялась потоками спекулятивных капиталов, которые реагировали практически мгновенно. Так, отток капитала в основных пяти странах, в первую очередь пострадавших от кризиса (Таиланд, Индонезия, Республика Корея, Филиппины, Малайзия)¹, во

---

¹ Berg A., Borensztein E., Pattillo C. Assessing Early Warning Systems: How They Have Worked in Practice? / IMF. Working Papers. No. 52. 2004.

втором полугодии 1997 г. превысил приток инвестиционных ресурсов за первые шесть месяцев того же года почти на 20 млрд долл. Даже после преодоления кризиса, несмотря на то, что валютное регулирование стало более гибким, динамика валютных курсов и фондовых индексов не только остается взаимозависимой внутри стран Восточной Азии, но эта взаимозависимость усиливается.

За исключением Гонконга, валюта которого жестко привязана к доллару США, для всех остальных стран региона коэффициенты корреляции валютных курсов и биржевых котировок были достаточно высокими (в пределах от 0,5 до 0,8).

«Возмутителем спокойствия» являлась Индонезия. Именно эта страна продуцировала максимальный валютный шок, который был передан по цепочке взаимосвязанных валютных и финансовых рынков стран Восточной Азии. Причем амплитуда вариаций курсов валют затухала в процессе «передачи вируса» от Индонезии другим странам. Точно так же величина шока на финансовых рынках оказалась меньше, чем на валютном рынке даже в случае Индонезии при том, что реакция финансовых рынков в странах Восточной Азии оказалась значительно более унифицированной по вектору и масштабу, чем в случае валютных рынков.

Какие каналы передачи эффекта заражения стали основными в ходе азиатского кризиса? Обычными каналами распространения кризисных импульсов являются торговля и прямые иностранные инвестиции. В случае Восточной Азии этот тезис в целом выглядит справедливым. Правда, не все вовлеченные в кризис страны имели сильные взаимные торговые и инвестиционные связи, в частности Республика Корея и Таиланд. Однако при этом подобные связи между Республикой Корея и другими странами были достаточно интенсивны.

Но следует обратить внимание на уже упоминавшуюся высокую скорость распространения эффекта заражения. Шоки спроса и предложения (а потоки внешней торговли и прямых иностранных инвестиций как раз отражают вариацию спроса и предложения в реальном секторе экономики) обычно передаются в течение достаточно длительного времени. Кроме того, следует также обратить внимание на то, что спекулятивные атаки на валютные рынки были наиболее интенсивны как раз в странах, имевших минимальные торговые и инвестиционные взаимозависимости. Например, 23 октября 1997 г., в самый разгар спекулятивной атаки на Гонконг, начался вывод капи-

тала из Аргентины, основная связь которой со странами Восточной Азии заключалась в схожести валютного режима.

Очевидно, теснота торговых и инвестиционных связей играли важную роль, но ускорителем кризисных процессов явились ожидания финансовых инвесторов. Поэтому можно утверждать, что наиболее важными с точки зрения канализации эффектов заражения в странах Восточной Азии оказались связи между финансовыми рынками. При этом, как уже упоминалось выше, огромную роль сыграли иностранные коммерческие банки, отреагировавшие на девальвацию бата, а затем индонезийской рупии, сокращением открытых позиций.

Особую роль в развитии кризиса сыграла Япония, которая пережила сложный период восстановления. Очевидно, что экономическая слабость Японии в конце 1990-х гг. оказала значительное влияние на распространение эффекта заражения в регионе. Общим макроэкономическим фоном японского влияния являлся ее значительный удельный вес в совокупном экспорте пяти наиболее пострадавших от кризиса стран. Доля Японии накануне кризиса в экспорте этих стран варьировала от 11 до 17%. Стагнация в Японии поэтому не стала стимулятором кризиса, но, безусловно, не позволила компенсировать отрицательное влияние оттока капиталов за счет прироста объемов экспорта.

Однако наиболее мощным стало воздействие Японии как раз через финансовые каналы. Японские банки, переживавшие сложный период после разрыва финансового пузыря в 1980-х гг. и ослабленные стагнацией в 1990-х, активно кредитовали другие азиатские страны. На фоне низких процентных ставок в Японии заимствование стран Восточной Азии у японских банков было весьма привлекательным. Это было выгодно и японским инвесторам, так как инвестирование за пределами Японии приносило гораздо более высокие доходы, чем внутри страны.

В 1997 г. в результате валютного и банковского кризисов в Восточной Азии многие японские банки понесли значительные потери и обязаны были пересмотреть свои кредитные портфели в соответствии с требованиями достаточности капитала. Поскольку требования достаточности капитала для иностранных кредитов жестче, чем для внутренних, многие банки предпочли отозвать предоставленные иностранным заемщикам кредиты. В то же время компании и банки стран Восточной Азии, заимствовавшие средства у японских кредиторов, пострадали от валютных шоков в своих странах, что не

позволило им своевременно покрыть свои обязательства в полном объеме. Это еще более усугубило положение в странах Восточной Азии и в значительной степени обусловило развитие в них банковского кризиса.

Предпосылки развития банковского кризиса в Восточной Азии

Эмпирические исследования показали, что индикаторы банковских кризисов во многом совпадают с индикаторами валютных кризисов. В общем случае нарушение функционирования банковской системы может быть связано с сокращением темпов роста реального ВВП, ростом инфляции, кредитной экспансией и активным притоком иностранного капитала на национальный рынок, повышением реальных процентных ставок; резким падением реального курса национальной валюты и неблагоприятными внешнеторговыми шоками. Однако азиатский кризис показал наличие определенных особенностей с точки зрения предсказания наступления кризиса на основе макроэкономических показателей. Основными индикаторами для Азии могут служить показатели функционирования непосредственно банковского и корпоративного секторов. Точнее будет сказать, что банковские индикаторы позволяют предсказать вероятность наступления банковского кризиса, а макроэкономические показатели позволяют спрогнозировать время его реализации.

Значительный приток капитала на азиатский рынок стимулировал быстрое развитие кредитной экспансии, что привело к инфляции стоимости активов и чрезмерной рискованности проводимых операций. В странах Восточной Азии с 1993 по 1997 г. быстро росло кредитование частного сектора. Как результат, существенно увеличились суммарные активы банковского сектора (от 30–70% ВВП в начале 1990-х гг. до 80–90% ВВП в конце 1996 г.).

Естественно, такие условия сделали финансовые системы стран региона более уязвимыми. Эти системы имели свои особенности, которые кратко обобщены ниже.

В финансовом секторе *Индонезии* преобладали коммерческие банки. По форме собственности 238 банков в стране включали в себя: 7 государственных банков, 27 банков региональных правительств, 160 частных банков, 34 совместных банка и 10 иностранных банков. Кроме того, было около 9200 сельских банков. Небанковские финансовые организации включали в себя 252 финансовые компании,

163 страховые компании, около 300 пенсионных фондов и 39 фондов взаимопомощи. Суммарные активы системы равнялись примерно 90% ВВП. На коммерческие банки приходилось 84% суммарных активов, на сельские банки – около 2%. Остальные активы принадлежали финансовым компаниям (7% суммарных активов), страховым компаниям (5%) и другим небанковским учреждениям (2%).

Финансовая система *Республики Корея* значительно отличалась от финансовых систем других стран региона. Ее составляли: 26 коммерческих банков, 52 отделения иностранных коммерческих банков, 7 специализированных банков и банков развития, 30 торговых банков, 30 инвестиционных трастовых компаний, 50 страховых компаний, 56 компаний по работе с ценными бумагами, 19 инвестиционно-консалтинговых компаний, 230 сберегательных фондов, около 6000 кредитных союзов и кооперативов. Общая сумма активов равнялась 300% ВВП. Структура активов: 52% – коммерческие банки, 5% – торговые банки, 7% – страховые компании, 19% – другие организации.

Финансовая система *Малайзии* насчитывала 35 коммерческих банков, 39 финансовых компаний, 12 торговых банков, 4 пенсионных фонда, 62 страховые компании, 6 трастовых компаний, 7 организаций развития и один сберегательный банк. Суммарные активы сектора равнялись 300% ВВП. 70% всех активов системы приходилось на коммерческие банки, а 30% – на торговые банки и финансовые компании.

Несмотря на то что финансовый сектор *Филиппин* включал в себя различные типы банковских и небанковских учреждений, доминирующее положение там занимали коммерческие банки: 49 коммерческих банков, 3 специализированных государственных банка, 109 сберегательных банков, около 800 сельских банков, 129 страховых компаний, 12 небанковских финансовых организаций с квазibanковскими функциями и большое число небанковских финансовых организаций без таких функций, 14 отделений иностранных банков. Суммарные активы системы, равные 115% ВВП, включали в себя: 82% – у коммерческих банков, 9% – у сберегательных компаний, 15 – у сельских банков и остальные 8% – у небанковских организаций.

Финансовая система *Таиланда* включала в себя: 29 коммерческих банков, 91 финансовую и фондовую компанию, 7 специализированных государственных банков, около 4000 сберегательных и сельскохозяйственных кооперативов, 15 страховых компаний, 8 фондов взаимопомощи. Из 29 банков 14 были филиалами иностранных

банков. Кроме того, было создано 19 банков, имевших статус офшорных организаций. Общие активы финансового сектора насчитывали 8,9 трлн бат, что равнялось 190% ВВП. Из них 64% приходилось на коммерческие банки, 20% – на финансовые компании, 10% – на государственные специализированные банки. Стремясь превратить Бангкок в международный финансовый центр, который мог бы конкурировать с Гонконгом и Сингапуром, в 1993 г. власти Таиланда учредили Международную банковскую организацию в Бангкоке (*Bangkok International Banking Facility*), чтобы формализовать офшорный банковский бизнес в стране. Основной функцией данной организации являлась деятельность, направленная на привлечение заимствований в иностранной валюте за рубежом и размещение этих средств внутри страны, а также по обеспечению финансирования международной торговли.

Во всех странах банки были преимущественно частными, однако концентрация собственности была различной. В *Республике Корея* был установлен лимит 4% на долю одного собственника, поэтому банки принадлежали диверсифицированным группам собственников. Похожее правило было и в Таиланде, однако несколько крупнейших банков все равно принадлежали или контролировались семейными группами. В Индонезии, Малайзии и на Филиппинах основными собственниками банков были корпоративные конгломераты.

Но независимо от национальных особенностей для всех финансовых систем было характерно формирование своеобразного денежно-инвестиционного эффекта, увеличение объемов кредитования – рост объемов инвестиций в основной капитал и размеров финансовых инвестиций – рост спроса на финансовые ресурсы для покрытия требований инвесторов – увеличение притока финансовых ресурсов извне и рост объемов выдаваемых кредитов.

Одним из следствий реализации этого эффекта стал рост цен на активы (особенно в Малайзии и Таиланде), а, следовательно, рост объемов кредитования в секторе недвижимости и чрезмерный рост стоимости залогов.

При наступлении кризиса это привело к тому, что банковская система оказалась под ударом с двух сторон. С одной стороны, начался (в полном соответствии с теорией и практикой) резкий отток вкладов, с другой – существенно ухудшилась активная сторона банковского баланса из-за роста числа непокрытых кредитов, доля которых была значительно высока во всех странах региона.

Кроме того, положение значительно ухудшалось тем, что начался, как отмечалось выше, масштабный вывод иностранного капитала с финансовых рынков региона. А так как доля иностранных обязательств у банков стран Восточной Азии была чрезвычайно высока, восточноазиатские банки потеряли значительные ресурсы, которые использовались ими для финансирования своих операций. Ситуация усугубилась несовпадением сроков активных и пассивных операций банков, поскольку иностранные заимствования были преимущественно краткосрочными, а выдаваемые внутри страны кредиты – в основном долгосрочными.

Устойчивость финансовой системы значительно снижала такая особенность финансового сектора восточноазиатских стран, как большая доля операций небанковских финансовых организаций в сфере финансовых услуг. Как правило, они проводили более рискованные операции, чем коммерческие банки, и, следовательно, их уязвимость была значительно выше, чем у коммерческих банков при снижении качества активов и изменении ожиданий инвесторов и вкладчиков. Особенно большое развитие небанковские финансовые организации получили в Республике Корея и Таиланде. В Республике Корея, например, доля банковских депозитов в их общем объеме сократилась с 71% в 1980 г. до 30% в 1996 г. в пользу инвестиционных трастовых и страховых компаний и других финансовых организаций. Рост числа небанковских финансовых компаний был обусловлен упрощенной процедурой их лицензирования (в Таиланде) и менее жестким регулированием, включая более низкие требования к достаточности капитала (в Республике Корея и на Филиппинах), по сравнению с предъявляемыми банкам условиями¹.

В результате торговые банки в Республике Корея и финансовые компании в Таиланде и Малайзии первыми столкнулись с проблемой ликвидности. Многие из них оказались несостоятельными и должны были быть закрыты.

При существенном расширении перед кризисом размеров кредитования частного сектора качественные параметры кредитной экспансии ухудшались. Отношение объемов кредитования частного сек-

---

¹ В качестве аргумента более мягкого регулирования небанковских учреждений рассматривали то, что они предоставляли не такой широкий спектр услуг, как банки. Однако в ходе кризиса многие финансовые компании работали практически как банки.

тора к ВВП было высоким практически во всех странах Восточной Азии, особенно на Филиппинах (151%), в Таиланде (58%), в Малайзии (31%). Но при этом сам корпоративный сектор сталкивался с существенными финансовыми проблемами, и уровень левериджа (соотношения заемного и собственного капиталов) был неприемлемо высок. В среднем отношение долга к активам для зарегистрированных компаний в Республике Корея и Таиланде составляло в конце 1996 г. около 400%, а в Малайзии и на Филиппинах – 150–200%.

Это не могло не привести к росту числа безнадежных ссуд по мере роста размеров кредитования частного сектора. Безнадежные ссуды направлялись на финансирование сомнительных проектов и / или на спекулятивные покупки финансовых активов. Доля «плохих» долгов в общей сумме кредитов составляла от 4% в Гонконге и Сингапуре до 13–14% в Таиланде, Малайзии, Республике Корея, Индонезии, Китае и Филиппинах. При этом высокий уровень безнадежных долгов в Республике Корея, Таиланде, Индонезии, Малайзии сопутствовал крайне низкому уровню капитализации банков (отношение капитала к активам к концу 1997 г. находилось на уровне 6–8%).

Важным индикатором ухудшения состояния банковской системы является величина реальных процентных ставок. Ставки по депозитам начинают расти в предкризисный период, резко увеличиваясь в год кризиса. Валютный курс не отражал для стран восточноазиатского региона значительных колебаний благодаря жесткой политике валютного регулирования в этих странах. Однако для всех стран в 1996 г. наблюдалась тенденция укрепления реального валютного курса, сменившаяся сильным обесценением в 1997 г. Это порождало еще один отрицательный эффект: ухудшение положения корпоративных заемщиков – уменьшение вероятности погашения банковских ссуд – увеличение доли «плохих» долгов – снижение реальной капитализации банков.

Резкое сокращение импорта в предкризисный год во всех рассматриваемых странах также служило отчетливым индикатором банковского кризиса. Сокращение импортных операций не только свидетельствовало об общем ухудшении деловой активности в регионе, но и увеличивало эффект заражения. Поскольку все страны региона тесно связаны торговыми каналами, следовательно, сокращение импорта одной страной ведет к снижению доходов потенциального экспортера, который вынужден в ответ уменьшать объемы своих им-

портных операций. Это в свою очередь также создавало дополнительное давление на банковский сектор, поскольку снижало доходы корпоративного сектора, имевшего, как уже не раз отмечалось, большие объемы задолженности по банковским кредитам.

Эффективность активных операций банков обеспечивается среди прочего наличием развитой системы регулирования банковской деятельности, отлаженных механизмов пруденциального надзора, четко функционирующей системы страхования вкладов. В странах Восточной Азии банковский кризис в значительной степени был подготовлен слабой институциональной инфраструктурой сектора. Согласно исследованиям А. Демиргук-Кунт и Э. Детражиа¹, значение индекса «закон и порядок»² было низким для стран региона, что отражалось в увеличении вероятности возникновения банковского кризиса, на фоне возрастающих возможностей для «грабительского поведения» банковского менеджмента в условиях слабого надзора.

Хуже всего система регулирования банковского сектора была развита в Республике Корея и Таиланде, где банковский кризис был самым глубоким. Более четкая организация и масштабность нормативных и регулятивных механизмов в Малайзии обусловила смягчение кризиса банковской системы³.

В Республике Корея регулирование осуществлялось двумя структурами: Центральный банк отвечал за функционирование коммерческих банков, а министерство финансов контролировало деятельность торговых банков. Пробелы в системе регулирования и надзора позволяли банкам, испытывающим серьезные финансовые трудности, продолжать деятельность в течение достаточно длительных периодов времени, а также предоставлять искаженную отчетность о прибыли и капитале. Серьезной проблемой являлись нарушения нормативов, ограничивающих размеры кредитов крупным корпорациям

---

¹ Demirguc-Kunt A., Detragiache E. The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998.

² Индекс отражает совершенство системы законодательного регулирования банковского сектора.

³ Dekle R., Kletzer K. Domestic Bank Regulation and Financial Crises: Theory and Empirical Evidence from East Asia / IMF. Working Papers. No. WP/01/67. 2001. Pp. 26–28.

В Таиланде в годы, предшествовавшие кризису, наблюдалась аналогичная ситуация. Установленные нормативы были слишком мягкими, что в значительной степени сказалось на накоплении большого объема «плохих» долгов. Банки и финансовые компании выдавали значительные суммы «сомнительных» ссуд, которые часто просто реструктурировали, вместо того, чтобы переносить их в разряд «безнадежных». Значительные негативные последствия, на наш взгляд, имело отсутствие ограничений на размер кредитов, выдаваемых корпоративным заемщикам. Кроме того, серьезные затруднения в регулировании и мониторинге ситуации в банковском секторе возникли из-за аналогичного южнокорейскому варианту разделения полномочий между Минфином и Центральным банком Таиланда. Первый имел полный спектр полномочий по регулированию деятельности банков, однако Банк Таиланда осуществлял ежедневный текущий мониторинг и регулирование банковской деятельности. При этом все решения Центральный банк обязан был согласовывать с министерством финансов. Подобная неповоротливая система регулирования и надзора во многом обусловила усугубление ситуации в банковском секторе.

На фоне Республики Корея и Таиланда более выигрышно выглядела заимствованная у Великобритании система пруденциального надзора и регулирования банковской деятельности в Малайзии. Регулятивная система Малайзии была одной из наиболее эффективных среди других стран Восточной Азии. Кроме того, она была усилена в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В частности, все основные полномочия в области регулирования и надзора за банковской деятельностью были переданы Центральному банку. В качестве превентивной меры были наложены ограничения на связанные кредиты и ссуды крупным корпорациям (не более 30% капитала банка). Кроме того, в Малайзии была введена двухуровневая система регулирования, которая предоставляла дополнительные привилегии тем банкам, которые наращивали размер собственного капитала. Это позволило добиться увеличения соотношения «капитал / активы» для кредитных организаций до 10%.

В условиях слабого пруденциального надзора и регулирования, характерного для большинства стран Восточной Азии, особенно остро встает вопрос о системе государственного страхования вкладов.

А. Демирчук-Кунт и Э. Дедража использовали показатель страхования депозитов в качестве одного из индикаторов банков-

ского кризиса¹. Наличие системы страхования, особенно эксплицитного, провоцирует в условиях недостаточной прозрачности банковских структур возникновение морального риска. Этот фактор имел очень важное значение в провоцировании азиатского кризиса. В Республике Корея, например, где особенно остро стояла проблема непосильного бремени «плохих» долгов корпоративного сектора перед банками, существовала система не только эксплицитного, но и имплицитного страхования вкладов. Система неявного (имплицитного) страхования формировалась за счет тесной взаимосвязи между крупными корпорациями и правительственными кругами. В этом случае, даже при отсутствии формальной системы гарантирования вкладов, предполагалось, что государство в любом случае покроет обязательства корпораций. Однако тесная взаимосвязь корпораций, банковского сектора и правительственных учреждений² делала систему эксплицитного страхования невыгодной (низкие страховые взносы, незначительные страховые суммы). Тем не менее в Республике Корея, как и в Таиланде, и в Малайзии, поддерживались устойчивые системы имплицитного страхования. В течение многих лет в этих странах государственным вмешательством было обусловлено в случае необходимости поддержание, оздоровление, реструктуризация банковских и финансовых компаний. Даже если эти организации признавались банкротами, государство брало на себя обязательства по возмещению ущерба. В Таиланде, например, во время кризиса обанкротились 56 из 91 крупных финансовых компаний, тем не менее все вклады были гарантированы правительством.

Система правительственных гарантий и интервенций в сферу банковской деятельности, таким образом, по нашему мнению, не только вызывала возникновение повышенных рисков, но и обуславливала дестабилизацию функционирования банковского менеджмента.

Таким образом, накопление значительных объемов краткосрочной задолженности в условиях слабого институционального развития банковской сферы и внешние шоки спровоцировали начало развития кризиса как на валютном рынке, так и в банковском секто-

---

¹ *Demircuc-Kunt A., Detragiache E.* The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. 1998. Pp. 99–100.

² *Монтес М.Ф., Попов В.В.* «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. 1999.

ре, несмотря даже на относительно неплохие макроэкономические показатели в отдельных странах региона.

Как отмечалось выше, существует значительное количество моделей и индикаторов, описывающих процессы формирования предпосылок, механизмы и развитие кризисов в валютной и банковской сфере. Однако многообразии зависимостей и факторов, особенности их проявления в разных экономиках Восточной Азии не позволяют определить единственную, и в достаточной степени изоморфную реальным процессам и процедурам, обобщенную модель двойного кризиса. Поэтому нами разработана общая схема макроэкономических и финансовых эффектов, описывающих логику формирования и развития двойных кризисов в случае стран Восточной Азии.

Общие выводы из анализа условий формирования и развития валютных и банковских кризисов в развивающихся странах сводятся к следующим позициям.

1. Ограниченный масштаб финансового рынка развивающихся стран обусловил то, что рост государственных заимствований приводил к сокращению финансовых возможностей для частного сектора. Частные заемщики лишались возможности привлечения средств на долговременной основе в национальной валюте путем выпуска ценных бумаг. Заменой для частных заемщиков выступали только банковские займы. В свою очередь коммерческие банки, испытывая недостаток средств внутри страны, вынуждены были прибегать к заимствованиям на международных финансовых рынках. Это превращало национальные банки в своеобразных посредников между международными инвесторами и внутренними заемщиками. В этих условиях именно коммерческие банки в развивающихся странах определяли параметры эффективности использования внешних займов. Так как банковский надзор почти во всех странах отличался сравнительной слабостью, большие объемы внешних заимствований неминуемо приводили к росту «плохих» банковских кредитов, что увеличивало риски ликвидности и валютные риски банковского сектора. В конечном счете это означало увеличение вероятности наступления банковского кризиса.

2. Накопление внешней задолженности частным сектором в общем случае эффективнее для национальной экономики и устойчивости финансовой системы, чем монополизация внешних заимствований правительством. Причина заключается в том, что финансирование за счет внешних заимствований производственных инве-

стиций (именно на эти цели используют заемные средства частные реципиенты) ведет к увеличению производственного потенциала, а соответственно к увеличению темпов роста и возможностей для погашения задолженности. В случае же, когда главным заемщиком выступает правительство, средства направляются в основном на финансирование бюджетных дефицитов и лишь усугубляют проблему погашения и обслуживания внешнего долга. В свою очередь в частном секторе наиболее эффективным направлением использования внешних займов является развитие экспортных производств, генерирующих доход в иностранной валюте. Это не только повышает экономический потенциал, но и минимизирует вероятность возникновения финансовых кризисов.

3. Формирование кризисной ситуации на развивающихся рынках обычно обусловлено комбинированным воздействием множества внешних и внутренних факторов. К основным внешним факторам кризисов относятся неблагоприятное изменение конъюнктуры на ключевых для каждой данной страны экспортных рынках, а также рост процентных ставок в развитых странах, что приводит к удорожанию стоимости обслуживания внешнего долга. Кроме того, высока вероятность активизации эффекта заражения – роста вероятности возникновения кризисов в странах, соседних с уже пораженной кризисом экономикой и / или в странах со сходными экономическими условиями.

Основными внутренними факторами риска являются высокий бюджетный дефицит и дефицит торгового сальдо, переоцененность национальной валюты, низкая обеспеченность краткосрочных обязательств государства и частного сектора резервами. Значительную угрозу для устойчивости финансовой системы страны представляют слабость банковского сектора, а также недостаточное развитие рыночных институтов.

Финансовые кризисы 1970–1980-х и 1990-х гг. значительно различались по механизмам формирования и развертывания. В первом случае ведущую роль играли внешнеторговый дисбаланс, спровоцированный реальным удорожанием национальной валюты, а также высокая долговая нагрузка. В 1990-е гг. основным генератором кризисной ситуации обычно становился отток капитала с финансового рынка. При этом кризису предшествовал значительный приток капитала, который становился источником макроэкономического

дисбаланса. Вероятность возникновения кризиса была тем выше, чем больше доля краткосрочных заимствований в структуре долга.

Общими для стран Восточной Азии моментами в формировании и развитии валютно-банковских кризисов можно назвать следующие:

1) взаимозависимость стран региона стала причиной быстрого распространения эффекта заражения, который не позволил распределить во времени и географически потери от валютных и инвестиционных шоков, что увеличило «кризисную нагрузку» на восточноазиатские экономики;

2) основным детонатором кризиса стали передававшиеся по каналам валютно-денежных рынков шоки спроса и предложения, наведенные инвестиционным и внешнеторговым перегревом экономик стран Восточной Азии;

3) преимущественное финансирование капитальных вложений и торговых операций в странах Восточной Азии по каналам банковской системы обусловило практически мгновенную трансляцию валютных шоков в форме банковских кризисов;

4) включение финансово-экономических систем восточноазиатских стран в глобальную валютно-финансовую систему привело к появлению эффекта мультипликации внутренних валютно-финансовых проблем в результате воздействия миграции спекулятивного финансового капитала;

5) неспособность японской экономики продуцировать достаточные приросты импортного спроса в связи с экономической стагнацией национальной экономики стала дополнительным фактором, увеличившим масштабы валютно-банковского кризиса и обусловившим его одновременность для всех стран региона.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ЦИКЛА И КРИЗИСА¹

Периодически происходят не просто отклонения от тренда экономического роста, но системные (имея в виду всю систему ключевых макроэкономических параметров) нарушения равновесия, которые приводят к достаточно длительным колебаниям. Это утверждение было сформулировано еще в середине XIX в. К. Марксом, но воспроизведено лишь почти век спустя А. Бернсом и У. Митчеллом², которые, естественно, опустили существо марксовской концепции цикла, а заимствовали лишь «трендовую» форму, определив цикл как колебания вокруг тренда экономического роста. Эта концепция вполне соответствовала неоклассической традиции и определяла тренд экономического развития как монотонную кривую, описывающую долговременный рост экономики в результате действия фундаментальных факторов. Каждая точка этой кривой представляет собой потенциальное значение национального дохода (валового внутреннего продукта) при полном использовании имеющихся на данный момент времени ресурсов (то есть при естественном уровне безработицы и «нормальной» величине резервных мощностей).

Сами же «отклонения от тренда роста» трактуются при этом как экономический цикл, присущий рыночной экономике, причем, организованной на принципах частного предпринимательства. Как и у К. Маркса цикл описывается как последовательная смена четырех фаз (подъем, спад, оживление и подъем следующего цикла). При этом в фазах цикла фактическая величина национального дохода отклоняется от «потенциального», что само по себе означает случайность нахождения экономики «на трассе тренда», так как вся экономическая динамика распадается на чередующиеся циклы, в рамках которых всегда существует различие потенциальной и фактической величины национального дохода.

В противоположность К. Марксу А. Бернс и У. Митчелл полагают последовательность смены фаз строгой, но отрицают, что сама

---

¹ Минакир П.А., Прокапало О.М. Теоретические основы воспроизводственного цикла и кризиса // Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика / под ред. В.В. Кулешова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010.

² Burns A., Mitchell W. Measuring Business Cycles. N.Y. NBER. 1946.

эта смена подчиняется какому-либо периодическому закону, то есть продолжительность цикла не имеет какого-либо единого основания¹.

Отклонения же от тренда связывались с действием шоков или импульсов. Так, например, в рамках импульсного подхода Е. Слуцкого² и Р. Фриша³ цикличность связывалась с воздействием на экономику комплекса шоков, которые подразделяются на три группы: шоки предложения – технологические сдвиги, природные катаклизмы, открытие новых источников сырья, колебания мировых цен на сырье, изменения уровня номинальной заработной платы; политические шоки – результат решений политических институтов, воздействующие на спрос – изменение предложения денег, обменного курса, фискальной политики; шоки в спросе частного сектора – изменение инвестиционных или потребительских расходов.

По существу предложенный набор шоков можно разделить на экзогенные (шоки предложения и политические шоки) и эндогенные (шоки в спросе частного сектора). Если для экзогенных шоков механизм возникновения и распространения относительно ясен, то относительно генерирования и распространения эндогенных шоков такой ясности нет. Множественность шоков отражала усложнение самой экономики и мотивов поведения предпринимателей. Важно было то, что технологические и технические инновации наряду с конъюнктурными, макроэкономическими и внеэкономическими условиями и переменными признавались фундаментальными факторами, определяющими поведение экономических агентов и всей экономической системы. Однако причинная обусловленность воздействия этих факторов на экономику, как и импульсный характер такого воздействия, остается неясен. Следовательно, возникновение самих шоков, провоцирующих цикл, является случайным, а не закономерным процессом.

Именно случайность шоков и, соответственно, циклических изменений основных макроэкономических параметров является самой трудной для понимания проблемой. Удовлетворительного решения этой проблемы по существу так и не было предложено ни в рамках кейнсианского подхода, для которого циклические колебания

---

¹ *Burns A., Mitchell W. Measuring Business Cycles. P. 3.*

² *Слуцкий Е. Накопление случайных причин как источник циклических процессов // Вопросы конъюнктуры. 1927.*

³ *Frish R. Problems of Impulses' Distribution in Economy // Economic Essays in Honour of Gustav Cassel. London: Allen and Unwin. 1933.*

экономической активности естественны и вполне соответствуют теоретическим предпосылкам, ни в рамках неоклассической парадигмы, теоретические предпосылки которой исключают, казалось бы, цикличность динамики выпуска, поскольку любые шоки, изменяющие совокупный спрос, воздействуют на уровень цен, а не на выпуск, так как кривая совокупного спроса вертикальна.

Согласно кейнсианской концепции, причиной циклов является недостаток конкуренции, обуславливающий жесткость цен и заработной платы. При этом основным источником распространения в экономике импульсов, порождающих циклические колебания выпуска, являются инвестиции. Инвестиции же (в отличие от марксистской концепции, которая жестко связывает спрос на инвестиционный спрос с циклом обновления основного капитала фирм) неустойчивы по своей природе. В ранг теоретического постулата возводится утверждение, которое является прямой критикой марксистского детерминизма, что инвестиции мотивируются «животным чутьем» предпринимателя, а не «...вычислениями средневзвешенной прибыли, умноженной на соответствующие вероятности»¹. Неустойчивость инвестиций, колебания в их величине и объясняет колебания в уровне совокупного спроса. А недостаточная гибкость заработной платы приводит к тому, что колебания совокупного спроса проявляются как колебания выпуска, а не уровня цен. Фактически это означало подтверждение гипотезы о случайном характере шоков или импульсов, провоцирующих циклические колебания.

Это теоретическое объяснение получило развитие в ряде моделей, описывающих формирование экономического цикла, исходя из гипотезы о генерировании цикличности выпуска продукции экзогенными инвестиционными шоками. В частности, в простых, но весьма показательных с точки зрения иллюстрации теоретической гипотезы моделях Л. Метцлера и П. Самуэльсона – Дж. Хикса выпуск продукции (Q) является некоторой функцией от выпуска в предыдущие периоды (Q_{-t}) и инвестиций (I).

$$Q = Q(bQ_{-t} + I), \quad (1)$$

$$Q = Q(hQ_{-t} + I). \quad (2)$$

---

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. 1978. С. 218.

При этом и в одной, и в другой модели инвестиции определяются в зависимости от доли инвестиционного потребления в выпусках предыдущих лет $(1 - b)Q_{-t}$ в (1) или в зависимости от доли выпуска, представляющей собой инвестиции $(h\Delta Q)$ в (2). То есть ключевым параметром, определяющим колебания уровня инвестиций, являются изменения в уровне спроса, который в условиях общеэкономического равновесия равен предложению. Однако, почему изменяется совокупный спрос, что является причиной нарушения равновесия на рынке благ, остается неясным. Кроме того, чрезмерно сильным допущением этих моделей является наличие одного только рынка благ. Это допущение снимается в модели Т. Тевеса, которая представляет собой модифицированную модель Самуэльсона – Хикса, в которую вводится модель денежного рынка, взаимодействующего с рынком благ через ставку процента¹. Формально это обеспечивается определением значения « I » как:

$$I = I_0 (1 - L_y / L_i), \quad (3)$$

где L_y – спрос на деньги для сделок, а L_i – спрос на деньги как имущество. Таким образом, при увеличении ставки процента, соответственно, уменьшении спроса на деньги для сделок объем инвестиций в следующем периоде сокращается, обуславливая сокращение совокупного спроса и наоборот. Сильной стороной этого подхода является расширение поля исследования – учет не только равновесия на одном макроэкономическом рынке. Однако по-прежнему импульсом для циклических колебаний признается внешний шок – вариация ставки процента.

Однако и в рамках неоклассической концепции делались попытки объяснить циклический характер экономического развития, ибо невозможно было игнорировать очевидные факты экономической жизни только на основании того, что они не укладываются в стройную теоретическую концепцию.

При этом именно в рамках монетарной концепции цикла Р. Хаутри появляется возможность объяснения циклических колебаний эндогенными процессами, протекающими в самой экономической системе. Стимулом конъюнктурных колебаний в полном соот-

---

¹ Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика. 1999. С. 255–263.

ветствии с принципами неоклассической концепции является нарушение равновесия на рынке денег, кредитный шок со стороны банковской системы: увеличение размеров кредита – снижение ставки процента – рост инвестиций – увеличение совокупного спроса – рост уровня цен – сокращение размеров чистого экспорта. Совместное давление инфляции (рост уровня цен – сокращение размеров чистого экспорта) и кредитной экспансии (увеличение размеров кредита – сокращение банковских резервов) приводит к возникновению дефицита на рынке денег и ставка процента повышается, что ведет к снижению объема инвестиций и совокупного спроса¹.

Следовательно, цикл объясняется наличием положительной обратной связи в самой экономической системе. Запуск этой обратной связи обеспечивается внешним шоком: регулируемыми импульсами со стороны денежных властей или кредитной экспансией, которые являются реакцией на эндогенные процессы, протекающие в самой экономической системе (экономический рост и рост доходов). Экономический рост провоцирует увеличение размеров кредита, что, в конечном счете, приводит к сжатию кредита и снижению размеров совокупного спроса. Вместе с тем, приведенные эффекты являются не более чем описанием волнообразного процесса периодического нарушения и восстановления общего экономического равновесия в предположении, что ведущим рынком в экономической системе является рынок денег. Учитывая, что, как отмечалось выше, состояние общего экономического равновесия всегда представляет собой некоторое множество сменяющих друг друга нарушения и восстановления состояний равновесия на макроэкономических рынках, концепция Р. Хаутри мало что добавляет к пониманию природы и механизма формирования и развития экономического цикла в вышеозначенном смысле.

В 1960-е – 1970-е гг. усилиями Р. Лукаса², Дж. Лонга и Ч. Пlossера³, Э. Прескотта⁴ были предложены механизмы влияния

---

¹ *Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Гребенников П.И., Леусский А.И.* Макроэкономика. 1999. С. 255–263.

² *Lucas R.* Expectations and the Neutrality of Money // *Journal of Economic Theory*. April. 1972; *Lucas R.* Some International Evidence on Output-Inflation Trade-Offs // *American Economic Review*. 1973. Vol. 63. No. 3.

³ *Long J., Plosser C.* Real Business Cycles // *Journal of Political Economy*. 1983.

⁴ *Prescott E.* Theory Ahead of Business Cycle Measurement // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public*. 1986.

шоков на выпуск и занятость, которые объясняли возникновение циклических колебаний в экономике в рамках неоклассической традиции, то есть в предположении о вполне гибких ценах и заработной плате.

В соответствии с теорией несовершенной информации Р. Лукаса агенты каждого отдельного товарного рынка оценивают информацию о повышении цен в результате шока предложения с лагом (опозданием), не имея в момент повышения цен достоверной информации о том, изменились ли относительные цены их продукции (тогда они склонны увеличить предложение) или произошло общее повышение цен и относительные цены их товаров не изменились (тогда они не будут повышать выпуск). При этом каждый рыночный агент рассуждает рационально и при повышении цены на своем рынке считает, что это повышение частично вызвано повышением общего уровня цен, а частично есть увеличение относительной (относительно других товаров на других рынках) цены его продукции. Это является причиной для увеличения выпуска. На основании этих предположений Р. Лукас предложил функцию предложения:

$$Q = Q_n + b (P - P^e). \quad (4)$$

Здесь параметр b характеризует выпуск в натуральном выражении, то есть прирост общего выпуска, вызванный ожидаемым увеличением цен; Q_n – «естественный» уровень выпуска, соответствующий естественной безработице, P – фактический уровень цен, P^e – ожидаемый уровень цен. Если $P > P^e$, то каждый производитель считает, что относительная цена его товара увеличилась, хотя на самом деле увеличился лишь общеэкономический уровень цен, и повышает выпуск. Соответственно, если $P < P^e$, экономические агенты должны реагировать снижением выпуска. Вообще-то следствия из функции Лукаса весьма тривиальны и укладываются в общую концепцию равновесия на рынке благ и услуг. Невыясненным остается при этом только один вопрос: почему происходят повышения (понижения) общего уровня цен.

Теория реального бизнес-цикла, связанная с именами Дж. Лонга, Ч. Пlossера, Э. Прескотта, продолжает исследование гипотезы импульсного подхода Слуцкого – Фриша о важной роли технологических изменений. Именно они полагаются основной причиной колебаний уровня деловой активности. Эта гипотеза основана в основном на положениях Й. Шумпетера, полагавшего, что для капитализма харак-

терны волны созидательного разрушения, во время которых введение новых технологий выталкивает часть фирм из бизнеса. Механизм воздействия технологического шока на экономику прост. Изменение технологии обуславливает рост производительности труда. Фирмы увеличивают спрос на труд (впрочем, даже, если занятость и не увеличивается, выпуск возрастает, по причине роста производительности труда). Увеличение спроса на труд ведет к увеличению заработной платы (при этом цены не растут, а могут и снижаться в связи с тем же ростом производительности труда, то есть растет именно реальная заработная плата). При положительном наклоне кривой предложения труда рост реальной заработной платы приводит к увеличению занятости. Таким образом, технологический шок вызывает увеличение двух основных параметров – выпуска и занятости. Увеличение выпуска и занятости влечет за собой рост инвестиций и доходов в следующем цикле, начинается экономический подъем.

Главная трудность заключается в том, что теория реального бизнес-цикла хорошо объясняет рост в результате технологического прогресса. Но чтобы объяснить спад в рамках этой логики, следует предположить наличие технологического регресса. Представить себе его на практике весьма сложно. В то же время понятие технического регресса имеет ключевое значение в концепции реального бизнес-цикла, так как именно технический регресс объясняет рецессию, тогда как технический прогресс объясняет только подъем в экономике. То есть без технического регресса можно описать цикличность подъемов в экономике, но не классический цикл конъюнктуры (подъем – спад – оживление – подъем). Экономически же объяснить ситуацию с техническим регрессом трудно.

Гипотеза, которая объясняет механизм формирования цикла, его фундаментальную основу и причину перехода из одной фазы в другую, была предложена и обоснована К. Марксом.

Концепция К. Маркса сводилась к тому, что причиной циклических колебаний в экономике (естественно в условиях совершенной конкуренции) и, соответственно, периодических кризисов является периодическое обесценение капитала в результате скачкообразных изменений органического строения капитала (соотношения постоянного и переменного капитала) и, соответственно, понижения средней нормы прибыли. В основе периодичности скачков (шоков) лежит средний период оборота основного капитала. Периодические кризисы в его концепции являлись наглядной демонстрацией действия

этого закона. В свою очередь механизм действия самого закона и являлся механизмом (моделью) цикла воспроизводства капитала¹.

Фактически К. Маркс впервые рассматривал так называемую шоковую концепцию экономических циклов. При этом для Маркса существовал только один вид шока, который приводит к кризису в экономике, – технологический шок. В дальнейшем этот подход получил развитие в работах теоретиков XX в.

Исходной принималась некая средняя для экономики величина нормы прибыли (ρ^*), равная отношению совокупной массы прибыли функционирующих агентов рынка (P) к совокупному применяемому ими капиталу (K):

$$\rho^* = P / K. \quad (5)$$

При этом в соответствии с основным постулатом теории стоимости К. Маркса стоимость капитала определялась стоимостью постоянного капитала (средств производства) – « F » и переменного капитала (стоимостью рабочей силы) – « V »:

$$K = (F + V). \quad (6)$$

Так как в теории стоимости К. Маркса источником прибыли является только переменный капитал (V), то есть $P = P(V)$, то при данной величине применяемого единичного капитала его норма прибыли « ρ » определяется соотношением $F / V = \theta$ ($0 < \theta < 1$), которое К. Маркс определял как стоимостное строение капитала. Изменение стоимостного строения капитала происходит в зависимости от изменения его «технического строения», то есть пропорции при данном уровне цен на элементы средств производства и при данной величине заработной платы между «массой» средств производства и численностью занятых. Формирующееся среднее по экономике (отраслевому рынку) органическое строение капитала (θ^*) и определяет значение ρ^* , то есть:

$$\rho^* = P / V(1 + \theta^*). \quad (7)$$

---

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. 1954. С. 257–270.

Средняя норма прибыли по К. Марксу имеет тенденцию к понижению именно в связи с ее зависимостью от стоимостного строения капитала, которое имеет объективную тенденцию к росту в силу постоянного совершенствования, усложнения и, соответственно, увеличения стоимости средств производства. С формальной точки зрения предельная норма прибыли, исчисляемая как в (5), действительно асимптотически стремится к нулю, оставаясь постоянно положительной величиной. В этом легко убедиться, продифференцировав выражение (7) по θ , что даст:

$$\partial p / \partial \theta = -P / V(1 + \theta)^2. \quad (8)$$

Гипотеза К. Маркса заключалась в том, что закон тенденции средней нормы прибыли к понижению проявляется как периодическое снижение средней нормы прибыли. Именно эти периодические «провалы» средней нормы прибыли и генерируют кризис перепроизводства капитала, а также являются основой периодичности экономического цикла. Невозможность отрицательных значений средней нормы прибыли как раз и означает, что капитал, с которым связано получение убытков, является избыточным (перепроизведенным) и должен уйти с рынка.

Таким образом, ключевым параметром для описания экономической динамики в теории К. Маркса является органическое строение капитала (θ). Агенты рынка делятся на три группы по критерию соотношения индивидуального и среднего по экономике значения θ :

Первая группа – экономические агенты, для которых $\theta = \theta^*$.

Вторая группа – экономические агенты, для которых $\theta < \theta^*$.

Третья группа – экономические агенты, для которых $\theta > \theta^*$.

Понятно, что третья группа – множество тех экономических агентов, которые имеют наиболее передовой технический, технологический и организационный уровень, соответственно, наименьшие удельные издержки и, при данных ценах, наивысшую норму прибыли на соответствующем отраслевом рынке.

Состояние $\theta > \theta^*$ для экономических агентов в третьей группе достигается по К. Марксу посредством инвестиций в элементы основного капитала. А стимулом для этих инвестиций является стремление к максимизации прибыли в рамках каждого индивидуального капитала за счет получения на некоторое время сверхприбыли при средних

ценах на отраслевом рынке при сокращении предельных затрат в результате перехода к более совершенной технологии производства.

В течение времени, которое необходимо для перевооружения соответствующих мощностей новыми средствами производства, переобучения персонала и т. д., фирмы, которые осуществляют программы модернизации, выступают потребителями, генерируя дополнительный к «нормальному» уровень спрос на элементы основного капитала. В течение этого же периода эти фирмы не присутствуют на рынке благ и услуг, тем самым, сокращая уровень предложения на соответствующих отраслевых рынках ниже «нормального». Возникает дефицит предложения на рынках благ и услуг, что вызывает рост цен. Рост цен обуславливает сразу несколько эффектов:

- для всех экономических агентов при фактически сложившемся для них уровне издержек растут нормы прибыли, наибольший рост наблюдается у фирм, которые уже успели завершить программы модернизации, но даже экономические агенты, у которых $\theta < \theta^*$, норма прибыли увеличивается;

- рост нормы прибыли стимулирует увеличение объема предложения при фактически сложившемся параметре θ , что вызывает новый рост спроса на труд, сырье, комплектующие и элементы основного капитала для расширения производственных мощностей, это генерирует новый рост цен, и реальный сектор экономики попадает в условия действия положительной обратной связи, которая раскручивает спираль роста;

- формируются положительные ожидания в отношении массы прибыли, что стимулирует спрос на ссудный капитал и вызывает рост фиктивного капитала; расширяется объем кредитования при растущих банковских процентах;

- увеличение спроса на труд стимулирует рост номинальной заработной платы и, соответственно, увеличение потребительского спроса¹.

Экономика переживает подъем (рост спроса, инвестиций, объема производства, цен, биржевых индексов, заработной платы, массы прибыли). Этот подъем вполне объясняется индуцированными самими экономическими агентами технологическими шоками, которые преобразуются в микро- и макроэкономические шоки (спрос, пред-

---

¹ Минакир П.А. Уметь считать // Банковское дело. 2008. № 5. С. 42–47.

ложение, цены, ставка процента, реальные кассовые остатки, занятость, заработная плата и пр.).

Вполне эндогенный характер имеют и отрицательные макро- и микроэкономические шоки, порождаемые продолжением действия технологических шоков. Механизм перезапуска экономики в обратном направлении столь же теоретически прост:

- когда процесс технологической модернизации у основной части экономических агентов третьей группы завершается, и их потенциальное совокупное предложение S_3 , которое достаточно для удовлетворения всего совокупного спроса D или основной части, появляется на рынке в полном объеме, то резко увеличивается предложение на соответствующих отраслевых рынках; одновременно сокращается инвестиционный спрос завершивших технологическую модернизацию экономических агентов; то есть увеличенное предложение сталкивается с понижением спроса, что приводит к нарушению равновесия на рынке благ и услуг;

- цены начинают снижаться, и для экономических агентов второй и особенно третьей группы норма прибыли резко понижается или даже становится отрицательной, что, как отмечалось выше, означает уход с рынков части капиталов, которые оказываются перепроизведенными при новом среднем значении θ^* и, соответственно, изменившемся значении цены производства;

- сокращение размеров валовой прибыли или даже переход в зону убытков для части экономических агентов означает прекращение платежей по своим обязательствам, которые были номинированы в расчете на прежний уровень цен;

- рынок денег при сократившемся спросе на ссудный капитал со стороны экономических агентов третьей группы сталкивается с дефолтом по текущим обязательствам экономических агентов первой и особенно второй групп; это приводит к затруднениям финансовых агентов, особенно тех, которые в стремлении к высокой ожидаемой прибыли превысили пределы обоснованного риска, то есть эффект перепроизводства капитала распространяется и на банковский капитал; начинается цепная реакция невыполнения обязательств на денежном рынке, что приводит к банкротству ряда банков, которое усоряется оттоком депозитов в результате паники среди вкладчиков;

- коллапс денежного рынка приводит к росту ссудного процента и сокращению программ кредитования, что блокирует возможности потенциально здоровых капиталов, которые хотели бы

приступить к технологической модернизации и/или выиграть время за счет использования ссудного капитала, эти экономические агенты также вынуждены уйти с рынка, еще более сокращая спрос, в том числе на труд;

- сокращение занятости приводит к сокращению потребительского спроса и дальнейшему сокращению совокупного спроса в экономике, это стимулирует дефляцию и положительная обратная связь начинает «раскручивать» экономическую динамику в обратном направлении – экономика переходит в зону спада.

Теоретическая концепция К. Маркса, таким образом, хорошо описывала экономический цикл, вполне удовлетворительно объясняя его как закономерный динамический процесс, свойственный рыночной экономике, ориентированной на максимизацию прибыли и нормы прибыли. В основе цикла средней нормы прибыли при этом лежит цикл воспроизводства основного капитала фирмы, которое осуществляется на все более совершенной технической основе. В рамках этой концепции цикл представлялся как исключительно детерминированный результат поведения предпринимателей, под которыми подразумевались промышленные предприятия. То есть речь шла не просто о рыночной экономике, но об экономике индустриальной и не просто об экономическом цикле, но о промышленном цикле. Важной чертой этой теоретической концепции являлось и то, что колебания спроса, собственно конъюнктура, принимались как производный результат изменения технологических и ценовых параметров, а не как самостоятельная причина изменения поведения экономических агентов.

Однако есть трудности и с использованием для объяснения реального, особенно современного, экономического цикла закона тенденции средней нормы прибыли к понижению К. Маркса (классической теории).

Предположение о том, что материальной основой продолжительности цикла является периодичность замены основного капитала, а основным шоком спроса, вызывающим срыв экономической динамики, в фазу кризиса является сокращение инвестиционного спроса в результате окончания обновления элементов основного капитала на новой технической основе, вряд ли может быть принято без существенных оговорок. Периодическое снижение средней нормы прибыли, скачкообразное снижение цены производства и последующее нарушение общего равновесия, не выглядит вполне

адекватным реальной экономической динамике и фактически происходящим в экономике процессам. Главная проблема заключается в том, что классическая теория описывает среднесрочный промышленный цикл с периодом 7–10 лет, но реально каждое десятилетие фронтального по всей экономике изменения органического строения капитала в результате технических и технологических нововведений конечно не происходит. Изменения возможны для отдельных производств, на отдельных рынках, для отдельных процессов и продуктов. Но даже в эпоху научно-технической революции столь жесткий и синхронный процесс всеобщего технологического одновременного рывка за столь короткие промежутки времени представить себе вряд ли возможно.

Процесс технологического обновления, сопровождающийся модификацией фундаментальных экономических параметров воспроизводства гораздо более правдоподобен, имея в виду основу для формирования длинных циклов конъюнктуры (циклов Н. Кондратьева). По существу об этом же писал и Й. Шумпетер, гипотеза которого о волнах созидательного разрушения лежит в основе концепции реального бизнес-цикла. Следует отметить, что концепция скачкообразных технологических трансформаций (Н. Кондратьев, Й. Шумпетер) хорошо описывает изменения режимов воспроизводства, изменения структуры и качества параметров экономической динамики, но не пригодна для описания экономического и тем более финансово-экономического цикла, конституирующим элементом которого является фаза кризиса.

Неоклассические и кейнсианские модели и теории, претендующие на объяснение и описание механизма экономического цикла, также не могут быть приняты в качестве достаточно адекватных гипотез. Они описывают в лучшем случае конъюнктурные колебания спроса и предложения под воздействием шоков, как правило, инвестиционных, монетарных, ценовых. Происхождение же самих по себе шоков остается трудно объяснимым феноменом, который по существу не может быть объяснен в рамках концепции Слуцкого – Фриша, которая предлагает классификацию шоков, но оставляет за скобками объяснение того, почему появляются экзогенные шоки и какова основа и причина генерирования эндогенных шоков.

Таким образом, мы приходим к несколько странному утверждению о том, что наилучшей теоретической концепцией для описания экономического цикла, запускаемого периодическим нарушени-

ем общего экономического равновесия, является теория общественного воспроизводства К. Маркса, но ключевая предпосылка этой теории о периодической всеобщей смене технологического базиса функционирующего капитала не реалистична.

Возможно ли «обойти» эту предпосылку? Предложим другую предпосылку.

Дело в том, что экономическая динамика вообще имеет основанием процесс накопления капитала, то есть реинвестирования части создаваемой прибыли. Именно это является ключевым пунктом и именно это отличает классическую концепцию от неоклассики и кейнсианства, а именно – то, что во главу угла при рассмотрении вопросов общего экономического равновесия следует поставить формирование предложения или процесс производства и увеличения капитала. Как известно, неоклассическая модель общего экономического равновесия, как и кейнсианская, исходят из первичности рынка денег и капитала, равновесие на котором формирует равновесие спроса и предложения. Будем исходить из предположения классической школы о первичности не рынка, а функционирования капитала и прежде всего производства капитала, ориентированного и взаимодействующего с рынками.

Если иметь в виду графическую модель общего экономического равновесия, то это предположение означает, что процесс формирования и нарушения равновесия будет выглядеть следующим образом.

В период «0» на производственной функции некая точка «Y» определяет значение применяемого капитала и труда, а также некоторое значение массы получаемой прибыли при данном уровне цен.

Если предположить, что часть созданной прибыли рекапитализируется, то в период «1» точка на производственной функции смещается вправо, что соответствует увеличению спроса на дополнительный капитал (инвестиции) и на дополнительную рабочую силу (труд). Увеличение спроса на инвестиции нарушает равновесие на рынке денег и капитала, для его восстановления количество денег должно быть увеличено (расширен кредит). Увеличение спроса на труд означает увеличение массы доходов домашних хозяйств, часть из которых образует сбережения и увеличивает тем самым возможности инвестирования.

Увеличение размеров инвестиций и увеличение доходов в результате рекапитализации прибыли увеличивает совокупный спрос

на рынке благ и услуг, что приводит к росту цен. В результате увеличения цен в полном соответствии с функцией предложения Лукаса происходит увеличение совокупного предложения как за счет расширения использования имеющихся производственных резервов, так и входа на рынок новых капиталов.

В периоде «2» происходит новый цикл рекапитализации прибыли, что означает увеличение спроса на элементы основного капитала, новое расширение кредита, что ведет к росту ставки процента, новое увеличение совокупного спроса на рынке благ и услуг, что ведет к росту цен, повышение спроса на труд, что приводит к увеличению совокупного дохода в экономике (за счет роста номинальной заработной платы и производимой массы прибыли).

Предыдущее описывает процесс генерирования экономического подъема как результата накопления капитала.

Увеличение размера кредита и повышение ставки процента ведет, во-первых, к оттоку части доходов в сбережения и перевода части ценных бумаг в ликвидную форму, а, во-вторых, к сокращению размера инвестиций (что созвучно монетарной концепции Хаутри). Сокращение размера инвестиций сигнализирует об уменьшении нормы рекапитализации прибыли, что означает для периода «3» снижение размеров предельного спроса на труд, а также на элементы основного и оборотного капитала. Это приводит на рынке благ и услуг к сокращению прироста совокупного спроса, что провоцирует смену позитивных ожиданий на негативные.

Изменение знака ожиданий приводит в периоде «4» к сокращению загрузки производственных мощностей, уменьшению совокупного спроса, что создает давление на общий уровень цен. Снижение цен приводит к уходу с рынка части привлеченных на рынок в период подъема капиталов. Этот же процесс запускает приостановку выполнения долговых обязательств перед банками, что приводит к кризису банковской системы и дальнейшему сокращению объема кредитования. Столкнувшись с двойным шоком – сокращением цен и сокращением возможности кредитования – действующий капитал реагирует дальнейшим сокращением загрузки мощностей и уменьшением спроса на труд. Экономика входит в фазу кризиса.

Таким образом, вполне можно описать механизм среднесрочного циклического развития, не прибегая к допущению об обязательном массовом преобразовании технологических и стоимостных параметров воспроизводства.

В случае открытой экономики ситуация становится менее однозначной. Если, как например в случае с США начала 2000-х гг., существует постоянный поток внешнего финансирования рынка капитала, может в течение длительного времени поддерживаться ситуация положительных темпов роста и темпов инвестирования при сравнительно низких и стабильных ставках процента. Это связано с тем, что тождество инвестиций и сбережений для внутреннего рынка опирается не только на сбережения, генерируемые в самой экономике США, но на сбережения, генерируемые в мировой экономике¹. Эти сбережения переводятся в США благодаря наличию развитой финансовой системы и статуса резервной валюты у доллара, и используются фактически как дополнительный резерв для инвестирования. Именно это позволяет расширять кредитование экономики без существенного роста ставки процента и поддерживать стабильные темпы развития.

Однако здесь существует своя ловушка. В современной экономике рынок капитала и денег более не является, как в экономиках XIX и даже XX в., вспомогательным рынком, на котором аккумулируются свободные финансовые ресурсы, и происходит их распределение и перераспределение. Рынок капитала и денег конца XX начала XXI вв. – это рынок, который имеет самостоятельное значение, экономические агенты которого преследуют цель максимизации прибыли, ориентируясь не на параметры реальной экономики, а имея в виду автономное функционирование своих капиталов. На этом рынке действуют такие же закономерности расширенного воспроизводства, и он также как реальный сектор экономики, стремится самостоятельно генерировать спрос на свой продукт по мере реинвестирования прибыли. Это означает, что при постоянном увеличении размеров функционирующего капитала в финансовой сфере он должен постоянно находить для себя расширяющийся спрос. Если не хватает потенциала расширения спроса в реальном секторе экономи-

---

¹ Горюнов А.П. Мировой финансовый кризис и его российские проявления // *Пространственная экономика*. 2009. № 2; Keen S. Bailling out the Titanic with a Thimble // *Economic Analysis and Policy*. 2009. Vol. 39. No. 1; Roubini N., Setser B. Will the Bretton Woods 2 Regime Unravel Soon? The Risk of a Hard Landing in 2005–2006 // *Revised Bretton Woods System: A New Paradigm for Asian Development?* (4 feb., 2005; San Francisco) / Federal Reserve Bank of San Francisco, UC Berkley.

ки, темпы накопления которого ограничены в физическом смысле возможностями по сырью, по трудовым ресурсам, по производственным мощностям, по длительности строительства и пр., то капиталы финансового сектора, ориентируясь на положительные сигналы относительно роста валового дохода домашних хозяйств, начинают рассматривать именно этот прирост дохода как перспективный спрос на свои услуги. Так как в каждый данный период времени прирост доходов все-таки ограничен по величине, а прирост активов финансовой системы практически не ограничен, то возникает искушение рассматривать в качестве реального спроса будущие доходы, виртуальные сбережения домашних хозяйств. Сами домашние хозяйства также ориентируются на положительные ожидания сохранения темпа роста доходов и также склонны рассматривать свои будущие доходы в качестве основы для своего сегодняшнего реального спроса. Эта игра на повышение становится основой самостоятельного и быстрого роста финансового сектора экономики. В этот рост втягивается кредитная система, а также часть функционирующего капитала реального сектора экономики, для которого с некоторого момента условия накопления (реинвестирования) в финансовые активы становятся более привлекательными, чем реинвестиции в реальные активы.

Так как внутренний рынок в каждый данный момент все-таки ограничен и всегда существует опасность, что темп роста предложения финансовых услуг (кредита) в какой-то момент может оказаться меньше темпа роста увеличения реального и виртуального спроса, в данном случае домашних хозяйств, следовательно, существует и вероятность того, что при наступлении этого момента произойдет обрушение цен на финансовые активы каких-то агентов финансового рынка, которые не смогли или не захотели проконтролировать соблюдение условий равновесия спроса и предложения. Именно это, очевидно, произошло на ипотечном рынке США в форме внезапно проявившегося отрицательного баланса у ипотечных агентств¹. С момента, когда это происходит, начинается обвал финансового рынка в форме падения цен на активы первоначально «провалившихся» агентов, а затем по принципу домино всех остальных активов. Ситуация быстро выходит из под контроля, так как положитель-

---

¹ World Economic Situation and Prospects. 2009.

ные ожидания меняются на отрицательные, начинается бегство в ликвиды, ценные бумаги в массовом порядке продаются и цены их все больше падают. Ресурсы кредитования резко сокращаются. Финансовый кризис приводит, во-первых, к потере агентов реального сектора экономики, которые были вовлечены в операции на финансовом рынке, а во-вторых, происходит приостановка воспроизводственного цикла в связи с проблемами кредитования и наконец, в-третьих, меняется знак ожидания у домашних хозяйств что приводит к быстрому падению совокупного спроса на всех рынках. Это дает дальнейший импульс сокращению объемов производства, появляются проблемы с выполнением долговых обязательств реального сектора экономики перед финансовым, что усугубляет проблему на самом финансовом рынке.

Экономика срывается в кризис. Важно, что и в данном случае срыв происходит как результат эндогенного процесса, в ходе которого реализуется положительная обратная связь.

1.2. Эмпирический анализ кризиса 2007–2009 гг.

КРИЗИС 2007–2009 ГГ.: ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Мировой экономической кризис 2007–2009 гг. не имеет аналогов в новейшей истории. Это самый глубокий кризис за последние 60 лет. Его все чаще сравнивают с Великой депрессией, как самым близким прецедентом, как по времени, так и по характеристикам. Действительно, темпы и масштабы падения основных показателей экономической и финансовой деятельности вплотную подходят к таковым в капиталистических экономиках 1929–1932 гг. Хотя формально (*табл. 1*) динамика ВВП вошла в зону отрицательных значений только в 2009 г., но уже с 2007 г. вполне проявились те механизмы цикла, которые обусловили очевидное статистическое подтверждение перехода к кризисной фазе цикла.

Если говорить о причинах глобального кризиса, то нужно сказать, что сейчас и экономическая теория, и экономическая политика находятся в очень большом затруднении, потому что четкого ответа, почему произошел этот кризис, и почему именно в такой форме, пока нет. Конечно, можно глубокомысленно обсуждать банальности, одной из которых является сравнение темпов роста финансовых производных инструментов за последние 6 лет, и темпов роста мирового

---

¹ Минакир П.А., Прокапало О.М. Кризис 2007–2009 гг.: глобальный аспект // Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика / под ред. В.В. Кулешова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. Материал подготовлен совместно с А.П. Горюновым.

ВВП. Да, действительно, суммарная стоимость производных финансовых инструментов увеличилась за последние 6 лет в 15 раз, а мировой ВВП за это же время – только в 1,3 раза. Это объясняет, что кризис мог произойти, но это не объясняет, почему он произошел именно при таком соотношении – 15 и 1,3 раза, а не при соотношении 10 и 1,2 раза.

Таблица 1

**ВВП по основным регионам и странам мира,
в % к предыдущему периоду**

Страна / регион	1980–2002	2005	2006	2007	2008*	2009*
ЕС	29,5	2,2	3,3	3,1	1,2	–0,5
США	41,7	2,9	2,8	2,0	1,4	–0,7
Япония	19,3	1,9	2,4	2,1	0,5	–0,2
Китай	203,0	10,4	11,6	11,9	9,7	8,5
Россия	–33,0	6,4	7,4	8,1	6,8	...

Примечание: * – оценки ВМФ.

Источник: Григорьев Л., Салихов М. Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. 2008. № 12.

С теоретической точки зрения кризис вполне вписывается в изложенную выше концепцию перепроизводства капитала. Тем не менее, наиболее популярными объяснениями для современного кризиса являются¹:

- дерегулирование финансовых рынков в развитых странах и глобализацию финансовой системы;
- сомнительные «инновации» в области оценки рисков и секьюритизации ипотечных долгов в США;
- политика низких процентных ставок в США в 2001–2003 гг.;
- политика повышенного сбережения в странах Восточной Азии.

Все эти причины, несомненно, сыграли свою роль в формировании условий для смены продолжительного и бурного роста миро-

---

¹ Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1; May В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2; Murphy А. An Analysis of the Financial Crisis of 2008: Causes and Solutions.

вой экономики и финансовой сферы резким и мощным спадом. Однако в действительности следует выделить в качестве главного обстоятельства, обусловившего объективную неизбежность кризиса, макроэкономический дисбаланс мировой экономики, вызванный фактическим кризисом счета текущих операций в США¹. Именно этот дисбаланс стал «спусковым крючком» формирования системного кризиса глобальной финансовой системы в ее сегодняшнем виде.

К 2005 г. экономика США потребляла около 80% всех излишков сбережений в мировой экономике. Под излишками понимается та часть сбережений, которая не инвестируется в экономиках их производящих. В том же 2005 г., центральные банки стран-экспортеров финансировали 90% дефицита торгового баланса США, причем большая часть этого финансирования приходилась на развивающиеся страны Восточной Азии, среди которых первое место занимал Китай². США аккумулировали огромный капитал, который, как будет показано ниже, применялся в экономике самих США. Суммарно аккумулированный американской экономикой капитал намного превысил размер капитальной стоимости, который мог быть обеспечен доходами самой этой экономики. Именно в этом заключается главное противоречие, разрешающееся в ходе современного кризиса.

Система «двух двигателей глобальной экономики» – гигантского дефицита сальдо счета текущих операций США с одной стороны, и жестких привязок валют стран Восточной Азии к доллару, финансирующей этот дефицит, с другой, была впервые описана и проанализирована Гарбером, Дули и Фолкергс-Ландау в 2003 г.³ В результате своего анализа эти авторы пришли к выводу о том, что данная система вполне стабильна и обречена на существование в течение целого поколения, вплоть до окончания перетока излишков трудовых ресурсов в Китае из сельского хозяйства в промышленность.

---

¹ *Bernanke B.* Global Imbalances: Recent Developments and Prospects / Board of Governors of the Federal Reserve System. 2007.

² *Roubini N., Setser B.* Will the Bretton Woods 2 Regime Unravel Soon? The Risk of a Hard Landing in 2005–2006 // Revived Bretton Woods System: A new Paradigm for Asian Development? / Federal Reserve Bank of San Francisco, UC Berkley. 2005.

³ *Dooley M., Folkerts-Landau D., Garber P.* An Essay on the Revived Bretton Woods System / NBER. Working Paper. No. 9971. 2003.

Другие исследователи были менее оптимистичны в своих оценках перспектив этой системы: Майкл Мусса в 2003 г. предсказывал ее крах через 4 года, Рубини в 2005 г.¹ – через 2 года. Оба оказались совершенно правы в своих оценках срока жизни этой системы.

Главным фактом американской экономики в последние семь-восемь лет, следует считать следующий: в ситуации, когда ответственность за финансирование массивного и многолетнего дефицита государственного бюджета практически целиком ложится на иностранные центральные банки, финансовому сектору становятся доступны значительные и дешевые дополнительные ресурсы. В отсутствие внешнего финансирования дефицита, расходы по нему легли бы на плечи финансового и реального секторов внутренней экономики, отвлекая инвестиционные ресурсы вследствие эффекта вытеснения.

Анализ соотношения долей иностранных и частных отечественных (за вычетом участия ФРС) держателей государственных облигаций США в общем их объеме за период с 2000 г. по 3-й квартал 2008 г. (рис. 1) демонстрирует, что доля отечественной экономики США (финансового и реального секторов в совокупности) в финансировании бюджетного дефицита снижалась на протяжении всего рассматриваемого периода и уменьшилась с 47,3% в 2000 г. до 28% в 2007 г.

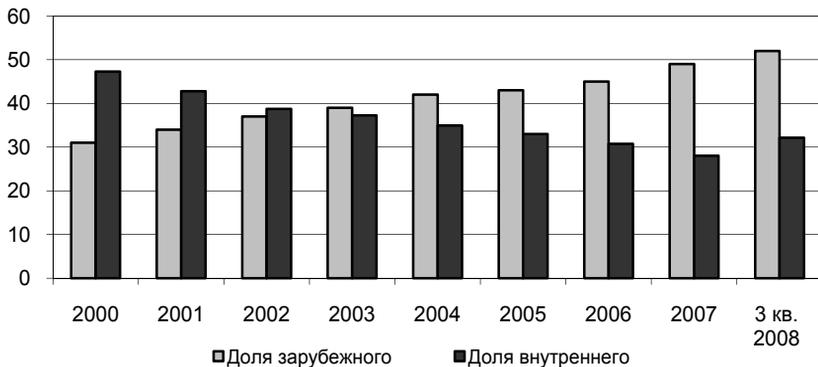

Рис. 1. Внешнее и внутреннее финансирование государственного долга США, 2000–2008 гг., %

¹ Roubini N., Setser B. Will the Bretton Woods 2 Regime Unravel Soon? The Risk of a Hard Landing in 2005–2006 // Revived Bretton Woods System: A New Paradigm for Asian Development? / Federal Reserve Bank of San Francisco, UC Berkley. 2005.

За три квартала 2008 г., впервые, эта доля выросла на 4,1 п. п. по сравнению с 2007 г. Однако это было обусловлено резким ростом заимствований федерального правительства в связи с предпринимаемыми им антикризисными мерами.

Доля иностранных кредиторов также выросла в 2008 г., но этот рост был меньше роста доли отечественной экономики (3,1 п. п. против 4,1 п. п.). Это объясняется кризисом долларовой ликвидности в мировой экономике, сокращением торговых профицитов стран-экспортеров – основного источника финансирования государственного долга США и масштабностью дополнительных заимствований. Только за три квартала 2008 г. объем облигаций в обращении вырос на 12,6%, причем это без учета еще более чем 500 млрд долл., занятых казначейством США в 4-м квартале. Для сравнения, средний темп прироста выпуска государственных облигаций за период 2000–2007 гг. составил 6,4% против 4,9% в 2004–2007 гг.

Таким образом, дефицит государственного бюджета США в период 2000–2007 гг. явился источником дополнительных ресурсов, оплаченных иностранными кредиторами. Это вызвало мощный рост финансового сектора США и связанных с ним секторов в развитых странах. Освобожденный от обязанности кредитовать государство, финансовый сектор США увеличил кредитование сектора частного (рис. 2). Аналогичный процесс протекал и в Европейском Союзе, но в США этот рост был гораздо более быстрым и устойчивым.

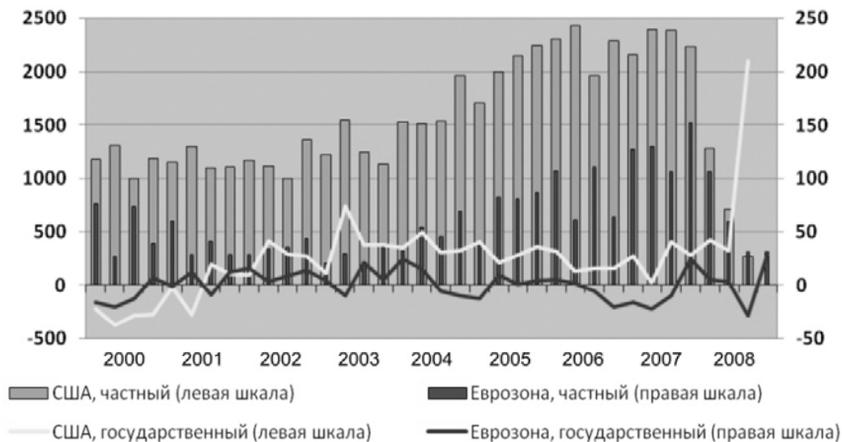

Рис. 2. Прирост кредита частному и государственному секторам в США и Еврозоне, 2000–2008 гг., млрд долл. – левая шкала, млрд евро – правая шкала

В период 2000–2003 гг. тенденции государственного кредитования в США вполне соответствовали постулатам противоциклической макроэкономической политики: превратившись в чистого заемщика в период рецессии, финансовый сектор начал возмещать долги после восстановления роста. Однако после 2003 г. в действие вступил уже механизм, описанный выше, обусловивший сокращение размеров государственного кредитования. В результате в период 2003–2008 гг. прирост банковских активов составил 73%, в то время как прирост промышленного производства только 5,7% (рис. 3). Этот разрыв объясняется, с одной стороны, тенденцией более быстрого роста финансового сектора (в отсутствие жестких нормативных ограничений) по сравнению с реальным сектором экономики, с другой стороны, общей для реального сектора всех развитых экономик тенденцией «неспешного» роста с высокого старта, усугублявшейся в случае США значительным торговым дефицитом.

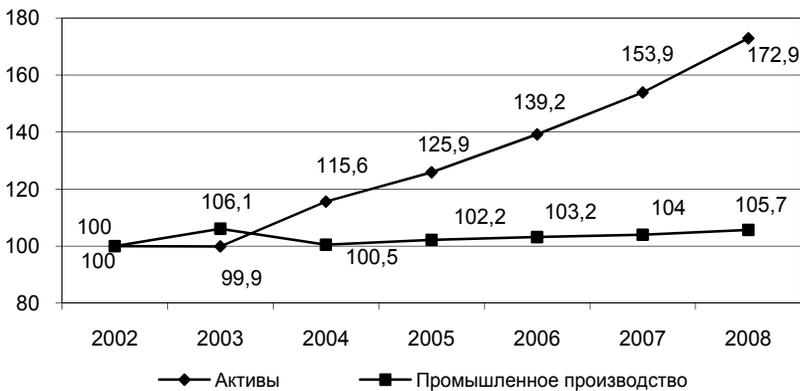

Рис. 3. Активы банков и промышленное производство в США, 2002–2008 гг., ноябрь 2002 г. = 100%

Этот разрыв в темпах роста финансового и реального секторов обусловил превышение предложения кредитов финансовым сектором над спросом на них со стороны реального производства. Дефицит спроса со стороны реального сектора экономики был компенсирован повышением спроса со стороны домашних хозяйств. Единственным фактором, препятствовавшим широкомасштабной кампании по кредитованию домохозяйств, была стагнация их реальных доходов (рис. 4).

Рис. 4. Изменение доходов домохозяйств в США, 1998–2007 гг., %

В период 2001–2004 гг. совокупные доходы домохозяйств оставались практически неизменными, а в период 2004–2007 гг. их рост был сконцентрирован главным образом в верхнем дециле населения и был обусловлен ростом доходов от финансовых активов, который, в свою очередь был вызван ростом цен на эти активы вследствие расширения финансовой системы.

Другими словами, даже тот рост доходов, который присутствовал с 2001 г. в США, был вызван ростом богатства, в первую очередь стоимости недвижимости (жилья), что было обусловлено ростом цен на жилье (рис. 5).

Рис. 5. Индекс реальных цен жилья в США, 1946–2006 гг., 1890 г. = 100%

А рост цен на жилье был в свою очередь спровоцирован ростом объемов кредитования. В период 1999–2006 гг. цены на жилье в США выросли на 70%, в точности повторив взлет финансовой системы. Образовался своеобразный замкнутый круг. Расширение кредитования ориентировалось на ожидание роста доходов в будущем – индикатором будущего роста доходов являлся рост цен на имущество – рост последних провоцировался ростом объемов кредитования. Неизбежным результатом стало стремительное раскручивание этой зависимости в обратном направлении после крушения системы ипотечного кредитования. Лавинообразное сокращение объема кредитов на приобретение жилья привело к падению цен на жилье и сокращению размера богатства домохозяйств, что стало индикатором снижения будущих доходов и, соответственно, запустило новый виток сокращения объемов кредитования. Сокращение богатства домохозяйств в 2008 г. по сравнению с 2001 г. составило 3,1%. То есть, все, что было накоплено в течение 7 лет растворилось в воздухе за несколько месяцев.

В этой связи нельзя не упомянуть о роли пресловутых методов оценки рисков. Эти методы, несомненно, имели важное значение для формирования предложения ипотечных и потребительских кредитов, занижая реальные риски. Главным недочетом этих методов было использование для оценки будущих рисков ставок доходности существующих деривативных контрактов хеджирования рисков дефолта корпоративных заемщиков. То есть, имеет место еще один классический пример замкнутой логики: будущие риски незначительны, потому что они были незначительны в прошлом.

Как бы то ни было, в силу совмещения объективных макроэкономических факторов и субъективного человеческого фактора, домашние хозяйства сумели компенсировать для финансовой системы потери потенциала роста, вызванные невозможностью инвестирования в динамично растущие развивающиеся страны и медленным ростом экономики развитых стран. Как уже было сказано выше, за период 2000–2008 гг., только банковская система США выросла почти вдвое. Рост этого сегмента финансовой системы сопровождался ростом небанковского сектора, в который входят инвестиционные банки, хедж фонды и т. д. При этом, ключевой особенностью финансовой системы развитых стран на этом этапе ее эволюции, стала практически исключительная сфокусированность на реальном секторе

США, как заемщике. Это характерно и для Японии и для Европейского Союза.

Столь быстрый рост финансовой системы вызвал рост предложения денег в глобальной экономике и инфляционный рост цен большинства финансовых активов и базовых товаров (рис. 6). Так, цена фондового индекса S&P500 в 2003–2007 гг. выросла на 61%, в то время как средневзвешенная цена широкой корзины основных товаров за тот же период увеличилась в 2,6 раза. Таким образом, расширение финансовой системы привело к формированию сразу трех ценовых «пузырей»: на рынках жилья, финансовых активов и на товарных рынках.

В этот период вполне оформился новый режим функционирования мировой экономики, который может быть в обобщенном виде интерпретирован как взаимодействие двух макроагентов. Первый – чистый экспортер конечной продукции, он же чистый кредитор, второй – чистый импортер, он же чистый заемщик. Типичными макроагентами первого типа являются экономики Китая и Японии, второго – США и Великобритании¹.

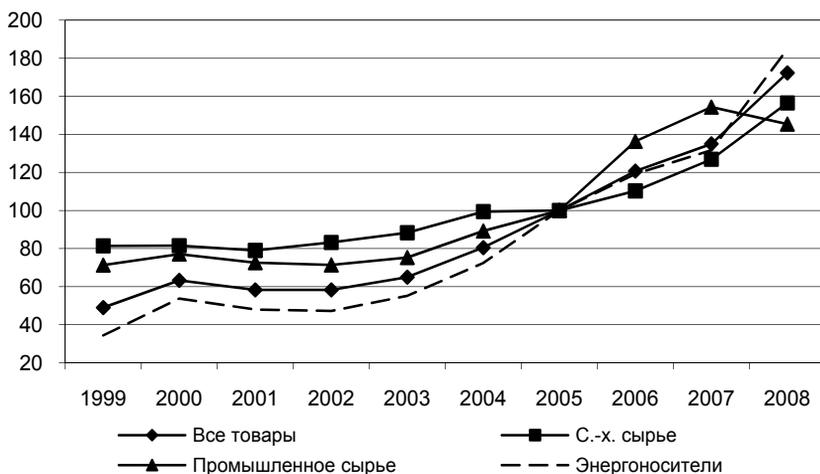

Рис. 6. Индексы мировых цен базовых товаров, 1999–2008 гг., 2005 = 100%

¹ World Economic Situation and Prospects 2009. New York: U.N., 2009.

«Экспортер-кредитор» защищает свой внутренний товарный рынок и максимизирует профицит торгового баланса за счет искусственно заниженного курса национальной валюты, удержание которого требует изъятия из экономики долларовых излишков торгового профицита посредством непрерывного потока валютных интервенций и реинвестирования их в иностранные активы. Тем самым, он сознательно лишает собственную экономику части инвестиционных ресурсов, и вынуждает ее поддерживать высокий уровень сбережений, обеспечивающий внутренние инвестиции без необходимости прибегать к внешним заимствованиям. Эта стратегия гарантирует ему положительные значения сальдо счета текущих операций.

С другой стороны, «импортер-заемщик», стремясь обеспечить главный компонент своего экономического роста – конечное потребление, оказывается вполне удовлетворен такими действиями своего зеркального отражения – «экспортера-кредитора», поскольку они гарантируют ему возможность поддержания дефицита государственного бюджета и низких процентных ставок. Последние, вместе с тем, приводят к повышению уровня инвестиций (благодаря дешевизне кредитных ресурсов) и снижению уровня сбережений (в связи с низкими ставками по депозитам).

Эти взаимоотношения, господствовавшие в «докризисном мире», иллюстрирует простое макроэкономическое тождество счета текущих операций:

$$CA = Sp - I - (G - T),$$

где CA – баланс счета текущих операций, Sp – частные сбережения, I – инвестиции, $(G - T)$ – дефицит государственного бюджета.

То есть баланс счета текущих операций равен частным сбережениям за минусом суммы инвестиций и бюджетного дефицита. Таким образом, в США и Европе при низкой норме сбережений и высоком дефиците бюджета увеличивались инвестиции. Экономика «нагревалась».

Перекачка денег из одного конца этой двухполярной системы в другую на фоне стагнирующих доходов домохозяйств, завершилась в 2007 г. дефолтом по субстандартным ипотечным кредитам, которые выдавались даже явно неплатежеспособным заемщикам под давлением спроса на эти активы и их производные, и под прикрытием «инновационных» методов оценки рисков.

Одна из самых популярных тем при обсуждении глобального кризиса в самой России – это тема о том, кто виноват. Собственно официальный ответ России был озвучен в выступлении господина Путина на форуме в Давосе – виноваты, конечно, развитые страны, которые спровоцировали этот кризис. На самом деле, это очень сложный вопрос – кто виноват? В таких вещах, как экономический кризис или экономическое процветание нет виноватых. Это результат всеобщего рационального поведения, или поведения, которое каждому игроку кажется рациональным.

Большая часть накопленных капиталов в форме ценных бумаг международного уровня была сосредоточена перед кризисом как раз в таких странах, как Китай, Россия, Бразилия (табл. 2).

Таблица 2

Доля ведущих стран в глобальных финансах в 2007, %

Страна	Капитализация рынка	Инвестиции	Приток ПИИ	Накопленные ПИИ	Международные ценные бумаги
Мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
США	36,1	23,6	13,4	14,9	23,6
Япония	10,1	11,3	0	0,9	0,5
Великобритания	6,5	3,9	10,7	9,4	4,9
Китай	5,7*	10,6	8,5*	8,9*	17,5
Франция	3,6	4,5	6,2	6,5	1,5
Канада	3,3	2,1	5,3	3,2	2,8
Россия	2,8	1,5	2,1	1,6	4,9
Германия	2,6	5,2	3,2	4,2	2,7
Италия	1,7	3,9	1,4	2,4	1,2
Индия	1,7	2,4	1,2	0,4	2,5
Бразилия	1,5	1,6	1,4	1,8	8,6

Примечание: * – оценка.

Источник: *Рогов С.М.* Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. Доклад на общем собрании Объединенного ученого совета РАН. 2008. 16 декабря.

Их совокупная доля больше, чем доля США. Это означает, что и эти страны тоже вполне с удовольствием использовали выгоды финансового процветания международной финансово-экономической

системы в предыдущие 6–7 лет. В какой-то степени это подтверждается и данными, которые показывают, в какой валюте хранятся международные резервы: доллары США – 71,0% в 1999 г., 64,7% в 2006 г.; евро – 17,9% в 1999 г., 25,8% в 2006 г.; иены – 6,4% в 1999 г., 3,2% в 2006 г.; фунты стерлингов – 2,9% в 1999 г., 4,4% в 2006 г. Большая часть резервов по-прежнему хранится в американской валюте. И в современной глобальной экономике это ведь выбор не самих США, это выбор глобальных игроков.

Первоначально потери несли финансовые институты только ипотечного рынка, но это неизбежно обернулось крахом цен всех финансовых активов, так как их взаимосвязь весьма высока и, кроме того, действовал механизм проциклической балансовой политики банков.

Этот механизм был описан уже после начала финансового кризиса экспертами Банка международных активов¹ на основе анализа балансов коммерческих банков и, в общем, соответствует начальной стадии механизма «долговой дефляции» Фишера². Схема действия этого механизма очень проста. Основным инструментом является так называемое «кредитное плечо» или отношение активов банка к его капиталу. Для коммерческих банков США это отношение в среднем перед кризисом равнялось 10. Банки проводят политику поддержания значения кредитного плеча на одном уровне, то есть для банков это значение должно колебаться вблизи определенной величины. В таблице 3 иллюстрируется действие этого механизма.

Этот механизм описывает поведение банковской системы, как в период ее роста, так и сокращения. Стремление удерживать значение плеча постоянным заставляет банки реагировать на сокращение активов еще большим их сокращением, для приведения плеча к целевому значению (10). Если стоимость активов снижается на одну единицу (со 110 до 109 единиц), капитал банка также сокращается на

---

¹ *Adrian T., Hyun Song Shin. Liquidity and Financial Cycles / BIS. Working Paper. No. 256. 2008. July; Lane P., Shambaugh J. The Long or Short of it: Determinants of Foreign Currency Exposure in External Balance Sheets / IIS. Discussion Paper. No. 253. 2009; McGuire P., von Peter G. The US Dollar Shortage in Global Banking / BIS. Quarterly Review. 2009. March.*

² *Fisher I. The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // Econometrica. 1933. Vol. 1.*

единицу, что делает плечо равным 10,9. Чтобы восстановить значение кредитного плеча банк должен продать девять единиц активов и сократить на эту же сумму свои обязательства.

Таблица 3

**Схема реакции коммерческого банка
на изменение значения кредитного плеча**

Реакция на снижение стоимости активов				Реакция на увеличение стоимости активов			
активы	обязательства	капитал	плечо	активы	обязательства	капитал	плечо
110	99	11	10	100	90	10	10
109	99	10	10,9	101	90	11	9,18
100	90	10	10	110	99	11	10

Противоположным образом банки реагируют на рост стоимости активов. Если стоимость активов увеличится на единицу, соответственно увеличится капитал банка, значение кредитного плеча снизится с 10 до 9,18. Чтобы восстановить значение кредитного плеча банк должен купить 9 единиц активов, увеличив сумму своих обязательств. Тогда кредитное плечо опять станет равным 10.

Следовательно, кривые спроса и предложения банка на рынке активов оказываются перевернутыми. Банк покупает активы при росте их цены и продает при ее снижении. Таким образом, если цена такого актива как ценные бумаги, обеспеченные ипотечными кредитами, существенно снижается (а именно это и произошло в результате «прокола» ипотечного пузыря), банки начнут продавать свои активы. При этом, чем больше теряют в стоимости активы, тем выше уровень предложения со стороны банков и, одновременно – ниже уровень их спроса. Это вызывает «испарение» ликвидности данного класса активов и переход к продаже других, все еще ликвидных активов. Тем самым, возникает цепная реакция снижения стоимости активов, причем список предлагаемых к продаже активов непрерывно увеличивается. Эта ситуация как раз и проявляется в форме падения фондовых индексов. Падение цен становится лавинообразным, все новые активы, а, следовательно, все новые экономические агенты, представленные этими активами, вовлекаются в падение в ре-

результате все более растущего предложения активов на рынке. В результате банки теряют способность продавать активы, не объявив предварительно о банкротстве.

Согласно этой схеме, мировая финансовая система практически в точности повторила свой путь наверх, спускаясь обратно с достигнутых ею временно высот. Инфляция цен активов, которая послужила одним из главных механизмов роста, сменилась масштабной дефляцией. Так же как в фазе роста инфляция финансовых активов быстро распространилась на товарные рынки, в фазе кризиса, начавшаяся в конце 2007 г. в финансовом секторе дефляция, к концу 2008 г. охватила все развитые экономики и все их рынки. Причиной явилось сокращение конечного потребления в результате остановки роста кредитования, бывшего главной статьёй роста доходов в США в предшествующие годы. На рисунке 7 иллюстрируется последовательность распространения эффектов кризиса. Сокращение конечного потребления в развитых странах привело к сокращению импорта из стран экспортеров потребительской продукции, а значит – сокращению их торговых профицитов. Сокращение экспорта конечной продукции вызвало соответствующее сокращение импорта этими странами сырья и материалов, что ударило по экспортерам сырья, которые, как правило, являются импортерами товаров конечного потребления. Девальвация национальных валют экспортерами, для защиты своего торгового баланса, приводит к дальнейшему падению мирового спроса на импорт и мировой торговли в целом.

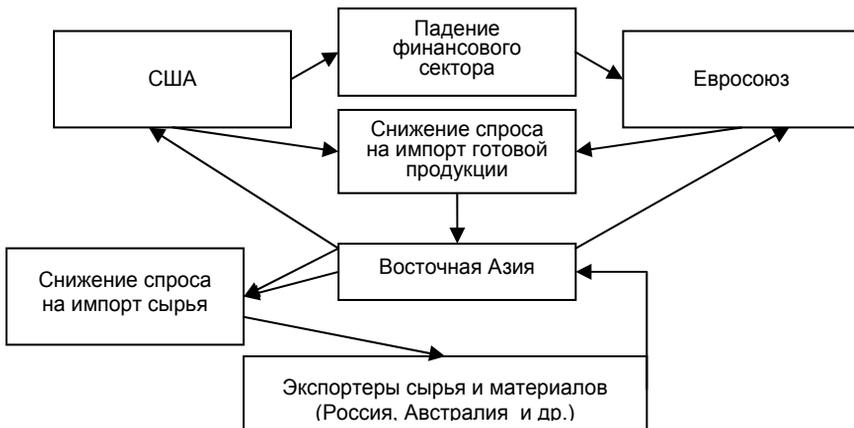

Рис. 7. Схема эффектов распространения кризиса

Эта последовательность событий предполагает распространение дефляции повсеместно в мире. И действительно, как показано на рисунке 8, в большинстве индустриальных экономик дефляция потребительских цен вслед за дефляцией цен на финансовые активы стала фактом.

Более значительным темпам дефляции препятствует проведенная рядом стран, в том числе и Россией, девальвации своих валют. Часть этих стран (например, Россия) осуществили контролируруемую девальвацию, некоторые (например, Литва) девальвировали национальную валюту под давлением внешней задолженности. России удалось избежать этой участи исключительно благодаря раннему началу кризиса. Случись он чуть позже и ситуация для России могла бы оказаться куда более сложной. Девальвация в развивающихся экономиках привела к положительным темпам инфляции, наибольшее значение которой (4% и более за октябрь 2008 г. – январь 2009 г.) регистрировалось в России, Украине и Беларуси (рис. 8).

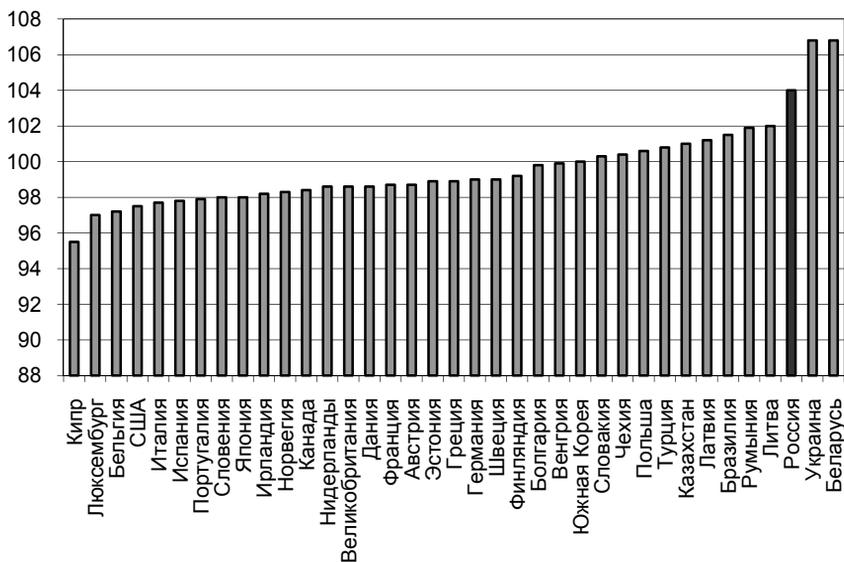

Рис. 8. Индексы потребительских цен отдельных стран, январь 2009 г. к октябрю 2008 г., %

ЭКОНОМИКА И КРИЗИС В РОССИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Общие прогнозы и общие проблемы, связанные с глобальным финансовым кризисом уже достаточно хорошо, известны. Опубликовано много материалов и много прогнозов МВФ, Мирового Банка и национальных правительств развитых стран. Основные пропорции понятны. Понятно, что рецессия будет самой тяжелой в развитых странах: по прогнозам аналитиков практически все развитые страны мира уходят в отрицательную зону темпов (*табл. 1*).

Таблица 1

**Динамика ВВП по основным регионам и странам,
1990–2009 гг., %**

Страна	1990– 2002	2002– 2008	2005	2006	2007	2008*	2009*
Мир	42,3	33,9	4,5	5,1	5,0	3,7	2,2
Развитые страны	37,2	17,6	2,6	3,0	2,6	1,4	–0,3
ЕС	29,5	17,0	2,2	3,3	3,1	1,2	–0,5
США	41,7	18,3	2,9	2,8	2,0	1,4	–0,7
Япония	19,3	12,1	1,9	2,4	2,1	0,5	–0,2
Развивающиеся страны	51,3	59,7	7,1	7,9	8,0	6,6	5,1
Бразилия	24,7	30,3	3,2	3,8	5,4	5,2	3,0
Россия	–33,0	59,2	6,4	7,4	8,1	6,8	3,5
Индия	89,4	70,5	9,1	9,8	9,3	7,8	6,3
Китай	203,0	99,9	10,4	11,6	11,9	9,7	8,5
Мировой промышленный экспорт	106,7	53,9	7,6	9,4	7,2	4,6	2,1

Примечание: * – оценки.

Источник: Григорьев Л., Салихов М. Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. 2008.

---

¹ Минакир П.А. Экономика и кризис в России и на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. № 1.

Прогнозы сходятся на том, что лучше будет ситуация в развивающихся странах, в частности, в странах БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Это касается в значительной степени таких стран, как Индия и Китай, и можно спорить о том, будет ли в Индии 6%, а в Китае 8% или меньше, но там будет положительный рост. А вот относительно России есть сомнения. Россия уже сейчас слишком сильно зависит от ситуации на внешних рынках. Внутри самой России прогнозы аналитиков имеют очень большой диапазон. Самые большие оптимисты дают прогноз почти такой как МВФ – 4,2% роста, самые большие пессимисты дают прогноз минус 1%, минус 0,7%. Последний прогноз Министерства экономического развития Правительства России минус 0,2%.

Одна из самых популярных тем при обсуждении глобального кризиса в самой России – это тема о том, кто виноват. Собственно официальный ответ России был озвучен в выступлении господина Путина на форуме в Давосе – виноваты, конечно, развитые страны, которые спровоцировали этот кризис. На самом деле, это очень сложный вопрос – кто виноват? В таких вещах, как экономический кризис или экономическое процветание нет виноватых. Это результат всеобщего рационального поведения, или поведение, которое каждому игроку кажется рациональным.

Большая часть накопленных капиталов в форме ценных бумаг международного уровня сосредоточена как раз в таких странах, как Китай, Россия, Бразилия (*табл. 2*). Их совокупная доля больше, чем доля США. Это означает, что и эти страны тоже вполне с удовольствием использовали выгоды финансового процветания международной финансово-экономической системы в предыдущие 6–7 лет. В какой-то степени это подтверждается и данными, которые показывают, в какой валюте хранятся международные резервы: доллары США – 71,0% в 1999 г., 64,7% в 2006 г.; евро – 17,9 в 1999 г., 25,8 – в 2006 г.; иены – 6,4 в 1999 г., 3,2 в 2006 г.; фунты стерлингов – 2,9 в 1999 г., 4,4 – в 2006 г. Большая часть резервов по-прежнему хранится в американской валюте. И в современной глобальной экономике это ведь выбор не самих США, это выбор глобальных игроков.

Еще одной популярной темой для обсуждения среди российских аналитиков и в российском Правительстве РФ сейчас является то, что в условиях финансового кризиса целесообразно создать несколько региональных резервных валют, и одной из этих валют может быть, или должен быть российский рубль. Сложившиеся мас-

штабы, сложившиеся потоки международной торговли, свидетельствует о том, что наиболее ожидаемо появление в более или менее отдаленном будущем, наряду с уже имеющимися резервными валютами долларом и евро, некой единой азиатской валюты, о которой много разговоров. Это подтверждается сильной концентрацией торговых потоков и финансовых транзакций в Восточной Азии, в которой сосредоточено 14,1% внутрирегиональной торговли (рис. 1).

Таблица 2

Доля ведущих стран в глобальных финансах в 2007, %

Страна	Капитализация рынка	Инвестиции	Приток ПИИ	Накопленные ПИИ	Международные ценные бумаги
Мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
США	36,1	23,6	13,4	14,9	23,6
Япония	10,1	11,3	0	0,9	0,5
Великобритания	6,5	3,9	10,7	9,4	4,9
Китай	5,7*	10,6	8,5*	8,9*	17,5
Франция	3,6	4,5	6,2	6,5	1,5
Канада	3,3	2,1	5,3	3,2	2,8
Россия	2,8	1,5	2,1	1,6	4,9
Германия	2,6	5,2	3,2	4,2	2,7
Италия	1,7	3,9	1,4	2,4	1,2
Индия	1,7	2,4	1,2	0,4	2,5
Бразилия	1,5	1,6	1,4	1,8	8,6

Источник: Рогов С.М. Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

Если говорить о причинах глобального кризиса, то нужно сказать, что сейчас и экономическая теория, и экономическая политика находятся в очень большом затруднении, потому что четкого ответа, почему произошел этот кризис, и почему именно в такой форме, пока нет. Конечно, можно рассуждать об очень банальных вещах, одной из которых является сравнение темпов роста финансовых производных инструментов за последние 6 лет, и темпов роста мирового ВВП. Да, действительно суммарная стоимость производных финансовых инструментов увеличилась за последние 6 лет в 15 раз, а мировой

ВВП за это же время – только в 1,3 раза. Это объясняет, что кризис мог произойти, но это не объясняет, почему он произошел именно при таком соотношении – 15:1,3, а не при соотношении 10:1,2.

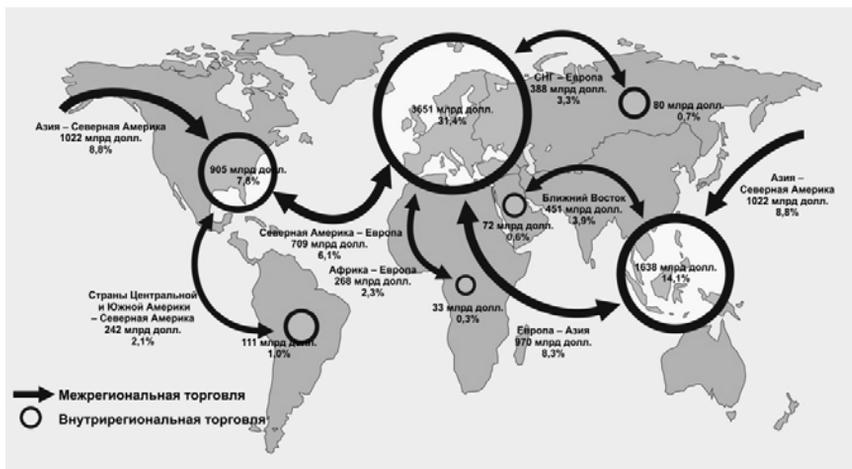

Рис. 1. Концентрация торговых потоков в мировой экономике

Источник: Рогов С.М. Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

Мало что добавляет к объяснению причин кризиса также и корпоративная статистика. Очень легко объяснить кризис тем, что ухудшились балансы крупнейших международных корпораций из-за непрозрачности этих балансов, или из-за плохого менеджмента, или из-за того и другого. Но эти объяснения будут не совсем честными. Во-первых, системы управления, системы учета и контроля, сложившиеся в корпорациях действуют не последние 6 лет, они сложились в течение длительного времени и успешно демонстрировали хорошие результаты. Во-вторых, меры, предпринимаемые самими компаниями и правительствами соответствующих стран по компенсации убытков, не привели к фундаментальному успеху (рис. 2). Непокрытые убытки, которые повышались до начала 2008 г. в результате монетарных действий были несколько снижены, но потом опять начали увеличиваться. Очевидно, когда будет статистика 4 квартала 2008 г. произойдет некоторое снижение, потому что массивные вливания финансовых ресурсов были сделаны в банки и компании.

Но вполне вероятно, что статистика 1 квартала 2009 г. опять покажет рост. То есть лекарство от болезни должно быть гораздо сложнее и изощреннее, чем просто монетарная накачка экономики.

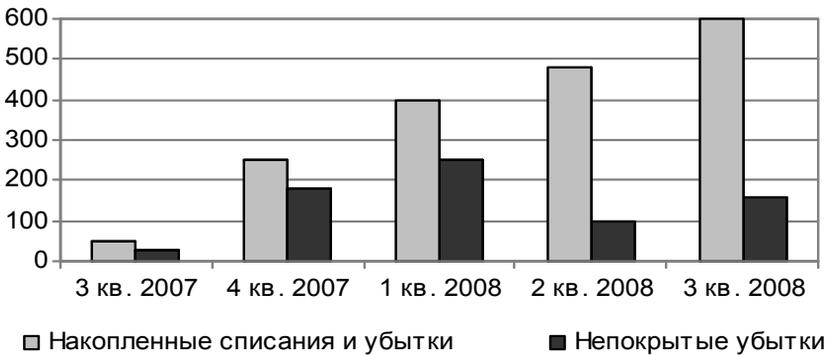

Рис. 2. Списания и убытки 100 крупнейших финансовых компаний, млрд долл.

Источник: Рогов С.М. Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

Если пристальнее посмотреть на экономику самой России, то следует начать с сотрясения российского фондового рынка. До лета 2008 г. (точка, в которой графики пересекаются) динамика российского рынка (верхние две линии) в общем повторяла динамику американского рынка (рис. 3, табл. 3). А начиная с лета 2008 г. российский рынок резко обрушился. Если сравнивать глубину этого падения с основными мировыми биржами, то падение в России было самым глубоким. Этому есть конечно объяснение, может быть не полное. Очевидно, первой причиной является то, что на российском фондовом рынке котируются в основном ценные бумаги сырьевых и энергетических корпораций и банков, которые очень болезненно реагируют на изменение цены нефти на мировом рынке. Второе объяснение заключается в том, что инвесторами в российские ценные бумаги являются многие международные корпорации и банки. Когда они начали фиксировать прибыль и выводить капитал из проблемного российского рынка, ситуация быстро ухудшилась. Это вполне напоминает события, которые предшествовали кризису 1998 г. в России. Тогда тоже неприятности начались не в августе 1998 г., а в мае 1998 г. с вывода капиталов с фондовых площадок России.

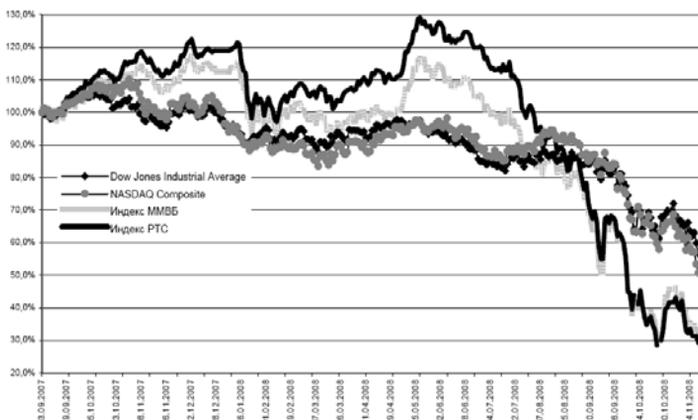

Рис. 3. Динамика основных американских и российских фондовых индексов, в % к значениям индексов на 01.09.2007 г.

Источники: Международный валютный фонд. 2009. URL: <http://www.imf.org/external/data.htm> (дата обращения: март 2009); *Рогов С.М.* Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

Таблица 3

Динамика мировых фондовых индексов, январь – ноябрь 2008 г.

Индекс	Изменение с начала 2008 г., %
РТС (Россия)	-70,57
ММББ (Россия)	-67,35
Morgan Stanley Emerging Markets Free Index	-57,32
Straits Times (Сингапур)	-50,88
Vovespa (Бразилия)	-43,32
Nikkei-225 (Япония)	-45,30
Seoul Composite (Республика Корея)	-43,94
NASDAQ Composite (США)	-42,23
DAX-30 (Германия)	-42,17
CAC-40 (Франция)	-42,10
S&P 500 (США)	-39,55
FTSE 100 (Великобритания)	-34,55
Dow Jones Industrial Average (США)	-34,21

Источник: *Рогов С.М.* Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

Однако, ситуации все таки различаются. Если вспомнить 1998 г., то тогда к неприятностям на фондовых площадках прибавилось отрицательное значение платежного баланса. В 2008 г. правда тоже резко увеличился экспорт капитала из России (немного не дотягивает до 150 млрд долл.) (рис. 4).

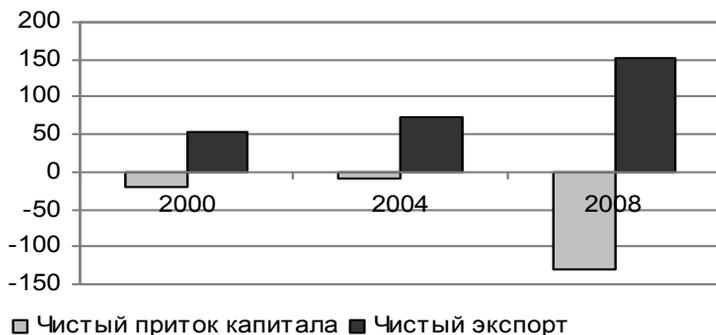

Рис. 4. Экспорт и приток капитала, РФ, млрд долл.

Источник: Рогов С.М. Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

Однако 150 млрд долл. составляет торговое сальдо за 2008 г. В результате платежный баланс сохраняется положительным. Положительный платежный баланс подкрепляется также и соотношением внешнего долга и государственных резервов, которые накоплены на 2008 г. В 1998 г. внешний долг России в 17 раз превышал золотовалютные резервы (ЗВР) (табл. 4, рис. 5).

Таблица 4

Долги и резервы РФ, млрд долл.

Показатель	1998	2008
Государственный долг	140	46
Корпоративный долг	30	488
Всего	170	534
Золотовалютные резервы	10	428

Источник: Рогов С.М. Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. 2008.

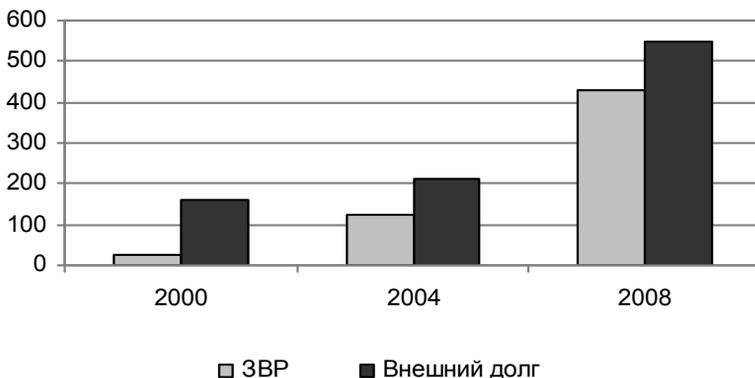

Рис. 5. Золотовалютные резервы и внешний долг РФ, млрд долл.

Источник: Центральный банк России. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: март 2009).

В 2008 г. внешний долг составлял около 530 млрд долл. Но при этом и ЗВР на начало 2009 г. составляли почти 430 млрд. Это хорошая новость, но есть и плохая. Общий размер внешнего долга, при том, что государственный долг за эти 10 лет уменьшился почти в 4 раза, за 10 лет увеличился более чем в 3 раза. Это и стало причиной того крупного экспорта капитала, с которым Россия столкнулась в 2008 г. Как видно из таблицы 4, корпоративный долг на начало 2009 г. уже почти 490 млрд долл. И кроме всего прочего он увеличивается под давлением снижения капитализации российских заемщиков. В самой России это часто является аргументом в пользу того, что Россия стала заложником мирового финансового кризиса, кто-то его начал, а Россия за это расплачивается, потому что имеет большой внешний долг.

Справедливости ради надо сказать, что никто не заставлял Россию доходы от экспорта нефти, газа, металлов и другого сырья размещать в основном в американских ценных бумагах и западных банках. При этом в самой России сохранялась и сохраняется высокая учетная ставка. Это естественно побуждало российские корпорации брать деньги в долг именно у западных банков. У России был выбор – часть получаемых доходов размещать в российских банках и направлять на финансирование и рефинансирование инвестиционных займов. Россия выбрала другую, краткосрочную стратегию. В условиях высоких цен на нефть она казалась рациональной, и та-

ковой была на самом деле в краткосрочном периоде. Она оказалась нерациональной в долгосрочном аспекте. За каждый выбор приходится платить свою цену.

Одной из причин, почему значительная часть накоплений России в предыдущие 6–7 лет направлялись именно за границу, является то, что не удалось в этот период, несмотря на высокие доходы, существенно снизить уровень инфляции внутри страны (рис. 6).

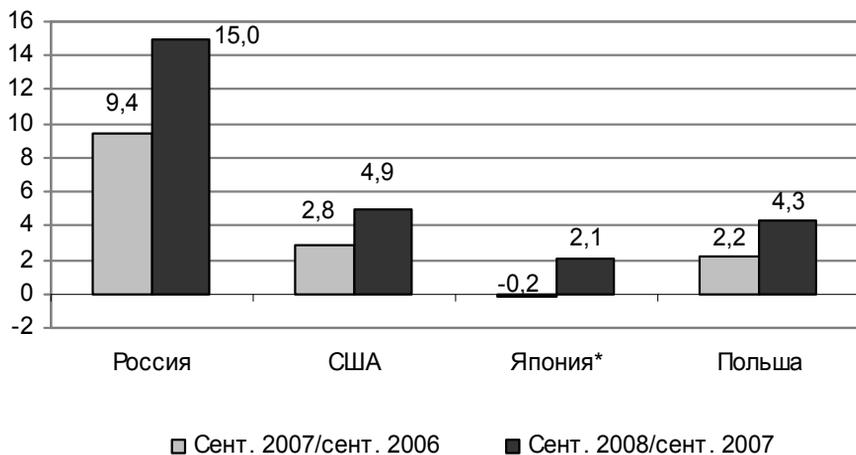

Рис. 6. Инфляция, %

Примечание: * – август к августу.

Источник: Ершов М. Кризис 2008 года: «момент истины для глобальной экономики» и новые возможности для России // Вопросы экономики. 2008. № 12.

И хотя борьба с инфляцией была одним из приоритетов и Банка России и Правительства РФ все эти годы, во-первых, высокие инфляционные ожидания на фоне высоких цен на нефть, и во-вторых, самое главное, высокий уровень инфляции заработной платы объективно не позволили сбить инфляцию ниже двухзначных цифр. Накануне кризиса 1998 г. инфляция уже составляла порядка 6–7% в год. Но это тоже был сознательный выбор, потому что уровень номинальных доходов населения являлся в этот период чуть ли ни единственным источником поддержания высоких темпов потребительского спроса внутри страны.

КРИЗИС: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ?¹

Пессимистические оценки и прогнозы экономического роста в России, характерные для 2015–2016 гг., сменились с конца 2016 г. все нарастающим оптимизмом как официальных ведомств и лиц, так и экспертов. Казалось бы, повод для оптимизма действительно есть. После семи кварталов непрерывного падения ВВП страны в IV квартале 2016 г. наступил перелом. Росстат отчитался о росте ВВП по сравнению с IV кварталом 2015 г. на 0,3%. Возможно, это действительно перелом? Конечно, картину портит то, что в целом за 2016 г. ВВП России все равно сократился на 0,2%. А вполне вероятно, и еще больше, так как Росстат официально скорректировал макроэкономические оценки за I и II кварталы 2016 г., снизив оценки темпов падения соответственно с 1,2 до 0,4% и с 0,6 до 0,5%². Прибавляет оптимизма то, что и в I квартале 2017 г. прирост по сравнению с аналогичным кварталом 2016 г. составил 0,5%³. Все это дает основание правительству даже оспаривать позитивные прогнозы роста российской экономики в 2017 г., которые делают международные организации, предсказывающие рост в 2017 г. на уровне 101,4% (ОЭСР и МВФ) и 101,3% (Всемирный банк)⁴. Ободренные позитивными значениями квартальных индикаторов, министр экономики, вице-премьер правительства, а вслед за ними и Президент РФ уверенно предсказывают для российской экономики в 2017 г. прирост на уровне 2%, хотя еще в январе прогноз Минэкономразвития РФ осторожно предсказывал рост на 2017 г. на уровне 100,6%⁵). Причиной улучшения и внутрисоветских, и международных прогнозов является ожидающееся оживление в сфере инвестиций и международной торговли, в частности совокупного экспорта на глобальном уровне⁶. Конеч-

---

¹ *Минакир П.А.* Кризис: экономический или институциональный? // Кондратьевские волны. 2018. № 6. (Золотая медаль).

² *Иванов Ф.* Экономика России перешла в стадию роста. 2017.

³ Валовой внутренний продукт. Квартальные данные / Росстат. 2017.

⁴ Глобальная экономика возвращается к росту // Коммерсантъ. 2017. 7 июня.

⁵ Шувалов спрогнозировал двухпроцентный рост ВВП России в 2017 году // Lenta. 2017. 19 января.

⁶ Глобальная экономика возвращается к росту // Коммерсантъ. 2017. 7 июня.

но, общее увеличение спроса в мировой экономике приведет к некоторому увеличению спроса на основные экспортные позиции России, что и отражается в ожиданиях экспертов.

Определенно можно сказать, что изменился знак макроэкономических ожиданий, что отразилось и в пересмотре рейтинговым агентством S&P в положительную сторону суверенного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного»¹. Однако главным вопросом является все-таки другой. Произошло ли изменение фундаментальных основ, определяющих долговременный тренд развития экономики страны? Или по-прежнему надежды связаны с будущим изменением тренда мировых цен на углеводороды? Эти надежды могут оправдаться, но могут и не оправдаться. Вероятность последнего весьма высока.

Во-первых, даже улучшение глобальной макроэкономической конъюнктуры не является гарантией формирования разрыва спроса и предложения на мировом рынке углеводородов из-за сложившегося превышения потенциального предложения над потенциальным спросом. За время низких цен практически все фирмы-производители и государственные бюджеты стран-производителей понесли значительные потери в форме недополученных доходов. Любое улучшение конъюнктуры будет ими рассматриваться, скорее всего, как сигнал для наращивания предложения в максимально возможных размерах для перераспределения в свою пользу аккумулированных в предыдущий период странами-импортерами сверхдоходов. Результатом может быть нарушение баланса спроса и предложения уже при новых уровнях спроса и возврат экспортных цен к низким уровням.

Во-вторых, быстрый технический прогресс меняет структуру потребления энергии и удельные нормативы потребления, объективно сокращая глобальный спрос.

Пока можно, очевидно, говорить только о поддержавших экономику краткосрочных структурных и регулятивных эффектах, которые, впрочем, связаны более с внешними факторами, а не с фундаментальными сдвигами в самой российской экономике. Рост в пищевой промышленности и в целом в АПК обеспечен благодаря увеличению инвестиций на фоне импортозамещения. Прирост в металлургии обусловлен улучшением рыночной конъюнктуры. Государствен-

---

¹ *Иванов Ф.* Экономика России перешла в стадию роста. 2017.

ные заказы в военно-промышленном комплексе и инфраструктурном секторе также поддержали экономику.

Фундаментальными факторами роста для российской экономики в настоящее время являются чистый экспорт и внутренний спрос. Динамика чистого экспорта при сложившейся структуре экспорта угнетается внешней конъюнктурой и может быть активизирована только в случае реальной структурной и технологической модернизации российской экономики, то есть в случае замещения не по доле, а по объему экспорта углеводородов экспортом прочих товаров и услуг. Это невозможно сделать в коротком периоде. Но и в долгосрочном аспекте это предполагает интенсивные инвестиции в технологии производства и управления.

Каков источник инвестиций? Их в принципе два – сбережения и совокупный долг. За предыдущие 25 лет, прошедшие с момента декларации о переходе к рыночной экономике, способов трансформации сбережений населения в инвестиции так и не было найдено. Учитывая запредельно низкий уровень взаимного доверия государства, частного бизнеса и населения, весьма сомнительно, что этот способ может быть «открыт» в коротком периоде. Неудивительно поэтому, что аналитики Сбербанка призывают увеличить норму совокупного долга с нынешних 100% ВВП до 150%, то есть привлечь в экономику в течение 10 лет порядка 40 трлн рублей инвестиций¹. Учитывая, что внешние источники финансирования корпоративного долга для России, скорее всего, еще долго будут оставаться недоступными, речь идет о внутреннем долге, то есть о вышеупомянутой трансформации сбережений в инвестиции, а следовательно, этот рецепт, который с арифметической точки зрения приемлем, становится экономически (поведенчески) нереалистичным. Значит, подразумевается некий иной источник инвестиций, которым по определению в закрытой с финансово-инвестиционной точки зрения экономике может быть только государственный бюджет.

Внутренний спрос на товары и услуги производственного назначения в перспективе определяется и теоретически, и практически размерами накопления, то есть приростом выпуска товаров и услуг, а также степенью их разнообразия. То есть опять возникает проблема источника инвестиций и структурной модернизации экономики. Как

---

¹ Долг России предложили нарастить до 150 процентов ВВП // Lenta. 2017. 3 февраля.

отмечено выше, обе эти задачи не имеют простого и однозначного решения в рамках принятой экономической и политической парадигмы.

Не лучше обстоят дела и с внутренним потребительским спросом.

В 2016 г. сокращение размеров розничной торговли продолжилось. Оно стало не таким большим, как в 2015 г. (4–5% против 15%), но вполне вероятно, что «улучшение» достигнуто за счет указания в отчетности Росстата за 2016 г. агрегатного показателя, включающего оптовую торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (в 2015 г. отчитывались по показателю «розничная торговля»)¹. В любом случае, сокращение потребительского спроса продолжается. Смена тренда возможна, но для этого нужно восстановить динамику доходов населения и, самое главное, изменить знак макроэкономических ожиданий у домашних хозяйств, без чего нельзя надеяться на изменение их потребительского поведения. Получается очередной замкнутый круг.

Наличие таких порочных кругов объясняет общее уныние макроэкономических прогнозов и российского правительства, и международных организаций и экспертов. Самые оптимистичные оценки предстоящего в 2017–2020 гг. экономического роста, если он состоится и не будет сорван экстремальными внешними или внутренними факторами (обвал нефтяных цен, обвал валютного курса рубля, чрезмерное укрепление рубля и т. п.), находятся в диапазоне 1,5–2% ежегодного прироста. В этом случае российскую экономику ждет длительная стагнация с периодическими спадами в результате циклических или генерированных внеэкономическими причинами внешних конъюнктурных шоков. Один из таких внеэкономических шоков только что обозначен в форме законодательного оформления антироссийских санкций в США.

Таким образом, давно муссируемый и в экспертном сообществе, и на официальных форумах выбор стратегии развития российской экономики, которая бы гарантировала «прорыв» в области стабильного экономического роста, превращается в своеобразное шаманство. Рационального выбора не существует, и остается взывать к «высшим силам», которые неким чудесным образом разорвут хоть

---

¹ Коган Г., Селезнев М. С обильным застоем // Lenta. 2017. 6 февраля.

какую-то из петель положительной обратной связи, которые туго спеленали национальную экономику. По существу, все более очевидно, что речь идет не столько о выборе рационального способа экономического поведения в макросфере, сколько о рецептах развития в рамках все более закрывающейся экономики, все механизмы и взаимосвязи которой ориентированы и «заточены» под экономику, функционирующую в рамках глобального воспроизводственного цикла. Как строить экономику мобилизационного типа, мы уже знаем, и знаем, что, сколько и кому придется за это заплатить. А вот как заставить экономику, оставаясь рыночной и глобально ориентированной, развиваться быстрыми темпами, то есть наращивать конкурентоспособность в глобальном смысле, опираясь лишь на собственные силы, очевидно, и предстоит сказать «стратегам». По существу, в полный рост перед российской экономикой встал вопрос о «новом двухколейном пути»: существовать в глобальном мире на основе идеологии «чучхе».

Есть ли «свет в конце туннеля», зависит в этом смысле от принципиальной возможности определить «оптимальную» стратегию экономического развития при вышеописанных предположениях и условиях экономического и идеологического характера. Это непростой вопрос, учитывая, что стремление построить «идеальную» стратегию развития экономики за последние 30 лет стало навязчивой идеей для российского политического класса и экспертно-экономического сообщества. Начиная с программы «500 дней», лавина стратегий и программ накрыла российское общество вообще и элиты в частности, породив почти уверенность в том, что секрет успеха в экономике кроется в «хороших стратегиях», а провалы в экономике, наоборот, в неудачных стратегических проектах. Разработка стратегий превратилась в некую виртуальную жизнь для элит и обслуживающих их многочисленных экспертных групп. Выработалось устойчивое убеждение, которое не становится менее популярным от того, что является заблуждением, – достаточно только разработать «правильную» стратегию, сопроводить ее (это главное) детальным «планом мероприятий по реализации», и можно с чувством выполненного долга спокойно ожидать экономического чуда в виде высоких темпов роста, народного ликования и зависти недругов. При этом до сих пор нет ответа на простой вопрос: почему при обилии стратегий почти никаких результатов в смысле стабильных темпов

роста, стабильного экономического и социального развития, повышения качества жизни так и не достигнуто?

Заметим при этом, что до последнего времени ни про какую «двухколейность» в духе «чучхе-глобалистики» речь не шла. И преодолеть приходилось «всего лишь» внутреннюю конфликтность стратегий социально-экономического развития.

Эта внутренняя конфликтность стратегий социально-экономического развития, которая практически отсутствует в стратегиях производственно-технологического характера, ориентированных на достижение определенных параметров предложения и обмена, обусловлена их ориентацией на параметры дохода и распределения. При этом практически невозможно в явном виде определить цель, способы достижения которой и являются стратегией. Действительно, как можно конструировать стратегию достижения такой цели, как «обеспечить высокое качество жизни», «обеспечить такие-то темпы роста», «повысить производительность труда», «улучшить демографические показатели», «улучшить инвестиционный климат» и т. п.? Подобные цели, во-первых, подлежат чрезвычайно сильной, многоуровневой декомпозиции, в ходе которой обнаруживается, что единой стратегии их достижения просто не существует, а есть некая комбинация пересекающихся и конкурирующих стратегий конкретных экономических, социальных и прочих субъектов общественного процесса. Во-вторых, экономические цели сами по себе являются лишь фрагментами синтетических целей общественного прогресса.

С этой точки зрения дискутируемые нынче стратегии социально-экономического развития по сути воспроизводят тот выбор, который стоял перед властью и экспертами в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: градуалистская стратегия «улучшения институтов» в условиях ограничения денежного предложения, продолжения жесткого контроля инфляции, снижения расходов бюджета и повышения налогов или шоковая стратегия «монетарно-инвестиционной накачки» за счет увеличения денежного предложения, поддержания умеренных темпов инфляции, роста расходов бюджета при снижении налогов и усиленного государственного инвестирования в инфраструктурные проекты. Тогда выбор был предопределен не собственно экономическим расчетом «затраты – результаты», но влиянием одной и другой стратегии на фундаментальные основы общественно-политического и социально-экономического устройства страны. Цель состояла не в темпах роста и даже не в эффективности функционирования эконо-

мики, но в изменении отношений собственности и связанном с этим изменении политической структуры общества. Именно такова была метаяцель. А инструментом ее достижения являлось переформатирование механизмов функционирования экономических агентов и мотивации их поведения.

Эта метаяцель была достигнута к началу 2000-х гг. Благоприятный внешний фон в виде высоких цен на углеводороды, давших возможность законсервировать институциональную динамику и общественно-политические процессы в стране, сосредоточившись на накоплении экспортной ренты, сделал в этот период неактуальным вопрос о формулировании новой метаяцели, хотя в политико-идеологической сфере такая необходимость все время прорывалась на поверхность в форме поисков «национальной идеи». Происходила подстройка поставленной еще в конце 1980-х гг. метаяцели, ее переформатирование на частичную реставрацию системы прежних общественно-экономических институтов при условии сохранения либеральной оболочки макроэкономического регулирования, но при замене концепции квазисовершенной конкуренции концепцией государственного монополизма и рыночной олигополии.

Вероятно, это объясняет «незаметность» многочисленных стратегий, к примеру «Стратегии 2020». Если нет цели, получится все что угодно, какой угодно красивый и успокаивающий относительно верности канонам текст. Не получится стратегии.

Сейчас ситуация изменилась. Либеральная оболочка не может поддерживаться внешними ресурсами в форме экспортной ренты и начала перестраиваться, поглощая внутренние ресурсы, прежде всего секторов «государственной социальной опеки». Возникла ситуация острой конкуренции между обязательствами государства по опеке социальной и корпоративной, с одной стороны, и военно-политической – с другой.

По сути дела российская экономика оказалась в системном кризисе, который является классическим марксовым кризисом перепроизводства. Поддержание пропорций и выполнение сбалансированных обязательств (которые в условиях победившего государственного монополизма превратились в значительной степени в обязательства государства) возможно только при сохранении сложившихся пропорций «цен» (рентных доходов бюджета, сбережений, конечных расходов, корпоративной прибыли, курса рубля, ставки процента и т. п.). Внешние шоки разрушили эту сбалансированную систему,

а механизмов ее автоматической корректировки не оказалось. Они заблокированы тем самым государственным монополизмом и корпоративным олигополизмом, которые формировались все первое десятилетие нового века. Таким образом, главная проблема не во внешних шоках. Они неизбежны, неизвестны их форма, время и размер, но известно, что они обязательно случатся. Главная проблема внутренняя – отсутствие эффективного арбитража, «замороженность» политико-социальных форматов, конфликт псевдорыночного и государственно-монополистического секторов в экономике.

Соответственно, многочисленные дискуссии относительно новой стратегии развития, призванные обеспечить новое «ускорение» и «эффективную экономику»¹, на самом деле неявно содержат вопрос о необходимости замены метацели, что автоматически приведет к необходимости обсуждения вопроса о содержании и форме общественного развития в целом. Собственно говоря, ожесточенность дискуссии связана именно с большей или меньшей готовностью спорищиков признать этот факт.

Образную характеристику ожесточения, присутствующего во всех этих «стратегических» дискуссиях, дал модерировавший заседание круглого стола на тему «Российская экономика на перепутье: битва стратегий» (20–22 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете) Р.С. Гринберг: «Многие желают спасти российскую экономику, но готовы пожертвовать самой этой экономикой, если не согласны с рецептом спасения». Это очень точная характеристика сути самой дискуссии. Ведь спор идет не о новой метацели, определение путей достижения которой и есть суть стратегии. Спор идет именно о путях, но по умолчанию предполагается, что это разные пути к одной и той же цели – сохранению статус-кво. Тот факт, что это состояние статус-кво и есть причина кризиса и надвигающегося длительного застоя, не то чтобы ускользает от вни-

---

¹ Как известно, лозунг «экономика должна быть эффективной» был провозглашен в 1970-х гг., а в 1980-х гг. его сменил лозунг «ускорение», который имел ясное количественное выражение – удвоение общественного продукта за 10 лет. Ни тот ни другой лозунги ни к какому практическому результату не привели. Система не менялась. А автомобиль, рассчитанный конструктивно на скорость 70 км в час и на потребление 20 литров топлива на 100 км пути, как его ни уговаривай, не сможет показать 200 км в час и все равно будет сжигать свои 20 литров, а не 10 и не 6.

мания, но представляется, очевидно, настолько «неполиткорректным», настолько выпадающим из генеральной линии, что о нем и говорить не очень прилично.

А поэтому продолжается вялое изыскание новых аргументов или новых нюансов схоластической дилеммы: реформа институтов при сохранении «двухколейной» модели построения экономики или реформа инструментов при сохранении этих самых «колей». Практические рецепты хорошо известны. Первый сводится к модернизации структуры и изменению качества институтов на фоне монетарно-бюджетной стабилизации. Второй – к бюджетно-монетарному стимулированию инвестиций на фоне модернизации и повышения качества институтов. Правда, после Петербургского экономического форума заговорили о третьем рецепте – цифровой экономике, но это относится уже к изысканности структурных пристрастий, а не к логике макроэкономических решений, о которых, собственно, и идет речь в контексте рецептов.

Сторонники первого рецепта уверены, что искусство маневрирования финансовыми резервами и сохранение макроэкономической стабильности в монетарном смысле вполне достаточны для того, чтобы обеспечить экономике возможность автоматического поиска состояния динамического равновесия. Неясно, правда, почему и как маневрирование и сохранение стабильности, которые вот уже более 20 лет являются краеугольными камнями российской макроэкономической политики, вдруг приведут к восстановлению динамики, хотя до сих пор периодически эту динамику угнетали. Очевидно, ответ следует искать в настойчивых призывах улучшать качество институтов и ускорять реформы. При этом имеется в виду, что проблема качества и стабильности институтов должна быть решена за счет «политической воли». Это, конечно, утопия. Без какой-либо системной трансформации общественно-политического фундамента формирования и гарантии защиты мотивов экономического поведения положительных результатов не будет.

Но есть и еще одна серьезнейшая проблема, на которую указал в ходе дискуссии на вышеупомянутом заседании круглого стола профессор М.Ю. Урнов. Весьма сомнительно, что любые стратегии, если под ними иметь в виду только некий набор инструментов манипулирования макроэкономическими ресурсами для достижения предельно общих целей типа темпов экономического роста или статистических индикаторов производства, потребления, доходов и их

распределения, не останутся на бумаге либо не канут в Лету спустя краткий миг. Этого не произойдет только тогда, когда они будут базироваться на фундаментальном понимании природы и тенденций изменения экономической и социальной мотивации акторов экономического и социального процессов. Понимание и учет этих мотиваций – слабое звено в российской экономической и социальной политике. Предположение о том, что макроэкономические индикаторы сами по себе являются достаточным основанием для решения накопившихся и умножающихся проблем социального самочувствия и экономической активности, не есть аксиома. Более того, сложность и неоднозначность мотиваций в обществе свидетельствуют скорее об отсутствии доказательств этого тезиса, чем о подтверждении его аксиоматичности.

Но ведь адепты первого рецепта уверены, что «правильное» макроэкономическое регулирование и продвинутые институты обязательно подвигнут экономических агентов к изысканию и инвестированию внутренних ресурсов, что и даст желаемый переход к росту и процветанию. Не скоро, конечно, зато очень либерально и в полном согласии с неоклассической концепцией свободы торговли и максимизации чистого сальдо платежного баланса.

Авторам второго рецепта некогда ждать, когда «выращивание институтов» и воспитание экономических агентов приведут к экономическому росту. Они уверены, что, во-первых, результат должен быть получен в кратчайшие сроки, а во-вторых, главным способом снижения экономического роста должна быть «инвестиционная накачка» в форме осуществления инвестиционных мегапроектов по развитию инфраструктуры. Источником финансирования этих мегапроектов должны выступить как раз государственные резервы (включая виртуальные резервы в форме совокупного долга) и средства консолидированного государственного бюджета.

В ходе упомянутого выше заседания круглого стола идея «инвестиционной накачки» была преподнесена в форме проекта «сжатия российского пространства» с помощью строительства скоростной железнодорожной магистрали, которая должна заменить (или увеличить пропускную способность) Транссибирской железной дороги. Разумеется, как и всегда, когда речь идет о железнодорожном строительстве, за счет средств государственного бюджета.

Нет никаких сомнений в том, что залповый вброс в экономику инвестиций (а речь идет в этом проекте о 15–20 трлн руб. за 7–8 лет,

то есть примерно о половине той суммы, которую предлагает привлечь за 10 лет Сбербанк посредством увеличения в 1,5 раза совокупного долга) приведет к некоторому приросту ВВП. Так, вложение в подготовку саммита АТЭС во Владивостоке в 30 раз меньших ресурсов госбюджета заметно прирастило ВРП Приморского края. Не надолго. Закончились инвестиции, и закончился рост. Может, этого не случится в случае с постройкой скоростной дороги? Может быть. Но для уверенности нужно иметь ответы на скучные, но имеющие непосредственное отношение к экономике вообще и экономическому росту в частности вопросы, а именно: какой национальный коэффициент локализации производства будет обеспечен; какова величина инвестиционного мультипликатора; каковы механизм и размеры генерирования внутреннего спроса; как будут распределяться эффекты эксплуатации; как изменятся транспортные издержки; как изменится ситуация с мобильностью труда, произойдет ли действительно увеличение степени гомогенности экономического и социального пространства; какая часть международного транзита контейнерных грузов переключится на российские железные дороги; будут ли получены и какие дополнительные доходы экономики и бюджетов и т. п.? Впрочем, без базовых институциональных преобразований об этом говорить довольно бессмысленно.

А ведь все может произойти с точностью до наоборот. Уровень гомогенности пространства страны в результате строительства магистральной скоростной дороги может снизиться в связи с облегчением стягивания и без того фрагментированного экономического пространства к уже сформировавшимся вокруг мегаполисов экономическим полюсам, что относится как к рынку труда, так и к размещению производственных мощностей. Огромные затраты бюджетных средств приведут к созданию «транзитной евразийской специализации» российской экономики, что заблокирует институциональную и финансовую поддержку государством частных инвестиций в диверсификацию национальной экономики и экспорта. Огромные средства будут вложены фактически либо в конфронтацию с международным инфраструктурным проектом «Нового Шелкового пути», инициированного Китаем, либо в закрепление статуса сателлита Китая в этом проекте. Причем последнее даже более вероятно, учитывая, что Россия уже официально присоединилась к данному проекту (что было продекларировано в 2015 г. и закреплено официальным межгосударственным заявлением в мае 2017 г.).

Конечно, это всего лишь один из возможных проектов. Правда, список вопросов от проекта к проекту будет меняться незначительно. Но главная проблема заключается в предположении, что государственные инвестиции без каких-либо изменений базовых экономических отношений и социально-политических форматов могут запустить механизм экономического роста, то есть автоматически решить проблему трансфера технологий, эффективных масштабов выпуска, размеров совокупного спроса, структуры внутреннего потребления и экспорта, продуктивности функционирующего капитала, рациональности экономического поведения, эффективной конкуренции и пр. Вряд ли смогут решить эти проблемы сами по себе инвестиции за счет заемного капитала, даже если они и не раскачают устойчивость денежного рынка (что действительно маловероятно при рациональном, правда, инвестировании).

Количество проблем и принципиально нераспутываемых петель обратных связей чрезвычайно велико. Однако наличие рисков – не причина ничего не делать, но очень веская причина ответить на вопрос: какова конечная цель действий? Настала пора осознания необходимости пусть недостаточно политкорректного, но содержательного обсуждения системных проблем общественного процесса как первоочередной задачи. Настала пора формулирования новой метацели – цели общественного в целом и экономического в частности развития, что должно вылиться в формирование оптимальной стратегии достижения этой цели, в которой, конечно, будут сочетаться и обе столь активно ныне обсуждаемые стратегии экономического регулирования.

1.3. Санкционные шоки и кризисы

САНКЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОКИ¹

Лишь на первый взгляд кажется, что горячо обсуждаемые сейчас и с энтузиазмом придумываемые санкции на фоне внезапно (как будто бы) изменившейся архитектуры международных отношений имеют отношение к собственно политической системе, политическим взаимодействиям и мотивациям политических игроков на мировой арене. Конечно, на авансцене событий находится именно этот аспект, именно он предельно обостренно воспринимается в России и с удивительным энтузиазмом обсуждается в Европе и США.

Предоставим, однако, политологам анализ рациональности ожиданий и оценку реальности влияния придумываемых санкций на изменение мотивации политических решений. Нас они могут интересовать лишь в той мере, в которой определяют появление внешних шоков для национальных экономик и глобальной системы взаимодействий. С точки зрения пространственных взаимодействий наш интерес заключается в анализе вероятных воздействий этих шоков на сложившуюся к началу нынешнего противостояния пространственную структуру глобальных экономических связей.

Каковы шоки, генерируемые западными экономическими санкциями? Не станем серьезно обсуждать так называемые персональные санкции (по отношению к людям «причастным к политике Москвы и ее поддерживающим»). Они эффективны (вероятно), но в то

---

¹ Минакир П.А. Санкции: политическая риторика и экономические шоки // Пространственная экономика. 2014. № 3.

же время декларативны и пахивают комсомольским собранием (заклеймим диссидентов, несогласных с политикой «партии и правительства», и не дадим им рекомендацию для заграничной поездки). Рассмотрим экономическую составляющую этого «санкционного фестиваля». В общем можно сгруппировать введенные санкции и, соответственно, провоцируемые ими внешние шоки по следующим блокам.

1. Ограничение доступа российских банков и корпораций к долгосрочным финансовым ресурсам. Вероятно, к моменту выхода в свет настоящего номера добавится еще и запрет зарубежным финансовым институтам и инвесторам покупать облигации государственного займа РФ. Это равносильно финансовому шоку. Ухудшаются условия заимствований для финансирования новых инвестиций и рефинансирования уже полученных займов, появляется необходимость изыскать внутренние (или не европейские) источники, что ведет к росту внутренней цены заимствований и, возможно, возникновению дефицита ликвидности. В любом случае это увеличивает транзакционные издержки. Увеличивается чистый отток капитала как в связи с негативными ожиданиями инвесторов, так и в связи с увеличением стоимости обслуживания внешнего долга. Сохранение политики движения к плавающему курсу рубля при увеличении оттока капитала и усилению негативных ожиданий относительно экономической динамики при блокировании инвестиционной деятельности в ключевых секторах стимулирует падение курса рубля и впоследствии ухудшение условий внешней торговли, соответственно, параметров платежного баланса.

2. Запрет на сотрудничество по реализации проектов в ряде секторов экономики, в частности, запрет на экспорт в Россию нефтедобывающего и разведочного оборудования и технологий, осуществление совместных (преимущественно экспортных) проектов в Арктике и на шельфе. Это способно затруднить в будущем прирост товарного экспорта, соответственно, ведет к ухудшению торгового баланса и ослаблению курса рубля, сокращению экспортных доходов бюджета, снижению уровня спроса в экономике, сбоям в цепочке инвестиционных трансфертов по всей экономике и крушению сложившейся системы аллокации доходов.

3. Запрет на экспорт в Россию технологий «двойного назначения», что чревато прогрессирующим отставанием технологического уровня, торможением модернизации во всех сферах экономики и промышленности, падением и так невысокой эффективности, то есть

повторением всех тех болезней, которые лежали в основе «летального исхода» для экономики СССР. Кстати, сама Россия в 2013 г. фактически усугубила потенциальный шок от блокирования технологических заимствований, разгромив фундаментальную науку в ходе «реформы РАН».

Есть и разные экзотические фантазии из области «и мы тоже верноподданные и очень страшные», имея в виду запрет Австралии на экспорт в Россию урана, угроза Украины перекрыть транзит в Европу, предложение Великобритании отключить Россию от системы SWIFT и т. п. По этому поводу можно иронизировать, но гораздо серьезнее проблема «шоков обратной связи» – вынужденная или невынужденная реакция на прямые шоки: развертывание мощностей, замещающих выбывающее предложение в ВПК; создание дублирующих платежных систем; предстоящее оборудование российско-украинской границы; докапитализация банков; затраты на введение ответных санкций.

Обращает на себя внимание асимметричность оценок в ходе бурного обсуждения проблемы санкций и ответных санкций.

Превалирует политический аспект проблемы – смогут ли санкции заставить Россию изменить свою политику? Логика этих обсуждений выглядит довольно наивно: санкции ухудшат состояние экономики России, государство не сможет выполнять социальные мандаты, общественная оценка власти упадет, и власть, реагируя на это, изменит внешнюю политику, согласуя ее с эталоном, которого придерживаются страны, вводящие санкции. Наивность этих ожиданий связана с тем, что, во-первых, предполагается моментальный негативный эффект самих санкций и, во-вторых, столь же мгновенный социальный отклик на этот эффект.

Первое неверно, потому что даже для выведения не очень большой, но все же достаточно мощной экономики просто из состояния равновесия, учитывая при этом наличие резервов, нужно довольно много времени. Это время еще более увеличивается, если целью является перевод этой экономики в состояние нового равновесия, в котором ее качество и динамика будет много хуже, чем в начальном равновесии. Например, в 1990-е гг. для перехода в состояние гистерезиса России понадобилось 3–4 года, но толчком служили поистине катастрофические обрушения институтов, развал всей финансовой системы, перестройка экономической структуры, системы рынков, социальных контрактов и прочее.

Второе неверно все из-за той же инерции большой системы, что усугубляется еще и «защищенным» характером социальных обязательств, то есть даже при серьезном ухудшении общеэкономической ситуации равновесие в социальной системе будет сохраняться значительно более длительное время.

Но главная проблема, заставляющая усомниться в рациональности подобных ожиданий, заключается в неопределенности политической цели самих санкций – совершенно неоднозначен ответ на вопрос об «эталонной политике», то есть какова та самая «новая политика», которой должна быть привержена Россия, чтобы санкций избежать. Не станем повторять многочисленные банальности относительно двойных стандартов и «международного права», гуманитарной миссии и «демократического выбора», их предостаточно обрушивают на нас СМИ, причем со всех сторон. Ответа на главный вопрос – при каких политических решениях санкции будут сочтены выполнившими свою роль – нет. Дипломатические и медийные дуэли сводятся к тому, чтобы убедить публику какая из дестабилизаций «правильная»: та, что была в феврале, или та, которая началась в марте. Публика уже достаточно разделена этими дуэлями, в которых в качестве оружия используются манипуляции с информацией. Собственно исход этих дуэлей предрешен. Шансов у России продвинуть свою версию в западных СМИ нет, но и у западных СМИ шансов продвинуть свои версии в основной массе российского населения – тоже никаких. Каждый продолжает работать со своей аудиторией и очень «успешно». Этаким футбол, в котором каждая команда состоит из 11 нападающих, которые на своей половине поля стараются за 90 минут забить в незащищенные ворота как можно больше голов. Победит та команда, у которой припасено больше мячей, в данном случае телеканалов, радиостанций, тиражей газет, Интернет-ресурсов, кабельных сетей и пр. Конечно, перевес на стороне Запада. Но каждый остается при своем мнении. Нельзя вернуться в прошлое. Следовательно, каждая сторона по своему представляет себе «правильную» политику. Игра в санкции продолжается, ибо другого способа убеждения не придумано. Эта игра может затянуться, ибо ставка делается на «победу», а не на компромисс.

Предположительная долговременность игры в санкции означает, что шоковый эффект для экономики России будет накапливаться и может достичь критических значений в ряде областей. Но это же предполагает интенсивные поиски способов нивелировать или осла-

бить шоковые эффекты уже самой Россией, во всяком случае постараться не допустить критического накопления негативных воздействий. Тем более, что сам конфликт имеет ярко выраженный «блоковый» характер. Задействованы в нем ЕС с «примкнувшими» Норвегией и Швейцарией, США, Канада, Австралия и Япония. С экономической точки зрения это много – без малого 55% мирового ВВП. Но почти половина мировой экономики, с другой стороны, остается полем для маневра. И это создает искушение и возможность поиска оптимальной стратегии реакции на санкции. Принципиально их две: 1) терпеть и использовать внутренние резервы в надежде на кратковременное противостояние; 2) задействовать имеющиеся возможности для замещения сложившихся внешних связей (торговых, кооперационных, финансовых, технологических). Реальностью, конечно, является следование смешанной стратегии.

Именно эта стратегия и становится все более очевидной. Конечно, весьма наивно было предполагать, что экономическая и политическая система России, система ее внешних связей будет оставаться неизменной в своих реакциях на внешние возмущения. Впрочем, эта наивность основывалась на поведении самой России¹. Вероятно, такое предположение все-таки было бы верным, если бы «санкционный импульс» действительно был бы кратковременным. Но, судя по всему, санкции воспринимаются как долговременный шок. Как отмечалось выше, в некоторых сегментах экономики и торговли это, очевидно, так и есть. Соответственно, система старается перестроиться на новые связи, новые механизмы, изменить структуру, контуры обратных связей и пр.

Одним из явных свидетельств такой перестройки являются «антисанкции» со стороны России. Они на первый взгляд имеют реактивный характер, характер кратковременного рыночного возмездия и явно ориентированы на «целевую» аудиторию – фермеров, которые имеют большое влияние в ЕС на политический истеблишмент. Если это так, то политически такое предположение выглядит довольно наивно, так как лишь в некоторых странах кратковременный шок от потери российского рынка будет ощутим и то в ограниченном сегменте сельского хозяйства и пищевой промышленности, причем это как раз

---

¹ «Совершенно неадекватная реакция Запада на наши контрсанкции связана как раз с тем, что мы никогда не отвечали» (*Хазин М.* О санкциях и достоинстве // *Взгляд.* 2014. 1 сентября).

те страны, за исключением Польши и стран Балтии, которые как раз и не являются лидерами в санкционном угаре, а только «попутчиками». Экономически ущерб для ЕС ни номинально, ни относительно не сопоставим с ущербом РФ от санкций со стороны ЕС, а неевропейские страны вообще мало затрагиваются этими контрмерами.

Но связанные с этими контрсанкциями перестроения подразумевают быстрое и активное переключение на новых поставщиков продовольствия, а следовательно, автоматическое изменение ценовых параметров и логистических схем. Это – долговременное действие, которое приведет к перестройке конфигурации части внешне-торговых связей России. За этим должны будут последовать перестройка инвестиционных и производственных программ в новых странах-поставщиках и перестройка сельскохозяйственных программ в сегодняшних странах-поставщиках, чтобы снизить чувствительность их производителей к колебаниям спроса на российском рынке. Фактически санкции в течение некоторого времени потеряют свой шоковый потенциал, а проблемы структурного и финансового характера для российского рынка сохранятся.

Это относится и к наблюдаемой реакции в других областях (финансовой, технологической, энергетической, ВПК). Переключение с внешних на внутренние ресурсы неминуемо вызовет долговременную и масштабную перестройку пропорций цен, доходов, технологических цепочек, структуры инвестиций, макропропорций экономики, экономических и политических мотиваций, даже коррупционных схем. Результатом станет перестройка географической и технологической структуры взаимодействий. Такая перестройка фактически уже стала явью в сфере энергетических рынков. Контракт с Китаем на поставки природного газа, предварительные переговоры относительно транзита российского газа в ряд стран Восточной и Южной Азии, намерения развить производство СПГ на востоке России свидетельствуют если еще не о замещении европейского рынка азиатским, то о существенном повышении доли последнего, что может в перспективе существенно изменить условия конкуренции, транспортные потоки и даже технологические условия энергообеспечения целых регионов мира. Сейчас нельзя поручиться за то, что все это не приведет к необратимым изменениям геоэкономических и геополитических структур и связей.

МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: УДАР ПО ДОЛЛАРУ ИЛИ УДАР ДОЛЛАРОМ?¹

Усиливающиеся с 2014 г. санкции, достигшие апогея в 2022 г. в связи с переходом конфликта на Украине в острую фазу, коренным образом изменили надолго, если не навсегда, конфигурацию экономического пространства не только на западном фланге СНГ, но привели к переформатированию глобального экономического пространства. Блокирование российской экономики как субъекта мирового хозяйства с самого начала опиралось на финансовые санкции, постепенно выталкивающие российскую финансово-экономическую систему из пространства международных финансовых взаимосвязей, что генерировало нарастающую неопределенность с точки зрения формирования непрогнозируемых рисков развития и функционирования экономики. Введенные в 2022 г. «адские санкции» беспрецедентно ускорили эти процессы, практически отсекая Россию не только от рынка капиталов, но и разрушая функционирующую систему реализации ключевых функций денег (средства обращения, платежа, накопления, сбережений) не только в глобальном пространстве, но и в рамках собственно российской экономики.

Российская экономика не просто интегрирована в глобальную экономическую систему, особенно на товарных рынках, но выполнение основных функций денег внутри страны теснейшим образом привязано к выполняющей функции мировых денег (всеобщего эквивалента в мировом масштабе) паре «доллар-евро». Эта пара является не только основным средством обращения, платежей и накоплений, но и мерой стоимости, а следовательно, определяет практически все условия функционирования денежной системы в самой России.

Поэтому уже после введения первого пакета санкций в 2014 г. появились признаки устойчивых затруднений не только в осуществлении международных расчетов, но и в поддержании равновесия внутрироссийских платежно-расчетных и инвестиционных операций. Внутренних «якорей» для стабилизации ситуации к этому времени уже практически не осталось. Начали выдвигаться планы по вытеснению из расчетов и резервов одной из основных валют, в которой

---

¹ *Минакир П.А., Изотов Д.А.* Мировые деньги во времени и пространстве: удар по доллару или удар долларом? // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1.

Россия осуществляет международные расчеты, – доллара США, в рамках так называемой стратегии дедолларизации российской экономики¹, охватывая помимо расчетов также структуру Фонда национального благосостояния (ФНБ) и банковских активов².

В частности, начали предприниматься попытки постепенного перевода международных расчетов на другие валюты, а Министерством финансов России такой переход поддерживался созданием соответствующих регуляторных стимулов³. При прочих равных условиях некоторый отход от валют-посредников в международных расчетах, заключение валютных свопов со странами – ведущими торговыми партнерами, по всей видимости, может в какой-то мере застраховать Россию от валютной инфляции и монетарного контроля со стороны США и стран Еврозоны над экономикой в целом и финансовой сферой в частности.

Такая идея не является новой, но возникает фундаментальный вопрос о возможности модифицировать объективные закономерности развития мировой монетарной и финансовой систем. Развернутый и достоверный ответ на этот вопрос требует фундаментального теоретического и эмпирического анализа. Задачей настоящей статьи является анализ основополагающих факторов функционирования мировых денег, основанных на них принципов функционирования глобальной расчетно-платежной системы и оценка реальных возможностей России действительно повлиять на ее трансформацию. Этому посвящен обзор сложившихся тенденций в международных расчетах для стран мира и для России в частности, описание причин лидерства тех или иных национальных валют в международных расчетах, выгоды и риски отказа от основополагающих иностранных валют в расчетах и переход к расчетам в рублях.

---

¹ Российские власти засекретят план борьбы с долларом // Ведомости. 2018. 15 октября; *Маврина Л., Подлинова А.* Минфин поддержит дедолларизацию экономическими стимулами // Ведомости. 2021. 8 июня.

² *Бутрин Д., Шаповалов А.* Не доллар, а руководство к действию // Коммерсантъ. 2018. 3 октября.

³ *Маврина Л., Подлинова А.* Минфин поддержит дедолларизацию экономическими стимулами // Ведомости. 2021.

Немного о мировых деньгах

Исследования теории денег, их происхождения и роли в экономике имеют долгую историю, восходя к В. Петти, Ш. Монтескье, Дж. Локку, создавших основы количественной теории денег, которая приобрела завершённый вид в работах И. Фишера¹, подвергавшаяся критике еще в XVIII в. в работах Дж. Вандерлинта и Д. Юма². Проблема денег будоражит умы теоретиков и практиков до сих пор. Ее решение в разное время применительно для современной экономики в рамках различных макроэкономических концепций предлагали Дж. Кейнс, М. Фридман, В. Митчелл³, «выдвинувший и пропагандирующий современную теорию денег» (Modern Money Theory).

Но нас интересует происхождение и теоретическая основа наиболее развитой функции денег – мировых денег, которые как самостоятельный феномен в упомянутых концепциях не присутствуют, во всяком случае их происхождение в ходе генезиса функций денег не рассматривается. Пожалуй, только теория денег как товара К. Маркса демонстрирует стройную концепция генезиса денег вплоть до появления функции мировых денег.

В основе лежит генезис четырех форм стоимости⁴:

- Простая (случайная) форма стоимости (x товара А = y товара В), которая соответствует случайному обмену товара на товар, когда эквивалентом стоимости предлагаемого товара может стать определенное количество любого другого товара, предлагаемого другим продавцом.

---

¹ Фишер И. Покупательная сила денег. М.: Дело, 2001.

² Vanderlint J. Money Answers All Things; Or, an Essay to Make Money Sufficiently Plentiful Amongst All Ranks of People. London: Johnson Reprint Corp, 1734; Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Эксмо, 2018.

³ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978; Фридман М. Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007; Mitchell W.F., Mosler W.B. Essential Elements of a Modern Monetary Economy with Applications to Social Security Privatisation and the Intergenerational Debate / Centre of Full Employment and Equity. Working Paper. No. 05-01. 2005.

⁴ Фридман М. Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960. 2007.

- Полная (развернутая) форма стоимости (x товара $A = y$ товара B z товара C q товара D и т. д.), которая соответствует превращению обмена в относительно регулярное и масштабное явление, при этом стоимость каждого предлагаемого к обмену товара может выражаться и выражается определенным количеством множества товаров, и эти выражения в общем случае случайны, многочисленны, и степень разнообразия их зависит исключительно от динамики разнообразия предложений и потребностей.

- Всеобщая форма стоимости (любой из товаров $B, C, D...$) единообразно выражает свою стоимость через определенное количество товара A , этот товар стал всеобщим эквивалентом стоимости для любого другого, появляющегося на рынке, что сразу устранило какое-либо разнообразие в отображении и товарной форме количественного значения стоимости любого товара. До тех пор, пока товарный обмен был локализован в рамках отдельных национальных (племенных, этнических и пр.) рынков, в разное время и у разных стран и народов всеобщими эквивалентами становились разные товары (соль, меха, ракушки, железо, золото, серебро, самоцветы, олени, скот и т. д.). Важнейшими условиями для выполнения каким-либо товаром функции всеобщего эквивалента являлись: 1) господство данного товара на том или ином локальном, национальном, племенном и т. д. рынках, то есть максимальная частота выражения стоимости иных товаров именно в этой потребительной стоимости; 2) доверие производителей и потребителей (агентов рынка) к способности этой потребительной стоимости присутствовать на рынке в необходимых для обеспечения обменов масштабах и их уверенность в стабильности качественных и стоимостных параметров признаваемого всеобщим эквивалентом товара, относительная и стабильная редкость этого товара по сравнению с остальными; 3) обладать ликвидностью и простотой обмена на другие товары, легко храниться, не теряя своих характеристик; 4) компактность, удобство хранения, способность обеспечить унифицированную форму использования. С увеличением частоты и регулярности обменов, появлением межрыночных обменов (международной торговли) роль всеобщего эквивалента закрепилась за благородными металлами (золотом и серебром), а большая редкость и стабильность стоимости, удобство обращения и хранения, унифицированность формы и стоимости обеспечили выдвигание на первое место именно золота.

- Всеобщая форма стоимости с этих пор эволюционировала в денежную форму стоимости, при которой универсальным на всех рынках всеобщим эквивалентом, отвечающим вышеперечисленным требованиям, стало именно золото. Пропорции обмена стоимости любого товара на фиксированную стоимость золота приобрели форму его «золотой цены», а само золото стало универсальной мерой стоимости, средством обращения, накопления, платежа, образования сокровищ. Одновременно появились «бумажные представители» золота, заменявшие его в процессе физических обменов – собственно деньги в виде банкнотов, кредитных билетов и т. п. Возникло параллельное обращение золотых и бумажных денег, стоимость которых гарантировалась безусловной и неограниченной возможностью заменять золото бумажными представителями, стоимость которых жестко приравнивалась к стоимости золота. Отныне уже не требовались весовые и качественные манипуляции с золотом, дискредитировавшие выполнение им функции всеобщего эквивалента, эти манипуляции стали уделом бумажных денег, стоимость которых на каждом национальном рынке определялась реальным содержанием золота в бумажной денежной единице. Всеобщий эквивалент на национальных рынках принял форму национальной валюты, ставшей самостоятельным предметом обмена в межгосударственных взаимодействиях, пропорции этого обмена строго определялись пропорциями золотого содержания той или иной национальной валюты.

Постепенное вытеснение монетарного золота из оборота в международном обмене товаров и услуг, а в дальнейшем и в движении накоплений и сокровищ привело к появлению «мировых денег» именно в бумажной форме, когда функции унифицированного представителя золота как всеобщего эквивалента закрепились за одной (или ограниченной по количеству группой) национальной валютой (валютами), удовлетворяющей условиям: а) гарантированного золотого обеспечения, что позволяло иметь для всех остальных валют стабильную и предсказуемую форму количественного выражения своей стоимости, б) стабильно широкой распространенности в обслуживании международного оборота, в) доверия других агентов международного рынка к способности выполнять этой валютой обязательств по поддержанию стабильности своей «золотой стоимости», г) доверия к институтам, поддерживающим стабильность и доступ к данной валюте, д) безусловного выполнения обязательств по эмис-

сии и свободному доступу к ней в соответствии с потребностями национальных рынков.

Классический вариант «мировых денег» в описанном выше смысле сформировался сравнительно недавно по итогам Второй мировой войны в рамках Бреттон-Вудского международного соглашения, согласно которому функция мировых денег была привязана к доллару США, гарантированно обмениваемому на золото по постоянному курсу (цене). Хотя мировой рынок и оставался до 1980-х гг. фрагментированным (существовал рынок стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), в пределах которого функционировала единая псевдвалюта (переводной рубль), но в международных расчетах и капитальных операциях и страны СЭВ, и отдельные финансово-экономические анклавы тоже использовали как меру стоимости и средство платежа доллар США.

Этот «классический» вариант просуществовал недолго в силу развития неизбежного конфликта между обязательствами национальной валюты перед мировой и национальной экономикой, которые определяют существенный разрыв в функциях одной и той же валюты. Нефтяной кризис начала 1970-х гг. привел к отказу от выполнения долларом США главного условия его существования как всеобщего эквивалента для мирового хозяйства – безусловного размена на золото по фиксированной и признаваемой агентами мирового рынка цене, что было обусловлено как внутренней, так и глобальной инфляцией доллара, спровоцированной не только крушением внутренних и мировых ценовых пропорций, но и длительной сознательной долларовой инфляцией в международном обороте ради достижения геополитического превосходства и обеспечения контроля США над мировыми ресурсами и рынками.

С этих пор функции мировых денег стал выполнять «пул лидирующих валют», курсы которых по отношению друг к другу и «третьим валютам» перестали быть связаны с золотым содержанием, а определялись по принципам функционирования товарных рынков (соотношением спроса и предложения на соответствующие валюты со стороны самих «лидирующих валют» и «третьих валют»). Фактически золото лишилось статуса всеобщего эквивалента, оставшись одним из привилегированных товаров, потребительная стоимость которого обеспечивала использование его в качестве сокровища и резервного средства платежа.

Мировые деньги в форме «пула лидирующих валют»: формирование и функционирование

На сегодня в мире насчитывается 180 национальных валют¹, которые используются во внутренних и международных расчетах порядка 200 стран и экономических территорий. Лидирующий пул формируется из тех национальных валют, которые преобладают в совокупных международных расчетах, что обеспечивается: 1) экономическим потенциалом (долей в мировом ВВП) стран, эмитирующих эти валюты; 2) преобладанием эмитирующих стран в общем объеме мировой торговли; 3) стабильностью курса этих валют относительно других валют «пула»; 4) доверием агентов мирового обмена на товарных и капитальных рынках к использованию данных валют в торговле, платежах и накоплениях, что определяется высокой долей и, следовательно, частотой использования именно этих валют в качестве базы цен, средства платежей и накопления; 5) доверием к обеспечивающим стабильность и доступность этих валют национальным институтам.

К настоящему времени в международных расчетах «заметны» только сорок национальных валют, по которым ведется сопоставительная статистика, однако на роль «лидирующих или доминирующих», то есть обеспечивающих выполнение основных функций мировых денег, претендуют не больше трех: доллар США, евро и японская иена. Помимо перечисленных трех национальных валют также традиционно выделяется Большая десятка «доминирующих» валют², которые эмитируются развитыми странами и активно торгуются на мировом финансовом рынке, характеризуя в целом уровень развитости финансовых рынков данных стран³. На лидирующую тройку «доминирующих» валют приходилось к 2019 г. 68,7% всех международных

---

¹ *Gopinath G., Itskhoki O. Dominant Currency Paradigm: A Review / NBER. Working Paper. 29556. 2021.*

² Австралийский доллар, канадский доллар, евро, японская иена, новозеландский доллар, норвежская крона, британский фунт, шведская крона, швейцарский франк, доллар США (*Bettendorf T., Heinlein R. Connectedness between G10 Currencies: Searching for the Causal Structure / Deutsche Bundesbank Discussion Paper. No. 06/2019. 2019; Foreign Exchange Turnover in April 2019 / BIS Triennial Central Bank Survey. 2019.*)

³ Особенности и перспективы «Бреттон-Вудской системы 2.0» / Российская экономическая школа. 2021.

расчетов, 27,5% мирового товарооборота и 45,7% мирового ВВП. При этом «доминирование» этой тройки в 2004–2019 гг. неуклонно снижалось (с 75% доли в расчетах, 32,5% доли в мировом товарообороте и 61,5% в мировом ВВП в 2004 г.). Это могло бы реально предвещать перспективное превращение «тройки» в «четверку» за счет сильной диспропорции доли в расчетах и торгово-экономического потенциала КНР, обеспечивающего производство 16% мирового ВВП и 12% мирового товарооборота в 2019 г., при том, что доля юаня в международных расчетах составляет лишь 2,2% (табл. 1).

Таблица 1

**Доля национальных валют в международных расчетах
и доли стран-эмитентов валют в мировой экономике
и товарообороте, %**

№	Национальная валюта	Доля валюты в международных расчетах		Страна (группа стран) – эмитент валюты	Доля страны в мировом ВВП / товарообороте	
		2004	2019		2004	2019
1	Доллар США	44,0	44,2	США	27,7/12,6	24,5/11,1
2	Евро	18,7	16,1	Еврозона	22,7/14,4	15,3/12,5
3	Японская иена	10,4	8,4	Япония	11,1/5,5	5,9/3,8
4	Британский фунт	8,2	6,4	Соединенное Королевство	5,5/4,6	3,2/3,1
5	Австралийский доллар	3,0	3,4	Австралия	1,5/1,1	1,6/1,3
6	Канадский доллар	2,1	2,5	Канада	2,3/3,2	2,0/2,4
7	Швейцарский франк	3,0	2,5	Швейцария	0,9/1,3	0,8/1,6
8	Китайский юань	0,0	2,2	КНР	4,4/6,2	16,4/12,1
9	Гонконгский доллар	0,9	1,8	Гонконг	0,4/2,9	0,4/2,9

№	Национальная валюта	Доля валюты в международных расчетах		Страна (группа стран) – эмитент валюты	Доля страны в мировом ВВП / товарообороте	
		2004	2019		2004	2019
10	Новозеландский доллар	0,5	1,0	Новая Зеландия	0,2/0,2	0,2/0,2
11	Шведская крона	1,1	1,0	Швеция	0,9/1,2	0,6/0,8
12	Корейская вона	0,6	1,0	Республика Корея	1,8/2,6	1,9/2,8
13	Сингапурский доллар	0,5	0,9	Сингапур	0,3/2,0	0,4/2,0
14	Норвежская крона	0,7	0,9	Норвегия	0,6/0,7	0,5/0,5
15	Мексиканское песо	0,6	0,9	Мексика	1,8/2,1	1,5/2,4
16	Индийская рупия	0,2	0,9	Индия	1,6/0,9	3,3/2,1
17	Российский рубль	0,3	0,5	Россия	1,4/1,5	1,9/1,8

Примечания. Для приведения долей национальных валют в международных расчетах к сумме в 100%, изначальные доли, отраженные в статистике Банка международных расчетов, были сокращены в два раза, поскольку они показывают двойной учет по расчетам для национальных и международных дилеров (в сумме – 200%). В таблице представлены значения: доля экономики в мировом ВВП, % / доля экономики в мировом товарообороте, %. Для сопоставимости значений по доли стран в мировой торговле были исключены: товарооборот стран Еврозоны между собой (при его включении, доля этих стран в мировом товарообороте увеличивается почти в два раза); для Гонконга и Сингапура – операции по реэкспорту.

Источники: рассчитано по: Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-the-Counter (OTC) Derivatives Markets in 2019 / BIS. 2019; World Economic Outlook Database / IMF. 2021; Statistics / UNCTAD. 2022.

Это показывает, что «доверие и привычка» являются пока более сильно действующими факторами вхождения в мировую «ва-

лютную элиту», чем общие позиции в рейтинге экономического потенциала мировой торговли. Это подтверждается и в случае российского рубля, который по доле в международных расчетах находится на 17-м месте, хотя Россия превосходила в 2019 г. по экономическому и торговому потенциалу находящиеся выше в рейтинге значения валют Норвегию, Сингапур, Новую Зеландию, Швецию, Австралию и даже Швейцарию. И в целом практически для всех стран из Большой десятки «доминирующих» валют роль их национальных валют в международных расчетах была выше их роли в мировой экономике и в торговле.

Это объясняется тем, что «доминирующая» валюта помимо вышеперечисленных условий должна обеспечивать 1) стабильность и удобство использования в качестве единицы измерения стоимости в условиях очень низкой и предсказуемой инфляции в стране-эмитенте, 2) ликвидность и простоту обмена на другие валюты, чтобы эффективно выполнять функцию отсроченного платежа, 3) характеризоваться низкими рисками потери ценности, что гарантирует надежность ее использования в качестве надежного актива даже при его низкой доходности.

Существует еще один фундаментальный фактор, не просто поддерживающий статус «доминирующих» валют, но и непосредственно определяющий лидирующую роль доллара США. Это связано с реальным механизмом ценообразования на мировом рынке, то есть с реализацией функции денег как меры стоимости.

Современные теоретические и эмпирические исследования по международной макроэкономике показывают, что стандартная модель открытой экономики, в соответствии с которой экспортные цены устанавливаются в валюте производителя, плохо соответствует реальной ситуации, когда экспортные цены устанавливаются на основе курса глобальной валюты-посредника, т. е. в «доминирующей» валюте и чаще всего в долларах США¹. Появившиеся в последнее время статистические данные по целому ряду стран с информацией о валюте выставления счетов на уровне конкретных транзакций подтверждают основополагающую роль доллара США как универсальной валюты для глобального ценообразования торгуемых товаров и

---

¹ *Boz E., Casas C., Georgiadis G., Gopinath G., Le Mezo H., Mehl A., Nguyen T. Patterns in Invoicing Currency in Global Trade / ECB. Working Paper Series. No. 2456. 2020.*

услуг¹. Кроме того, в случае, если фирмы какой-либо страны получают финансирование в долларах США от банковского сектора, то они, как правило, также назначают цены экспорта в американской валюте, а ценообразование в долларах или в евро является конкурентным решением на уровне фирм. К настоящему времени более 53,0% общего объема экспорта торгуемых на мировом рынке товаров отражается именно в американской валюте². Весомая роль доллара США в глобальной экономике выражается в его ориентире для мирового ценообразования. Некоторые исследования³ указывают на то, что количество национальных валют, которые в настоящее время привязаны к доллару США в форме регулируемого плавающего курса, так же велико, как в рамках Бреттон-Вудской системы, а оптимальная денежно-кредитная политика для них подразумевает частичную привязку к американской валюте, что согласуется с широким использованием доллара в качестве «якорной» валюты⁴. В результате использование доллара США в ценообразовании товаров и услуг в международной торговле, а также применение американской валюты в качестве «якоря» для привязки обменных курсов национальных валют во многих странах – эти два взаимосвязанных процесса способствовали превращению доллара в главную мировую «доминирующую» валюту⁵.

Еще более, чем в осуществлении функции средства платежа и меры стоимости, велика роль доллара США в обеспечении таких функций мировых денег, как формирование резервов, функционирование международного долга и обслуживание международных зай-

---

¹ *Gopinath G., Itskhoki O., Rigobon R.* Currency Choice and Exchange Rate Pass-Through // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. No. 1.

² При этом цены около 36,0% общего объема экспорта товаров в мире назначаются в евро по причине учета торговли между странами Еврозоны (*Gopinath G., Itskhoki O.* Dominant Currency Paradigm: A Review / NBER. Working Paper. 29556. 2021).

³ *Ilzetzki E., Reinhart C.M., Rogoff K.S.* Exchange Arrangements Entering the Twenty-First Century: Which Anchor will Hold? // *The Quarterly Journal of Economics*. 2019. Vol. 134. Issue 2.

⁴ *Mukhin D.* An Equilibrium Model of the International Price System // *American Economic Review*. 2022. Vol. 112. Issue 2.

⁵ *Gourinchas P.-O.* The Dollar Hegemon? Evidence and Implications for Policy Makers / The 6th Asian Monetary Policy Forum. Singapore. 2019.

мов и вкладов (рис. 1), что является следствием более быстрых темпов конструируемой США финансовой глобализации по сравнению с международными расчетами.

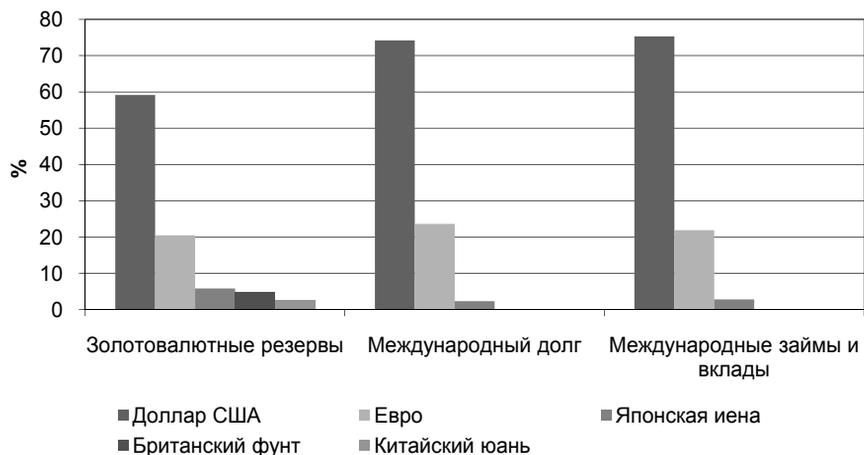

Рис. 1. Роль национальных валют в международной монетарной системе

Примечание: доли рассчитаны по состоянию на конец третьего квартала 2021 г.

Источник: рассчитано по: Global Liquidity Indicators / BIS. 2022.

На доллар США приходится почти 60,0% золотовалютных резервов в мире и более 70,0% международного долга, а с учетом евро совокупная доля пары «доллар-евро» формирует более 80% золотовалютных резервов и почти 94% операций на рынке международного долга. Это связано с тем, что в течение продолжительного времени глобальная экономика характеризуется большими сбережениями, стимулируя спрос на максимально надежные активы¹. При быстром росте доли ВВП развивающихся стран в мировом ВВП, соответственно смещении в их пользу объемов генерации финансовых доходов, развивающиеся финансовые рынки заметно отстают как от ведущих финансовых рынков (США, Европы, Японии), так и от темпов развития собственных производственных потенциалов. В результате

¹ Barsky R., Easton M. The Global Saving Glut and the Fall in U.S. Real Interest Rates: A 15-Year Retrospective // Economic Perspectives. 2021. No. 1.

все возрастающая часть генерируемого в мире дохода порождает увеличивающийся спрос на надежные инструменты для сбережения, которые предоставляют именно «доминирующие» валюты при абсолютном превалировании доллара и евро. Именно эти валюты выполняют в современной мировой финансовой системе роль надежного актива, который дорожает во время спада, выполняя контрциклическую функцию.

Как отмечалось выше, каноническими условиями надежности актива являются сила институтов (независимого Центрального банка и пользующегося высокой репутацией Министерства финансов, эффективно контролирующих инфляцию и размер национального государственного долга)¹ и высокий уровень международного доверия к тому, что обеспечение прав и интересов агентов мировой экономики входит в число основных приоритетов этих институтов. Ирония заключается в том, что именно для США и Евросоюза эти теоретические постулаты уже давно выглядят анахронизмом. Действительно фундаментальными факторами лидирования доллара США и евро в этой сфере являются: 1) монополия доллара и евро на обслуживание международного оборота, соответственно формирование доходов именно в этих валютах; 2) высокий уровень обеспечения международных резервов экономическим потенциалом США и ЕС; 3) неограниченность объемов эмиссии и относительная стабильность выражаемых в «иных» валютах цен доллара и евро; 4) гарантия выполнения обязательств, в том числе неограниченного доступа к эмиссии доллара и евро; 5) стабильность законодательства и правоприменительной системы, аккуратность в области финансового регулирования, осторожность в наращивании денежной массы и относительная открытость рынков США и ЕС.

Ловушка заключается в том, что факторы 4 и 5 безусловно работают только в условиях строго следования стран-инвесторов и заемщиков «правилам поведения», установленных США, причем не столько в экономике и финансах, сколько в политике. То или иное существенное отклонение от этих правил ведет к явной или виртуальной угрозе для стран-эмитентов «доминирующих валют» и особенно для США и ЕС потерять возможность взимать «инфляционный налог» и сеньораж со всех пользователей системы международ-

---

¹ Особенности и перспективы «Бреттон-Вудской системы 2.0» / Российская экономическая школа. 2021.

ных расчетов. Эта угроза минимизируется методами военно-политического принуждения, как показывает вся новейшая история, и, в конечном счете, ведет к фактическому блокированию условий 4 и 5 применительно к «непослушным», что принимает форму «адских» санкций, которые совершенно без оглядки на международные обязательства и какие-либо гарантии на практике применены в разном объеме и на различный срок по отношению к Ирану, КНДР, Кубе, Сербии, Сирии, Ливии, России, ряду африканских стран. Фактически при этом финансовое и валютное доминирование США и ЕС автоматически приводит к интернационализации этих методов принуждения по отношению к «непослушным», что стало дополнительным методом укрепления финансово-экономического контроля эмитентов валют-лидеров над мировым рынком.

От доллара к рублю:

план или реакция на шок?

Выше отмечалось, что «бегство от доллара» как средства международных расчетов настойчиво обсуждалось в качестве защитной меры в течение последнего десятилетия. Предпринимались и практические шаги по ограничению зависимости от доллара США как средства обращения и платежа. В частности, делались попытки перейти к рублевым расчетам за поставки углеводородов, осуществлялась (очень медленно и непоследовательно) частичная конвертация валютных резервов в недолларовые активы. Активность по замещению в расчетах доллара США, предпринимавшаяся на отдельных отраслевых и географических рынках, имела формальный, преимущественно демонстрационный эффект.

Действительно, при расчетах за российский экспорт существенно повысилась доля платежей в евро странами ЕС (с 18,1% в 2013 г. до 47,2% в 2021 г.) при снижении доли доллара (с 73 до 43,6% соответственно). Для второго по значимости экспортного рынка Китая, основными операциями на котором являлись расчеты за поставки сырой нефти, снижение доли доллара в расчетах составило почти 60 п. п. (с 96,2 до 36,6%), но это также было связано с беспрецедентным увеличением доли евро (с 0,9 до 47,6%). Увеличение расчетов в рублях составило скромные 7,5 п. п. (с 1,2 до 8,7%). Эти результаты легко объясняются схожестью доллара США и евро с точки зрения удобства и ликвидности и, напротив, трудностями и российских и китайских банков при переходе к расчетам в паре

«рубль-юань»¹. Для многих менее крупных стран – экспортеров российской продукции и услуг процессы замещения в основном зависели от товарной специфики и масштабов обмена. Так, например, за счет поставок продукции военно-промышленного комплекса из России в Индию доля рубля в расчетах за российский экспорт с индийской стороны возросла с 1,1% в 2013 г. до 51,1% в 2021 г. Что касается экспорта в Турцию, то в расчетах за российскую продукцию, наоборот, происходило замещение рубля (снижение доли с 17,5% в 2013 г. до 6,0% в 2021 г.) долларом США и евро (увеличение долей с 80,2 до 83,9% и с 1,9 до 10,1% соответственно), вероятно, по причине снижения «специфических» поставок из России².

Наиболее масштабным и последовательным было замещение доллара рублем в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС³), для которых размеры вытеснения доллара при оплате российского экспорта (с 36,4% в 2013 г. до 18,9% в 2021 г.) в точности соответствуют размерам наращивания платежей в рублях (с 53,8 до 71,1%)⁴.

Следует заметить, что для описываемой на конец 2021 г. ситуации для России переход к международным расчетам в рублях был технически возможен, означая, что цена в «доминирующих» валютах – в долларах США или в евро – по курсу переводится в цену в российской валюте. Для случая экспорта из России страна-покупатель по курсу покупает рубли и осуществляет оплату российских товаров или услуг. Россия, как импортер товаров или услуг, должна по курсу приобрести за рубли валюту или получить валютный кредит в «доминирующей» валюте, т. е. опосредованно вести

---

¹ В 2018 г. началась подготовка соглашения между Россией и Китаем о расчетах в национальных валютах, однако заключение договоренностей пока откладывается. Китайская сторона не отказывается от соглашения, но и не форсирует его подписание (*Назарова К., Ткачев И.* Доля доллара в оплате экспорта из России в Китай впервые упала ниже 50% // РБК. 2019. 26 июля).

² *Ткачев И., Сухорукова Е., Гальчева А.* ЦБ впервые раскрыл масштабы торговли с Турцией в рублях // РБК. 2019. 30 октября.

³ В ЕАЭС входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения.

⁴ Причем доля евро в расчетах за российскую продукцию странами ЕАЭС сократилась несущественно (с 8,8 до 7,4%), а доля иных валют немного возросла (с 1,0 до 2,6%).

расчеты в долларах США или евро, при этом накопления также должны номинироваться в этих двух валютах.

Общим результатом стало то, что после 2013 г. доля расчетов по российскому экспорту в рублях увеличилась незначительно (на 4 п. п.), при том что практически не изменилась доля расчетов в «иных» (кроме пары «доллар-евро») валютах (табл. 2). Доля американского доллара снизилась, правда, почти на 25 п. п., но произошло это за счет увеличения доли расчетов в евро на 20 п. п. Вероятно, это было связано с желанием снижения санкционных рисков для России именно со стороны США, для чего российские нефтегазовые компании активно мотивировали покупателей своей продукции за рубежом, преимущественно из стран ЕС и из КНР, использовать для расчетов с ними евро, а не доллары, особенно в 2019 г., когда обсуждались детали новых контрактов¹.

Еще менее подвижна ситуация в области расчетов за импорт продукции, структура которых претерпела крайне незначительные изменения (доля доллара США снизилась в 2021 г. по сравнению с 2013 г. лишь на 5 п. п., с 40,6 до 35,5%) при практически неизменной доле евро и рубля². Вследствие высокой степени географической диверсификации импорта в Россию изменения в структуре расчетов за импорт были менее заметны по сравнению с расчетами за экспорт. Страны ЕС увеличили долю евро (с 46,1 до 52,1%), а Китай увеличил долю расчетов с Россией за свои товары и услуги в пользу юаня (с 2,2 до 27,2%) и евро (с 3,8 до 10,8%). Турция увеличила долю расчетов в евро, одновременно снизив долю расчетов в рублях, практически не затронув долю доллара. Только в торговле со странами ЕАЭС заметно выросла доля рублевых расчетов (с 60,7 до 73,4%). Но значение этого сегмента рынка импортной продукции крайне незначительно и не могло повлиять на общий баланс.

---

¹ Назарова К., Ткачев И. Доля доллара в оплате экспорта из России в Китай впервые упала ниже 50% // РБК. 2019.

² Причем сравнительно высокая доля рубля в расчетах за импорт в Россию может объясняться деятельностью предприятий с прямыми иностранными инвестициями, производящими товары и предоставляющими услуги на российской территории, которые в рублях получают выручку и осуществляют закупки (Ткачев И., Сухорукова Е., Гальчева А. ЦБ впервые раскрыл масштабы торговли с Турцией в рублях // РБК. 2019).

Таблица 2

**Валютная структура международных расчетов России
за товары и услуги, %**

Расчеты за экспорт и импорт	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021*
Расчеты за экспорт из России, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в российских рублях	10,2	13,2	12,3	14,8	14,3	13,6	15,0	14,7	14,4
в долларах США	79,6	76,0	72,9	69,2	68,2	67,3	62,0	55,7	55,0
в евро	9,1	8,4	13,1	14,2	15,6	17,3	20,6	27,5	29,0
в иных валютах	1,1	2,4	1,7	1,8	1,9	1,8	2,4	2,1	1,6
Расчеты за импорт в Россию, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в российских рублях	28,0	30,2	28,0	29,4	30,7	30,3	30,6	28,1	27,9
в долларах США	40,6	39,7	41,4	36,7	36,3	36,2	34,9	35,3	35,5
в евро	29,9	28,1	28,4	31,2	30,1	30,1	30,0	31,5	30,8
в иных валютах	1,5	2,0	2,2	2,7	2,9	3,4	4,5	5,1	5,8

Примечание: * – валютная структура расчетов представлена за январь – сентябрь 2021 г.

Источник: Валютная структура расчетов за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым договорам / Банк России. 2021.

То есть по существу ситуация не изменилась, Россия на практике за прошедшее более чем десятилетие не смогла сколько-нибудь продвинуться в направлении разрушения монополии доллара США как глобальных денег, довольствовавшись некоторым изменением формы: доллар немного уступил место евро, который является прак-

тически «зеркалом» доллара. На доллар США к 2021 г. приходилось более половины расчетов за российский экспорт, а деолларизация в расчетах наблюдалась в целом за счет увеличения доли евро (с 9,1% в 2013 г. до 29,0% в 2021 г.)¹.

Теоретически такой результат закономерен, так как «уход от доллара» предполагает не просто смену формы его господства в мировой финансово-платежной системе, но и полноценную замену привязанных к доллару «доминирующих» валют новым всеобщим эквивалентом, если и не глобального, то субглобального масштаба. Уже одно это предполагает переформатирование не только глобальной финансово-платежной системы, но и пространственно-отраслевую локализацию расчетно-платежных и капитальных операций или возникновение пространственных и отраслевых кластеров, в пределах которых функционируют новые лидирующие валюты, выполняющие функции меры стоимости, средства обращения, средства платежа и сбережения. Такая ситуация равнозначна регионализации мировой денежно-финансовой системы, что означало бы теоретически и практически движение вспять – от стадии всеобщего эквивалента к стадии развернутой формы стоимости, что означало бы начало демонстрации товарного производства, как главенствующей формы функционирования мирового хозяйства.

Были ли и существуют ли сейчас и в ближайшей перспективе реальные основания для подобного сценария? Какой процесс может быть запущен добровольным отказом или ограничением использования Россией существующей «лидирующей» валюты в функции хотя бы квазиглобальных денег?

Некоторое время рубль действительно являлся одной из многих валют с предсказуемым курсом по отношению к основным «доминирующим» валютам в мире, что основывалось на его роли «сырьевой» валюты, опирающейся на статус одного из крупнейших в мире экспортера природных ресурсов². Вместе с тем курс подобных «отраслевых» валют напрямую зависит от ценовой конъюнктуры на экспортируемые сырьевые товары: при снижении мировых цен на экспортируемое сырье курс таких валют снижается по отношению к

---

¹ Следует признать, что доля расчетов в рублях за экспорт из России также возросла в среднем за 2014–2021 гг. по сравнению с 2013 г.

² *Ицхоки О.* Валютный кризис 2014–2015 годов // Ведомости. 2015. 12 января.

главной «доминирующей» валюте в мировой монетарной системе – доллару США. В случае России (хотя и не только) фундаментальным фактором, определяющим курс рубля к основным «доминирующим» валютам, являются цены на углеводородное сырье – основной экспортный товар, и продукты низких стадий его переработки (порядка 70% стоимости экспорта в последние 20 лет), а точнее цены на сырую нефть, торгуемую в долларах США. На рынке нефти российские экспортеры традиционно играли большую роль, но не являлись «маркетмейкерами»¹. В результате рубль не только представлял собой валюту, привязанную довольно жестко к стоимости реализуемой на зарубежном рынке сырой нефти, но и характер этой связи не менялся в долгосрочном периоде² (рис. 2).

Именно доходы от экспорта нефти и первичных нефтепродуктов обеспечивали России значительное положительное сальдо внешнеторгового баланса, что позволило сформировать один из самых больших золотовалютных резервов в мире, номинированный преимущественно в долларах США³. Это укрепило агентов мировой экономики в убеждении, что сырая нефть представляет собой единственный актив, которым Россия может покрыть свои обязательства⁴. Именно это обстоятельство до сих пор является краеугольным камнем финансово-экономического давления на Россию, в том числе санкционного. Но с точки зрения обсуждаемой нами проблемы мировых денег это означает еще и то, что статус даже стабильной

---

¹ Что думают экономисты по поводу «плана дедолларизации» // Коммерсантъ. 2018. 3 октября.

² Без учета инфляции в России и США, и, самое важное, геополитических факторов в форме санкций, которые еще больше ослабляют курс рубля к «доминирующей» валюте.

³ Международные резервы России по состоянию на 18 февраля 2022 г. составили 643,2 млрд долл. США. В ликвидной части ФНБ (одна пятая резервов) в 2021 г. доллар составил 0%, евро – 40%, юань – 30%, золото – 20%, британский фунт и японская иена – по 5%. В остальной части резервов от долларовых активов Центральный банк России отказываться не собирался по состоянию на указанные даты (Международные резервы Российской Федерации / Банк России. 2022; *Вислогузов В.* «Недружественную» валюту убрали из ФНБ // Коммерсантъ. 2021. 7 июля.).

⁴ *Киреу Е., Мовчан А.* Формула рубля. Как рассчитать курс российской валюты в любой момент времени / Московский центр Карнеги. 2017.

«сырьевой» валюты никак не угрожает доминированию доллара США в качестве мировых денег.

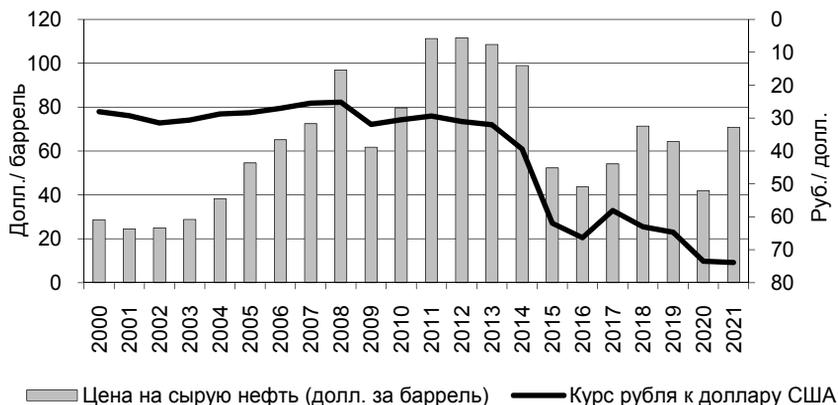

Рис. 2. Цена на сырую нефть и курс рубля к доллару США

Примечание: приведены данные по цене на сырую нефть марки Brent.
Источник: USD/RUB – US Dollar Russian Ruble. 2022.

Вероятно, с какой-то из политически дружественных стран российская сторона отчасти может договориться о расчетах за углеводородное сырье в других валютах, но с остальными странами, исходя из того, что сырьевые товары торгуются в долларах, России этого не удастся сделать, и страна продолжит получать американскую валюту. Механизм контролирования американским долларом монетарных и макроэкономических пропорций, а также уровня внутренних цен российской экономики в целом чрезвычайно прост. При положительном сальдо платежного баланса России приток долларов превышает отток, что создает давление на курс доллара к рублю. При отрицательном балансе доллар давит на свой курс к рублю, модифицируя внутренние цены и макроэкономические пропорции. При этом, соответственно, возникают отрицательные эффекты для России, как минимум в рамках торговли нессырьевыми товарами, поскольку чем меньше масштаб торговых операций, тем выше деформирующие ценообразование транзакционные издержки.

Попытка перехода к расчетам в национальной валюте, не являющейся «доминирующей», а именно в рублях, как отмечалось вы-

ше, имеет смысл в случае намерения России создать эксклюзивную систему денежного оборота, в которой участвуют страны, проводящие ту же политику по дедолларизации. При этом данная система будет основана не на принципе всеобщей формы стоимости, а на принципе развернутой формы стоимости, что означает самостоятельное сокращение наиболее экономически эффективных операций за счет частичного выхода из мирового торгово-экономического и финансового пространства. Причем главным вопросом является то, насколько будут согласны на такие условия торговые партнеры России, как вырастет цена транзакций и насколько придется из-за этого корректировать ценообразование, а фактически – вынужденно снижать цены на экспорт. В рамках экспорта углеводородного сырья из России у стран-партнеров это может спровоцировать процесс замещения и даже отказа от такой продукции за счет наращивания поставок из других стран. Это, в конечном счете, будет означать превращение российской экономики из активного агента мирового рынка в участника крайне ограниченного двусторонними интересами «псевдорыночного анклава», содержательно и по масштабам значительно уступающего существовавшему более трех десятилетий Совету экономической взаимопомощи, в рамках которого практиковался переводный рубль в качестве расчетного средства между странами-участницами. В итоге такая ситуация для национальной экономики ведет к очевидному результату – примитивизации не только внешнего, но и внутреннего экономического оборота, структуры и качества национальной экономики. В результате, при прочих равных условиях, Россия не сможет безболезненно для своей экономики отказаться от доллара в международных расчетах.

Следует также заметить, что курсы национальных валют к «доминирующей» валюте задаются не только фундаментальными факторами, но и ожиданиями участников рынка, которые могут быть очень изменчивыми и чувствительными к разнообразным сигналам¹. В условиях нарастания экзогенных или эндогенных рисков стране-эмитенту легко попасть в ловушку плохих ожиданий, и под влиянием этого давления может реализоваться негативный сценарий для на-

---

¹ В соответствии с рядом оценок, без новостей об угрозе новых санкций курс российской валюты к доллару США был более «крепким» (Кочкина Ю. Аналитики оценили вклад угрозы санкций в ослабление рубля // РБК. 2020. 8 сентября.).

циональной валюты и национальной экономики в целом. Как показывает опыт других стран, выйти из подобной ловушки довольно сложно, при прочих равных условиях для этого нужен репутационный капитал государственных институтов – Центрального банка и Министерства финансов в первую очередь. Большие социальные обязательства государства и отсутствие независимого Центрального банка приводят к возрастанию ожиданий инфляции. Если текущие негативные явления на валютном рынке могут быть преодолены, то кризис государственных институтов преодолеть гораздо сложнее¹.

При «заморозке» валютных резервов, размещенных в банках развитых стран преимущественно в долларах США и евро, Центральный банк России будет иметь значительно меньше возможностей для проведения валютных интервенций в поддержку рубля, поскольку лишится доступа почти к 60,0% своих накопленных резервов. Это может привести к постепенному исчерпанию в России наличной «доминирующей» валюты, которая перестанет поступать в страну. Также переводить «доминирующую» валюту российским банкам через корреспондентские счета будет проблематично, поскольку Центральный банк России будет «отрезан» от своих валютных резервов.

В таких условиях возможны как минимум три тактических направления со стороны Центрального банка России: официально приостановить выдачу долларов, евро, а также других имеющихся «доминирующих» валют; конвертировать выплаты и расчеты в иные валюты, например, китайские юани, если Китай поддержит Россию; принудительно конвертировать валюту на рубли при риске значительного увеличения инфляции.

Безусловно, такие масштабные эндогенные ограничения применительно к российской экономике в первую очередь способны крайне негативно отразиться в объемах международных расчетов России, вероятно, трансформировав их структуру, возможно, по иранскому образцу. Фактически ранее предпринятые усилия по условной дедолларизации российской экономики были сведены к наращиванию доли евро в расчетах России с зарубежными странами. Однако, помимо доллара США, текущие санкции как раз и коснулись «блокирования» резервов и платежей в евро, создав значительную

---

¹ *Ицхоки О.* Валютный кризис 2014–2015 годов // Ведомости. 2015.

неопределенность для дальнейших расчетов за экспорт российских товаров и сгенерировав двойное давление на курс рубля, как со стороны американской валюты, так и европейской. В результате жестких санкций также может быть подорвана техническая способность России своевременно погашать внешние долговые обязательства за счет валютных резервов, которые тем не менее являются относительно небольшими¹.

* * *

Доллар США остается специфической и наиболее распространенной формой мировых денег, в значительной степени определяемой реальной и виртуальной надежностью американской валюты как наиболее распространенного и универсального средства платежа и наиболее ликвидного актива. Именно доллар до настоящего времени и в видимой перспективе остается всеобщим эквивалентом в ценообразовании и расчетах в рамках мировой торговли товарами, факторами производства и услугами. Совокупность лидерства в уровне и динамике экономического потенциала, низких рисков, гарантированных военно-политической и экономико-технологической монополией, свободной эмиссией, ориентиром для которой является фактически товарная масса и консолидированный долг всего мира, обеспечивает тот факт, что позиции американского доллара с момента отката от золотого покрытия весьма устойчивы.

Российский рубль с его практически незаметной (0,5%) долей в международных расчетах, как показывает история последних 10 лет, имеет шанс для некоторого замещения доллара только на ограниченном числе сырьевых рынков, являясь, по существу, «сырьевой» валютой с довольно узким базисом для эмиссии и высокими курсовыми рисками из-за чрезвычайной волатильности цен на сырьевые товары российского экспорта. Но и здесь существуют серьезные ограничения, так как сырьевые товары преимущественно торгуются на мировом рынке в долларах США, а следовательно, основная часть доходов от экспорта сырья (не говоря уже о несырьевых позициях экспорта, даже военно-технического) консолидируется Россией именно в долларах США. Те сравнительно незначительные продви-

---

¹ В апреле и июле 2022 г. Правительству России предстоит погасить внешние облигационные выпуски на сумму 1,2 млрд долл. (Ткачев И. Запад замораживает внешние активы ЦБ // РБК. 2022. 27 февраля).

жения в сторону замещения доллара связаны в основном с увеличением доли расчетов в пользу европейской валюты (евро), которая является лишь «резервным долларом».

Надежды на переход в расчетах за товары и услуги с КНР в национальных валютах для российской стороны в целом не оправдались, за исключением до некоторой степени импорта из Китая в Россию, а единственной рублевой зоной для России в расчетах остаются страны ЕАЭС, существенно уступающие ей по размеру экономики и практически незаметные в глобальном обороте товаров, услуг, технологий, капиталов и долговых инструментов.

В целом можно сказать, что объективно попытки создания рублевой зоны и даже просто введения рубля в число «доминирующих» валют, что означало бы создание эксклюзивной системы денежного оборота для малой страны, обречены на неудачу.

Все вышесказанное, конечно, относится к ситуации сравнительного равновесия международной денежно-финансовой системы и поддержания стабильности основных обязательств, обеспечивающих выполнение парой «доллар-евро» функции мировых денег, что гарантирует равный доступ любого агента мировой экономики к использованию всеобщего эквивалента во всех его функциях.

В феврале – марте 2022 г. ситуация перестала быть стабильной в упомянутом смысле. Введены жесткие пакеты санкций по отношению к России, авторами и гарантами которых являются как раз эмитенты «доминирующих» валют и прежде всего доллара и евро. Эти санкции распространяются на множество аспектов экономической, культурной, спортивной, научной жизни. Но нас интересуют прежде всего те санкции, которые непосредственно связаны с функционированием сложившейся архитектуры мировой денежно-кредитной системы (формирование и обслуживание государственного долга, функционирование международного торгово-экономического, инвестиционного и технологического оборота, национальная банковская и в целом финансовая система¹. Результатом этих санкций уже стали²:

- заморозка международных валютных резервов Центрального банка России в банках стран Большой семерки;

---

¹ *Виноградова Е., Деготькова И.* Путеводитель по санкциям и ограничениям против России. Главное // РБК. 2022. 28 февраля.

² *Ткачев И.* ЕС заявил о намерении заморозить половину резервов Банка России // РБК. 2022. 28 февраля.

- отключение ряда системообразующих российских банков от системы платежей SWIFT;
- фактическая блокировка платежей в главных «доминирующих» валютах;
- отказ в доступе к эмиссии и использованию этих валют;
- отказ от универсальности принципа либерализации экспортно-импортных и инвестиционных операций в случае России.

Фактически создана совершенно новая архитектура мирового рынка и международной денежно-финансовой системы. Бойкот в приобретении российской продукции в развитых странах и явные ограничения на ввоз в Россию критически важной для функционирования экономики продукции означает возврат к сегментации мирового рынка и мировой финансовой системы, принудительное создание торгово-экономического и денежно-финансового анклава, который должен функционировать как относительно замкнутая система. Для мировых денег это означает сознательное ограничение их функционирования границами этого анклава. Конечно, экономический потенциал и масштаб денежно-финансовых транзакций этого анклава слишком мал, чтобы физически угрожать функционированию «остального» мира. Но психологическое значение, уровень доверия к существующей финансовой архитектуре и незыблемости правил ее функционирования, а значит, и уверенность в безусловности гарантий выполнения ею взятых на себя функций, что обеспечивает как общий, так и индивидуальные выигрыши агентов мирового хозяйства (при существующем консенсусе, что издержками этого является дополнительная маржа «доминирующих» валют), подверглись сильнейшему шоковому удару.

Принудительная изоляция российской экономики от системы международных расчетов на базе лидирующих валют (доллар-евро) порождает негативные ожидания вероятного (пока больше психологического) увеличения количества анклавных зон, что ставится в зависимость от «послушания» «простых» агентов мирового обмена правилам не монетарного или торгово-экономического, а военнополитического, нравственного, культурного порядка, устанавливаемым странами-эмитентами «доминирующих» валют. Это вносит в повестку дня (не сегодняшнего, а завтрашнего или послезавтрашнего) вопрос о сужении базы самих лидирующих валют в качестве всеобщего эквивалента, а следовательно, и о пространственно-отраслевой сегментации собственно мировой монетарной системы.

То есть последовательная сознательная маргинализация отдельных (тем более заметных, пусть и на отдельных отраслевых рынках) национальных агентов мирового хозяйства в пределе может запустить процесс реального разрушения основанного на идее и инструментарии всеобщего эквивалента единого мирового хозяйства.

Относительно России следует сказать, что описанные выше процессы санкционного управляемого шока объективно вынуждают ее к принятию стратегии анклавизации экономического и монетарного оборота, то есть к дальнейшим попыткам построения альтернативной системы международного монетарного оборота, исключающего разрушительные влияния со стороны лидирующих валют. Эта стратегия с точки зрения сегодняшнего состояния экономики и монетарного оборота страны, как показано выше, объективно абсолютно проигрышна и вряд ли может быть реализована в более или менее законченном виде. В коротком периоде наиболее вероятным результатом станет вынужденный переход экономики и финансов в состояние глубокого гистерезиса, масштабы и последствия которого плохо предсказуемы, но определенно могут оказаться существенно серьезнее того, что наблюдалось в первой половине 1990-х гг.

Пока очевидным является то, что «удар долларом» несравненно более болезнен, чем даже гипотетические последствия «удара по доллару».

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ИДЕАЛЬНЫЙ ШТОРМ¹

В предыдущей работе обсуждалась версия описания функционирования возникшего в результате генезиса форм стоимости «долларового стандарта» – такого состояния мировой денежно-финансовой системы, при котором центральным звеном является валютная пара «доллар-евро», выполняющая функции мировых денег как универсального эквивалента². Основной вывод заключался в том, что устойчивость данной модификации «золотого стандарта», несмотря на относительно короткий период ее существования (менее 50 лет), опирается на преемственность во времени и повсеместность использования в пространстве. Это утверждение основывалось на фактическом состоянии и динамике в 1974–2021 гг. структуры международных расчетов, инвестиционно-долговых взаимодействиях и выработанной (и принятой мировым сообществом) практике ценообразования на мировых рынках товаров и услуг. По состоянию на конец марта 2022 г. (когда вышеупомянутая статья была представлена для публикации) казалось, ничего не предвещало каких-либо существенных форс-мажоров ни на отдельных отраслевых и факторных рынках, ни на мировом рынке в целом.

Конечно, сигналы о принудительных ограничениях действия глобальных правил и гарантий функционирования мирового рынка и обслуживающего его института мировых денег, блокирования доступа к этой системе отдельных национальных экономик (Иран, Ливия, Сирия, Венесуэла, Куба, КНДР) регистрировались задолго до 2022 г. На эти страны накладывались (и до сих пор действуют в части Кубы и КНДР) торговое эмбарго, блокирование депозитов отдельных лиц и компаний, а также счетов национальных банков в США и ЕС. Эти меры были очень болезненны для этих стран. Но влияние этих санкций на мировую торговлю было ограниченным, так как они не играли заметной роли в мировом торгово-денежном обороте (за исключением углеводородов Ирана и Венесуэлы, сравнительно легко заменявшихся другими агентами нефтяного и газового

---

¹ *Минакир П.А.* Мировая экономика: идеальный шторм // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 2.

² *Минакир П.А., Изотов Д.А.* Мировые деньги во времени и пространстве: удар по доллару или удар долларом? // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 1.

рынков), а их воздействие на основы мировой денежно-финансовой системы практически не ощущалось. Поэтому сколько-нибудь заметного влияния на репутацию как собственно доллара-евро в качестве глобального средства обращения и платежа, так и гарантирующих стабильность долларовой системы денежно-финансовых институтов они не оказали.

Тем не менее после 2008 г., когда США впервые заблокировал для Ирана возможность использования доллара для международных энергетических транзакций, дискуссии о реформировании мировой денежно-финансовой системы заметно активизировались. Если до того они отражали не более чем форсайт-анализ вероятных событий в этой области, питаемый опасениями того, что доминирование США в мировой денежно-финансовой системе может рано или поздно привести к использованию этого доминирования как нового вида оружия массового поражения, то реальная демонстрация реализуемости этой угрозы на практике привела к появлению попыток сконструировать основы новой и параллельной существующей финансовой системы, опирающейся на альтернативную доллару денежную единицу.

Наибольшими абстрактными возможностями построения такой системы к этому времени обладал Китай с его достигающими ныне 3,5 трлн долл. США золотовалютными резервами. Последние 10 лет Китай усиленно занимался конструированием новой опирающейся на юань денежно-финансовой системы, если и не полностью вытесняющей доллар, то способной составить ему существенную конкуренцию. Успех этого конструирования действительно означен бы переход к новой эпохе фрагментированной международной финансовой системы, блокирующей возможности одностороннего использования доминирующей валюты в качестве оружия в военно-политических и экономических конфликтах. За это время была создана альтернативная SWIFT трансграничная межбанковская платежная система (CIPS), номинированная в юанях, а сам юань введен в число резервных валют, подготовлена развитая инфраструктура для широкого использования цифровых валют. Но до превращения абстрактной возможности в реальную еще очень далеко. CIPS значительно уступает номинированной в долларах и евро системе SWIFT, а доля номинированных в юане резервов центральных банков не пре-

вышает 3%¹, тогда как доля доллара и евро в резервах центральных банков составляет 79% (59% в долларах и 20% в евро)². К началу 2022 г. юань все еще оставался недостаточно крупным элементом международной финансовой системы, чтобы составить существенную конкуренцию доллару. Перспективы замены долларовой стандарта иным, основанным на альтернативной национальной валюте (корзине валют), по-прежнему оставались туманными, хотя в классической формуле революции (верхи (доллар-евро) не могут, а низы (национальные экономики) не хотят), второй элемент уже начал отчетливо, хотя и не повсеместно, проявляться.

По существу мало что изменилось в доминировании доллара с тех пор, как в 1960-х гг. Жискара д'Эстьен назвал «непомерной привилегией США» монополию американского государственного долга на хранение национальных золотовалютных резервов, опираясь на безопасность и торгуемость долга и доминирующую роль доллара в международной торговле и финансах³.

Именно таково было реальное положение в мировой финансовой системе к началу острой фазы многолетнего украинского кризиса. И именно на этом основывалось убеждение США и ЕС в том, что они в состоянии решить одновременно две задачи. Во-первых, беспрецедентно эскалировать по отношению к России ранее опробованную на мелких игроках новую функцию доллара-евро как мировых денег – функцию разрушительного оружия. Во-вторых, сохранить в неприкосновенности саму основанную на долларе-евро мировую финансовую систему, основной чертой которой является тотальная зависимость всего остального экономического мира от доллара и евро.

Однако уже в марте 2022 г. военно-политический кризис вокруг Украины кардинально начал менять ситуацию. Насколько угрожающими для долларовой картины финансового мира являются эти изменения? Каков наиболее вероятный сценарий исхода «битвы за фрагментированный мировой финансовый ландшафт»? Попыткой ответа на эти вопросы является настоящая статья.

---

¹ *Pop V., Fleming S., Politi J.* Weaponisation of Finance: How the West Unleashed 'Shock and Awe' on Russia // *Financial Times*. 2022. 6 April.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

Доллар как оружие: операция «шок и трепет»

Экономические санкции так давно превратились в неременный атрибут системы доминирования США, что уже можно говорить о формировании нового института международной политики. Главное его отличие от прочих международных институтов заключается в том, что он, являясь региональным по представительству (США, ЕС, Великобритания, Канада), доминирует в определении международной экономической политики, благодаря, как отмечалось выше, непомерным привилегиям США в сфере международных финансов и подавляющей мощи «постиндустриального блока» в сфере международной торговли, что в значительной степени опирается на конституирующую роль рынков США и ЕС в мировой торговле.

Это доминирование не могло со временем не превратиться в новый вид оружия, которое, как и всякое другое оружие, должно подавлять экономический и финансовый потенциал оппортунистического политического и / или финансово-экономического поведения реальных или воображаемых противников блока экономически развитых государств, чтобы вернуть в состав сателлитов господствующей мировой финансово-экономической и политической повестки.

Как отмечалось выше, отдельные элементы этого оружия и инструменты их интеграции в единую систему опробовались в течение длительного времени по отношению к «оппортунистам» различного масштаба и различной степени способности к обороне против такого оружия. Очевидно, «генеральной репетицией» интегрированного применения финансово-экономических санкций стал «иранский кейс». В ходе этих испытаний возможности нанесения финансово-экономического поражения и подавления способности выбранного противника к сопротивлению были в основном подтверждены. Главным результатом этих испытаний стало подтверждение возможности использования нового вида оружия в качестве альтернативы собственно военному подавлению с использованием конвенциональных вооружений.

Это означало появление инструмента для ведения «войны без войны». Особенно важно это было для США, которые увидели в этом возможность полностью или частично отказаться от открытых военных интервенций по всему миру ради «поддержания порядка», что изрядно утомило не только население самих США, но и их союзников, не говоря уже о периферии развитого мира. Стратегия этого нового оружия была и по существу, и терминологически заимствована

на у разработанной в 1996 г. и впервые примененной во время войны в Ираке военной доктрины «Шок и трепет (Shock and Awe)», основанной на концепции «быстрого достижения преобладания»¹.

Такое преобладание не удалось обеспечить уже введенными после 2014 г. экономическими санкциями против России, которые касались главным образом торгово-технологических ограничений. Готовившийся с ноября 2021 г. пакет новых санкций, разрабатывавшихся в министерстве финансов США, должен был распространить их на финансовую сферу. Центральным и наиболее болезненным пунктом являлось отключение от системы и ограничения на международные финансовые операции, в том числе операции с суверенным долгом. Философия этого пакета по-прежнему заключалась в сдерживании экономики России.

После начала украинского кризиса в 2022 г. стратегия санкционной войны резко изменилась. М. Драги агрессивно продвигал идею обезоруживающего удара по финансово-экономической системе, главным направлением которого являлось бы стремительное (чтобы не позволить России предпринять контрмеры) замораживание активов Центрального банка, что должно было заблокировать противодействие всем остальным санкциям. Колебались США, так как именно долларовой системе в этом случае был бы нанесен сильнейший репутационный урон. Но «на войне как на войне». Решение, ранее опробованное на Иране, было принято к началу открытия валютных бирж. Российский ЦБ не успел завершить спешно начатые приготовления к выводу и новому размещению своих валютных резервов, номинированных в долларах и евро. Как заявлял высокопоставленный чиновник ЕС США: «Мы застали русских врасплох – они ничего не заметили до того момента, когда было уже слишком поздно»². Этот удар фактически лишил Россию почти половины золотовалютных резервов, предназначенных как раз для стабилизации рубля и финансовой системы, финансирования критического импорта и обслуживания государственного долга.

Это был сильнейший и прицельный удар, и остается только гадать, по какой причине целая армия профессиональных и самоуве-

---

¹ Шок и трепет // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4944885 (дата обращения: апрель 2022).

² *Pop V., Fleming S., Politi J.* Weaponisation of Finance: How the West Unleashed 'Shock and Awe' on Russia // *Financial Times*. 2022.

ренных финансистов и экспертов, которыми так гордились ЦБ и Минфин РФ, «зевнули» этот в принципе элементарный ход, хотя были и прецедент (блокировка резервов ЦБ Ирана и КНДР), и высокая вероятность реализации этого логичного сценария. Самоуверенность, непрофессионализм, начетничество или непоколебимая, почти религиозная вера в чистоту намерений «партнеров» и их верность «правилам» явились причиной «зевка» – особая тема не для исследования, а скорее для расследования. Нас интересует результат. Одним ударом Запад не только обеспечил себе доминирование «на поле боя», но и практически лишил Россию значительной части годами выстраивавшейся защитной системы. Дорога для целого комплекса санкций была открыта, и они оказались всеобъемлющими.

Уже 22 февраля 2022 г. США ввели первые санкции против российских банков (ВЭБ и Промсвязьбанка)¹, а также против российского суверенного долга, официально объявив целью демонтаж «финансовой сети Кремля»². После 24 февраля санкции США были координированы с санкционными пакетами ЕС, и официально объявленной их целью стало глобальное разрушение российской финансово-институциональной среды и экономического потенциала посредством полной изоляции от мировой денежно-финансовой системы, дополненной тотальным торговым эмбарго. Один за другим вводились пакеты санкций финансового и торгово-экономического характера. Среди них:

- запрет на покупку на вторичном рынке государственных облигаций РФ, выпущенных после 1 марта 2022 г.;
- отключение российских банков от SWIFT;
- ограничение размеров депозитов российских физических и юридических лиц, оказание им услуг по продаже ценных бумаг, номинированных в евро, и листинг акций российских госкомпаний на европейских биржах;
- запрет на покупку гражданами США облигаций ведущих российских государственных компаний;

---

¹ U.S. Treasury Imposes Immediate Economic Costs in Response to Actions in the Donetsk and Luhansk Regions / U.S. Department of the Treasury. 2022. 22 February.

² U.S. Treasury Announces Unprecedented & Expansive Sanctions Against Russia, Imposing Swift and Severe Economic Costs / U.S. Department of the Treasury. 2022. 24 February.

- запрет финансовым учреждениям США открывать или вести корреспондентские счета или счета, подлежащие оплате, для или от имени любой организации, связанной с Россией, которая подпадает под запреты Директивы САРТА, или их имущества или интересов в имуществе, запрет на обработку сделок и транзакций с участием любых таких организаций¹;
- запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт банкнот евро любому физическому или юридическому лицу, организации или органу в РФ или для их использования в РФ; запрет на экспорт, ре-экспорт, продажу или поставку банкнот в долларах США правительству РФ или любому лицу, находящемуся в России²;
- приостановка работы в России платежных систем VISA, MasterCard, American Express, JCB;
- блокирующие санкции против основных государственных и частных банков РФ, запрет России производить долговые платежи средствами, находящимися под юрисдикцией США³;
- запрет на новые инвестиции в любой сектор экономики Российской Федерации лицом из Соединенных Штатов, где бы они ни находились⁴;
- любое одобрение, финансирование, содействие или гарантия лицом Соединенных Штатов, где бы оно ни находилось, сделки иностранного лица, если сделка этого иностранного лица была бы запрещена санкциями⁵;
- запрет на заходы российских судов в порты Европейского союза и использование российскими самолетами воздушного пространства ЕС;

---

¹ U.S. Treasury Announces Unprecedented & Expansive Sanctions Against Russia, Imposing Swift and Severe Economic Costs / U.S. Department of the Treasury. 2022.

² Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression / The White House. 2022. 11 March.

³ United States, G7 and EU Impose Severe and Immediate Costs on Russia / The White House. 2022. 6 April.

⁴ Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression / The White House. 2022.

⁵ Ibid.

- запрет на экспорт российской нефти в США и интенсивное обсуждение введения эмбарго на поставки российской нефти в страны ЕС.

В целом эти санкции, как и новые их пакеты, которые готовятся с завидной регулярностью, направлены на вытеснение России из мирового денежно-финансового пространства, которое реально было значительно обширнее, чем собственно США, Канада, Европа, Австралия и Япония. Практически в той или иной форме и объеме к этим санкциям присоединилось или вынуждено их в той или иной степени соблюдать большинство агентов глобального рынка, теснейшим образом зависимых не только от торгового, технологического и денежно-финансового взаимодействия с вышеперечисленными экономиками, но и функционирующих в рамках единой институциональной системы.

Международные финансы превратились в новый вид оружия, а функция пары «доллар-евро» в качестве мировых денег официально и в одностороннем порядке была подчинена их новой функции в качестве оружия¹. Такое преобразование потенциально имеет далеко идущие последствия, формируя новый инструментарий регулирования международной политики и экономики. «Многие основные предположения об эпохе после холодной войны переворачиваются с ног на голову. Глобализация когда-то продавалась как барьер для конфликтов, паутина зависимостей, которая еще больше сблизит бывших врагов. Вместо этого она стала новым полем битвы...»².

Если ранее, как отмечает Миту Гулати (Mitu Gulati), финансовое оружие в основном использовалось для блокирования каналов финансирования терроризма и изредка для разрушения финансовых возможностей в очень специальных случаях, например блокирования иранской ядерной программы, то сейчас, когда целью стала страна беспрецедентного размера и мощи (Россия), это может превратиться в план на будущее: «Если вы меняете правила для России, вы готовы изменить их для всего мира»³.

---

¹ *Wigglesworth R., Ivanova P., Smith C.* Financial Warfare: Will there be a Backlash Against the Dollar? // *Financial Times*. 2022. 7 April.

² *Pop V., Fleming S., Politi J.* Weaponisation of Finance: How the West Unleashed 'Shock and Awe' on Russia // *Financial Times*. 2022.

³ *Ibid.*

Контрсанкции: искусство возможного?

Россия была обречена на срочные поиски защитных мер, новых ресурсов для хотя бы частичного замещения потерянных стратегических резервов, поиски возможностей хоть какой-то внешней поддержки. Среди них:

- введение обязательной продажи 80% суммы иностранной валюты, полученной резидентами РФ от внешнеэкономической деятельности;
- запрет на осуществление валютных операций, связанных с предоставлением резидентами в пользу нерезидентов иностранной валюты по договорам займа;
- запрет на зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях финансового рынка, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг¹;
- запрет на предоставление иностранным лицам кредитов и займов в рублях;
- запрет на операции с ценными бумагами и недвижимостью с подсанкционными лицами;
- запрет на вывоз из России иностранной валюты в сумме, превышающей 10 тыс. долл. США²;
- запрет на внесение резидентами РФ без разрешения ЦБ РФ средств в капитал иностранных компаний (кроме торгуемых на бирже инструментов);

---

¹ О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67881> (дата обращения: март 2022).

² О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/ (дата обращения: март 2022).

- выдача средств, полученных переводами из банков за пределами РФ и с электронных кошельков, исключительно в рублях по курсу банка¹;

- запрет на осуществление юридическими и физическими лицам, находящимися в юрисдикции РФ, торгово-финансовых операций с юридическими и физическими лицами иностранных государств, находящихся под санкциями РФ или в их интересах².

Особое место в перечне мер принадлежит более позднему решению о переводе оплаты контрактных поставок газа в рублях. Агрессивные версии «контрнаступления рубля», «перехвата инициативы» в санкционной повестке, изобильно обсуждающиеся в экспертных кругах³, не выдерживают критики. Это решение не вытесняет евро из расчетов за поставки российского газа. Речь идет лишь об изменении технической схемы транзакций. Последовательность «поставка – перевод оплаты в валюте на счет поставщика в иностранном банке – перевод выручки в российский банк» заменяется последовательностью «поставка – перевод подлежащей оплате суммы на валютный счет покупателя в российском банке – конвертация валюты в рубли на российской валютной бирже российским банком по поручению покупателя – зачисление рублевого эквивалента выручки на счет покупателя в российском банке – перевод рублевого эквивалента оплаты на счет продавца в российском банке». Это по идее должно исключить риск замораживания выручки за поставленный газ на счетах в иностранных банках. Этот риск вполне реален, так как санкциями США / ЕС предусмотрен запрет на любые транзакции, открытие счетов и их обслуживание в отношении российских банков и организаций, подпадающих под всеобъемлющие санкции.

---

¹ О дополнительных временных мерах по обеспечению финансовой стабильности в сфере валютного регулирования: указ Президента РФ от 18 марта 2022 г. № 126. URL: <https://www.tks.ru/news/law/2022/03/18/0007/print> (дата обращения: март 2022).

² О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: указ Президента РФ от 3 мая 2022 г. № 252. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205030001?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: май 2022).

³ Королева А. Новый бенчмарк на газ // Эксперт. 2022. 24 марта; Машенских Д. Специальная экономическая операция // Эксперт. 2022. 25 марта.

Насколько полной и эффективной будет такая защита, покажет время. Но в любом случае ее эффект ограничен, так как касается хоть и важного, но лишь одного из сегментов международных финансовых транзакций, связанных с российским экспортом. Пока нет достаточных оснований для достоверного определения временного горизонта «военных» действий против России в области международных финансов. Если финансовая война против России продлится надолго, защитный эффект будет нивелирован ответной реакцией в форме ускорения процесса вытеснения российского газа из энергетического баланса Европы.

Наступательный характер «газовых контрсанкций» был бы обеспечен, вероятно, встречным эмбарго на поставки в Европу через украинскую ветку газотранспортной системы с одновременным аннулированием действующих контрактов в ответ на всеобъемлющее торговое эмбарго ЕС. Это привело бы к возникновению ценового шока для потребителей, во-первых, и к необходимости решения дилеммы – практическая остановка значительной части экономики ЕС или поиск альтернативных маршрутов поставок российского газа, во-вторых. Заменить потребление российского газа даже в перспективе до 2030 г. невозможно для большинства стран ЕС.

По прогнозам Международного энергетического агентства, до 2030 г. потребление газа в ЕС сократится не более чем на 10 млрд м³ в год при сохранении чистого импорта на уровне около 350 млрд м³ в год. Даже наиболее радикальные «зеленые» варианты показывают возможность сокращения потребления газа к 2030 г. не более чем на 80–90 млрд м³ в год при объеме чистого экспорта 280 млрд м³ в год. При этом импорт российского трубопроводного газа в 2021 г. составил около 140 млрд м³ и 15 млрд м³ СПГ. Самые жесткие меры по диверсификации и подключению альтернативных маршрутов могут в принципе позволить ЕС сократить импорт российского газа примерно на 60 млрд м³ в год. То есть даже к 2030 г. минимально необходимый объем импорта трубопроводного газа из России составит не менее 80–90 млрд м³ в год¹. Следовательно, вышеуказанное эмбарго поставило бы ЕС в безвыходное положение, а для ряда стран, получающих газ реверсом, ситуация была бы катастрофической. Допол-

---

¹ Рассчитано по: *Голяшев А., Григорьев Л., Курдин А., Коломиец А., Некраш А., Федоренко Д., Федоров С.* Новая диверсификация на рынках газа // Энергетические тренды. 2022. Вып. № 107. С. 6–7.

нительным, но крайне важным бонусом являлось бы прекращение финансирования Украины в форме оплаты транзита газа.

Конечно, это привело бы к существенным проблемам и для России – потеря на какое-то время почти 40 млрд долл. выручки за экспорт газа, соответственно сокращение возможностей поддержки курса рубля, снижение бюджетных доходов и замораживание части социальных и инфраструктурных программ. Но любой конфликт, даже торгово-финансовый, без потерь не бывает, а в данном случае общий баланс потерь и выигрышей был бы положительным. Впрочем, как и в случае с блокировкой золотовалютных резервов, это приходится отнести к числу вопросов, не имеющих ни ответов, ни сколько-нибудь логичного объяснения в рамках подхода с точки зрения национальных интересов.

Одной из последних по времени защитных мер является попытка нивелировать негативное влияние торгового эмбарго на обеспечение сырьем, материалами и оборудованием критически важных производств и отраслей, а также поддержание ассортимента потребительских товаров посредством разрешения параллельного импорта¹. Министерство промышленности и торговли РФ утвердило список разрешенных для такого импорта товаров и их групп, который на начало мая насчитывал 96 товарных групп². Эта мера будет защищать промышленно-транспортные материальные балансы и ассортимент потребительского рынка при условии сохранения «санкционно-

---

¹ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506. URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCKhIqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (дата обращения: май 2022).

² Об утверждении перечня товаров (товарных групп), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия: приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 года № 1532. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205060001?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: май 2022).

го нейтралитета» экономических агентов, до настоящего времени не поддерживающих финансово-торговый конфликт с РФ.

Но действенность этой меры также зависит от продолжительности финансового противостояния. Реальность же такова, что «неприсоединившиеся» страны, в том числе Китай, Индия, Турция, ряд арабских, африканских и латиноамериканских стран, находятся под сильнейшим давлением контролирующего мировые финансовые институты и основные товарные рынки США / ЕС. Кроме того, официальная позиция государств является важным, но далеко не исчерпывающим условием санкционного нейтралитета и находящихся под их юрисдикцией экономических агентов, которые ориентируются на угрозу индивидуальных санкций экономических агентов, находящихся в юрисдикции «воюющих» государств и контролирующих существенную часть звеньев технологических цепочек. Вероятность сохранения санкционного нейтралитета в этих условиях обратно пропорциональна времени сохранения горячей фазы военного конфликта и прямо пропорциональна уверенности этих стран в эффективности способов достижения РФ объявленных целей и ясности самих этих целей. Выполнение и первого, и второго условий к настоящему времени весьма проблематично.

Отдельного рассмотрения заслуживает столь же популярный, сколь и обоюдоострый защитный инструмент – импортозамещение.

Импортозамещение или реиндустриализация является предметом как экспертного обсуждения, так и государственного регулирования в течение длительного времени. Усилия в этом направлении начали предприниматься задолго до 2014 г. Но эти усилия фактически воспроизводили традиционную логику либерального рынка. Даже предусмотренные программными документами меры по эволюционной структурной достройке в промышленности фактически преследовали цель не столько обеспечить безопасность ключевых производственно-технологических звеньев в экономике, сколько стимулировать создание новых экспортных возможностей.

Так, например, в 2007 г. появилась федеральная целевая программа «Национальная технологическая база» на период 2007–2011 гг.¹, включавшая подпрограммы «Развитие электронной компо-

---

¹ О федеральной целевой программе «Национальная технологическая база» на 2007–2011 годы: постановление Правительства РФ от 29 января 2007 г. № 54. URL: <https://base.garant.ru/190626/> (дата обращения: май 2022).

нентной базы на 2007–2011 годы» и «Развитие отечественного станкостроения и инструментальной промышленности на 2011–2016 годы». В 2014 г. появилась новая государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»¹, цели которой, как и предыдущей программы, сводились к «объединению усилий государства в сфере развития промышленного потенциала, созданию системных долгосрочных стимулов для повышения конкурентоспособности российских промышленных компаний на внутреннем и мировом рынках»². Фактически подразумевалось восстановление собственного производства в отдельных стратегических отраслях и критически важных для военно-технической, продовольственной, производственно-технологической безопасности (авиастроении, энергетике, микроэлектронной, фармацевтической, станкостроительной промышленности), в предположении о сохранении в целом экономики как звена глобального разделения труда, что гарантировало поддержание определенного уровня потребления материальных, технологических, потребительских ресурсов, сохранение условий функционирования основных транспортно-производственных сетей и ключевых производственно-технологических цепочек.

Однако перестройка мировой торгово-финансовой системы на принципах вооруженной финансово-экономической агрессии против РФ (чего не происходило даже в годы Второй мировой войны по отношению к Германии) означало блокирование как финансовых, так и физических возможностей поддержания производственно-технологического равновесия, материально-технических и потребительских балансов на внутреннем рынке РФ. Это сделало фактически безальтернативным переход к предельно агрессивной политике импортозамещения, которая должна затронуть практически весь производственно-технологический и потребительский контур.

Попытка сохранить экспортную ориентацию традиционных сырьевых отраслей, являющихся опорным каркасом экономики и главным источником поступления иностранной валюты, также бло-

---

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328. URL: <https://base.garant.ru/70643464/> (дата обращения: май 2022).

² Там же.

кирована как торгово-финансовым эмбарго, так и необходимостью импортозамещения по широчайшему спектру материальных и производственно-технологических звеньев. Именно эти сектора находятся в фокусе торгово-финансовых санкций, что «выбивает» целые участки производственно-технологических цепей, которые должны быть в кратчайший срок реконструированы за счет собственного производства.

В некоторых случаях замещение импортного ассортимента и налаживание производства импортных аналогов возможно на основе уже действующих производственных мощностей, доступного сырья, налаженной кооперации и применения имеющихся отечественных или адаптированных технологий. В этих случаях импортозамещение происходит быстро и естественно, ориентируясь на возникающие рыночные ниши.

Однако есть целые сектора экономики, критически важные для поддержания воспроизводства, обширные области производственно-технического и потребительского спроса, которые пали жертвой тотальной деиндустриализации в течение последних 30 лет. Масштабное импортозамещение в этих областях практически предполагает проведение индустриализации 3.0. Некоторые условия успешности проведения 1-го и 2-го этапов индустриализации в СССР были отмечены в одной из публикаций автора. Эти условия вполне актуальны и для проведения нового этапа индустриализации¹. С этим связаны реальные ограничения на пути масштабного импортозамещения.

Во-первых, время. Каждый из предыдущих этапов индустриализации (1.0 и 2.0) потребовал, соответственно, 10 и 15 лет. Нет никаких оснований считать, что нынешний этап может быть осуществлен быстрее, скорее наоборот, учитывая, что степень сложности от этапа к этапу возрастает.

Во-вторых, ресурсы (трудовые, материальные, технологические, финансовые). Индустриализация 1.0 опиралась в ресурсном отношении на практически неисчерпаемые трудовые ресурсы, высвобождаемые из сельского хозяйства, массовое вовлечение в экономический оборот сырья за счет широкомасштабного освоения природных ресурсов, а также на технологические и финансовые ресурсы западных стран, искавших в условиях Великой депрессии новые

---

¹ Минакир П.А. Эволюция и революция: уроки векового эксперимента // Пространственная экономика. 2017. № 4.

рынки для товаров и капиталов. Индустриализация 2.0 происходила уже в условиях холодной войны, исключавшей возможности масштабного использования технологических и финансовых ресурсов Запада, но, пусть и с потерей эффективности и технологичности, могла опереться на уже созданный отечественный индустриальный и научно-технический потенциал, за счет внутринационального структурного маневра ресурсами. Индустриализация 3.0, опоздавшая на 20 лет, не может опереться ни на международный, ни на собственные промышленно-технологический и научно-технический потенциалы, которые были практически уничтожены в ходе колониально-либеральных реформ. Сохранившиеся и частично восстановленные после кризиса 1998 г. промышленные мощности, как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности, могут эффективно функционировать только как элементы глобальных производственно-технологических сетей.

В-третьих, геополитическая ситуация. Индустриализация 1.0 происходила в условиях восстановления международного экономического сотрудничества, что обеспечивало приток западных финансовых и производственно-технологических ресурсов. Индустриализация 2.0 происходила уже в условиях изоляции от основных финансовых и производственно-технологических центров Запада, но в какой-то степени можно было опираться на созданную в форме СЭВ интеграционную систему в Восточной Европе. Это создавало условия для оптимизации распределения материальных и производственно-технологических ресурсов за счет глубокой специализации национальных экономик. Индустриализацию 3.0 приходится начинать в условиях практически полной торгово-финансовой изоляции, то есть без какой-либо возможности привлечь внешние ресурсы. Энтузиазм (как правительства, так и экспертов) относительно возможности нивелировать изоляцию со стороны Запада за счет благожелательного или нейтрального отношения официально не присоединившихся к санкциям стран (особенно Китая) наивен, поскольку совершенно не учитывает реальную глубину международных экономических взаимосвязей и колоссальную степень зависимости отдельных национальных экономических агентов от системы взаимных поставок продукции, капиталов и технологий, несмотря на официальную политическую позицию той или иной страны. Уже в марте-апреле это ограничение хорошо проиллюстрировано именно китайскими производителями, которые без какого-либо публичного объявления,

опасаясь потери западных поставщиков компонентов, существенно снизили объем высокотехнологичного экспорта в РФ (на 40% сократились поставки ноутбуков, на 66% – смартфонов, на 98% – телекоммуникационного оборудования)¹. В какой-то степени сокращение связано и с общим падением размеров китайского экспорта из-за локдауна в Шанхае, но в целом это является явным сигналом о как минимум преувеличенной надежде на «восточный фактор» в прорыве глобальной финансово-экономической блокады.

В состоянии ли импортозамещение компенсировать выпадающие производственно-технологические ресурсы? В определенной степени да, но это потребует довольно длительного времени на преодоление фундаментальных ограничений, важнейшими из которых являются:

- конфликт между экономической целесообразностью, диктующей концентрацию ограниченных ресурсов в наиболее продуктивных звеньях производственно-технологической цепи, и социальными обязательствами, предполагающими деконцентрацию ресурсов ради поддержания хотя бы достигнутого уровня диверсификации экономической деятельности, структуры потребления и качества жизни;

- сужение совокупного спроса, что провоцирует потерю эффекта масштаба по ряду производств и целых секторов экономики, а следовательно, снижение столь необходимого в условиях острого дефицита ресурсов уровня продуктивности экономических ресурсов;

- необходимость восстановить научно-технологический потенциал, разрушение которого началось еще в СССР и практически завершено в течение последних 30 лет в результате «оптимизации» и «вестернизации» образования, фундаментальной науки и сферы НИ-ОКР; «импортозамещение» в этих областях является особенно длительным и неопределенным по результатам процессом;

- несоответствие общей экономической идеологии, системы инструментов экономического регулирования и созданной институциональной среды задачам мобилизации экономических ресурсов и реконструкции финансово-экономической структуры.

---

¹ *Strumpf D.* Chinese Tech-Giants Quietly Stop Doing Business with Russia // The Wall Street Journal. 2022. 6 May.

Эти ограничения будут провоцировать отказ от определенных звеньев и даже целых производственно-технологических цепочек, что равнозначно потере не только отдельных классов продукции, но и возможности свое-временной модернизации в наиболее сложных звеньях промежуточного и конечного потребления. Результатом может стать уменьшение степени сложности экономики, ее примитивизация, потеря конкурентоспособности экономики и в конечном счете снижение уровня экономической безопасности и благосостояния. Таких проблем не смог избежать даже СССР, обладавший значительно более мощной ресурсной и научно-технологической базой, но еще и несравненно большим потенциалом торгово-экономической и финансовой кооперации в рамках СЭВ.

Идеальный шторм **Национальная проекция**

Уже первые недели реализации «адских санкций» продемонстрировали, что их влияние не ограничивается локальными и односторонними отрицательными эффектами для российской экономики и финансовой системы.

В случае России обвальное разрушение систем поставок, логистики и взаиморасчетов уже в марте проявились как ускорение темпов снижения объемов промышленного производства. После обычного сезонного снижения стоимости промышленной продукции в январе – феврале на 0,7 и 0,6% соответственно сокращение в марте составило уже 1%, что привело к снижению объема промышленного производства в первом квартале 2022 г. на 2,3%¹. Конечно, это падение будет продолжаться по мере исчерпания запасов комплектующих, сырья и ресурсов для поддержания производственных мощностей. Согласно прогнозу МВФ (который считают заниженным не только финансово-экономические эксперты, но также ЦБ и Минэкономразвития РФ) сокращение ВВП России составит 8,5% в 2022 г. и 2,3% в 2023 г., то есть за 2 года снижение ВВП прогнозируется почти на 11%².

---

¹ Голяшев А., Григорьев Л., Курдин А., Коломиец А., Некраш А., Федоренко Д., Федоров С. Новая диверсификация на рынках газа // Энергетические тренды. 2022. С. 11.

² War Sets Back the Global Recovery // World Economic Outlook. 2022. April. P. 37.

Этот прогноз вполне коррелирует с прогнозом ЦБ РФ, в котором предполагается падение ВВП в 2022–2023 гг. на 8–12,7% (минус 8–10% в 2022 г. и 0–3% в 2023 г.)¹. В предположении о корректности прогноза о переходе с 2024 г. к среднегодовому росту темпом 102,5–103,5%² восстановление уровня ВВП 2021 г. можно ожидать не ранее 2028 г. Однако если учесть, что среднегодовой темп прироста российской экономики в 2013–2021 гг. даже при отсутствии тотального торгового эмбарго, стабильности логистических схем блокирования источников инвестиций в реальный капитал составлял примерно 1%, то сроки восстановления до уровня 2021 г. сдвигаются к 2033–2034 гг. Именно этот срок указывается в прогнозах Мирового банка.

Одним из возможных макроэкономических компенсаторов может стать вынужденное, хотя и обсуждавшееся в течение многих лет блокирование каналов оттока капитала за границу. Именно абсолютная либерализация трансграничного трансферта капиталов приводила к предельно высокой чувствительности российских валютной и фондовой бирж от размеров оттока капитала из страны, скачкам курса национальной валюты и инфляции в условиях высокой зависимости от производственно-технологического и потребительского импорта. Это являлось наряду с жесткой денежно-кредитной политикой ЦБ почти непреодолимым ограничением для внутренних инвестиций, роста доходов и занятости.

Финансово-экономическая политика в этих условиях в течение многих лет была ориентирована на привлечение иностранных инвестиций. Экономическая стратегия была перевернута с ног на голову. Собственный капитал фактически выталкивался из страны, а на его место массой льгот и преференций приглашался иностранный капитал. Регионы и ведомства соревновались по размеру иностранных инвестиций. Министерство финансов с гордостью рапортовало об успехах в размещении ОФЗ среди нерезидентов под двузначные ставки при одновременном размещении собственных резервов под 2–3%. Официально поддерживались всевозможные офшоры, где отмывались российские капиталы, которые затем возвращались в Россию уже как иностранные вложения в те же ОФЗ и акции стратегических предприятий (в собственности иностранных компаний и нерезиден-

---

¹ Ткачев И. ЦБ дал первый официальный прогноз по глубине рецессии // РБК. 2022. 29 апреля.

² Там же.

тов оказались 40% акций Сбербанка, 20% акций Роснефти, контрольные пакеты ключевых промышленных и инфраструктурных объектов – АвтоВАЗ, ИжАвто, электростанции в стратегических районах и т. д.)¹. Это являлось главной причиной многолетней стагнации российской экономики после кризиса 2009 г., но финансовые власти с гордостью (радостно поддерживаемые МВФ и Мировым банком) выдавали это за эффективный контроль над инфляцией, которая представлялась им основным ограничителем инвестиционной активности и, соответственно, экономического роста. Гипотеза о том, что главной доминантой инфляции является колоссальный дефицит внутреннего производства основных компонентов воспроизводства и потребления, что делает экономику беззащитной перед лицом «инфляционного заражения» извне, а единственный способ оптимизировать структуру производства и потребления – наращивание внутренних инвестиций, что невозможно в условиях приоритета иностранных финансовых инвестиций, – отвергалась с высокомерным пренебрежением.

Единственным «достойным» фактором инфляции при этом признавалась динамика курса рубля, который никак не был защищен от внешних шоков и снизился в течение 2000–2021 гг. в 3 раза благодаря двум волнам свободного оттока капиталов с внутреннего валютного рынка. И при этом политика привлечения иностранного капитала и денежно-финансовых ограничений на внутреннем рынке проводилась неукоснительно как основной способ поддержания курса рубля в «межшоковые» периоды.

Шок 2022 г. на валютном рынке в результате массированного применения валютно-финансовых санкций продемонстрировал как минимум небесспорность вышеприведенной логики регулирования. Оказалось, что динамика курса рубля открепилась от притока иностранных инвестиций. Резкое повышение ключевой ставки ЦБ не предотвратило мартовского обрушения рубля, средний курс которого к доллару-евро снизился по отношению к среднему за январь курсу на 37 и 33,5% соответственно. Даже после некоторого снижения в апреле (с 17 до 14,5%) ключевая ставка остается крайне высокой. Тем не менее уже к середине мая среднемесячный курс рубля вырос

---

¹ *Минакир П.А.* Кризис экономический или институциональный? // Кондратьевские волны. 2018. № 6; *Огородников Е.* Рак на горе свистнул, и финансовые власти России его услышали // Эксперт. 2022. 8 мая.

по сравнению с мартом на 38,7% к доллару и на 42,6% к евро¹, хотя источник иностранных финансовых инвестиций был практически аннулирован, более того, как минимум на 40% уменьшился потенциал монетарного регулирования курса в результате блокирования российских золотовалютных резервов.

Основной причиной стали эндогенные факторы, формирующие спрос и предложение на валютном рынке. Спрос на валюту для импорта сократился в результате торгового эмбарго, обрушения спроса на туристические поездки за границу, блокирования оттока капитала за границу, существенным ограничением размеров вывода наличной валюты со счетов физических лиц, замораживания значительной части платежных операций в валюте. В то же время предложение валюты значительно увеличилось благодаря обязательной продаже валюты экспортерами при росте валютных доходов основных экспортеров в условиях резкого роста цен на мировом рынке и увеличения размеров торгового профицита в целом.

Не подтверждается увязка с жесткостью денежно-кредитной политики и темпов инфляции. Они увеличились более чем в 2 раза с октября 2020 г. по январь 2022 г. (с 4 до 8,7%)², несмотря на последовательно жесткую денежно-кредитную политику, имевшую целью возвращение к четырехпроцентному темпу инфляции. Низкую корреляцию показывает и зависимость темпов инфляции от курса рубля, который в период с 1 января 2021 г. по 1 января 2022 г. колебался в очень узком диапазоне (73,9–74,3 рубля к доллару США)³.

Скачок в темпах инфляции в начале 2022 г. (с 6,7% в среднем за 2021 г. до 21,3% в годовом исчислении в марте – мае 2022 г.) был действительно вызван импульсом, сгенерированным резким падением курса рубля. Но этот импульс, как отмечалось выше, был подавлен уже в апреле – мае 2022 г. Тем не менее высокий уровень инфляции сохраняется (в среднем за 2022 г. инфляция прогнозируется Ми-

---

¹ Курсы валют. 2022. URL: <https://bankiros.ru/currency> (дата обращения: май 2022).

² Динамика потребительских цен / Банк России. 2022. № 1 (73). Январь. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2022-01/ (дата обращения: май 2022).

³ Курс доллара США к рублю: 1992–2022 // Мировые финансы. 2022. URL: <http://global-finances.ru/kurs-dollar-k-rublyu/> (дата обращения: май 2022).

нистерством экономики на уровне 17,5%, а по прогнозу Мирового банка сохранится на уровне 14% и в 2023 г.¹

Разумеется некоторая часть этого перспективного темпа определяется негативными ожиданиями производителей и потребителей падением курса рубля. Но в случае, а это более чем вероятно, сохранения санкционного торгово-экономического и финансового эмбарго размер импорта останется на низком уровне по сравнению с досанкционным периодом. А следовательно, влияние курсовой динамики на инфляцию будет сравнительно ограниченным.

Таким образом, приходится сделать вывод о том, что основным фактором долгосрочной инфляции является рост издержек вследствие нарушения логистики, компенсации возросших в условиях санкций рисков поставщиков импортной продукции и сырья, закладываемых в цены отечественных производителей негативных инфляционных и девальвационных ожиданий. То есть изменение парадигмы денежно-кредитной и в целом финансовой политики является безальтернативным следствием «идеального финансово-экономического шторма» применительно к российской экономике.

Но последствия этих событий выходят далеко за границы национальной финансово-экономической юрисдикции.

Глобальные потрясения

Макроэкономика. Изоляция отдельной страны, являющейся олигополистом на ряде глобальных товарных рынков (газа, нефти и нефтепродуктов, угля, зерна и растительного масла, минеральных удобрений, ядерного топлива, благородных металлов, ракетно-космической техники, металлургической продукции), не могла не привести к появлению товарно-материальных дисбалансов и нарушению финансово-экономического равновесия в мировой экономике. Официальные власти России уверены, что это если и не привело, то неизбежно приведет к глобальной экономической рецессии. В целом с этим согласны и многие российские эксперты².

---

¹ War Sets Back the Global Recovery // World Economic Outlook. 2022. P. 37.

² Путин высказался о «близоруких» санкциях Запада // Агентство экономической информации. 2022. 12 мая; Медведев предрек экономический крах из-за антироссийских санкций // Агентство экономической информации. 2022. 13 мая; Крах или ренессанс. Ждет ли мировую эко-

Западные эксперты также обсуждают вероятность наступления глобальной экономической рецессии, однако рассматривают «санкционный шторм» лишь как одну из причин ухудшения глобальной экономической ситуации, продолжение рецессии 2020–2021 гг., вызванной пандемией коронавируса, запустившей процессы нарушения производственно-технологических цепочек и роста инфляции как результата «мягкой» денежной политики в США и ЕС. Ужесточение монетарной политики ведущих экономик, продолжающиеся сбои в цепочке поставок и неопределенность экономической политики Китая, упорствующего в поддержании стратегии нулевого COVID-19 в условиях появления новых штаммов коронавируса, отразились в скорректированном уже в январе 2022 г. прогнозе мировой экономики. Оценка параметров экономического роста была ухудшена по сравнению с октябрьским 2021 г. прогнозом на 0,5 п. п. – до 4,4%¹.

Военно-политический шок, вызванный началом санкционной войны против России, стал дополнительным фактором ухудшения общемировой экономической ситуации. Уже в апреле прогноз МВФ для мировой экономики был пересмотрен, параметры мирового экономического роста были ухудшены по сравнению с январским прогнозом на 0,8 п. п., то есть до 3,6% для 2022 г. Это означает, что оценка потерь мирового ВВП от последствий обусловленного санкционными шоками спада составляет 0,8–1,0 трлн долл. США. При этом потери российского ВВП оцениваются в 0,3–0,4 трлн долл. США². Вряд ли на основании этих оценок можно говорить о глобальном влиянии «санкционного шторма» на мировую рецессию.

Гораздо более выражено влияние на инфляционные процессы. В апрельском прогнозе МВФ темпы инфляции по сравнению с январским прогнозом прогнозируются в 2022 г. на уровне 5,7% в странах с развитой экономикой и 8,7% в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах – на 1,8 и 2,8 п. п. выше, чем прогно-

---

номику глубокий кризис // Агентство экономической информации. 2022. 16 мая.

¹ Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation // World Economic Outlook. 2022. January. Pp. 3, 5.

² Рассчитано по данным: War Sets Back the Global Recovery // World Economic Outlook. 2022; Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation // World Economic Outlook. 2022.

зировалось в январе прошлого года¹. Хотя ответственность за инфляционные процессы (как и вообще за повышение вероятности усугубления глобальной рецессии) западные эксперты возлагают на «непредсказуемость политических решений России»², действительная причина заключается в том, что авторы «шокового шторма» совершили фатальную ошибку, предположив, что его воздействие будет аналогично «направленному взрыву», то есть разрушительные последствия можно будет локализовать в пределах российской экономики, которая являлась целевым ориентиром. Степень реальной интегрированности российской экономики в мировые товарные рынки и глобальные производственно-технологические взаимосвязи (см. выше) была или проигнорирована, или просто недооценена.

В результате нарушение равновесия на мировых отраслевых рынках стало неконтролируемым и стремительным, что является естественным следствием глобализации «эффекта заражения» как отклика на фундаментальный процесс торгово-экономической глобализации. После десятилетий упорной работы всего мирового сообщества над расширением и укреплением глобализации как основного средства для увеличения доступных экономических и технологических ресурсов, повышение стабильного экономического роста и благосостояния фактически запущен процесс дефрагментации мирового рынка. Все более очевидной является дифференциация ранее единых товарных рынков, особенно тех, на которых Россия выступает в качестве олигополиста (см. выше), на функционирующие в полном объеме в режиме торговых эмбарго и в той или иной степени остающихся вне режима эмбарго.

Вряд ли эти процессы дивергенции необратимы. В течение более или менее длительного времени новые состояния равновесия через корректировки доходов населения, пропорций ценообразования и курсовых соотношений, конечно, будут найдены как в глобальном, так и в локальном смыслах. Соответственно, в какой-то степени восстановится и единство мирового товарного рынка.

Большой вклад в сокращение этого времени вносит сама Россия, неявно поддерживая равновесие на рынках нефти, газа, ядерного топлива в зоне ЕС. Это объясняется несколькими причинами.

---

¹ War Sets Back the Global Recovery // World Economic Outlook. 2022.

² О'Нил Д. Опять глобальная рецессия? // Project Syndicate. 2022.

Во-первых, критической зависимостью самой российской экономики от поддержания равновесия на товарных рынках, так как до сих пор российская экономическая стратегия ориентирована на извлечение коммерческих доходов от сырьевого экспорта. Максимальный доход как раз извлекается на тех рынках, где Россия является олигополистом, а иногда (на рынках нефти, газа, угля, ядерного топлива, зерна, минеральных удобрений, титана) замыкающим поставщиком. Именно поэтому продолжается бесперебойная поставка нефти и газа по контрактам, заключенным с фирмами европейских стран, несмотря на предельно агрессивную санкционную политику последних. США и ЕС стремятся распространить торговое эмбарго на энергетические поставки из России, но последняя даже не рассматривает превентивное эмбарго на энергопоставки. Не смущает даже необходимость использования транзитной газотранспортной системы Украины.

Во-вторых, боязнь потерять традиционные рынки сбыта сырья в Европе при всех декларациях о готовности и возможности замещения атлантического рынка азиатским, особенно китайским и индийским. Инерционность рыночного поведения, базирующаяся на абсолютном предпочтении немедленной ликвидности даже ценой фактического отказа от максимизации доходов в долгосрочной перспективе, по-прежнему является императивом.

В-третьих, совершенно противоречащей декларациям о возможности и готовности в кратчайшие сроки провести импортозамещение основного ассортимента производственно-технологического и потребительского импорта, скрытой надеждой на конечность торговых, торгово-экономических и финансовых санкций, что предполагает продолжение курса на накопление валютных резервов для покрытия критического импорта. До сих пор источником таких накоплений остается сырьевой экспорт. Таким образом, торговая политика не имеет ничего общего с реальной политической ситуацией, в которой находится Россия. Политический конфликт с западным миром, вполне отчетливо приобретший характер «гибридного» военного конфликта, соседствует с отчаянными попытками сохранения торгово-экономических взаимодействий с этим же миром. Бенефициаром этой двойственности, конечно, является именно западный мир, который имеет возможность использовать российские ресурсы для минимизации масштабов потерь от разбалансировки товарных рынков и необходимого для этого времени.

Как уже после введения антироссийских санкций отмечал П. Робертс, заместитель министра финансов США в администрации Р. Рейгана: «Русские могли бы закрыть западную промышленность, если бы Россия прекратила экспорт энергии и полезных ископаемых, но боятся сделать это из-за убытков в иностранной валюте. Американские экономисты-неолибералы промыли мозги российским экономистам и Центральному банку в том смысле, что России для развития нужна иностранная валюта, которую дает продажа за рубеж российских нефти и газа. Это удивительная глупость тормозит развитие российской экономики и не позволяет применить сильные контрсанкции. Россия по-прежнему продает стратегические ресурсы Западу и принимает оплату в долларах и евро, что укрепляет валюты врагов России и ослабляет рубль ... Российский ЦБ субсидирует успех западных санкций»¹.

В очередной раз продемонстрирована принципиальная неготовность превентивного выстраивания эффективной стратегии поведения в нестационарных условиях, если не считать такой стратегией копирование абстрактных либерально-экономических штампов.

Мировые финансы. Если глобальные последствия концентрированного применения против России финансово-экономического оружия проявились быстро и имеют более или менее ясный временной горизонт и механизмы восстановления нарушенного равновесия, то последствия для денежно-финансовой сферы мировой экономики будут проявляться только в будущем. Но эти последствия гораздо менее определены и потенциально значительно более разрушительны. Впрочем, первые признаки вероятного наступления в будущем «идеального финансового шторма» видны уже сейчас.

Финансовые санкции, введенные США, ЕС и их союзниками, очевидным образом подорвали главную основу функционирования мировой финансовой системы, основанной на лидирующей роли доллара как мировой валюты, – доверие к безусловной готовности и возможности США выполнять свои обязательства как эмитента мировых денег и глобального финансового центра.

Применение против России финансового оружия, в частности фактическая реквизиция золотовалютных резервов российского Центрального банка, по существу стало декларацией не просто отказа эмитентов лидирующих валют выполнять свои обязательства по реа-

---

¹ Цитируется по: Долженков А., Обухова Е. Рубль идет на таран // Эксперт. 2022. 27 марта.

лизации ключевых функций мировых денег, во всяком случае обязательств по гарантии выполнения этих обязательств для всех участников мирового процесса обмена и накопления, но фактически это стало декларацией их готовности сколь угодно расширять практику таких отказов. Ведь если иностранные активы могут быть заморожены, а фактически реквизированы, даже временно, страной с резервной валютой, то хранение своих активов в этой стране из безопасного способа страхования практически автоматически превращается в высокорискованное предприятие¹.

Наибольший урон потеря доверия нанесет и уже наносит лидирующим позициям США как эмитента мировых денег и основного депозитария резервов мировых центробанков. Уже через месяц после замораживания активов российского ЦБ Г. Гопинат (первый заместитель директора-распорядителя МВФ) предупредила, что под угрозой в результате санкций против российского ЦБ находится господство доллара США и единство мировой финансовой системы в целом. Возникает риск формирования фрагментированной международной валютной системы в результате возникновения «небольших валютных блоков, в основе взаимоотношений которых будет лежать торговля между отдельными группами стран»². Подобные оценки дают и ряд других экспертов, указывая что «...санкциями США выдают себя из мировой экономики...»³

Впрочем, высокая вероятность такой угрозы трезво оценивалась в США. Не случайно М. Драги (премьер-министр Италии), главный идеолог и организатор введения этих санкций, по настоянию своих европейских коллег усиленно убеждал Дж. Йеллен (председатель правления ФРС США) пожертвовать углубленным анализом последствий и поиском способов их минимизации ради ускорения введения санкций⁴. Реальная угроза кризиса мировой валютно-

---

¹ *Hu Weijia*. Unilateral Sanctions Add to Evidence that it's no Longer Safe to Hold Assets in US // *Global Times*. 2022. 20 May.

² *Демченко Н.* В МВФ заявили о риске ослабления позиций доллара из-за санкций // РБК. 2022. 31 марта.

³ *Пименова М.* Преподаватель Питтсбургского университета Ковалик: санкции США уничтожают роль доллара // *Общественная служба новостей*. 2022. 2 апреля.

⁴ *Pop V., Fleming S., Politi J.* Weaponisation of Finance: How the West Unleashed 'Shock and Awe' on Russia // *Financial Times*. 2022.

финансовой системы перевела академические дискуссии о необходимости ее реформы в практическую плоскость. Оправдывается предсказание Г. Джеймса о том, что такая реформа возможна в результате глубокого кризиса системы¹.

Массированное применение финансового оружия, в частности введение санкций по отношению к российским суверенным резервам, укрепило пока абстрактное, но вполне оформившееся сомнение в том, что система, при которой почти 70% внешнего долга развивающихся стран, на которые приходится 60% глобального ВВП, рациональна и соответствует фактическому весу США в мировой экономике и торговле. Репутационные риски доллара и евро возросли еще более после сообщений об изъятии активов и недвижимости российских граждан в странах ЕС.

Россия и Китай почти одновременно и задолго до нынешнего валютно-финансового кризиса начали процесс создания альтернативных долларовому международным платежным систем, в основе которых лежали бы национальные валюты. Если для России это была вынужденная мера в связи с первой волной санкций в 2014–2015 гг., то Китай с 2014 г. начал системную работу по продвижению своей национальной валюты в системе международных расчетов, опираясь на фундаментальные факторы, определяющие международный статус валюты – устойчивость экономики страны-эмитента, уровень ее активности в международном торговом и финансовом обороте, доле производимой добавленной стоимости в общемировом выпуске. К 2014 г. экономическая мощь Китая выросла настолько, что страна смогла подать официальную заявку на включение юаня в корзину резервных валют, и юань получил этот статус в 2016 г. В 2021 г. юань был уже четвертой среди наиболее популярных в мире расчетных валют в основном за счет Азиатско-Тихоокеанского региона. Большую роль в этом сыграла Россия, которая с 2014 г. во взаиморасчетах с Китаем наращивала долю юаня (за 2013–2021 гг. доля платежей за китайский экспорт в Россию в юанях увеличилась с 2 до 28%²).

Вполне также проявилась тенденция к усилению роли криптовалют в международных расчетах. В пределе эта тенденция может

---

¹ *James H.* International Monetary Cooperation Since Bretton Woods / IMF. New York: Oxford University Press, 1996.

² *Долженков А., Обухова Е.* Рубль идет на таран // Эксперт. 2022.

привести к формированию системы международных расчетов, основанных на цифровых валютах центральных банков¹. Перспектива превращения цифровых валют в альтернативу золоту вполне реальна в случае придания им статуса резервной валюты, учитывая, во-первых, что, уже сейчас цена биткоина превышает 46 тыс. долл. (при потенциале роста цены золота 31 тыс. долл.)², а во-вторых, резкую активизацию различных стран в имплементации цифровых валют в систему международных взаиморасчетов. В частности, Банк России с апреля 2023 г. планирует начать тестировать цифровой рубль, а с 2024 г. планируется запуск обмена цифрового рубля на иностранную валюту и открытие кошельков нерезидентам³.

Активно обсуждается в России возможность создания новой платежной единицы между Россией и государствами ЕАЭС, Юго-Восточной Азии, Ираном, Турцией и другими странами так называемого «второго контура» по идеологии ЭКЮ, стоимость которой будет обеспечиваться имеющимися у стран-участниц золотом и драгоценными металлами в наличной форме или в форме безусловных обязательств по их поставке⁴. Россия и Индия расширяют ассортимент взаимного экспорта-импорта, оплачиваемого в национальных валютах. Евразийский экономический союз, лидирующую роль в котором играет Россия, и Китай активно обсуждают возможности создания альтернативной долларовой системы международных расчетов, основанной на единой валюте, стоимость которой будет рассчитываться как индекс национальных валют стран-участниц и цен биржевых товаров.

Таким образом, опасения дефрагментации казавшейся незыблемой мировой денежно-финансовой архитектуры еще в марте 2022 г. представлялись хоть и неприятной, но все же абстрактной возможностью, уже к июню начали генерировать пока еще не очень реальные, но все более конкретизирующиеся и пространственно раз-

---

¹ Долженков А., Обухова Е. Рубль идет на таран // Эксперт. 2022.

² Пименова М. Преподаватель Питтсбургского университета Ковалик: санкции США уничтожают роль доллара // Общественная служба новостей. 2022.

³ Эрозбек Д. ЦБ начнет тестирование цифрового рубля в апреле 2023 года // Коммерсантъ. 2022. 25 мая.

⁴ Деготькова И. Эксперты предложили России создать новую платежную единицу // РБК. 2022. 30 марта.

нообразные форматы. Интервенция держателей и эмитентов основных резервных валют против одного из мировых финансово-экономических игроков, обеспечив за сравнительно короткое время достижение желаемого «решающего преобладания» в конфликте нового типа, в котором ареной действий является система международных финансовых взаимодействий, одновременно спровоцировала в длинном периоде появление реальных и масштабных долговременных угроз существования самой этой системы в ее нынешнем формате.

Конечно, степень устойчивости нынешней мировой денежно-финансовой структуры остается чрезвычайно высокой, и эта устойчивость обеспечивается чрезвычайной инерционностью поведения и ожиданий игроков, их предпочтениями стабильности ожидаемого эффекта в процессе торговли, инвестиционных трансфертов и операций на финансово-долговых рынках, тотальным контролем США над разветвленной системой обеспечивающих функционирование этой системы институтов, угрозой обесценения накопленных резервов и сохраняющимся военно-политическим принуждением основной части мирового экономического сообщества к верности финансовому стаус-кво. Но само появление конкретных вариантов дефрагментации системы, ее распада на пространственно-финансовые союзы и блоки таит в себе потенциальную возможность постепенной эрозии системы.

С этой точки зрения долговременные последствия применения финансового оружия как средства принуждения к верности установленному порядку представляются весьма неопределенными. В общем-то, конструкторы тактики и стратегии мирового финансового конфликта рискуют попасть в классическую ловушку – для достижения большой цели применяются средства, которые генерируют результат, отличающийся от изначально поставленной цели. Применение финансового оружия породило наступление шторма, последствия которого находятся вне зоны эффективного контроля сил, вызвавших этот шторм. Важно, что останется после окончания шторма и конечен ли сам шторм. Пока вероятность благополучного для идеологов шторма его завершения представляется более высокой, чем вероятность разрушения существующего ландшафта мировой финансовой системы. Но будущее распределение этих вероятностей весьма неопределенно.

Конечно, в этой же ловушке уже сейчас находится Россия. Почти 25% потребительского рынка обеспечивается ресурсами, получаемыми по импорту. Курс на разрушение долларовой доминирования и перехода фактически к функционированию мирового хозяйства на основе развернутой формы стоимости, что является теоретической моделью фрагментации мировых финансов, то есть перехода к обслуживанию, по определению А. Марголина, «интересов крупных макрорегионов»¹, в пределе приведет к тому, что все страны-импортеры потребуют оплаты поставок в своих национальных валютах, о чем уже сейчас предупреждает В. Гамза (председатель совета ТПП РФ по финансово-промышленной и инвестиционной политике)². В конечном счете это резко ограничит возможности диверсификации торговых и инвестиционно-накопительных процессов. Вполне вероятно, что в итоге после длительного периода адаптации будет сформирована новая версия нынешней архитектуры мировой финансовой системы. Только ее центральным звеном будет какая-то другая национальная валюта или группа валют.

Фундаментальным результатом может стать переход мировой финансовой системы в состояние чередующихся в рамках вековых циклов финансово-экономических штормов. Такова одна из версий нового финансового устройства мира в результате «открытия ящика Пандорры», спровоцированного США, но наиболее активно продвигаемого Россией, которая объективно попала в тиски «цугцванга» – все решения вынужденны и все дефектны.

* * *

Как и любой масштабная война, разворачивающиеся ныне события в финансовой сфере не являлись желанным исходом для мировой экономики, агенты которой не только не предполагали такой сценарий, но и не верили в его реальную возможность. Максимум, на который рассчитывали «оппортунисты», к которым прежде всего относился Китай, заключался в эволюционном достижении более справедливого, лучше соответствующего реальным соотношениям экономической мощи распределения выгод от лидирования в мировой финансовой системе. Но искушение сохранения статус-кво оказалось непреодолимым. Механизм цепной реакции с неопределен-

---

¹ Долженков А., Обухова Е. Рубль идет на таран // Эксперт. 2022.

² Там же.

ными исходами был запущен. Преувеличенное представление об абсолютной мощи финансового оружия и монополии на его применение вызвало множество несправедливо оценивавшихся как временные и ограниченные по масштабам побочных эффектов в результате приведения в действие защитных мер. Эти эффекты несправедливо оцениваются как временные и ограниченные по масштабам. Во всяком случае часть из них имеет долгосрочный и глобальный характер. И хотя Россия играет в этом процессе противостояния лидирующую идеологическую роль, хаотичные атаки на существующую архитектуру построения мировой финансовой системы последовали с разных сторон. Многие агенты мировой экономики увидели свой шанс в активной игре по переустройству финансового мира. Ставки в этой игре исключительно высоки. Если для России основной целью является построение защитного финансового экрана, то, например, цель Китая – реальный передел сложившегося порядка распределения выгод от финансово-денежной монополии.

Столь же неопределенным, хотя и значительно более ограниченным во времени является торгово-логистический шторм, который очень быстро перерос отведенные ему масштабы локального ограничения «провинившегося» члена мировой торговли (России) и через нарушения балансов спроса и предложения на важнейших отраслевых рынках превратился в угрозу глобальному равновесию в ряде ключевых секторов.

Главным вопросом является следующий: сумеет ли Россия, ее финансовая и торгово-производственная системы вернуться в рамки глобального финансово-экономического функционирования после восстановления (которое займет разное время в случае денежно-финансовой и торгово-экономической подсистем) на некоем новом уровне состояний равновесия этих подсистем?

Сегодня ответить на это вопрос невозможно, как невозможно и с достаточной степенью достоверности оценить реальные последствия принимаемых вынужденных решений.

Раздел 2.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ В АТР**

2.1. Общие закономерности интеграции в АТР

ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИЯ С АТР¹

Цель интеграции. Вызовы и возможности интеграции

Основная цель интеграции для России – органичное включение в кооперационные процессы в Северо-Восточной и в целом в Восточной Азии, а через них и превращение России в активного и эффективного как для себя, так и для партнеров игрока в тихоокеанском сегменте глобальной экономической игры.

Достижение такой цели предполагает оценку как вызовов для России и ее Дальнего Востока, так и объективные возможности ответить на эти вызовы. Иными словами, речь идет о выборе оптимальной стратегии, позволяющей реализовать принцип «равновыгодности», когда баланс выигрышей и проигрышей оказывается положительным для всех участвующих в интеграции партнеров.

Понимание вызовов и трезвая оценка необходимых действий по активации возможностей – залог реальной кооперации Дальнего Востока России, а вместе с ней и всей национальной экономики в СВА и АТР в целом. Альтернативой может являться только превращение России в одну из баз снабжения сырьем стран Восточной Азии, а альтернатива Дальнего Востока – торгово-экономическое

---

¹ Минакир П.А., Леонов С.Н. Этапы и механизмы интеграции с АТР // Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007.

поглощение объединенным рынком Северо-Восточной Азии в качестве своего транспортно-сырьевого сегмента.

Вызов первый. Северо-Восточная Азия не является однородным экономическим или политическим субрегионом. Это – сложное экономико-политическое образование. Но на сегодняшний день можно сказать, что в Северо-Восточной Азии произошла дефрагментация на две части. С одной стороны – «Большая тройка» (СВА-3: Япония, Китай, Республика Корея), а с другой стороны – Россия с ее Дальним Востоком, Монголия и КНДР – «размытая периферия». В 2003 г. японо-китайский товарооборот достиг 132 млрд долл. (в 2001 г. – 89,3 млрд долл.). Взаимная торговля между КНР и Республикой Кореей за этот период увеличилась с 35,9 до 63,2 млрд долл. Объем японо-южнокорейской торговли составил 51,4 млрд долл. (в 2001 г. – 42,7 млрд долл.)¹. Хотя сравнительно с Европейским Союзом или НАФТА роль внутрорегиональной торговли в СВА пока еще не велика и находится на уровне 24–30%, в пределах «Большой тройки», она постоянно увеличивается, замыкая экономические взаимодействия рамками этих экономик². В то же время доля России в товарообороте Северо-Восточной Азии не превышает 1%. Россия должна стремиться к тому, чтобы быть не «третьей страной» для данной группировки, но полноправным участником этой интеграционной игры. Только в последнем случае как Россия, так и страны Северо-Восточной Азии получают максимальный выигрыш от экономической интеграции. Следовательно, одной из важнейших задач является поиск и анализ аргументов и оснований как для России, так и для стран СВА-3 включить Россию в процесс формирования зоны свободной торговли и последующих этапов экономической интеграции Северо-Восточной Азии.

Вызов второй. Парадокс дальневосточной экономики – из-за высоких удельных затрат выгодным является только добыча или самая первичная переработка сырья, но экспорт необработанного сы-

---

¹ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / под ред. А.Г. Гранберга; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2006. С. 633.

² Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: мат-лы выездных исследований 24 октября – 5 ноября 2005 г. / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сакава. Хабаровск: РИОТИП, 2006. С. 47.

рья подрывает перспективу экономики. В результате создалась ситуация, когда ресурсы в регионе и стране есть, но их рентабельное освоение и извлечение кооперативных выгод на международной арене – противоречат одно другому.

Вызов третий. К настоящему времени все более оформляется новая версия концепции развития Дальнего Востока России. Она заключается в широкомасштабном использовании экспорта энергетических ресурсов и транспортных услуг на основе развития инфраструктуры. Речь идет о создании магистральных коридоров для передачи в АТР и СВА российских энергоресурсов и энергопродукции, а также транзита европейской и азиатской продукции. Но главным вопросом является то, насколько эта новая специализация будет способствовать развитию экономической и социальной системы самого региона, насколько она обеспечит равноправное участие России в интеграционных группировках Северо-Восточной Азии и АТР.

Вызов четвертый определяется тем, что сотрудничество между странами АТР во многом зависит от положения на Корейском полуострове, от решения северокорейской ракетно-ядерной проблемы, от взаимоотношений между Республикой Корея и КНДР. Исключить Корейский полуостров из числа взрывоопасных зон АТР могло бы объединение двух корейских государств, но это – задача отдаленной перспективы.

К возможностям по преодолению этих вызовов относятся следующие.

Возможность первая. Использование в качестве ресурса регионального развития эффекта масштаба при эксплуатации имеющихся ресурсов углеводородов (в восточных регионах) за счет подключения спроса на энергию в странах АТР и СВА, а также инфраструктурную ренту от транспортных и энергетических межконтинентальных коридоров. Именно эта виртуальная транспортная рента должна стать потенциальным мультипликатором регионального развития.

Возможность вторая. Создание справедливой и, главное, эффективной, то есть стимулирующей системы распределения доходов от приграничного сотрудничества. Это должно стимулировать приграничные регионы и регионы, обладающие реальными абсолютными и относительными преимуществами, а также потенциально высокими оценками системной конкурентоспособности на рынках СВА, активизировать внешнеторговые и инвестиционные потоки.

Возможность третья. Федеральная власть должна взять на себя функцию активного политико-экономического лоббирования включения Дальнего Востока в восточноазиатскую интеграционную группировку. И одной из важнейших задач в этом смысле является активное лоббирование необходимости для России, а равно и для «Большой тройки» Северо-Восточной Азии (Япония, Китай, Республика Корея) включения России в процесс формирования зоны свободной торговли и последующих этапов экономической интеграции Северо-Восточной Азии. Эта геополитическая стратегия должна стать общей оболочкой всех дипломатических, экономических и военно-политических инициатив России в Восточной Азии.

Возможность четвертая связана с реализацией комплексного многофакторного подхода к межкорейскому урегулированию. Россия больше, чем какая-либо другая великая держава заинтересована в объединении Кореи как миролюбивого демократического государства, играющего самостоятельную роль на мировой арене¹. Как следствие, политические позиции Российской Федерации по корейскому вопросу должны базироваться на следующих основных принципах:

- обеспечение мира и стабильности, недопущение роста напряженности, снижении военного противостояния на полуострове;
- полное исключение распространения здесь оружия массового уничтожения, включая ядерное;
- всемерное развитие сотрудничества с Республикой Корея как важным экономическим и политическим партнером в АТР;
- развитие связей с КНДР на взаимовыгодной основе, содействие в решении ее острых социально-экономических проблем;
- приоритетное внимание к трехстороннему экономическому сотрудничеству РФ – РК – КНДР (с возможным участием других стран) в решении топливно-энергетических, сырьевых, коммуникационных и других проблем;
- координация усилий по корейской проблематике со всеми включенными в этот процесс участниками, содействие нормализации отношений КНДР с США и Японией².

---

¹ Россия и межкорейские отношения. М.: Горбачев-Фонд, 2003.

² Корейский вопрос и интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии. М.: Горбачев-Фонд, 2005. С. 14.

Сценарии формирования механизмов интеграции

Основная цель экономической интеграции российского Дальнего Востока (РДВ) в АТР, определенная как создание в перспективе единого экономического пространства с экономиками сопредельных стран и территорий Восточной Азии, обеспечила бы более эффективное распределение и использование имеющихся производственных, финансовых, технологических ресурсов для выхода РДВ на траекторию устойчивого экономического роста и повышения на этой основе уровня жизни населения.

Проблема состоит в выработке механизма интеграции Дальнего Востока в экономику АТР. При этом следует исходить из предположения, что подход, нацеленный на поиск и закрепление за российским Дальним Востоком определенных товарных ниш на рынках стран региона, является недостаточным¹.

Сценарий 1. Ориентация на экспортную экспансию на основе массового производства отдельных конкурентоспособных товаров доказала свою историческую ограниченность на примере Японии и новых индустриальных стран Восточной Азии. Существующие ограничения тем более существенны для российского Дальнего Востока с его монокультурной сырьевой специализацией. Кроме того, в настоящее время большинство стран переживает замедление темпов экономического роста и болезненные процессы структурных реформ в экономике, что делает перспективы значительного роста спроса на сырьевые товары маловероятными. Наконец, большая часть экспортных поставок с российского Дальнего Востока может быть относительно легко заменена аналогичной продукцией из других стран АТР.

Сценарий 2. Создание на РДВ благоприятного инвестиционного климата и массированное привлечение иностранных инвестиций в традиционные сырьевые отрасли, обрабатывающую промышленность и сферу услуг следует признать малореалистичным.

Очевидно, что в отношении инвестиций в добывающую промышленность российскому Дальнему Востоку уготована роль сырьевого придатка экономик АТР. В области иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность Россия и ее Дальний Восток, по-

---

¹ *Минакир П.А.* Интеграция российского Дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / под ред. Г. Витковской, Д. Тренина; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.

видимому, уже безнадежно проиграли Китаю и другим странам Восточной Азии. В течение 1990-х гг. объем иностранных инвестиций в страны зарубежного Дальнего Востока (Китай, Тайвань, КНДР, Республика Корея, Япония) возрос в 5 раз. При этом основным объемом иностранных инвестиций в эти годы приходился на «Большой Китай», Макао, Гонконг, Тайвань, Сингапур. В 2000 г. сюда поступило иностранных инвестиций в сумме 116,5 млрд долл., т. е. 85% иностранных инвестиций в Южную, Восточную и Юго-Восточную Азию. Даже в Республику Корея (которая по площади меньше небольшого по российским меркам Приморского края в 1,67 раза) только иностранного капитала было инвестировано более 10 млрд долл., т. е. в 3,8 раза больше, чем во всю огромную Россию. О «территориальном смещении» интересов инвесторов в АТР убедительно свидетельствует и то, что на всю Центральную и Восточную Европу, включая Россию, приток иностранных инвестиций составил сумму лишь в 25,4 млрд долл.

Положение осложняется чрезвычайно низкой плотностью населения на огромной территории российского Дальнего Востока, что требует дополнительных издержек как в области производства и инфраструктуры, так и в социальной сфере.

Таким образом, возможности российского Дальнего Востока развиваться в рамках модели «летающих гусей», когда те или иные производства, утрачивающие конкурентоспособность в одних странах, например в Японии, последовательно переносятся вначале в «новые индустриальные страны», затем – в страны АСЕАН и Китай, представляются крайне маловероятными.

Сценарий 3. Экономическая интеграции в формате СВА-3 при использовании России как энергической базы региональной интеграции, как связующего пространства между СВА и ЕС (транспортные коридоры) и, по возможности, как научно-технического донора региона.

При этом России важно учитывать, что сегодня СВА объективно испытывает потребность в объединении экономических ресурсов Японии, Китая и Республики Корея для решения общей задачи поддержания высоких темпов экономического роста наиболее эффективными методами и занятия выгодной позиции на глобальных рынках на фоне растущего влияния американской экономики и интеграции Европы. Быстрая трансформация Китая в рыночном направлении впервые в истории развития Восточной Азии создает реальные

основы для регионального интеграционного взаимодействия и объединения, а также может выступить катализатором интеграционных связей между Россией и КНР на двусторонней основе.

Механизмы интеграции. Основные политические и экономические форматы интеграции в АТР

Для российского Дальнего Востока механизм интеграции в АТР должен предусматривать два момента:

- взаимоотношения с федеральным центром в части организации институционального интеграционного пространства со странами АТР;
- непосредственно конкретные форматы интеграции России и российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Со стороны федерального центра комплексный подход к реализации задач интеграции Дальнего Востока с АТР предполагает предоставление дальневосточным районам Российской Федерации определенной экономической автономии при сохранении политического суверенитета России над данной территорией. Ситуация требует переосмысления и творческого применения опыта Дальневосточной Республики, существовавшей в 1918–1922 гг.¹

Несмотря на то, что имеющийся международный опыт в области функционирования разного рода специальных экономических зон к настоящему времени не содержит прецедентов распространения особого таможенного и экономического режима на столь значительную часть национальной территории, каковой является российский Дальний Восток, современные международные интеграционные процессы, о которых говорилось выше, позволяют сделать вывод, что подобный подход может быть оправданным экономически и политически.

Это особенно применимо к России, которая вследствие своей величины и огромного разнообразия природно-географических и экономических условий не может рассчитывать на одномоментное вхождение в мировую экономическую систему. В этой связи предложение о предоставлении Дальнему Востоку особого экономического статуса, который может заключаться в таможенной автономии

---

¹ Дальний Восток России: экономический потенциал / под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Хабаровск: РИОТИП, 1999. С. 60–76.

региона и создании других благоприятных предпосылок для его включения в единое экономическое пространство с сопредельными регионами других стран, в определенной степени базируется на опыте открытия внешнему миру китайской экономики. К тому же относительно небольшая доля Дальнего Востока в населении и промышленном производстве Российской Федерации позволяет, на наш взгляд, сравнительно безболезненно выделить данный регион в территории с особым экономическим статусом.

В качестве конкретных шагов российское правительство должно рассмотреть вопрос введения льготного (упрощенного) пограничного и таможенного режима в районах, прилегающих к КНР, Японии, Соединенным Штатам. В дальнейшем здесь сформируются зоны свободной торговли, после чего режим будет перенесен на всю территорию Дальнего Востока. Создание льготного таможенного и инвестиционного режима на территории российского Дальнего Востока позволит также привлечь на РДВ российские капиталы и свободные средства населения (пусть даже первоначально это будет происходить под флагом иностранного капитала), как это и происходит в свободных экономических зонах КНР, а также восточных провинциях Китая в целом.

В качестве последующих шагов по формированию единого экономического пространства российского Дальнего Востока и сопредельных территорий можно предложить постепенное ослабление ограничений на свободное перемещение капитала, услуг, технологий и рабочей силы, интеграцию энергетической и транспортной систем и т. д.

Хотя на практике идея единения Восточной Азией принята (пример Европейского союза кажется интригующим), однако ясности в вопросе о путях и этапах практической реализации идеи интеграции в регионе нет. Для каждого уровня интеграционных процессов в АТР характерны свои политические и экономические форматы интеграции, начавшие формироваться в начале или середине 1990-х гг.

На общерегиональном уровне в АТР к официальным политическим и экономическим форматам можно отнести:

- форум АТЭС, на практике служащий больше площадкой для обсуждения лидерами стран насущных экономических, а в последнее время — все чаще политических проблем и задач безопасности в АТР, чем реальным двигателем экономической интеграции;
- форум АСЕМ (Азия — Европа), объединяющий 15 стран ЕС и 10 стран Азии включая Китай, но без России и США, выступающий

своего рода интеллектуальным мостом для налаживания трансконтинентального сотрудничества между Восточной Азией и Европой;

- форум АРФ (региональный форум АСЕАН), объединяющий страны Азии, Европы, Америки включая США, Россию и Китай и фокусирующийся на обсуждении проблем региональной безопасности, не обладая при этом реальными военно-политическими структурами для их решения.

Также с начала 1990-х гг. в Восточной Азии (в большей степени в ее северо-восточной части) действуют неформальные экономические и политические форумы:

- Экономический форум СВА и экономическая конференция СВА, инициированные японским и американским частным бизнесом и обсуждающие проблемы регионального экономического сотрудничества на уровне представителей деловой и экспертной элиты. Один из главных проектов форума – Банк развития СВА.

- Инициированный Россией в 2000 г. Байкальский экономический форум. К сожалению, после хорошего старта, на котором была сформулирована концепция интеграции России в АТР и СВА, этот форум стал фокусироваться на полезных, но не первостепенных для дальневосточной и восточносибирской экономики России проблемах, например, молодежного спорта или туризма. В результате он стал терять привлекательность для стратегов восточноазиатского бизнеса и политики.

Торговые форматы интеграции

В 2002 г. была образована зона свободной торговли (ЗСТ), охватывающая шестерку основателей АСЕАН (АСЕАН-4 плюс Сингапур и Бруней). Правда, она не носит всеобъемлющего характера как географически, так и по товарной номенклатуре. Задача создания географически полноценной ЗСТ (включающей новые страны – члены АСЕАН) переносится на 2010 г., а создание полноценной зоны свободной торговли, по типу ЕС, сдвигается на 2020 г. Существуют также, как отмечалось выше, планы образования зоны свободной торговли АСЕАН с Китаем (до 2010 г.) и Японией (до 2012 г.). Причем интеграционные идеи в начале нового тысячелетия все активнее стимулируются и различного рода экономическими расчетами, показывающими, насколько выиграют страны, если выйдут хотя бы на первый интеграционный уровень – создания региональной ЗСТ. Существующие расчеты, выполненные секретариатом АСЕАН, показы-

вают, что создание зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН увеличит ВВП Китая на 0,3% и ВВП АСЕАН – на 0,9%¹.

Значительный геополитический эффект, в том числе за счет снижения влияния США в Восточной Азии, может оказать создание японо-китайско-южнокорейской ЗСТ. Из расчетов китайских, японских и южнокорейских экспертов следует, что формирование трехсторонней зоны свободной торговли в формате СВА-3 даст дополнительно 0,6 процентного пункта прироста совокупного ВВП СВА, 0,2 процентного пункта – ВВП Японии, 1,3 – Китая, 3,2 – Республики Корея².

Но Китай и Япония являются стратегическими конкурентами в производстве полупроводников, сталелитейной промышленности и некоторых других отраслях, и открытие рынков может вызвать негативные последствия для экономики КНР. Японию и Республику Корею также разделяют существенные противоречия. В частности, обе страны стремятся защитить от дешевого импорта свое не слишком эффективное сельское хозяйство и рыболовство. Не улажены также некоторые старые политические разногласия Китая и Республики Корея с Японией. Гонконгские эксперты считают, что создание ЗСТ в формате СВА-3 пока нереально, т. к. будущие партнеры слишком боятся друг друга³.

Таким образом, для Восточной Азии возможны три пути формирования соглашений о ЗСТ.

Первый – самый идеальный, это немедленное начало переговоров о создании региональной ЗСТ. Но подобный исход событий представляется маловероятным.

Второй путь состоит в том, чтобы сформировать трехстороннюю (Китай, Япония, Республика Корея) ЗСТ. Но здесь имеется трудность, которая состоит в том, что Китай избегает заключения трехсторонних соглашений, хотя он сам предлагал подобную идею в 2003 г. Еще более сложной ситуация может стать в случае подключения к этому процессу Тайваня.

---

¹ *Михеев В.В.* Восточно-Азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России. М.: Московский центр Карнеги // Рабочие материалы. 2004. № 1. С. 6.

² *The Journal of Far Eastern Affairs.* 2003. No. 2. P. 45.

³ *Леонов С.Н., Шейнгауз А.С.* Состояние и перспективы экономических связей российского Дальнего Востока и стран Восточной Азии: оценки зарубежных экспертов // *Пространственная экономика.* 2006. № 3.

Третий путь – через двусторонние соглашения между странами АСЕАН и государствами США. Сейчас в этом направлении очень активно работают Китай и Япония. Они добиваются заключения со странами АСЕАН соглашений о свободной торговле (ССТ), за счет которых намереваются еще шире открыть рынки этих стран для своей продукции.

Республика Корея не хотела бы оказаться в числе стран-аутсайдеров в этой гонке. Поэтому Республика Корея уже заключила соглашение о свободной торговле с Чили и Сингапуром. В настоящее время правительство активно прорабатывает вопросы заключения аналогичных соглашений со странами АСЕАН. Республика Корея давно выступает за то, чтобы заключить ССТ и с Китаем, и с Японией. Последние годы корейское правительство очень активно изучает эти вопросы и проводит соответствующую подготовку. Но это не простая задача, на пути к заключению соглашений о свободной торговле с этими двумя странами имеется много препятствий¹. И Япония, и Китай имеют свои особенности. Республика Корея – относительно небольшая страна по сравнению с Японией и Китаем, и при этом она еще и находится между ними. Если будет заключено соглашение о свободной торговле с Китаем, то тогда корейский аграрный сектор может сильно пострадать, а если с Японией – то под удар может попасть корейская обрабатывающая промышленность. Поэтому и в политическом, и в экономическом аспектах имеется много трудностей, которые необходимо преодолеть, прежде чем Республика Корея сможет выйти на заключение соглашений о свободной торговле с этими двумя соседними странами.

В целом подобный вариант формирования ЗСТ также может оказаться сложным, если двусторонние соглашения о свободной торговле не будут в перспективе ориентированы на конвергенцию. Все это требует разработки ряда общих принципов для региона, которые могут оказаться приемлемыми в перспективе и для всего мира.

Для Российской Федерации и РДВ этот путь может оказаться наиболее предпочтительным. Так, корейские эксперты считают, что

---

¹ Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы выездных исследований 24 октября – 5 ноября 2005 г. / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. 2006. С. 16.

для Республики Корея необходимо заключить как можно больше соглашений о свободной торговле, не ограничиваясь только Японией или Китаем. Сейчас идет подготовка к заключению подобного соглашения с США. В дальнейшем Республика Корея собирается рассмотреть перспективы заключения такого соглашения и с Россией, однако, пока РФ не является членом ВТО, и это является сдерживающим фактором. Но после официального вступления РФ в ВТО этот вопрос станет актуальным, для чего обе стороны должны организовать соответствующую подготовку и провести совместные исследования.

Финансовые форматы интеграции

Фактически финансовое взаимодействие стран Восточной Азии стартовало с начала 1990-х гг. Его первым результатом стало подписание между центральными банками 11 государств соглашений РЕПО, по которым страна в случае финансового кризиса могла обменять имеющиеся у нее ценные бумаги американского казначейства на доллары США в Центробанке другой страны – участницы данного соглашения. Всего в середине 1990-х гг. было заключено семь таких соглашений в многостороннем и двустороннем форматах¹:

- Индонезия, Малайзия, Таиланд, Гонконг, Австралия (1995 г.);
- Сингапур и Индонезия (1995 г.);
- Гонконг и Филиппины (1996 г.);
- Китай и Гонконг (1996 г.);
- Япония, Австралия, Гонконг, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд (1996 г.);
- Республика Корея, Австралия, Япония, Гонконг и Сингапур (январь 1997 г.);
- Гонконг и Новая Зеландия (март 1997 г.).

Параллельно с этим страны АСЕАН предприняли попытку создать еще один региональный защитный механизм против атак международных валютных спекулянтов. В марте 1997 г., незадолго до обвала тайландского бата (июль 1997 г.), Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд заключили «Соглашение СВОП» (ASA – ASEAN Swap Arrangement), согласно которому центральный банк страны, оказавшейся в кризисе, мог обменять в центробанке

---

¹ The Journal of East Asian Affairs. 2003. No. 1. Pp. 123–124.

другой страны – участницы соглашения национальную валюту на доллары США с обязательством обратного выкупа своей валюты через определенное время. Этот механизм, однако, не удалось опробовать на практике в момент азиатского финансового кризиса, поскольку страны АСЕАН смогли коллективно мобилизовать лишь 200 млн долл. под «Соглашение СВОП», чего оказалось совершенно недостаточно для выравнивания финансовой ситуации, требовавшего многомиллиардных затрат.

Другим, более прагматичным направлением финансовой интеграции, относящимся уже к субрегиону Северо-Восточной Азии, является поиск источников финансирования крупных инфраструктурных и энергетических проектов. В отличие от стран АСЕАН, заимствующих из Азиатского банка развития, для экономики СВА ресурсов этого банка явно недостаточно. В таких условиях в 1989 г. появилась идея основания в СВА специализированной финансовой организации, впервые обсуждавшаяся на международном семинаре в Пекине, организованном Институтом тихоокеанских проблем Китая и американским научным центром «Восток – Запад» (Гонолулу).

В сентябре 1991 г. на 2-м Экономическом форуме Северо-Восточной Азии в Тяньцзине (Tianjin, Китай) бывший премьер-министр корейского правительства Дак Ву Нам (Duck Woo Nam) выступил с конкретным предложением об основании Банка развития, получившего наименование North East Asian Development Bank (NEADB).

Для разработки его технико-экономического обоснования центр «Восток – Запад» образовал исследовательскую группу под руководством бывшего главного экономиста Азиатского банка развития (АзБР) Б. Кэмпбела (Burnham O. Campbell) и профессора Международного университета Японии Х. Каказу (Hiroschi Kakazu). Финансирование проекта взяла на себя Объединенная научно-промышленная ассоциация Кореи. Предварительные результаты были оглашены в 1993 г. на 4-м Экономическом форуме СВА в Енпене¹.

Впоследствии, после кончины Б. Кэмпбела, руководителем исследовательского коллектива был назначен С. Кац, ранее занимавший пост вице-президента АзБР, выдвинувший детальный проект

---

¹ *Campbell J., Burnham O. Financial Cooperation in Northeast Asia: An Overview of the Case for a Northeast Asian Development Bank // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. 1993.*

NEADB¹. На основе проекта был создан временный международный комитет по формированию NEADB.

Банк развития СВА (БРАСВА) должен заимствовать долгосрочные кредиты на мировых финансовых рынках путем выпуска облигаций и предоставлять собранные средства в виде долгосрочных кредитов на нужды в первую очередь транспортных и нефтегазовых проектов.

Уставной капитал банка, по проекту С. Каца, должен был составить 20 млрд долл. (50% – оплачиваемый в течении 5 лет, и столько же – гарантируемый, или вызываемый капитал). Это позволило бы направлять 2–3 млрд долл. в год на займы и инвестиции. В определении размеров уставного капитала использовался тот же принцип, что и при формировании АзБР – 0,5% национального дохода стран региона. В том же году капитал АзБР равнялся 23 млрд долл., а Африканского банка развития – 21 млрд долл. В структуре уставного капитала предлагалось выделить 3 части – 40% на шесть стран СВА, 20% на другие страны Азии и 40% – на остальные страны. Наибольшим акционером должна была стать Япония (15% или 3 млрд долл.), Китай (10%), Россия (7%), Республика Корея (5%), КНДР (2%) и Монголия (1%). Участие США предполагалось в размере 10%, по аналогии с ЕБРР².

Цель деятельности БРАСВА – содействие экономическому развитию стран и регионов Северо-Восточной Азии на основе их взаимного сотрудничества. Банк работает на коммерческой основе. Проекты Банка представляют интерес более чем для двух стран и предполагают инвестирование, кредитование и предоставление гарантий для развития и расширения внутрорегиональной торговли. Проекты, как правило, предлагаются частными предприятиями и направлены на формирование материальных, интеллектуальных, финансовых и других основ деятельности частного сектора (в том числе на создание инфраструктуры при условии приемлемой окупаемости). Приоритетным направлением является реализация проектов на стыке частного и общественного секторов экономики.

---

¹ Katz S.S. The Role of a Northeast Asian Development Bank in Northeast Asia's Future Development // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. 1999.

² Белов А.В. К созданию банка развития Северо-Восточной Азии: возможные пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2002. № 3/4.

Деятельность БРАСВА ориентирована на 3 провинции Северо-Восточного Китая и китайский район Внутренней Монголии, КНДР, часть территории Монголии, находящуюся к востоку от монгольской железной дороги, Забайкалье и Дальний Восток России. При осуществлении транспортных и энергетических проектов, имеющих большое международное значение, сфера деятельности может быть расширена на всю территорию Монголии, Восточной и Западной Сибири, Республики Корея и Японии.

БРАСВА сможет предложить несколько видов уникальных услуг.

Во-первых, финансирование проектов частного сектора в Северо-Восточной Азии (Мировой банк и Азиатский банк развития не объединяют всех стран СВА, не проявляют достаточного интереса к финансированию субрегиона, и, наконец, работают преимущественно в общественном секторе экономики, а значит не имеют необходимого опыта осуществления частных проектов).

Во-вторых, принятие на себя части риска по проектам, которые не реализуются частным сектором из-за неясных коммерческих перспектив (в ряде случаев применение ограниченных ресурсов банка развития дает возможность привлечь многократно превышающие их объемы частных инвестиций).

В-третьих, осуществление совместных проектов предприятия частного и общественного секторов (роль БРАСВА состоит в организации взаимодействия двух сфер экономики, поиске средств государственной поддержки, разработке финансовых схем использования государственных фондов, призванных сделать проект коммерчески-привлекательным для частных предприятий).

В-четвертых, обеспечение координации проектов и политики развития СВА (формирование многосторонней межгосударственной организации, как было отмечено, затруднено по политическим причинам, банк позволит обойти это ограничение).

Создание БРАСВА позволит сформировать не имеющую аналогов финансовую организацию, главным экономическим результатом которой станет мультипликация эффекта развития субрегиона за счет: 1) выполнения проектов, лежащих на пересечении частного и общественного секторов экономики, 2) привлечения частного капитала в значительно больших масштабах по сравнению с собственными банковскими ресурсами, 3) координации работы существующих

международных и национальных, двусторонних и многосторонних, частных и государственных структур.

К идее создания банка проявляют большой интерес частные финансовые институты США, Японии и Республики Корея. Однако они нуждаются в своего рода политическом сигнале, который должен поступить от правительств стран СВА. Для России особо важно то, что Банк развития СВА в отличие от многих других многосторонних восточно-азиатских начинаний предусматривает ее участие, поскольку значительная часть привлеченных средств, как предполагается, будет инвестироваться именно в российские природные ресурсы и инфраструктуру. При этом РФ следует прежде всего оказать политическую поддержку интеграции в СВА в целом и конкретно – идее создания Банка развития СВА. Необходимо формирование и активная деятельность национальной рабочей группы с участием представителей администрации президента, правительства, Федерального Собрания, Дальневосточного федерального округа и профильных научно-исследовательских институтов и подготовка ТЭО и бизнес-планов в рамках предполагаемого участия России и осуществление мер, необходимых для внесения ее доли в уставный капитал банка.

Энергетические форматы интеграции

В настоящее время в СВА и в целом среди стран Восточной Азии все активнее рассматриваются возможности формирования энергетической безопасности на базе региональной системы сотрудничества на рынках нефти и природного газа, других транспортабельных энергоресурсов, в сфере развития новых технологий и возобновляемой энергии, оснащенной встроенными стабилизаторами: диверсифицированными и взаимодополняемыми трансграничными связями, мощностями, ресурсами, гибкой инфраструктурой. Россия в лице Дальневосточного региона, а также тяготеющих к СВА территорий Сибири могла бы играть в такой региональной системе роль одного из факторов стратегической надежности и безопасности поставок энергоресурсов в СВА.

Идея многостороннего энергетического сотрудничества в Северо-Восточной Азии, причем предпочтительно на базе создания Банка развития СВА, выглядит весьма естественной. И для своего претворения в жизнь она требует формирования соответствующих институтов, которые, как и в сфере финансовой интеграции, обеспе-

чивали бы формирование согласованных условий, этапов, финансовых фондов и механизмов реализации энергетических проектов в Восточной Азии.

Одним из таких институтов мог бы стать Стратегический резервный нефтяной фонд СВА¹ с участием России, Китая, Японии и Республики Корея. Идея этого фонда состоит в следующем: Япония, Республика Корея и Китай, инвестируя разработку нефтегазовых месторождений Сибири и Дальнего Востока России, создают вместе с Россией стратегические запасы нефти, которые задействуются в случае резких скачков мирового производства нефти и цен на нефть на мировом рынке. Тем самым соседи России по СВА защищают себя от непредсказуемых политических событий на Ближнем Востоке, а Россия получает возможность привлечения стратегических долгосрочных инвестиций в азиатскую часть своей экономики.

Транспортно-производственные форматы интеграции

Перспективы экономического роста российского Дальнего Востока сопряжены как с упрочением его роли в российской экономике, так и с более интенсивным включением в интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с осуществлением ряда масштабных проектов развития транспортной инфраструктуры региона. Наиболее масштабным является проект межконтинентального моста между Северо-Восточной Азией и Европой через территорию России. Исходным и ключевым моментом этого проекта должно стать воссоединение Транскорейской железной дороги и ее состыковка с Транссибом.

Межконтинентальное железнодорожное сообщение будет иметь несомненные экономические преимущества перед морским маршрутом через южные моря, по которому ежегодно перемещается из Восточной Азии в Западную Европу и обратно более 12 млн контейнеров с грузами (в 20-футовом измерении). На одну треть сократится время грузов в пути, и соответственно уменьшатся транспортные издержки.

На престиже южного морского пути негативно сказывается сложная политическая обстановка на Ближнем Востоке. Крупные

---

¹ *Михеев В.В.* Восточно-Азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2004. С. 12.

азиатские компании серьезно озабочены безопасностью перевозок и заинтересованы в альтернативных маршрутах.

Восстановление Транскорейской железной дороги и создание выхода на российскую Транссибирскую магистраль – не только экономическая, но и политическая проблема. Ее успешное решение зависит от состояния отношений между двумя корейскими государствами и, в свою очередь, может оказать серьезное положительное влияние на эти отношения.

Один из вариантов восстановления Транскорейской железной дороги и ее соединения с Транссибом – «западный» – от Пусана через Сеул и Пхеньян к китайскому Шеньяну и далее с выходом на Транссиб в районе Читы. «Восточный» маршрут пролегает по восточному побережью Корейского полуострова от Пусана до свободной экономической зоны «Раджин – Сонбон» (КНДР), пересекает российскую границу в районе Хасана, где и соединяется с Транссибом.

Оба варианта предполагают основательную реконструкцию примыкающих к трассе автомобильных дорог и всей инфраструктуры на Корейском полуострове, в России, а при первом варианте – и в Китае. Странам предстоит также совместно разработать соглашения по тарифам на перевозку, страхованию грузов и международным железнодорожным операциям.

«Западный» вариант транспортного моста из АТР в Западную Европу дешевле и конкурентоспособнее в части транзитных перевозок. Но есть весомые аргументы и в пользу «восточного» варианта: меньшее число пересечения государственных границ и связанных с этим процедур, расширение возможностей загрузки трансконтинентального моста за счет лучшего использования портовых возможностей российского Дальнего Востока¹.

Но главное – «восточный» вариант лучше вписывается в общий контекст процессов экономической интеграции в АТР, освоения огромных природных богатств российского Дальнего Востока. Модернизация и развитие транспортной инфраструктуры субрегиона могли бы придать мощный импульс этому процессу в интересах не только России, но и всех сопредельных государств.

При этом заслуживает внимания и более широкая трактовка рядом исследователей идеи межконтинентального моста между За-

---

¹ Корейский вопрос и интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии. 2005. С. 23–25.

падом и Востоком Евразии. Речь идет о комплексном использовании территории России, ее воздушного и космического пространства, а также Северного морского пути для создания на евразийском континенте современной системы коммуникаций с развитой инфраструктурой. Объективно в этом проекте заинтересованы как европейские государства, так и всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

С целью создания условий для «улавливания» части дополнительных доходов у партнеров по СВА, то есть для перераспределения мультипликативного эффекта в пользу Дальнего Востока России, необходимо дополнить концепцию транснациональных транспортно-энергетических коридоров концепцией формирования промышленно-сервисных дуг в южной части Тихоокеанской России.

Фактически речь идет о реализации давней концептуальной идеи создания на тихоокеанском побережье России экономической «контактной зоны» с сопредельными экономиками Северо-Восточной Азии. Такие дуги географически опираются на мощные промышленно-логистические и сервисные узлы: Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Уссурийск, Владивосток, Находка. Эти дуги являются естественной географической осью размещения локальных свободных экономических зон¹.

При условии создания комфортной институциональной среды, системы эффективных институтов появится реальная возможность превратить эти промышленно-сервисные дуги в своеобразный фильтр, который будет поставлен на пути транспортных и энергетических потоков. Этот фильтр будет преобразовывать часть экспортных потоков в продукцию и услуги, которые будут в свою очередь в значительной части экспортироваться в Северо-Восточную Азию, принося повышенный доход в самом регионе.

Тогда удастся использовать общую идею формирования транспортно-энергетической инфраструктуры международного экономического сотрудничества для увеличения фонда накопления в самом регионе. В этом случае огромные вложения в создание и поддержание инфраструктуры на востоке России будут давать отдачу не только крупным корпоративным агентам в России и их азиатским парт-

---

¹ *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика.* 2005. № 4.

нерам, но и восточные субъекты Российской Федерации получают реальный мощный стимул развития.

Создание справедливой и, главное, эффективной, то есть стимулирующей, системы распределения доходов от приграничного сотрудничества должно стимулировать приграничные регионы и регионы, обладающие реальными абсолютными и относительными преимуществами, а также потенциально высокими оценками системной конкурентоспособности на рынках СВА, активизировать внешнеторговые и инвестиционные потоки. Реально создать в центрах промышленно-транспортных дуг и свободных экономических зонах «институциональные ловушки», предоставив привлекательные инвестиционные условия, создав гарантированные законом зоны развития туризма и развлечений. Важно только иметь в виду конечную цель – аккумуляцию доходов на территориях. Важно только не попасть в ловушку глубокомысленных псевдогосударственных рассуждений типа «нельзя, потому что закона нет, или тем, что есть, противоречит». Речь идет о создании ситуационной законодательной базы, ориентированной не на абстрактные либеральные ценности, а на конкретные проблемы конкретного региона и конкретные национальные интересы интеграции России и ее крупнейшего Дальневосточного региона в АТР.

Организационные аспекты интеграции

Следует выделить несколько первоочередных политических и организационных решений, которые необходимо принять для активизации процесса интеграции российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион.

1. Создание консультативного Комитета «Северо-Азиатской четверки» (Япония, Китай, Республика Корея, Россия) по определению формата и условий участия России в интеграционных процедурах и соглашениях в СВА с конечной целью создания единого экономического пространства (первоначально – зоны свободной торговли с последующим ее расширением до общего рынка четырех стран).

2. Создание межгосударственной структуры для учреждения и развития общей финансовой инфраструктуры СВА в части реализации идеи банка экономического развития для СВА, для обеспечения координации макроэкономической и финансовой политики стран региона.

3. Создание межгосударственной Комиссии для разработки условий и механизмов создания интегрированных рынков энергоресурсов, электроэнергии, основных видов биологического и минерального сырья в регионе.

4. Специальным институтом по развитию ресурсной и транспортной инфраструктуры интеграции в СВА, работающим в координации с Банком развития СВА, мог бы стать Совет по развитию транспорта СВА. Аналогично следует сформировать Совет СВА по субрегиональной научно-технической политике.

5. Целям институализации миграционной политики отвечает создание регионального Совета по управлению трудовыми ресурсами СВА. Этот орган вырабатывал бы правила и квоты миграции рабочей силы в пределах СВА и осуществлял контроль над нелегальной миграцией.

6. Создание межгосударственного комитета, в задачу которого входила бы оценка состояния и разработка предложений по формированию общего инвестиционного пространства в СВА, при условии обязательного согласования институциональных условий инвестирования и функционирования предпринимательства в странах-членах.

Впоследствии названные институты могли бы стать основой для формирования единого интеграционного пространства в Северо-Восточной Азии, а на его основе, через вовлечение наиболее подготовленных стран АСЕАН, – и Восточно-Азиатского сообщества. Работая на принципах мобилизации глобальных ресурсов для решения региональных проблем, сообщество исключило бы возможность превращения данной группировки в замкнутый ущемляющий интересы других участников глобальной экономики союз.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В АТР¹

В сентябре 2012 г. будет проходить очередная встреча лидеров стран, которые входят в АТЭС, и Россия является председателем на этой встрече. Страна имеет уникальные возможности для того, чтобы, во-первых, явно заявить о своих позициях, своих приоритетах в АТР, и, во-вторых, чтобы продемонстрировать всем странам – членам АТЭС и, собственно говоря, всей глобальной системе, что же все-таки Россия хочет от АТЭС, что Россия намерена делать в АТР. Это вопросы, которые постоянно возникают на всех уровнях сотрудничества в течение многих лет. Со времени вступления России в АТЭС шел процесс подготовки ответов на эти вопросы, и надо признать, что подошел час, когда они должны быть выложены на стол и явно предъявлены мировому сообществу. Это даст возможность понять, что может Россия как председатель АТЭС в этот период предложить в качестве своего вклада в развивающийся процесс субглобальной интеграции в АТР.

Пока эта позиция не слишком ясна, кроме обозначения очевидных прагматических аспектов взаимодействия: наращивания экспорта углеводородов, участия в транспортных проектах ради получения коммерческой выгоды, налаживания двусторонних торговых и институциональных связей.

Эти задачи, строго говоря, могут быть решены и без такого высокого политического уровня, как форум АТЭС. Для этой организации требуется обозначение конкретных позиций по стратегическим проблемам. Важнейший вопрос – есть ли у России реальный интерес в АТР или его нет? Если да, то ответ должен быть если не формализован, то, по крайней мере, структурирован и озвучен. Если нет, тогда надо объяснить самим себе четко и ясно, почему его нет или почему его не может быть.

Первое, что кажется здесь важным, это в какой ситуации, реальной, а не выдуманной, находится сегодня Россия. И будет находиться некоторое ближайшее время.

С одной стороны, страна находится сегодня с экономической точки зрения практически в состоянии конфронтации с объединенным европейским рынком, который консолидированно противостоит

---

¹ *Минакир П.А.* Интеграционные проблемы России в АТР // *Пространственная экономика.* 2012. № 2.

России. Противостоит не в абсолюте, а противостоит в том смысле, что этот консолидированный рынок, огромный по емкости и динамичный в перспективности, совершенно удовлетворен нынешним положением России как внешнего поставщика сырьевых ресурсов. Эта позиция всех устраивает. Более того, в организации деятельности на европейском направлении это устраивает и саму Россию. Потому что с прагматической точки зрения, как представляется, и российский бизнес, и российское руководство прекрасно понимают, что есть реалии, переломить которые при той структуре производства, которая существует, при сложившихся параметрах издержек и т. д. нереально, поэтому надо выжать максимум возможного из этого рентного сотрудничества с Европой.

С другой стороны, России противостоит на Востоке формирующийся консолидированный рынок АТР. Вполне вероятно, что через 5–15 лет Россия окажется в положении третьей страны и по отношению к европейской консолидированной рыночной структуре, и по отношению к восточноазиатской консолидированной рыночной структуре. То есть, Россия будет зажата как сырьевой поставщик, поставщик первичных товаров и услуг, включая транспортные услуги (они тоже первичны), между двумя консолидированными интегрированными рынками.

Возникает дилемма: либо Россию это устраивает, либо Россия хочет стать одним из активных глобальных игроков, то есть включиться в какую-то консолидированную команду. Включиться в команду «Европа» уже нельзя, ни сегодня, ни в будущем. Можно ли включиться в команду «АТР»? Это большой вопрос. В принципе можно, поскольку это еще не замкнутое образование. Европа уже замкнулась, а в АТР экономическое пространство еще только формируется. Но оно уже формируется без участия России.

Ответ на поставленный вопрос зависит от того, есть ли у России, как у государства, как экономики, четкий перспективный план, как стать реальным членом формирующейся восточноазиатской рыночной группировки ради того, чтобы прорвать эту изоляционистскую глобальную модель, которая выстраивается для России.

Кроме того, необходимо продемонстрировать не только интересы, которые имеет Россия в АТР, но и ее возможности в регионе.

Показать это можно не только самим фактом проведения форума АТЭС во Владивостоке, а реальностью экономической стратегии и ясным представлением механизмов развития Дальнего Востока

ка. Очевидно, что развитие этого региона следует рассматривать как создание реального экономического, гуманитарного, транзитного модуля для встраивания России в новую глобальную рыночную группировку в Восточной Азии. Если Россия хочет быть участником в общей азиатской экономической среде, то может это сделать только через Дальний Восток. Подчеркнем, Дальний Восток – это не просто транзитный коридор для транспортировки ресурсов, но именно модуль взаимодействия, который имеет общие гуманитарные, структурные, институциональные, инвестиционные параметры с окружающей средой Восточной Азии. Это обеспечит функционирование экономики Дальнего Востока как части России, но одновременно она будет частью хозяйственной системы Восточной Азии.

Это чрезвычайно важно. Если действительно ставится задача войти в экономическую группировку, активно влиять на решения, которые в АТР принимаются и реализуются, необходимо формирование институциональных условий для этого. Для этого необходимо, чтобы действующие здесь правила и институты имели некую единую и понятную платформу, чтобы российские партнеры, как игроки на консолидированном рынке, были понятны другим игрокам, то есть работали с ними по одинаковым правилам.

Именно с этих позиций нужен трансформатор, который обозначается термином «модуль взаимодействия». Сколько бы ни говорилось о том, что Россия интегрируется с Азией и хочет войти в Восточную Азию, она не сможет органично вписаться в те обычные схемы и институты, которые работают на пространстве Восточной Азии без специальной инфраструктуры. Европейский менталитет и те возможности, которые есть в распоряжении России, все-таки значительно более формализованы, чем арсенал, имеющийся в распоряжении стран АТР. Это ни хорошо и ни плохо, это просто другая система взаимодействий. Если не будет сопряжения институтов и мотиваций, то ничего из планов по интеграции России и АТР не будет реализовано. Поэтому первостепенная задача – организовать сопряжение формализованных, жестких, часто излишне жестких, институтов взаимодействия мотиваций России с той рыхлой, часто неформальной системой, которая существует в Восточной Азии. Одной из сложностей интеграции являются культурные барьеры, но это не только язык. Это – разное мировоззрение, разные мотивы поведения, разные стереотипы реакций на одни и те же ситуации, различная организация сетевых институтов, которые необходимо преодолевать.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ НОВОЙ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ¹

После начала украинского политического и экономического кризисов, породивших эшелонированные во времени и распространенные в пространстве финансово-экономические, спросовые и технологические внешние шоки для российской экономики, одной из реакций российских политических и экономических властей стала концепция «поворота на восток». Речь шла первоначально о смене приоритетов в торгово-экономическом сотрудничестве с зарубежными странами. Секторальные санкции фактически перекрыли частично доступ к товарным и ресурсным рынкам, заблокировали отчасти технологические обмены и почти полностью заморозили финансовые заимствования на атлантическом направлении.

На самом деле основания для того «поворота» появились значительно раньше, чем начался украинский кризис, а причины коренились не в санкциях, а в изменении величины потенциала экспортной ренты в будущих периодах. После кризиса 2008–2009 гг., несмотря на восстановление уровня экспортных цен по основным ресурсным позициям российского экспорта, динамика экспортных доходов страны не восстановилась по сравнению с докризисным уровнем, хотя масштабы экспортной ренты восстановить удалось. Конкуренция в основном на европейских рынках по основным позициям российского экспорта (сырая нефть, нефтепродукты, природный газ, металлы и металлопрокат) становилась все более жесткой. Это не могло не сказаться на стремлении модернизировать стратегию внешнеэкономического сотрудничества, которая с начала 2000-х гг. являлась и продолжает являться основным, если не единственным, источником экономического роста в России. Запустить механизм эндогенного роста после 2009 г. не удалось².

---

¹ *Минакир П.А.* Геостратегические константы новой азиатской политики России // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: мат-лы международной научной конференции (4–5 декабря 2019 г.; Хабаровск) / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020.

² *Минакир П.А.* Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика*. 2018. № 1.

В этих условиях введение финансово-экономических и технологических санкций, усугубленных российскими контрсанкциями, направленными в основном на сокращение оборотов с европейскими рынками, не могли не поставить на повестку дня вопрос о поиске нового полигона для аккумуляции экспортной ренты. Таким полигоном представлялся восточноазиатский рынок, который в официальной фразеологии чаще именовался как рынок стран АТР¹. При этом в основном подразумевался китайский рынок, учитывая феноменальный рост китайской экономики и прогрессирующую концентрацию в Китае центров формирования и конечной сборки глобальных производственных цепочек, что гарантировало в перспективе не только поддержание темпов роста, но и расширение спроса с появлением новых относительно свободных ниш для встраивания нетрадиционных контрагентов, к числу которых как раз и относилась Россия.

Конечно, уже тогда Россия столкнулась с необходимостью нахождения ресурсов и определения механизмов выхода из так называемой гравитационной ресурсно-экономической ловушки, которая сформировалась исторически и характеризуется очень простой формулой: максимальная плотность экономической деятельности и соответственно расселения связаны с западно-ориентированными на европейский рынок районами России (*рис. 1*); максимальная плотность ресурсной базы связана с восточными и дальневосточными регионами, которые не обладают достаточным экономическим и человеческим капиталом для эффективного использования и рентабельного перераспределения этих ресурсов в восточном направлении².

Для выхода из этой ловушки необходимо осуществить либо общенациональный маневр в области расселения и передвижки мобильных видов деятельности на новые восточные территории, создав там финансово-экономическую и инфраструктурную базу для общего сдвига пространственной экономической системы на восток, либо создать новую систему магистральных экспортных инфраструктурных коридоров для переброски приносящих основную экспортную

---

¹ Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4.

² Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017.

ренту природных ресурсов на восточноазиатские рынки. Однако и в последнем случае развитие одних только инфраструктурных коридоров для преодоления выше упомянутой ловушки недостаточно, так как приведет к формированию рынка монополии для российских ресурсных отраслей в Восточной Азии. То есть до полного преодоления эффекта ловушки все равно необходимо было предпринять определенные усилия и осуществить хотя бы ограниченные финансово-экономические меры в пользу восточных районов России.

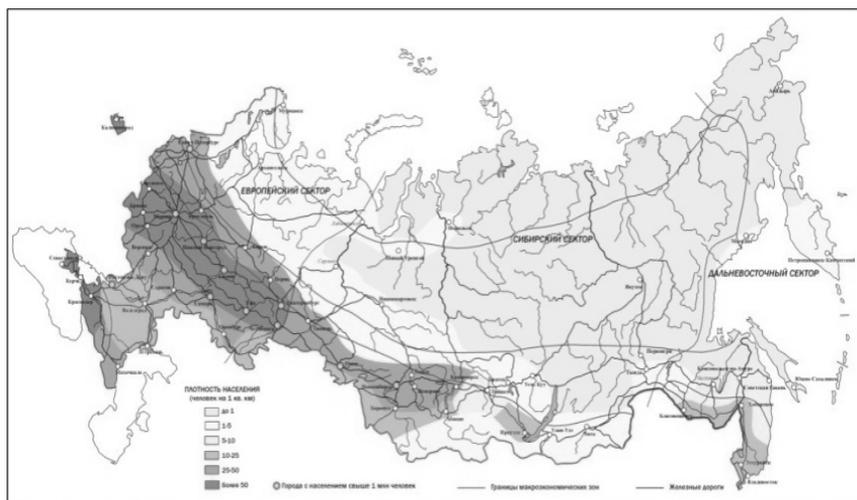

Рис. 1. Гравитационная ресурсно-экономическая ловушка

Как показала практика, опасения относительно устойчивости гравитационной ресурсно-экономической ловушки и отсутствие достаточных экономических и людских ресурсов для ее преодоления были справедливы. Хотя некоторые успехи в смысле изменения структуры торгово-экономических связей были зафиксированы (например, за 2010–2018 гг. доля внешнеторгового оборота России со странами АТР увеличилась почти на 10 п. п.), но эти успехи были связаны со снижением торгово-экономической активности на западном направлении.

При этом нужно отметить, что кроме некоторого увеличения доли внешнеторгового оборота других существенных изменений в географической структуре внешних взаимодействий РФ практически

не произошло. Слабость производственной базы восточных районов России, а также гравитационный барьер, действующий для западных и южных регионов страны, не позволили интегрироваться в производственно-технологические цепочки в Восточной Азии. В области инвестиционных взаимодействий участие восточноазиатских экономик в течение всего периода после 2010 г. оставалось минимальным, некоторым исключением являлись проекты сахалинского шельфа, однако даже с их учетом прироста прямых иностранных инвестиций с восточного направления не происходило¹. Надежды на переориентацию финансовых заимствований на восток, использование восточноазиатских финансовых рынков также не оправдались в связи с тем, что, финансовый потенциал азиатских экономик, во-первых, недостаточно велик в номинальной величине, а во-вторых, находится под плотным контролем США.

Предпринятые локальные усилия по наращиванию экономического потенциала дальневосточных регионов не привели к существенным сдвигам в размещении экономического потенциала страны и не создали до настоящего времени ощутимых возможностей для производственно-технологической интеграции с восточноазиатскими экономиками.

К 2018 г. концепция «поворота на Восток» была несколько конкретизирована и может формулироваться сейчас как «новая азиатская политика России», базирующаяся не только на торгово-экономических, финансовых и технологических ожиданиях, но и включающая в себя элементы геополитического характера. Эту модифицированную политику можно в общих чертах выразить как: 1) установление нового геополитического и военно-политического равновесия; 2) выход из гравитационной ресурсно-экономической ловушки; 3) геостратегическое переключение на новый источник внешней ресурсной ренты. Следовательно, главным отличием от политики «поворота на Восток» является именно стремление обеспечить за счет «восточного» маневра восстановление геополитического, а возможно, и военно-политического баланса.

Предположение о том, что в результате сдвига внешнеэкономических и военно-политических взаимодействий с запада на восток

---

¹ Минакир П.А., Суслов Д.В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3.

возможно быстро и самое главное кардинально решить проблему обеспечения экономической и геостратегической безопасности страны с учетом реально сложившегося баланса сил и ресурсов «в ядре» глобальной военно-экономической системы, представляется преувеличенным. Это ядро к настоящему времени образует три мощных геоэкономических блока (рис. 2), обладающих примерно одинаковыми экономическими потенциалами, хотя и различающимися потенциалами технологического и финансового могущества.

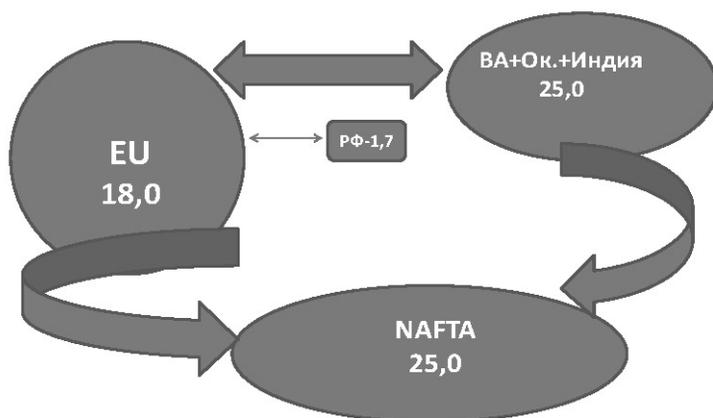

Рис. 2. Геостратегические экономические блоки, трлн долл. США

Между этими блоками осуществляется тесное взаимодействие, прежде всего, в торгово-экономической сфере, что означает наличие высокой взаимозависимости этих блоков друг от друга. События разворачивающихся в настоящее время торгово-экономических войн между североамериканским, европейским и азиатско-тихоокеанским блоками не опровергают, а напротив, подтверждают это утверждение. С этой точки зрения реальный дрейф российской экономики, размер которой на порядок уступает любому из вышеназванных блоков, представляется скорее теоретической концепцией, чем реальной возможностью.

Примерно такой же вывод можно сделать относительно геополитических и военно-стратегических маневров по направлению «запад – восток». В этом отношении Россия также находится в ситуации весьма ограниченного количества степеней свободы в выборе политических и военно-стратегических союзов. Правда, единственным действительно консолидированным блоком, противостоящим России

в политической и военной сфере, является только объединенный американско-европейский Североатлантический альянс (рис. 3). Азиатско-Тихоокеанский регион представляет из себя в политическом и военном отношении неоднородное образование, в котором выделяется Китай, с одной стороны, придерживающийся осторожного нейтралитета, а с другой стороны, опасющийся чрезмерного политического и военного сближения с Россией, так как это является потенциальной угрозой нарушения торгово-экономических взаимодействий в рамках глобальной гео-экономической структуры. Остальные страны АТР либо являются фактическими союзниками Североатлантического альянса, либо тяготеют к нему в связи с опасениями, связанными с виртуальной угрозой со стороны Китая и китайско-российской военно-политической связи.

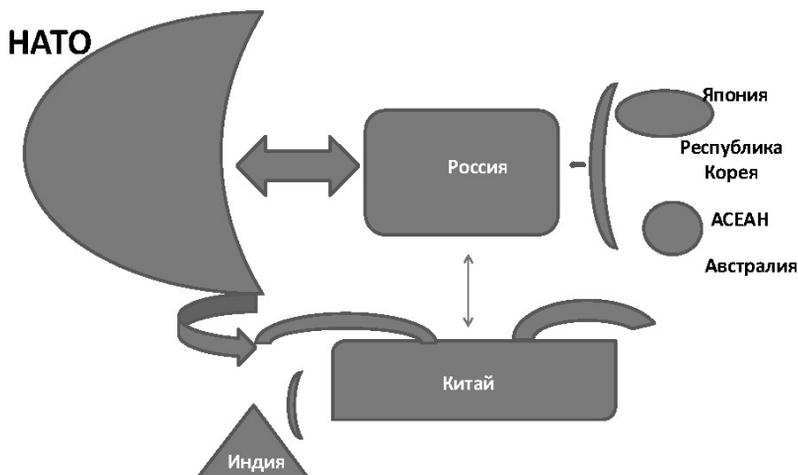

Рис. 3. Геостратегическое военно-политическое позиционирование

Резюмируя, следует сказать, что даже после расширения политики «поворота на восток» и достройки ее политическими и военно-экономическими блоками, политика, ориентированная на национальный геоэкономический маневр, даст ожидаемые результаты, скорее всего, в основном только по геоэкономическому вектору, опираясь на возможные глобальные инвестиционные и инфраструктурные проекты, выгодные даже не столько России, сколько странам Восточной Азии, в первую очередь, Китаю и Республике Корея.

2.2. Экономическая интеграция в СВА: форматы взаимодействий

СТРАТЕГИЯ ОТКРЫТОСТИ И РЕФОРМА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КНР: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА¹

Неэффективность автаркичной организации общественного хозяйства была доказана результатами социально-экономического развития самого Китая, в особенности несоразмерно высокой оценкой альтернативных потерь в терминах показателей общественного благосостояния по сравнению с окружающими странами Восточной Азии. Показанная Я. Корнаи неизбежность формирования дефицитной экономики на основе командно-централизованной системы критериев распределения ресурсов и формирования потребительских предпочтений и производственных технологий² была с особенной яркостью проиллюстрирована в китайских условиях.

Поэтому после смерти Мао Цзэдуна одним из важнейших слагаемых нового курса в развитии страны, который формально явился продолжением традиционной для послевоенного Китая общественной ориентации на строительство социализма с китайской спецификой, стало формирование политики «открытости внешнему миру». В действительности это был не просто новый нюанс хорошо извест-

---

¹ *Минакир П.А., Горюнов А.П.* Стратегия открытости и реформа внешней торговли КНР: политика и экономика // Китай в диалоге цивилизаций. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

² *Корнаи Я.* Дефицит. М., 1990.

ной политики. Была поставлена задача коренной модернизации содержания всей общественно-экономической стратегии и организации при сохранении формы, в которой эта стратегия реализовывалась.

Задача заключалась не просто в расширении внешнеэкономических связей или в диверсификации форм привлечения внешних ресурсов для модернизации национальной экономики. Реальной проблемой являлось обеспечение на основе использования принципиально новых для Китая способов сотрудничества конкурентоспособности китайской экономики на международном рынке. Одно это должно было превратить экономику страны из самодостаточной, но предельно дефицитной замкнутой системы, тщетно пытавшейся обеспечить удовлетворение потребительского и производственного спроса за счет собственных ресурсов, в экономику «открытого типа». Именно открытие экономики должно было стать толчком к созданию конкурентной экономики внутри страны, тем самым кардинально изменив механизм и критерии распределения ресурсов и формирования потребительских предпочтений и производственных технологий.

Поэтому распространение и принятие в качестве официальной стратегии преобразований идеи о необходимости «формирования открытой экономики, ввязывающейся в международное соперничество», считается в КНР «прорывом» В экономической теории социализма¹. Ссылка на «теорию социализма» была, конечно, данью традиционной форме. Конструктивное содержание этой модификации политической парадигмы китайского руководства и сознания всего общества заключалось в ориентации на максимальное использование сравнительных преимуществ китайской экономики с целью извлечения максимальных выгод от участия в международном разделении труда.

Эволюция позиции китайского руководства в области международного экономического сотрудничества происходила очень быстро. В конце 1970-х гг. эта позиция заключалась в готовности КНР использовать иностранную технику и технологии для модернизации внутреннего производства. При этом ясно давалось понять, что Китай никогда и ни при каких условиях не примет из-за границы правительственные или частные займы и тем более, даже в случае угрозы

---

¹ Цзинцзи жибао. 1987. 14 июля.

экономической катастрофы, не пойдет на осуществление компенсационных схем в торговле. Вопрос же о создании на территории Китая совместно с иностранцами управляемых предприятий и вовсе воспринимался чуть ли не как национальное оскорбление. «Мы ни в коем случае не позволим иностранному капиталу разрабатывать наши внутренние природные ресурсы ... Ни в коем случае не будем создавать совместно управляемые предприятия и никогда не примем иностранные займы»¹ – подобного рода программные заявления высшего руководства страны звучали еще в 1977 г.

В значительной степени подобные настроения базировались на последних иллюзиях относительно возможности кардинально улучшить экономическую ситуацию, опираясь на собственные ресурсы и возможности. В первой половине 1977 г. был зарегистрирован скачок в темпах прироста валовой продукции промышленности, что было воспринято как доказательство возможности воссоздания политики «большого скачка» с упором на тяжелую промышленность – металлургическую, угольную, нефтедобывающую и химическую. В результате в Китае начала формироваться стратегия, аналогичная той, которая была принята в СССР в 1986 г., – стратегия ускорения с опорой на тяжелую промышленность. Эта стратегия формулировалась следующим образом: «...Построить развитую тяжелую промышленность, добиться дальнейшего развития на новой технической основе металлургической, топливной, энергетической, машиностроительной ... промышленности...»². В соответствии с такой стратегией уже во второй половине 1977 г. начался крупномасштабный маневр ресурсами, которые перебрасывались в ключевые отрасли тяжелой промышленности. Это привело к быстрому увеличению дефицитов потребительских и продовольственных натуральных балансов, так как ресурсы из соответствующих отраслей изымались для наращивания темпов в тяжелой промышленности. В результате к 1978 г. норма потребления в КНР снизилась до 63,5% сравнительно с 75% в годы первых пятилеток. Это практически исключало возможность добиться сколько-нибудь заметного роста уровня жизни населения³. Возрастала финансовая разбалансированность китайской экономики в

---

¹ Жэньминь жибао. 1977. 2 января.

² Структура экономики Китая / под ред. В.И. Ванина. М.: Прогресс, 1984. С. 39.

³ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. М., 1997. С. 27.

связи с чрезмерным ростом государственных инвестиций, которые в 1978 г. были увеличены на 19% по сравнению с 1977 г.¹ Кроме того, пришлось увеличить технологический импорт для материального обеспечения прироста в тяжелой промышленности.

В результате уже в 1978 г. Китай столкнулся с тяжелым срывом в экономике, который наглядно продемонстрировал, что реальное положение дел в национальной экономике, условия решения задач экономической модернизации требовали отказаться от авантюрного курса «большого скачка» и перейти к политике «урегулирования». Одним из важнейших шагов в этом направлении являлся отказ от искусственного замыкания в рамках национальной экономики и переход к построению «открытого общества», хотя это и противоречило политическим декларациям и инстинктам. Все более явной становилась необходимость если и не поступиться политическими принципами ради достижения экономического прогресса, то уж, во всяком случае, найти способ эффективного их сочетания.

Уже в марте 1978 г. на Всекитайском совещании по вопросам развития науки Дэн Сяопин заявил, что и в области сельского хозяйства, и в промышленности, и в сфере науки и техники КНР отстает от передовых мировых держав на 10–20 лет, и указал на необходимость ликвидации этого отставания. Дэн Сяопин также подчеркнул, что Китай должен обращаться к внешним источникам научно-технических достижений не только по причине своей отсталости на современном этапе, но и в будущем для достижения передового мирового уровня².

Китайское руководство очень быстро приступило к серьезным поискам рациональных схем сотрудничества с зарубежными партнерами, которые могли бы обеспечить ликвидацию научно-технического, технологического и организационного отставания от зарубежных стран. Во время визита в Японию в октябре 1978 г. Дэн Сяопин, характеризуя задачи модернизации народного хозяйства КНР, заявил, что китайское правительство еще не решило, примет ли оно займы на уровне правительств для финансирования программы «че-

---

¹ *Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике / под ред. Д.С. Львова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 160.

² *Дэн Сяопин.* Избранное. Том II (1975–1982). Пекин: Изд-во литературы на иностранном языке, 1983.

тырех модернизаций». В то же время он подчеркнул, что Китай готов заимствовать опыт других стран для осуществления такой программы, что визит в Японию открыл широкую перспективу для технического сотрудничества двух стран. Одновременно Дэн Сяопин обратился к промышленно развитым странам с призывом оказывать более широкую поддержку Китаю в деле его экономического развития, конкурировать с Японией и между собой за предоставление КНР различного рода технического содействия.

Модернизация политического курса экономической реформы сопровождалась массированным воздействием на общественное мнение. Речь шла фактически об изменении всей общественной философии. Успех реформы, которая не могла не сопровождаться ощутимыми издержками, в том числе и социальными, как показывал опыт стран, уже прошедших наиболее «острую» фазу социально-экономических трансформаций, в значительной степени должен был определяться степенью доверия населения. Поэтому понимание реформ и убежденность населения в верности выбранного курса становились одним из важнейших условий эффективного реформирования. Следовательно, масс-медиа превращались в важнейший институт общества, определяющий судьбу предстоящего развития.

Поэтому неудивительно, что изменение официальной позиции по отношению к роли и месту «остального мира» в деле модернизации экономики КНР быстро и широко стало комментироваться на страницах центральных периодических изданий Китая. Печатные средства массовой информации в этот период подчеркивали, что, хотя за зарубежную технику и оборудование придется заплатить «определенную цену», однако потери будут несоизмеримы с выгодами, которые удастся извлечь. Отмечалось, что если только «умело соединять» преимущества социалистической системы с передовым научно-техническим и управленческим опытом развитых стран, совмещать все полезное из зарубежного опыта с конкретными условиями Китая, то «обязательно откроется новый путь строительства по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее». Это поможет осуществить задачу модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники»¹.

---

¹ Жэньминь жибао. 1978. 3 ноября.

В точном соответствии с новой линией партийного руководства в ноябре – декабре 1978 г. КНР предприняла значительные усилия по привлечению иностранных предпринимателей к участию в модернизации экономики страны. Проводились интенсивные консультации с японскими фирмами для выяснения возможности строительства совместных предприятий по производству широкого ассортимента промышленных товаров, начиная от текстиля и кончая тяжелым оборудованием. Были проведены многочисленные переговоры с компаниями США по поводу строительства и совместной эксплуатации гостиниц в КНР, а также относительно осуществления некоторых проектов по разработке природных ресурсов (нефти, железной руды). Рассматривалась возможность заключения ряда сделок в области предоставления американскими компаниями современного оборудования при условии расчета про изведенной с его помощью продукции и т. д. В этот же период КНР официально объявила о своей готовности принимать иностранные займы, в том числе и на межправительственной основе¹.

Таким образом, оказавшись перед дилеммой: экономика или политика, китайское руководство в корне изменило свои первоначальные позиции, пойдя на беспрецедентное увеличение масштаба и качества контактов с внешним миром.

В то же время политика урегулирования предполагала достижение макроэкономической стабилизации, одним из важнейших условий которой являлся финансовая стабилизация, включая стабилизацию и эффективный контроль платежного баланса. Уже весной 1979 г. основной темой экономических дискуссий стал вопрос о соотношении собственных усилий и заимствования.

В этих дискуссиях все еще превалировали политические лозунги и страх перед зависимостью от иностранного капитала и технологий. Неуверенность в способности страны справиться с необходимым уровнем заимствований (финансовых, товарных и технологических) отражался в утверждениях о том, что КНР не может целиком и полностью положиться на иностранное заимствование в осуществлении «четырех модернизаций». Утверждалось, что социалистическая страна может осуществлять заимствование только для увеличения способности опираться на собственные силы, но не должна делать

---

¹ Жэньминь жибао. 1978. 19 декабря.

его основой своей государственной политики. Обосновывался такой подход специфическими особенностями Китая: «Для такой большой страны, как наша, имеющей огромное население и отсталую экономику, не годится метод опоры главным образом на заимствование передовой техники и оборудования из-за границы, или, как некоторые говорят, «покупки четырех модернизаций»¹. В ходе дискуссий выработывалось убеждение относительно того, что необходимо заимствовать передовые технологии и управленческие схемы, но за основу принимать отечественные возможности. В конечном счете, была сконструирована своеобразная стратегическая парадигма реформ - опираясь на собственные силы, использовать заимствованную передовую технику для осуществления модернизации китайского типа. Фактически эта парадигма была впоследствии использована для организации торговой экспансии КНР на мировых рынках на основе пиратского производства.

Необходимость контролировать платежный баланс и при этом решать насущные технологические задачи диктовала обязательность жесткого контроля над качеством закупок и эффективностью использования заимствуемой техники и оборудования. Важным условием импорта оборудования и технологий являл ось приобретение и использование передовых технических и технологических образцов. Но достаточным условием служили выполнение требований недополняющего характера импорта и максимальная возможность налаживания отечественного производства аналогичной продукции.

Особую тревогу, конечно, вызывала перспектива выхода из-под контроля государства платежного баланса, прежде всего в части капитальных операций. Валютно-финансовые ресурсы Китая были ограничены, как и его экспортные возможности. Поэтому важным источником финансирования импорта техники и технологий являлся иностранный капитал. Но это означало возникновение прямой угрозы разбалансирования платежного баланса. Следовательно, необходимо было тщательно оценивать возможности и сроки возврата заимствованных средств, предельно сокращать сроки строительства объектов, перейти к оценке целесообразности капитального строительства не по критерию «сравнительных затрат», а по критерию максимума рентабельности (прежде всего выраженной в твердой валюте).

---

¹ Гунжэнь жибао. 1979. 20 апреля.

Несмотря на постоянное внимание к повышению платежеспособности за счет регулирования импорта и экспорта, расширения числа экспортных отраслей, широкого распространения практики компенсационных сделок, отсроченных платежей, банковских кредитов и займов и т.п., валютно-финансовых ресурсов не хватало. В 1978 г. дефицит внешнеторгового баланса КНР составил 1,14 млрд долл.¹ При этом общий оборот внешней торговли в этом году составил 20,6 млрд долл.² Это означает, что даже с учетом иностранных заимствований в сумме 10,69 млрд долл.³ Китай не обладал достаточными валютными средствами для того, чтобы как следует начать перевооружение своей экономики в духе «четырех модернизаций».

Поэтому курс опоры в основном на внутринациональные ресурсы и использование иностранного содействия в качестве вспомогательного источника преобразований был вынужденным, а риторика относительно заимствования новых форм и методов работы у развитых стран «при сохранении неизменности основ социализма»⁴ просто маскировала тревогу китайского руководства относительно угрозы катастрофического нарушения макроэкономического равновесия.

Решение проблемы сохранения сбалансированности платежного баланса и одновременного крупномасштабного привлечения иностранных ресурсов для модернизации экономики известно уже давно и заключается в привлечении внешних ресурсов на безвозмездной основе – на базе создания совместных предприятий с иностранным капиталом. Совместные предприятия выполняют функцию не только источника «бесплатных» технологий, оборудования и валюты, но и являются средством получения опыта в области управления производством. Поэтому основной акцент в политике открытости внешнему миру и был сделан на привлечение прямых иностранных инвестиций. При этом были определены приоритетные отрасли, использование в которых прямых иностранных инвестиций признавалось максимально желательным и эффективным: электроэнергетика,

---

¹ China Foreign Economic Statistical Yearbook. 2000.

² Ibid.

³ *Потанов М.А.* Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998.

⁴ Beijing Review. 1979. 17 апреля.

включая строительство электростанций; разработка энергетических ресурсов – нефти и угля; связь и транспорт, включая строительство портов и причалов; производство сырьевых и других промышленных материалов, таких, как пластмассы, химические волокна, строительные материалы; точное машиностроение и электронная промышленность; металлургическая промышленность и разработка цветных металлов; современные методы сельскохозяйственного производства; сфера услуг.

Основным инструментом привлечения иностранного капитала в форме прямых инвестиций были признаны специальные экономические зоны (СЭЗ). Первыми право проводить «особую политику» и осуществлять «гибкие формы внешне-экономических связей» получили в 1979 г. находящиеся на юго-востоке страны пров. Фуцзянь и Гуандун. Учитывая их расположенность рядом с такими крупнейшими торгово-финансовыми центрами, как Гонконг и Макао, где проживает большое количество хуацяо (этнических китайцев), Госсовет КНР специальным постановлением расширил самостоятельность местных органов власти в этих провинциях во внешнеэкономической деятельности. В частности, им было разрешено использовать подрядную систему в области финансов, отчислять в местные бюджеты часть прироста инвалютной выручки от экспорта.

В 1980 г. были созданы 4 специальные экономические зоны на юго-востоке страны (пятой специальной экономической зоной стал остров Хайнань в 1988 г.). В последующие годы для иностранного капитала были открыты 14 приморских городов вдоль всей линии побережья, созданы зоны технико-экономического развития, экспортной переработки и т. д. Все эти зоны различались по полномочиям, предоставляемым местным органам власти в области осуществления экономической политики, налоговым и другим льготам, предоставляемым совместным предприятиям, и т. п.

О масштабах и темпах открытости внешнему миру свидетельствует то, что уже в 1979–1988 гг. в КНР было создано около 16 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, в том числе 8532 смешанных, 6778 контрактных и 594 предприятия со 100-процентным иностранным капиталом. К 1986 г. 277 смешанных предприятий были созданы КНР в различных странах мира, 67 китайских компаний занимались строительством и экспортом рабочей

силы за границу¹. В 1991–1997 гг. на территории Китая было создано уже более 276 тыс. совместных предприятий, а общее количество предприятий с иностранным участием в Китае в 1998 г. превысило 300 тыс. Общая сумма привлеченного иностранного капитала составила свыше 654 млрд долл.²

Совместные предприятия, создаваемые на территории КНР, подразделялись на 3 типа: 1) смешанные, предполагающие совместное управление, обоюдную (пропорциональную участию в уставном капитале) ответственность за прибыли и убытки; 2) контрактные, где обе стороны выступают в качестве самостоятельных юридических лиц, а права и обязанности их определяются условиями контракта, заключенного сторонами при основании предприятия; 3) предприятия, целиком основанные на иностранном капитале с полной автономией в области управления хозяйственной деятельностью.

Новый импульс реализации идеи об активном вовлечении КНР в международный обмен и международную конкуренцию был дан стратегией ускоренного экономического развития приморских районов, выдвинутой на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва весной 1988 г. Эта стратегия была призвана использовать преимущества, обусловленные обилием трудовых ресурсов и их дешевизной, а также осуществлять принцип «двойной зарубежности» – работать на зарубежном сырье и сбывать продукцию на внешних рынках.

Стратегия эта была разработана не только на основе изучения собственного опыта «открытых» районов и городов, но и с учетом общей ситуации в мировой экономике, а также опыта некоторых азиатских стран и районов, в частности, опыта «четырёх маленьких драконов Азии» (Гонконга, Сингапура, Тайваня, Республики Корея), уступавших другим странам рынок трудоемкой продукции, который они благодаря дешевизне рабочей силы занимали. На основе изучения этого опыта и была подготовлена идея о том, что КНР должна использовать благоприятный шанс, предоставляемый ей мировой конъюнктурой, и постараться занять освобождающееся место на рынке трудоемкой продукции. Это позволило бы Китаю, во-первых, снять становившуюся явно тяжелой нагрузку на внутренние районы страны по обеспечению приморских регионов сырьем и материала-

---

¹ Чжунто тунци няньцзянь (Китайский статистический ежегодник). 1997.

² Там же.

ми, перенеся ее на внешний мир (так же как и сбыт производимой из этого сырья продукции), во-вторых, активнее включиться в международный обмен и конкуренцию, резко повысив тем самым свою конкурентоспособность, а значит, и общий технико-экономический уровень страны. Реализация этой идеи связывалась не только с наличием в КНР дешевой рабочей силы, но и с возможностью отыскания новых, наиболее льготных для иностранных инвесторов форм вложения капитала.

Одним из важнейших компонентов интеграция Китая в глобальную экономику являлась, в соответствии с этой идеей, либерализация внешнеторгового режима.

До начала экономических реформ внешнеторговый режим КНР вполне соответствовал представлению об этой стране как о стране с практически абсолютно автаркичной экономикой. Доступом к осуществлению внешнеторговой деятельности обладали чуть более десятка крупных государственных предприятий, занимавшихся в основном посредничеством в строго очерченных отраслевых рамках¹. Эти посреднические (внешнеторговые) предприятия находились под полным контролем плановых ведомств. Следовательно, необходимости в какой-либо внешнеторговой политике, использующей традиционные инструменты регулирования внешней торговли, такие, как тарифы, лицензии, квоты и т. д. У Китая до начала реформ просто не было. Объемы импорта и экспорта различных товаров контролировались прямыми указаниями внешнеторговым корпорациям и строго соответствовали запланированным нормам.

При этом плановые объемы импорта рассчитывались, исходя из предполагаемой разницы между внутренним спросом и предложением тех или иных товаров, а экспорт закладывался в объемах, необходимых для финансирования импорта. В то же время отсутствие у страны достаточных средств в твердой валюте препятствовало росту внешнеторгового оборота, как и отсутствие в стране конкурентоспособного производства.

Реформа системы внешнеторгового регулирования в КНР условно делится на два основных этапа. Первый продолжался с 1978 по 1992 г., 2-й – с 1992 до ноября 2001 г. и 3-й этап начался в ноябре 2001 г., когда Китай был официально принят в ВТО. Этот этап будет

---

¹ *Lardy N. Foreign Trade And Economic Reform in China, 1978–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.*

продолжаться, как минимум, до 2006 г., когда должны быть реализованы все основные обязательства, принятые на себя КНР в связи с вступлением во Всемирную торговую организацию.

Реформа внешнеторгового регулирования осуществлялась одновременно по четырем направлениям:

- ослабление контроля за доступом предприятий к осуществлению внешнеторговой деятельности с целью увеличения числа предприятий – участников внешней торговли;
- создание системы косвенных инструментов регулирования внешней торговли (тарифы, квоты, лицензии, освобождение от таможенных пошлин и т. д.), которые не существовали в Китае до начала реформ вследствие своей ненужности;
- последовательное снижение разрыва между реальным и номинальным курсами национальной валюты;
- реформирование системы ценообразования с целью приведения ее в состояние, позволяющее использовать цены в качестве силы, регулирующей распределение ресурсов в экономике.

Этих четырех направлений китайские реформаторы неуклонно придерживались на протяжении более чем двадцати лет экономических реформ. Однако нельзя сказать, что движение в этих направлениях всегда было равномерным.

Административные аспекты реформ внешнеторгового регулирования

Вплоть до середины 1980-х гг. китайское руководство упорно пыталось наращивать количество участников внешней торговли посредством «размножения» внешнеторговых корпораций. В течение этого периода число корпораций росло, а их структура усложнялась. Когда стало очевидным, что нельзя до бесконечности создавать все новые предприятия-монополисты, стали увеличивать уже существующие. В структуре внешнеторговых корпораций создавались предприятия, ответственные за осуществление импорта-экспорта отдельных товарных групп (и даже наименований), причем эти предприятия находились не только в подчинении соответствующих корпораций, но многие из них осуществляли свою деятельность в соответствии с директивами региональных органов власти, центральных министерств и даже органов местного самоуправления. Ситуация грозила выйти из-под контроля, поскольку к середине 1980-х гг. счет этим предприятиям шел уже на тысячи. Только

в 1984 г. с принятием Закона КНР о внешней торговле (основные положения которого изложены ниже) центральное руководство страны формально признало свою неспособность обеспечивать контроль над этой запутанной массой предприятий, и они получили экономическую независимость.

Первый этап реформирования системы внешнеторгового регулирования характеризовался крайне медленными и осторожными преобразованиями. Одним из наиболее смелых шагов в этот период было упоминавшееся выше открытие четырех приморских городов (Шэньчжэнь, Чжухай, Сямэнь и Шаньтоу) для торговли с внешним миром. Местные органы власти в этих городах получили широкие полномочия по модификации существующих правил внешней торговли и созданию новых. В результате в этих первых специальных экономических зонах Китая очень быстро были созданы специфические режимы внешнеторгового регулирования, отличающиеся от общенационального режима значительно большей степенью свободы, предоставляемой участникам внешнеторговой деятельности. Впоследствии примерно такие же полномочия были предоставлены еще 14 приморским городам. Этот крупномасштабный эксперимент по построению внешнеторговой системы, действующей по рыночным принципам, в отдельно взятых районах привел к значительной дифференциации развития регионов Китая. Специальные экономические зоны, появившиеся в 1980-х гг. вдоль всего юго-восточного побережья, превратились в анклав быстрого роста, окруженные по-прежнему стагнирующими территориями. В результате специальные экономические зоны быстро превратились в своеобразные «территориальные магниты», оттягивающие на себя значительные материальные и людские ресурсы из внутренних районов страны.

В отраслевом разрезе реформы внешнеторгового регулирования начались с частичной и очень осторожной либерализации рынка потребительских товаров. Затем были «приоткрыты» некоторые инфраструктурные сектора (преимущественно в области международного сотрудничества) и рынки товаров промежуточного спроса. В последнюю очередь реформы были распространены на некоторые виды услуг.

Важным аспектом первого этапа внешнеторговых реформ в КНР являлась децентрализация мер регулирования. Полномочия по установлению правил регулирования внешнеторговой деятельности передавались от разнообразных структур центра органам местного

самоуправления и их службам. Первыми дополнительные полномочия в этой области получили региональные органы власти, которые могли теперь учреждать собственные внешнеторговые предприятия и через них осуществлять торговлю некоторыми товарами. Были расширены полномочия и самих предприятий, которые получили некоторую независимость от центральных и местных органов власти в том, что касалось определения объемов импортируемой и экспортируемой продукции, заключения независимых контрактов с производителями этой продукции и определения, в некоторой степени, цен на нее. Впоследствии внешнеторговые предприятия получили также возможность удерживать часть собственной валютной выручки и расходовать ее по своему усмотрению. Эти реформы заложили основу последующей специализации Китая на мировом рынке, создав условия для накопления капитала предприятиями – участниками внешнеторговой деятельности, а также для мощного перетока людских ресурсов из менее развитых внутренних районов страны в более развитые приморские районы, построившие свое благополучие в первую очередь на основе торговли с внешним миром.

Однако, хотя в одних областях реформы продвигались вполне успешно, в других внешнеторговый режим Китая приходил в состояние полного расстройтва. Руководство КНР создало систему высоких тарифных и нетарифных барьеров, сильно различающихся по своему соотношению и величине в зависимости от региона, отрасли и даже вида товара и типа предприятия – участника внешнеторговой деятельности. Правила игры для предприятий естественным образом зависели от формы их собственности. Уровни импортной защиты в регионах резко отличались, существовали разные своды контрактного законодательства для различных видов сделок и товаров.

Второй период внешнеторговой реформы в КНР, который начался в 1992 г., характеризовался переходом от самостоятельного творчества, попыток методом проб и ошибок найти оптимальную схему регулирования к использованию международного опыта в области внешнеторгового регулирования. Именно в 1992 г. было принято окончательное решение отказаться от практики «изобретения велосипеда» в области внешнеторгового регулирования и перейти к построению системы, удовлетворяющей основным нормам, принятым в мировой практике. Соответственно увеличились и темпы реформ. Именно на этом этапе было реализовано второе из вышеотмеченных направлений реформы внешнеторгового регулирования – формиро-

вание рациональной системы тарифных и нетарифных методов регулирования на базе снижения размеров первых и отмены вторых.

В качестве первой меры внешнеторговой либерализации китайское руководство пошло на значительное снижение импортных тарифов (*табл. 1*).

С 1986 по 1991 г. Китай снизил импортные тарифы на 81 товарное наименование примерно из 6300. При этом размеры снижений колебались в диапазоне от 30 до 85%. Только в 1992 г. тарифы были снижены дважды – в январе и декабре. Это снижение коснулось 3596 товарных наименований и составило в совокупности около 15%. Китай также отменил дополнительный налог на 16 видов товаров, который взимался начиная с 1985 г. и преподносился как антидемпинговая мера. В декабре 1993 г. снова снижаются ставки тарифного обложения импорта. На этот раз сокращение коснулось 2898 товарных наименований и составило в среднем 8,8%. В январе 1994 г. были снижены тарифные ставки на легковые автомобили (в зависимости от модели) с 220–180% до 150–110%. В то же время Китай установил пониженные временные ставки импортного тарифа для 282 товарных наименований. В апреле 1996 г. в среднем на 35% были снижены ставки тарифа на 4997 товарных наименований, а в декабре того же года правительство КНР объявило о снижении импортных тарифных ставок до среднего уровня в 23% для всех товаров.

Таблица 1

Изменение тарифных и нетарифных мер регулирования в КНР

Годы	Тарифы и налоги	Нетарифные меры
1986–1991	На 30–85% снижены ставки тарифов на 81 товарную позицию из 6300	
1992	Дважды на 7,3% снижены ставки тарифов на 3596 товарных позиций	Число экспортных товаров, подлежащих квотированию и / или лицензированию, снижено с 212 до 183
	Отменены дополнительные налоги, действовавшие с 1985 г., по 16 наименованиям импорта	Отменено квотирование и лицензирование импорта 16 видов товаров
1993	На 8,8% снижены ставки тарифов по 2899 товарным наименованиям	Отменено лицензирование импорта видов товаров, включающих 283 наименования

Годы	Тарифы и налоги	Нетарифные меры
1994	Тарифные ставки на импорт легковых автомобилей снижены с 220–180% до 150–110%	Отмена обязательных планов импорта-экспорта
	Введены «временные тарифные ставки» (сниженные) на 282 товарных наименования	Отмена импортных лицензий по 195 товарным наименованиям
1995		Отмена импортных лицензий по 120 товарным наименованиям
1996	В среднем на 35% снижены тарифные ставки на 4997 товарных наименований	Отменены около 30% остающихся лицензий

Источник: составлено по: China Customs Statistical Yearbook, 1996; Tariff Policy Commission of the State Council of China, 1991.

Вторым направлением либерализации внешнеторгового режима стало снижение и упорядочение административных (нетарифных) барьеров (см. табл. 1). Прежде всего были отменены списки импортных товаров-«заменителей», то есть товаров, производимых внутри страны. Ранее ввоз этих товаров полностью пресекался. Постепенно осуществлялось ограничение спектра действия внешнеторговых квот и лицензий. В 1992 г. руководство Китая сократило число экспортных товаров, подлежащих обязательному лицензированию, с 212 до 183 и отменило импортные квоты на 16 видов товаров. В декабре 1993 г. Китай отменил обязательное лицензирование импорта 9 видов товаров, включающих 283 наименования, в том числе стали и продукции из нее, химических удобрений, продукции гражданского авиастроения и кинескопов черно-белого изображения. В мае 1994 г. были отменены требования обязательного лицензирования импорта еще 195 товарных наименований, включая 30 наименований, которые должны были быть освобождены от административных ограничений к концу того года в соответствии с соглашениями, достигнутыми в рамках меморандума взаимопонимания между КНР и США. Еще 120 товаров были освобождены от импортного лицензирования в 1995 г. В апреле 1996 г. отменены 30% действовавших на тот момент импортных квот. К этому времени прошло уже два года с тех пор, как китайское руководство в последний раз определило плано-

вые параметры импорта отдельных товаров. Начиная с 1995 г. Китай ограничивался квотами и лицензиями для управления объемами импорта ключевых товаров (некоторых видов сырья и продовольствия, прежде всего – зерна), с 1994 г. КНР больше не прибегала к плановым закупкам этих товаров на мировом рынке. В том же 1994 г. КНР прекратила определять планы экспорта.

Начиная с 1992 г. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества КНР предпринимало попытки повысить степень прозрачности системы внешнеторгового регулирования страны. В рамках этой стратегии были отменены многие законы, принятые начиная с 1979 г. и служившие основой неразберихи, царившей во внешнеторговой сфере КНР.

В мае 1994 г. был принят базовый закон, регулирующий все аспекты внешнеторговой деятельности в Китае – «Закон КНР о внешней торговле». Этот закон обеспечил наведение элементарного порядка в системе внешнеторгового регулирования и повышения прозрачности администрирования внешнеторговой деятельности. В частности, он значительно прояснил ситуацию во внешнеторговой сфере Китая и окончательно закрепил за субъектами внешнеторговой деятельности права, полученные ими в процессе реформы.

Реформа системы валютного регулирования

Открытие экономики подразумевало либерализацию одного из основных компонентов институциональной системы внешнеэкономического сотрудничества – валютного регулирования. Практически одновременно с началом либеральных преобразований в области внешней торговли (1979 г.) Китай осуществил первые шаги по реформе системы валютного регулирования. Перевод внешней торговли на рыночные принципы и стимулирование притока в страну иностранного капитала предполагали создание рынка иностранной валюты. Это обуславливало предоставление права внешнеторговым предприятиям сохранять часть валютных доходов для создания начального предложения иностранной валюты, а также формирование организационной основы рынка – системы организаций, которые бы в рамках создававшихся новых норм регулирования осуществляли бы продажу и покупку иностранной валюты.

Реформа валютного регулирования является, пожалуй, наиболее последовательной с точки зрения логики предпринимаемых шагов и их решительности. Открытие экономики, как отмечалось выше,

предполагало организацию эффективного контроля над объемами и динамикой экспорта товаров и движения капиталов, а также над состоянием платежного баланса. Первое имело принципиальное значение для получения ресурсов конвертируемой валюты и финансирования модернизации экономики, а второе – для эффективного поддержания макроэкономического равновесия в национальной экономике в условиях перехода к рыночным принципам ведения народного хозяйства. Валютный курс справедливо рассматривался как один из наиболее действенных рычагов воздействия на оба процесса.

Традиционная для китайской экономической реформы в целом «двухколейность» наложила отпечаток и на реформирование в области валютного регулирования. В частности, вплоть до 1994 г. в Китае существовал двойной валютный курс – официальный и курс на рынке своп. Это было обусловлено длительным сохранением двухсекторной экономики – государственного сектора (контрактно управляемых государственных предприятий) и частного сектора. Постепенно правила функционирования этих двух секторов сближались¹. Соответственно и механизм валютного регулирования постепенно превращался во вполне рыночный.

Фактически с самого начала реформы валютного регулирования система фиксированного валютного курса была заменена управляемым плавающим курсом. Это было необходимо сделать, чтобы освободить Народный банк от обязательств по финансированию отклонений сальдо платежного баланса от нуля. Подобное обязательство в условиях дефицита валютных резервов и высокой степени зависимости от импорта могло реально привести если и не к банкротству страны то, во всяком случае, к необходимости сделать тяжелейший выбор между гиперинфляцией и крахом национальной валюты. В действительности даже такого выбора бы не было. Гиперинфляция привела бы к быстрой и неуправляемой девальвации юаня и последующему неконтролируемому обесценению национальной валюты.

---

¹ *Минакири П.А.* Системные трансформации в экономике. 2001. С. 198–199; *Shi Min.* China's Reform in Foreign Trade and Foreign Exchange Systems / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 6. Tokyo: SPF, 1995; *Ли Цзинвэнь.* Роль государственного регулирования в реформировании и развитии экономики Китая // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1997. № 25.

А обесценение юаня спровоцировало бы при высоком импорте гиперинфляцию.

Переход к регулируемому плавающему курсу в условиях существования двух обменных курсов по мере усиления рыночных начал в валютных операциях привел к постепенному снижению курса юаня начиная с 1984 г. В течение 1984–1991 гг. курс национальной валюты КНР снизился на 30%. Это, конечно, послужило важным стимулом для увеличения объемов экспорта. В то же время говорить о решающей роли девальвации национальной валюты в обеспечении головокружительных успехов китайской внешней торговли, очевидно, нельзя.

Основным направлением реформы системы валютного регулирования в КНР было постепенное снижение роли административного фактора в формировании валютного курса национальной денежной единицы – юаня. С 1979 г. в Китае действовала система удержания валютной выручки и одновременно с этим постепенно развивалась практика валютного свопа. В начале 1994 г. официальные курсы юаня были объединены с рыночными. К этому времени были обеспечены основные институциональные условия для превращения валютного курса в один из решающих параметров регулирования экономической активности. В частности, начала функционировать банковская система обмена валюты и национальный межбанковский валютный рынок. Это обеспечило переход к условной конвертируемости юаня на счетах текущих операций.

С 1996 г. началась постепенная либерализация валютного рынка. В частности, к участию в операциях на межбанковском валютном рынке были допущены предприятия с иностранным участием. Также были отменены ограничения на валютные транзакции по счетам текущих операций. Иностранным банкам на территории КНР было разрешено по согласованию с Народным банком Китая проводить операции по обмену иностранной валюты. 1 декабря 1996 г. Китай формально принял на себя обязательства, вытекающие из ст. 8 «Статей Соглашения МВФ», отменив ограничения на обмен валюты в рамках осуществления платежей по текущим операциям. Соответственно, с этого момента юань стал неограниченно конвертируемым в рамках осуществления текущих операций.

Таким образом, начиная с 1996 г. в КНР функционирует система валютного регулирования, удовлетворяющая всем основным международным нормам. В ежегодном Рабочем отчете МВФ относи-

тельно ситуации в Китае подтвердил, что страна в 2000 г. не практиковала ограничений по валютным операциям с текущими счетами.

Ответственность за осуществление контроля над валютными операциями была возложена на Государственное управление валютного регулирования (ГУВР), которое, в свою очередь, подчинено Народному банку Китая (НБК) и является его структурным подразделением и уполномоченным органом регулирования валютного обмена. Его основными функциями являлись (и остаются по сей день) мониторинг и предоставление рекомендаций по вопросам платежного баланса и валютного обмена. ГУВР также обязано составлять соответствующие регулирующие акты и следить за их исполнением.

Переход к международным нормам валютного регулирования обеспечил возможность предприятиям, в том числе и предприятиям с иностранным участием, приобретать валюту для расчетов по текущим операциям у уполномоченных банков или снимать необходимые суммы со своих валютных счетов. Для осуществления предварительных платежей, комиссионных выплат и т. п., превышающих определенные лимиты, предприятия также могут приобретать твердую валюту у банков, после прохождения проверки соответствия декларируемых ими намерений действительности. Эта проверка осуществляется Государственным управлением валютного регулирования.

Следовательно, за сравнительно короткое время в Китае было создано регулирование, которое в состоянии обеспечить достаточно эффективное решение двуединой задачи: поддержание конвертируемости национальной валюты по текущим операциям и контроль над движением капитала. Еще одной важной задачей, как известно, является предотвращение распространения иностранной валюты в качестве платежного средства и средства обращения, то есть вытеснения национальной валюты с денежного рынка.

По опыту либерализации валютных операций в транзитных экономиках Восточной Европы и СНГ известно, что свободный доступ населения к иностранной валюте в условиях гиперинфляции и отрицательных процентных ставок по депозитам обусловил вытеснение национальных валют с денежных рынков соответствующих стран, а также к существенному изменению валютной структуры сбережений в пользу иностранной валюты. В Китае эта опасность была блокирована тем, что валюта для личного пользования могла быть приобретена физическими лицами в уполномоченных банках лишь в пределах определенного лимита и только в случае докумен-

тального доказательства наличия предусмотренных по закону оснований для приобретения валюты. Для приобретения иностранной валюты сверх установленного лимита надо обоснованно доказать необходимость такой покупки. Валюта, получаемая в результате оплаты обязательств по текущим операциям (по экспорту), должна репатрироваться в Китай, где часть ее может сохраняться на счетах предприятия-получателя, а другая часть должна быть продана уполномоченным банкам по рыночному курсу. Также существует система верификации валютных операций по оплате импорта-экспорта.

Со времени унификации валютных курсов 1 января 1994 г. в КНР действует система единого плавающего (регулируемого) валютного курса, основанная на соотношении спроса и предложения. Народный банк Китая публикует якорные курсы юаня к американскому и гонконгскому долларам и японской иене – параметры этих курсов определяются на основе средневзвешенных цен валютных сделок на межбанковской валютной бирже, заключенных на предыдущий день. Курсы покупки и продажи юаней по отношению к доллару США должны находиться в пределах 0,3% от якорного курса. Для гонконгского доллара и японской иены допустимое отклонение равняется 1%. Уполномоченные банки могут осуществлять торговлю валютой со своими клиентами по согласованным ставкам курса. В рамках таких контрактов курс к доллару США может отклоняться в пределах 0,15%. Курсы других иностранных валют рассчитываются на основе курса юаня по отношению к доллару США и кросс-курсов этих валют на международном рынке. Разница между курсами покупки и продажи валюты не может превышать 0,5%.

С 1 января 1994 г. уполномоченные банки являются основными участниками валютных торгов. 1 апреля 1994 г. в Шанхае была учреждена Китайская система валютных торгов – Фондовая биржа (China Foreign Exchange Trading System), во множестве других городов были открыты отделения этой организации.

Переход к поддержанию регулируемого курса юаня, который служит номинальным якорем в системе макроэкономической стабилизации, обусловил формирование системы регулируемых интервенций Народного банка Китая на межбанковском валютном рынке с целью регулирования спроса и предложения, то есть поддержания стабильности курса юаня.

С 1 июля 1996 г. все валютные операции предприятий с иностранным участием должны осуществляться через банки. При этом

всем иностранным предприятиям были предоставлены условия национального режима в сфере валютного контроля, что являлось важным условием привлечения иностранных инвестиций. Предприятия с иностранным участием получили возможность открывать валютные счета для хранения валютной выручки от текущих операций в пределах лимита, установленного Государственным управлением валютного регулирования. Выручка, превышающая этот лимит, должна была продаваться уполномоченным банкам. В то же время не существовало и не существует никаких ограничений на объемы получения валюты и оплаты текущих счетов в иностранной валюте. При условии предоставления сведений для проверки намерений предприятия с иностранным участием могут покупать у уполномоченных банков валюту и депонировать ее на своих счетах. Точно так же иностранные предприятия пользуются большой свободой в капитальных операциях с иностранной валютой, включая ее конвертацию в национальную валюту, а также проведение заемных операций на китайском и иностранном рынках ссудных капиталов. Правда, необходимо получить разрешение Государственного управления валютного регулирования на проведение заемных операций и на последующее погашение кредита и оплату дополнительных услуг.

Одновременно с отладкой механизма регулирования, плавной заменой административных механизмов рыночными осуществлялось развитие правовой базы валютного регулирования. К настоящему времени законодательная база валютного регулирования в КНР включает целый ряд стержневых законов и административных актов.

В целом следует констатировать, что в течение всего периода после начала экономических реформ в конце 1970-х гг. внешнеторговое регулирование в его основных элементах развивалась под жестким государственным контролем. Реформы внешнеторгового регулирования были подчинены целям общеэкономической реформы, задачам формирования эффективно регулируемого рыночного механизма и обеспечения повышения конкурентоспособности китайской экономики на внешних рынках на основе ее модернизации.

Одной из важнейших целей реформы системы внешнеторгового регулирования являл ось достижение недискриминационных условий входа на мировые отраслевые рынки. Это предполагало также и создание адекватных условий по входу на китайский рынок. То есть в ходе реформирования системы регулирования внешней торговли необходимо было таким образом изменить тарифные и нета-

рифные барьеры, чтобы обеспечить Китаю статус страны с либеральными условиями внешней торговли.

Вхождение КНР в международную торговую систему в качестве равноправного партнера означало, что страна будет пользоваться унифицированными международными нормами и правилами во внешней торговле при условии предоставления своим партнерам аналогичных условий на внутреннем рынке. Китай должен был обеспечить функционирование равноправной для всех экономических агентов конкурентной среды.

Между тем в начале 1990-х гг. система внешнеторгового регулирования в КНР содержала несколько необычных особенностей. Одной из них было сосуществование новой и старой систем регулирования внешней торговли. Так, например, одновременно существовали механизм предоставления прав на осуществление торговли, не которыми видами товаров и механизм распределения лицензий посредством аукционов. Система административного предоставления прав для выхода на международные отраслевые рынки, по сути, вела к созданию монополий по отдельным видам товаров. В то же время распределение лицензий на ведение внешнеторговых операций на отдельных отраслевых рынках через аукционные торги являл ось чисто рыночной мерой. Необходимо было устранить эту двойственность системы регулирования, без чего невозможно приблизиться к необходимому уровню либерализации внешнеторговой системы в целом. Поэтому в первой половине 1990-х гг. в Китае были существенно изменены и дополнены правовые нормы осуществления внешнеторговой деятельности.

К 2000 г., по приблизительным оценкам¹, законодательное поле КНР состояло более чем из 200 законов, 700 декретов Госсовета КНР и около 30–40 тыс. административных актов. Значительная часть общего объема этого бумажного океана была посвящена регулированию внешней торговли.

Основу внешнеторговой системы КНР составляет «Закон КНР о внешней торговле», принятый 12 мая 1994 г. и вступивший в силу с 1 июля 1994 г. Принятие этого закона явилось важнейшим событием на пути экономических реформ. Закон значительно приблизил внешнеторговую политику Китая к системе норм, общепринятых в миро-

---

¹ *Long Guoqiang. Reforming China's Foreign Economic Management System // China Development Review. 2000. Vol. 2. No. 4.*

вом сообществе. Наиболее важными с этой точки зрения положениями Закона являлись:

- установление единого порядка ведения внешнеторговой деятельности на всей территории страны;
- предоставление независимости участникам внешнеторговой деятельности;
- разрешение свободного импорта и экспорта товаров, услуг и технологий, за исключением подлежащих особым законодательным изъятиям;
- создание системы внешнеторговых предприятий-агентов.

Таким образом, «Закон КНР о внешней торговле» практически либерализовал внешнюю торговлю страны и формально перевел ее на рыночные принципы. Вместе с тем, несмотря на всю свою либеральность, «Закон КНР о внешней торговле» лишь скорректировал ранее существовавшую систему внешнеторгового регулирования, основными характеристиками которой являлись тотальный административный контроль, засилье государственных корпораций во внешней торговле, серьезные ограничения доступа к внешнеторговой деятельности.

В Законе были оставлены ограничения на применение его норм. Так, например, провозглашенная статьей 11 независимость участников внешнеторговой деятельности до сих пор весьма ограничена и относится только к их ответственности за результаты собственной хозяйственной деятельности. В то же время все решения, касающиеся объемов и номенклатуры экспорта и импорта, являются предметом согласований и рассмотрений многочисленных государственных департаментов. Сохраняется и уже упомянутая дискриминация участников внешнеторговой деятельности по «национальному» признаку.

«Закон КНР о внешней торговле» дополняется рядом других законодательных и нормативных актов, которые регулируют различные аспекты внешней торговли. Наиболее важными из этих регулирующих внешнеторговых актов являются:

- Положения Китайской Народной Республики об импортно-экспортном тарифе (объявлены Госсоветом КНР Декретом NQ 96 от 18 марта 1992 г.);
- Таможенный кодекс КНР (принят на 19-м заседании ПК БСНП 6-го созыва 22 января 1987 г.);

- Положения о вопросах, касающихся рассмотрения и одобрения внешнеторговых предприятий (введены Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества 24 мая 1988 г.);
- Положения о процедурах автоматической регистрации прав производственных предприятий в свободных экономических зонах на независимое осуществление импорта и экспорта (введены 22 января 1997 г.).

Наиболее существенные результаты в области либерализации внешнеторгового регулирования все вышеперечисленные законодательные новации обеспечили в сфере *тарифного регулирования*.

Начиная с 1992 г., когда Китай принял «Систему стандартизации и классификации товарных наименований» и привел свою тарифную систему в соответствие с международными нормами, он неоднократно проводил снижения импортных таможенных пошлин (см. *табл. 1*).

В результате средняя ставка таможенного тарифа уже в 1997 г. была снижена на 25,5 процентных пункта и доведена до 17% (*табл. 2*).

Таблица 2

Средняя ставка тарифа и тарифная выручка

Год	Средняя ставка, %	Выручка, млрд юаней
1992	42,5	21,28
1993	39,9	25,65
1994	36,4	27,27
1995	35,9	29,18
1996	23,0	33,98
1997	17,0	Нет данных

Источники: China Statistical Yearbook, 1996; China Foreign Economic Statistical Yearbook, 2000.

Это стало возможным, конечно, не только в результате планомерного административного сокращения ставки тарифов. Стремление к либерализации внешней торговли было дополнено реальными финансовыми возможностями в результате быстрого увеличения объемов товарооборота во внешней торговле. За 1992–1996 гг. доходы от применения тарифных ставок увеличились почти на 65 процентных пунктов.

Снижение уровня тарифной защиты китайской внешней торговли произошло скачкообразно с 1994 по 1996 г., то есть примерно

в то же время, когда была осуществлена окончательная либерализация валютного регулирования. Если в 1994 г. по ставкам выше 30% облагались пошлинами 44,1% товарных позиций в торговле, то в 1996 г. – лишь 28% (табл. 3).

Таблица 3

Группировка товаров по уровням тарифных ставок

Интервалы ставки тарифа, %	1994		1996	
	кол-во товаров	доля в общем кол-ве, %	кол-во товаров	доля в общем кол-ве, %
0	125	2,0	125	1,9
1–10	587	9,2	1732	26,4
11–15	888	14,0	1079	16,5
16–30	1948	30,7	1784	27,2
31–60	1710	26,9	1688	25,8
>60	1092	17,2	141	2,2
Итого	6350	100,0	6549	100,0

Источник: Vin S. The Political Economy of Trade Policy in China / Department of Management, Politics and Philosophy. Working Paper. No. 10/2000. 2000.

В дальнейшем темпы сокращения таможенных пошлин снизились, так как основная масса товаров и услуг уже была вовлечена в этот процесс до 1997 г. Тем не менее в январе 1999 г. были снижены импортные пошлины еще на 1014 товаров, а в январе 2001 г. – на 3462 товарных наименования.

В результате фактическое снижение тарифов, осуществленное КНР к настоящему моменту, даже превысило его собственные обещания, сделанные в ходе переговоров о вступлении в ВТО в 1995 г. В 2001 г. средняя ставка импортного тарифа по обычному режиму торговли и режиму наибольшего благоприятствования составила около 15,3%¹. Между тем ожидалось, что к 2005 г. ставка импортного тарифа должна быть снижена только до 16,2%².

---

¹ Customs Import and Export Tariff of the People's Republic of China. 2001.

² China Engaged: Integration with the Global Economy. Washington: The World Bank, 1997. С. 14.

Средний тариф на транспортные средства в 2001 г. составил 24%, а на готовые промышленные товары – 19,2%. При этом ставка таможенной пошлины на текстильную продукцию составила 21,1%, на строительные материалы – 17,8%, на продукцию легкой промышленности – 14,8%, на энергетические машины и измерительные приборы – 14,3%, на пиломатериалы – 12,3%, на химические товары – 10,6%, на металлоизделия – 7,4%. Ставка пошлины на рудные минералы составила 3%, а на сельскохозяйственные товары – 19%, в том числе на сырье – 16,5%, полуфабрикаты – 24,2%, готовую продукцию сельского хозяйства – 27%.

В то же время тарифные ставки на ряд товаров народного потребления остаются по-прежнему высокими¹. Так, средняя ставка тарифа на импорт звукозаписывающих и воспроизводящих устройств составляет 68,4%, а легковых автомобилей – 157%. Остаются высокими и ставки на импорт квотируемых видов сельскохозяйственной продукции, например, импорт пшеницы облагается по средней ставке 145,7%, риса – 123,4%, соевых бобов – 131,7%, хотя тарифные ставки на импорт этих товаров в пределах квоты невысоки и составляют соответственно 8,7; 3,1 и 3,5%. Последнее свидетельствует о сильном влиянии двойных стандартов в регулировании. Низкая ставка в пределах импортной квоты вполне соответствует рыночным принципам организации свободной торговли. Однако квота на импорт сельскохозяйственной продукции чрезвычайно мала в силу стратегического характера сельскохозяйственного производства для Китая. Таким образом продукты, отнесенные к категории критических для экономической безопасности Китая, регулируются в рамках не рыночных, а традиционных командных процедур.

Значительная дифференциация тарифных ставок вызывает недовольство торговых партнеров Китая. Западные страны продолжают настаивать на снижении средней ставки импортных пошлин до 10–13%, то есть до уровня развитых стран. В первую очередь эти требования касаются пошлин на импорт текстильных и химических товаров. Китай заявил о своей готовности к 2005 г. довести средний уровень импортных пошлин до 10%, однако по-прежнему отказывается отменить тарифы на импорт товаров, согласованных на Уруг-

---

¹ Customs Import and Export Tariff of the People's Republic of China. 2001.

вайском раунде ВТО, в число которых входят игрушки, мебель, пиво, бумага, медицинское оборудование и сельхозтехника.

Экспортными пошлинами по средней ставке 27,6% в 2001 г. облагались 36 товаров, причем на 7 из них были временно введены пониженные ставки и еще 15 товаров временно облагались экспортной пошлинной по нулевой ставке¹.

Существенно менее прогрессивные результаты были достигнуты в области *нетарифного регулирования*.

До настоящего времени спектр используемых в КНР нетарифных инструментов регулирования внешней торговли остается чрезвычайно широким. По оценкам Мирового банка², тарифный эквивалент нетарифных ограничений в 1996 г. равнялся 9,3%. После 1996 г. каких-либо существенных шагов в области изменения мер и механизмов внешнеторгового регулирования не происходило. Суммарная оценка высоты барьера на входе на китайский рынок оказывается выше 26%, что слишком много по меркам режимов свободной торговли. Таким образом, несмотря на значительные изменения в системе регулирования по сравнению с периодом господства командно-централизованной экономики, система государственного регулирования внешней торговли (явная и скрытая) по-прежнему значительно активнее, чем в странах – основных партнерах Китая на мировом рынке. Следовательно, Китай еще не избавился от традиционной ориентации на государственный контроль над внешней торговлей, несмотря на значительные усилия и реальные изменения в этой области на основе рыночных механизмов.

При этом следует учитывать, что помимо «видимых» мер нетарифного регулирования, приведенных и охарактеризованных в таблице 4, в Китае используются также другие инструменты, влияние которых на параметры внешней торговли не всегда бывает очевидным. В частности, используются следующие неявные меры нетарифного регулирования:

- разрешительный порядок предоставления прав на ведение внешнеторговой деятельности (торговых прав);
- контроль качества экспортных и импортных товаров;
- контроль цен на ряд основных внешнеторговых товаров.

---

¹ Customs Import and Export Tariff of the People's Republic of China. 2001.

² China Engaged: Integration with the Global Economy. Washington: The World Bank. 1997. С. 15.

Таблица 4

**Нетарифные меры, затрагивающие импорт Китая, 1996 г.,
% покрытия**

Вид импорта	Гос- торгов- ля	Уполно- моченная торговля	Ли- цен- зии	Кво- ты	Цено- вые аук- ционы	Все меры
Рис	100	0	100	0	0	100
Пшеница	100	0	100	0	0	100
Фуражное зерно	0	0	0	0	0	0
Другая растительная продукция сельского хозяйства	50	22,9	72,9	72,9	0	72,9
Сельскохозяйственные животные	0	72,7	72,7	72,7	0	72,9
Мясомолочная продук- ция	0	0	0	0	0	0
Другое продовольствие	37,2	0	32,9	31,7	0	38,4
Природные ресурсы	46,6	12,8	0	0	0	59,5
Текстиль	0,3	5,7	12,7	12,7	0	12,7
Одежда	0	0	0	0	0	0
Легкая промышлен- ность	0	9,3	0	0	0	9,3
Транспортные средства	0	0	35,8	35,8	6,6	42,4
Машиностроительная продукция	0	0	9,2	9,2	20,4	26,8
Базовая тяжелая про- мышленность	18,7	16,2	23,5	22,7	0	37,7
Услуги	0	0	0	0	0	0
Всего	11	7,3	18,5	16,3	7,4	32,5

Примечание: при расчете использовались весовые коэффициенты по данным 1992 г.

Порядок функционирования всех форм нетарифного регулирования чрезвычайно сложен, многие товары подпадают под действие сразу нескольких из них¹. И в целом система нетарифного регулиро-

---

¹ Если сравнить, например, в таблице 4 процент покрытия лицензиями и квотами групп «Фуражное зерно», «Сельскохозяйственные животные» и «Текстиль».

вания может быть охарактеризована как непрозрачная, дискриминационная и крайне непредсказуемая.

Одним из ключевых моментов системы нетарифного регулирования внешней торговли в КНР является практика допуска предприятий к осуществлению внешнеторговой деятельности. «Закон КНР о внешней торговле» устанавливает следующий перечень требований к предприятию желающему получить права на участие во внешнеторговой деятельности (торговые права):

- 1) наличие названия и организационной структуры;
- 2) наличие четкой сферы внешнеторговой деятельности;
- 3) наличие помещений, капитала и специалистов, необходимых для ведения внешнеторговой оперативной деятельности по заявленному профилю;
- 4) поручение других лиц по оформлению импортно-экспортных операций с выходом на предусмотренные показатели или наличие необходимого источника импортно-экспортных товаров;
- 5) другие условия, предусмотренные законодательством, административными правилами.

Правила применения вышеуказанных требований в соответствии с Законом устанавливаются Госсоветом КНР. Предприятия, претендующие на получение торговых прав, делятся на две основные категории – предприятия, осуществляющие импорт-экспорт в рамках своего производства, и предприятия, выступающие как агенты в проведении внешнеторговых операций.

Предприятия первой категории имеют право экспортировать собственную продукцию и технологии, а также продукцию и технологии своих подразделений и импортировать оборудование, запасные части, расходные материалы для собственных производственных нужд и нужд своих подразделений.

Предприятия, входящие во вторую категорию, могут осуществлять импорт и экспорт любых товаров, услуг и технологий, за исключением тех, в отношении которых имеются специальные законодательные изъятия (*табл. 5*). Эти предприятия также могут заниматься переработкой импортированных материалов, сборкой по импортированным чертежам и сборкой из импортированных компонентов, а также компенсационной торговлей.

**Товары, предназначенные для импорта
и экспорта государственными торговыми корпорациями
и уполномоченными компаниями**

Предприятие	Импорт	Экспорт
Государственные торговые корпорации	Зерно, растительные масла, хлопок, сахар, табак, сырая нефть, продукты нефтепереработки, химические удобрения	Чай, рис, маис, соевые бобы вольфрам и его соединения, уголь, сырая нефть, продукты нефтепереработки, шелк, небеленый шелк, хлопок, серебро, сурьма, паравольфраматы аммиака
Уполномоченные компании	Резина, деловая древесина, фанера шерсть, синтетические ткани, сталь и продукция из нее	Резина, деловая древесина, фанера, шерсть, синтетические ткани, сталь и продукция из нее

Источник: Report of the Working Party on the Accession of China / WTO. WT/ACC/CHN/49. 2001. 1 октября.

Кроме того, система предоставления торговых прав различает еще две категории предприятий: китайские предприятия и предприятия с иностранным участием. Если первые (включая госпредприятия) вынуждены проходить процедуру проверки и одобрения своей заявки соответствующим заявленной сфере внешнеторговой деятельности департаментом, то последние, в соответствии со статьей 9 «Закона о внешней торговле», получают торговые права автоматически после своего образования, посредством процедуры в регистрации. К этим последним относятся также производственные предприятия всех форм собственности, зарегистрированные в 5 специальных экономических зонах (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь и Хайнань).

Система контроля торговых прав вызывает многочисленные нарекания, причем не только со стороны экспертов международных организаций, но и китайских экономистов. Действительно, большое число компаний, уже обладающих торговыми правами, и отсутствие четкого механизма разделения полномочий и сфер ответственности между государственными службами, занимающимися управлением этой системой, дают повод сомневаться в способности системы тор-

говых прав реально влиять на параметры внешней торговли Китая. Однако, если принять во внимание тот факт, что помимо ограниченных торговых прав в Китае действуют жесткие ограничения на владение и эксплуатацию на его таможенной территории дистрибьюторских сетей, то смысл существования ограничений на право импорта и экспорта товаров становится менее неясным. Вследствие ограничений торговых прав для получения возможности действовать на территории Китая крупным иностранным розничным сетям приходится вести длительные, сложные и дорогостоящие переговоры с центральным руководством страны.

Нетарифные ограничения стали для Китая своеобразным заменителем тарифных мер регулирования. Последовательное снижение таможенных пошлин компенсируется упорным стремлением к сохранению нетарифных рычагов управления параметрами внешней торговли (прежде всего импорта товаров внутреннего потребления и сельскохозяйственных товаров) и повышению их КПД. Это стремление иногда приписывают особой позиции китайского руководства, нежелающего подчиняться непреложным истинам теории внешней торговли. Однако оно становится вполне понятным, если учесть тот факт, что либерализация внешней торговли в КНР проходила и идет на фоне одновременного преобразования национальной социально-экономической системы и подчинена целям и нуждам этого преобразования. К примеру, мощные оборонительные редуты, выстроенные Китаем на подступах к своему рынку сельскохозяйственной продукции, вполне понятны, если учесть, что сельское хозяйство до сих пор остается под протекторатом государства, и цены на сельскохозяйственную продукцию до сих пор жестко регулируются. Это, в свою очередь, также объяснимо ролью сельского хозяйства в обеспечении и без того низкого уровня доходов почти миллиардной армии крестьян. Можно предположить, что способность руководства КНР контролировать стоимостные объемы внешнего предложения ряда стратегических товаров, а также сохранение возможности резкого и эффективного маневрирования этими параметрами, сыграли не последнюю роль в социально-экономической трансформации страны.

К числу нетарифных барьеров относятся и неявные преимущества, которые предоставляются китайским производителям и импортерам посредством различных льгот, существенно корректирующих параметры и характер конкуренции на китайском рынке (*табл. 6*).

**Налоговые льготы и изъятия
по импортируемым товарам, 1994 г.**

Объект льготы	Кем предоставлена
Товары, импортируемые в СЭЗ	Местные органы власти
Товары, импортируемые в специальные экономические зоны (50-процентная льгота)	Государственная плановая комиссия, Министерство финансов, Главное таможенное управление, Комиссия по тарифной политике при Госсовете КНР
Прибрежные зоны экономического развития	Местные органы власти
Прибрежные зоны экономического и технологического развития	Местные органы власти
Импорт, оплачиваемый кредитами иностранных государств	Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества
Импорт, оплачиваемый иностранными кредитами	Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества, Народный банк Китая
Пожертвования «хуацяо» и ЕС	Местные органы власти, Главное таможенное управление, Бюро по делам зарубежных китайцев при Госсовете, Канцелярия Госсовета по вопросам, связанным с Тайванем, Канцелярия Госсовета по контролю импорта-экспорта электротехнических товаров
Пожертвования международных организаций и иностранных правительств	Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества, Министерство финансов, Народный банк Китая, Государственный плановый комитет, Комитет по науке и технике, Государственный комитет образования, Министерство сельского хозяйства, Китайский Красный Крест и службы санитарного контроля

Объект льготы	Кем предоставлена
Оборудование и технологии для совместной разработки нефтяных месторождений	Главное таможенное управление и Китайская компания по добыче нефти в море
Оборудование для стратегически важных проектов	Местные органы власти, комитеты, отвечающие за проект
Оборудование для компенсационной торговли и доверительной переработки	Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества
Бартер со странами бывшего СССР	Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества
Научно-исследовательское оборудование	Главное таможенное управление

Прямые ограничения по импорту товаров последовательно отменялись после 1992 г. С тех пор и до 2001 г. в КНР отменены квотные и лицензионные ограничения на 800 видов товаров, а с 15 января 2001 г. отменено квотирование и лицензирование по 20 видам электротехнических изделий. Однако, по оценкам Торгового представительства Российской Федерации в Пекине, нетарифные барьеры в виде квотирования и лицензирования импорта еще сохраняются примерно на 400 видов товаров.

Официальный список товаров, подлежащих одновременно квотированию и лицензированию, охватывает 28 товарных групп (274 тарифных позиции). Только лицензированию подлежат еще 7 товарных групп (130 тарифных позиций). Однако фактически импорт ряда товаров, официально не являясь предметом квотирования и лицензирования, подвергается и тому, и другому. Китай нашел простой и действенный способ облегчить себе переговоры с ВТО. Формально список товаров, подлежащих лицензированию и квотированию, сокращен, но фактически он не претерпел изменения. Просто решения о квотах и выдаче лицензий на импорт ряда товаров принимаются региональными властями на основе прогнозных объемов регионального спроса на эти товары. Практика «регионализации» квотирования и лицензирования импорта делает систему квот и лицензий еще менее прозрачной и предсказуемой.

Импорт ряда товаров (см. *табл. 5*) осуществляется государственными торговыми корпорациями и уполномоченными компания-

ми, список которых ежегодно определяется Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества КНР. Это министерство ежегодно определяет квоты на экспорт 11 видов товаров (рис, кукуруза, уголь, сырая нефть, нефтепродукты, вольфрам, сурьма, цинк, олово, пиломатериалы, шелк) и распределяет их между приграничными провинциями и автономными районами, а также уполномочивает внешнеторговые организации этих провинций и районов выдавать экспортные лицензии. К настоящему времени значительно уменьшилась сфера охвата экспортных лицензий: если ранее лицензировался экспорт 115 видов товаров (707 тарифных позиций), то теперь только 54 вида (343 позиции).

В целях регулирования экспорта и стимулирования возможностей госпредприятий в КНР проводятся квотные аукционы. Аукционы дают отдачу в виде повышения экспортных контрактных цен и уменьшения конкуренции между китайскими экспортерами. В 2000 г. посредством экспортных аукционов были распределены экспортные квоты на 39 видов товаров (350 тарифных позиций).

Китай про водит активную политику государственной поддержки экспорта. Главным инструментом этой поддержки является частичный возврат налога на добавленную стоимость. Ставка возврата НДС для экспортеров поднималась в течение последних 2 лет и на данный момент составляет: 17% для 4 видов электротехнической продукции, электроприборов и электроники, транспортных средств, измерительных приборов и одежды; 15% для сельхозтехники, сырья для текстильного производства, часов, обуви, стали, цемента, керамики и фарфора, химического сырья, красок и красителей, резины, игрушек, изделий из пластмассы, туристических товаров; 5% для сельскохозяйственной продукции. На остальные виды продукции ставка возврата в 2000 г. составляла 13%.

В целом система регулирования внешней торговли стала за 1992–2001 гг. значительно прозрачнее и либеральнее по сравнению с системой, характерной для 1980-х гг. Однако Китай сохранил существенную часть инструментов административного регулирования в области внешней торговли, а также значительную часть экономических регуляторов, позволяющих ему маневрировать в условиях либерализации внешней торговли и включения в глобальные рыночные процессы с тем, чтобы сохранить контроль над ситуацией в ключевых отраслях и по стратегическим продуктам.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Внешнеторговые и инвестиционные взаимодействия

Китай в настоящее время является одним из крупнейших внешнеторговых партнеров Дальнего Востока (третье место по объему товарооборота). КНР стабильно потребляет около половины экспортируемых Дальним Востоком нефтепродуктов, более 30% черных металлов, около 60% лесных товаров и более 20% рыбы и морепродуктов². В то же время объем экспорта дальневосточных территорий в КНР стабильно снижается на протяжении последних трех лет (рис. 1). По итогам 2008 г. на долю КНР приходится 12,3% дальневосточного экспорта против 30,5% в 2003 г. 36,2% импорта Дальнего Востока (первое место среди всех внешнеторговых партнеров) обеспечивается импортом из КНР. В 2000–2008 гг. темпы роста импорта из КНР значительно опережали темпы роста экспорта, что и обеспечило уверенный рост объемов взаимного товарооборота. Превышение темпов роста импорта в конечном счете привело к формированию отрицательного торгового баланса, который за 2007–2008 гг. составил 1,9 млрд долл. США, что составляет 28% суммарного положительного торгового сальдо за период 2000–2006 гг.

Нельзя не отметить также проблему противоречивости статистических оценок динамики торгово-экономического сотрудничества двух стран. Это отчасти объясняется различиями в методиках статистического учета, наличием нарушений законодательства в экспортно-импортной сфере, а также существованием института «приграничной торговли». Россия, в силу протяженности границы, является основным партнером Китая в приграничной торговле. Тем не менее, несмотря на большие объемы и важное значение для сопредельных регионов, значительная часть этого вида торговой деятельности российской официальной статистикой никак не учитывается. Это относится, например, к грузам, перевозимым физическими лицами (так

---

¹ Антонова Н.Е., Бардаль А.Б., Калашиников В.Д., Кучерявенко В.Е., Ломакина Н.В., Минакир П.А. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2009. № 3.

² Шейнгауз А.С. Новый феномен восточноазиатской экономики – китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // *Пространственная экономика*. 2006. № 4; 2007. № 1.

называемыми «челноками») в пределах объемов, разрешенных для беспрошленного провоза через российскую границу.

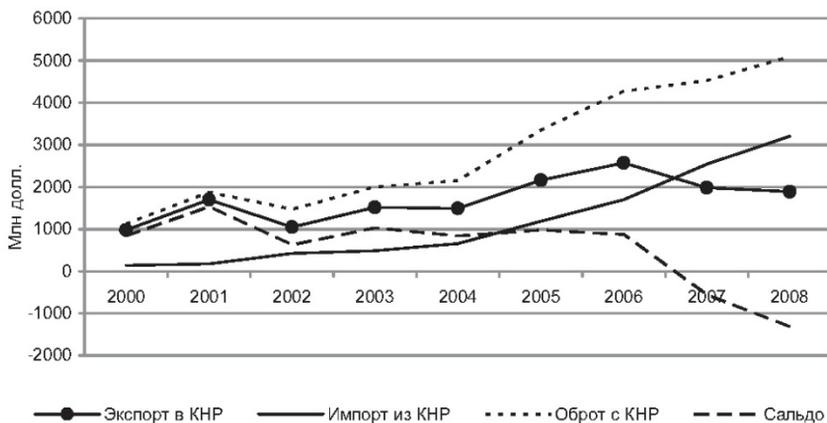

Рис. 1. Внешняя торговля Дальнего Востока с КНР, млн долл. США

Источник: данные таможенной статистики 2000–2008.

Недоучет приграничной торговли, наряду с другими обстоятельствами, ведет к искаженной оценке не только объемов, но и тенденций внешней торговли между двумя странами в целом. Так, если по российским оценкам объем товарооборота между двумя странами в 2007 г. составил 39 573,25 млн долл., то по китайским – 48 154,78 млн долл.¹ (расхождения на 21,6%). Аналогичная ситуация имела место и во все предыдущие годы.

Китайские данные свидетельствуют о том, что взаимная торговля не только осуществляется в гораздо больших объемах, но и развивается динамичнее, чем об этом говорит российская статистика. Следовательно, реально Китаю может принадлежать большая, чем это принято считать, доля в структуре внешнеэкономических связей России в целом, и Дальнего Востока в частности. Так, по данным за 2007г., в структуре импорта РФ доля КНР составляет по российским данным 7,6%, а по китайским почти в 2 раза больше – 14,3%. Китай-

¹ Рассчитано по: UNCTSD.

ская внешнеторговая статистика отдельно не выделяет связи с Дальним Востоком России, но по некоторым оценкам, реальные темпы роста товарооборота региона с КНР в 2–3 раза превышают темпы роста его товарооборота с другими зарубежными странами¹.

Еще важнее, что расхождения существуют в оценке тенденций развития торговли. Так, Россия и Дальний Восток на протяжении всей истории двусторонних отношений имели положительное сальдо в торговле с Китаем, что служило доказательством эффективности развития торгового сотрудничества России с КНР. Однако по китайским данным положительное сальдо России, не только значительно меньше, но и демонстрирует отличную от российских данных тенденцию к снижению.

Что касается отношений с северо-восточными провинциями КНР, то при общем многолетнем росте товарооборота торговля с ними не отличается стабильностью. Так, в отношениях с провинцией Хэйлунцзян, на долю которой приходится более 81% товарооборота Северо-Востока Китая с Россией, внешнеторговое сальдо российской стороны стало отрицательным еще в 2003 г. Аналогичная ситуация складывалась и в торговле с провинцией Цзилинь. Резкий скачок российского экспорта был зафиксирован лишь в 2005 г.

К началу 2009 г. отрицательное сальдо в торговле с Китаем имеют многие дальневосточные регионы: Приморский край (–1586,9 млн долл.), Амурская область (–47,9 млн долл.), Чукотский автономный округ (–28,2 млн долл.), Еврейская автономная область (–6,4 млн долл.), Магаданская область (–6,2 млн долл.) и Республика Саха (Якутия) (–4,9 млн долл.). В значительной степени это объясняется прогрессирующим ухудшением качества товарной структуры торговли. После 2000 г. нарастает сырьевая направленность дальневосточного экспорта в КНР. Ежегодно снижается доля в нем высокотехнологичной машинотехнической продукции (рис. 2), что объясняется прекращением военных поставок с территории Дальнего Востока.

---

¹ Левинталь А.Б. Об итогах реализации решений 7-го заседания Российско-китайского координационного совета по приграничному сотрудничеству // Материалы 8-го заседания РККС по приграничному сотрудничеству. Шеньян, 2006.

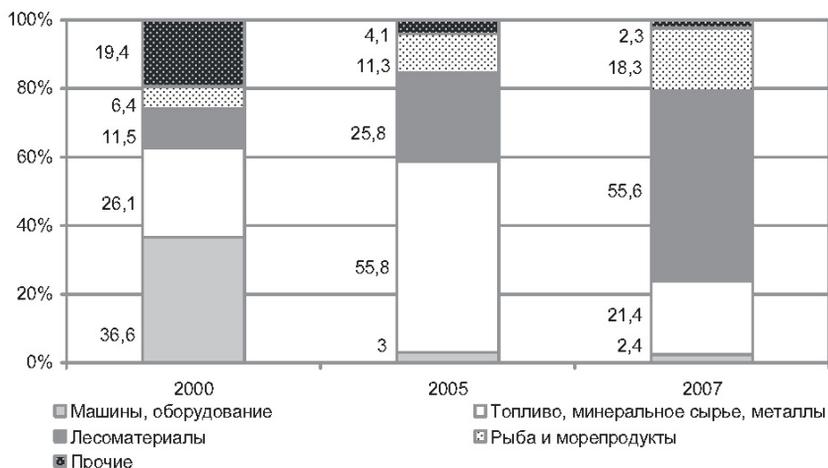

Рис. 2. Динамика структуры экспорта Дальнего Востока России в КНР, %

Источник: рассчитано по данным таможенной статистики.

Более того, теперь Китай поставляет на Дальний Восток продукцию машиностроения (табл. 1). В 2007 г. ее доля в импорте региона из Китая составила уже 26,4%. По данным за 2008 г., объем экспорта продукции машиностроения и электроники только из провинции Хэйлунцзян вырос на 76,8%, составив 3,92 млрд долл.¹

В последние годы наибольшая доля в экспорте Дальнего Востока принадлежит нефтепродуктам и лесоматериалам, представленным на 95% круглым лесом. Однако ожидание введения новых пошлин на его вывоз привело к затовариванию рынка СВК этим товаром и в условиях частичной переориентации китайского рынка на другие источники леса, а также снижения деловой активности на фоне кризисных явлений в мировой экономике, сделало перспективы экспорта данного товара несколько неопределенными. Таким образом, в настоящее время происходит процесс резкого снижения диверсификация дальневосточного экспорта в Китай и его стремления

¹ По данным агентства Синьхуа со ссылкой на Управление коммерции провинции Хэйлунцзян, в 2008 г. объем торговли между провинцией и Россией составил 11,06 млрд долл. США (19,5% общего товарооборота между КНР и РФ), увеличившись на 3,1% по сравнению с 2007 г.

к монопродуктовой структуре. Это повышает уязвимость внешнеторгового сектора региона и всей его экономической системы от колебаний цен на мировом рынке нефти, а также от спроса на нефтепродукты со стороны КНР.

Таблица 1

Товарная структура импорта Дальнего Востока из Китая, %

Товарная позиция	2000	2005	2007
Машины, оборудование, транспортные средства	9,9	15,0	26,4
Топливо, минеральное сырье, металлы	2,7	8,4	10,8
Продукция химической промышленности	6,8	7,3	6,7
Строительные материалы	0,8	3,2	1,9
Сырье и продукция переработки	3,2	2,8	2,6
Товары народного потребления	71,6	63,4	49,4
промышленные товары	16,1	45,8	39,0
пищевкусовые товары	55,5	17,6	10,4
Прочие	5,0	0,0	0,3
Импорт, всего	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано по данным таможенной статистики.

Можно сделать вывод, что с точки зрения российской стороны, нынешнее состояние торгово-экономических отношений между Дальним Востоком и КНР не в полной мере отвечает потребностям развития экономики российских приграничных территорий. Сохранение отмеченных тенденций может привести к тому, что, при нынешних темпах роста импорта из Китая, эта страна окажется для Дальнего Востока в роли партнера, на долю которого будет приходиться более 40% дальневосточного импорта и более 30% оборота внешней торговли региона. При этом отрицательное внешнеторговое сальдо Дальнего Востока продолжит увеличиваться, а экспорт в КНР приобретет по сути монопродуктовый характер¹.

Еще более ускорить развитие указанных негативных тенденций может обсуждаемое в последнее время создание вдоль границы с Китаем зоны свободной торговли, подразумевающее предоставление

---

¹ Деваева Е.И., Котова Т.Е. Российское Дальневосточье и АТР: внешнеторговый аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6.

ему определенных преференций. Вместо ожидаемых выгод это может грозить чрезмерной экономической зависимостью восточных регионов России от рынка КНР.

В то же время резкое ограничение приграничной торговли также может иметь негативные последствия, так как она представляет собой самостоятельный сектор дальневосточной экономики, обладающий значительным потенциалом обеспечения самозанятости и развития частного предпринимательства. Кроме того, данный сектор обеспечивает малообеспеченные слои населения региона недорогими товарами народного потребления. Значение приграничной торговли для смягчения социальной ситуации на Дальнем Востоке особенно возрастает в периоды обострения кризисных явлений в экономике¹.

Инвестиционное сотрудничество между приграничными регионами российского Дальнего Востока и северо-восточными провинциями Китая развито слабо. Между китайскими и российскими производственными структурами сформировались инвестиционные противоречия. Ожидать от китайской стороны серьезных инвестиций в экономику Дальнего Востока (в том числе, в деревопереработку) не приходится, так как Китай в целом и СВК, в частности, скорее сами конкурируют с Россией и ее Дальним Востоком за инвестиции третьих стран. Это подтверждается тем, что в настоящее время объемы китайских инвестиций на территории Дальнего Востока ничтожны (на долю китайских инвесторов в 2008 г. приходилось лишь около 0,3% общего объема иностранных инвестиций, или 27 млн долл. США – табл. 2), а их отраслевую структуру нельзя назвать эффективной.

Наиболее привлекательными регионами для китайского капитала традиционно являются Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, а также Еврейской автономной области. На долю Приморского и Хабаровского краев приходится соответственно 23,4 и 24,95% всего поступившего в регион китайского капитала (табл. 3). В Хабаровский край поступило в 2008 г. 6,75 млн долл. китайских инвестиций (или 2,81% всех средств, поступивших в край из-за рубежа). Для Приморского края соответствующие показатели составили 6,3 млн долл. (или 0,79%). 17,3% китайских инвестиций было направлено в Амурскую область.

---

¹ Annual Review and Assessment of the World Timber Situation 2007 / International Tropical Timber Organization. Yokohama, 2008.

Таблица 2

**Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке,
распределение по странам-инвесторам**

Страна	2007		2008	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Нидерланды	3 462 432,7	55,3	4 852 359,9	56,15
Великобритания	782 550,6	12,5	782 506,7	9,05
Япония	350 912,4	5,6	648 090,9	7,5
Люксембург	286 370,7	4,6	560 090,3	6,48
Багамские острова	400 658,2	6,4	496 469,2	5,74
Виргинские острова	48 654,3	0,8	376 974,6	4,36
Индия	222 003	3,5	311 545,2	3,6
Кипр	79 861,8	1,3	194 313,7	2,25
Республика Корея	98 784,2	1,6	102 156,9	1,18
Канада	81 868,8	1,3	86 266,3	1,00
Австрия	66 197,1	1,1	82 039,2	0,95
Малайзия	–	–	47 661,3	0,55
Китай	29 514	0,5	27 060,8	0,31
США	19 241,0	0,3	26 357,8	0,3
Бермудские острова	72 386,9	1,2	10 182,3	0,12
Франция	150 000	2,4	4962,5	0,06
Германия	94 674,5	1,5	3430,0	0,04
Другие страны	13 985,4	0,1	29 697,1	0,34
Всего	6 260 095,6	100	8 642 165,1	100

Источник: фондовые материалы ИЭИ ДВО РАН.

Что касается отраслевой структуры китайских инвестиций на Дальнем Востоке, то она остается достаточно стабильной. В число наиболее привлекательных секторов традиционно входят лесозаготовка и добыча руд драгоценных металлов. Причем, если в 2007 г. именно этот сектор привлек наибольший объем китайского капитала (12,1 млн долл. или 41% всех китайских инвестиций в регион), то в 2008 г. вложения в этот сектор снизились до 4,8 млн долл. Значительный рост в этот период продемонстрировали инвестиции в лесозаготовку (более чем в 3,5 раза) до 5,57 млн долл., а также в производство модифицированной древесины (до 5,04 млн долл.), инвести-

ции в которое ранее не наблюдались. Более чем вдвое снизились в 2008 г. китайские вложения в сферу оптовой и розничной торговли, составив всего 4,4 млн долл. (по сравнению с 10,7 млн долл. В 2007 г.). При этом, если ранее большая их часть направлялась в розничную торговлю пищевыми продуктами, то в 2008 г. 89,5% инвестиций в данный сектор было направлено в оптовую торговлю рыбой и морепродуктами. Кроме того, традиционный интерес китайских инвесторов привлекают такие сектора, как строительство, операции с недвижимым имуществом и геологоразведочные работы.

Таблица 3

**Иностранные инвестиции по регионам
Дальнего Востока в 2008 г.**

Регион	Всего		Из Китая	
	тыс. долл.	%	тыс. долл.	%
Республика Саха (Якутия)	666 050,9	7,71	–	–
Приморский край	804 147,8	9,30	6332,3	23,40
Хабаровский край	240 174,9	2,78	6750,9	24,95
Амурская область	137 741,8	1,59	4731,9	17,49
Камчатский край	199 735,6	2,31	2,0	0,01
Магаданская область	5013,6	0,06	4680,4	17,30
Сахалинская область	6 238 550,8	72,19	3149,0	11,64
ЕАО	10 846,2	0,13	1414,3	5,23
Дальний Восток	8 642 165,1	100	27 060,8	100

Источник: фондовые материалы ИЭИ ДВО РАН.

Развитие внешнеэкономического сотрудничества Дальнего Востока России с Китаем и регионом СВА в целом во многом определяются реальностью решения задачи повышения конкурентоспособности экономики и отдельных производств Дальневосточного федерального округа. Это относится не только к обрабатывающей, но и, возможно в первую очередь, к ресурсоэксплуатирующей промышленности.

Важным шагом в этом направлении представляется предстоящее присоединение России к ВТО, будет ли это индивидуальное или коллективное членство. Открывая путь к полноправному включению её в мирохозяйственные процессы, оно способно дать мощный импульс формированию в стране конкурентной среды на уровне международных стандартов и сближению нашего хозяйственного законодательства с нормами и практикой других стран.

Переход к стратегии инновационно-освоенческого развития приведет к увеличению закупок инвестиционного оборудования, прогрессивных технологий, что еще более увеличит складывающийся торговый дефицит на региональном уровне. Это предполагает создание финансовых инструментов для поддержки целевого импорта в регион, направленного на повышение и поддержание уровня ценовой и качественной конкурентоспособности.

Конкурентоспособность дальневосточных предприятий и продвижение их продукции на внешние рынки во многом определяется перспективами производственно-технологического сотрудничества. Такое сотрудничество не только ускорит переход к современным методам производства и управления, выпуску продукции на уровне мировых стандартов, но и откроет возможности по созданию производств комплектующих материалов, узлов и деталей на отечественных предприятиях, что позволит постепенно формировать комплексы взаимосвязанных производств. Участие в выполнении заказов иностранных компаний облегчает сбыт изготавливаемой продукции, в том числе на внешних рынках, за счет встраивания в международные технологические и сбытовые «цепочки».

В качестве механизмов, позволяющих эффективно реализовать поставленные задачи, возможно выделить следующие¹.

Во-первых, создание контактных производственно-кооперационных и инвестиционных зон сотрудничества в форме технопарков, зон свободной торговли, специальных экономических зон. Создание локальных зон наиболее предпочтительно в приграничных районах, способных выполнять преимущественно функции содействия внешнеэкономической деятельности соответствующих районов, развитию их экспортного потенциала, в частности на основе привле-

---

¹ Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. 2007.

чения иностранного капитала, а также, при необходимости, иностранной рабочей силы. Перспективы создания зон любого типа на Дальнем Востоке во многом зависят от создания ситуационной законодательной базы, ориентированной не на абстрактные либеральные ценности, а на конкретные проблемы конкретного региона и конкретные национальные интересы.

На территории Дальнего Востока России, с точки зрения долгосрочных приоритетов «зональной» политики, целесообразно ориентироваться на создание промышленно-производственных зон в Хабаровском крае, Амурской и Сахалинской областях (нефтехимическая промышленность); Сахалинской и Камчатской областях (переработка рыбы и морепродуктов). Размещение туристско-рекреационных зон возможно на территории Камчатской области, портовых зон – в Приморском и Хабаровском краях.

Во-вторых, активизация межрегиональных взаимодействий дальневосточных субъектов РФ с китайскими провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин в контексте реализации намеченных экономических преобразований на северо-востоке КНР. В настоящее время Китай проводит активную политику в плане структурной перестройки экономики его северо-востока, в частности за счет модернизации старых и развития новых отраслей промышленности. Наблюдаемая на современном этапе позитивная динамика данного процесса в перспективе может привести к увеличению выпуска конкурентоспособной продукции предприятиями Северо-Востока Китая. Это может инициировать структурные сдвиги в российско-китайской межрегиональной торговле, результатом которых может стать рост импорта из Китая продукции инвестиционного назначения и сокращение активного сальдо внешнеторгового баланса Дальнего Востока России.

Сотрудничество в лесной отрасли

С начала 2000-х гг. Китай стал ключевым игроком восточно-азиатского и мирового рынка круглого леса. С 2001 г. Китайская Народная Республика занимает первое место в мире по импорту круглого леса. Для восполнения дефицита древесного сырья в Китае с 2003 г. начался рост объема лесозаготовок, как в естественных лесах, так и за счет ввода в эксплуатацию новых плантационных лесонасаждений, в 2006 г. объем лесозаготовок достиг 66,1 млн м³. К 2010 г. планируется, что плантационные леса будут давать 96 млн м³ древесины (или 70% потребности), а к 2015 г. – 140 млн м³. Импортиро-

ваться же будет преимущественно высококачественная крупноразмерная древесина¹.

В настоящее время на долю Китая приходится около 25% мирового и свыше 60% регионального спроса на импортную древесину. На Китай и Японию ориентированы главные азиатские регионы-поставщики: восточные регионы России и страны Юго-Восточной Азии.

В 1996–2003 гг. китайское руководство предприняло ряд шагов для стимулирования притока дешевой российской древесины в КНР, включая стимулирование мелкомасштабной приграничной торговли через снижение в 2 раза импортных пошлин на круглую древесину и пиломатериалы и до 6,5% – налог на добавленную стоимость. Кроме того, были предоставлены серьезные преференции двум главным пропускным пунктам Северо-Восточного Китая, Суйфэньхэ и Манчжурия, что привело к резкому росту импорта древесины из России. Около 95% китайских заводов размещаются на границе, где осуществляют первичную переработку и отправляют продукцию на внутрикитайский рынок для вторичной переработки. Затем она отправляется в другие страны (в том числе обратно в РФ). В гг. Далянь и Суйфэньхэ созданы крупные заводы по переработке российской древесины.

Импорт Китаем круглой древесины нетропических пород чрезвычайно велик и продолжает расти, их основным поставщиком является Россия, которая в настоящее время обеспечивает почти 2/3 физического объема круглых лесоматериалов для Китая. По данным китайской таможенной статистики общий объем импорта круглой древесины в 2007 г. составил 37,1 млн м³, из которых 68,5% (25,4 млн м³) Китай ввез из России. Из них 83% – хвойные породы (сосна, лиственница, ель и пихта), остальное – лиственные (дуб, ясень, осина)².

В товарной структуре российского лесного экспорта в Китай доля пиломатериалов составляет лишь 10%. Но при этом российские

---

¹ *Шейнгауз А.С.* Новый феномен восточноазиатской экономики – китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // *Пространственная экономика*. 2006; 2007; *Annual Review and Assessment of the World Timber Situation 2007* / International Tropical Timber Organization. 2008.

² *Annual review and Assessment of The World Timber Situation 2007* / International Tropical Timber Organization. Yokohama, 2008.

пиломатериалы, в основном из хвойных пород, также занимают лидирующее положение в китайском импорте, но гораздо более скромное, чем круглая древесина – 24,4% (или 1,6 млн м³) в 2007 г. В этом сегменте лесного рынка присутствует много других поставщиков – США, Канада, Новая Зеландия, страны ЮВА и др., поэтому конкуренция очень высока. До настоящего времени Россия выигрывала за счет ценовой конкурентоспособности своей продукции, позиции которой еще более усилилась в связи с принятием в 2007 г. решения Правительства РФ о снижении экспортных пошлин на пиломатериалы для стимулирования экспорта продуктов переработки¹

Кроме того КНР сама является мировым экспортером пиломатериалов, в том числе в другие страны Восточной Азии. В 2007 г. Китаем было экспортировано 0,7 млн м³ пиломатериалов.

Другим важным российским экспортным товаром в КНР является целлюлоза. России принадлежит около 11–12% общего импорта целлюлозы в Китай, но она сравнительно низкого качества. Целлюлоза является самым объемным по стоимостным показателям импортным товаром в КНР, объем импорта сравним с объемом ее производства внутри страны.

В остальных сегментах рынка лесных товаров Россия представлена слабо (бумага, фанера) или практически не присутствует (шпон, щепы, плитные материалы, мебель). Эти сегменты прочно заняты традиционными производителями из Юго-Восточной Азии, имеющими устоявшиеся товарные потоки, и вход на эти рынки новых производителей из России будет очень сложен. Сам Китай с каждым годом увеличивает свою долю на мировом рынке именно в качестве экспортера продукции лесопереработки, особенно мебели (он обеспечивает почти 50% мировой потребности). В течение последних лет перед кризисом в Восточной Азии высокими темпами рос спрос на строительные материалы из древесины и мебель, существенные мощности, по выпуску которых концентрируются и постоянно наращиваются в КНР².

В настоящее время сотрудничество Дальнего Востока с КНР в лесной сфере в основном осуществляется в форме торговли: Дальний

---

¹ Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Хабаровск: РИОТИП, 2008.

² Ежегодный обзор рынка лесных товаров ЕЭК ООН / ФАО. 2006–2007 гг. Нью-Йорк; Женева, 2007.

Восток экспортирует в Китай большей частью круглую древесину (95–96%) и незначительное количество пиломатериалов, а импортирует изделия более глубокой переработки (плитные материалы, мебель). Еще одной формой сотрудничества являются инвестиции в лесозаготовку, а в последнее время и переработку древесины, хотя пока и незначительные сдержанные.

В географической структуре дальневосточного экспорта продукции лесной отрасли доля Китая за период 2002–2007 гг. выросла с 54 до 72%. Объем экспорта в 2007 г. составил 10,9 млн м³. Дальний Восток в настоящее время обеспечивает 40% российского лесного экспорта в Китай.

В основном экспортируют древесину в КНР 4 территории Дальнего Востока: Хабаровский и Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области. Лидирует Хабаровский край – 6,7 млн м³ (или 62%), Приморский край экспортировал 2,6 млн м³ (24%), Амурская область – 1,2 млн м³ (11%), Еврейская автономная область – 0,2 (2%).

До повышения экспортных пошлин российская круглая древесина была наиболее привлекательной по цене на китайском рынке по сравнению с древесиной из других стран, хотя ее цена была примерно на 10–20% выше цены древесины, произведенной в самом Китае. После повышения пошлин она потеряла свои конкурентные позиции.

Для Дальнего Востока повышение экспортных пошлин уже на первых этапах повлекло за собой ряд негативных последствий, включая ухудшение параметров функционирования лесного комплекса из-за падения конкурентоспособности круглой древесины на внешнем рынке. Традиционные китайские партнеры, стали постепенно сокращать закупки российской древесины, начав активный поиск более стабильных ее источников в Канаде и США. В течение 2008 г. в Китае происходило постепенное увеличение запасов необработанной древесины, что можно объяснить как желанием импортеров осуществить максимальные поставки до введения Россией заградительных пошлин, так и снижением спроса со стороны китайских переработчиков. Начало кризисных тенденций в мировой экономике способствовало еще большему сокращению объемов импорта древесины из-за падения объемов производства лесопромышленной продукции в Китае. Это происходит вследствие снижения спроса и цен на продукты переработки древесины в США и ЕС, куда поставлялся основной объем лесных товаров Китая. За 8 месяцев 2008 г.

экспорт фанеры из Китая упал на 14% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (до 5,3 млн м³). Доля экспорта китайской мебели в США хотя и увеличилась в натуральном выражении, но в стоимостном выражении сократилась на 3% до 1,9 млрд долл. Это также явилось причиной сокращения экспорта дальневосточной древесины. В 2008 г. дальневосточными лесопромышленными предприятиями экспортировано в КНР 9,9 млн м³, по сравнению с 2007 г. спад составил 9%.

Вопрос о доступности сырья приобретает все большую важность в Китае. Повышение цен на сырье в результате роста пошлин в России, несомненно, окажет значительное давление на издержки производства и общий уровень цен выпускаемой продукции. Тем не менее, не следует преувеличивать последствия этого решения на китайскую деревообрабатывающую промышленность. В наибольшей степени пострадают мелкие лесопильные производства и, в меньшей степени, предприятия последующей технологической цепочки (получающие от первых пиломатериалы и отходы) и потребители. Крупные производства (древесных плит, целлюлозно-бумажных изделий) в Китае характеризуются сильной вертикальной интеграцией и поэтому смогут пережить рост затрат на сырье, в том числе за счет переноса их на цену конечной продукции. То же относится к китайским предприятиям, производящим конструкционные изделия из древесины, плотничьи и столярные строительные изделия и другие лесные товары с более высокой добавленной стоимостью из хвойного сырья, и связанным долговременными контрактами на поставку своей продукции на Запад, в «дорогие» страны, для них такое изменение цен на продукцию не окажется критичным.

Слабое развитие мощностей по переработке древесины, отсутствие технических и технологических возможностей отрасли для перехода от примитивной заготовки к полной переработке сырья в совокупности с отсутствием наработанных ниш на внешних рынках готовой лесопродукции пока не дает шансов для появления новых импульсов развития лесного комплекса Дальнего Востока за счет продвижения на мировые рынки при существующем в настоящее время уровне конкуренции¹.

---

¹ Шейнгауз А.С., Антонова Н.Е. Оценка последствий присоединения России к ВТО для развития лесного комплекса Дальневосточного федерального округа // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3.

Одной из возможностей развития лесного комплекса Дальнего Востока могло бы стать инвестиционное сотрудничество с китайскими партнерами в этой сфере. Одной из примитивных форм инвестиционного сотрудничества явилась поставка дальневосточным предприятиям примитивных пилюрам, зачастую бывших в употреблении, для производства низкокачественных пиломатериалов и последующего их экспорта в Китай, в целях избежания уплаты повышенных пошлин.

Наиболее активно китайский бизнес работает в лесном комплексе Амурской области, но в основном в лесозаготовке. Доля иностранных инвестиций в основной капитал в ЛПК области составила за 2006–2007 г. 39% всех инвестиций. В 2007 г. в ЛПК области работало 44 иностранных предприятия, в основном китайских, из которых 41 вело деятельность в сфере лесозаготовки и 3 – в деревообработке. Китайскими предприятиями заготовлено в 2007 г. более 450 тыс. м³ древесины или 34% общего объема деловой древесины, заготовленной в области¹.

Официальные власти КНР настойчиво рекомендуют китайским бизнесменам вкладывать инвестиции в использование лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Серьезные китайские капиталовложения в лесной комплекс Дальнего Востока возможны. Особенно с учетом того, что китайским руководством взят курс на расширение объемов экспорта капитала до уровня, сопоставимого с прямыми иностранными инвестициями, привлеченными в Китай. Этому процессу также должно способствовать проведение в КНР государственной политики, направленной на освоение и использование российских лесных ресурсов как одного из приоритетных направлений двустороннего сотрудничества.

Сотрудничество в сфере разработки минерально-сырьевых ресурсов

В настоящее время на территории дальневосточных субъектов РФ существует ряд намеченных к реализации ресурсных инвестиционных проектов, в качестве окончания технологической цепочки которых рассматривается получение конечных продуктов с высокой добавленной стоимостью в Северо-Восточном Китае.

---

¹ Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Хабаровск: РИОТИП, 2008.

Одним из примеров возможного «пересечения» интересов может стать развитие черной и цветной металлургии.

На Дальнем Востоке намечены к реализации достаточно амбициозные проекты формирования «нового облика» этих отраслей на юге региона (Амурская и Еврейская автономная области). При реализации этих инвестиционных проектов могло бы начаться реальное создание «промышленно-сервисной дуги». Однако первый этап их реализации предусматривает экспорт первичной продукции переработки минерального сырья с Куранахского, Кимканского, Сутарского месторождений, прежде всего в КНР. При этом предусматриваются серьезные вложения (в т. ч. и в рамках частно-государственного партнерства) в инфраструктурные проекты (железная дорога, мост, портовые сооружения) (*табл. 4*).

В то же время, появилась информация о строительстве в Северо-Восточном Китае (г. Цзямуся) завода по производству титановой губки на базе сырья Куранахского месторождения с участием компании Agisom, а также предприятий по ее дальнейшей переработке в титановый прокат и производства изделий из него. Годовой финансовый объем производства всего титанового проекта в рамках создаваемого технопарка «Цзямуся» достигнет 16 млрд юаней, а прибыли – 1,5–20 млрд юаней, что обеспечит 3000 новых рабочих мест на самом предприятии и более тысячи – в его инфраструктуре. Кроме того, появление новых титановых производств может инициировать развитие ряда местных малых добывающих и перерабатывающих предприятий, которые станут претендовать на роль смежников. Продукция технопарка может составить 1/4 долю китайского титанового рынка¹.

Эти проекты на российской и китайской сторонах могут в перспективе привести к возникновению металлургического «кластера» по обе стороны границы.

---

¹ Plan of Revitalizing Northeast China by National Development and Reform Commission / Office of the Leading Group for Revitalizing Northeast China and Other Old Industrial Bases of the State Council. 2007.

**Горно-металлургический «кластер» в южной зоне
Дальнего Востока и на Северо-Востоке Китая**

Территория	Горно-металлургический блок	Инфраструктурный блок
Амурская область	Гаринский ГОК: 7 млн т сырой руды, 2,93 млн т товарной руды и 2,9 млн т офлюсованных окатышей Освоение титаномагнетитовых месторождений Б. Сейим и Куранахское	Автодорога Гарь – Февральск и мост через р. Селемджу (3640 млн руб.) высоковольтная линия (220 кВ) Шимановск – Гарь (810 млн руб.)
ЕАО	Кимкано-Сутарский ГОК: добыча руды 10 млн т и производством 6–7 млн т концентрата и 3 млн т железорудных окатышей 22,9 млрд руб.	Железнодорожный мостовой переход Нижнеленинское – Тунцзян (КНР) для поставки в Китай продукции Кимкано-Сутарского ГОКа, а также концентратов руд с Амурской области (в целом до 20–25 млн т в год к 2013 г.); реконструкция железнодорожной ветки Биробиджан – Нижнеленинское (124 км)
Хабаровский край		Комплекс по перегрузке железорудных концентратов мощностью до 7 млн т, Советская Гавань
Северо-Восточный Китай (пров. Хэйлунцзян)	Железорудный концентрат и окатыши для черной металлургии СВК. Совместное предприятие (65% Agicom, 35% Chinalco) по производству губчатого титана (30 тыс. т, 1 очередь – 15 тыс. т) из ильменита Куранаха, г. Цзямусы (3 тыс. занятых)	Строительство железной дороги к пункту пропуска Тунцзян в районе Хуайтао (напротив порта Нижнеленинское).

С китайской стороны уже достигнуты договоренности о начале строительства железнодорожного моста через реку Амур между поселком Нижнеленинское и китайским городом Тунцзян в августе 2009 г. Однако, планируемые к перевозке объемы железорудной продукции (железорудный концентрат и окатыши) могут быть перевезены и через существующие пункты пропуска в Приморском крае. В то же время, ввод моста в действие негативно скажется на грузообороте действующего погранперехода «Гродеково – Суифэньхэ» и приморских портов, через которые переваливается часть экспортных и транзитных грузов, следующих на юг Китая.

Другой пример сотрудничества – предварительные договоренности о начале совместного освоения Евгеньевского месторождения апатитов в Амурской области. Работы должны начаться до 15 июня 2009 г. Стороны договорились о совместном проведении работ по геологической разведке и добыче апатитов для обеспечения производства 1,2 млн т сложных фосфатных удобрений. В связи с этим был подписан соответствующий протокол о строительстве обогатительной фабрики по производству апатитового концентрата на территории Амурской области и завода по производству фосфатных удобрений на территории г. Хэган (КНР). Будет создана «Амурская фосфорная компания», которая займется геологической разведкой и добычей апатитов на Евгеньевском месторождении для дальнейшей отправки их на завод в г. Хэган¹.

Достаточно реальными выглядят и перспективы использования минеральных ресурсов вновь осваиваемых месторождений Дальнего Востока в традиционно сырьевом варианте – добыча, первичное обогащение и экспорт. Такого рода примеры есть и в других отраслях ресурсного сектора региона.

Сотрудничество в области энергетики (нефть, газ, электроэнергия)

Сотрудничество в сфере энергетики является наиболее перспективным на настоящий момент направлением взаимодействия, позволяющим постепенно увеличивать инновационную составляющую за счет повышения степени переработки, внедрения новых методов до-

---

¹ Report on the Implementation of the 2008 Plan for National Economic and Social Development and on the 2009 Draft Plan for National Economic and Social Development // Xinhua News Agency. 2009. 15 March.

бычи и транспортировки. Вместо негативной концепции превращения в «сырьевой придаток» возможно и необходимо использовать позитивную концепцию превращения региона в ключевого поставщика энергоресурсов в КНР, регионального монополиста, формирующего зависимость сопредельного государства от собственных поставок и собственной политики, способного диктовать свои условия с учетом неизбежно растущей потребности КНР в энергоресурсах.

К настоящему времени действует пакет различных соглашений и двусторонних инициатив в сфере сотрудничества между российскими энергетическими компаниями и китайскими государственными компаниями, а также правительственными структурами.

К ним относятся:

- соглашение о стратегическом партнерстве между ОАО «Газпром» и Китайская национальная нефтяная компания (China National Petroleum Corporation, CNPC) (октябрь 2004 г.);
- меморандум о взаимопонимании между ОАО РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая (март 2005 г.);
- соглашение о долгосрочном сотрудничестве между ОАО РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая (июль 2005 г.);
- протокол изучения вопроса о проектировании и строительстве нефтепровода Сквородино – граница с КНР с целью достижения понимания в вопросах разработки ТЭО и строительства данного нефтепровода (март 2006 г.);
- соглашение между ОАО «НК «Роснефть» и Китайской национальной нефтяной компанией об основных принципах создания совместных предприятий на территории России и Китая для углубления сотрудничества в нефтяной сфере (март 2006 г.);
- соглашение между ОАО РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая о всесторонней разработке ТЭО проекта поставки электроэнергии из России в Китай (март 2006 г.);
- рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО «НК «Роснефть» и Китайской нефтехимической компанией Sinopet (ноябрь 2006 г.);
- соглашение о совместной нефтепереработке и сбыте нефтепродуктов в Китае между ОАО «НК «Роснефть» и Sinopet (ноябрь 2006 г.);

- соглашение об укреплении сотрудничества в области перевозок сырой нефти между ОАО «РЖД» и Министерством железных дорог КНР (март 2007 г.);
- соглашение о стратегическом сотрудничестве между China National Aviation Fuel (CNAF) и ОАО «НК «Роснефть» (апрель 2007 г.);
- соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО «ЛУКОЙЛ» и Китайской национальной нефтяной компанией (сентябрь 2007 г.);
- документы между НК «Роснефть», АК «Транснефть» и Китайской национальной нефтяной компанией, Банком развития Китая о кредитах российским компаниям на 25 млрд долл. в обмен на контракт о поставках нефти из России в Китай сроком на 20 лет (февраль 2009 г.).

Эти стратегические инициативы отражают высокую динамику в развитии российско-китайского энергетического сотрудничества, которое в настоящее время концентрируется на трех секторах – нефтяном, газовом и электроэнергетическом¹.

Нефтяной сектор. В настоящее время в стадии осуществления находится ряд совместных проектов в сфере поставок российской нефти в КНР:

Продолжается строительство нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (проект ВСТО), в частности близок к завершению первый этап ВСТО. В апреле 2009 г. состоялось официальная церемония начала строительства нефтепровода-ответвления Сковородино – КНР мощностью 15 млн т/год.

Осуществляется экспорт нефти из России в Китай по железной дороге. Основным поставщиком – ОАО «НК «Роснефть», также поставки осуществляются ОАО «Газпромнефть» и ОАО «Лукойл». В 2005 г. объем перевозок нефти в Китай по железной дороге составил 8 млн т, в 2006 г. – 10,3 млн т, в 2007 г. 9,0 млн т нефти.

В 2006 г. CNPC осуществила стратегические инвестиции в активы российской нефтегазовой компании ОАО «НК «Роснефть»,

---

¹ Gulidov R., Kalashnikov V. Russia's Energy Cooperation with the NEA Countries: The Current Situation and Problems // Northeast Asia Energy Focus. 2008. Vol. 5. No. 2.

приобретя на Лондонской бирже пакет акций компании в ходе IPO на сумму в 500 млн долл. США.

В 2006 г. ОАО «НК «Роснефть» и Sinopet установили контроль над российской нефтегазовой компанией ОАО «Удмуртнефть».

ОАО «НК «Роснефть» и Sinopet ведут совместные разведочные и поисковые работы в пределах Венинского блока проекта Сахалин-3. Кроме того, компании совместно разрабатывают Адайский блок в Казахстане.

В 2006 г. ОАО «Роснефть» и CNPC вместе учредили компанию ОАО «Восток Энерджи», которая получила в пользование два участка в Иркутской области для геологического изучения и добычи углеводородов.

Газовый сектор. В 2006 г. ОАО «Газпром» и CNPC подписали протокол о поставках природного газа из России в Китай, установивший сроки, предполагаемые объемы и маршруты поставок газа из России в Китай. В соответствии с протоколом планируется построить два газопровода в Китай («Восточный» и «Западный» маршруты) общей пропускной способностью 68 млрд м³ газа в год к 2020 г.

Электроэнергетика. В настоящее время для приграничного экспорта электроэнергии из Амурской области в провинцию Хэйлунцзян существуют три межгосударственных линии электропередач. Приграничный экспорт получил начало в 1993 г. Максимальные поставки составили около 400 млн кВт·ч/год.

В ноябре 2006 г. было подготовлено совместное предварительное ТЭО проекта крупномасштабного экспорта электроэнергии из восточной части России в Китай стоимостью около 20 млрд долл. Проект планируется реализовать в три стадии. На первой из них намечается расширение приграничной торговли до 4,5 млрд кВт·ч в год. На второй – строительство новых генерирующих мощностей на юге Дальнего Востока для увеличения экспорта до 22,5 млрд кВт·ч в год. После 2015 г. – на третьей стадии проекта – предполагается строительство еще нескольких тепловых и гидроэлектростанций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Целевой объем экспорта – 60 млрд кВт·ч в год.

В то же время, несмотря на хорошую динамику российско-китайских контактов, реализация совместных инициатив в области энергетического сотрудничества сталкивается с рядом проблем. Это связано с тем, что интенсивная реализация совместных инициатив в

области энергетического сотрудничества с КНР имеет ограничения стратегического характера¹, такие как:

- отсутствие надежной разведанной сырьевой базы нефти в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия);
- несогласованность и противоречивость российских планов формирования инфраструктуры газоснабжения и организации экспортных поставок природного газа на тихоокеанском направлении;
- внутри российского бизнес-сообщества и правительственных кругов нет однозначного мнения по поводу конкретных форм и направлений международного энергетического сотрудничества на тихоокеанском направлении. Приоритеты российской энергетической геополитики явно склоняются в сторону европейского направления;
- китайская сторона является сложным партнером для согласования долгосрочных условий сотрудничества. Китайские партнеры с неохотой признают международные стандарты заключения долгосрочных энергетических соглашений и контрактов. В частности, ключевой проблемой является установление «справедливой» цены на российские природный газ и электроэнергию, экспортируемые в Китай. Например, приграничная торговля электроэнергией с КНР имеет почти пятнадцатилетнюю историю, но организация системы торговли несовершенна: условия поставок электроэнергии не включают «формулу цены». В результате из-за тарифных разногласий в 2007–2008 гг. приграничная торговля электроэнергией вообще не осуществлялась. В 2009 г. были предприняты совместные шаги к разблокированию ситуации с приграничным экспортом электроэнергии. Тем не менее, вопрос «формулы цены» до сих пор является камнем преткновения в осуществлении проекта крупномасштабного экспорта электроэнергии;
- долгосрочные оценки возможностей крупномасштабного экспорта электроэнергии из ОЭС Востока в КНР показывают, что в регионе не так много эффективных проектов в области эксплуатации природных ТЭР. Интенсивная экспортная нагрузка к 2025–2030 гг. «выберет» все эффективные гидроэнергетические проекты Южной

---

¹ *Gulidov R., Kalashnikov V. Russia's Energy Cooperation with the NEA Countries: The Current Situation and Problems // Northeast Asia Energy Focus. 2008.*

Якутии и юга Дальнего Востока. В этой связи, экономически эффективные проекты ГЭС на юге Дальнего Востока целесообразно оставить в «стратегическом резерве» Российской Федерации. Экспортные позиции рациональнее обеспечивать проектами на угле, возможно на природном газе и ядерной энергии;

- региональные власти настороженно оценивают перспективы масштабного экспорта энергоресурсов на рынок КНР. В этой связи есть стратегический риск дефицита топлива и энергии (прежде всего, высококачественных видов) в восточных районах России из-за больших объемов экспорта энергоресурсов. Например, опыт реализации нефтегазовых проектов Сахалин-1, Сахалин-2 показывает, что ресурсов для внутреннего потребления на Дальнем Востоке практически не остается;

- пока отсутствует рациональное понимание возможностей использования потенциала энергетического сотрудничества в целях развития восточных районов России. Действительно, реализация пакета ресурсных и инфраструктурных энергетических проектов на китайском (и вообще азиатско-тихоокеанском) направлении в силу своих экономических масштабов номинально может быстро и дискретно увеличить экономические показатели Дальнего Востока. В 2015 г. валовой выпуск только в нефтегазовом секторе региона достигнет примерно 18–20 млрд долл. США (ВРП Дальнего Востока в 2006 г. – около 40 млрд долл.).

Как показывает опыт освоения проектов Сахалин-1 и Сахалин-2, энергосырьевые и специализированные инфраструктурные проекты отличаются низким значением «естественного» мультипликатора регионального развития, то есть, являясь высокоспециализированными и экспортно ориентированными производствами, они обладают невысоким эффектом комплексирования, стимулирования регионального спроса на продукцию вспомогательных, обслуживающих производств.

Серьезная проблема энергетической геополитики – замыкание тихоокеанского вектора экономического и энергетического сотрудничества только на Китай. Это, во-первых, вызовет ухудшение российско-японских и российско-корейских отношений, во-вторых, – создаст предпосылки для возможного злоупотребления Китаем своим исключительным положением как единственного (основного) импортера российских энергоресурсов в США.

Сотрудничество в сфере развития транспортной системы региона

В вопросах совместного развития и использования приграничной транспортной инфраструктуры китайская сторона в настоящее время занимает значительно более активную позицию, нежели Россия. В оценках российских специалистов по отдельным проектам нет единства, лоббируемые частные корпоративные интересы зачастую противоречат национальным. К «зонам особого интереса» КНР на Дальнем Востоке в области транспорта можно отнести: сотрудничество в области совместного использования территории острова Большой Уссурийский, активный интерес к морским портам южной части Приморского края (порт в бухте Троица), организацию асимметричных условий автомобильных перевозок.

Российской стороной предполагалось создание нового международного транспортного коридора от Большого Уссурийского острова до морских портов Ванино – Советская Гавань, предназначенного для транспортировки контейнерных грузов из северных провинций КНР. Этот проект не однозначен для китайской стороны, поскольку возникает излишнее расстояние перевозки по сравнению с морскими портами Приморского края или южными портами КНР. Китайской стороной активно обсуждается вариант строительства крупного речного порта с проведением дноуглубительных работ.

Интерес КНР к организации прямого выхода в Японское море понятен и не вызывает сомнений продолжение работы в этом направлении. Риски потери грузопотока в случае успеха реализации данной идеи для транспортной системы Дальнего Востока России очевидны. Одним из наиболее привлекательных для китайской стороны вариантов (географически) является морской порт в бухте Троица (Зарубино) в Приморском крае. Китайской стороной уже в 1990-е годы поднимался и активно лоббировался вопрос о долгосрочной аренде данного порта с условием строительства в нем перегрузочных терминалов мощностью 35 млн т и более. После отрицательного решения по данному вопросу китайской стороной прорабатывались различные варианты: ориентация на порты КНДР, создание международной зоны свободной торговли, активизация работы в рамках проекта «Туманган» и т. д. В марте 2009 г., например, начал работу международный транспортный коридор Хуньчунь (провинция Цзилинь, КНР) – Зарубино (Приморский край, РФ) – Сокчо (Республика Корея) – Ниигата (Япония).

Асимметрия развития автомобильных перевозок в организации китайской стороной сети приграничных перегрузочных терминалов (складское хранение, перегрузка, формирование грузовых партий и т. д.), минимизирующая расстояние транспортировки для российских перевозчиков, в то время как с российской стороны подобные терминалы в настоящее время отсутствуют. Между сопредельными территориями Сибири и Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая существует 22 пограничный пункт пропуска (включая 10 автомобильных, 3 железнодорожных и 9 речных). Распространение их сети способствовало не только расширению торговли, но и послужило эффективным стимулом развития экономики приграничных территорий КНР. Поэтому китайская сторона постоянно выступает с предложениями по организации новых погранпереходов. В провинции Хэйлуцзян планируется увеличить количество пунктов пропуска на границе с РФ до 25. Ведется работа по превращению их в звенья, связывающие внутренние районы КНР с внешним миром. В зоне технико-экономического развития г. Харбин построен работающий на российское направление экспортный парк, который предоставляет всем зонам развития государственного уровня возможность экспорта в Россию¹. Погранпереходы Суйфэньхэ, Дуннин, Хэйхэ, Тунцзян являются успешными примерами быстрого развития производственной сферы, обусловившего обоюдный рост финансово-экономических прибылей государства и провинции.

Одновременно с этим, открытие многочисленных погранпереходов стало одной из причин снижения общего объема перемещения грузов и пассажиров по российской территории. Из-за образования многочисленных погранпереходов вдоль Транссибирской магистрали груз из Хабаровского и Приморского краев стал следовать в южные районы Северо-Востока Китая по транспортным путям, проходящим по китайской территории параллельно транспортным путям Приморского края. Тем самым китайцы повышают загрузку собственных автомобильных и железных дорог и создают им преимущество перед российскими.

В последние годы страны Азии ведут интенсивный поиск альтернативных транспортных коридоров, акцентируя при этом свое внимание на ранее считавшихся неконкурентоспособными сухопут-

---

¹ Polpred.com. URL: <http://polpred.ru/free/china/49.htm> (дата обращения: май 2009).

ных железнодорожных маршрутах, так или иначе выходящих на Транссибирскую магистраль.

Россия также связывает большие надежды с этим маршрутом, оправданно надеясь выгодно использовать свое транзитное положение и принадлежность большей части железнодорожной магистрали. Сегодня технические возможности Транссиба позволяют освоить объемы перевозок грузов до 100 млн т в год, в том числе 200 тыс. т грузов международного транзита в двадцатифутовых контейнерах, перевозимых из стран АТР в Европу и Центральную Азию¹.

Однако Китай также заинтересован в получении выгод от перевозок по своей территории и, более того, использует свое экономическое превосходство, чтобы активно изменять конфигурацию транспортных путей региона в свою пользу.

Давно пытаясь воплотить идею выхода к Японскому морю, Китай продолжает поиск наиболее эффективного маршрута экспорта своих товаров не только в Россию, но и через ее территорию в сопредельные страны. Так, например, как уже говорилось, обладая крупнейшими в мире запасами каменного угля, Китай ищет более эффективные пути его экспорта в Японию. Расстояние перевозки китайского угля через порты российского Приморья в Японию не превышает 1000 км, а его поставки через порт Далянь и Цусимский пролив значительно увеличивают транспортную составляющую в его стоимости. Учитывая это, Китай в настоящее время завершает строительство железнодорожной линии Сюйян – Дунин и предлагает российской стороне построить железную дорогу Дунин – Уссурийск, обещая к перевозке по этому направлению 200 млн т угля на экспорт.

Реализация данного и некоторых подобных проектов окажется очень выгодной для КНР, однако не соответствует интересам России. Так, например, последствиями реализации этого проекта может стать потеря конкурентоспособности российскими (Кузбасскими и Якутскими) углями на рынке стран АТР, а также перемещение определенной части грузовых потоков на территорию КНР.

Однако приведенные примеры не говорят об однозначно негативной оценке изменения транспортной системы региона. Ее развитие и появление новых железнодорожных маршрутов может позитивно отразиться на экономике дальневосточных портов, мощности

---

¹ Polpred.com. URL: <http://polpred.ru/free/china/49.htm> (дата обращения: май 2009).

которых в значительной степени недогружены. В частности, перспективными направлениями их загрузки может оказаться реализация проектов новых транспортных коридоров по маршрутам: североамериканские порты – Восточный / Владивосток – провинция Хэйлунцзян и североамериканские порты – Зарубино / Посъет – провинция Цзилинь.

* * *

Развитие экономического сотрудничества российского Дальнего Востока с Китаем, так же как и с другими странами Северо-Восточной Азии определяется возможностью общеэкономической модернизации Дальневосточного региона. Если Китай активно реализует государственный план возрождения старой промышленной базы в своих северо-восточных провинциях¹, то на российском Дальнем Востоке за период 1967–2007 гг. реализовывалось 5 государственных программ социально-экономического развития (1967, 1972, 1987, 1996, 2002 гг.). В настоящее время в стадии реализации находится 6-я программа (2007 г.). Эти программы преследовали различные цели, но общей концепцией всех этих программ являлась модернизация экономической системы региона, повышение уровня ее адаптивности, эффективное встраивание региональной социально-экономической системы в национальное и международное разделение труда, создание встроенных стабилизаторов и акселераторов для повышения степени автономности региона. Общим недостатком всех программ, включая и программу 2007 г. являлся их чрезмерный «экономизм», отсутствие в них явного определения научно-технологических координат развития и инструментов имплантации технологических достижений в социально-экономическую ткань регионального развития.

К настоящему времени долгосрочное стратегическое планирование регионального развития стало общепризнанным и обязательным элементом системы государственного регулирования. Однако принятая на государственном уровне методика разработки региональных стратегий фактически исключает явный учет научно-технологических сдвигов и тенденций, то есть выводит за пределы

---

¹ Plan of Revitalizing Northeast China by National Development and Reform Commission / Office of the Leading Group for Revitalizing Northeast China and Other Old Industrial Bases of the State Council. 2007.

государственного регулирования собственно инновационный аспект развития страны и региона. Это противоречит как общей государственной концепции социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе, ориентированной на модернизацию экономической политики в пользу усиления инновационных механизмов в экономике и производстве, так и ее региональным компонентам. Для реальной модернизации экономики необходимо разрабатывать согласованные экономико-технологические прогнозы и осно

В действительности принятый в настоящее время 20-летний горизонт долгосрочного планирования, который заимствован у Комплексных программ НТП советского периода, в настоящее время уже недостаточен. Экономическое развитие в современном мире представляет собой симбиоз длинных (технологических), среднесрочных (финансово-экономических) и коротких (конъюнктурных) циклов. Продолжительность «конъюнктурной волны» – порядка 2–4 лет, «средней волны» – 8–12 лет, «длинной волны» – 60–80 лет. Следовательно, для корректного учета основных факторов, определяющих социально-экономическую динамику на основе эффективного использования ресурсов (как известных, так и потенциальных) необходимо осуществлять разработку взаимно пересекающихся краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных и вековых прогнозов и стратегий. При этом для двух последних типов принципиальной особенностью является наличие прогнозов научно-технологических трендов и приоритетов.

Существует как минимум три фундаментальных проблемы, прояснение которых необходимо для продуктивного использования инструментария стратегического планирования и прогнозирования в планировании и регулировании регионального и национального социально-экономического развития:

- построение комплексного прогноза развития основных научных направлений и генерирования на этой основе эффективных технологий в региональном аспекте;
- синтез социально-экономического и научно-технологического прогнозов регионального развития;
- выработка долгосрочной стратегии развития Тихоокеанской России, обеспечивающей ее собственное эффективное социально-экономическое функционирование, а также формирование эффективного кооперационного пространства общего для России и стран АТР.

Необходимо рассмотреть прогноз фундаментальных исследований и технологических инноваций применительно к Дальнему Востоку России, определить стратегии получения технологически адаптивных фундаментальных результатов и экономически адаптивных новых технологий на их основе, определить направления и перспективы формирования промышленных (сервисных) кластеров в регионе на основе данных технологических инноваций, определить условия формирования ядер конкурентоспособности для региональной экономики.

Оценка технологических сдвигов должна являться оболочкой для определения вариантов экономического прогноза и оценки вероятных социальных индикаторов макроэкономического характера.

Долгосрочная стратегия развития региона должна основываться на концепции реализации в долгосрочной перспективе политики «новой индустриализации восточных районов», предполагающей «шторм инноваций» на основе опережающего развития научно-технологического комплекса региона и соответствующих промышленных и сервисных секторов, а также формирования эффективной инновационной системы в регионе.

Именно юг Дальнего Востока обладает всеми основными элементами механизма генерации инноваций: вузовская система; фундаментальная и прикладная наука; исследования и разработки (экспериментальная база); инфраструктура (патентная служба и т. п.). Существующие потенциальные инновационные центры юга региона (Хабаровск, Комсомольск, Владивосток) – это «старые» центры, созданные до кризиса 1990-х гг., в советское время. Здесь же сосредоточены основные центры подготовки кадров. Специализация научных центров близка к отраслевой структуре высокотехнологического оборонно-промышленного комплекса. Именно в них, или рядом с ними можно будет в перспективе создать особые экономические зоны технико-внедренческого типа.

К ВОПРОСУ О ТРЕХСТОРОННЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, КНДР И РОССИИ¹

Возможности трехстороннего сотрудничества между Россией, КНДР и Республикой Корея опираются как на геостратегические, так и исторические условия. Корейский полуостров имеет сухопутную границу только с двумя странами – Россией и Китаем. Эта граница проходит на севере полуострова, и она во многом определила геостратегическое размежевание Севера и Юга Кореи в политическом и экономическом взаимодействии с внешним миром.

Республика Корея оказалась отрезана от северной сухопутной границы и ориентировалась почти исключительно (особенно до начала 1990-х гг.) на взаимодействия с рыночными экономиками посредством морских коммуникаций, ориентируя на западную идеологическую модель также свою политическую и гуманитарную стратегию. КНДР опиралась в своем развитии на сходство идеологий, политическую близость и географическое соседство с СССР и Китаем, приняв на вооружение модель централизованного экономического и авторитарного политического устройства в чрезвычайно радикальной форме «опоры на собственные силы». Раскол между Севером и Югом Кореи углубился в результате различных векторов экономической интеграции и приобрел черты антагонизма после корейской войны 1950-х гг.

Экономическая модель начала меняться в КНДР уже в 1980-х гг., причем скорее следуя не советскому, а китайскому варианту модернизации. Раньше и решительнее, чем в СССР, Северная Корея начала развивать совместные предприятия, опираясь, как и КНР, в значительной степени на соотечественников за рубежом, особенно в Японии и Республике Корея. Однако по политическим и военным причинам пойти на такое же открытие экономики, как и КНР, КНДР не могла, да и ресурсами, подобными китайским, она не располагала. Однако определенные внутренние предпосылки экономического и институционального характера для потенциального увеличения уровня и интенсивности экономического сотрудничества были все же созданы.

---

¹ Бардаль А.Б., Демьяненко А.Н., Дёмина О.В., Дёмина Я.В., Ломакина Н.В., Минакир П.А. К вопросу о трехстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6.

Российско-северокорейское экономическое сотрудничество как основа трехсторонних проектов

Политической основой двустороннего экономического сотрудничества СССР и КНДР являлись два основополагающих документа: Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве от 17 марта 1949 г. и Договор о торговле и мореплавании от 19 ноября 1960 г., по которому был установлен режим наибольшего благоприятствования для взаимной торговли. До 1980-х гг. СССР являлся основным политическим, экономическим и военным спонсором и партнером КНДР. Как в СССР и в Китае, в КНДР в 1980-х гг., при неизменности политической системы, начался неафишируемый для внешнего мира, но интенсивный процесс экономической модернизации.

В 1990-х гг. произошел окончательный разворот КНДР от России к Китаю и в экономической, и в политической ориентации. Основными причинами являлись, во-первых, значительно более успешная китайская модель экономической трансформации и, во-вторых, политическая капитуляция России перед «атлантическим блоком», что в первую очередь проявилось в разрушении сложившихся после Второй мировой войны политических, военных и экономическим альянсов в Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

Ситуация начала несколько меняться только после 2000 г., когда состоялся визит президента РФ В. Путина в Пхеньян. В ходе этого визита были достигнуты принципиальные договоренности об активизации политических контактов и выработке мер по восстановлению экономического сотрудничества.

В последние годы были подписаны межправительственные соглашения о воздушном сообщении, о культурном сотрудничестве, о поощрении и взаимной защите капиталовложений, об избегании двойного налогообложения, о взаимных поездках граждан, об экономическом и техническом сотрудничестве, о сотрудничестве в лесной отрасли, в таможенных делах, в сфере борьбы с преступностью и охраны правопорядка, в области использования спутниковых навигационных систем.

Знаком усиления взаимопонимания в политической сфере стало признание со стороны КНДР в 2014 г. вхождения Крыма в состав России. В мае 2014 г. были подписаны соглашение о переходе на рубли в расчетах между КНДР и Россией и соглашение о списании всех корейских долгов перед Россией, в соответствии с которым к сложившемуся в пользу России сальдо взаимных обязательств (более 11 млрд долл.

США) применяется скидка в размере 90%. Остаток долга – 1,09 млрд долл. – будет погашаться в течение 20 лет 40 равными полугодовыми платежами путем зачисления на беспроцентный счет, открываемый Внешэкономбанком в Банке внешней торговли КНДР.

В марте 2018 г. между КНДР и Россией был подписан протокол о сотрудничестве в сфере образования, науки и транспорта¹ и начался процесс рассмотрения возможности упрощения визового режима при посещении гражданами РФ КНДР².

В апреле 2018 г. министр иностранных дел КНДР Ли Ен Хо провел в Москве встречу с министром иностранных дел РФ С. Лавровым, а в июне 2018 г. С. Лавров посетил Пхеньян и встретился с Ким Чен Ыном. В ходе этих визитов был подтвержден курс на развитие двусторонних отношений в интересах обеих стран. Кроме того, северокорейский лидер Ким Чен Ын выразил намерение встретиться с президентом России.

Масштаб торгово-экономического сотрудничества всегда был относительно небольшим в связи со слабостью экономического потенциала КНДР. Однако для КНДР экономическое сотрудничество с СССР имело чрезвычайно важное значение. В 1990 г. доля торгового оборота с СССР в общем обороте внешней торговли КНДР составляла 53% (2,2 млрд долл. США, из которых 600 млн долл. приходилось на Россию). Этому в значительной степени способствовало то, что в отличие от торговли с другими странами КНДР имела возможность рассчитываться за поставки своей продукции товарами собственного производства, хотя с другими торговыми партнерами КНДР рассчитывалась твердой валютой.

После 1992 г., когда российская внешняя торговля была либерализована и децентрализована, традиционные патерналистские схемы сотрудничества были разрушены. В результате объем торговли уменьшился в разы: к 1995 г. российско-северокорейский товарооборот составил 83, в 2012 г. – только 81 млн долл.³ К 2015 г., несмотря на урегулирование в 2014 г. проблемы северокорейского долга, вза-

---

¹ РФ и КНДР подписали протокол о сотрудничестве в сфере транспорта, образования и науки // ТАСС. 2018. 22 марта.

² Глава Минвостокразвития предложил КНДР упростить визовый режим для россиян // ТВ-Новости. 2018. 22 марта.

³ *Захарова Л.В.* Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3.

имный товарооборот составлял всего 84 млн долл. США¹. Последовавшее затем снижение цен на углеводороды, а также развернувшийся в России экономический кризис обусловили дальнейшее сокращение масштабов взаимной торговли: товарооборот в 2017 г. сократился до 78 млн долл. США. Позиция ведущего торгового партнера КНДР перешла от СССР к Китаю, доля которого в товарообороте КНДР составляет около 90%, а доля России сократилась до 1,5%. При этом постоянно накапливается торговый дефицит КНДР во взаимной торговле с РФ. Отрицательное сальдо торгового баланса КНДР в торговле с Россией составило в 2010–2015 гг. более 400 млн долл., увеличившись в 2016–2017 гг. еще почти на 130 млн долл.²

Доля Дальнего Востока России в российско-северокорейской торговле в 2015 г. составляла 14%, в основном благодаря торговой активности Приморского края, на который приходится около 80% товарооборота между КНДР и российским Дальним Востоком. С Дальнего Востока в КНДР поставляются рыбопродукция, минеральные топлива, продовольствие, древесина, некоторые промышленные товары.

В области производственно-технического и инвестиционного сотрудничества между двумя странами до 1991 г. наиболее значимым являлся «лесной проект», который осуществлялся на территории советского Дальнего Востока, где фактически на правах экстерриториальности размещались северокорейские лесозаготовительные предприятия, одну часть заготовленного круглого леса передававшие советским экспортным организациям в уплату за аренду лесов, а другую отправлявшие в КНДР. Фактически целью этого проекта являлось использование дешевой северокорейской рабочей силы для заготовки экспортной древесины и поставок в саму КНДР.

Поле 1991 г. сотрудничество в области трудовой миграции продолжилось, так как КНДР по-прежнему нуждается в получении валюты в обмен на трудовые ресурсы. В 1990-е гг. привлечение се-

---

¹ Кукла М.П. Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2. С. 62.

² Торговля между Россией и КНДР (Северной Кореей) в 2017 г. / Внешняя торговля России. 2018. 15 февраля. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-kndr-severnoy-koreeyev-2017-g/> (дата обращения: март 2018).

рокорейских рабочих осуществлялось достаточно хаотично отдельными российскими фирмами и предпринимателями. После 2004 г. на российском Дальнем Востоке была зарегистрирована целая сеть мелких северокорейских фирм в сфере лесозаготовок, строительства и сельского хозяйства, которые привлекали для своей деятельности северокорейских рабочих. В 2017 г. в России работало около 40 тысяч северокорейских рабочих, преимущественно на Дальнем Востоке. Это имеет большое значение для КНДР, бюджет которой ежегодно получает несколько сот миллионов долларов¹. Однако уже в 2018 г. количество северокорейских трудовых мигрантов в России может сократиться вдвое², поскольку резолюцией Совета Безопасности ООН введены санкции, запрещающие странам-участницам ООН привлекать к трудовой деятельности рабочих, являющихся гражданами КНДР.

С зарегистрированными в России фирмами, осуществляющими привлечение северокорейских рабочих на российский рынок, связаны и небольшие по размерам инвестиции, поступающие из КНДР, не превышающие в последние 3–4 года 8 млн долл. в год.

Менее известным, но значительно более значимым для развития КНДР являлось в 1950-х гг. сотрудничество в ядерной сфере, одним из результатов которого стало создание в КНДР ядерного реактора. Правда, каких-либо существенных инвестиционных проектов по развитию экономики КНДР (как это было в 1950-х гг. в Китае) СССР не осуществлял. Тем не менее, СССР поддерживал тесные производственно-технические связи с предприятиями КНДР, что помогало им существовать в условиях узкого внутреннего рынка и внешней экономической блокады.

После перевода производственно-технических связей на коммерческую основу место СССР в производственно-технической поддержке КНДР занял Китай. К 2004 г. производственно-техническое сотрудничество было восстановлено, правда, в гораздо меньшем объеме.

К моменту введения санкций Совбеза ООН в фазе реализации находился лишь один по настоящему крупный инфраструктурный

---

¹ Данные информационного агентства REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/23774/html> (дата обращения: март 2018).

² *Латышева А.* Вопросы трудовых мигрантов из КНДР обсудят в апреле в Москве. 2018.

двухсторонний проект – «Хасан – Раджин»¹. Идея проекта – реализация первого этапа соединения железных дорог севера и юга Корейского полуострова, то есть воссоздание Транскорейской железной дороги и создание наземных транспортных маршрутов для Южной Кореи (при выходе Транскорейской магистрали на Транссиб). В 2008 г. специально для этого проекта было создано совместное предприятие «РасонКонТранс» (РФ и КНДР). Предприятие было зарегистрировано в особой экономической зоне КНДР «Расон» на срок 49 лет со следующим распределением долей в уставном капитале: 67% – у российской стороны, 33% – у северокорейской. Российская сторона внесла инвестиции (вложено порядка 10,6 млрд рублей), северокорейская – имущественные права на порт Раджин (права на использование 20,1 га территории порта, включая причал, на котором планировалось строительство контейнерного терминала, и припортовую железнодорожную станцию).

В 2008 г. СП «РасонКонТранс» и «Железнодорожно-транспортная компания Тонхэ» Министерства железных дорог КНДР подписали договор аренды железнодорожной инфраструктуры на участке Туманган – Раджин сроком на 49 лет.

Реальные действия по воплощению проекта «Хасан – Раджин» начались в конце 2008 г. На северокорейской стороне была проведена капитальная модернизация участка железной дороги Хасан – Раджин (в том числе реконструкция 10 железнодорожных станций, 3 тоннелей и 18 мостов)². Пропускная способность железнодорожного участка Туманган – Раджин в настоящее время составляет до 12 пар поездов в сутки, провозная способность – до 4 млн т грузов.

В порту Раджин развивались мощности по перевалке контейнеров для создания возможности дальнейшего транзита. Был построен универсальный перегрузочный терминал, а также проведены работы по

---

¹ Батырь В.А. Российско-северокорейский проект «Хасан – Раджин» в системе международных экономических ограничений (неприступный российско-китайский бастион в КНДР) // LEX RUSSICA. 2018. № 4; Кирьянов О.В. Россия – КНДР: проект «Хасан – Раджин» // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6; Кирьянов О.В. Экономические и политические аспекты российско-северокорейского проекта «Хасан – Раджин» // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015.

² Также были выполнены работы по модернизации прилегающих участков железной дороги с российской стороны (Барановский – Хасан).

дноуглублению (до 13,5 м с возможностью принимать суда типа «Panamax»), строительству новой причальной стенки (480 м), оборудованию складских площадок, строительству производственных и служебных зданий и сооружений, укладке внутритерминальных железнодорожных путей. Мощность терминала по проекту составляет 100 тыс. ДФЭ в год. Терминал в морском порту открылся в июле 2014 г. Из порта Раджин грузы направлялись в Китай и Республику Корея в адрес компаний POSCO, Hyundai Merchant Marine и Korail Corp.

В рамках этого проекта в 2017 г. российская дочерняя компания ОАО «РЖД» ТрансТелеКом провела оптико-волоконный интернет-канал в КНДР¹, обеспечив вторую точку подключения КНДР к всемирной сети (в дополнение к соединению через китайскую госкомпанию China United Network Communications Ltd.).

Перспективы и проблемы трехстороннего экономического сотрудничества

Официально объявленной стратегией России по формированию трехстороннего формата экономического сотрудничества на Корейском полуострове является ориентация на три крупных проекта: а) соединение Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги; б) прокладка газопровода из России в Республику Корея через территорию КНДР; в) экспорт российской электроэнергии на Корейский полуостров. Обсуждение этих инициатив является неотъемлемой частью любых значимых переговоров между официальными лицами РФ и КНДР, РФ и Республики Корея².

Если рассматривать ситуацию в более широком контексте, то реальные перспективы развития трехстороннего сотрудничества связаны со следующими моментами:

1) наличие взаимодополняющих ресурсов в трех странах (природные ресурсы и отдельные технологии в России, дешевая рабочая сила и некоторые виды минерального сырья в КНДР, технологии и финансовые ресурсы в Республике Корея);

2) заинтересованность всех трех стран в укреплении экономической основы политического сотрудничества;

---

¹ «Транстелеком» подключил КНДР к интернету // Коммерсантъ. 2017. 2 октября.

² Захарова Л.В. Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5.

3) безальтернативность усиления экономической зависимости КНДР от России и Республики Корея как инструмент военно-политического сдерживания потенциальной агрессии;

4) наличие в КНДР и России начальных институциональных условий для инвестиционного и торгового сотрудничества;

5) определенная «усталость» КНР от необходимости единолично поддерживать экономику КНДР.

В то же время нельзя не отметить, что существуют и препятствия на пути трехстороннего сотрудничества:

1) наличие долговременных и масштабных интересов китайских фирм в КНДР;

2) потенциальная конкуренция по стороны Китая таким масштабным проектам, как газификация, электрификация и соединение Транскорейской железной дороги с Транссибом;

3) отсутствие широкой международной поддержки проектов трехстороннего сотрудничества, учитывая, что и Россия, и КНДР находятся под жестким прессингом международных политических и финансовых институтов и объединений;

4) негармоничность целей России и Республики Корея с точки зрения мотивации сотрудничества с КНДР: для РФ основной задачей является поддержание крупных коммерческих компаний и госкорпораций в продвижении на корейские рынки, а для Республики Корея – продвижение в направлении экономической интеграции, гарантирующей военно-политическую стабильность на полуострове и поддержание уровня жизни северокорейского населения.

В целом можно сказать, что потенциально существует определенный баланс вероятности успеха и неудачи в формировании реального пакета трехстороннего сотрудничества. Реализация положительных и нейтрализация негативных условий такого сотрудничества будут полностью определяться степенью доверия сторон и их готовностью координировать свои действия с четвертой стороной, которой в данном случае является Китай.

Инфраструктурные проекты

Транспорт. Транспортное сотрудничество между российским Дальним Востоком и КНДР поддерживается в настоящее время в форме железнодорожного, морского паромного и авиасообщения. Железнодорожное пассажирское сообщение представлено двумя поездами (Уссурийск – Туманган и Пхеньян – Туманган), в состав ко-

торых включаются беспересадочные вагоны ОАО «РЖД» и Корейских государственных железных дорог. Поезда пересекают границу по железнодорожному мосту через реку Туманная («мост Дружбы»), построенному в 1959 г. Этот мост позволяет также обеспечивать грузовые перевозки в размере до 5 млн т в год¹. Морское грузопассажирское паромное сообщение по линии «порт Раджин – порт Владивосток» было открыто в 2017 г. на базе судна «ManGuongBong» вместимостью 193 пассажира и 1 500 т груза, в том числе 24 контейнеров ДФЭ². Однако в 2018 г. рейсы были прекращены из-за санкций СБ ООН³.

При условии интенсификации сотрудничества эти транспортные возможности могут послужить основой для наращивания мощности и формирования современной транспортной сети, обеспечивающей интенсивные экономические и гуманитарные обмены в четырехугольнике КНДР – Республика Корея – российский Дальний Восток – северо-восточные провинции КНР.

В области железнодорожного транспорта подключение Республики Корея и КНР к проекту «Хасан – Раджин» может позволить развить железнодорожные сети для снятия ограничения наземных транспортных сообщений Республики Корея и налаживания альтернативных маршрутов транспортных взаимодействий стран Корейского полуострова: Москва – Хабаровск – Владивосток – Хасан – Раджин – Сеул – Пусан; Пусан – Сеул – Пхеньян – Харбин – Забайкальск – Москва⁴. По этим маршрутам может быть организовано раздельное движение скоростных пассажирских и грузовых поездов. Совместное создание комплекса выделенных скоростных железных

---

¹ Бакланов П.Я., Каракин В.П., Романов М.Т., Ермошин В.В. Неиспользованные возможности транспортного потенциала Приморья для выхода прилегающих регионов СВА к Тихоокеанскому побережью РФ // Вестник транспорта. 2017. № 11.

² Паромная линия имела преимущественно имиджевый характер: за все время работы линии было перевезено порядка 350 человек. Аналогичная ситуация и в сфере воздушного сообщения: 2 рейса в неделю по маршруту Владивосток – Пхеньян – Владивосток.

³ Батырь В.А. Российско-северокорейский проект «Хасан – Раджин» в системе международных экономических ограничений (неприступный российский-китайский бастион в КНДР) // LEX RUSSICA. 2018.

⁴ Захарова Л.В. Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016.

дорог позволит сформировать современную наземную транспортную сеть, обеспечивающую потребности как внутрикорейского трансферта грузов и людей, так и обеспечить выход Транссибирской магистрали к центрам аккумуляции международных контейнерных грузов (Пусан). В то же время этот проект позволит в явном виде подключить КНДР к глобальному проекту Нового Шелкового пути и укрепит позиции российского Дальнего Востока в контексте этого проекта¹.

Этот проект мог бы интенсивно развиваться уже сейчас, так как порт Раджин изъят из санкционного перечня резолюции СБ ООН № 2371, и с 5 августа 2017 г. действует особая схема согласования транзита угля. Однако до настоящего времени действуют односторонние санкции Республики Корея в отношении КНДР – запрет на заход судов с транзитным углем из порта Раджин в порты Республики Корея. Попытка решить вопрос о снятии этих санкций пока не принесла успеха.

Поэтому в настоящее время ведутся только локальные работы российской стороной. В частности, весной 2018 г. на участке «мост Дружбы – Туманган – Раджин» проведены работы по выправке пути, регулировке ширины колеи по стандартам ОАО «РЖД», подготовлены водоотводные сооружения к сезонному пропуску весенних и ливневых вод.

Развитие же собственно инфраструктурного проекта будет невозможно без реального подключения к нему Республики Корея, что предусматривалось с самого начала². Однако Республика Корея до настоящего времени не согласовала участие в проекте.

Пока происходят только обсуждения. Возобновление трехсторонней реализации проекта «Хасан – Раджин» обсуждалось во время визита в КНДР 13–14 июля 2018 г. делегации из Республики Корея. Была достигнута договоренность о создании стабильного трехстороннего канала связи для обсуждения дальнейшего сотрудничества по проекту в формате «Республика Корея – Корейская Народно-Демократическая Республика – Российская Федерация».

---

¹ *Кирьянов О.В.* Россия – КНДР: проект «Хасан – Раджин» // Азия и Африка сегодня. 2015.

² *Кирьянов О.В.* Экономические и политические аспекты российско-северокорейского проекта «Хасан – Раджин» // Корея: 70 лет после освобождения. 2015.

В 2018 г. начались переговоры по организации автомобильного сообщения РФ – КНДР. Обсуждается два варианта: 1) строительство автомобильного моста; 2) реконструкция либо строительство совмещенного железнодорожно-автомобильного моста через реку Туманная. В настоящее время КНДР и КНР связывают 23 автомобильных пункта пропуска, между РФ и КНДР автомобильное сообщение отсутствует. Первым этапом станет организация сезонного понтонного мостового перехода.

Энергетика. Существующая в настоящее время в КНДР энергосистема архаична и не может быть встроена в перспективное энергокольцо СВА. Не может она и обеспечить стабильное экономическое развитие страны. Установленная мощность электростанций в КНДР оценивается в 7,5 ГВт, объем производства – 13,7 млрд кВт·ч (в 2015 г.). Для сравнения: установленная мощность ОЭС Востока (Дальний Восток России) составляет 9,5 ГВт, а ежегодный объем производства электроэнергии превышает 36 млрд кВт·ч. Основной объем производства электроэнергии в КНДР обеспечивают ГЭС (76%) с присущей им сезонностью (засушливая зима и резкое сокращение выработки). ГЭС находятся в совместной корейской и китайской собственности, расположены в приграничных с Китаем районах. Угольные ТЭС работают на местном угле, на их долю приходится 24% выработки электроэнергии. Электростанции являются устаревшими и характеризуются низкой эффективностью, требуется их реконструкция и модернизация.

Единственный в стране действующий нефтеперерабатывающий завод «Понхва» мощностью 2 млн т работает на импортной нефти и не в состоянии удовлетворить нормальные потребности в нефтепродуктах, тем более в варианте ускоренного экономического развития и повышения уровня жизни населения. Хотя в КНДР существует производство электроэнергии с помощью возобновляемых источников энергии, но доля последних в энергетическом балансе незначительна (менее 1%), так как в основном они используются точечно. Например, порядка 10% населения применяет солнечные панели небольшой мощности (50–200 Вт) для индивидуального использования. Единая национальная энергосистема отсутствует, а техническое состояние ЛЭП не позволяет передавать энергию на большие расстояния, что приводит к локальному потреблению в районах производства, что делает его неэффективным.

Потенциал трехстороннего сотрудничества Россия – КНДР – Республика Корея в энергетической сфере во многом определяется взаимодополняемыми энергетическими балансами стран. С одной стороны, Россия обладает значительными запасами энергоресурсов и стремится к диверсификации направлений их экспорта. С другой стороны, Республика Корея является одним из крупнейших потребителей и импортеров энергоресурсов в мире и, в свою очередь, стремится к диверсификации поставщиков. Участие КНДР в энергетических проектах традиционно рассматривается с точки зрения использования территории страны для транзита российских энергетических ресурсов в Республику Корея. Наиболее обсуждаемыми и проработанными проектами в рамках трехстороннего сотрудничества являются создание межгосударственных ЛЭП «Россия – КНДР – Республика Корея» и строительство газопровода с территории Дальнего Востока России в КНДР.

Энергетические проблемы КНДР¹ могли бы быть в значительной степени облегчены при реализации проектов создания межгосударственных ЛЭП и строительства газопровода с территории Дальнего Востока России в Республику Корея через территорию КНДР.

Эти проекты обсуждаются на протяжении последних 20–30 лет на разных уровнях. Так, с конца 1990-х гг. обсуждается проект создания регионального энергообъединения стран СВА². В 2003 г. был подписан меморандум между Востокэнерго и Корейским исследова-

---

¹ Уже в настоящее время в КНДР наблюдается хронический дефицит электроэнергии. По данным Международного энергетического агентства, только 27% населения страны имеет доступ к электрической энергии (2016 г.), а душевое потребление электроэнергии составляет 15% от среднемирового значения.

² *Воропай Н.И., Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю.* Международная кооперация для формирования межгосударственного энергообъединения в Северо-Восточной Азии и роль восточных регионов России // *Пространственные исследования на Дальнем Востоке России: проблемы, результаты, перспективы: мат-лы международной научно-практической конференции (5 декабря 2017 г.; Хабаровск) / под ред. П.А. Минакира.* Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018; *Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева.* Новосибирск: Гео, 2011; *Дёмина О.В.* Перспективы развития экспорта российской электроэнергии в страны СВА // *Регионалистика.* 2018. Т. 5. № 3.

тельским электротехнологическим институтом, в котором стороны выразили заинтересованность в изучении перспектив указанного энергообъединения. В данном случае межгосударственные ЛЭП «Россия – Республика Корея» являлись бы только частью планируемого энергетического объединения. В конце 2003 г. российские специалисты обсудили с коллегами из КНДР проект строительства межгосударственной ЛЭП «Владивосток – Чхонджин». До настоящего времени рассматривается несколько вариантов организации поставок российской электроэнергии в Республику Корея и КНДР: Владивосток – Чхонджин, Владивосток – Пхеньян – Сеул, Южно-Якутские ГЭС – Шэньян – Сеул. Общая протяженность этих линий – около 4 тыс. км. По ним предполагается передавать порядка 30 млрд кВт·ч в год при суммарной стоимости линий около 15 млрд долл.

Эти проекты предполагали поставки российской электроэнергии в КНДР в качестве международной энергетической помощи и коммерческие поставки электроэнергии в Республику Корея. Эффективность реализации проектов по объединению ОЭС Востока (Россия) и энергосистемы Республики Корея были доказаны как российскими, так и корейскими учеными.

Хотя электрический мост «Россия – КНДР – Республика Корея» выгоден для всех стран (российский Дальний Восток в этом случае получит возможность стабильного экспорта избыточной электроэнергии, Республика Корея – стабильный и эффективный источник покрытия дефицитов энергобаланса, а КНДР сможет получить финансовые ресурсы и улучшить сбалансированность энергобаланса), для реализации проекта необходимо урегулировать вопрос с хеджированием транзитных рисков.

Обсуждение проекта газопровода «Россия – КНДР – Республика Корея» также ведется с 1990-х гг. В 2006 г. было подписано соглашение между правительствами РФ и Республики Корея «О сотрудничестве в области газовой промышленности». В 2008 г. ОАО «Газпром» и «Корейская государственная газовая корпорация» подписали меморандум о взаимопонимании по поставкам природного газа из России в Республику Корея. В 2009 г. ОАО «Газпром» и «Корейская государственная газовая корпорация» заключили соглашение о совместном исследовании проекта поставок газа из РФ в Республику Корея. В 2010 г. во исполнение указанного соглашения был подготовлен итоговый отчет по изучению вариантов организации поставок российского газа. Было рассмотрено несколько вариантов

поставок: трубопроводные поставки (транзитом через КНДР, транзитом через Китай, морской вариант газопровода), поставки сжиженного газа и компримированного газа. Базовым был признан вариант поставок от конечной точки газотранспортной системы «Сахалин – Хабаровск – Владивосток» в Республику Корея со строительством газопровода транзитом по территории КНДР. Общая протяженность газопровода составила бы 1,1 тыс. км, в том числе 700 км – по территории КНДР. Объем экспорта российского газа оценивался в 10–12 млрд м³ газа.

В 2011 г. работы по проекту активизировались:

- между ОАО «Газпром» и Министерством нефтяной промышленности КНДР был подписан Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым стороны договорились сотрудничать для осуществления проекта поставок природного газа из России на Корейский полуостров по трубопроводу,

- между ОАО «Газпром» и «Корейской государственной газовой корпорацией» была подписана дорожная карта по осуществлению поставок природного газа из России в Республику Корея,

- с российской стороны было завершено строительство необходимой инфраструктуры для проекта и запущен первый комплекс ГТС «Сахалин – Хабаровск – Владивосток».

На сегодняшний день КНДР не является потребителем природного газа, но строительство газопровода предполагает развитие газификации страны, часть платы за транзит предусматривается в виде поставок газа и оборудования, часть – в денежной форме. Для Республики Корея реализация данного проекта позволила бы сократить расходы на покупку энергоресурсов: по оценкам специалистов, трубопроводный газ стоил бы дешевле СПГ в 1,5 раза.

Горнодобывающая промышленность

КНДР имеет большие запасы минерального сырья, которые могут быть использованы для развития трехстороннего сотрудничества. Стоимость минеральных ресурсов КНДР (антрацит, железная руда, медь, золото, цинк, никель, молибден, магnezит, известняк, редкоземельные металлы) составляет от 2 до 6 трлн долл.¹ При этом

---

¹ *Захарова Л.В.* К вопросу об иностранных инвестициях в КНДР. 2013.

имеющиеся мощности в этом секторе экономики используются не более чем на 30%.

В 2016 г. стоимость продукции горнодобывающей промышленности КНДР увеличилась на 8,4% за счет роста добычи угля и цинка¹.

Институциональная база для сотрудничества в минерально-сырьевом секторе в КНДР существует. Законодательство подразделяет потенциальные сферы для иностранных инвестиций на поощряемые, разрешенные, ограничиваемые и запрещенные сектора. Инвестиции в «поощряемые сектора», к которым относится разработка природных ресурсов, могут пользоваться преференциальными налоговыми тарифами, более выгодными условиями аренды земли и льготными банковскими кредитами. При этом по закону доля иностранного инвестора в СП по добыче полезных ископаемых не может превышать 70%².

Учитывая высокий уровень развития микроэлектронной промышленности в Республике Корея, а также завершение этапа экспериментальных исследований и переход к этапу промышленного внедрения технологий переработки и использования редкоземельных элементов в России³, взаимовыгодным проектом является разработка в КНДР с последующей промышленной переработкой в России и конечным использованием в Республике Корея запасов редкоземельных элементов.

Поэтому трехстороннее сотрудничество по модели «инвестиции – технологии – ресурсы» может стать наиболее актуальным и выгодным для всех. Впрочем, такая схема приемлема не только при освоении месторождений редкоземельных элементов на территории КНДР, но и других стратегических минеральных ресурсов.

Российские предприятия, занимающиеся разработкой и использованием минерально-сырьевых ресурсов, в последние годы проводили активные консультации по подготовке ряда совместных проектов с КНДР. Их начало откладывалось по различным причи-

---

¹ Акулова Е. Обходя запреты: как экономике КНДР в условиях санкций удалось обогнать США и Южную Корею // ТВ-Новости. 2017. 26 июля.

² Захарова Л.В. К вопросу об иностранных инвестициях в КНДР. 2013.

³ Алексеева Н. Элементы высоких технологий: как мировые державы борются за рынок редкоземельных металлов // ТВ-Новости. 2018. 4 марта.

нам, основными из которых являлись финансовые, информационные и политические. По меньшей мере, финансовые причины могли бы быть устранены в случае присоединения к проработке этих проектов и дальнейшего участия фирм и организаций Республики Корея. Речь, в частности, идет о следующих проектах.

По решению Межправительственной комиссии РФ – КНДР в 2015 г. под эгидой Минвостокразвития РФ должны были быть выполнены работы по составлению каталога минерально-сырьевой базы КНДР. Непосредственным исполнителем с российской стороны предполагалось АО «Росгеология», объединяющее 63 профильных государственных предприятия, в том числе АО «Зарубежгеология». В результате реализации проекта предполагается получение геологической информации о месторождениях вольфрама и молибдена на севере КНДР, поиск месторождений благородных металлов, ниобия и тантала, других видов высоколиквидных полезных ископаемых, а также выполнение геофизических поисков нефти и газа в шельфовых зонах Желтого и Японского морей, переоценка запасов эксплуатируемых железорудных месторождений¹.

Проект «Победа» предполагает предоставление корейской стороной доступа к разработке полезных ископаемых в уплату за модернизацию и реконструкцию железнодорожной сети КНДР. Российская сторона просила прежде всего предоставление доступа к месторождениям редкоземельных элементов со строительством горно-обогатительных комбинатов. Стоимость проекта оценивается в 25 млрд долл.²

Международный туризм

В настоящее время имеющиеся туристические объекты КНДР используются на 90% туристами из КНР и поэтому ориентированы на последних. Еще 2% туристического потока формируют западные страны. Туристический потенциал КНДР позволяет существенно увеличить туристический поток за счет России (особенно регионов

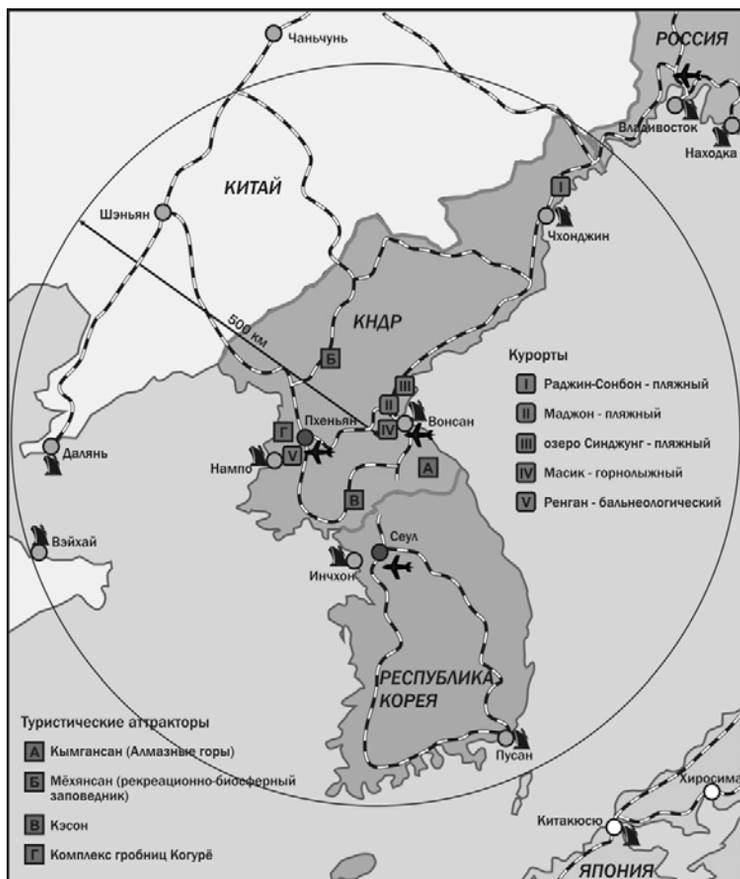
---

¹ МПК Россия – КНДР: главный принцип – равноправие отношений и реализации экономически оправданных проектов.

² *Алексеева Н.* Элементы высоких технологий: как мировые державы борются за рынок редкоземельных металлов // ТВ-Новости. 2018. 4 марта; *Захарова Л.В.* Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5.

Дальнего Востока) и Республики Корея. Если для жителей Дальнего Востока поездки в КНДР могут стать эффективной альтернативой туристическим поездкам в Европу, на курорты Кавказа и Крыма, Турции и Египта, то для граждан Республики Корея такой туризм – важное средство узнавания Северной Кореи и составления личного информационного образа этой страны и своих соотечественников.

В КНДР есть несколько объектов, в большей или меньшей степени приспособленных для привлечения иностранных туристов (*рис.*).

Рис. Туристические объекты на территории КНДР

Источник: картография выполнена В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных авторами.

Во-первых, это район Кымгансан (Алмазные горы) – удивительные по красоте и разнообразию ландшафты, обладающие к тому же тем редким качеством, что они признаются как южанами, так и северянами как красивейшее место в Корее. В советский период этот район был излюбленным местом отдыха дальневосточников, для которых близость расположения сочеталась с доступностью по ценам.

Во-вторых, это гора Мехянсан (в 2009 г. ЮНЕСКО признало гору в качестве биосферного заповедника мирового значения); в этом же районе расположена и постоянно действующая Международная выставка дружбы.

В-третьих, Кэсон – древняя столица Корейского государства (X–XIV вв.), дворцовый комплекс которого с 2013 г. включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и комплекс гробниц Когуре, который был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2004 г.

В-четвертых, бальнеологический курорт Ренган на юго-востоке от Пхеньяна, построенный возле радонового источника, и открытый в 2014 г. горнолыжный курорт Масик, на территории которого имеются отель, вертолетная площадка, пункт проката лыжного инвентаря и канатная дорога.

Туристам также предлагаются пляжные курорты на побережье Японского моря: в специальной экономической зоне Расон (Раджин – Сонбон), Маджон (к северу от г. Вонсана), пляжи и грязелечебница озера Сиджунг.

Своеобразная «неосталинистская» атмосфера в КНДР в совокупности со специфическими объектами той эпохи (объекты, связанные с деятельностью Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, антияпонской революционной борьбой, боевыми действиями во время войны 1950–1953 гг.) имеют особую привлекательность для туристов как из России, так и Республики Корея.

Организация туризма в КНДР архаична. Приемом и обслуживанием туристов из-за границы занимается Общество по иностранному туризму Кореи под контролем Государственного главного управления по туризму – члена Всемирной туристической организации (UNWTO) и Азиатского туристического агентства (PATA). Для всех иностранцев, за исключением граждан Китая, посещение КНДР возможно только через туристические агентства, аккредитованные в Северной Корее. Практически весь западный туризм сегодня моно-

полизирован двумя компаниями – Koryo Tours и Young Pioneers Tours, которые базируются в Пекине. Первое туристическое агентство (NKorean) в РФ было открыто только в августе 2017 г. При этом приезд южнокорейских туристов без специальных разрешений возможен только в район «Алмазные горы».

Учитывая особый интерес российских туристов с Дальнего Востока и граждан Республики Корея, целесообразно реализовать трехстороннюю программу развития туризма в КНДР, включающую:

- модернизацию управления туристическим комплексом, в том числе и расширение сети туристических агентств в РФ (для начала – в Хабаровском крае и на Сахалине, далее – в Москве и Санкт-Петербурге), в Республике Корея, Японии, Узбекистане и Казахстане, где проживают большие контингенты корейцев;
- расширение ассортимента туристических продуктов (экологический, историко-культурный, а также событийный виды туристических услуг);
- организацию морских круизов (например, по маршруту Владивосток – Раджин – Вонсан – Пусан – Чеджу – Далянь);
- развитие в КНДР индустрии сувениров и развлечений;
- модернизацию сети отелей, кемпингов;
- развитие автодорожной сети в туристических районах.

Специальные зоны развития

Зоны развития в КНДР. В ноябре 2013 г. в КНДР было объявлено о выделении 13 территорий в 8 провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов (ТУР). В частности, планируется развитие экономических зон в Чхонджине, Амнокане, Манпхо и Хесане, промышленных зон в Хыннаме, Хендоне и Вивоне, туристических зон на о. Онсон и в Синпхене, экспортных производственных зон в Сонриме и Ваудо, сельскохозяйственных зон в Оране и Пукчхоне. Многие из них занимают небольшую территорию (от 2 до 4 км²) и расположены в разных частях страны: 5 – на границе с Китаем, 3 – на западном побережье, оставшиеся 5 – на восточном.

В июне 2014 г. было также объявлено о создании специальной туристической зоны в Вонсане, план развития которой рассматривал ее как часть единого туристического района Вонсан – Кымгансан. В июле 2014 г. также было объявлено о создании еще 6 зон экономического развития: в некоторых районах Пхеньяна, провинции Южная Хванхе, г. Нампхо, провинциях Северная и Южная Пхенан. Кроме

того, зона в Синьйджу (главный торговый город КНДР на границе с Китаем) была переименована в Международную экономическую зону Синьйжду¹.

Знаменательно, что на российском Дальнем Востоке с 2015 г. усиленно продвигается политика по организации аналогичных зон развития, которые имеют даже сходное название – территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)². Дальневосточные зоны опережающего развития изначально также были ориентированы на иностранных инвесторов, хотя к настоящему времени акценты существенно изменились³.

Различие заключается в том, что дальневосточные ТОСЭР – приманка для практически любых инвесторов, которые имеют большое количество вариантов для выбора, а северокорейские ТУР в современных условиях реально могут рассчитывать лишь на привлечение китайских инвесторов. В этом заключается идея трехстороннего проекта – целенаправленно стимулировать российские и южнокорейские инвестиции в этих зонах.

Пилотным проектом в этом отношении мог бы стать проект восстановления закрытого в феврале 2016 г. Кэсонского промышленного комплекса (КПК), созданного для двустороннего (КНДР – Республика Корея) торгово-инвестиционного сотрудничества, который функционировал с 2010 г. как фактически единственный канал межкорейского экономического взаимодействия. Республика Корея

---

¹ *Захарова Л.В.* Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы // *Корейский полуостров в эпоху перемен.* М.: ИДВ РАН, 2016.

² К настоящему времени существует достаточно обширная литература, посвященная проблемам создания ТОСЭР (или ТОР) на Дальнем Востоке (*Бухвальд Е.М., Валентик О.Н.* Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика.* 2015. № 2; *Исаев А.Г.* Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // *ЭКО.* 2017. № 4; *Швецов А.Н.* «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // *Российский экономический журнал.* 2016. № 3).

³ И связано это с тем, что «...ажиотажа японских, китайских и южнокорейских инвесторов в дальневосточных ТОРах пока не наблюдается» (Региональные аспекты долгосрочной экономической политики. Научный доклад / ИПН РАН; ИЭОПП СО РАН. М.: Международные отношения, 2018. С. 61).

предоставляла капитал и технологии, КНДР – рабочую силу и землю. В КПК в основном производились текстильные изделия, электротовары и оборудование. 90% произведенной продукции вывозилось в Республику Корея и потреблялось там. Остальные 10% экспортировались в третьи страны, среди которых были Китай, Россия, государства Ближнего Востока и Европы.

В настоящее время планируется провести переговоры по восстановлению работы КПК, железнодорожного и автомобильного сообщения между КНДР и Республикой Корея и по сотрудничеству в области лесного хозяйства. Возможно подключение к этому проекту российских компаний, как промышленных, так и транспортных.

Зоны развития на российском Дальнем Востоке. Учитывая чрезвычайно высокую заинтересованность российского правительства в успехе проектов ТОСЭР и Свободный порт Владивосток на Дальнем Востоке России, возможным и плодотворным было бы совместное участие КНДР и Республики Корея в организации инвестиционных проектов на этих территориях. Возможно, полезно было бы учреждение двусторонних (КНДР – Республика Корея) или трехсторонних (КНДР – Республика Корея – РФ) предприятий для реализации этих проектов. При этом КНДР могла бы участвовать предоставлением рабочей силы, а часть продукции, производимой на этих предприятиях, поставлялась бы в КНДР и Республику Корея.

Организация трехсторонних проектов сотрудничества на территории российского Дальнего Востока может опираться на ряд позитивных факторов.

Во-первых, наличие множества зон ускоренного развития с развитым преференциальным режимом в области налогового и административного права, в которых могут размещаться совместные предприятия.

Во-вторых, возможность формирования новых подобных зон на территориях, имеющих благоприятные ресурсные и инфраструктурные условия для размещения совместных предприятий, ориентированных на производство продукции и услуг, пользующихся спросом на корейских рынках.

В-третьих, дефицитность трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в ряде отраслей и на многих территориях, которая может способствовать использованию северокорейской рабочей силы.

В-четвертых, особая заинтересованность российского руководства и дальневосточных губернаторов в привлечении в макрорегион

иностранных инвесторов, готовность учитывать их особые условия, сопровождающие размещение на Дальнем Востоке.

Вместе с тем существуют и негативные факторы, которые могут препятствовать осуществлению трехстороннего сотрудничества на территории Дальнего Востока.

Во-первых, узкий рынок как самого Дальнего Востока, так и КНДР делает безальтернативной ориентацию потенциальных трехсторонних проектов на рынки Республики Корея (или рынки других стран транзитом через южнокорейские фирмы), что существенно сокращает возможный ассортимент товаров и услуг, которые могут быть предметом трехстороннего сотрудничества.

Во-вторых, вялость экономической конъюнктуры в России и на ее Дальнем Востоке, вероятно, приведет к тому, что российский бизнес будет рассматривать сотрудничество с «двумя Кореями» как поеху для извлечения и без того ограниченной прибыли.

В-третьих, российский Дальний Восток даже в сырьевых отраслях нуждается во внедрении технологически совершенных схем менеджмента и производства, однако уровень квалификации северо-корейской рабочей силы, скорее всего, станет препятствием на пути внедрения подобных инноваций.

С учетом вышеизложенного представляется, что наиболее перспективными для развития проектов трехстороннего сотрудничества на территории российского Дальнего Востока являются следующие виды экономической деятельности, в которых возможно формирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости:

- лесоразведение, лесозаготовки, механическая и химическая переработка древесины;
- добыча рыбы и морепродуктов, развитие марикультуры и рыбозаводства, переработка рыбы и морепродуктов, производство консервов, пресервов, рыбной кулинарии;
- выращивание овощей и риса, производство овощных консервов, продуктов переработки сои и риса, производство мяса свиней и птицы с переработкой;
- строительство инфраструктурных, жилых и социальных объектов, производство строительных материалов и конструкций.

2.3. Прикладные аспекты экономической интеграции

ТРАНЗИТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ¹

Япония

Как показывает опыт стран Восточной Азии, а впоследствии и Восточной Европы, именно выбор стратегии является наиболее важным условием для успешного проведения и плодотворного развития рыночных реформ. Первой вступила на путь экономических реформ Япония. Не столь важно при этом, что для нее это было вынужденной политикой, во многом навязанной оккупационными властями и ставшей следствием военного разгрома. Более важно, что полностью разрушенная экономика не только возродилась, но качественно переродилась, явив миру первое (но не последнее в этом веке) экономическое чудо. Как показано ниже, в случае Японии применявшаяся стратегия была основана не полностью, но в значительной части и осознанно на частичном использовании контролируемой инфляции в целях стимулирования предложения и стабилизации экономики, достижения равновесия прежде всего на товарных рынках.

Японская реформа, таким образом, казалось бы подтверждала основательность структуралистской школы, основной тезис которой

---

¹ *Минакир П.А.* Транзитивная экономика: макроэкономическая стабилизация // Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2007.

сводится к тому, что «умеренная» инфляция вполне может благоприятно отразиться на экономическом росте развивающихся стран. В основе этого утверждения лежат постулаты кейнсианства, согласно которым вообще монетарные импульсы благотворно сказываются на экономическом росте¹. Предполагалось при этом, что действует следующий механизм. При дефиците совокупного спроса, которым характеризуется развивающаяся экономика, «мягкая» инфляция, вызванная несоответствием предложения спросу, стимулирует процесс инвестирования повышением номинальной ставки прибыли на инвестированный капитал, с одной стороны, и понижением реальной процентной ставки, с другой. По мере того, как совокупный спрос будет оживляться, процесс инвестирования, вызванный низкой реальной процентной ставкой, может безусловно генерировать финансовые сбережения, потому что в недалеком будущем существование последних положительно скажется на прибыли, а не на реальной процентной ставке (согласно классической традиции). Давление спроса на объем производства, в результате действия суммарного эффекта мультипликации, может подвинуть частный сектор на увеличение его производительности до уровня, при котором природные ресурсы окажутся полностью востребованы. Следовательно, предполагалось, что для развивающейся страны, бедной природными ресурсами или с низким уровнем производительности, инфляция – тот механизм, который вынуждает делать принудительные сбережения для финансирования реальных инвестиций, и который особенно способствует реальному экономическому росту. Сторонники данного подхода приводили три основных довода в пользу основного вывода о том, что инфляция может содействовать реальному росту экономики через повышение уровня дохода и рост частных инвестиций. Рост дохода в свою очередь, мотивирует формирование необходимых сбережений для финансирования инвестиций.

Во-первых, при плохо организованной фискальной системе правительство может прибегнуть к инфляционному методу финансирования реальных инвестиций, что приведет к росту общего капиталообразования, обусловив реальный экономический рост.

---

¹ *Lewis W.A.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // Manchester School. 1954. Vol. 22. No. 2; *Kaldor N.* A Model of Economic Growth // Economic Journal. 1957. Vol. 67. No. 268.

Во-вторых, отставание роста номинальной заработной платы от цен из-за медленно корректирующихся ожиданий или сознательного сдерживания роста заработной платы со стороны государства приведет к перераспределению прибыли в пользу той части населения, которая имеет более высокий уровень сбережений, что будет содействовать экономическому росту через процесс капиталообразования.

В-третьих, инфляция может мотивировать замену портфелей, чтобы содействовать увеличению объема капитальных активов по сравнению с менее производительными денежными средствами.

Противоположной точки зрения придерживались представители основанной на неоклассической традиции дисторционистской школы, настаивавшие на том, что замешательство в экономике в результате инфляции способно спровоцировать снижение реального роста в развивающихся экономиках¹. Это, согласно аргументации дисторционистов, связано с рядом факторов, которые не учитываются кейнсианцами.

Во-первых, согласно «теории финансового подавления»² в развивающейся стране, страдающей недостаточностью финансовых активов, доступных общественности, денежные суммы и объем основного капитала обычно являются не взаимозаменяемыми, а взаимодополняемыми факторами. Это приводит, как правило, к снижению эффективности финансовых систем в развивающихся странах. Рост реальных остатков в частном секторе не приводит к автоматическому генерированию тенденции передачи их в виде сбережений финансовым посредникам. Зато может появиться феномен, описываемый как «слишком мало товаров, и слишком много денег», что содействует появлению инфляции, вызванной избыточным спросом на товары и услуги. В связи с инфляцией денежные суммы становятся все менее привлекатель-

---

¹ *McKinnon R.* Money and Capital in Economic Development. Washington: Brookings Institution, 1973; *Haberger A.C.* Growth, Industrialization and Economic Structure: Latin America and East Asia Compared // Achieving Industrialization in East Asia. Cambridge University Press, 1988; *Tsiang S.C.* Taiwan's Economic Miracle: Lessons in Economic Development // World Economic Growth: Case Studies of Developed and Developing Nations. San Francisco: ICS Press, 1984.

² *McKinnon R.* Money and Capital in Economic Development. Washington: Brookings Institution, 1973.

ными, частные лица все реже доверяют банкам свои сбережения, что приводит к сокращению банковских кредитных ресурсов. Из-за сокращения объемов инвестиционных фондов и оборотных средств у финансовых посредников замедляются темпы реального инвестирования и производственной деятельности и в конце концов приостанавливается реальный рост экономики.

Во-вторых, инфляция в развивающейся стране, практикующей систему фиксирования обменного курса, приведет к ухудшению торгового баланса и к спекулятивным оттокам капитала в связи с ожиданием девальвации. Если правительство предпримет курс на замену импорта собственным производством и усилит контроль за операциями с обменом валюты, то неудачное в результате такой политики размещение ресурсов может сократить как производительность, так и темп экономического роста¹.

В-третьих, если уровень инфляции высок и нестабилен, инвестирование в физические производственные заводские мощности и оборудование становится менее привлекательным по сравнению со спекулятивными инвестициями в создание товарно-материальных запасов, в недвижимость и в зарубежные активы, которые заглатывают реальные ресурсы страны. Такое ошибочное размещение инвестиционных фондов должно затруднить путь к реальным вложениям и экономическому росту.

В-четвертых, в связи с тем, что наличность, необходимая для проведения банковских операций, приносит пользу и содействует расширению производства, инфляция может снизить покупательную способность денег, отбить желание использовать их в качестве средства обращения и платежа. Это может привести к реальным потерям ресурсов и принести убытки в социальной сфере.

Кроме этого существует и признаваемая обеими школами проблема перераспределительных последствий инфляции, которые приводят к социальной и политической нестабильности и поэтому являются одним из основных неэкономических аргументов против инфляции в развивающейся стране. При непредвиденном наступлении инфляции должники выигрывают за счет кредиторов, получающие прибыль выигрывают за счет работающих на зарплату, а владельцы реальных активов находятся в лучшем положении, чем владельцы денежных акти-

---

¹ *Thirwall A.P. Inflation, Saving and Growth in Developing Economics. New York: Macmillan, 1974.*

вов. Именно подобные перераспределительные последствия не только нарушают эффективность рыночного хозяйства и макростабильность, но и наносят вред понятию социальной справедливости и экономической надежности страны.

Поэтому и существуют два противоположных взгляда на причинно-следственные отношения между инфляцией и экономическим ростом: структуралистский и дисторционистский¹. Различие их теоретических баз и прикладных выводов и интерпретаций, конечно, сказывается на последствиях экономической политики, проводимой в развивающихся странах, стремящихся к развитию и индустриализации, особенно в контексте стратегии экономического развития и проводимой в связи с ней монетарной политики. Наличие разных теорий и рецептов по поводу одного и того же явления еще раз иллюстрирует проблему неадекватности теоретических постулатов реальной жизни. Хотя, возможно, более уместно заметить, что множественность концепций и выводов по поводу одного и того же экономического явления связана с невозможностью поставить в строго однозначное соответствие различные условия экономической жизни и взаимосвязи в разных странах с единой теорией. Нельзя одной теорией описать разные системы.

После Второй мировой войны, когда сплошным фронтом осуществлялись экономические реформы рыночного типа во многих странах развивающегося мира, господствовали два основных подхода к построению стратегии экономического развития, которая бы обеспечила экономический рост и социальное развитие. В основе обоих подходов лежала как раз кейнсианско-структуралистская концепция: 1) удержание процентных ставок на искусственно низком уровне даже перед лицом существенной инфляции ради обеспечения возможности дешевого банковского кредита для некоторых отраслей хозяйства внутри страны; 2) замена импорта собственным производством посредством, например, установления высоких тарифов и импортных квот; при этом национальная валюта переоценивалась, ее

---

¹ Кроме структуралистского и дисторционистского взглядов есть еще третья школа в этой области, называемая макрорациональным экспекционизмом, которая утверждает, что ожидаемая (или систематическая) инфляция нейтральна по отношению к реальной экономике и, следовательно, не влияет на реальный рост последней, ибо учитывается как рациональный фактор еще в период, предшествующий принятию решений.

стоимость завышалась на время инфляции, это позволяло избежать по сравнению с ситуацией объективной девальвации национальной валюты ухудшения условий торговли (в связи с большой долей импорта) и повышения уровня инфляции в связи с переносом эффекта повышения издержек с импортных средств производства и с сырьевых материалов. Эта двуединая политика быстро нашла себе почву в большинстве стран Латинской Америки, таких как Мексика, Аргентина, Бразилия и др. в 1950-х и 1960-х гг.

Безупречность этих рецептов довольно быстро подверглась сомнению по практическим результатам их применения. В то же время С. Цянь¹ продемонстрировал теоретически, что в небольшой и бедной природными ресурсами стране (рассматривался пример Тайваня) политика искусственного снижения процентной ставки скорее сократит, чем увеличит сбережения в частном секторе². Более того, такая политика перед лицом инфляции и слабого обеспечения капиталом, явится питательной средой местных инфляционных явлений, так как приведет к чрезмерному спросу на банковские кредиты, и одновременно сдержит процесс капиталообразования. Кроме того, она будет содействовать приостановке потока реальных сбережений в организованные финансовые структуры, и подвигнет население на скрытное накопление драгоценных металлов и иностранной валюты и на вклады в недвижимость или в иные непроизводственные каналы.

Этот же автор показал, что политика замены импортной ориентации развивающейся страны на индустриальное не учитывает сравнительные выгоды для развивающихся стран, вступивших в мировую торговую систему, основывающуюся на международном разделении труда. В частности, для таких стран, как Тайвань, наделенных большим запасом дешевой рабочей силы и талантливых предпринимателей, специализация производства отраслей промышленности,

---

¹ *Tsiang S.C. Fashion and Misconceptions in Monetary Theory and their Influences on Financial and Banking Policies // Journal of International and Theoretical Economics. 1979. Vol. 135.*

² В ориентированной на сравнительно мелкомасштабные проекты в перерабатывающей промышленности и сфере услуг экономике снижение процентных ставок приведет к оттоку средств с депозитов в оборотный капитал, который сравнительно быстро и по более высокой ставке, чем процент по депозитам, даст доход.

рассчитанных на экспорт и требующих интенсивного использования рабочей силы, явно имеет положительное значение, так как может послужить катализатором индустриализации, построенной на основе экспортных операций. Более того, открытость иностранному капиталу приносит дополнительные плюсы в виде передачи технологий и содействия продвижению продукции на новые, еще не освоенные рынки. Стимулирование внутренней инфляции девальвацией национальной валюты также оспаривалась С. Цянем, который доказывал, что цены на импортируемые на местные рынки товары не определяются той их стоимостью, которую они имеют в стране происхождения в период, когда их запасы количественно ограничены. Реальная тенденция заключается в том, что их рыночные цены зависят от уровня устойчивости внутреннего фактического спроса на них и того количества, в котором разрешен их ввоз. В условиях девальвации и либерализации торговли при скромном уровне экономики, и достаточно гибком характере внешнего спроса на экспортные товары, производимые в стране, доходы от экспорта продолжают расти и, следовательно, растут импортные квоты. С другой стороны, если импорт разрешается увеличивать одновременно с расширением экспорта, торговля будет продолжать балансировать и расширения совокупного фактического спроса в денежном выражении не будет. Таким образом, не будет причин для роста цен на импортируемые товары, если одновременно будут происходить процессы девальвации и либерализации торговли¹.

Поэтому уже в конце 1950-х гг. была сформулирована альтернативная стратегия проведения рыночных реформ в развивающихся странах, которая основывалась на традиционной теории рыночного размещения ресурсов с целью одновременного обеспечения высокого экономического роста и низкой инфляции. В разных вариантах эта стратегия использовалась странами Восточной Азии, тогда как страны Латинской Америки восприняли структуралистскую концепцию реформы. Различие стратегий обусловили различие результатов в терминах темпов роста и темпов инфляции. Хотя нельзя абсолютизировать эти сравнения, и сами по себе они не являются строгим доказательством верности той или иной стратегии реформы, так как темпы роста и темпы инфляции реально доминируются не только

---

¹ *Tsiang S.C. Exchange Rate, Interest Rate and Economic Development // Quantitative Economics and Development. Taipei: Academic Press Inc., 1980.*

стратегиями регулирования, но целым рядом иных и не только экономических факторов, тем не менее приведенное в таблице 1 сравнение результатов развития за длительный период для стран, придерживавшихся различных стратегий проведения реформы, весьма показательны.

Таблица 1

**Международные сравнения темпов роста
и инфляции, 1965–1989 гг.**

Страна	Среднегодовой темп прироста ВВП, %		Среднегодовой темп прироста инфляции, %	
	1965–1980	1980–1989	1965–1980	1980–1989
США	2,7	3,3	6,5	4,0
ФРГ	5,2	2,7	3,3	1,9
Япония	6,6	4,0	7,6	1,3
Гонконг	8,6	7,1	8,1	7,1
Республика Корея	9,9	9,7	18,4	5,0
Сингапур	10,0	6,1	5,1	1,5
Тайвань	9,9	8,0	8,1	3,0
Таиланд	7,3	7,0	6,2	3,2
Аргентина	3,4	–0,3	78,3	334,8
Бразилия	9,0	3,0	31,3	227,8
Чили	1,9	2,7	129,9	20,5
Мексика	6,5	0,7	13,0	71,7

Источник: составлено по данным: *Tsuen-hua Shih. Achieving High Growth and Low Inflation: The Success Story of Taiwan Monetary Policy, 1949–1993) / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 11. Tokyo: SPF, 1995. P. 39.*

В рамках выделенных в таблице 1 периодов страны Восточной Азии успешно решили двуединую задачу обеспечения экономического роста и стабильности цен. Правда, Республика Корея столкнулась с жесткой инфляционной проблемой в период с 1965 по 1980 г., когда среднегодовой темп инфляции составил 18,4%, но затем ситуация выправилась и темп инфляции в 1980-е гг. снизился до 5%.

Напротив, экономическая деятельность стран Латинской Америки за тот же период оказалась разочаровывающей. Несмотря на первоначальный успех и быстрый рост экономики в 1950-х гг., здесь все за-

кончилось с началом международного долгового кризиса 1980-х гг. и сейчас страны переживают длительный период стагфляции, характеризующийся низкими темпами экономического роста при стремительно растущей инфляции. Например, Аргентина в 1980-х гг. имела отрицательный показатель экономического роста ($-0,3\%$) и среднегодовой темп гиперинфляции, обозначенный трехзначной величиной ($334,8\%$). Причины неудачи, безусловно, разнообразны, и некоторые из них не имеют экономического характера (например, политические неурядицы). Однако наибольшую роль здесь играет экономическая политика, проводимая в Латинской Америке, которая и подвергается в основном критике. Эта критика, с одной стороны, связана с тем, что монетарная политика, основанная на контролируемой низкой процентной ставке перед лицом инфляции, не поощряет к сбережениям, искажает представление о рентабельности рыночного хозяйствования в финансовой сфере и сдерживает реальный рост экономики, в то время как чрезмерный спрос как в реальном, так и в финансовом секторе продолжает подпитывать внутреннюю инфляцию¹. С другой стороны, некоторые меры, принимаемые по замещению импорта собственным производством в целях защиты внутреннего рынка, лишают страны возможности поглощать приток иностранного капитала и на этой основе расширять внешнеторговые операции, выбираемые ими в соответствии с их собственными реальными и конкурентоспособными преимуществами, что могло бы послужить катализатором для внутреннего экономического роста.

Вышеприведенные сравнения моделей реформирования, конечно, неполны, так как с начала 1980-х гг. КНР, а с конца 1980-х гг. европейские социалистические страны дают богатый материал для обсуждения моделей реформы. Однако сравнение моделей, использованных в период с конца 1940-х и до конца 1980-х гг. в несоциалистических странах уже позволяет утверждать, что отнюдь не одни только идеологические различия, структурные проблемы и реше-

---

¹ Весомость этого аргумента подтверждается эмпирическими данными, опубликованными в «World Development Report 1989», где отмечается, что производительность растет быстрее при положительной реальной процентной ставке, чем в странах с устойчиво отрицательными ставками. Объясняется это главным образом тем, что высокие реальные процентные ставки ассоциируются со все возрастающим финансовым спадом, что в свою очередь генерирует значительное повышение качества инвестиций.

мость в проведении реформ определяют сравнительные результаты. Огромное значение имеет первоначально выбранная теоретическая концепция и стратегия экономической политики, то, в какой степени они соответствуют условиям данной страны и учитывают реальное международное и экономическое окружение.

Еще одним важным выводом из исторического опыта осуществления рыночных реформ является то, что ни разу во главу угла не ставились политические цели. Речь шла всегда о реформах в экономике, а не о социальной или номенклатурной революции, для которой реформы являются лишь способом создания адекватной финансово-экономической основы.

Основные элементы экономической реформы в Японии (как и во всех других странах) были стандартны, впоследствии они составили основу реформы и в России. Тем более интересно проанализировать, как и с какими результатами они реализовывались. Наиболее важным и первоочередным элементом являлась финансовая стабилизация.

К окончанию войны и началу экономической реформы Япония подошла с точки зрения состояния финансово-денежной сферы и внутреннего рынка в очень похожем на российские условия 1990–1991 гг. состоянии. Цены на основные товары национального производства были фиксированы еще в 1938 г., в результате военного разгрома объем промышленного производства составил в 1946 г. всего 20% по сравнению с 1937 г.¹ За 1945–1946 гг. объем денежной массы увеличился в 2 раза, а темп инфляции превысил 40% в месяц². Естественно, что подавление инфляции стало важнейшей задачей первого этапа экономической реформы. Проблема финансовой стабилизации и подавления инфляции решалась в Японии в несколько приемов, отличавшихся друг от друга теоретическими предположениями и инструментами регулирования.

Первым этапом явилась основанная на предположении о чисто монетарной природе инфляции политика подавления макроэкономического спроса, что вполне соответствует принятой в 1992 г. в России схеме. В соответствии с этой политикой были в 8 раз повышены государственные фиксированные цены (в России повышение соста-

---

¹ The Japanese Economy: 1945–1955. Tokyo: Economic Planning Agency. 1990. June. P. 10.

² Ibid. P. 12.

вило в среднем 3,5 раза) при сохранении бюджетных дотаций на разницу фиксированных и потребительских цен, а также установлена жесткая система контроля за ценами на продовольствие и товары повседневного спроса. Очевидно, что подобная политика существенно отличается от одномоментной либерализации цен в российском случае, следствием которой является жесткое регулирование финансово-кредитной эмиссии. Ограничение спроса планировалось достигнуть за счет предельно жесткого ограничения доходов в результате введения лимитов на выплату заработной платы наличными деньгами, снятие наличности с банковских депозитов, лимитирования суммы обмена старых купюр на новые¹.

Государственные субсидии на поддержание уровня цен, финансирование промышленности из бюджета, погашение военных обязательств правительства привело к тому, что удалось только снизить темпы инфляции с 42 до 24% в месяц, однако в 1947 г. пришлось переходить к следующему этапу антиинфляционной политики. Его особенность – признание инфляции не полностью монетарным явлением и переключение акцента в политике с подавления макроэкономического спроса на стимулирование предложения.

Политика стимулирования макроэкономического предложения была основана на чрезвычайном усилении государственного контроля над ценами и распределением важнейших ресурсов. Для этого активно использовался созданный в 1946 г. Штаб экономической стабилизации². Были специально созданы общественные корпорации, через которые осуществлялась система рационирования потребления важнейших ресурсов, включая введение карточной системы. Система фиксированных цен в 1948 г. охватывала более 2100 товарных позиций.

Второй стороной этой политики стало использование схемы

---

¹ Общий объем наличности регулировался в пределах 500 иен в месяц на человека (средняя номинальная заработная плата) и только в 1948 г. лимит увеличили до 3700 иен в месяц (The Japanese Economy: 1945–1955. Токуо: Economic Planning Agency. 1990. P. 40).

² Как отмечает А. Кравцевич, концентрация экономической власти в руках этого штаба была равнозначна почти абсолютному административному контролю над производством, распределением и ценами, причем жесткость этого контроля превосходила даже эталоны военного времени (Кравцевич А.И. Общественное предпринимательство в Японии. М.: Наука, 1988).

приоритетных взаимосвязанных отраслей, которая реализовывалась через вновь созданную Корпорацию финансирования восстановления в приоритетных отраслях.

Этот, второй этап стабилизации, характеризовался использованием системы номинального ценового якоря, системы, которая впоследствии с успехом применялась в реформах азиатских стран, в частности в Китае. Основной задачей этой системы являлось восстановление относительно нормальных пропорций цен, что, как известно, оказалось не только не выполненной, но и даже не поставленной в России задачей, явившись одним из наиболее мощных факторов разрушения хозяйственных связей и запуска системы неплатежей¹.

На втором этапе финансовой стабилизации более или менее успешно реализовалась задача стимулирования национального предложения, в частности, уже к концу 1948 г. объем промышленного производства увеличился до 67% от уровня 1937 г. в результате хорошо спрогнозированной реакции производителей. Поведение предпринимателей оказалось адекватным поставленным целям и применяемым инструментам регулирования (которое в гораздо большей степени соответствовало прямому государственному управлению). Однако в сфере финансовой стабилизации успех не был достигнут и это было неудивительно, учитывая, что большая часть мер по регулированию экономики носила проинфляционный характер. В 1948 г. 25% расходов государственного бюджета было связано с субсидиями на поддержание фиксированных цен. Значительные субсидии по другим направлениям, а также кредитная эмиссия Корпорации экономического

---

¹ Все закупочные и потребительские цены фиксировались в качестве определенного кратного по отношению к довоенному уровню цен. Коэффициент пересчета приблизительно был одинаковым для всех базисных товаров, то есть фиксированные цены привязывались к довоенной структуре цен, к которой привыкла экономика и на которую были настроены все хозяйственные связи. В то же время цены рассчитывались так, чтобы они покрывали издержки производства и обеспечивали минимальную рентабельность с учетом государственных субсидий (*Кравцевич А.И.* Японский опыт реформ и задачи России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио: НИИ промышленной политики; НИИ национальной экономики, 1995. С. 18). О важности подобного подхода для России упоминалось в самом начале реформы (*Шмелев Н.* О здравом смысле и морали в экономике // Вопросы экономики. 1993. № 2).

восстановления обусловили формирование дефицита на уровне почти 30% общего объема бюджета. Плохо контролируемое разбухание кредитно-денежной массы, которая увеличилась за 1946–1948 гг. почти в 5 раз¹, обусловило нарастание инфляционного давления в экономике, которое через высокие инфляционные ожидания начали раскручивать спираль «рост денежной массы – рост заработной платы – рост цен – рост денежной массы». Не желая следовать теоретическим рекомендациям об ограничении роста заработной платы, японское правительство ввело в действие план промежуточной финансовой стабилизации, которая предусматривала согласование темпов денежно-кредитной эмиссии при ослаблении контроля за ценами с темпами восстановления промышленности. Важное место в этом плане занимало наращивание американской военной помощи, которое рассматривалось как стабилизационный механизм, обеспечивающий постоянный приток финансовых ресурсов для стабилизации.

План промежуточной финансовой стабилизации заключался в 1) стабилизации продовольственного рынка за счет американской помощи; 2) подавлении дефицита бюджета на основе расширения практики ратционирования ресурсов и расширения промышленного производства; 3) установлении единого обменного курса национальной валюты и привлечении иностранного капитала; 4) достижении довоенного стандарта уровня жизни и повышении степени самостоятельности экономики страны. Эта политика так и осталась в основном плане, хотя к исходу 1948 г. и удалось достичь некоторых позитивных результатов, снизив темп инфляции в среднем за год до 5% в месяц (после более чем 20% в 1947 г.).

С 1949 г. под давлением оккупационного командования Японии приступила к проведению шоковой терапии, которая осуществлялась под наименованием «линии Доджа». Основные элементы этой политики² сводились к: 1) введению жестких бюджетных рестрикций, в частности, к разделению государственного бюджета на собст-

---

¹ *Кравцевич А.И.* Японский опыт реформ и задачи России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. 1995. С. 20.

² *Кравцевич А.И.* Японский опыт реформ и задачи России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. 1995. С. 22; *The Japanese Economy: 1945–1955.* Tokyo: Economic Planning Agency, 1990.

венно бюджет (общий счет) и на специальные счета (бюджеты казенных предприятий, общественных корпораций, фондов, государственных учреждений), причем балансирование бюджета производилось внутриведомственно; 2) либерализации цен при одновременном отказе от бюджетных субсидий; 3) установлению жесткого контроля над денежной и кредитной эмиссией при отказе от кредитования Центральным банком бюджетных расходов, была упразднена Корпорация финансирования реконструкции; 4) замораживанию заработной платы в рамках крупных корпораций, продукция которых реализовывалась по фиксированным ценам; 5) введению единого обменного курса иены (360 иен за один доллар США) и специального единого валютного счета госбюджета, где концентрировались все валютные доходы и через который осуществлялись все операции с иностранной валютой и иностранными капиталами; 6) преобразованию крупных государственных корпораций в общественные корпорации с повышением цен и тарифов на их услуги отделением их балансов от госбюджета.

Благодаря жесткому контролю со стороны американской оккупационной администрации шоковая терапия была проведена очень решительно и последовательно. Это позволило достичь финансовой стабилизации в течение одного года¹. Инфляция упала до 18% в год по розничным ценам и 15% по оптовым, цены черного рынка снизились на 32%, были либерализованы цены почти по 1600 товарным позициям. Но что еще более важно – была обеспечена долговременная стабилизация, вплоть до середины 1960-х гг. государственный бюджет сводился с профицитом.

Нельзя, конечно, представлять шоковую терапию по-японски как некое искусное техническое действие, которое способно дать такие же результаты и в других странах и ситуациях, если соблюдать достаточную жесткость и последовательность. Однако важно иметь в

---

¹ Именно это обещали в 1991 г. президент и правительство российским гражданам, возможно ориентируясь на положительный опыт Японии, но либо плохо зная его, либо лукавя, так как стремительная стабилизация в случае Японии на самом деле была достигнута после ряда промежуточных этапов и в условиях жесткого и даже жестокого внешнего контроля. В России же власть была предельно слаба и при этом ориентирована не столько на собственно стабилизацию, сколько на приобретение политических дивидендов в смысле сохранения режима и приобретения собственности.

виду, что шоковая терапия не сводилась в японском случае к моментальной либерализации цен, отмене субсидий и жесткой денежной политике. Важнейшим элементом являлась политика доходов, ограничение заработной платы, расширение предложения на предыдущих этапах промежуточной либерализации и, наконец, собственно многоступенчатая схема проведения финансовой стабилизации. Промежуточная стабилизация и стимулирование предложения явились важным условием не только самого по себе успеха шоковой терапии, но и залогом долговременного ее эффекта. В частности, широкомасштабная либерализация цен не сопровождалась гиперинфляцией, так как на предварительных этапах в 1946–1948 гг. осуществлялось ступенчатое «подтягивание» цен к уровню цен черного рынка, то есть к относительно свободным ценам (если в 1946 г. фиксированные цены почти в 7 раз превышали цены черного рынка, то в 1948 г. уже только в 3 раза, а в 1950 г. только в 1,2 раза). Кроме того, заранее были скорректированы пропорции цен, нарушение которых само по себе имеет сильнейший проинфляционный заряд.

Естественным следствием успехов в деле финансовой стабилизации стала рецессия, так как стабилизационная политика имеет сильную дефляционную составляющую. Сокращение денежной массы, отказ от субсидий, рост либерализованных цен привели к сокращению совокупного спроса в экономике, росту товарных запасов, неплатежам и, как следствие, к росту безработицы, сокращению промышленного производства, росту числа банкротств.

Российская экономика испытала все эти прелести на себе, и при этом до сих пор часто эти последствия финансовой стабилизации (которая в российском случае является процессом, а не этапом) представляются как фатальная неизбежность, справиться с которой нет никакой возможности, а нужно потерпеть, пока плохие предприниматели (особенно иностранные) не станут хорошими патриотами и не начнут вкладывать в Россию деньги (инвестиции). Японская реформа демонстрирует очень простой и эффективный способ борьбы с дефляционными последствиями финансовой стабилизации.

Банк Японии совместно с правительством для ослабления дефляционного влияния финансовых рестрикций на экономику ввел политику дезинфляции, увеличив объем кредитов коммерческим банкам на 70% в 1949 г. по сравнению с 1948 г. и в 5 раз в 1950 г., а также попытался посредством предоставления специальных кредитов финансовым институтам выкупить долги обанкротившихся

предприятий, чтобы нивелировать разрушительные последствия неплатежей. Американская администрация прервала реализацию этой политики в 1950 г., запретив кредитную эмиссию, однако фактически эта политика была трансформирована из «накачки кредитов» в «накачку валютных заказов», благодаря начавшейся в 1950 г. Корейской войне, которая обернулась много миллиардными военными заказами для японской промышленности¹. Внешняя экономическая помощь в форме прямой финансовой помощи и промышленных заказов вообще являлась важным фактором стабилизации не только японской экономики, но впоследствии и других азиатских стран. В 1946–1955 гг. размер внешних, почти исключительно американских, вливаний в японскую экономику находился на уровне 2,5–5% ВВП. Оценивая этот фактор, важно все-таки еще раз подчеркнуть, что речь шла не только и не просто о финансовых ресурсах на затыкание дыр в бюджете (российский случай), но о комплексном воздействии на всю экономическую систему через поддержание совокупного предложения.

Благодаря многоступенчатой методике финансовой стабилизации, в которую была «встроена» либерализация цен, а также благодаря постоянному присутствию не только в виде абстрактных целей экономической политики, но и в форме реальных инструментов и ресурсов стимулирования роста предложения японская экономика не попала в дефляционную ловушку и уже с 1948 г. начался реальный рост ВВП, который до середины 1950-х гг. составлял в среднем 9% в год. Согласованная политика регулирования цен и доходов (спроса) и стимулирования предложения обусловила в макроэкономическом смысле совершенно иную конфигурацию траектории движения экономики по сравнению с обсуждающейся ниже российской траекторией. Практически вместо дефляционного сползания влево, японская экономика демонстрировала более или менее плавное поступательное движение выпуска при затухающем росте цен.

Резительный контраст в проведении финансовой стабилизации и подавлении инфляции в Японии и России объясняется (если не полностью, то в значительной степени) тем, что Япония применила по меньшей мере три не замеченные или проигнорированные российским правительством принципа. Во-первых, критерием стабили-

---

¹ Военные заказы обеспечивали до 4% ВВП Японии.

зации являлось не подавление, а ограничение темпов инфляции, что позволяло использовать ограниченную инфляцию в качестве стимулирующего механизма. Во-вторых, макроэкономическая стабилизация в финансовой сфере дополняется микроэкономическими мерами по стимулированию предложения, что исключает или ослабляет воздействие структурного фактора на раскручивание инфляционной спирали. В-третьих, был использован принцип поддержки приоритетных производств для стимулирования предложения, что исключает обратное воздействие промышленной политики на инфляцию в случае сплошного закачивания бюджетных средств в народное хозяйство¹.

В России также чрезвычайно популярным является тезис о выделении приоритетов и точек роста, в том числе и под влиянием японского опыта, однако на деле ресурсы продолжают растаскивать.

В целом, процесс финансовой стабилизации вместе с либерализацией цен продолжался в Японии почти 10 лет (1946–1954 гг.) и его основным результатом стало создание условий для перехода к политике рационализации промышленности с целью создания конкурентоспособной и независимой экономической системы. Эта политика получила название политики промышленной рационализации. И в значительной степени была предопределена разработкой механизма селективного стимулирования промышленности, введенного в действие еще на этапе финансовой стабилизации для концентрированного стимулирования предложения. В основе этого механизма лежала схема взаимоувязанных приоритетных производств, представлявшая собой, по существу, перечень ключевых отраслей, которые определялись на основе межотраслевых таблиц В. Леонтьева и на базе идеологии схем воспроизводства К. Маркса как отрасли с наибольшим значением суммы коэффициентов a_{ij} по строке. То есть определялись отрасли (отрасль), имеющие наибольший коэффициент сопряжения с другими отраслями и, следовательно, дающие наибольший мультиплицирующий эффект при росте их выпуска. Для

---

¹ Как известно, в российском случае подобная закачка ресурсов из госбюджета связана вообще не с экономическими, а в основном с политическими соображениями, предоставление ресурсов никак не коррелирует с эффективностью, перспективностью или мультипликационными эффектами. Такова господдержка сельского хозяйства, военно-промышленного комплекса, ряда амбициозных инфраструктурных проектов.

Японии начала 1950-х гг. такими отраслями определились черная металлургия и добыча угля. Для этих отраслей выделялись наиболее эффективные с точки зрения быстрого прироста выпуска предприятия и по отношению к ним применялась стимулирующая политика (приоритетное снабжение сырьем, финансовыми и материальными ресурсами, решение социальных проблем для работников и пр.).

Однако концентрация ресурсов на избранных отраслях сама по себе могла бы и не дать решающего успеха. Основной проблемой японской промышленности после войны являлась неконкурентоспособность на мировом рынке из-за отсталой технологии и низкой производительности труда¹. Поэтому основой государственной политики, ориентированной на экономический рост, стала рационализация промышленности, которая включала в себя целую серию специальных мер и решений для улучшения конкурентоспособности японской промышленности². Политика рационализации в промышленности очень тесно корреспондировала с вышеупомянутой политикой наращивания предложения при ограничении доходов ради достижения макроэкономической сбалансированности. Отталкиваясь от более ранней схемы поддержки приоритетных отраслей, Япония перешла к «использованию в основном рыночных механизмов регулирования в преимущественно конкурентной среде»³ для повышения конкурентоспособности и развития на этой основе промышленности. Исходной посылкой являлось тривиальное теоретическое положение о «прова-

---

¹ Эта ситуация очень похожа на ту, с которой столкнулась Россия, начав экономические реформы и обнаружив отсталость своего технологического потенциала

² Содержание политики рационализации промышленности определяется Министерством внешней торговли и промышленности Японии следующим образом: 1) рационализация на уровне предприятий – инвестиции в новую технику и технологию, контроль качества продукции, снижение издержек, реформа управления; 2) рационализация предпринимательской среды – развитие инфраструктуры; 3) рационализация отраслей – создание и поддержание конкурентной среды; 4) рационализация промышленной структуры в целом (*Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford University Press, 1982. P. 27*).

³ *Кравцевич А.И.* Политика рационализации промышленности Японии: уроки для России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио: НИИ промышленной политики; НИИ национальной экономики, 1995. С. 62.

лах рынка». В целом приверженное свободному предпринимательству, частной собственности и рынку японское правительство полагало, что один только рынок не в состоянии обеспечить необходимые изменения в распределении ресурсов и развитии технологических и управленческих новаций.

Находясь в тисках ограниченного бюджета, Правительство Японии было не в состоянии обеспечивать рационализацию промышленности «по всему фронту» и потому и в данном случае прибегло к стратегии селективной поддержки и селективной рационализации, используя несколько критериев для построения приоритетов: 1) отрасли с высокой эластичностью спроса; 2) отрасли с высокими темпами роста производительности; 3) отрасли с сильным кумулятивным эффектом; 4) отрасли с наибольшим приростом занятости¹. Теоретической основой для выбора объектов политики рационализации промышленности являлась концепция динамических сравнительных преимуществ, в рамках которой предпочтение отдается не просто отраслям, имеющим сравнительные преимущества с точки зрения наделенности факторами производства, но тем, которые еще и обеспечивают в ходе своего развития наибольшее воздействие на развитие сопряженных отраслей. То есть, схема взаимоувязанных приоритетных производств была соединена с теорией сравнительных преимуществ, а точнее даже с теорией Хекшера – Олина. При этом не столько констатировались, сколько создавались в динамическом аспекте преимущества нужной интенсивности для отдельных отраслей².

Для осуществления политики рационализации промышленности был разработан специальный закон, который предусматривал: 1) меры по повышению технического уровня предприятий (государственные субсидии, лизинг государственного имущества, ускоренная амортизация и снижение ставок налога для опытно-экспериментального оборудования); 2) меры по модернизации основного

---

¹ *Komiya R. The Japanese Economy: Trade, Industry and Government. University of Tokyo Press, 1990. Pp. 293, 313–314.*

² «Сравнительное преимущество должно быть не столько «идентифицировано», сколько создано; и отрасли которым предстояло стать объектом политики, отбирались на основе скрупулезного, детализированного анализа того эффекта, который будет генерирован их ростом в других секторах экономики» (*Sheridan R. Governing in Japanese Economy. Cambridge: Polity Press, 1993. P. 150*).

капитала (внедрение специальных схем амортизации, снижение ставок налога на определенные виды оборудования); 3) предоставление расширенных полномочий по контролю и регулированию выделяемых для проведения рационализации отраслей и предприятий министерствам и местным органам власти¹. Для снижения нагрузки на бюджет в качестве объектов рационализации были отобраны, в конечном счете, не отрасли, а конкретные производства. Общее число выделенных производств достигало 50.

Выделенные для проведения политики рационализации производства получали существенные льготы в области налогов, таможенных пошлин, кредитования, валютного обслуживания и пр. Однако взамен они подвергались тщательному мониторингу со стороны государства, принимая на себя жесткие обязательства по росту выпуска, повышению рентабельности, снижению издержек. Кроме этого, разрабатывались и реализовывались конкретные программы рационализации, ориентированные на совершенно определенные производства и их группы (суботраслевые программы рационализации).

Для придания действенности принятым законам и провозглашенным намерениям в области рационализации промышленного производства и его ускорения Япония реализовала механизм, ряд элементов которого впоследствии так и не решилась или не захотела испробовать Россия.

Одним из важнейших элементов системы стимулирования являлось введение приоритетного налогообложения. В результате применения целого ряда налоговых стимулов как для предприятий, так и для физических лиц, общее налоговое бремя было существенно снижено на период развития приоритетных производств. По некоторым данным вычет из налогооблагаемой базы процентов за кредит и ряд других изъятий привели к тому, что общее налоговое бремя в Японии (отношение суммарного объема налогов к национальному доходу) составляло во второй половине 1950-х гг. не более 16,5%, тогда как в основных индустриально развитых странах эта величина колебалась от 22% в США, Канаде и Франции до 35,5% в Англии². Практически вдвое были за период 1950–1960 гг. снижены и совокупные

---

¹ *Кравцевич А.* Политика рационализации промышленности Японии: уроки для России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. 1995. С. 79–80.

² Там же. С. 88.

ставки налога с физических лиц¹. По мере прогресса экономики налоговое бремя возрастало, хотя общий принцип – сокращение налогов при наступлении признаков рецессии – сохранился и по настоящее время.

Важными элементами рационализации являлась также специальная система снижения ставок по кредитам для выделенных предприятий, которая реализовывалась Банком Японии, и состояла в установлении низких ставок по текущим депозитам физических и юридических лиц. Это приводило к концентрации средств на срочных депозитах в условиях, когда реальная ставка по текущим депозитам часто была отрицательной, а следовательно, предоставляло широкие возможности для кредитования экономики. Кроме этого, низкие процентные ставки увеличивали норму внутренней доходности по инвестиционным проектам, способствуя наращиванию инвестиций. Разумеется, это нарушало рыночные принципы, но способствовало достижению структурных целей в экономике.

Кроме сознательного удешевления кредита для выделенных правительственной политикой производств активно использовалась и так называемая система рационарирования кредита², которая сводилась к тому, что Центральный банк Японии, от выгодных кредитов которого зависели практически все коммерческие банки, устанавливал для отдельных банков и их консорциумов лимиты кредитования и давал «рекомендации» по направлениям кредитования в рамках этих лимитов. Отказ от следования этим рекомендациям был равносителен потере коммерческими банками части прибыли в связи с необходимостью в этом случае заимствовать кредитные ресурсы на межбанковском рынке на гораздо менее выгодных условиях. Это позволяло Центральному банку регулировать кредитную экспансию и по размерам и по направлениям, поддерживая выделенные для рационализации производства.

В целом промышленная политика в Японии оказалась весьма

---

¹ *Кравцевич А.* Политика рационализации промышленности Японии: уроки для России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. 1995. С. 107.

² *Брагинский С.В.* Кредитно-денежная политика в Японии. М.: Наука. 1989; *Брагинский С.В.* Перестройка системы финансирования японской экономики и макроэкономической политики // Япония: смена модели экономического роста. М.: Наука, 1990.

продуктивной, благодаря гибкому сочетанию чисто рыночных и административных механизмов при комплексном подходе к применению целенаправленной экономической политики. Последняя базировалась на успешной макроэкономической политике, пользуясь ее плодами и развивая ее результаты, что и позволило Японии обеспечить формирование своеобразного стандарта экономического реформирования, имеющего универсальную ценность не только для транзитных экономик, но и для всего мирового экономического общества.

Тайвань

В период между 1951 и 1992 гг. объем валового национального продукта в текущих ценах на душу населения на Тайване вырос со 145 до 10 202 долл. США. Это вывело Тайвань на четвертое место среди азиатских стран после Японии (29726 долл.), Гонконга (16 586 долл.) и Сингапура (16 582 долл.). За это время Тайвань увеличил реальный объем ВВП в 29,6 раза при среднегодовом росте 8,3%, реальные доходы на душу населения росли в среднем на 6,2% в год при том, что ежегодный темп инфляции в период 1953–1993 гг. составлял 4,7% для оптовых и 6,5% для розничных цен¹.

Успех был достигнут благодаря четко избранной стратегии проведения реформы на основе макроэкономических программ. С середины 1950-х гг. двумя главными и параллельно разрабатываемыми экономическими целями были объявлены рост экономики и стабильность цен. Тайвань отказался от применения стратегии «структуралистского» развития, в основе которой лежит экономический рост, стимулируемый инфляцией, которая в основном проповедовалась идеологами государственного регулирования перехода к рынку. Вместо этого тайваньская реформа была основана на стратегиях рыночного размещения ресурсов.

Исходные финансовые условия реформы на Тайване немногим отличались от ситуации в Японии и позднее в России. В конце 1940-х гг. массовая миграция гражданского и военного населения из континентального Китая на Тайвань содействовала процессу накоп-

---

¹ *Tsuen-hua Shih*. Achieving High Growth and Low Inflation: The Success Story of Taiwan Monetary Policy, 1949–1993) / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 11. Tokyo: SPF, 1995.

ления денег, что привело к безудержной инфляции. Избыточный спрос на товары и, соответственно, дефицит последних явились причиной десятикратного среднегодового повышения индекса потребительских цен за период с 1946 по 1949 гг. и примерно на 400% в период с 1949 по 1959 гг. Процентные ставки на черном рынке поползли вверх в ответ на изменения цен, и среднегодовая процентная ставка, введенная частными кредиторами в период с 1947 по 1949 гг., составила 206%. Однако процентные ставки, предлагаемые государственными коммерческими банками, оставались на крайне низком уровне. Например, в конце 1949 г. процентная ставка на годовой депозит, объявленная Банком Тайваня (на тот период действовавшим Центральным банком), составляла только 18% в год. В связи с этим население потеряло доверие к банкам, как к учреждениям, которым можно поручить хранение их сбережений, что и отразилось в росте оттока капитала, обращенного в драгоценные металлы, иностранную валюту и физические товары. Экономика Тайваня таким образом оказалась под угрозой краха.

Однако гиперинфляция быстро пошла на убыль и в 1954 г. темп инфляции составлял уже только 2% в год (по индексу потребительских цен), не вызвав никакого экономического спада; реальный экономический рост за этот год составил 9,54%. Это стало возможным, благодаря разумной монетарной политике, особенно в области установления процентных ставок, с одной стороны, и обменных курсов, с другой.

Одной из экономических причин поражения режима Чан Кайши в континентальной части Китая являлась гиперинфляция. Поэтому тайваньское правительство определило антиинфляционную политику в качестве своего главного приоритета. Инструментом антиинфляционной политики стало, прежде всего, поддержание высокой номинальной процентной ставки (положительной реальной процентной ставки), что обеспечило поощрение денежных сбережений и наращивание вкладов на депозиты в банки и, как следствие, ослабление инфляции. В целом монетарная политика использовалась как орудие против инфляции в двух ключевых областях.

Во-первых, по рекомендации группы советников под руководством Т. Лю и С. Цяня для обеспечения привлекательности процентных ставок и привлечения частных сбережений в 1950 г. была инициирована так называемая система PIRD (преференциальные процентные ставки по депозитам). Согласно этой схеме ежемесячно

выплачивалась 7-процентная ставка, что равнялось 125% годовой совокупной ставке. Хотя разница в уровнях процентных ставок по этой схеме и на черном рынке оставалась большой, с учетом разного уровня риска ожидаемые коэффициенты окупаемости капиталовложений были одинаковыми.

Во-вторых, была осуществлена в 1949 г. денежная реформа, в ходе которой была задействована система контроля за денежными запасами. Денежная реформа заключалась в замене находившегося в обращении (или «старого») тайваньского доллара Новым Тайваньским долларом (НТД) в качестве новой денежной единицы по официальному обменному курсу: 40000 старых долларов к одному НТД. Кроме этого, были установлены потолки на максимально допустимую к выпуску сумму валюты, а именно, был установлен 100-процентный резерв золотом или иностранной валютой (и экспортными товарами). Эти потолки выпуска валюты, однако, оказались неэффективными, так как их приходилось время от времени корректировать и приводить в соответствие с требованиями денежных операций по мере расширения экономической деятельности. В марте 1955 г., когда контроль за инфляцией вывел ее на уровень 2%, а доверие населения к НТД и банкам вновь полностью восстановилось, схема PIRD исчерпала себя и растворилась в других системах сберегательных вкладов с выплатой процентных ставок на уровне 20% в год. Тем не менее, эффект успешного эксперимента по применению схемы PIRD, как средства контроля за инфляцией и поощрения сбережений, оказался долговременным и продолжает сказываться на формировании монетарной политики Тайваня вот уже сорок лет¹.

В течение всего периода реформ, за исключением двух серьезных мировых нефтяных кризисов 1973–1974 и 1979–1981 гг., банковские структуры Тайваня последовательно поддерживали величину реальной процентной ставки по сберегательным вкладам (номинальная процентная ставка минус темп инфляции за тот же год) на положительном уровне. В начале 1950-х гг. следование политике высокой процентной ставки являлось весьма смелой новацией. Это дало осно-

---

¹ *Tsuen-hua Shih*. Achieving High Growth and Low Inflation: The Success Story of Taiwan Monetary Policy, 1949–1993) / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 11. 1995. Pp. 14–16.

вание положению о том, что именно Тайвань впервые в развивающемся мире отказался от монетарной политики кейнсианского типа, согласно которой банки произвольно устанавливали искусственно заниженный уровень процентной ставки в условиях инфляции, питая себя ошибочной иллюзией, что это, с одной стороны, облегчит процессы инвестирования и экономического роста, а с другой, сократит темпы инфляции¹.

Механизм PIRD работал следующим образом. Когда ставка по PIRD была установлена на уровне 7% в месяц (март – июнь 1950 г.) масса квазиденег (депозиты по схеме PIRD плюс сберегательные вклады плюс срочные депозиты) увеличилась в 3,7 раза, а доля массы квазиденег в сумме «обычных денег» (M1) за этот период увеличилась с 1,7% до 7,0%. Отток наличных денег с товарных рынков привел к быстрой стабилизации потребительских цен. Помесячные темпы инфляции снизились с 10,3% в первом квартале до 0,4% во втором квартале 1950 г. Сокращение темпов инфляции позволило снизить процентную ставку по PIRD до уровня 3,5% (52% годовых), а в третьем квартале 1950 г. ставка была снижена до 3% в месяц (44% годовых). Снижение депозитных доходов привело к тому, что к марту 1951 г. темпы инфляции повысились до 6% в месяц, а масса квазиденег сократилась. Доля массы квазиденег в общем объеме денежных остатков в «узком» смысле («M1» – деньги в обращении, деньги на чековых счетах и на счетах до востребования) по этой же причине снизилась с 7% в июне 1950 г. до 4,1% в марте 1951 г. Так как денежный мультипликатор, имея в виду деньги «в узком смысле», есть отрицательная функция от доли квазиденег в M1, его значение уменьшилось, что спровоцировало рост денежной массы, а это в свою очередь вызвало рост цен. Именно в результате действия этого механизма темпы инфляции поднялись до 6-ти процентного уровня.

Для элиминирования негативного воздействия сокращения массы квазиденег, увеличения сбережений и подавления инфляции в первом квартале 1951 г. ежемесячная ставка по PIRD была поднята до 4,2% (64% годовых). Квазиденежные балансы снова стали расти, а ежемесячные темпы инфляции снизились до 1,8% в сентябре 1951 г. В конце 1953 г. казалось, что удалось справиться с инфляционными

---

¹ *Tsiang S.C. Fashion and Misconceptions in Monetary Theory and Their Influences on Financial and Banking Policies // Journal of International and Theoretical Economics. 1979. Vol. 135.*

ожиданиями, и правительство решило обратиться к политике снижения процентных ставок в целях поощрения спроса на инвестиции и на производство товаров.

В целом, политика поощрения высоких процентных ставок послужила катализатором совершенствования финансовой системы и заложила основы стабильной экономики, инициировав высокий темп роста без провоцирования инфляции в последующие годы.

В отличие от последовавшей почти 35 лет спустя российской реформы, в ходе которой либерализация цен была осуществлена одновременно с либерализацией внешней торговли, на Тайване осуществление программы либерализации внешней торговли началось лишь после того, как была достигнута стабилизация уровня и пропорций цен. К моменту начала либерализации во внешнеэкономической сфере официальная стоимость НТД в конвертируемой валюте была завышена и составляла 15,55 НТД за один доллар США. Это приводило к необходимости строгого контроля за импортом посредством установления импортных квот, высоких таможенных пошлин и строгого контроля за движением капиталов, чтобы удержать отрицательное сальдо платежного баланса на сколько-нибудь приемлемом уровне.

С 1955 г. в рамках программы либерализации внешней торговли экспортеры получили право получать в обмен на свои валютные доходы так называемые «валютно-отказные сертификаты» («exchange surrender certificates») по цене сверх официальных 15,55 НТД за один доллар США. Эти сертификаты обращались на свободном рынке и импортеры могли покупать их, обменивая впоследствии в Банке Тайваня на необходимую для импорта валюту. Фактически эта система означала девальвацию НТД. В этих условиях использование ходивших на рынке валютно-отказных сертификатов имело целью проверить равновесную рыночную оценку единицы иностранной валюты.

Благодаря существованию системы множественных обменных курсов фактические обменные курсы, применимые в экспортных и импортных операциях, были неодинаковыми. В частном секторе экспорта продукции обрабатывающей промышленности в период с марта 1955 г. по апрель 1958 г. они колебались между 20,43 до 28,99 НТД за один доллар США в зависимости от рыночной котировки сертификатов, которая менялась совершенно свободно. Однако в то же время продукция, импортируемая частными предприятиями

ми (исключая сырье и оборудование для конечных пользователей), могла приобретаться по фактическому обменному курсу, колеблющемуся между 20,88 и 38,58 НТД за один доллар США¹. В 1960 г. эти рыночные оценки сертификатов были взяты за основу для введения нового фиксированного обменного курса: 40 НТД за один доллар США. Только в 1964 г. валютно-отказные сертификаты были полностью выведены из обращения, а чистая единая система обменного курса прочно установлена.

Девальвация валюты способствовала либерализации импорта и оживлению экспорта. За 1951–1960 гг. стоимостной объем экспорта и импорта увеличился, соответственно, в 1,34 и в 1,69 раза, а за 1960–1970 гг. рост составил, соответственно, 9,03 и 5,13 раз². Девальвация также проводилась постепенно по мере накопления предпосылок для либерализации внешней торговли. Это позволило избежать острой инфляции как следствия либерализации импорта, хотя в 1959–1960 гг. темпы инфляции и выросли (до 10,6% и 18,4%, соответственно, по индексу потребительских цен). Однако, это было вызвано главным образом естественными стихийными причинами (например, разрушительное наводнение в августе 1959 г. или сильный тайфун в августе 1960 г.), а также увеличением затрат на оборону. С 1961 г. цены стали стабильны и эта стабильность сохранялась в течение всех 1960-х гг. вплоть до нефтяного кризиса 1973 г.

Как и в случае японской реформы значительным фактором, содействовавшим достижению экономической стабильности на Тайване, являлась американская экономическая помощь, которая была возобновлена в 1950 г. после начала Корейской войны. Американская помощь содействовала подавлению инфляции и серьезному финансовому возмещению большого дефицита иностранной валютной массы в начале 1950-х гг. Общая оценка американской помощи за 1951–1960 гг. составляет приблизительно 1,5 млрд дол-

---

¹ Подробнее о системе множественных валютных курсов на Тайване см.: *Scott M. Foreign Trade // Economic Growth and Structural Change in Taiwan: The Postwar Experience of the Republic of China / Ed. by W. Galenson. Ithaca; London: Control University Press, 1979.*

² Рассчитано по: *Tsuen-hua Shih. Achieving High Growth and Low Inflation: The Success Story of Taiwan Monetary Policy, 1949–1993 / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 11. 1995. P. 42.*

ларов, или около 10 долларов США на каждого жителя Тайваня в год. Эта помощь оказала стабилизирующее влияние как на спрос, так и на предложение. Помощь предоставлялась в товарной форме, а сумма тайваньской валюты, эквивалентная сумме от продаж товаров, полученных по программе помощи США, должна была быть положена в Банк Тайваня. Таким образом, с одной стороны, суммы американских фондовых депозитов, используемых для финансирования государственных инвестиций на основе льготных займов и для покрытия дефицита правительственного бюджета, снижали уровень доступности денег «повышенной эффективности» из Центрального банка, что вело к сокращению запасов денег и, следовательно, сокращению совокупного спроса в частном секторе. Это оказывало «успокаивающее» воздействие на инфляцию. С другой стороны, большие объемы сырья и инвестиционных товаров, хлынувших по программе американской помощи, удовлетворили около 15% нужд местного капиталообразования в 1950-х гг. и существенно ослабили давление недостаточности общего объема производства. Импортный сектор американской помощи составил около 30% общего тайваньского импорта, существенно уменьшив в тот же период напряженность баланса платежей¹.

Следующим этапом экономической реформы стало формирование политики, нацеленной на поощрение инвестиций, либерализацию норм торговли и производства, унификацию финансовой системы². На этом этапе внутренние инвестиции и внешняя торговля должны были стать главными локомотивами «экономического взлета». Таким образом, только после 12 лет упорного и целенаправленного реформирования экономики Тайвань приступил к тому, что потом называли «экономическим чудом». Основой экономического процветания стал переход к экспортно ориентированной политике и соответствующая либерализация валютной и торговой политики.

---

¹ *Liang K.C., Liang Hou C.I. Trade Strategy and the Exchange Rate Policies in Taiwan // Trade and Growth of the Advanced Developing Countries in the Pacific Basin. Seoul: Korea Development Institute, 1981.*

² Эта политика получила наименование «Девятнадцать пунктов программы экономической и финансовой реформы 1960 г.», описание которой приведено в: *Kuo S.W.Y. The Taiwan Economy in Transition. Washington D.C.: Westview Press, 1983.*

В 1958 г. была обнародована «Программа улучшения валютного и торгового контроля», которая предусматривала ряд мер по переходу к экспортной ориентации экономики.

Во-первых, и возможно это являлось наиболее важным, отменялись во многих случаях количественные ограничения на импорт. Импорт всех промышленных продуктов делился по категориям, которые классифицировались как разрешительная, контролируемая и запретительная. Импорт контролировался в основном в целях защиты производителей¹, то есть импортные лицензии предоставлялись только в том случае, если соответствующие продукты не могли быть произведены внутри страны. На некоторые виды продуктов (разрешительное регулирование) лицензии в основном предоставлялись автоматически.

Ослабление импортного контроля привело к переливу ресурсов из импортозамещающих производств в экспортный сектор экономики, что позволяло экспортерам при снижающихся издержках более эффективно наращивать экспорт. В 1960-х гг. конкуренция среди производителей была значительно сильнее, чем в 1950-х гг. Господствующей рыночной ситуацией в большинстве вновь развивающихся отраслей являлась олигополия или монополистическая конкуренция,

---

¹ Принцип, согласно которому импортный контроль оправдывается наличием внутринациональных возможностей по производству, являлся важной частью защитительной системы на Тайване как и во многих других развивающихся странах. Промышленность во многих случаях была защищена тарифами так же как и нетарифными ограничениями. Отечественные производители, желавшие получить подобную защиту, должны были показать, что количество и качество их продуктов достаточно для удовлетворения внутреннего спроса, и что стоимость основного сырья, необходимого для производства, не превышает 70% общих издержек производства. Отпускная цена на контролируемые товары не должна была превышать цену на сопоставимый импорт (включая все пошлины) более, чем на 25% в 1960 г. В 1964 г. это разрешенное превышение было снижено до 15%, в 1968 г. – до 10% и в 1973 г. – до 5%. Хотя эти правила применялись не очень строго, они заставляли обращать больше внимания на эффективность производства, нежели поддерживать монопольные позиции на рынке. В отличие от этого в России, как известно чаще всего достаточно именно наличия монопольных позиций на внутреннем рынке и во властных структурах, чтобы добиться таможенной защиты, несмотря на принципиальную неготовность и нежелание обеспечить качественную и ценовую конкурентоспособность.

а не монополия. Растущая конкуренция со стороны импорта также помогала улучшить качество отечественных товаров.

Во-вторых, был установлен двойной обменный курс (базовый официальный курс и курс валютных сертификатов) вместо существовавшего до того множественного обменного курса. К июню 1961 г. официальный курс и курс валютных сертификатов окончательно слились на уровне 40 НТД за один доллар США, что дало начало процессу формирования единого обменного курса. Единый и стабильный обменный курс не только упростил управление, но также позволил осуществлять надежные экономические расчеты при экспорте и гарантировал прибыли от неожиданных изменений курса.

В-третьих, обменный курс, применявшийся при большинстве экспортных и импортных операций частных предприятий, был снижен с 25 НТД до почти 40 НТД за один доллар США. Это имело результатом значительное сокращение издержек на заработную плату в расчете на единицу выпуска, исчисленного в долларах США, в то время как подобные издержки в наиболее развитых экономически странах, таких как США, Япония или Германия, стабильно росли.

Стимулирование экспорта осуществлялось в рамках целой системы мер, среди которых:

1) к середине 1960-х гг. были сокращены процентные ставки по кредитам для импортеров и снижены со 100% до 10–15% суммы залоговых депозитов при импорте;

2) импортеры сырья и продукции машиностроения могли сохранять полученную иностранную валюту без прохождения процедуры объявления о получении иностранной валюты, кроме того, была разрешена продажа подобных прав на импорт другим фирмам;

3) стали доступными специальные займы по низким ставкам, чтобы помочь финансированию производства и импорту сырья, а также страхование экспорта государственным агентством;

4) поощрялась торговая организация производителей в таких отраслях, как выпуск текстиля, консервирование грибов, производство лимонного масла, чтобы контролировать производство и экспорт посредством экспортных квот и унифицированным декларированием экспортных цен;

5) для некоторых отраслей промышленности, таких как хлопкопрядение, сталелитейная и чугунолитейная, резинотехническая, производство шерстяных и искусственных волокон, производство бумаги и бумажных продуктов, были введены прямые экспортные субсидии;

6) правительственные и полуправительственные агентства предоставляли помощь в сфере проведения экспортного контроля, управления, технических и торговых консультаций, исследования рынка и участия в международных торговых ярмарках;

7) для поощрения инвестиций в обработку и сборку таких экспортных товаров как электроника, одежда, изделия из пластмассы были образованы зоны экономического развития. Администрация зон развития экспорта, представляющая все относящиеся к этому административные органы правительства, несла ответственность за управление зонами и существенно упростила процедуры регистрации, импортного и экспортного лицензирования и переводов иностранной валюты¹;

8) законы и правила, управляющие инвестициями, были либерализованы, новые промышленные компании, подпадающие под «Статус для поощрения инвестиций», получили 5-летнюю отсрочку для уплаты налогов со дня начала операций и льготы по уплате импортных пошлин на машины и оборудование;

9) эффективная банковская система, а также увеличение кредитных возможностей и стабильности цен привели к снижению ставок процента по займам до довольно низкого уровня и составили важный фундамент кредитной экспансии.

Ориентированная на экспорт и завоевание ниши в мировой экономике государственная политика создала благоприятный инвестиционный климат и высокую прибыльность экспорта. Промышленный экспорт быстро расширился, особенно после 1963 г. К середине 1960-х гг. пессимистические воззрения поздних 1950-х гг. сменились уверенностью в процветании. Среднегодовой темп роста в промышленности повысился с 11% в 1955–1960 гг. до 14% в 1960–1965 гг. и до 21% в 1965–1970 гг. Доля промышленной продукции в общем экспорте увеличилась с 28% в 1960 г. до 77% в 1970 г., что лежало в основе ускорения промышленного роста². Так как экспорт рос быстрее импорта,

---

¹ Экспорт из трех созданных экспортных зон в 1975 г. оценивался в 453 млн долл. США, а импорт – 256 млн долл. США (8,5 и 4,3%, соответственно, от национального экспорта и импорта). Занятость в зонах составляла 4,4% общего числа занятых в промышленности.

² Валютные резервы банковской системы увеличились со 102 млн долл. США в 1960 г. до 1,8 млрд долл. США в 1973 г. Кроме того, с быстрым развитием трудоемких экспортных отраслей экономический рост стал

торговый баланс улучшился. Улучшение баланса текущих платежей привело к росту резервов конвертируемой валюты¹.

С 1960 по 1972 гг. обменный курс оставался фиксированным на уровне 40 НТД за один доллар США. После девальвации в декабре 1971 г. американского доллара, тайваньский доллар также был девальвирован, что обеспечило сохранение конкурентных позиций национального экспорта и увеличение положительного торгового баланса. Однако дальнейшее ослабление позиции доллара привело к тому, что под нажимом международного сообщества тайваньский доллар был немного ревальвирован против доллара США до уровня 38 НТД за один доллар США (5% ревальвация). Но в среднем тайваньский доллар сохранил свои позиции относительно валют основных торговых партнеров в Европе и Японии.

Вместе с тем быстрое развитие внешней торговли и все большая открытость страны обусловили появление до поры скрытых проблем макроэкономического характера. Растущая открытость страны и увеличивающаяся доля экспорта в ВВП означали, что любые колебания конъюнктуры на мировом рынке могут создать большие трудности для экономики страны, а любые трудности сведения платежного баланса могут глубоко отозваться на денежной стабильности в этой маленькой, открытой для всего мира, экономике.

Жесткая поддержка фиксированного обменного курса означала, что Центральный банк был вынужден скупать любые избыточные суммы иностранной валюты на рынке, чтобы избежать излишка платежного баланса. Например, в 1963 и 1964 гг. внезапное улучшение в платежном балансе привело к резким последовательным увеличениям

более трудопоглощающим, чем ранее. Занятость в промышленности увеличивалась на 8,3% в год в период 1965–1970 гг. в то время как реальная заработная плата увеличивалась на 6,5%.

¹ В 1958–1960 гг. уже были приняты меры для привлечения частных иностранных инвестиций. Также были получены займы от Мирового Банка, Экспортно-Импортного Банка США и от японского правительства. Но наиболее важным источником повышения резервов иностранной валюты был собственный экспорт промышленных продуктов (*Tu Anthony H. Foreign Exchange Policies and Incentive-Induced Trade Strategy: The Taiwan's Experience / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 10. Tokyo: SPF, 1995. P. 13).*

чистых иностранных инвестиций в банковской системе, что в результате действия эффекта мультипликации привело к резкому увеличению денежных балансов (на 28 и 35% в эти два года, соответственно). Надвигающаяся инфляция в тот период была заблокирована поспешной отменой оставшихся ограничений на импорт, что увеличило объем импорта почти на 30% и скорректировало показатели платежного баланса и денежной массы внутри страны.

Аналогичные события произошли в начале 1970-х гг. Большое активное сальдо торгового баланса в 1971–1973 гг. заставило Центральный банк выкупить избыточный запас иностранной валюты, что привело к увеличению денежных запасов, соответственно, на 36, 34 и 50,4%, несмотря на то, что плановое увеличение, объявленное на этот период, предполагалось на уровне 20%. Стабильность цен в стране не могла не оказаться задетой. В 1973–1974 гг. трехкратное увеличение международных цен на нефть спровоцировало рост цен на внутреннем рынке, нарушив тем самым длительный период их стабильности. В 1973 г. потребительские цены выросли на 8,2%, в 1974 г. – на 47,5%, в то время как оптовые цены выросли соответственно на 22,9 и 40,6%.

Реакция Центрального банка уже была подготовлена опытом 1950-х гг. Процентная ставка на годовые вклады была увеличена до 9,5%, а затем и до 15% одновременно с увеличением нормы резервного покрытия. Это привело к быстрому увеличению отношения суммы квазиденег к сумме денежного запаса, хранящегося главным образом для целей проведения денежных операций. Одновременно резко повысился темп роста сберегательных и срочных вкладов. Кроме этого были повышены цены на такие контролируемые государством товары, как нефтепродукты, электроэнергия, транспортные услуги, алкоголь и табачные изделия. Дефицит платежного баланса в результате общемирового замедления экономического развития и меры по ослаблению ограничений на импорт предметов роскоши добавились к монетарным мерам Центрального банка, и с 1975 г. уровень цен окончательно стабилизировался¹.

В это же время (а не раньше) происходила эволюция монетарной политики в сторону развития институциональной инфраструктуры. В частности, в 1976 г. был образован официальный де-

---

¹ Повышение цен применялось как метод связывания «излишней» денежной массы, точно так же как и увеличение импорта предметов роскоши.

нежный рынок (рынок краткосрочных векселей). С его помощью Центральный банк смог проводить свои открытые рыночные операции в соответствии с рыночными механизмами, а не на основе использовавшегося ранее метода психологического воздействия на денежный рынок. Более того, с 1980 г. Центральный банк отказался от установки максимальных и минимальных ставок ссудного процента, которые стали определяться Ассоциацией банкиров с одобрения Центрального банка. Либерализация процентной ставки, как рыночный механизм распределения кредитов, улучшил финансовое состояние, открыл дорогу приватизации финансовых учреждений и поощрил финансовый рынок к процессу интеграции в свободный мировой рынок¹.

Универсальность политики манипулирования процентной ставкой была еще раз подтверждена в условиях Тайваня вторым нефтяным шоком в 1979–1980 гг. и последовавшим циклическим кризисом мировой экономики в 1980–1982 гг. Сокращение темпа экономического роста до 105% и повышение темпа инфляции до 20% в год сопровождалось повышением процентных ставок в банках, что связало денежные средства для расчетов и увеличило массу квазиденег. В результате, после роста потребительских цен на 19% в 1980 г. и на 16% в 1981 г. темп инфляции в 1982 г. составил только 3%.

Одновременно с этим, параллельно индустриализации, значительно совершенствовалась и трансформировалась структура промышленности. Основными статьями тайваньского экспорта на мировом рынке стали такие высокотехнологичные и капиталоемкие продукты, как компьютеры, железо, сталь, пластмассы, электроника, электротехника и электрооборудование.

Со второй половины 1980-х гг. валютная политика стала еще более либеральной и гибкой². В 1986 г. Центральный банк отказался от традиционной политики занижения стоимости собственной валюты³ и повысил курс НТД с более высоким запасом, хотя и с учетом

---

¹ *McKinnon R. Financial Repression and the Liberalization Problem within Less Developed Countries // The World Economic Order: Past and Prospects. New York: St. Martin Press, 1981.*

² В противоположность России, где либерализация валютной политики фактически предшествовала макроэкономической стабилизации.

³ Заметим, что политика завышения курса национальной валюты, характерная для импортозамещающей стратегии развития и проведения

запаздывания. Ожидая дальнейшего повышения курса НТД, на тайваньский рынок полетели спекулятивные «горячие деньги» со всего мира, что вместе с громадными активными сальдо торгового баланса и связанным с этим процессом мультипликации накопленных денег вызвало рост денежных запасов (M1B) на 51,4 и 37,8% соответственно в 1986 и 1987 гг. Эти горячие деньги наводнили фондовую биржу, которая в то время еще только становилась на ноги, и содействовали повышению индекса Тайваньской фондовой биржи (TSE) с уровня менее, чем 1000 пунктов в 1986 г. (1966 = 100) до 5200 пунктов в 1988 г. и далее до рекордной отметки в 12682 пункта в феврале 1990 г.! Перегрев фондовой биржи быстро заразил рынок недвижимости, который стал расти в 1988 г., и все это вместе имело разрушительные последствия в сфере распределения дохода и экономической стабильности. Эти неминуемые последствия финансовой и валютной либерализации заставили еще раз Центральный банк и правительство прибегнуть к маневрированию процентными ставками и провести еще одну существенную ревальвацию НТД до уровня 28 НТД за один доллар США, что привело ситуацию на денежном и финансовом рынке в норму.

Одновременно была проведена либерализация движения иностранного капитала, а с 1987 г. был отменен контроль за обменным курсом, частные лица и фирмы могли свободно хранить, покупать и использовать иностранную валюту¹. Эти дополнительные меры, конечно, значительно усиливали риск нарушения устойчивости под давлением «горячих капиталов», поэтому, чтобы сократить приток спекулятивных денег, продолжали действовать ограничения ежегодного притока и оттока иностранной валюты (в расчете на одно самостоятельное хозяйственное подразделение)².

В целом в долговременном и структурном аспекте монетарная и финансовая политика на Тайване демонстрирует сравнительно более быстрое расширение денежного предложения (темпы прироста

реформы, активно проводилась в России вплоть до августа 1998 г. и фактически восстанавливается, начиная с середины 1999 г.

¹ Мера, которая в России была введена в самом начале реформы и во многом обусловила последующее разрушение всех попыток финансовой стабилизации.

² Эти потолки для физических лиц составляют 5 млн долл. США в год, а для юридических лиц – 10 млн долл. США на одно предприятие.

та, соответственно, M1B, квазиденег и M2 составляли 21,7, 23,9 и 22,8% в начале 1960-х гг.) по сравнению с 15,8% среднегодового прироста ВВП. Это трактуется как процесс монетизации тайваньской экономики¹.

Высокая скорость расширения денежного предложения непосредственно сочеталась с замечательными на фоне остального мира параметрами сбережений и капиталообразования. Доля сбережений в ВВП увеличилась с 15% в 1950-е гг. до более, чем 30% в 1970-е и 1980-е гг., лишь несколько снизившись до 28% в 1990-е. Это рекордные показатели. Доля капиталообразования в ВВП составляла 16% в 1950-е гг. и увеличилась до 30% в 1970-е, несколько снизившись в 1980-е гг. (до 22%).

Это означает, что, с одной стороны, в середине 1960-х гг. Тайвань успешно вступил в период самообеспечивающегося роста экономики, если пользоваться терминологией «теории поэтапного развития» В. Ростоу². С другой стороны, начиная с середины 1970-х гг., когда национальные сбережения превосходили внутренние инвестиции, начался отток чистого капитала в иностранные инвестиции. Это привело не только к огромным накоплениям резервных активов в иностранной валюте, хранящихся в Центральном банке, но и к долгосрочным прямым инвестициям за границей. Начиная с 1980-х гг., государственные и частные предприятия начали осуществлять прямые капиталовложения на территории континентального Китая и стран Восточной Азии.

Обобщая основные принципы монетарной политики, увязанной с экономическим ростом на Тайване, следует отметить некоторые основные принципы.

1. Использование политики высоких процентных ставок и непрямого финансирования с целью стимулирования экономического развития при стабильности цен. Одновременно применялись высокие процентные ставки и стерилизация денежных резервов для того, чтобы, установив контроль над денежной массой (M1), бороться с инфляцией и поощрять добровольные вложения сбереже-

---

¹ *Tsuen-hua Shih*. Achieving High Growth and Low Inflation: The Success Story of Taiwan Monetary Policy, 1949–1993) / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 11. 1995. P. 31.

² *Tsiang S.C.* Success or Failure in Economic Takeoff / CIER Economic Monograph Series; Chung-Hua Institution for Economic Research. 1989. No. 26.

ний в банковские структуры (квзиденьги). Затем этот капитал направлялся в финансирование реальных инвестиций на основе рыночного механизма.

2. Корректировка обменного курса с поиском рыночного равновесия, проводимая в согласии со стратегией индустриализации, ориентированной на экспорт. Корректировка обменного курса укрепила конкурентоспособность страны на мировом рынке, в результате чего уже в конце 1950-х гг. отпала необходимость в продолжении неэффективной политики замещения импорта внутренним производством. Это позволило в рамках рыночного механизма эффективно использовать ресурсы в тех экспортно-производственных отраслях, которым лучше всего соответствовали условия сравнительного преимущества и разделения труда, что и привело к быстрому росту объемов экспортных товаров и реальных доходов.

3. Последовательное проведение процесса либерализации экономики. В течение 1960-х и 1970-х гг., когда капитал был относительно дефицитен, осуществлялось косвенное финансирование, чтобы поддержать государственную инфраструктуру и отрасли, работающие на экспорт. Но с 1982 г., когда появился избыток капитала, были форсированы меры по либерализации экономики, чтобы способствовать росту конкурентоспособности в промышленности и повышению эффективности финансовых организаций. Преследовалась цель локализовать угрозу инфляции, провоцировавшуюся избытком ликвидности. Меры по либерализации включали, во-первых, либерализацию процентной ставки и, во-вторых, последующее сокращение объема вмешательства государства в функционирование рынка иностранной валюты.

Как и приведенный выше обзор японского опыта реформирования тайваньский урок, не являясь моделью для подражания, тем не менее, демонстрирует, что использование вполне согласующихся с классическими представлениями о функционировании рыночной экономики и применяющихся в комплексе с твердым и последовательным государственным регулированием механизмов вполне в состоянии привести к решению кажущейся неразрешимой задачи последовательного (с точки зрения коротких периодов) и в то же время одновременного (с точки зрения длительного периода) достижения финансовой стабильности, подавления инфляции и поддержания высоких темпов роста.

Китайская Народная Республика

Реформы в Японии, на Тайване и в других странах Восточной Азии имеют некоторые общие, и сильно отличные от российских реформ черты, наиболее яркими из которых являются градуализм (постепенность) и твердое государственное регулирование хода реформы. При этом государственное регулирование «включалось» на ранних стадиях реформы и постепенно уступало место либеральной политике. Но отдаленность во времени этих реформ от российской служит не столько важным, сколько убедительным аргументом неприемлемости опыта новых индустриальных стран и Японии для использования в России. Тем более, что очевидной является огромная дистанция в культурных, исторических и философско-религиозных традициях. В случае с реформой в КНР уже не помогают ссылки на другое время, КНР приступила к реформам только на 6 лет раньше, чем СССР. Остаются, правда, в силе аргументы об особенностях культуры, философии, религии и истории. Но закономерности собственно экономической динамики, безусловно, имеют огромный приоритет.

В самом начале российских реформ, еще в СССР 1980-х гг. как-то тихо, но безапелляционно утвердилась точка зрения на китайский¹ вариант реформы, как на совершенно неприемлемый для СССР (впоследствии России). Особых объяснений никто не давал, но практические выводы из этого были сделаны в форме принятия совершенно другого варианта проведения реформы. Что же представлял собой китайский вариант и от чего отказалась Россия?

Стабилизация без либерализации

Отличительной чертой китайской реформы, как и реформ в странах Восточной Азии, являлся градуализм, длительность и поэтапность реформенных мероприятий с постоянным анализом успехов и неудач очередного этапа и корректировкой с учетом выявленных ошибок задач для следующего этапа. Это существенно отличает китайскую реформу от восточноевропейских и российской реформы, которые осуществлялись как «шоковые» преобразования. Китай отказался от шоковой либерализации цен и ударной приватизации го-

---

¹ В этом параграфе, говоря о Китае, будем подразумевать всегда Китайскую Народную Республику в отличие от Тайваня, который официально также называет себя Китаем.

сударственной собственности. Вместо этого была реализована политика, которая получила название «двухколейности», то есть политика длительного сосуществования и взаимодействия демонтируемой системы централизованного планирования и создающейся рыночной системы. Осуществлялось «осторожное, дозированное увеличение доли рынка и параллельное свертывание сегмента экономики, регулируемого главным образом директивным планом с ... заменой централизованного распределения материальных ресурсов их приобретением на формирующемся рынке средств производства. ... Заметное сокращение доли государственного сектора ..., сосуществование твердых или регулируемых государственных цен и ... свободных цен»¹. Аналогичные идеи высказывались, но только теоретически, в виде предложений, которые всерьез даже не рассматривались и в России перед началом и в самом начале экономической реформы². Но стратегия российской реформы была предопределена политическим лозунгом капитализации, а потому идеи двухсекторности, взаимодействия укладов, очевидно, воспринимались в лучшем случае как академическая блажь, если не политический консерватизм. В результате Китай пошел по пути реальной переходной экономики, тогда как Россия только назвала свою экономику переходной, на деле осуществив программу быстрого демонтажа старой системы, предоставив новому механизму не вызреть, а возникнуть по заданной матрице недоразвитого капитализма.

Одной из важнейших черт китайской реформы (как и российской) являлось то, что в отличие от стран Восточной Азии, латиноамериканских стран, Германии после Второй мировой войны Китай должен был сначала решить задачу упорядочения плановой экономики, диспропорции которой к началу реформы были огромны, а уже затем приступить к собственно преобразованию плановой системы в рыночную экономику. Поэтому для Китая традиционный для рыночных реформ этап макроэкономической стабилизации превратился в действительности в этап упорядочения плановой экономики,

---

¹ *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 87.

² *Комлев С.* Двухсекторная модель перехода к рыночной экономике // Экономические науки. 1991. № 4; Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1993.

восстановления нарушенных пропорций воспроизводства¹. СССР пережил этот же этап в 1985–1991 гг., но содержание и логика решений были весьма различны.

Еще одной принципиальной чертой являлась целевая установка реформы. Если в бывших социалистических странах Восточной Европы и в России такой установкой было: «Назад, к победе капитализма», – то в Китае целью реформы с конца 1970-х гг. было провозглашено совершенствование социализма, по сути дела построение того самого рыночного социализма, модель которого столь страстно обсуждалась задолго до начала рыночных реформ в бывших социалистических странах и в конечном счете была признана теоретически и практически несостоятельной². Китай поставил перед собой задачу реализовать на практике подобную модель и уже одним этим противопоставил себя и свою модель преобразований европейским и российским реформаторам, которые дружно провозгласили китайский опыт неприемлемым³. С этой точки зрения именно в Китае был взят курс на созда-

---

¹ «Политика урегулирования, призванная улучшить важнейшие макроэкономические пропорции народного хозяйства страны, прежде всего соотношение между накоплением и потреблением, сельским хозяйством и промышленностью, производством средств производства и предметов потребления, между сырьевыми и перерабатывающими отраслями, стала ключевым событием экономической жизни Китая в конце 1970-х – начале 1980-х гг.» (*Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. 1998. С. 10–11).

² На самом деле, конечно, речь шла и идет в Китае не о построении рыночного социализма по модели О. Ланге и других теоретиков, описанной выше, поскольку эта модель подразумевала использование процедур и институтов централизованного планирования в качестве регуляторов рынка, а последовательном преобразовании механизмов централизованного планирования в рыночные механизмы.

³ «...Реформы Китая – бельмо на глазах либеральных реформаторов. Ведь вопреки их утверждениям, согласно которым экономическая реформа и капитализация для “коммунистического мир” – одно и то же, ... современный Китай ... доказывает, что ... рынок и капитализм ... – разные вещи, что можно ... создать преуспевающую рыночную экономику, принципиально или весьма существенно отличающуюся от западного капитализма, что для преодоления современных трудностей вовсе не нужно возвращаться к пройденным формам капитализма XVIII или XIX века, а тем более обращаться к криминально-мафиозным структурам» (*Бутенко Ф.П.* Перемены в России и Китае: сходство и различие. М.: Эпикон, 1998. С. 6).

ние переходной экономики в классическом понимании этого термина как экономики, которая характеризуется сосуществованием различных социально-экономических укладов, конкурирующих друг с другом в рамках рыночного механизма, что позволяет при отсутствии политической диктатуры выявить наиболее эффективный уклад или наилучшее их сочетание с точки зрения экономической эффективности и социальной справедливости¹.

К концу 1970-х гг. (когда был провозглашен генеральный курс на реформы ради улучшения социализма) экономика Китая подошла в гораздо более тяжелом состоянии, чем экономика СССР в середине 1980-х гг., когда М.С. Горбачевым также был провозглашен курс на системные реформы в стране и тоже с целью построения социализма с человеческим лицом. Глубокие диспропорции в экономике Китая заставили поставить во главу угла политику урегулирования экономики, как условие дальнейшего продвижения по пути реформ².

Если в СССР уровень жизни населения был принесен в жертву ради обеспечения военного превосходства и политического лидерства в мире, то в Китае эта жертва была принесена ради достижения высоких темпов роста и ускорения продвижения к коммунизму. К концу 1970-х гг. до минимально допустимого уровня снизилась доля потребления в национальном доходе, что, казалось, навсегда узаконило в стране карточную систему распределения по минимальным нормам наиболее необходимых товаров и продуктов³. И без того сложное по-

---

¹ Применительно к переходному периоду в 1920-х гг. классик писал: «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты и свойства обоих этих укладов общественного хозяйства» (*Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1977*).

² «Урегулирование ... можно охарактеризовать как специфический экономический курс, направленный на устранение “перегрева” и наиболее острых диспропорций народного хозяйства и реализуемый путем снижения темпов роста, сокращения объема инвестиций, перестройки структуры экономики, жесткой финансовой и кредитно-денежной политики» (*Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. 1998. С. 10*).

³ Норма потребления снизилась с 75% в годы первых пятилеток до 63,5% в 1978 г., что практически лишало страну перспектив повышения уровня жизни населения (*Ганшин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. М., 1997. С. 27*).

ложение, создавшееся в Китае после «большого скачка», было усугублено в ходе реализации китайского варианта «ускорения» в 1977–1978 гг.

Кратковременный скачок в темпах роста валовой продукции промышленности во 2-м квартале 1977 г. послужил сигналом для воссоздания политики высоких темпов роста с упором на ключевые отрасли – сталелитейную, угольную, нефтедобывающую и химическую. Задачи китайского руководства в этот период были замечательно созвучны тем, которые были выдвинуты 8 лет спустя в СССР: «...построить развитую тяжелую промышленность, добиться дальнейшего развития на новой технической основе металлургической, топливной, энергетической, машиностроительной ... промышленности...»¹. Как позднее и в СССР, в соответствии с этой задачей начался крупномасштабный перелив ресурсов в ключевые отрасли, резко увеличился технологический импорт, еще острее стали дефициты материальных и финансовых балансов, потребительских товаров и продовольствия, из производства которых изымались ресурсы для осуществления нового «большого скачка». В 1978 г. бюджетные капиталовложения были увеличены на 19% по сравнению с ранее планировавшимися.

Китайское руководство решило повторить скачок, предпринятый в 1957–1965 гг. в СССР, но не имея для этого соответствующей советской материально-технической базы и технологических возможностей. Утвержденные планы оказались разбалансированными, надежды на прирост экспорта нефти, как на источник оплаты планировавшегося и в значительной степени осуществленного импорта, не оправдались. Китай быстро втягивался в раскручивание «спирали дефицита»². Аналогичная ситуация сформировалась в экономике СССР к концу 1980-х гг. в результате курса на ускорение. Сходными были даже параметры планировавшегося рывка. Программа ускорения в середине 1980-х гг. в СССР исходила из необходимости увеличить темпы роста национального дохода до 5–5,5%, а в Китае планами на 1979–1980 гг. предусматривалось достижение среднегодовых темпов 10–12% в промышленности и 5–6% в сельском хозяйстве.

---

¹ Структура экономики Китая. 1984. С. 39.

² Дефицит топлива уже в плане на 1979 г. составил 15 млн т, валютные затраты по плану превышали доходы от экспорта на 10 млрд долларов (Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. 1998. С. 16).

Серьезное отличие состояло в том, что китайское руководство сумело быстро внести коррективы, учитывая провал 1978 г., так как управление страной оставалось жестким и создавало условия для быстрого экономического маневра. Это позволило Китаю на ходу изменить экономическую стратегию и перейти к упоминавшейся выше политике урегулирования, которая по существу являлась политикой макроэкономической стабилизации. Еще одним существенным моментом являлось то, что в Китае не осуществлялось «двойного рывка» – в области экономического роста и в социальной сфере, не производилась одновременная либерализация в управлении государственной промышленностью. Это позволило сконцентрировать усилия на собственно производственных пропорциях.

В СССР же явная дестабилизация экономической ситуации в результате широкомасштабного маневра ресурсами при одновременном усилении военного производства, наращивании продовольственного импорта и импорта товаров народного потребления, а, следовательно, ухудшения торгового и платежного балансов, нарастании скрытой инфляции сопровождалась ослаблением стратегического управления, политической неразберихой, ростом сепаратизма и борьбы за власть. В результате в СССР выбор, очевидно, и не мог быть сделан в пользу экономической стабилизации как первого этапа экономической реформы. В Китае такой выбор был сделан.

Суть политики урегулирования, и это дает основание отождествить ее с политикой макроэкономической стабилизации, заключалась в устранении диспропорций и восстановлении сбалансированности экономики как в разрезе различных секторов хозяйства, так и в смысле макропараметров. В числе основных мер по стабилизации экономики были определены:

- развитие сельского хозяйства за счет либерализации, изменения системы цен, увеличения государственной поддержки;
- ускорение роста в легкой промышленности за счет ресурсов тяжелой промышленности;
- перераспределение ресурсов в тяжелой промышленности в пользу энергетики и промышленности строительных материалов, внедрение энергосбережения;
- сокращение числа неэффективных государственных предприятий, в том числе и за счет их закрытия, слияния и репрофилирования;
- сокращение инвестиционной программы;

• наведение порядка в импорте, усиление импортзамещения при одновременном стимулировании экспорта и иностранного туризма;

- проведение реформы цен;
- соблюдение сбалансированности в финансовой, материальной и валютной сферах;
- создание новых рабочих мест посредством развития кооперативного и индивидуального секторов в экономике¹.

Стабилизация по этим направлениям обеспечивалась в условиях господства централизованного распределения и планирования почти исключительно маневрированием государственными ресурсами и изменением плановых заданий. Этот этап стабилизации продолжался до 1983 г., после чего фактически был свернут и уступил место массивным реформам по отдельным направлениям. Характерно, что реформа собственно макроэкономического регулирования началась только после завершения в основном стабилизации народного хозяйства уже в 1990-х гг. Маневрирование государственными ресурсами позволило улучшить ситуацию в области бюджетного дефицита, улучшения макроструктуры экономики (увеличилась доля легкой промышленности и сельского хозяйства), а также в валютной области, благодаря введению валютных сертификатов, что помогло избежать российского варианта долларизации экономики.

Реформа цен

Отправной точкой в реформе системы ценообразования для Китая также являлась плановая система формирования и изменения цен. Практически Китай полностью дублировал принятую в СССР и странах-членах СЭВ систему ценообразования. Формирование и контроль цен осуществлялись правительством. В 1978 г. в розничной торговле товарами, доля цен, фиксированных государством, составляла 97%, в закупке сельскохозяйственной продукции – 94,4%, в группе промышленных товаров – почти 100%². При этом в сфере государственных фиксированных цен полномочия были в основном сконцентрированы в руках центрального правительства, местные органы имели очень мало

---

¹ *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. 1998. С. 20.

² *Cao Yuanzheng.* The Reform of China's Price System / Working Paper. No. 4. Tokyo: SPF, 1995.

власти. Функции товарных цен, что полностью соответствовало постулатам политической экономии социализма, были ограничены специальными сферами. Цены использовались как средство счета при составлении экономического плана (учетная функция) и не являлись самостоятельным параметром в товарной торговле. Реальным параметром при обмене товаров являлись квоты, что в какой-то степени соответствовало советской системе фондированного распределения продукции. Цена в широком смысле (цена факторов производства, включая валютный курс, процент и заработную плату) также не играла сколько-нибудь существенной экономической роли, так как при распределении ресурсов реальная ценность ресурсов никак не влияла на их распределение, определяемое, как и в СССР, почти исключительно директивами партии и правительства. А в той части, в какой цены использовались для расчетов технико-экономической эффективности, применялись уже заведомо искаженные товарные и факторные цены. Ценовой механизм был примитивным и не мог реагировать на изменения издержек производства и рыночного спроса и предложения. Он не отражал ни стоимости товаров, ни соотношения спроса и предложения.

Эта система цен имела смысл на ранних стадиях индустриализации, а также во время войны, но в целом ее недостатки намного перевешивают достоинства. Длительная стабильность цен и их соотношений при изменяющихся технологиях и издержках производства, меняющемся соотношении спроса и предложения приводила неизбежно к искажению структуры цен. Иррациональная структура цен усиливала степень неэффективности распределения ресурсов, сдерживала производство дефицитных товаров и создавала ситуацию одновременного существования «дефицита» и «излишков».

Фиксируемые государством цены не давали объективного отражения системы и эффективности управления предприятиями. Большая часть цен устанавливалась на уровне ниже издержек (цены на так называемую планово убыточную продукцию), что приводило к росту бюджетных субсидий и потере мотивации управляющими. Возникла ситуация «политического проигрыша», когда дополнительные усилия управленцев по наращиванию производства оборачивались острой нехваткой ресурсов и проявлялись как плохое управление. Экономика предприятий, а вслед за ней и вся национальная экономика становились столь же иррациональными, как и структура цен.

Конечно, фиксированные в плановом порядке цены в определенной степени защищали базовые жизненные нужды людей с низкими

доходами. Однако их неблагоприятное влияние на предприятия и производство вызвало длительный дефицит предложения товаров повседневного спроса, в которых нуждались эти же люди, и привело в конечном счете к серьезным ограничениям на экономическое развитие и рост уровня жизни народа. В конечном счете, именно система плановых цен и государственного субсидирования убыточной продукции, вместе с системой квот в форме «карточного снабжения» потребительскими товарами являлись объективной основой теневой экономики, которая представляла собой просто деятельность ориентированных на поиск ренты нелегальных агентов нелегального рынка. С восточной изысканностью рентными назывались в Китае доходы от реализации монополии государства на власть, в том числе и на власть в области ценообразования. Проще говоря, так назывались взятки, которые взимались с подпольных предпринимателей за право заниматься подпольной деятельностью. Государство создавало основу для получения подпольной ренты, и часть этой ренты взимало в форме взяток, но получателями, конечно, было уже не само государство, а конкретные чиновники разного ранга. Это – универсальный принцип, который с успехом используется и на стадии рыночного хозяйства.

Таким образом, реформа системы ценообразования и самих цен является объективной необходимостью. То есть ответ на вопрос «что делать?» дается всегда и во всех странах, дрейфующих или стремглав устремляющихся к рынку, один и тот же. А вот ответ на вопрос «как делать?» далеко не столь удручающе однообразен. Есть, конечно, большая разница между регулированием инфляции при том, что экономика стартует при нормальных пропорциях цен и реформой самой системы ценообразования. Но и сама реформа может проводиться по-разному, хотя ее содержание в странах, стартующих к рынку с позиции централизованного планирования, в принципе стандартно и сводится к следующему: 1) изменению механизма формирования цен, превращению «цены государства» в «цену предприятия» на основе предоставления последним возможности определять цены в соответствии с рыночной конкуренцией, их собственными издержками производства и соотношением спроса и предложения; 2) изменению искаженной структуры цен с тем, чтобы сделать сравнительные цены между различными отраслями и товарами рациональными и улучшить на этой основе распределение ресурсов; 3) созданию и совершенствованию системы цен в широком смысле (установление рационального обменного курса, процента и заработной платы) опять таки с целью перехода в конечном

счете от распределения ресурсов на основе правительственных указов к рыночной конкуренции.

Вышесказанное вполне соответствует богатому международному опыту перехода от централизованной к рыночной экономике, в соответствии с которым отправной точкой и целью реформы являются изменение механизма формирования цен и корректировка искаженной структуры цен. Последнее представляется наиболее болезненным этапом, так как это означает повышение уровня цен в течение короткого периода времени. Если повышение цен осуществляется слишком резко и масштабы его слишком велики, это может привести к социальному хаосу и ставит под вопрос проведение реформы вообще, так как ее условием является достижение общественного согласия. Еще одной опасностью является то, что быстрое изменение механизма ценообразования и экономических связей, сформировавшихся в условиях жестко фиксированной системы цен, приводит к параличу традиционной системы распределения ресурсов. Если экономические организации не приспособятся к этим изменениям и общество не создаст новую систему распределения ресурсов, это приведет к быстрому свертыванию масштабов экономической активности, что поставит экономику в тяжелое положение. Следовательно, соотношение между структурой цен, системой цен и общим уровнем цен становится наиболее сложной проблемой при переходе от плановой экономики с высокой степенью концентрации и централизации к рыночной экономике.

Международный опыт показывает, что существуют два пути таких реформ.

Во-первых, радикальная реформа. Суть ее в быстром введении контроля за денежной массой и кардинальное смягчение контроля над ценами. Иными словами, в течение короткого периода времени проводится либерализация цен, без оглядки на масштабы их роста, в надежде быстро скорректировать структуру цен и изменить ценовой механизм через действие спонтанных рыночных сил. Хотя этот метод влечет сравнительно более высокие кратковременные издержки, теоретически период корректирования цен будет короче.

Во-вторых, медленная контролируемая государством корректировка цен с постепенным созданием условий для поэтапного ослабления контроля над ценами, с постепенным изменением структуры цен и собственно механизма ценообразования. Хотя этот способ требует сравнительно длительного времени, кратковременные издержки при этом гораздо ниже.

В Китае была принята именно вторая модель для проведения реформы цен. Основания для этого представляются весьма серьезные, а именно, нежелание населения принять какие-либо реформы, ценой которых станет длительная рецессия после того, как в период культурной революции мирились с разрухой, а также нежелание населения оплачивать экономический рост ценой высокой инфляции, воспоминания о которой в 1945–1949 гг. еще были свежи¹.

Реформа цен проводилась в несколько довольно продолжительных этапов.

На первом этапе (1979–1984 гг.) основное внимание уделялось структурной реформе в форме реформирования сельского хозяйства. Основным содержанием этого этапа являлось последовательная корректировка цен и ослабление ценового контроля. Основной целью шести проведенных за это время корректировок цен являлось повышение цен на сельскохозяйственную продукцию сравнительно с ценами на промышленные товары. Одновременно осуществлялись эксперименты в сфере контроля над ценами: некоторые полномочия были переданы местным властям и даже самим предприятиям, последовательно ослаблялся контроль над ценами на малоценные товары и на сельскохозяйственную продукцию, были введены плавающие цены на некоторые виды машин и электротовары.

На втором этапе реформы (1985–1988 гг.) акценты поменялись – приоритетным стало ослабление контроля над ценами. В этот период продолжающейся реформы в сельском хозяйстве началась полномасштабная реформа и в промышленности. В ходе этого этапа был ослаблен контроль над ценами на большинство сельскохозяйственных продуктов, большинство промышленных потребительских товаров и произведенных сверх установленных плановых заданий производственных материалов. В то же время были повышены государственные закупочные цены на зерно, хлопок и другие сельскохозяйственные продукты, а также государственные фиксированные цены на уголь, тарифы на услуги связи и транспортные тарифы.

Третий этап реформы (1989–1991 гг.) был посвящен продолжению согласованной корректировки цен с ослаблением контроля над ценами, дополненными мерами по ограничению начавшейся инфляции. В этот период в основном была сформирована система контроля

---

¹ Минакир П.А. Реформа системы ценообразования: сравнение моделей // Вестник ДВО РАН. 1996. № 6.

над уровнем цен, включающая программу создания товарных резервов и упреждающего повышения государственных фиксированных цен на некоторые товары.

Четвертый этап начался с 1992 г. (когда Россия приступила к шоковой либерализации цен). Основным содержанием этого этапа стало достижение равновесных рыночных цен на основную массу производимой продукции при тотальном смягчении контроля за ценами. К концу 1993 г. государство фиксировало цены только на 6 видов сельскохозяйственной продукции, 6 видов продукции легкой промышленности и 33 вида продукции тяжелой промышленности. Четыре вида сельскохозяйственной продукции, 3 вида продукции легкой промышленности и 51 вид продукции тяжелой промышленности имели ограниченно плавающие цены. Таким образом, основные товарные цены регулировались рынком. Это позволило уже к 1996–1997 гг. создать систему цен, полностью формируемых рынком¹.

Таким образом, реформа цен в Китае продолжалась более 15 лет и осуществлялась в рамках итеративного процесса «корректировка цен – ослабление контроля – корректировка цен – ослабление контроля». Это, конечно, был не простой цикл, а последовательное приближение к рациональной структуре цен и механизму их формирования.

Разумеется, процесс реформирования ценообразования и цен сопровождался инфляционными тенденциями. По сравнению с 1978 г., общий уровень всех розничных цен в 1993 г. вырос почти на 146%, причем цены на продовольствие – примерно на 216%. В группе продовольственных товаров, цены на зерно увеличились на 246%, цены на «не основные» продукты питания – на 286%, свежие овощи – на 358%, табачные изделия, алкогольные напитки и чай – на 78%. Цены на промышленные товары увеличилась в меньшей степени: цены на одежду поднялись на 67%, на промышленные товары повседневного спроса на 75%, цены на лекарства увеличились на 121%, на топливо на 240% (что все равно сопоставимо с ростом цен на сельскохозяйственную продукцию), цены на технику и материалы для сельского хозяйства увеличились на 137%, тарифы на услуги на 281%².

Структура цен стала более рациональной, но еще важнее, может быть, то, что цена укрепила свои функции регулятора изменения структуры экономики и распределении ресурсов. По сравнению

---

¹ Cao Yuanzheng. The Reform of China's Price System. 1995.

² Ibid.

с 1978 г., в 1992 г. закупочные цены на сельскохозяйственные продукты выросли на 176,5%, а розничные цены на промышленные товары в сельских районах только на 82,3%. В результате, условия торговли между сельскохозяйственными и промышленными товарами улучшились на 50,9%. В промышленности рост цен также происходил синхронно (цены на продукцию добывающей промышленности увеличились на 165,7%, на промышленное сырье на 150,2%, и на готовые промышленные товары на 114,8%).

В результате реформы прежняя система единых государственных цен модифицировалась в систему трех видов цен: фиксированных государственных цен, цен, направляемых государством и рыночных цен. Фиксированные государственные цены устанавливаются непосредственно правительством. Направляемые государством цены – это такие цены, по которым правительством определяет максимальный уровень, ниже которого они могут свободно колебаться. И, наконец, рыночные цены устанавливаются и изменяются предприятиями самостоятельно на основе производственных издержек и параметров спроса и предложения. К середине 1990-х гг., к моменту окончанию реформы цен, по сравнению с 1978 г. сфера действия государственных фиксированных цен значительно сократилась и ограничена лишь стратегическими продуктами. В основном в экономике действуют направляемые государством и рыночные цены.

За исключением тарифов на услуги, основная масса всех цен представлена свободными рыночными ценами. То есть, за полтора десятка лет без разрушительных катастроф в экономике удалось решить сразу две задачи – либерализовать цены и улучшить пропорции между ними. Примечательно, что до сих пор тарифы на услуги в основном остаются фиксированными государственными органами ценообразования, так же как и 12% цен на товары производственно-технического назначения. Это является своеобразной страховкой или «антиинфляционным якорем» и в то же время служит инструментом подстройки ценовых пропорций.

Реформа цен, являясь стержнем рыночных преобразований, всегда и везде проходит болезненно. Но всегда ли эти реформы обречены быть предельно болезненными? Китайский вариант демонстрирует, что ответ в принципе отрицателен. Градуалистский способ осуществления либерализации цен, осуществление многоэтапной реформы позволяет существенно снизить общие издержки реформы, так как они распределяются во времени и можно не только ставить, но и решать задачу

компенсации этих издержек на каждом этапе, тем самым минимизируя реальные издержки на каждой стадии реформы.

Конечно, модель постепенной реформы реализовать не просто, так как это приходится делать в условиях довольно сильного инфляционного давления. В наследство от плановой системы ценообразования достается постоянное и большое по величине превышение совокупного спроса над совокупным предложением. Это провоцирует инфляцию и создает инфляционные ожидания. Поэтому структурное корректирование цен постоянно грозит превратиться в общий рост цен. Несовременная информация приводит к тому, что при повышении одной части товарных цен, другие ценопроизводители воспринимают это повышение как общий рост цен и стремятся повысить свои цены, чтобы не упустить выгоду, а ценополучатели реагируют в форме давления на государственные органы с целью доказать, что цены на их товары теперь также оказались занижены. В результате цены, которым не следовало бы расти, тоже возрастают, что в конце концов может вызывать галопирующую инфляцию. Следовательно, сама по себе постепенность еще не является панацеей от гиперинфляции.

Кроме этого, достижение рациональной структуры цен также оказывается весьма сложной задачей. В связи с постоянным давлением избыточного спроса рыночные ограничения оказываются ослабленными. Факторы, которые оказывают влияние на рост цен через снижение потребления сырья и материалов, менее значимы, чем рост цен на ресурсы. Поэтому рациональный рост цен на базовые сырьевые продукты может обернуться более значительным ростом цен на готовые изделия, что вызывает феномен «восстановления старой структуры цен».

Наконец, правительство не является просто рационально действующей машиной, реализующей раз и навсегда заданную программу преобразований. Решительность в корректировке цен и модификациях методов контроля может исчезнуть вслед за неизбежным началом инфляции. Последняя, по социальным соображениям, заставляет правительство принять подавление инфляции в качестве главного приоритета экономической политики. Естественной реакцией при этом является укрепление административного вмешательства и даже замораживание цен. Во всяком случае, жесткость контроля за фиксированными ценами возрастает и чрезвычайно трудно осуществлять их корректировку в удобное время. Более того, появляется искушение усилить контроль там, где он уже был ослаблен. То есть, даже постепенно очень трудно реально изменить механизм ценообразования.

В Китае градуалистская либерализация цен прошла сравнительно успешно, что связано с последовательным и жестким выдерживанием нескольких важных принципов.

Во-первых, осуществлялась стратегия итеративной либерализации или попеременного корректирования цен и смягчения контроля за ценами по мере созревания экономических предпосылок. Такая стратегия диктовалась наследием плановой централизованной системы распределения, предполагающей наличие и воспроизводство постоянного товарного дефицита, который на начальной стадии реформы очень легко вызывает огромный скачок цен. Автоматическое и сплошное ослабление, а тем более отказ от контроля за ценами в этих условиях чревато быстрым ростом краткосрочных издержек реформы. В то же время, если цены всего лишь корректируются, хотя и под контролем, возможно, в кратковременном периоде улучшатся ценовые пропорции, но не удастся достичь изменения механизма ценообразования¹. Следовательно, корректировка цен и ослабление контроля за ними должны сочетаться. Это означает одновременное использование «видимой руки» и «невидимой руки». Выбор в каждый данный период реформы конкретного метода (корректировка или ослабление контроля) осуществляется в соответствии с балансом совокупного спроса и предложения на соответствующем временном отрезке. Цикл «корректирование – ослабление контроля – корректирование – ослабление контроля», который характеризовал четыре стадии реформы цен в Китае, был как раз отражением этой политики.

Во-вторых, в рамках стратегии минимальных издержек скорость реформы цен должна быть обусловлена потребностями макроэкономического регулирования. Но когда реформа цен уже началась, особенно при акценте на ослабление контроля над ценами, ее скорость превращается в независимую переменную, что вступает в конфликт с целями макроэкономического регулирования. Выходом, как показал китайский опыт, может стать формирование системы множественных цен (сосуществование фиксированных государственных цен, направляемых государством цен и рыночных цен). В частности, существование фиксированных и направляемых государством цен гарантирует, что изменения отдельных цен не станут самоопределяющейся переменной, независимой от правительственного контро-

---

¹ Так случилось, например, с реформой цен Павлова в 1991 г.

ля, что ставит скорость реформы цен под контроль. В ходе китайской реформы быстрее всего изменялись рыночные, а медленнее всего фиксированные цены. Естественно, что это позволяет, манипулируя долей различного вида цен, а также сравнительной скоростью их корректировки, контролировать скорость реформы, а главное контролировать темп инфляции немонетарными методами. Сфера применения тех или других видов цен определялась в зависимости от специфических характеристик товарных групп и важнейших товаров (характеристики монопольной власти, социальная и экономическая значимость и пр.) и в соответствии с задачами реформы. Общей тенденцией являлось постепенное сокращение сферы применения государственных фиксированных цен при расширении сферы направляемых государством цен. Это вело к укреплению рыночного ценового механизма, в то же время позволяя непрерывно контролировать инфляционные процессы в важнейших направлениях.

В-третьих, тщательно учитывался «потенциал общественного терпения», который включает несколько основных компонентов.

Первый – это потенциал «терпения» государственных финансов. В долгосрочном периоде реформа цен призвана уменьшить нагрузку на бюджет, сократив расходы на различного рода дотации и повысив доходы бюджета и экономических агентов. Но в коротком периоде принимаемые для реформирования цен меры могут приводить к увеличению финансовой нагрузки. Так происходит, например, при повышении закупочных цен на важнейшие сельскохозяйственные и сопутствующие им продукты при фиксированных розничных ценах, которые нельзя повышать по социальным соображениям, или повышение которых должно сопровождаться по тем же соображениям выплатой бюджетных компенсаций населению.

Второй – потенциал «терпения» предприятий. Предприятия в каждый данный период реформы имеют ограниченные возможности для адаптации к повышению цен на сырье, комплектующие, транспорт и энергию. Особенно это относится к предприятиям обрабатывающей промышленности. Если повышение цен выходит за пределы адаптационных возможностей предприятий, их функционирование нарушается, что чревато потерей стабильности в целых отраслях и даже в целом по экономике.

Третий – потенциал «терпения» населения. Принципиально важно для успешности реформы обеспечить ее поддержку основной массой населения. Но это возможно только в случае, если доходы населе-

ния растут не медленнее, чем цены, и реальный уровень жизни большей части населения не снижается. Но даже в этом случае реформа не должна быть слишком быстрой, чтобы не вызвать психологического шока у населения и не побудить его к иррациональным паническим реакциям.

В-четвертых, реформа цен проводилась в тесной координации с общей экономической реформой. «Зависание» реформы цен или наоборот ее стремительный отрыв от реформ предприятий, финансов, банковской системы, валютной системы, трудовых отношений и других аспектов общеэкономической реформы ведет к разрыву экономических связей и может заблокировать системную реформу в целом.

Реформа цен осуществлялась как центральный, но взаимообусловленный с другими аспектами элемент системной экономической реформы. Реформа цен наиболее тесно связана с реформой государственных предприятий, так как без согласования этих реформ, что повышает восприимчивость предприятий к рыночным ценам и усиливает их способность абсорбировать рост цен на базовые продукты, невозможно предотвратить восстановление иррациональной структуры цен. Создание устойчивой основы новой системы цен и ценообразования предполагает также развитие рынков факторов производства (рынок капиталов, рынок труда, денежный и, в частности, валютный рынок). Еще одним важным корреспондирующим блоком является реформа финансов и налогообложения, реформа системы заработной платы и доходов. Последнее особенно важно с точки зрения рациональной политики защиты населения с низкими доходами после повышения цен.

В целом при всей сложности процесса реформирования цен и ценообразования в рамках постепенной реформы очевидны два основных преимущества: 1) минимизация издержек реформы за счет их распределения во времени; 2) максимизация адаптационных возможностей населения, фирм и бюджета. Постепенная реформа в не меньшей степени, чем шоковая, стимулирует «поиск рентных доходов» и связанную с ним коррупцию. Ликвидировать эту проблему невозможно, но в ходе постепенной реформы увеличиваются возможности рационального управления реформаторским процессом. При наличии сильного и решительного правительства разумное управление может существенно снизить остроту этой проблемы и тем самым обеспечить стратегический успех реформы.

Реформа внешней торговли и стимулирование иностранных инвестиций

Превращение китайской экономики в открытую экономическую систему было провозглашено одной из основных целей рыночной реформы в стране. Эта цель, естественно, провозглашается всегда при преобразовании нормативной экономики в рыночную. Причина заключается не только в том, что экономическая свобода и принципы конкуренции предполагают выбор эффективных для каждого экономического агента рынков, в том числе и за пределами страны, но и в том, что модернизация экономики (и технологическая и управленческая) предполагает включение в международный рынок капиталов. Без притока иностранного капитала, как правило, невозможно осуществить нацеленную модернизацию, ориентированную на уравнивание конкурентных условий для национальной экономики¹. Поэтому и внешняя торговля становилась критическим пунктом экономического развития, так как внешнеторговое сальдо начинало активно выполнять роль стабилизатора платежного баланса. Проблемы взаимообусловленного развития экспорта, импорта и внутренней экономики, а также формирования реального валютного курса определяли состояние не только сальдо текущих операций, но и равновесие на внутреннем рынке. Естественно поэтому, что переход к открытой экономической системе и вообще начало экономической реформы предполагает реформирование всей традиционной для централизованно нормируемой экономики системы внешнеэкономического сотрудничества и, в частности, регулирования валютного курса².

В Китае реформа системы валютного контроля была проведена в 1979 г. Ее основное содержание сводилось к созданию системы разрешения внешнеторговым предприятиям сохранять часть доходов в иностранной валюте, образования центров регулирования иностранной валюты и рынков покупки иностранной валюты. Без этого, конечно, невозможно было обеспечить развитие на рыночных началах внешней торговли и функционирование иностранного капитала.

---

¹ Не случайно одним из первых реформаторских нововведений в СССР стало постановление, разрешающее ввозить в страну иностранный капитал, хотя первоначально только в форме прямых иностранных инвестиций и только для инвестирования в совместные предприятия.

² Поэтому и в России еще до начала либерализации цен были либерализованы внешнеэкономические операции.

Одновременно с этим ранее существовавшая система фиксированного валютного курса была заменена системой управляемого плавающего курса иностранной валюты¹. Это также естественная мера при переходе от нормативной экономики к рыночной, так как сохранение фиксированного курса национальной валюты равнозначно обязательству Центрального банка при любых обстоятельствах финансировать отклонения от нуля сальдо платежного баланса. То есть Центральный банк должен гарантированно поддерживать определенную величину золотовалютных резервов, равно как и должен быть всегда готов к фактической эмиссии национальных платежных средств в случае положительного сальдо платежного баланса. Естественно, что это, с точки зрения современного экономического регулирования, существенно снижало бы его потенциал и эффективность, превращая правительство и Центральный банк в своеобразного заложника внешнеэкономических операций, которые сами по себе ими не управляются.

Первоначально Китай остался верен «двухколейности» в проведении реформы и в области валютного регулирования. На этапе перехода от плановой к рыночной экономике возник двойной валютный курс – официальный курс и курс на рынке «своп», причем разница этих курсов достигала 50%. Отсюда появились две цены для юаня и два счетных стандарта. Такое положение сохранялось довольно долго и соответствовало реальной структуре контроля правительства над экономикой. До тех пор, пока основная, или, во всяком случае, большая часть экономики фактически финансировалась государством, хотя бы и в форме контрактно управляемых предприятий, государство должно было нести обязательства и по поддержанию в части операций этих секторов экономики внешнеэкономических операций, фактическому их субсидированию. Однако государство не намерено было этого делать в той части внешнеэкономических связей, которая осуществлялась рыночными секторами. В действительности, речь шла не об ограничении рыночного механизма в сфере валютного регулирования, а, напротив, о том, что государство медленно, но последовательно расширяло сферу действия рыночных механизмов установления валютного курса по мере развития рыночных отношений в экономике.

---

¹ *Shi Min. China's Reform in Foreign Trade and Foreign Exchange Systems / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. 1995.*

По мере сближения правил функционирования двух секторов экономики, что происходило, как мы видели выше, достаточно постепенно осуществлялся и переход к полностью рыночному механизму регулирования валютного курса. В результате только в 1994 г., то есть уже в середине последнего этапа реформирования государственных предприятий, когда в промышленности начался быстрый процесс сплошного перехода к рыночному механизму функционирования, начался процесс объединения двух валютных систем в одну, объединенную идеей плавающего регулируемого валютного курса. Была поставлена задача создания объединенного и стандартизированного валютного рынка с превращением юаня в конвертируемую валюту.

Первым шагом, естественно, являлось сближение официального и регулируемого рыночного курса. Следующим шагом являлась отмена практики разрешения предприятиям сохранять часть доходов в иностранной валюте. Вместо этого была учреждена система купли и продажи иностранной валюты экономическими агентами, которым теперь не нужно было получать специальное разрешение на использование своей доли в вырученной ранее валюте посредством приобретения ее на RMB, которые заменили собой прежние валютные сертификаты, ранее полученные на сумму остающейся в их распоряжении валюты. Предприятиям стало достаточно просто продать вырученную валюту, получить валютные сертификаты и потом при возникновении потребности в валюте обменять RMB.

Валютный рынок, сформированный в Китае с 1994 г., в основных чертах и механизмах напоминает российский валютный рынок. Валютный курс RMB формируется, главным образом, спросом и предложением на 18 главных валютных рынках страны. Народный банк Китая каждый день публикует среднюю цену RMB юаня по отношению к доллару США, которая основывается на взвешенной средней цене 18 главных центров валютного регулирования. С 1 апреля 1994 г. была установлена средняя цена на основании взвешенного среднего межбанковского валютного рынка. Уполномоченные банки для сделок в иностранной валюте, в соответствии с этой средней ценой, устанавливают свои валютные курсы в пределах лимита колебания курса, определенного Народным Банком Китая, и осуществляют покупку и продажу со своими клиентами. Относительно стабильные и более или менее единообразные валютные курсы среди уполномоченных банков должны достигаться посредством покупок и продаж между банками и на валютном рынке Народным Банком Китая.

Цель данного этапа реформы в системе валютного контроля – сделать RMB условно конвертируемой валютой по текущим банковским операциям, что ослабляет правительственный контроль за платежами в иностранной валюте, заменяя его контролем над получением и расходами в валюте посредством производственной, торговой, инвестиционной и финансовой политики. Платежный баланс при этом контролируется с помощью регулирования валютного курса на основе спроса и предложения.

И в проведении валютной реформы Китай остался верен оправдавшему себя в других случаях принципу постепенности преобразований, гарантиям стабильности при переходе к новой системе регулирования.

Хотя практика разрешения предприятиям сохранять определенную долю доходов в иностранной валюте была отменена, это не обязывало их к немедленной конверсии депозитов в иностранных валютах. Сохранялась свобода использования имеющейся валюты или ее конверсии. Сохранялся также и льготный режим, предоставленный предприятиям с иностранным капиталом. Полную свободу получало и население, которое могло как конвертировать свои валютные средства, так и продолжать использовать их по своему усмотрению.

Проведение валютной реформы было приурочено в Китае к периоду, когда в результате усиления макроэкономического контроля сжималась денежная масса и уменьшался спрос на импортную продукцию. Это позволило провести первый этап валютной реформы в условиях стабильного курса национальной валюты, не внося сумятицы во внешнеэкономические операции и не дезорганизуя поведение импортеров и экспортеров. С восстановлением в 1997–1998 гг. тенденций роста денежной массы и общеэкономического роста в Китае, в том числе и в результате более гибкой фискальной и денежной политики, спрос на импортную продукцию увеличился. В то же время Китай столкнулся с обычным для российской экономики фактом – инфляция RMB оказалась выше инфляции доллара США, тогда как курс RMB по отношению к доллару продолжал расти. Эта ситуация, конечно, ненормальна. Подобное соотношение стоимости валют чревато созданием длительного превышения совокупного спроса над совокупным предложением, когда единственным средством поддержания экономического роста станет увеличение импорта. Это приведет к росту спроса на иностранную валюту, что должно привести к понижению курса на-

циональной валюты¹. С точки зрения перспективы, поддержание быстрого экономического роста при превышении совокупным спросом совокупного предложения предполагает увеличение импорта, которое является главным средством компенсации дефицита предложения.

Именно поэтому одним из важнейших компонентов общей реформы внешней торговли и валютного регулирования с самого начала рыночных преобразований в Китае на деле стала работа по организации притока в страну иностранного капитала. Это, если явно и не декларировалось, но являлось средством достижения сбалансированного платежного баланса, а кроме того, средством относительного сокращения импортного спроса и стимулирования экспортного предложения. И то, и другое было направлено на компенсацию вероятного давления на валютный курс со стороны общеэкономических параметров спроса и предложения.

Важнейшим элементом политики привлечения иностранных инвестиций в этом смысле стало создание свободных экономических зон, которые по существу являются в Китае средством достижения макроэкономической сбалансированности в рамках открытой экономики.

Создание специальных экономических зон началось в 1979–1980 гг., когда в двух провинциях (Гуандун и Фуцзянь) были выделены четыре района для их строительства. В этих районах были созданы зоны Шэньчжэнь, Чжухай, Шантоу и Сямэнь. Воодушевленный быстрым успехом первых свободных экономических зон, Китай уже в 1984 г. открыл для иностранного капитала и строительства свободных экономических зон еще тринадцать портовых городов – Далянь, Цинхуандао, Тяньцзинь, Янтай, Циндао, Ляньюньань, Нантун, Шанхай, Нинбо, Вэнчжоу, Гуанчжоу, Чжанцзянь, Бэйхай и остров Хайнань. В 1985 г. были созданы три открытых прибрежных района в дельте реки Чжуцзян, дельте реки Янцзы и треугольник Сямэнь – Чжанчжоу – Цуанчжоу в южной части провинции Фуцзянь.

---

¹ Как известно, Россия в 1995–1998 гг. позволила себе игнорировать эту простую закономерность и поплатилась тяжелейшим валютным кризисом, который трансформировался в финансовый и общеэкономический кризис. Правда, в России это происходило не в условиях экономического роста, но механизм был тот же, лишь роль совокупного спроса играл потребительский спрос, который быстро увеличивался под давлением «дешевого» доллара.

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ – МЕХАНИЗМ ИНВЕСТИЦИОННОГО МУЛЬТИПЛИКАТОРА¹

Целям интенсификации экономических связей *Китая* с внешним миром и в первую очередь для активного привлечения иностранных инвестиций в стране созданы специальные административно-экономические образования с льготными режимами. Среди них первое место по значению занимают 5 специальных экономических зон (СЭЗ): Шаньтоу, Шэньчжэнь, Чжухай (пров. Гуандун), Сямэнь (пров. Фуцзянь), Хайнань (пров. Хайнань), а также приравненный к ним по статусу район Пудун (Шанхай); 32 зоны экономического и технологического развития в городах Пекин, Шанхай, Гуаньчжоу, Тяньцзинь, Далянь, Харбин, Урумчи, Ухань, Чунцин, Ханьчжоу, Шэньян, Чанчунь, Инькоу; 14 зон приграничного сотрудничества в городах Дандун, Хэйхэ, Суйфэньхэ (пров. Хэйлунцзян), Маньчжоули, Эрлян, (АРВМ), Хуэйчунь (пров. Цзилинь), Инин, Боле, Тачэн (СУАР), Пинсян, Дунсин (ГЧАР), Жуйли, Вантин, Хэкоу (пров. Юньнань).

Особую роль в процессах связи китайской экономикой с мировой играют специальные административные районы Гонконг, суверенитет Китая над которым был восстановлен в 1997 г., и Макао – в 1999 г. Обе территории сохраняют рыночный характер своих экономик и обладают высокой степенью автономии, в частности, Гонконг в качестве самостоятельной таможенной территории сохраняет членство в ВТО, а также в ряде международных организаций, таких как АТЭС, ТЭС и СТЭС. Сохранив рыночную экономическую систему, а главное, свое положение независимого международного финансового центра, Гонконг выступает в качестве проводника элементов рыночной экономики на территорию Китая. Особенно наглядно просматривается в характере развития хозяйственных связей между Гонконгом и специальными экономическими зонами провинции Гуандун Чжухай и, особенно, Шэньчжэнь, которые благодаря дешевой местной рабочей силы фактически превратился в производственный филиал Гонконга.

Благодаря тому, что сюда на заработки устремляется большое количество мужчин и женщин из внутренних провинций страны,

---

¹ *Минакир П.А.* Свободные экономические зоны – механизм инвестиционного мультипликатора // Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты). 2007.

стоимость рабочей силы здесь сохраняется неизменной уже более 10 лет. В 1995 г. месячная заработная плата местного рабочего за вычетом оплаты жилья и питания составляла 210 юаней (25,6 долл.), в 1999 г. – 240 юаней (29,2 долл.), в 2003 г. – 325 юаней (39,6 долл.). Это в 1,5–1,7 раза ниже средней заработной платы рабочего в районе Шанхая и других восточных провинций¹.

Низкая заработная плата сочетается с высокой степенью эксплуатации местной рабочей силы. На многих созданных здесь иностранцами предприятиях рабочее время достигает 300 часов в месяц. По закону объем сверхурочных не может превышать 36 часов в месяц, однако на самом деле он составляет 100 часов и более². Иностранные бизнесмены, действующие в Южном Китае, утверждают, что местные рабочие готовы трудиться в самых жестких временных рамках.

Сочетание трех факторов – Гонконга с его либеральным экспортно-импортным режимом, специальной экономической зоны Шэньчжэнь с благоприятными экономическими условиями деятельности и дешевой рабочей силы создает достаточно притягательные побудительные мотивы для иностранных предпринимателей перемещать производство своих компаний в этот район. Руководители крупнейших транснациональных компаний откровенно признают привлекательность Китая, как места приложения инвестиций. Так, директор крупнейшего американско-китайского совместного предприятия «Шанхай Дженерал моторс» Ф. Метоф заявил: «Китай является наиболее перспективным рынком в мире. Здесь, без сомнения, самый большой потенциал роста и поэтому мы здесь и поэтому все хотят сюда попасть»³. Аналогичной точки зрения придерживался и председатель правления «Форд моторс» в 1993–1998 гг. Алекс Тротман, который однажды сказал: «Я не могу войти в историю компании “Ford” как председатель правления, который упустил Китай»⁴.

Фактически СЭЗ провинции Гуандун и других территорий, являясь анклавами рыночной экономики на территории Китая, становятся проводниками принципов рынка на внутренние регионы страны. Это проявляется не только в том, что в этих зонах отрабатываются вопросы открытия китайской экономики внешнему миру, но и в

---

¹ Ekonomisuto = Economist. 2003. С. 76. (На яп. яз.).

² Ibid.

³ Gordon G. Chang. The Coming Collaps of China. 2001. P. 95.

⁴ Ibid. P. 97.

том, что через эти зоны пропускаются десятки миллионов рабочих, которые привыкают работать в несоциалистических условиях хозяйствования, и десятки тысяч бизнесменов и управленцев, которые в последующем перемещаясь на работу во внутренние регионы страны, становятся не только носителями усвоенных знаний и навыков работы в условиях рыночной экономики, но и способствуют их внедрению на предприятиях и компаниях по всему Китаю.

Можно утверждать, что происходившие в провинции Гуандун за последние 30 лет социально-экономические трансформации, связанные с созданием здесь наиболее эффективно действующих специальных экономических зон, привели к превращению этой территории в наиболее глобализованную экономику Китайской Народной Республики с наиболее передовыми производствами и наиболее мощным в стране промышленным комплексом. Так, в 2001 г. здесь было произведено 37,4% китайских цветных телевизоров, 38,5% кондиционеров, 25% холодильников, 25,4% персональных компьютеров¹. Провинция прочно занимает первое место среди провинций КНР по объему производимого ВРП – в 2000 г. 966,2 млрд юаней (10,6%, против 858,2 млрд юаней провинции Цзянсу и 854,2 млрд юаней провинции Шаньдун), по общему количеству инвестиционных активов – 10,5%, по объему розничных продаж – 11,9%, по экспорту – 36,9% и по фактически использованным иностранным инвестициям – 35,7%².

Ярким контрастом провинции Гуандун выглядят северо-восточные провинции Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин и автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), в прошлом представлявшие собой наиболее развитый регион страны. Если в 1978 г. Северо-Восточный Китай (СВК) давал 15% ВВП страны, то в 1980-е гг. экономический рост провинций замедлился и его доля в ВВП страны снизилась к концу 1990-х гг. до 11,6%.³ Доля инвестиций в основной капитал в СВК составляет 9,6%, что ниже доли в ВВП 12,7% и доли населения 10,2%⁴. Но при этом выше доля государственных капвложений. Практически по всем провинциям она выше 50%. Начавший-

---

¹ *Huang Defa, Su Huahong, Zhang*. Economic Development in the Ninth Five-Year Plan. Beijing, 2002. P. 90.

² Ibid.

³ White Paper on the Economy of Northeast Asia – 2003. Niigata: ERINA, 2003. P. 16.

⁴ Ibid. P. 18.

ся с 1995 г. бум инвестиций в восточных и южных провинциях практически не отразился на инвестиционной активности на северо-востоке, где она ниже, чем в целом по стране, на протяжении второй половины 1990-х гг.

И только в самые последние годы в результате мер, предпринятых Центральным правительством разрыв в развитии несколько стал сокращаться. В 2001 г. доля СВК и АРВМ составила 12,7%, в том числе Ляонин – 5,2%, Цзилинь – 2,1%, Хэйлунцзян 3,7%, Внутренняя Монголия – 1,6%¹. Однако этих мер, видимо, оказалось недостаточно и в 2003 г. было принято специальное постановление ЦК КПК «О восстановлении промышленной базы Северо-Востока», которое в том числе предусматривает меры по более активному внедрению элементов рыночной экономики в народное хозяйство этих провинций.

Успешный опыт Китая в создании и развитии системы специальных экономических зон для большинства стран Северо-Восточной Азии и для России является весьма заманчивым инструментом экономической политики. При этом следует учитывать, что специальные экономические зоны не являются, естественно, китайским изобретением. Они использовались задолго до реформ в Китае, в том числе и в странах Восточной Азии. Но именно в Китае они превратились в столь мощный инструмент макроэкономической политики и действенное средство государственного регулирования. Этому способствовало в значительной степени то, что была разработана специальная стратегия использования этих зон в общей программе рыночных реформ, учитывавшая особенности китайской экономики. Основные элементы этой стратегии следующие.

1. Введение преференциальной системы налогообложения для иностранных инвесторов. Налог на прибыль предприятий с иностранным капиталом в специальных экономических зонах и зонах экономического и технологического развития в производственной сфере не превышал 15% (при налоговой ставке для предприятий с иностранным капиталом в других районах на уровне 30%). Особым расположением с самого начала пользовались те предприятия с иностранным капиталом, которые специализировались на экспортном производстве в специальных экономических зонах и зонах экономического и технологического развития. Для них налог был установлен

---

¹ White Paper on the Economy of Northeast Asia – 2003. Niigata: ERINA, 2003. P. 16.

по ставке 10%, а предприятия с передовой технологией получили дополнительную отсрочку по налоговым платежам сверх установленных налоговых каникул. Машины, оборудование, детали и компоненты, сырьевые материалы, средства транспорта и другие средства производства, импортированные предприятиями с участием иностранного капитала, а также экспорт их собственной продукции, будут освобождены от таможенных пошлин и консолидированного промышленного и торгового налога.

2. Гарантирование перевода за рубеж законно полученных прибылей иностранных инвесторов, после уплаты налогов. При этом отменялся налог на прибыль, переводимую иностранными инвесторами на экспортно ориентированных и высокотехнологичных предприятиях.

3. Специально созданные администрации свободных экономических зон получили большие полномочия и, следовательно, определенную автономию, что фактически позволило создать, кроме стимулирующего режима, прочную институциональную инфраструктуру развития. В частности, администрация зон получила право самостоятельно одобрять заявки на осуществление иностранных инвестиционных проектов стоимостью менее 30 млн долл. при условии, что их осуществление не затрагивает состояния общегосударственных экономических балансов, и выпуск продукции не связан с получением квот и лицензий. Власти специальных экономических зон также получили большую свободу в использовании иностранной валюты.

4. В специальных экономических зонах установлена особая политика относительно использования земли иностранными инвесторами. Они имеют право использования земли, но не могут покупать, продавать или передавать право на пользование землей или сдавать ее в аренду. Максимальный период использования земли для проектов в коммерции, плантационном хозяйстве, животноводстве и сельском хозяйстве составляет 20 лет, в промышленности и туризме – 30 лет, в коммерческом строительстве, науке и технике, здравоохранении – 50 лет. В случае осуществления проектов в образовательной, научной и технологической областях, а также для медицинских и других связанных с социальной сферой институтов плата за землю установлена минимальная, а для проектов с передовой технологией использование земли установлено бесплатное.

5. Иностранным инвесторам предоставлены широкие права по выбору форм осуществления деятельности предприятий и управле-

ния ими. Инвесторы свободны выбирать сферу и сектор инвестирования. Нет также ограничений и на использование форм инвестирования: китайско-иностранное предприятие, китайско-иностранное кооперативное предприятие и полностью иностранное предприятие, или переработка давальческого сырья, производство по предоставляемым образцам, сборка из поставляемых компонентов, управление плантациями и аквакультурными хозяйствами с предоставлением материалов и кормов, или компенсационная торговля и аренда. Как правило, не ограничиваются объемы инвестиций. Предприятия с иностранным капиталом свободны в осуществлении политики найма рабочей силы и в целом кадровой политики. В том числе, они могут нанимать иностранных граждан, а также вводить свою собственную систему заработной платы и премирования. Единственным ограничением является соблюдение законодательства китайского правительства и исправная уплата налогов.

6. Специальные экономические зоны целенаправленно и эффективно управляются специальными комитетами. Экономический режим в зонах в основном соответствует режиму регулируемого рынка. Например, там действуют свободные цены, но плановые цены поддерживаются в водоснабжении, электроэнергетике, в жилищном хозяйстве, коммуникациях, медицинских услугах и на основные виды промышленного топлива.

Несмотря на выявление значительных проблем в функционировании и развитии специальных экономических зон, китайские специалисты весьма высоко оценивают результаты использования этой формы адаптации национальной экономики к международным рыночным механизмам. В числе проблем, с которыми столкнулись зоны в Китае, наиболее серьезной является нехватка ресурсов (электроэнергии, воды, промышленного сырья). Это начало серьезно сдерживать развитие экономики в зонах, а кроме того, в перспективе означает рост издержек и, следовательно, снижение конкурентоспособности при экспорте.

Еще одной неприятной проблемой является то, что для китайских специальных экономических зон основным фактором экономического роста является возможность привлечения огромных континентов рабочей силы, привлечение капитала тесно привязано к созданию новых рабочих мест. Большинство предприятий в зонах являются трудоемкими, и лишь немногие базируются на высоких технологиях. Технологический уровень предприятий в зонах не очень вы-

сок, а наука и техника, все еще не являющаяся основным фактором роста в СЭЗ, внесла лишь ограниченный вклад в их экономическое развитие. Во многом это связано с качественным составом привлекаемой рабочей силы. Промышленные рабочие в основном привлекаются из сельской местности, не имеют достаточного образования и отстают от требований современной экономики. Дефицит персонала с новыми технологическими знаниями препятствует развитию технологии. Кроме того, величина заработной платы, по сравнению с внутренними районами страны, быстро растет. Это снижает интерес зарубежных бизнесменов к инвестициям.

Одной из наиболее сложных задач является к настоящему времени возникновение экономической пропасти между различными регионами Китая: наивысший уровень развития характерен для специальных экономических зон, а внутренние провинции страны остаются бедными.

Даже краткое перечисление особенностей и проблем китайских специальных экономических зон заставляет усомниться в перспективности энтузиазма, с которым не только в 1989–1991 гг., но и до сих пор многие российские губернаторы и экономисты добивались и добиваются «статуса» свободных экономических зон с целью содействовать «процветанию» вверенных им территорий.

Основной парадигмой китайских специальных экономических зон является развитие экспортного производства на основе привлечения иностранного капитала, ориентированного на дешевую и изобильную рабочую силу. Именно это обеспечило Китаю возможность занять на мировом рынке нишу, которую к началу китайских реформ освободили новые индустриальные страны – экспорт трудоемкой и дешевой продукции. Здесь Китай оказался вне конкуренции, благодаря как раз изобилию дешевой рабочей силы.

В случае России, особенно на российском Дальнем Востоке, не только ограниченность трудовых ресурсов, но и принципиальная невозможность существенно сократить общие издержки и, в том числе, издержки на заработную плату, являются объективными препятствиями на пути использования именно китайского опыта привлечения иностранного капитала и формирования специальных экономических зон. Следовательно, аргументируя необходимость использования этой формы организации рыночного хозяйства и этой формы конкуренции на международном рынке капиталов, необходимо иметь ясное представление о собственной парадигме, которая кладется в ос-

нову свободных экономических зон. Очевидно, что просто наличие каких-то ресурсов, в случае Дальнего Востока – природных ресурсов, не является серьезным основанием для формирования свободных экономических зон.

Еще одной принципиальной причиной успеха китайских и неуспеха российских специальных экономических зон является готовность Китая и неготовность России создать в этих зонах не просто максимально благоприятный, но полностью соответствующий международным стандартам хозяйственный механизм.

Определенные надежды на привлечение иностранных инвестиций были связаны в *Корейской Народно-Демократической Республике* с созданием зон свободной экономической деятельности, включая специальный административный район в Синьйчжу, промышленную зону в г. Кэсоне и совместный (с Республикой Корея) туристический проект в горах Кымгансан. Однако все эти усилия и поиски пока не принесли ощутимых результатов.

В 1991 г. была создана свободная торгово-экономическая зона Раджин – Сонбон, на которую руководство КНДР возлагало большие надежды как на источник поступления валюты, остро необходимой для закупки сырья и энергоносителей. В дальнейшем, по мере создания в стране СЭЗ – Особого административного округа Синьйчжу, расширялся пакет законодательных актов, регулирующих порядок деятельности предприятий с участием иностранного капитала.

КНДР при создании нового Особого административного округа Синьйчжу пошла на предоставление округу полной самостоятельности в определении инвестиционной политики, что должно обеспечить большую активность Запада в капиталовложениях в округ. В последние годы КНДР заключила несколько двусторонних межправительственных соглашений о привлечении и защите иностранных инвестиций. Такие соглашения имеются со странами Европы, в частности, с Данией, Швейцарией, Италией, а также с Россией и государствами Юго-Восточной Азии, в т. ч. с Малайзией и Индонезией.

Президиум верховного народного собрания КНДР 12 сентября 2002 г. принял Указ об образовании в г. Синьйджу (провинция Северная Пхенан), граничащем с Китаем по р. Амноккан, Особого административного округа Синьйджу (далее – СОАО). В указе отмечается, что округ имеет статус особой административной единицы КНДР и находится в прямом подчинении Центра. Население округа превышает 200 тысяч человек. Округ располагает развитой инфраструктурой –

относительно неплохими дорогами, своими речным и морским портами, аэропортом, гарантированным энергоснабжением, обусловленным близостью стабильно работающей Супхунской ГЭС. Через СОАО проходит железная дорога, связывающая КНДР с Китаем.

Пресса КНДР воздерживается от освещения вопросов образования и функционирования СОАО. Основной закон о СОАО, принятый в сентябре 2002 г., не опубликован в широкой печати. В соответствии с этим документом государство делегирует округу широкие полномочия в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти, причем его правовая система остается без изменений в течение 50 лет. Согласно Закону, кабинет министров КНДР и находящиеся в его подчинении комитеты и министерства, как и другие центральные государственные ведомства, не могут вмешиваться в работу округа.

Внешнеполитическую деятельность, связанную с новым административно-территориальным образованием, осуществляет государство. Округ имеет право самостоятельного решения вопросов внешней политики в рамках полученных от Центра полномочий. Особый интерес представляет право округа выдавать собственные загранпаспорта (вопрос о том, каким образом эти паспорта могут быть признаны действительными в других странах, пока остается открытым).

Государство делегирует округу право на освоение и использование земельных территорий. Срок аренды земли в СОАО – 50 лет (до 31 декабря 2052 г.) с возможностью продления. Закон не конкретизирует, является ли арендодателем на территории округа государство или администрация СОАО. Руководство КНДР, согласно Закону, будет проводить политику поощрения иностранных инвесторов и обеспечивать благоприятные условия для инвестирования в экономику округа. Гарантирована защита и неприкосновенность частной собственности граждан (ранее ни в одном правовом документе КНДР существование частной собственности не допускалось).

Беспрецедентными для КНДР являются положения Закона о СОАО, трактующие статус постоянного жителя округа. Постоянными жителями СОАО могут стать граждане КНДР, ранее проживавшие на данной территории либо прибывшие по запросам администрации СОАО на работу на предприятиях и в административных органах, а также иностранцы, имеющие законную работу и прожившие на территории округа 7 лет. Иностранцы имеют право наравне с гражданами КНДР занимать руководящие посты в органах исполни-

тельной, законодательной и судебной власти округа. Лица, не являющиеся постоянными жителями СОАО, имеют аналогичные права с его постоянными жителями, за исключением избирательного права и права пользования социальными выплатами из бюджета округа.

Власть в особом административном округе представлена губернатором, администрацией и Законодательным собранием. На пост губернатора может быть назначен указом президиума Верховного народного собрания КНДР как гражданин КНДР, так и иностранец. Губернатор руководит администрацией, осуществляющей фактическое управление округом.

Принципиально новым моментом является учреждение на территории округа самостоятельных прокурорских и судебных органов, независимых от властей КНДР. В Законе не указано, какими уголовно- и гражданско-правовыми нормативными актами эти ведомства будут руководствоваться, хотя, по смыслу Закона, округ, скорее всего, будет располагать собственным уголовным и гражданским законодательством. В СОАО помимо государственного флага и герба КНДР будут использоваться флаг и герб округа. Закон о СОАО состоит из 6 глав: «Политика», «Экономика», «Культура», «Основные права и обязанности жителей», «Структура», «Флаг и герб».

В Законе о СОАО приведен список законов КНДР, которые будут действовать на территории округа: о гражданстве, государственном флаге и гербе, государственном гимне, столице, территориальных водах, воздушном пространстве и госбезопасности. Налицо интересный правовой прецедент – прямое ограничение действия конституции КНДР в округе, который, согласно Закону, остается территорией КНДР.

Государство накладывает лишь незначительные ограничения на деятельность округа, прежде всего в сфере идеологии и культуры. Наиболее примечательным является то, что в округе запрещена деятельность иностранных политических организаций. Одновременно при свободе на использование различных масс-медиа и средств связи, запрещаются те из них, которые «могут влиять на общественное сознание и порядок». Дисциплины общественно-научного плана для преподавания в учебных заведениях СОАО должны согласовываться с «компетентными госорганами КНДР». Литература, а также теле- и радиопередачи на территории округа «не должны препятствовать делу объединения страны или оказывать негативное влияние на сознание граждан».

Этим, а также необходимостью регистрации в Верховном народном собрании некоторых документов СОАО, главным образом в бюджетной сфере, фактически ограничиваются полномочия государства по контролю за ситуацией в СОАО. В Законе отсутствуют упоминания как о порядке контроля со стороны государства, так и вообще о принципах и системе взаимодействия руководства СОАО с центральными органами власти КНДР.

По оценкам экспертов, при разработке Основного закона о СОАО северокорейцы во многом руководствовались китайским законодательством о свободной экономической зоне Шэньжень, функционирующей более 20 лет¹.

Создание СОАО можно считать значительным шагом вперед в области внедрения новых форм хозяйствования, призванных способствовать выходу КНДР из системного экономического кризиса. По признанию как самих корейцев, так и западных аналитиков, предыдущая попытка в этой области – создание в начале 1990-х гг. торгово-экономической зоны (ТЭЗ) «Раджин – Сонбон» (ныне «Расон») не дала желаемых результатов в силу излишнего вмешательства государства в деятельность ТЭЗ.

Если сравнивать две самоуправляемые административные единицы, действующие на территории КНДР – ТЭЗ «Расон» и вновь образованный округ Синьиджу, то первая имеет ряд ограничений в своей деятельности, что снижает ее привлекательность для иностранных инвесторов. В ТЭЗ «Расон» государство осуществляет руководство работой по развитию и управлению данной зоной и имеет «представительство» на ее территории в лице Внешнеэкономического комитета, который является центральным исполнительным органом и осуществляет контроль и управление хозяйством ТЭЗ на основе государственной политики, рассматривает и одобряет строительство инвестиционных объектов стоимостью свыше 20 млн вон. Необходимо согласование всех текущих вопросов с Госпланом, Минфином, Госстроем и другими центральными ведомствами КНДР. Внешнеэкономический комитет имеет право одобрения или отказа регистрации совместных предприятий, им может быть наложен быть наложен запрет на деятельность того или иного предприятия в случае, если она противоречит законодательству КНДР. В отличие от

---

¹ *Пак Ду Бок*. Северная Корея и китайская модель реформ и развития // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4.

СОАО, в ТЭЗ «Расон» не существует понятий «гражданство зоны», «органы власти», поскольку фактически управление ее территорией осуществляет государство. Государственные ведомства и предприятия имеют право открывать в ТЭЗ агентства для ведения торгово-экономической деятельности, что означает возможность свободного проникновения в «Расон» госструктур КНДР.

СОАО предоставлено право самостоятельного установления налоговой и таможенной системы и тарифов, в то время как на территории ТЭЗ «Расон» от уплаты таможенных пошлин освобождаются лишь некоторые ввозимые в зону товары, необходимые для строительства, ведения хозяйства, а налоги на доходы иностранных и смешанных предприятий также жестко фиксированы государством.

Валютно-финансовая система, которую округ Синийджу также формирует самостоятельно, является более предпочтительной для инвесторов по сравнению с ТЭЗ «Расон». На территории ТЭЗ находятся в обращении только корейские воны и все расчеты производятся в этой валюте. Только с согласия Центрального банка предприятия могут открывать счета в банках КНДР и других стран. Полученные в кредит и купленные на валюту корейские воны можно вкладывать только в корейские банки и использовать лишь на территории КНДР. Банки в торгово-экономической зоне могут выполнять торговые операции с партнерами, не проживающими на территории ТЭЗ, исключительно с разрешения валютного органа. Что касается СОАО, то здесь, по первым заявлениям его губернатора, будут иметь хождение одновременно три валюты – вона КНДР, юань и доллар США, причем с явным предпочтением последнему. Ввоз инвалюты и вывоз ее из округа не ограничены.

Создание ТЭЗ «Расон» в свое время стало попыткой государства «приоткрыть занавес» для привлечения иностранных инвестиций при полном сохранении своих командно-административных функций. Это снижает ее степень надежности для капиталовложений перед иностранцами¹.

Особый административный округ Синийджу, напротив, освобожден практически от всех имеющихся в ТЭЗ «Расон» ограничений, что делает его гораздо более привлекательным для иностранных инвесторов.

---

¹ ERINA Booklet. Vol. 2. February. 2003. Pp. 11–17.

Приоритетную роль в округе будут играть китайские капиталовложения, ориентированные на развитие туризма, игорного бизнеса и индустрии развлечений. Это объясняется тем, что в Китае законодательно запрещено создание и эксплуатация игорных домов и казино, и СОАО, находящийся на границе с КНР, может предоставить богатым китайцам возможность «хорошо провести время, не вступая в конфликт с законом». Китайские и гонконгские компании готовы вложить до 10 млрд долл. США именно в гостиничный и игорный бизнес в СОАО.

По мнению экспертов международных организаций, в работе СОАО будут активно развиваться (после соответствующей модернизации с участием иностранного капитала) предприятия химической, текстильной и пищевой промышленности, расположенные на его территории.

Образование Особого административного округа Синьиджу можно рассматривать как очередной, более продуманный шаг руководства КНДР по стабилизации экономической ситуации путем привлечения иностранного капитала.

Одной из мер, нацеленных на крупномасштабные преобразования в экономике, в 2002 г., стало образование Кэсонской промышленной и Кымгансанской туристической зон, примыкающих к демилитаризованной зоне.

В сравнении с СОАО Кэсонская и Кымгансанская зоны наделены меньшими полномочиями. Кэсонская промышленная и Кымгансанская туристическая зоны по своему законодательному статусу являются специальными экономическими зонами, которые должны привлекать инвестиции южнокорейских предпринимателей. Им разрешено брать в аренду участки земли, вести строительство объектов промышленной и туристической инфраструктуры.

Концепция создания свободных экономических зон была утверждена парламентом *Монголии* в конце 1995 г. Однако лишь после того, как в июле 2002 г. Парламент Монголии принял законы и ряд поправок в действующее законодательство, вопрос о первой свободной экономической зоне в Монголии был переведен в практическую плоскость. Монгольское законодательство предусматривает образование свободных зон в форме торговой, производственной, сельскохозяйственной, экономической и туристической.

Первая монгольская СЭЗ «Алтаннбулаг» создается в приграничном с Россией районе (в 6,5 км от Кяхты), с относительно развитой инфраструктурой, наличием трудовых ресурсов на площади 500 га.

Законом определяется, что свободная экономическая зона – это часть территории Монголии, имеющая особый режим инвестиционной и хозяйственной деятельности и находящаяся вне таможенной территории. В СЭЗ действуют льготные налоговые условия, упрощенный порядок регистрации хозяйственных единиц. Предусмотренные статусом СЭЗ «Алтанбулаг» налоговые льготы существенно превосходят те, которые зафиксированы в Законе об иностранных инвестициях, благодаря чему Правительство Монголии надеется на активное привлечение иностранного капитала с целью эффективного использования внутренних ресурсов, овладения современными методами управления, маркетинга, повышения уровня занятости местного населения.

Средства, вложенные хозяйственными единицами в развитие инфраструктуры СЭЗ «Алтанбулаг», освобождаются от налога на прибыль сроком на 5 лет. Предусмотрено освобождение от подоходного налога на 5 лет с начала функционирования и на 50% в последующие 3 года в случае, если средства были вложены в строительство складских хозяйств, объектов гостиничного комплекса.

Граждане, проживающие на территории СЭЗ «Алтанбулаг», иностранные хозяйственные единицы и организации освобождаются от налога на недвижимость, им предоставляются также льготы по земельным платежам.

Продукция, ввозимая из-за границы на территорию СЭЗ, освобождается от импортных пошлин, НДС и специального налога. При ее вывозе из СЭЗ нет налога на экспорт. Территория в пределах СЭЗ может арендоваться на длительный срок иностранными хозяйственными единицами. При этом могут быть предоставлены льготы вплоть до освобождения от земельных платежей на определенный срок при выполнении ими договорных обязательств.

Первый опыт в образовании СЭЗ реализуется Монголией на границе именно с Россией по ряду причин. Географическая близость с Россией и исторически накопленный опыт сотрудничества определили ориентацию на развитие российско-монгольских торгово-экономических связей в условиях сохраняющейся настороженности к экономической интервенции со стороны Китая. Принимая столь важное решение об осуществлении этого дорогостоящего проекта, руководство Монголии рассчитывает на финансовое участие в формировании СЭЗ иностранного капитала, поскольку общие затраты могут составить 11 млн долл. США.

Функционирование СЭЗ в Монголии в непосредственной близости от российской границы, по мнению экспертов, будет способствовать рационализации товаропотоков из регионов России в Монголию, Китай, страны Юго-Восточной Азии путем использования имеющихся транспортных артерий.

«Алтанбулаг» представляет собой зону свободной торговли (ЗСТ), в которой «осуществляется деятельность по хранению товаров и продуктов, улучшению их товарного вида, упаковочного материала и сбыту» (Закон Монголии «О свободной зоне»). Правовое регулирование в ЗСТ и управление свободной зоной «Алтанбулаг» осуществляется на основе Конституции Монголии, Закона «О свободной зоне», собственно Закона о правовом статусе ЗСТ «Алтанбулаг», а также других правовых актов, принятых в соответствии с ними.

Главной фигурой в свободной зоне становится управляющий, который назначается и освобождается от должности премьер-министром Монголии и наделен широкими полномочиями. Создание Совета инвесторов свободной зоны, который мог бы стать гарантом защиты интересов предпринимателей, не носит обязательного характера. Предусмотрена должность главного менеджера свободной зоны, который подотчетен управляющему, и создание специализированной службы контроля, регулирование деятельности которой также входит в полномочия управляющего свободной зоны. Свободная зона имеет самостоятельный бюджет. Механизм взаимодействия управляющего с местным Хуралом и Главой администрации регулируется также Законом «О свободной зоне».

Свободная зона относится к особым государственным объектам. Охрану и пропуск в свободную зону осуществляют внутренние войска.

Импортные поставки товаров в свободную зону и экспортные поставки из нее не облагаются таможенным налогом (на импорт или экспорт), налогом на добавленную стоимость и специальным налогом. Однако «при экспорте налог уплачивается только в том случае, если законом предусмотрено обособленное налогообложение на экспорт». Хозяйственные единицы, вложившие средства в строительство объектов инфраструктуры освобождаются от налога на прибыль, средства, вложенные в строительство складских хозяйств, разгрузочно-погрузочных сооружений и гостиницы, освобождаются от подоходного налога на 5 лет со дня начала функционирования и на 50% в последующие 3 года. Хозяйственные единицы, занимающиеся дея-

тельностью по хранению товаров, продукции и улучшению их упаковки в зоне «Алтанбулаг», заключившие договор со службой управляющего о работе на 10 и более лет, освобождаются от подоходного налога в первый год со дня функционирования и на 50% в последующие 3 года. От налога на недвижимость освобождаются хозяйственные единицы и организации, а также граждане, зарегистрированные в службе управляющего зоной «Алтанбулаг» и постоянно проживающие на ее территории.

В зависимости от характера деятельности в зоне «Алтанбулаг» предусмотрен дифференцированный подход к пользователям земли: хозяйственные единицы, занимающиеся торговлей и общественным обслуживанием, освобождаются от земельного платежа в первые 3 года со дня начала функционирования и на 50% в последующие 3 года.

Хозяйственные единицы, занимающиеся созданием основной инфраструктуры зоны «Алтанбулаг», освобождаются от земельного платежа в первые 5 лет со дня начала функционирования и на 30% в последующие 3 года.

Образование ЗСТ «Алтанбулаг» – первый конкретный опыт по созданию свободной зоны, от успешности функционирования которой во многом будет зависеть перспектива образование и других свободных экономических зон в Монголии. Обсуждается вопрос о создании еще пяти СЭЗ, в т. ч. усилено лоббируется вопрос о принятии закона о создании СТЗ в Замын-уде на границе с Китаем, а также двух зон на границе с Россией (в западных аймаках). Принимая во внимание успешный опыт Китая по развитию свободных экономических зон, руководство Монголии возлагает большие надежды на функционирование зон в Монголии. Планируется, что СЭЗ станут одним из «локомотивов» экономического развития и процветания страны. Основные трудности при реализации проектов СЭЗ лежат не только в финансовой сфере, но во многом определяются способностью соблюдения и надлежащего исполнения уже принятых законов Монголии. Отсутствие квалифицированных кадров затрудняет выбор кандидатуры управляющего свободной зоны. В этой связи обсуждается вариант приглашения имеющих опыт менеджеров из Гонконга или Сингапура¹.

---

¹ Синьхуа. 2002. 12 июля.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН АТР И ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Интеграционные процессы в АТР развиваются по модели, отличной от европейской. Здесь пока не существует торговых и экономических союзов или попыток установить единую политику регулирования интеграционных процессов. Здесь есть как межправительственные органы сотрудничества, так и объединения деловых кругов, а основание интеграционных процессов лежит больше в экономической плоскости, нежели в политической (т. е. происходит процесс так называемой функциональной интеграции). Интеграция в АТР и Восточной Азии осуществляется по модели «субрегиональных экономических зон», состоящей в ограниченном устранении официальных барьеров.

Институциональное оформление интеграционного процесса началось с учреждения в 1967 г. Тихоокеанского экономического совета (ТЭС) (*Pacific Basin Economic Council, PBECC*). Затем в 1968 г. была создана Тихоокеанская конференция по торговле и развитию (ПАФТАД) (*The Pacific Trade and Development Conference, PAFTAD*), а в 1980 г. появился Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС) (*The Pacific Economic Cooperation Council, PEECC*). Все эти организации были неправительственными. Они отразили желание наладить сотрудничество и заложили основу для создания Межправительственного форума экономического сотрудничества (АТЭС) (*Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC*), который в настоящее время является наиболее влиятельной экономической организацией в АТР. К настоящему времени в рамках АТР сформированы две интеграционные группировки, которые в различной степени комбинируют экономические и политические аспекты взаимодействия: Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (*Association of Southeast Asian Nations, ASEAN*) – преимущественно политическая группировка без явного формального лидерства, которая в последние два десятилетия существенно трансформировалась и в экономическую группировку; и Североамериканская зона свободной торговли

---

¹ Минакир П.А., Суслов Д.В. Экономическая интеграция стран атр и проблемы таможенного регулирования // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2015. № 2.

(НАФТА) (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) – торгово-экономическая группировка с лидирующей ролью США.

Сформированы три основных базовых формата взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которые являются общим основанием для дальнейшего развития существующих и формирования новых интеграционных группировок:

- политический формат – АТЭС, объединяющий 21 экономику АТР¹; АСЕАН; Восточноазиатский форум с участием Китая, Японии, Республики Корея и других стран Восточной Азии и АТР; Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);

- экономический формат – интеграционные группировки и структуры как существующие уже давно (АСЕАН, НАФТА), так и созданные недавно (АСЕАН+3; АСЕАН+6) и пока не превратившиеся в реальные экономические блоки; финансовые институты (Азиатский банк развития); Тихоокеанский экономический совет; Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству;

- торгово-экономический формат – двухсторонние зоны свободной торговли между странами АТР, а также многосторонние зоны свободной торговли (АСЕАН – Китай, АСЕАН – Япония, АСЕАН – Республика Корея); Тихоокеанский форум делового экономического сотрудничества; Тихоокеанская конференция по торговле и развитию.

Процесс дальнейшей экономической интеграции в АТР в целом и особенно в Восточной Азии имеет ряд особенностей, которые накладывают существенный отпечаток как на скорость и формы самой интеграции, так и на условия присоединения к этому процессу тех или иных стран.

Во-первых, последовательная и неизменная открытость интеграционного процесса в АТР. Этот принцип (принцип открытого регионализма) явно проявляется в пространственном аспекте, обеспечивая расширение ареала взаимодействия, включение в хозяйственные взаимосвязи все большего количества стран и регионов. Очевидно его существование и в институциональной толерантности к функциональным характеристикам экономик-участниц: к инте-

---

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, КНР, Республика Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Япония.

грации допускаются самые разнообразные (как по качественным, так и количественным характеристикам) организационные структуры¹.

Во-вторых, в процесс интеграции в АТР в его различных организационных формах вовлечены страны с весьма существенной дифференциацией уровня экономического развития, структуры экономики, с разными культурами и социально-политическими системами². Координация экономического поведения стран и территорий, имеющих весьма существенную дифференциацию (а порой поляризацию) уровней экономического развития, является абсолютно беспрецедентной для мировой экономики практикой. Асимметричный характер развития является одновременно и препятствием, и интеграционным преимуществом. Асимметрия создает возможности дальнейшего разделения труда и формирования взаимодополняемых хозяйственных структур, использующих весь комплекс преимуществ входящих в АТР стран.

В-третьих, в основу межгосударственного сотрудничества в рамках АТР положено стимулирование контактов между деловыми кругами, а не межправительственные соглашения (как, например, в Европейском союзе). Роль правительств состоит в снятии ограничений на движение товаров и капиталов, отказе от протекционизма. Организационная структура и цели функционирования большинства межстрановых организаций общерегионального уровня конкретно не определены, они не имеют жесткой правовой базы. В Восточной Азии и Австралии с Океанией имплантируется совершенно иная модель интеграции по сравнению с Европой и Северной Америкой. Здесь нет ничего подобного императивам Европейского союза, которые стандартизируют параметры функционирования и взаимодействия участников интеграции. В интеграционных структурах, существующих в АТР, никогда не наблюдалось попыток установить единую политику регулирования происходящих процессов. Хотя здесь сложились и существуют различные многоуровневые системы координации (межгосударственные и межправительственные органы сотрудничества, объединения деловых кругов), однако организацион-

---

¹ Принцип открытого регионализма в АТР был официально принят в 1992 г. Советом по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству.

² Гранберг А.Г. Россия в Тихоокеанском сообществе: роль РНКТЭС // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5.

ная структура и порядок межстрановых взаимодействий не имеют жесткой правовой базы, институциональной императивности. Например, в АТЭС действует принцип добровольности, рекомендации, которые адресуются экономикам-участникам, не предполагают обязательности исполнения. Это потенциально существенно облегчает для новых участников интеграционного процесса (например, для России) выбор режимов сотрудничества со странами АТР, создает возможность гибкого и поэтапного вхождения в интеграционные структуры.

В-четвертых, в основу интеграции в масштабах всего АТР положен принцип равноуровневости. В рамках АТР большую роль играют разного рода субрегиональные структуры экономического сотрудничества, включающие не всю территорию тех или иных стран, а лишь часть, как правило, прибрежные районы¹ (зоны экономического роста). Многообразие группировок и параллельное вхождение отдельных государств сразу в несколько организаций создает довольно сложную структуру торгово-экономических отношений, которая, с одной стороны, затрудняет полноценное взаимодействие в осуществлении отдельных проектов и регулировании деятельности различных стран, но, с другой стороны, придает гибкость механизмам взаимодействия в моменты присоединения к ним новых стран (регионов).

В-пятых, экономическая интеграция в АТР отличается межкультурной и межинституциональной гибкостью. До настоящего времени в мировой практике не было других аналогов организации тесного сотрудничества между экономикками, которые сформировались и функционируют на основе кардинально отличающихся друг от друга культурных, идеологических и политических принципов. Очевидно, что такое социально-экономическое разнообразие в значительной мере обеспечивает результативность интеграции в АТР, поскольку дает широкие возможности в сфере территориального разделения труда для каждого из участников взаимодействия. Очевидно, что подобная толерантность имеет особую ценность для России, экономические структуры которой подвергались и в Европе, и в

---

¹ *Минакир П.А.* Интеграция российского Дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности. // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановое взаимодействие / под ред. Г. Витковской, Д. Тренина; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.

Америке дискриминации по политическим мотивам. В АТР существуют возможности для согласования экономических позиций без существенного влияния политической конъюнктуры.

Процесс интеграции в АТР базируется на определенных институциональных режимах межстранового взаимодействия.

Важнейшим из них является принятие в АТР целевых установок на последовательную радикальную либерализацию торгово-экономических, прежде всего таможенного регулирования, и инвестиционных отношений. Именно такой тренд был задан для интеграционных процессов в АТР базовым для АТЭС документом, который был принят в 1994 г. странами-участницами под названием «Богорская декларация». В нем предусматривалось двухэтапное создание зоны свободной торговли с десятилетним лагом: сначала между развитыми странами АТЭС (ее планировалось сформировать к 2010 г.), а затем к 2020 г. в нее должны будут войти все экономики – члены организации¹. От реализации этого решения ожидается получение позитивных экономических результатов абсолютно для всех участников интеграции.

Для реализации этого проекта имеется подготовленная институциональная платформа, разработкой которой после 2000 г. активно занимались практически все страны АТР. Уже сейчас заключено около 50 соглашений о зонах свободной торговли, в рамках которых ликвидированы таможенные пошлины на 80–0% товарных позиций (табл. 1).

Фактически вся Восточная Азия покрыта сетью соглашений, согласно которым взаимные операции между странами-участницами почти всегда будут более выгодны, чем операции с третьими странами².

---

¹ Сейчас выполнение решений перенесено на неопределенный срок, но задачи по формированию зоны свободной торговли сохранены.

² *Минакир П.А.* Концепция деятельности РНКТЭС / Дальневосточный центр, Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Хабаровск – Москва, 2004; *Гитаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор. М.: Памятники исторической мысли, 2003; *Михеев В.В.* Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через сотрудничество в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2.

**Число соглашений о свободной торговле
в Восточной Азии, 2000, 2015 гг.**

Страна	Число соглашений (действующих и подписанных)	
	2000	2015
Бруней	1	13
Камбоджа	1	9
Китай	1	22
Гонконг	–	5
Индонезия	1	17
Япония	–	24
Республика Корея	1	22
Лаос	3	11
Малайзия	1	21
Мьянма	1	11
Филиппины	1	11
Сингапур	1	33
Тайвань	–	5
Таиланд	2	22
Вьетнам	1	16

Источник: Free Trade Agreement. Database / Asian Development Bank. 2015. URL: <http://www.adb.org> (дата обращения: март 2015).

В настоящее время центром экономической интеграции в Восточной Азии является АСЕАН. За последние три десятилетия доля взаимного экспорта в рамках АСЕАН в совокупном экспорте стран группировки возросла с 15 до 26%¹.

В последнее десятилетие большую роль в активизации восточноазиатского регионализма играют соглашения о зонах свободной торговли, подписанные АСЕАН и другими государствами. В 2004 г. было подписано соглашение о торговле товарами между АСЕАН и Китаем (*ASEAN – China FTA, ACFTA*). Ему предшествовали соглашение 2001 г. и Рамочное соглашение о комплексном экономическом

---

¹ Хотя показатель существенно уступает показателям в ЕС, НАФТА или даже АТЭС, но это самый высокий уровень среди интеграционных объединений с участием только развивающихся государств.

сотрудничестве 2002 г. Цели данных соглашений состояли в укреплении экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества; проведении прогрессивной либерализации и содействии торговле товарами и услугами; формировании прозрачного и либерального инвестиционного климата; активизации включения стран Индокитая в интеграционные процессы на основе постепенного сокращения разрыва в уровнях экономического развития.

С 2007 г. вступило в силу соглашение о торговле услугами, которое предоставляет национальный режим услугам и поставщикам услуг, а с 2010 г. – инвестиционное соглашение, призванное сформировать прозрачное пространство взаимных инвестиций и либерализовать инвестиционный климат стран-участниц.

В 2007 г. вступило в действие соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Республикой Корея (*ASEAN – Korea FTA, AKFTA*), в соответствии с нормами которого были ликвидированы таможенные пошлины в отношении 90% товаров взаимной торговли. На другие товары они будут снижены к 2012 г. на 20% и до 0–5% к 2016 г. Соглашение также регулирует проблемы доступа на рынки на основе принципа взаимного признания; таможенные процедуры; правила определения страны происхождения товара; разрешение взаимных споров. В 2009 г. между АСЕАН и Республикой Корея вступило в силу соглашение в отношении услуг и инвестиций.

В 2009 г. вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Японией (*ASEAN – Japan FTA, AJFTA*), подписанное еще в 2003 г. В рамках данного соглашения были ликвидированы таможенные пошлины на 91% товаров взаимной торговли. В документе также были определены вопросы правил происхождения товаров, взаимного признания, разрешения споров.

В настоящее время все соглашения о зонах свободной торговли, заключенные между АСЕАН и отдельными странами СВА, регулируют либерализацию торговли товарами и процедур таможенного регулирования. Так, в рамках данных соглашений ликвидированы таможенные пошлины на подавляющую часть товаров (в объеме 80–90% товарных позиций). Что же касается других сегментов формируемых общих рынков, то здесь имеются отличия. Вопросы либерализации торговли услугами отсутствуют в рамках зоны свободной торговли АСЕАН и Японии. Инвестиционное регулирование не предусмотрено в соглашениях АСЕАН с Республикой Корея

и Японией. Ни в одном из соглашений не определены вопросы, касающиеся миграционной политики (мобильность физических лиц и упрощение формальностей в отношении перемещения лиц из одной страны в другую), а также политики по правам интеллектуальной собственности.

В перспективе модель АСЕАН+3 предполагает создание Восточноазиатской зоны свободной торговли (East Asia Free Trade Agreement, EAFTA) в составе 10 государств АСЕАН, Японии, Китая и Республики Корея на основе заключенных соглашений между АСЕАН и отдельными странами СВА. В большом числе исследований даются количественные оценки эффектов создания зоны свободной торговли для всех восточноазиатских стран. Многочисленные расчеты, в основном базирующиеся на применении вычислимых моделей общего равновесия и демонстрирующие выигрыш (в основном в виде увеличения ВВП и объема внешней торговли), который получит каждая из стран в том или ином формате институционализации торговых взаимодействий на протяжении многих лет, используются в качестве основного аргумента ее полезности. Кроме того, ожидается определенный геополитический эффект, выражающийся в снижении влияния США в Восточной Азии, повышении роли внутрирегиональных экономических и политических связей¹.

Предусмотрено также подписание общего соглашения об интеграции, в котором предполагается наряду с торговой либерализацией отразить согласованную точку зрения относительно инвестиционной либерализации, содействия торговле в рамках сокращения трансак-

---

¹ *Krein M.E., Plummer M.G.* 'Natural' Economic Blocs: An Alternative Formulation // *The International Trade Journal*. 1994. Vol. 8. No. 2; *Panagariya A.* East Asia and the New Regionalism in World Trade // *The World Economy*. 1994. Vol. 17; *Lee C., Park S.* Formation of Regional Trading Blocs in East Asia and the Roles of Japan and the US / KIEP. Working Paper. 02–12. Seoul, 2002; *Martin W.P., Petri A., Yanagishima K.* Charting the Pacific: An Empirical Assessment of Integration Initiatives // *The International Trade Journal*. 1994. Vol. 4. No. 4; *Oh W.T., Cheong I.* Evaluation of Economic Effects of a Free Trade Area in the East Asia // *Kukje Kyungje Yongu*. 1997. Vol. 3 (3); *Brown D.K., Deardorff A.V., Stern R.M.* CGE Modeling and Analysis of Multilateral and Regional Negotiating Options // *Issues and Options for US-Japan Trade Policies*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001; *Plummer M., Wignaraja G.* The Post-Crisis Sequencing of Economic Integration in Asia // *Economie Internationale*. 2006. No. 107.

ционных издержек и активизации взаимных экономических связей в разных областях и сферах деятельности.

По оценкам, формирование в перспективе Восточноазиатской зоны свободной торговли по модели АСЕАН+3 будет стимулировать прирост совокупного ВВП стран-участниц на 1,2% в среднем ежегодно. При этом большего эффекта достигнут страны АСЕАН, где рост составит 3,6 %, тогда как для трех стран СВА – 0,9% в среднем ежегодно¹.

Варианту формирования зоны свободной торговли на базе АСЕАН противостоит возможность формирования зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии между Японией, Китаем и Республикой Корея и в последующем подписание соглашения между северо-восточноазиатскими и юго-восточноазиатскими государствами об общей зоне свободной торговли.

На сегодняшний день наиболее реальным представляется вариант объединенной зоны свободной торговли с АСЕАН в силу наличия больших политических противоречий между Японией и Китаем и сложности достижения консенсуса о северо-восточной азиатской зоне свободной торговли (в обмен Япония требует от Китая подписания двустороннего инвестиционного соглашения). Однако воздействие данного фактора может быть ослаблено за счет двусторонних зон свободной торговли. В таких соглашениях заинтересован Китай, основной целью которого является расширение рынков сбыта и снижение торговых барьеров в отношении динамичного китайского экспорта и, как следствие, повышение роли и рост конкурентоспособности КНР в мировой экономике. В то же время Япония и Республика Корея проявляют в данном вопросе сдержанность в силу существования между ними ряда нерешенных проблем, в частности, связанных с конкурентоспособностью сельского хозяйства и рыболовства Республики Корея для Японии; конкурентоспособностью японской промышленности и сферы высоких технологий; риском роста дефицита взаимного торгового баланса для Республики Корея; повышением зависимости корейской экономики от китайского рынка и др.

Интеграционными контурами в Северо-Восточной Азии, развивающимися за рамками переговоров о создании зон свободной торговли, является модернизация и расширение транспортной ин-

---

¹ *Kawai M., Wignaraya G. Asian FTA's: Trends and Challenges / ADBI. Working Paper Series. 144. August. 2009. P. 12.*

фраструктуры. Здесь страны «Большой тройки» СВА, наряду с развитием собственных транспортных сетей, достигли соглашения о создании системы скоростных железных дорог и паромных переправ, которая позволит связать Токио, Сеул и Пекин в единое транспортное кольцо. Реализация данного проекта позволит значительно увеличить поток туристов и грузов между тремя странами, откроет новые перспективы в области развития транспортной инфраструктуры, перевозок пассажиров и грузов. Кроме того, длительность и ненадежность дальних морских перевозок всегда заставляла страны СВА искать более безопасные и быстрые пути доставки сырья и энергоресурсов из стран Африки и Ближнего Востока, а своих товаров – в европейские страны. В связи с этим всеми государствами СВА изучаются различные варианты организации железнодорожного моста, способного соединить Европу и Азию, в том числе и используя российскую транспортную инфраструктуру. Активно обсуждается концепция создания восьми транспортных коридоров в СВА, которые должны способствовать развитию транспортного пространства СВА на основе взаимодополняющего развития отдельных коридоров, которые рассматриваются не как конкурентные, а как взаимодополняющие. Система этих транспортных коридоров должна служить в перспективе базой для интеграции инфраструктурных условий в Восточной Азии. Важно, что в этот международный проект в виде элементов запланированной конфигурации входят российские железные дороги.

Другим инфраструктурным проектом, имеющим большой интеграционный потенциал, является энергетический, который стал особенно актуальным после сокрушительного землетрясения в марте 2011 г. в Японии. Япония и Республика Корея давно являются нетто-импортерами энергоресурсов. Растущие потребности в энергоресурсах заставляют искать новые пути взаимодействия в данной сфере. Быстрыми темпами растут и потребности Китая. Это выливается не только в необходимость создания страховых запасов нефти, но и в поиск новых нефтегазовых ресурсов (проектов по их разработке). Однако в данной области какое-либо институционализированное трехстороннее сотрудничество между этими государствами вряд ли возможно, так как они в большей степени являются конкурентами за ресурсы третьих стран.

Углубление интеграции в Восточной Азии остро поставило вопрос о необходимости установления и быстрого развития эффектив-

ного финансового и монетарного взаимодействия между расположенными здесь странами. Особенно ясно эта необходимость проявилась во время Азиатского кризиса 1997 г. Потеря управляемости финансовыми системами в ряде стран Восточной Азии, что обернулось значительными финансовыми издержками для наиболее устойчивых и мощных в финансовом отношении экономик (китайской и японской), вынудила восточноазиатские страны признать, что они не были готовы к предотвращению и тем более управлению финансовыми системами в условиях системной неустойчивости. Это привело к формированию чрезмерной зависимости от международных финансовых организаций, которые в значительной степени вместе с банками и другими финансовыми учреждениями западных развитых стран сами провоцировали кризис в Азии и усилили его отрицательные эффекты, выводя свой капитал из региона. Поэтому в посткризисный период странами Восточной Азии были предприняты важные шаги в сторону организации региональной финансовой архитектуры на межгосударственном уровне.

Основные направления финансового сотрудничества включают ряд этапов, каждый из которых является предпосылкой для организации полноценной финансовой интеграции. К ним относятся следующие позиции: проведение диалога и информационного обмена между участниками интеграции; исследование вариантов сотрудничества; заключение финансовых соглашений; развитие рынка капитала; наращивание финансового потенциала¹.

Здесь следует выделить два блока интеграционных проектов: первый связан с формированием межгосударственных финансовых организаций, второй – с разработкой и совершенствованием финансовых инструментов для повышения эффективности международного сотрудничества. В каждом из блоков есть накопленный опыт и сформированы перспективные направления деятельности.

В первом блоке наиболее успешным реализованным проектом является создание и эффективная работа Азиатского банка развития (АБР), который действует с 1965 г. Это межгосударственный банк по долгосрочному кредитованию проектов развития в странах Азии и Тихоокеанского бассейна, имеющий главный офис в Маниле (Филиппины). Его капитал сформировали 67 стран-вкладчиков. Причем

---

¹ Emerging Asian Regionalism: A Partnership for Shared Prosperity / ADB. Manila, 2008.

крупнейшие акционеры АБР, имеющие долю в пакете акций более 5%, это государства, интересы которых связаны не только с АТР, в т. ч. США, Австралия, Канада и др. То есть этот финансовый институт является, скорее, глобальным. К стратегическим целям функционирования АБР, согласно официальным документам, относятся: сокращение бедности в развивающихся странах; выполнение программ по стимулированию экономического роста, развитию человеческих ресурсов, изменению социального статуса женщин и защите окружающей среды. Не случайно основными заемщиками ресурсов в АБР являются государства, имеющие высокий уровень бедного населения, – Индия, Пакистан, Индонезия, Бангладеш.

На решение аналогичных задач ориентирован также другой финансовый институт – Азиатский фонд развития (АФР) (Asian Development Fund, ADF). Он был создан АБР в 1973 г. для консолидации специальных средств на постоянной основе. Его главной задачей является обеспечение поддержки устойчивого социального и экономического развития бедных стран, расположенных в Азии и на островах Тихоокеанского бассейна. АФР так же, как и его материнская структура – АБР, предоставляет на льготных условиях средства развивающимся странам-участницам с низким ВВП на душу населения и низкой вероятностью возврата долга.

Эти институты, несомненно, за прошедший после основания период оказали большое влияние на формирование благоприятной экономической атмосферы в азиатских странах. Однако по своим характеристикам они в небольшой степени могут обеспечивать решение амбициозных задач, связанных с конструированием лидирующих в мире интеграционных систем. Хотя следует отметить, что такие попытки неоднократно делались. В частности, для этого в 1995 г. была проведена реорганизация структуры АБР, при которой были созданы специализированные подразделения, ориентированные на реализацию специализированных программ сотрудничества по группам стран. Зонирование было осуществлено исходя из нескольких критериев: географическая близость; сходность культур, экономических систем и социального строя; стадия развития; пригодность к внедрению программы; границы сотрудничества; минимальное изменение существующих условий для реализации программ АБР. Однако эти реформы не изменили принципиальную ориентированность АБР на решение социальных проблем.

Восточная Азия уже может рассматриваться как реальный объект для проверки гипотезы о том, что сотрудничество в финансовой и монетарной сфере может быть интеграционным приоритетом в большей степени, чем в торговой и производственно-инвестиционной.

Используемая в Европейском союзе теоретическая модель интеграции, а также накопленный опыт ее реализации предлагают другую очередность расширения интеграционных сфер: торговое сотрудничество должно предшествовать монетарному. Предполагается, что выгоды от финансового сотрудничества будут возрастать только по мере роста уровня торговой интеграции. Складывающаяся в АТР (и прежде всего в Восточной Азии) ситуация показывает, что европейский порядок не безусловен. Уже сейчас есть индикаторы, которые показывают, что АТР может стать одним из первых, опровергающих теорию Б. Балласы об этапах интеграции. Ее интенсивность и результативность предположительно будут базироваться в большей степени на основе сотрудничества стран в монетарной и финансовой сферах, нежели в торговой кооперации.

Интенсивное финансовое сотрудничество дает основания утверждать, что период обособленного экономического развития каждого из государств Восточной Азии, который характеризовался стремительными рывками в экономическом и социальном развитии той или иной страны или группы стран в отдельные периоды второй половины XX столетия, подходит к завершению. Процессы глобализации и интеграции, охватившие Восточную Азию, остро поставили вопрос о необходимости установления и быстрого развития эффективного финансового и монетарного взаимодействия между расположенными здесь странами.

Этот интеграционный формат, несомненно, будет являться важнейшим элементом международного взаимодействия в АТР как в период до 2020–2025 гг., так и на длительную перспективу до 2050 г.

Финансовое взаимодействие стран Восточной Азии началось еще в начале 1990-х гг., когда было подписано соглашение РЕПО между 11 центральными банками, по которому страна-участница в случае финансового кризиса могла обменять имеющиеся у нее ценные бумаги американского казначейства на доллары США в Центробанке другой страны – участницы соглашения. Всего в середине 1990-х гг. было заключено 7 таких соглашений в многостороннем и двустороннем форматах.

Однако реальным началом интеграционных процессов стала Чангмайская инициатива (2000 г.), которая последовала за валютно-финансовым кризисом 1998 г. Цель этой инициативы состоит в том, чтобы обеспечить путем подготовки и усиления мер по поддержке ликвидности в Восточной Азии валютную устойчивость стран – участниц договора в случае финансового кризиса. Этим фактически была реализована в рамках международного сотрудничества программа предотвращения распространения отрицательных воздействий от одной из экономик на другие страны.

Одним из важных компонентов Чангмайской инициативы является система двусторонних соглашений по обмену валютами (ДСОВ) и механизмы обратного выкупа валюты (СВОП), охватывающие 13 стран АСЕАН плюс три страны (Китай, Япония, Республика Корея). Так, к 2005 г. было заключено 16 ДСОВ (вместе с общим для стран АСЕАН соглашением) в общей сложности на сумму 58,5 млрд долл. В настоящее время в рамках инициативы на цели валютной стабилизации в рамках двусторонних соглашений страны готовы направить суммы, эквивалентные 120 млрд долл., из которых 96 млрд долл. приходится на страны СВА (табл. 2).

Таблица 2

Параметры расширенной Чангмайской инициативы

Страна, группа стран	Финансовые вливания		Возможность заимствований		Число голосов	
	млрд долл.	%	мультип- ликатор	млрд долл.		%
Китай (всего)	38,4	32,0			40	28,41
– Китай	34,2	28,5	0,5	17,1	35,8	25,43
– Гонконг САР	4,2	3,5	2,5	10,5	4,2	2,98
Япония	38,4	32,0	0,5	19,2	40	28,41
Республика Корея	19,2	16,0	1,0	19,2	20,8	14,77
СВА-3	96	80			100,8	71,59
АСЕАН (10 стран)	24	20			40	28,41
АСЕАН+СВА-3	120	100			140,8	100

Источник: составлено по данным Министерства финансов Японии.

ДСОВ были разработаны и осуществлены для обеспечения поддержки ликвидности странам – членам соглашений, которые испытывают краткосрочные дефициты платежного баланса. Страны Восточной Азии поняли необходимость укрепления сотрудничества для предотвращения распространения отрицательных воздействий финансового кризиса на другие страны. Эти меры внесли вклад в финансовую стабильность в Восточной Азии путем предотвращения чрезвычайных кризисных явлений или отказов в работе финансовых систем стран, что во время азиатского финансового кризиса 1997–1999 гг. вело к распространению финансовых проблем.

Однако механизм реализации договоренностей Чангмайской инициативы оказывается слишком сложным из-за большого количества участников, взаимодействия между которыми регулируются двусторонними договоренностями. В связи с этим Чангмайская инициатива получила свое многостороннее развитие¹ в 2007 г. в виде договоренности о создании так называемого Азиатского стабилизационного фонда, в рамках которой Китай, Япония, Республика Корея и еще 10 стран Восточной Азии договорились выделить часть своих валютных резервов для создания специального стабилизационного фонда, средства которого могли бы использоваться для предотвращения последствий финансовых кризисов. Такой шаг в значительной мере был вызван попыткой снизить зависимость от международных институтов, таких как Международный валютный фонд, которые во время азиатского кризиса 1997–1999 гг. требовали проведения непопулярных экономических преобразований. Средства фонда будут предоставляться в виде займов в рамках антикризисной помощи. Главная цель фонда – поддержать краткосрочную ликвидность и валютные резервы. Создается резерв в рамках уже действующего соглашения о взаимопомощи, заключенного странами Азии после финансового кризиса 1997 г.

Страны Восточной Азии продолжают поиск путей финансового взаимодействия. В 2010–2011 гг. активно обсуждаются три наиболее предпочтительных варианта создания новой, более эффективной системы коллективной финансовой безопасности. Первый предполагает количественные изменения в параметрах резервирования средств, он подразумевает наращивание располагаемых системой

---

¹ *Sussangkarn C. The Chiang Mai Initiative Multilateralization: Origin, Development and Outlook / ADBI. Working Paper. 230. Tokyo, 2010.*

финансовых мощностей в рамках уже существующих СВОП-соглашений. Второй – создание общего Азиатского пула, из которого каждая из стран, оказавшаяся в тяжелом положении, может использовать финансовые ресурсы в заранее оговоренных пределах. Третий – создание системы коллективной безопасности на условиях, предусматривающих принятие странами-участницами соглашения о размещении оговоренной доли своих валютных резервов в коллективном финансовом пуле. Кроме того, разрабатывая защитные финансовые механизмы, страны Восточной Азии интенсифицируют и поиск схем создания Азиатского валютного союза.

Такие финансовые институты имеют не только долгосрочные перспективы функционирования, но и высокий потенциал развития и совершенствования. Особое значение они получают как альтернатива глобальным финансовым организациям, позволяющая решать проблемы без согласования с другими крупными мировыми игроками.

Раздел 3.

ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ РОССИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3.1. Россия и ДФО: на пути к интеграции

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Развитие внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока после 1991 г. имеет объективную составляющую – настроенность региона на международное сотрудничество в гражданских областях экономики, обусловленную географической близостью внешнего рынка и ограниченностью внутреннего рынка. Но есть и отрицательный компонент – катастрофическое разрушение внутреннего рынка и падение конкурентоспособности дальневосточных производителей в результате инфляционного роста издержек и отказа центрального правительства от субсидирования экспорта в формах, обычных до 1991 г.

С началом экономической реформы одним из структурных результатов для Дальнего Востока стало перераспределение совокупных экономических ресурсов в пользу экспортно ориентированных производств за счет традиционно превалирующих в регионе отраслей оборонного комплекса, легкой и частично пищевой промышленности. Если до реформы предприятия ориентировались на агрегатный параметр затраты / выпуск, то с ее началом экономическое поведение не столь быстро, как было задумано, неуклонно должно было

---

¹ *Минакир П.А.* Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1.

переориентироваться на другой агрегатный параметр – цена / объем реализации. Оказалось, что вышеперечисленных отраслей Дальнего Востока подобное переключение автоматически произвести просто невозможно, так как это означает их уход с рынка. И действительно, в полном соответствии с теорией обрабатывающие производства на Дальнем Востоке потеряли не только экономическую прибыль, но и бухгалтерскую. Это и стало объективным основанием для запуска механизма вымывания обрабатывающего сектора из промышленного комплекса региона. Десятилетиями формировавшаяся структура индустрии Дальнего Востока последовательно строилась с целью достижения комплексности, которая, как правило, понималась как автономность и достаточность внутрирегионального рынка для обеспечения процесса расширенного воспроизводства, практически за неполные десять лет оказалась полностью дезорганизованной. Об этом говорит не только изменение сравнительных долей отдельных отраслей, но и, главное, изменение параметров специализации во внутрироссийском разделении труда.

Сравнение коэффициента локализации дальневосточной промышленности в хозяйственном комплексе России показывает, что его величина сократилась с 0,25 в 1990 г. до 0,15 в 1997 г., т. е. за годы реформы концентрация отдельных отраслей в пределах Дальнего Востока стала значительно меньше – явное свидетельство ослабления внутрироссийской специализации регионального промышленного комплекса. Теснота экономических связей в рамках внутрироссийского разделения труда существенно ослабла.

Вышесказанное подтверждает справедливость часто упоминающегося в последнее время тезиса о том, что одним из очевидных, но не обязательно объективных результатов рыночных реформ является дезинтеграция экономического пространства России на макро- и мезоуровнях. В целом региональная экономическая система на Дальнем Востоке пришла за время реформы в состояние относительного равновесия. Это означает, что внутрирегиональный спрос и предложение регионального продукта примерно сбалансированы. Но этот баланс воспроизводится с каждым циклом на все более низком уровне, так как величины экзогенного спроса невелики по сравнению с объемом производимого продукта, а эндогенный спрос также мал в связи с незначительной численностью населения и малыми масштабами экономической деятельности в целом. Это, в свою очередь, означает, что отсутствуют внутренние импульсы для выхода из замк-

нутого круга: низкий внутрирегиональный; спрос – низкие объемы производства – низкие доходы – низкий внутрирегиональный спрос. В такой ситуации естественным выходом было и остается увеличение спроса, внешнего по отношению к региону и национальной экономике в целом.

Таким образом, усиление экспортной ориентации экономики региона является очевидным результатом вытеснения внутренних факторов регионального роста внешними в результате несбалансированной национальной экономической политики. Но нельзя сказать, насколько объективными являются масштабы такого вытеснения. Соответственно, невозможно и утверждать, что экспортная переориентация экономики Дальнего Востока действительно является объективным результатом изменения критериев экономического поведения региональных субъектов хозяйствования. Пока это всего лишь статистический факт, связанный с угнетением внутринационального и сохранением (и даже некоторым увеличением) внешнеэкономического спроса.

Об этом же говорит и то, что масштабы роста объемов экспорта из региона значительно уступают масштабам сокращения производства под воздействием свертывания внутри национального рынка. Следовательно, регион не в состоянии действительно «конвертировать» внешние связи, довольствуясь теми возможностями, которые предоставляются самим внешним рынком. Стоимостной объем экспорта региона за 1991–1998 гг. увеличился в 2,7 раза, стоимостной объем промышленного производства сократился в 2,5 раза. Рост экспорта компенсировал примерно 12% потерь от уменьшения совокупного спроса в промышленности. Очевидно, можно говорить именно об этих пределах реального вытеснения внутринационального спроса внешнеэкономическим. Разумеется, для отдельных отраслей (лесной, рыбной, нефтеперерабатывающей, угольной, цветной металлургии) эти пределы значительно шире.

Оценка реальных возможностей усиления внешнеэкономической ориентации Дальнего Востока как элемента эффективной стратегии рыночного поведения в целом определяется в основном оценкой потенциальной готовности зарубежных партнеров, прежде всего, в Северо-Восточной Азии, принять Дальний Восток в качестве равноправного партнера, а также готовности самого региона выступить таким партнером в ситуации, когда внутринациональный спрос начнет восстанавливаться. Сейчас неясно (это является предметом трудоемких, но необходимых исследований), насколько конкурентоспо-

способность Дальнего Востока выше на внешнем рынке, чем на внутрироссийском.

В дореформенный период основным экспортным рынком Дальнего Востока являлась Япония, потреблявшая основную часть сырьевых ресурсов региона и направлявшая сюда на основе компенсационных кредитных соглашений практически все иностранные инвестиции, привлекавшиеся в угольную, лесную и газовую промышленность.

После начала экономической реформы Япония сохранила свои позиции в области внешней торговли, чему в значительной степени способствовали вложенные в конце 1980-х гг. на Дальнем Востоке японские инвестиции в форме совместных предприятий в лесной и рыбной промышленности.

Вместе с тем, начало экономической реформы и сопутствующая ему либерализация внешней торговли в, целом и импортных операций в особенности быстро выдвинули на второе место во внешнеторговом обороте Дальнего Востока Китай, который уже к 1993 г. занял лидирующие позиции в импорте в регионе (48% общего импорта) (*табл. 1*).

Как японский, так и китайский рынки в первый период реформы активно эксплуатировались благодаря фактору внезапности, наши партнеры оказались не готовы откликнуться на резкое открытие каналов для новых экспортеров и обвальное увеличение предложения ранее недоступной для них сырьевой продукции. Но в этом состоял и секрет кратковременности активизации внешнеторгового оборота, так как рост объемов внешней торговли происходил в основном за счет кратковременных эффектов от форсированной либерализации внешнеторговых операций, переориентации экономических обменов в сторону внешних рынков (главным образом, китайского) на фоне усугубляющегося кризиса производства и сбыта при падении инвестиционной активности и стимулов модернизации экспортных отраслей. Это привело к цикличности внешней торговли региона, и первый спад в ней произошел в 1994 г. на фоне значительного ухудшения ценовой конъюнктуры на внешних рынках и ужесточения торгового режима в российско-китайских отношениях. Внесли свой вклад в циклический спад внешней торговли ухудшение финансового состояния российских предприятий, фактическая девальвация рубля, увеличение таможенных тарифов, в которых центральное правительство увидело один из последних реальных в сложившейся экономической ситуации источников пополнения доходной части федерального бюджета.

Внешняя торговля Дальнего Востока

Страна	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Всего, млн долл.	2728,9	3238,9	2254,0	4180,2	4568,3	5268,5	4552,9
%	100	100	100	100	100	100	100
Япония, млн долл.	960,6	1100,2	1105,1	1361,3	1196,8	1244,0	833,2
%	35,2	34,0	49,0	32,6	26,2	23,6	18,3
КНР, млн долл.	984,1	1188,3	250,6	328,0	926,2	619,7	1040,0
%	36,0	36,7	11,1	7,9	20,3	11,8	22,8
Республика Корея, млн долл.	247,6	188,5	261,9	465,7	635,7	815,5	901,1
%	9,1	5,8	11,6	11,1	13,9	15,5	19,8
США, млн долл.	106,5	104,1	176,0	597,2	541,5	845,1	637,0
%	3,9	3,2	7,8	14,3	11,9	16,0	14,0
Прочие, млн долл.	430,1	657,8	460,4	1428,0	1268,1	1744,2	1141,6
%	15,8	20,3	20,5	34,1	27,7	33,1	25,0

Источник: составлено на основе данных статистических управлений краев и областей Дальнего Востока и таможенной статистики.

Доля Китая во внешней торговле сильно сократилась, но позиции Японии остались весьма прочными, во многом благодаря еще сохранившемуся эффекту экспорта российско-японских совместных предприятий и отсутствию в тот период агрессивной стратегии вытеснения со стороны корейских и американских компаний.

После 1995 г. позиции Японии как во внешней торговле, и в области иностранных инвестиций начали ухудшаться. Большую роль в этом играла сравнительная стратегия поведения на рынке японских, с одной стороны, и американских и корейских с другой стороны, фирм. Конечно, Япония по-прежнему занимает лидирующую позицию во внешнеторговом обороте на Дальнем Востоке, но ее сравнительные показатели ухудшились, как существенно поднялись показатели США и Республики Корея.

Но в целом Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) естественно является основным рынком для Дальневосточного экономического района России. С АТР связано более 75% всего внешнеторгового оборота российского Дальнего Востока. Это означает, что на рынках

стран АТР реализуется в среднем более 15% всего производимого внутреннего регионального продукта региона.

В 1995–1997 гг. для внешней торговли Дальнего Востока был характерен второй кратковременный циклический подъем (см. *табл. 1*), которому способствовало улучшение международной конъюнктуры, некоторое смягчение таможенного режима и нарастание платежного кризиса в России, что резко повысило для российских производителей ценность ликвидных активов, фактически привело к псевдодевальвации рубля (которая, кстати, стала реальной девальвацией через 2,5 года). Начиная с этого этапа внешнеторгового цикла в структуре внешней торговли кроме гражданской продукции появилась и военная техника, благодаря чему структура дальневосточного экспорта сразу облагородилась, но вместе с тем появился и новый дополнительный и очень сильный циклический фактор, связанный с циклами спроса на военную технику за рубежом. К примеру, в 1996 г. доля машин и оборудования в экспорте Дальнего Востока составила более 23%, но уже в 1997 г. этот показатель снизился более чем вдвое.

В течение 1992–1997 гг. импорт был весьма стабилен по структуре, но так же подвержен циклическим колебаниям, главным образом в связи с колебаниями доступности китайского рынка, в то время как параметры ценовой конъюнктуры и внутрироссийский спрос оставались достаточно устойчивыми по той причине, что импорт на Дальний Восток с 1992 г. имел характер дополняющих до равновесного предложения поставок в основном на потребительском сегменте рынка и на рынке продовольствия. Предпринятые правительством попытки повысить покупательную способность предприятий, нуждающихся в модернизации производства, путем снижения импортных пошлин на широкую номенклатуру продукции машиностроения не оказали никакого влияния на товарную структуру импорта Дальнего Востока. Доля машин и оборудования в структуре импорта региона в течение всего периода после 1992 г. была сравнительно стабильна (в среднем 29%), только немного увеличилась в 1997 г. – до 35%. В то же время и меры, преследующие цель ограничить импорт товаров потребительского спроса, защитить отечественных производителей, не оказали сдерживающего воздействия на рост импорта этой товарной группы.

Это объясняется рядом причин.

Во-первых, продолжающимся спадом производства в отраслях, производящих данные виды продукции. Это уже привело к тому, что

по некоторым видам продовольственных и непродовольственных товаров доля их импорта в розничном товарообороте зарегистрированных предприятий всех форм собственности доходит до 70% (масло, мясная продукция, бытовая техника и др.).

Во-вторых, высокие транспортные тарифы, низкая конкурентоспособность отечественной продукции поддерживают высокий спрос на импортные товары.

В-третьих, стабильный спрос на импортные товары потребительского спроса, главным образом продукты питания, обеспечивает высокую рентабельность внешнеторговых операций, несмотря на высокий уровень таможенных платежей, а фискальный характер, который зачастую носил импортный тариф, способствуя смягчению проблемы дефицита бюджета страны, вызывал повышение потребительских цен.

Очередной спад во внешней торговле в 1998–1999 гг. был спровоцирован девальвацией рубля, а точнее, неконтролируемым крушением обменного курса, что было связано с удивительным по упорству сопротивлением Центрального банка России и правительства объективно напрашивавшемуся снижению курса рубля по отношению к доллару США на 30–50% в октябре 1997 г., а затем на 50–70% в мае 1998 г. Это было общей причиной для неприятностей во внешней торговле России. На Дальнем Востоке девальвация рубля сопровождалась и очередным циклическим падением внешнеторговых цен.

Объем внешней торговли Дальнего Востока в 1998 г. составил 4552,9 млн долл., что на 14,6% ниже уровня 1997 г. Сокращение внешнеторгового оборота произошло как за счет экспорта – на 21,4%, так и импорта – на 33,2%. Средние контрактные цены экспорта на уголь упали в 1998 г. на 23%, нефтепродукты – на 29%, на цветные металлы – на 20%. Девальвация рубля к концу года существенно повысила рублевые доходы экспортных отраслей Дальнего Востока и укрепила их финансовое положение. Вместе с тем улучшились финансовые параметры региональных бюджетов, а также в какой-то мере положение с платежами в коммерческом секторе экономики региона. Это привело к некоторому оживлению в целом в экономике, особенно в тех субъектах РФ, где концентрируется основная часть экспортного производства и наиболее сильный стимул к росту получили сами экспортные отрасли. Однако в 1998 г. они еще не успели развернуть свои производственные программы из-за довольно длительного финансового шока и платежного кризиса в связи с дефолтом.

В 1999 г. вполне проявились положительные эффекты девальвации рубля во внутреннем производстве, обусловив значительный рост в экспортных отраслях. По итогам шести месяцев 1999 г. прирост производства в стоимостном выражении составил 5% в электроэнергетике, 33,5% – в производстве нефтепродуктов, 29% – в заготовке деловой древесины. В целом эффект девальвации в 1999 г. по темпам регионального роста оказался равным приблизительно +3%. В действительности стимул мог бы быть гораздо больше, поскольку значительно выросли рублевые доходы от экспорта в этих отраслях. Однако продолжающийся спад конъюнктуры на внешних рынках дальневосточного сырья, вызвавший падение цен, привел к общему снижению экспорта по стоимости за этот период на 27%. Другой важный эффект девальвации рубля – замещение импорта отечественной продукцией и повышение в связи с этим внутреннего спроса – очень слабо проявляется на Дальнем Востоке, так как в структуре региональной экономики доля импортозамещающих производств невелика и потенциал их весьма слаб.

Жесткая зависимость динамики внешней торговли Дальнего Востока от конъюнктуры рынков стран АТР не свидетельствует пока о значительной интеграции региона с этим сегментом мировой экономики, зато свидетельствует о сильном эффекте дезинтеграции Дальнего Востока с внутренними регионами России и странами СНГ.

Увеличение в экспорте и импорте Дальнего Востока доли продукции производственного назначения в 1998–1999 гг. стало результатом общего спада в стоимостных объемах внешней торговли и очередного витка цикла продаж военной продукции. В структуре экспорта удельный вес машинотехнической продукции составил в 1998–1999 гг. 27,6% против 15% в 1997 г., а в импорте доля аналогичной группы товаров достигла 44,6% против 31,9% в 1997 г. В экспорте рост удельного веса данного вида продукции был обусловлен увеличением военных поставок, в импорте – сокращением поставок из-за рубежа продуктов питания и товаров народного потребления.

К 2000 г. внешняя торговля Дальнего Востока осуществляется с 95 странами мира. За последнее время возросло значение Азиатско-Тихоокеанского региона и прежде всего стран Северо-Восточной Азии – Японии, Китая, Республики Корея, а также США. Доля этих стран во внешней торговле Дальнего Востока в 1998 г. достигла 76%, в том числе 78,2% регионального экспорта и 72,7% импорта. Столь же явно продолжается изменение сравнительных позиций отдельных

стран. Снижается роль Японии, доля которой во внешнеторговом обороте в 1998 г. упала до 18,3%, главным образом за счет уменьшения объемов поставок в эту страну рыбы и морепродуктов, угля и лесоматериалов. В то же время растет удельный вес Республики Корея – до 19,8% в 1998 г. Важно отметить, что если ранее рост объемов торговли с Республикой Корея происходил за счет увеличения закупок товаров народного потребления и продуктов питания, то в настоящее время эта страна выступает в качестве основного поставщика в регион инвестиционной продукции, в частности оборудования для реализации нефтегазовых проектов на Сахалине. Начавшийся период инфляционного роста в Китае обусловил сравнительное улучшение конъюнктуры китайского рынка для Дальнего Востока, что выразилось в новом подъеме внешней торговли с Китаем.

В отличие от положения во внешней торговле, подверженной воздействию коротких циклов, в основе которых лежат главным образом внешние конъюнктурные причины, инвестиционное сотрудничество характеризуется более или менее гладким трендом.

Для наиболее популярной в конце 1980-х – начале 1990-х гг. формы совместных предприятий этот тренд имеет отрицательный наклон. Начиная с 1994 г. количество вновь регистрируемых совместных предприятий постоянно уменьшалось, а после 1997 г. и кумулятивный показатель количества зарегистрированных и действующих совместных предприятий начал снижаться. Если в 1997 г. в регионе было зарегистрировано почти 2800 совместных предприятий, из которых реально работали 37%, то на 1 января 1999 г. на территории Дальнего Востока было зарегистрировано всего 1757 предприятий (75,6% к 1997 г.), из них реально работали только 31,5%. Это стало подтверждением давно выдвинутой гипотезы, согласно которой необходимым условием для вложения капитала в российскую экономику является доступ к природным ресурсам, имеющим хорошую конъюнктуру на мировом рынке, но достаточным условием является эффективное функционирование стационарных рыночных механизмов и защита прав собственности в России. Именно поэтому в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. хотя и по убывающей, но происходил приток иностранного капитала в форме совместных предприятий: стимул, обусловленный наличием природных ресурсов и их экспортом, был очень высок, и столь же высоки были ожидания относительно быстрой стабилизации рыночных механизмов и прав собственности в России. Конечно, большое значение имело и ухуд-

шение инвестиционного климата, но последний является обобщающей характеристикой, в основе которой лежат не столько фискальные стимулы, сколько упомянутые выше.

Стремление региональных органов власти компенсировать ухудшение общефедерального инвестиционного климата за счет различных местных инициатив смогло несколько затормозить нарастание разочарований инвесторов, но полностью локализовать процесс вымывания совместных предприятий не удалось. Следует учесть также и то, что значительная часть зарегистрированных в период до 1995 г. совместных предприятий имели в основе китайский капитал и по существу были фиктивными с самого начала, что, впрочем, также свидетельствует не столько о злом умысле инвесторов, сколько о неприемлемости сравнительного инвестиционного климата в регионе для нормального функционирующего капитала. Законодательную нишу поэтому и занимал капитал изначально мертвый с точки зрения реального производства.

Между тем по состоянию на 1 октября 1998 г. балансовый итог иностранных инвестиций на Дальнем Востоке составил порядка 1,2 млрд долл. США занимают лидирующие позиции среди стран-инвесторов по объему инвестиций на территории российского Дальнего Востока, составляющему 50,2% от общего объема накопленных иностранных инвестиций в регионе. Значительно слабее позиции Японии и Республики Корея, в последние годы происходит сокращение их удельного веса в общем объеме иностранных инвестиций. Как представляется, это связано с тем, что прибыльность капиталовложений в сектор внешней торговли существенно снижается, а идти на риск инвестирования в крупные проекты производственного и инфраструктурного характера японские и южнокорейские фирмы не готовы. Правда, следует учесть, что значительные инвестиции в сахалинские проекты, которые регистрируются как американские, фактически являются японскими.

В целом сравнительные показатели участия Дальнего Востока в международном рынке капиталов выглядят привлекательными: это почти 450-процентный рост иностранных инвестиций за 9 лет, большая доля прямых инвестиций (75,8%), – однако масштабы этого участия пока не дают никакого основания говорить о приближении региона к состоянию стабильного кооперирования в сфере обмена факторами производства. И в этом смысле обращает на себя внимание практически полное отсутствие на Дальнем Востоке портфельных

инвестиций из зарубежных стран. Сходная картина наблюдается и для Российской Федерации в целом, что объясняется как неразвитостью фондового рынка, так и плохим экономическим положением большинства предприятий в стране.

Ведущей сферой приложения иностранного капитала на российском Дальнем Востоке является промышленность, доля которой в общем объеме иностранных инвестиций в регионе составила 69,1% на начало 1998 г. и 82,4% в текущих инвестициях за 9 месяцев этого года. Иностранные капиталовложения в промышленности сконцентрированы практически исключительно в отраслях специализации Дальнего Востока – цветной металлургии и золотодобывающей промышленности, рыбодобыче и рыбопереработке, а также в лесной промышленности.

Большие ожидания Дальнего Востока связаны с международным сотрудничеством в структурных преобразованиях энергетического сектора. Эти ожидания имеют объективную основу и обусловлены взаимодополняющим взаимодействием между сравнительными преимуществами на стороне энергетики Дальнего Востока и энерго-экономическими возможностями и целями на стороне сопредельных стран Северо-Восточной Азии, прежде всего Японии и Китая.

Энергетическая кооперация Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии обладает потенциалом в узком аспекте экспортно-импортных торговых отношений. Этот потенциал усиливается наличием трех более широких целей в рамках Северо-Восточной Азии:

- энергетической безопасностью;
- сотрудничеством в энергетике ради экономического развития;
- повышением эффективности и экологической устойчивости.

Благоприятная международная перспектива для энергетики Дальнего Востока дополняется внутренними сравнительными преимуществами региона. Упомянем только такой фактор, как благоприятные условия внутреннего спроса на энергию. Масштабы спроса пока оказывают сдерживающее влияние на реальное воплощение сравнительных преимуществ в производстве энергии в регионе. Основываясь на самых оптимистичных оценках объемов внутреннего спроса, невозможно создать на Дальнем Востоке мощные рентабельные топливно-энергетические предприятия, включая такие реальные проекты, как Сахалин-1, Сахалин-2, Сахалин-3. Тем не менее, даже принимая в расчет существенные ограничения в поддерживающей инфраструктуре, основные перспективные энергетические проекты в регионе являются

коммерчески эффективными в силу высокого эффекта отдачи на масштаб производства, особенно с учетом международной кооперации, которая уже начала осуществляться в сахалинских проектах.

Современный этап международной кооперации Дальнего Востока в АТР внешне напоминает этап 1960-х – 1970-х гг., когда она основывалась в самом регионе почти исключительно (не считая прибрежной торговли) на крупных компенсационных проектах с привлечением иностранного капитала. В последнее время также проявился акцент на крупные инвестиционные проекты, среди которых общеизвестны сахалинские нефтегазовые проекты шельфа, крупные инвестиционные проекты США и Малайзии в лесной промышленности, активно разворачивающиеся подготовительные работы по проекту использования восточносибирских и якутских месторождений природного газа. Оценка такого положения дел двойственна. С одной стороны, это свидетельствует о солидности и стабильности международного сотрудничества, о его долговременном аспекте. С другой стороны, это является сигналом относительно того, что условия для инвестиционного сотрудничества и для экономического сотрудничества в целом на Дальнем Востоке адекватны в основном для крупного бизнеса, а еще лучше – для проектов, поддерживаемых на государственном уровне. Действительно же широкое международное сотрудничество и активное участие в функционировании конкурентных международных рынков товаров и производства предполагает наличие в регионе стационарных условий приложения капитала и ведения торговли для остальных стран-участников кооперационного процесса.

В АТР естественные основания для участия в международной экономической кооперации существенно не выделяют российский Дальний Восток с худшей стороны. Как показано в таблице 2, регион имеет не самый лучший рейтинг по абсолютным преимуществам (10 баллов – столько же, сколько Австралия с Новой Зеландией, но ниже, чем все остальные участники), но он мало отличается от рейтингов НИС, АСЕАН и Северо-Восточного Китая.

Значительно проблематичнее ситуация в области сравнительных преимуществ. Однако наиболее важным является к настоящему времени способность региона, особенно с учетом вхождения России в АРЭС, обеспечить сопоставимые с основными партнерами в АТР и Северо-Восточной Азии условия конкуренции и функционирования капиталов, стационарные рыночные условия и механизмы регулирования.

Эта задача в настоящее время выдвигается на первый план и от ее решения будет зависеть действительная стратегическая конкурентоспособность региона на рынке капиталов, технологий и товаров в АТР и Северо-Восточной Азии. Разумеется, ее решение лишь отчасти может быть выполнено в рамках самого региона, хотя и от усилий дальневосточных субъектов РФ, в первую очередь в создании согласованного административного, экономического и фискального режимов, зависит многое. Однако без четкой политической позиции федерального центра, ориентированной на обеспечение эффективного включения России своим Дальним Востоком в АТР, в адаптации экономического механизма к стационарным режимам основных стран-партнеров Дальнего Востока по АТР и Северо-Восточной Азии задача не может быть решена.

Таблица 2

Абсолютные преимущества отдельных стран в АТР

Страна	Емкость рынка	Природные ресурсы	Капитальные средства	Инвестиционные товары	Уровень технологий	Трудовые ресурсы
США	4	3	4	3	4	1
Япония	3	1	4	4	4	1
Австралия, Новая Зеландия	2	3	1	1	2	1
НИС	2	1	2	2	2	2
АСЕАН	2	3	1		1	3
КНР	2	3	1	1	1	4
Северо-Восточный Китай	2	3	1	1	1	4
Россия	2	4	1	1	3	3
Дальний Восток	1	4	1	1	2	1

Примечание: ранг 1 показывает наличие минимальных преимуществ, ранг 4 – максимальных.

Источник: Kim E. Political Economy of the Tumen River Basin Development: Problems and Prospects // Journal of Northeast Asian Studies. 1992. Vol. 11; для Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока – оценка автора.

Финансовый кризис в России в 1998 г., казалось, изменил ситуацию в лучшую сторону с точки зрения включения России в целом и Дальнего Востока в частности в мировое хозяйство. Общеизвестны положительные эффекты девальвации, которые начали проявляться уже с конца 1999 г. К ним относятся:

- повышение ценовой конкурентоспособности российской продукции на мировых рынках, что проявилось в оживлении экспортных отраслей экономики, увеличении портфеля заказов в целом по экономической системе и усилении уверенности предпринимателей в экономической конъюнктуре;

- снижение ценовой конкурентоспособности импортной продукции на российском рынке, что привело к частичному вытеснению импортных товаров и услуг и, соответственно, к увеличению совокупного спроса, что также способствовало повышению уровня конъюнктуры;

- улучшение положения в денежном обороте за счет увеличения поступления конвертированных в рублевую массу экспортных доходов во внутренний денежный оборот; правда, этот эффект оказался слабее ожидавшегося, так как значительная часть валютных доходов не конвертируется в рублевую массу, а затрачивается на технологический импорт и покрытие долговых обязательств по валютным заимствованиям;

- увеличение доли налоговых платежей и доли платежей в коммерческом обороте, которые осуществляются в денежной форме; это улучшило показатели собираемости налогов и сформировало высокий уровень ожиданий стабильного спроса в экономике, что само по себе приводит к улучшению конъюнктуры.

Известны и ограничения, которые не позволили реализовать полностью положительные эффекты:

- уровень технологии российских предприятий почти во всех отраслях; это особенно существенно с точки зрения наращивания экспорта в добывающих отраслях, которые, как и состояние производственного аппарата, не позволяют без достаточных дополнительных инвестиций в полной мере заменить выпадающий в результате девальвации импорт и начать реализовать эффект от масштаба выпуска (прежде всего в обрабатывающей промышленности);

- возможности по наращиванию сырьевого экспорта вообще ограничены в связи с не очень большой эластичностью экспорта сырья по цене; кроме того, существенное увеличение объемов сырьево-

го экспорта способно обрушить мировые цены, что может привести уже к потерям во внешней торговле, – история с ценами на нефть служит хорошей иллюстрацией этого тезиса;

- инфляционные процессы, запущенные девальвацией, «съедают» большую часть девальвационных эффектов, инфляция на внутреннем рынке приводит к сокращению ценовых конкурентных преимуществ, а при отсутствии сопоставимости по качественным характеристикам замена импортной продукции становится в ряде секторов весьма проблематичной, что, в свою очередь, повышает инфляционные ожидания.

Для Дальнего Востока реализация дефляционных эффектов оказалась еще более трудным делом, чем для страны в целом. Это связано со следующими обстоятельствами:

- в структуре промышленного производства доля отраслей, конечного потребления намного ниже, чем в среднем по России, поэтому эффект увеличения внутреннего спроса в результате снижения ценовой конкурентоспособности импортной продукции в регионе намного слабее, стимулирующим является только рост экспортной выручки, а не вытеснение импорта с внутреннего рынка;

- основная часть кредиторской задолженности в регионе является задолженностью энергетическим компаниям и, следовательно, за поставляемые извне энергоносители, поэтому рост денежной массы в результате увеличения экспортных доходов распределяется между внешними для региона кредиторами, не продуцируя на самом Дальнем Востоке сильных монетарных импульсов;

- подавляющей частью дальневосточного экспорта является транспортное сырье, при этом транспортные и перегрузочные в портах тарифы фиксируются в валюте, а потому после девальвации рубля транспортная составляющая в затратах по-прежнему осталась высокой;

- поставки техники и технологических компонентов для добывающих отраслей промышленности на Дальнем Востоке осуществляются почти исключительно по импорту, что также оставило без изменения эту часть затрат после девальвации и существенно уменьшило прирост рублевых доходов в результате изменения курса рубля.

Весьма правдоподобным поэтому является предположение, что вряд ли стоит надеяться на стратегические возможности Дальнего Востока, которые связаны с модификацией девальвационных эффектов в эффекты мультиплицирующие. Под такой модификацией име-

ется в виду то, что начавшееся в связи с воздействием эффектов девальвации и обесценения рубля оживление конъюнктуры на внутри-российском рынке приведет к росту ожиданий повышения прибыльности бизнеса у инвесторов, а это, в свою очередь, стимулирует рост инвестиций, что будет означать превращение девальвационного оживления в фазу оживления конъюнктурного цикла. Кстати, признаки подобного развития событий уже регистрировались в конце 1999 г. в форме роста стоимости наиболее ликвидных ценных бумаг на фондовой бирже. Разумеется, для реализации такой тенденции и, главное, ее закрепления необходимо обеспечить ряд институциональных модификаций на федеральном уровне. К их числу относятся налоговая реформа, усиление гарантий и защиты прав собственности, реформа в области норм и правил доступа на рынок, особенно для малого бизнеса, корпоративная и судебная реформы¹ и т. п.

Однако для Дальнего Востока, учитывая узость внутреннего рынка и низкую конкурентоспособность его производителей на внутрироссийском рынке, а также, как отмечалось выше, слабую отрицательную зависимость роста объемов производства от сокращения импорта, вероятность подобной модификации сама по себе невелика. Перспективы формирования нормального конъюнктурного цикла в регионе связаны все-таки преимущественно с экспортными возможностями. Поэтому для Дальнего Востока критически важным является возможность наращивания и диверсификации экспортного производства. Последнее невозможно без прогресса в области ценовой и неценовой² конкурентоспособности региональной продукции. А прогресс в сфере конкурентоспособности для региона будет невозможен без привлечения иностранных капиталовложений в экспортные сферы деятельности.

---

¹ Имеется в виду, что нынешняя ситуация в этой сфере весьма напоминает очередную «институциональную ловушку»: инвестиционный процесс вряд ли сможет стартовать без активизации процесса аккумулирования сбережений населения в инвестиционных фондах и ценных бумагах, в то же время население, наученное горьким опытом ваучеризации (да и потенциальные «зарубежные отечественные» инвесторы), не станет вкладывать деньги в экономику, без четких законодательных гарантий, подтвержденных судебной практикой, что оно получит свою часть прибыли от использования своих денег в процессе экономического роста, который последует за инвестициями.

² В сфере качества продукции, методов управления производством.

ИНТЕГРАЦИЯ С ЭКОНОМИКАМИ АТР И СВА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

В начале 1960-х гг. академик В.С. Немчинов впервые для условий планового централизованного хозяйства сформулировал экспортную концепцию развития дальневосточного региона России, имея в виду экспорт в сопредельные тихоокеанские страны². Эта идея лишь на первый взгляд имела сугубо практический смысл. В основе ее лежал поиск способа включения замыкающих ресурсов в хозяйственный оборот. Однажды в советский период развития этот способ уже был использован. Но тогда, в 1920-е гг., еще не существовало централизованного планирования, и региональное развитие было организовано по рыночному принципу, хоть и с сильным государственным контролем. Таким образом, эта идея в действительности предвосхитила грядущий через 40 лет рыночный переворот. Уже с 1964 г. эта идея начала на практике воплощаться в жизнь в форме компенсационных соглашений³. А в 1986 г. она оказалась востребована и политически, превратившись с тех пор в общеупотребительную формулу. Эта идея проходила красной нитью через концептуальные декларации всех трех государственных программ развития экономики Дальнего Востока и Забайкалья – 1987, 1996 и 2002 гг.⁴

---

¹ Минакир П.А. Интеграция с экономиками АТР и СВА: вызовы для России и Дальнего Востока // Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2006.

² «...Запасы железной руды Забайкалья и Дальнего Востока ... коксующиеся угли Чульмана и Нерюнгри, лесные ресурсы Амура, Буреи и Зеи, газ Вилюя могут быть экономически оптимально использованы только при условии, если развитие забайкальского и дальневосточного хозяйства ориентировать на экспорт» (Немчинов В.С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы экономики. 1961. № 6).

³ Компенсационные соглашения с Японией по разработке лесных, угольных ресурсов и разведке месторождений природного газа.

⁴ Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2002.

В конце 1980-х гг. Р. Скалапино¹ выдвинул концепцию «естественной экономической территории», имея в виду объективную предрасположенность Северо-Восточной Азии к развитию экономической кооперации составляющих ее стран, что основано на естественном распределении факторов производства и экономических ресурсов в этом субрегионе Азиатско-Тихоокеанского региона (табл. 1). Наличие двух групп стран с взаимодополняющими экономическими ресурсами и являлось основой данной концепции. В дальнейшем она была развита многими исследователями стран, входящих в этот субрегион, как концепция «региона Японского моря», концепция «япономорского экономического кольца», концепция «интеграции экономик Северо-Восточной Азии»².

Таблица 1

**Размещение факторов производства и природных ресурсов
в Северо-Восточной Азии**

Страна	Капитал	Технология	Труд	Природные ресурсы
Япония	***	***	—	—
Республика Корея	**	**	—	—
КНР	**	—	***	***
Тихоокеанская Россия	—	—	—	***
Монголия	—	—	**	*
КНДР	—	—	—	—

Примечание: *** – изобильные ресурсы, ** – достаточные ресурсы, * – ограниченные ресурсы, – отсутствие фактора или ресурса.

Идея экономической кооперации в рамках Северо-Восточной Азии была с энтузиазмом воспринята и в России. Именно эта идея была положена в основу аналитических и официальных концепций экономической кооперации восточных районов страны в АТР. Одной из причин такой легкости проникновения этой концепции в Россию и ее восточные регионы являлась, очевидно, ее узнаваемость. Ведь теория экономического районирования и размещения производи-

¹ Профессор университета Беркли, Калифорния, США.

² Наиболее активными создателями этих концепций являлись К. Канамори, К. Огава (Япония), Р. Скалапино, Ли Цзэй Чо (США), Ши Мин (КНР).

тельных сил основывались именно на обусловленном ресурсной взаимодополняемостью территориальном разделении труда¹. Эта концепция также предлагала чрезвычайно простую интерпретацию экономических преимуществ России в этой формирующей интеграционной группировке (см. *табл. 1*). Действительно, России отводилась естественная и привычная для нее роль поставщика изобильных природных ресурсов, которые и представлялись абсолютным преимуществом России на фоне бедных ресурсами других стран Северо-Восточной Азии.

Экономический механизм подобной интеграции представлялся столь же простым, сколь и эффективным: Россия обменивает имеющиеся для нее низкую оценку природные ресурсы на капитало-, науко- и трудоемкую продукцию других стран субрегиона, которая имеет высокую оценку для России. И наоборот.

По существу России была предложена модель «ресурсной ловушки». Эта «ловушка» представлялась в середине 1980-х гг. естественным способом интеграции тихоокеанской России с рынками стран Северо-Восточной Азии, что должно было содействовать и включению всей российской экономики в эту интеграцию.

Россия и Дальний Восток в АТР и СВА

Прогресс в политическом встраивании России в Азиатско-Тихоокеанский регион мира очевиден, особенно учитывая «низкий старт». После многолетних попыток в 1998 г. Россия официально вступила в состав форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В этот Форум входят практически все азиатские и американские государства бассейна Тихого океана². В 2000 г. в документе, озаглавленном «Концепция участия России в форуме «Азиатско-тихоокеанское сотрудничество» сформулирована задача «выделить азиатско-тихоокеанское направление в качестве одного из приоритетных в общей композиции российской внешней

---

¹ Экономическая интеграция: пространственный аспект / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004.

² Кроме России в АТЭС входят Канада, США, Мексика, Перу, Чили, Китай, Япония, Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея.

политики». В течение последних лет многосторонние и двусторонние политические связи России в этом регионе интенсивно развиваются. Формально политическое внимание России к Азиатско-Тихоокеанскому региону вполне соответствует все более возрастающему статусу АТР на фоне глобальных экономических и политических процессов. Однако в реальности степень вовлеченности России в процессы международной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе «мягко говоря» недостаточна. Россия является одной из двух стран-членов АТЭС (вторая – Папуа – Новая Гвинея), которые не входят в состав региональных интеграционных объединений¹. Следовательно, Россия не получает никаких выгод от экономического сотрудничества, которые отражены рядом региональных торговых соглашений между странами-участниками АТЭС. Эти соглашения предусматривают ряд реальных выгод и преференций, которые никак не затрагивают Россию, 80% импорта которой поступает из других стран и макрорегионов мира.

В очередной раз повторяется старая история – Россия никак не может определить для чего ей нужна такая организация, как АТЭС, но в то же время пренебрегает реальными возможностями, которые уже сегодня предоставляет эта организация.

Между тем, доля АТР (без американских членов АТЭС) в экономике трех основных центров мирового хозяйства (Северной Америки, Западной Европы и АТР) постоянно повышается и в перспективе до 2010 г. будет продолжать меняться в пользу азиатской части АТЭС. Если же оценивать экономическую роль «Большого АТР» (включая всех членов АТЭС), как глобального игрока, то роль этого региона становится определяющей всю мировую динамику и потенциал: треть населения земного шара (2,6 млрд чел.), почти 60% мирового ВВП (19,25 трлн долл.) и около 47% мировой торговли. А к 2010 г. доля региона в международной торговле превысит 53% (табл. 2), доля в производстве ВВП превысит 70%.

Непрерывно увеличивается и значение АТР, как фрагмента мирового рынка капитала. В течение 1990-х гг. объем прямых иностранных инвестиций в Китай, Тайвань, КНДР, Республика Корея, Япония) увеличился в 5 раз. Наиболее активно привлекал инвестиции «Большой Китай» (Макао, Гонконг, Тайвань, Сингапур) –

---

¹ АПЕС Economic Outlook – 2004. АПЕС Economic Committee, 2004. P. 64.

более 80% иностранных инвестиций, вложенных в Южную, Восточную и Юго-Восточную Азию. Восточная Азия все в большей степени начинает играть роль огромного «инвестиционного пылесоса», который втягивает все большую часть мирового капитала.

Таблица 2

Доля регионов в мировой торговле, %

Регион мира	1986	1996	2010
АТР (АТЭС – НАФТА)	21,2	30,8	34,3
НАФТА	22,2	19,8	19,2
ЕС	44,3	39,2	36,8
Остальной мир	12,3	10,2	10,0

Источник: рассчитано по: Золотая книга российского предпринимательства. Ч. 2. М.: АСМ, 1998.

В рамках Восточной Азии с середины 1980-х гг. все более отчетливые очертания начал принимать субрегион «Северо-Восточная Азия» в составе Японии, Китая, Республики Корея, КНДР, Монголии и Дальнего Востока России. Идея Р. Скалапино об «естественности» этой территории, окружающей Японское море, становится все более реальным политическим и даже экономическим фактом. Правда, некоторая искусственность в выделении субрегиона «Северо-Восточная Азия», безусловно, присутствует. На некоторые вопросы ответить невозможно, и потому их пытаются не задавать.

Во-первых, какое отношение к бассейну Японского моря (географическому критерию выделения субрегиона) имеет Монголия? Наиболее простой и вместе с тем отвечающий реальной истории вопроса, ответ – Монголия заинтересована в том, чтобы присутствовать в «клубе», членами которого «по экономико-географическому праву» являются могущественные соседи Монголии (Китай и Россия). Это – вполне разумное желание, учитывая, что большие державы не очень-то стремятся учитывать наличие держав малых. Поэтому разумно для Монголии постоянно «мозолить глаза», не давать забыть о себе, заявлять о наличии собственных интересов, попробовать использовать коалиционные возможности, которые предоставляет любая группировка, в состав которой входит более двух партнеров. Однако при этом с точки зрения экономического потенциала, географического положения, ресурсной взаимодополняемости Монголия

представляется «инородным телом», что вполне естественно не могло не проявиться в ходе интеграционных процессов внутри группировки.

Во-вторых, как может быть интегрирована с остальными странами СВА Корейская Народно-Демократическая Республика? С точки зрения географии ее нахождение в составе «шестерки» не вызывает сомнений. Но эта страна абсолютно несовместима с остальными с точки зрения экономического механизма, политической системы, характера участия в мировой экономике, гуманитарных процедур, кросс-культурных механизмов, экономического потенциала. Конечно, в течение длительного времени обсуждаются варианты объединения двух корейских государств. В случае, если такое объединение произойдет в действительности, возникшая «пятерка» будет вызывать существенно меньше вопросов. Но велики ли шансы, что объединение действительно произойдет в обозримом будущем? Для этого необходимо, чтобы совпали интересы всех участвующих в разрешении конфликта на Корейском полуострове сторон. А таких «сторон» шесть – Республика Корея и КНДР, Китай, США, Россия и Япония. Оказывается, что, несмотря на пышную риторику, к которой прибегают все шестеро, чтобы заверить и себя, и партнеров в приверженности идее объединения корейских государств, реальная заинтересованность в объединении – миф¹. КНДР не заинтересована в объединении, так как это привело бы к изменению всей политико-экономической системы, устранению правящей элиты и крушению традиционного общества, каковым является современная КНДР. Последнее опасно уже не просто для политической элиты, но и травматично для широких масс населения. Республика Корея опасается финансово-экономического краха в случае объединения, так как сравнительная цена, которую придется за это заплатить в разы выше, чем цена, уплаченная за воссоединение двух Германий тогдашней ФРГ.

---

¹ Излагаемые ниже соображения относительно конфигурации интересов участников шестисторонней комиссии по урегулированию корейской проблемы были высказаны Р. Скалапино в процессе частных обсуждений этой проблемы с автором и в рамках доклада на международном симпозиуме «Северо-Восточная Азия и Монголия: возможности и вызовы», который проводился Азиатско-Тихоокеанским центром исследований по проблемам безопасности Гавайского университета 8–10 ноября 2005 г. в Гонолулу, США. Автор вполне разделяет точку зрения Р. Скалапино.

Китай совершенно не заинтересован в приближении американских баз к своей сухопутной границе. Россия не заинтересована в потере своего влияния на Корейском полуострове, а это обязательно произойдет после объединения, нынешнее (хотя и слабое) влияние России исчезнет, очередная «сфера российских интересов» перейдет к США. Япония не заинтересована в политическом усилении Республики Корея. США не заинтересованы в ослаблении напряженности в этом регионе, так как при этом исчезают «естественные» причины военно-политического контроля США.

В-третьих, не понятен статус России в Северо-Восточной Азии. Россия в целом не может быть «естественным» партнером в такой группировке – слишком мелок географический объект, а главное заключается в том, что Китай, Япония и Республика Корея являются глобальными партнерами Российской Федерации и переводить это партнерство на субрегиональный уровень значит «потерять качество». В то же время Дальний Восток, который географически является естественной частью Северо-Восточной Азии, институционально такой частью быть не может, во всяком случае, он не имеет возможности играть активную роль. Тем более, что подобного субъекта («Дальний Восток») вообще фактически не существует. Это – не более, чем некая терминологическая условность. В действительности существуют десять субъектов Российской Федерации, расположенных на пространстве, которое называется «Дальний Восток».

Эти вопросы отражают реальные проблемы, а ответов на них пока нет. Это отражается в том, что реально географический регион «Северо-Восточная Азия» состоит из двух совершенно несопоставимых частей. Во-первых, это собственно «Большая тройка» в составе Японии, Китая, Республики Корея. Во-вторых, это «размытая периферия» в составе Дальнего Востока России, Монголии и КНДР¹.

Именно в рамках «Большой тройки» происходит интенсивное расширение торгово-экономических связей в субрегионе СВА. В 2003 г. японо-китайский товарооборот достиг 132 млрд долл. (в 2001 г. 89,3 млрд долл.). Взаимная торговля между КНР и Республикой Корея за этот период увеличилась с 35,9 до 63,2 млрд долл. Объем японо-южнокорейской торговли составил 51,4 млрд долл.

---

¹ *Минакири П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005. № 4.

(в 2001 г. – с 42,7 млрд долл.). Хотя сравнительно с Европейским Союзом или НАФТА роль внутрирегиональной торговли в СВА пока еще не велика и находится на уровне 24–30%, в пределах «Большой тройки», она постоянно увеличивается, замыкая субрегиональные экономические взаимодействия рамками этих экономик. В то же время доля России в товарообороте Северо-Восточной Азии не превышает 1%.

Россия продолжает оставаться на периферии экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и Восточной Азии в целом. В то же время сама экономическая интеграция в Восточной Азии все более набирает скорость. Если в 1986 г. суммарная торговля трех ведущих стран СВА и стран ЮВА (Япония, Китай + Гонконг, Республика Корея, страны АСЕАН + Сингапур) составляла 16% мировой торговли, то к 2010 г. эта доля составит уже более 26%. Но следует учесть еще и то, что Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия для России является в географическом и экономическом смысле ключом к экономически безграничному потенциалу «Большого АТЭС», доля которого в мировой торговле к 2010 г. по прогнозам приблизится к 55%.

Несмотря на то, что экономическая интеграция с экономиками АТР и особенно Северо-Восточной Азии декларировалась как основополагающая цель экономического развития Дальнего Востока России, начиная с государственной программы в редакции 1987 г. (см. гл. 23), до настоящего времени никаких заметных успехов добиться не удалось. Ни Россия в целом, ни ее Дальний Восток России не смогли занять достаточно заметного места в международной торговле и на рынке капиталов в АТР. Конечно, Дальний Восток России максимально ориентирован в экономическом смысле на рынки стран АТР и СВА. Например, доля стран АТЭС в целом и СВА в частности во внешней торговле федеральных округов европейской части России составляет от 7–17 и 5–10%, соответственно. Для Сибирского федерального округа эти показатели составляют 32 и 17,4%, соответственно, а в Дальневосточном федеральном округе на страны АТЭС и СВА приходится, соответственно, 85 и 77% внешнеторгового оборота. Почти 17 % всего торгового оборота России со странами АТЭС обеспечивает Дальний Восток.

Внешнеторговая экспансия

В течение всего периода после начала радикальной экономической реформы Дальний Восток последовательно наращивал внешне-

торговый обмен, ориентируясь при этом, естественно, на страны АТР и особенно на Северо-Восточную Азию (рис. 1).

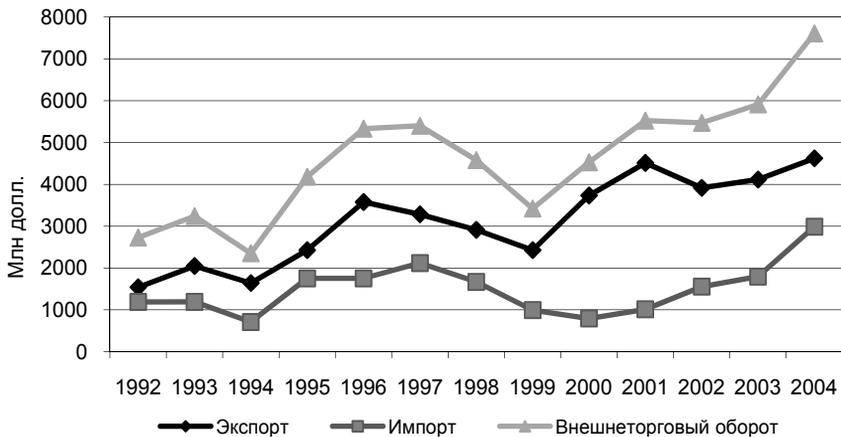

Рис. 1. Внешняя торговля российского Дальнего Востока

Источник: Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований. Хабаровск, 2005. С. 64.

Рост объемов регионального внешнеторгового оборота (почти 280% за 12 лет) значительно более впечатляющ, чем даже невыполнимая мечта администрации Президента РФ об удвоении ВВП за 10 лет. Впрочем, секрет подобного взлета во внешнеэкономической сфере региона прост и неоднократно описывался в литературе¹. В самом общем виде причина заключалась в замещении внутреннего спроса (спроса со стороны внутренних регионов России и собствен-

¹ Дальний Восток России: экономический потенциал / под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Хабаровск: РИОТИП, 1999; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998; Минакир П.А. Региональная экономическая политика. Стратегия развития Дальневосточного региона. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1997; Минакир П.А., Деваева Е.И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1; Российский Дальний Восток: переходный период / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск; Владивосток: Дальнаука, 1996.

ного внутрирегионального спроса) внешним спросом, закономерно-сти динамики которого в дальнейшем и определяли динамику собственного внешнеторговых обменов региона. Однако динамика носила ярко выраженный циклический характер. И циклы определялись почти исключительно институциональными флуктуациями в российской экономике. Именно они, накладываясь на монотонный рост внешнего спроса, обусловили цикличность роста региональной внешней торговли.

Рост экспорта в 1992–1993 гг., который был обусловлен либерализацией и децентрализацией внешней торговли при подавлении внутреннего спроса, сменился кратковременным спадом в 1994 г., причиной которого являлись кроме сокращения внешнего спроса на реэкспортную продукцию региона вследствие инфляционного роста издержек производства и транспортировки обструкционистская политика региональных властей по отношению к внешней торговле с Китаем.

В 1995–1996 гг. рост экспорта продолжился на фоне снижения обменного курса рубля. Однако уже с 1997 г. началось снижение экспорта, в чем отразилось реальное повышение обменного курса рубля вследствие установления валютного коридора. Снижение экспорта происходило вплоть до 1999 г.

После валютного шока 1998–1999 гг. и вызванного им спада внешнеторговой активности ситуация во внешней торговле Дальнего Востока, особенно в экспорте, стала улучшаться с 2000 г., когда объем внешней торговли увеличился на 38% по сравнению с 1999 г. и достиг рекордных 4,56 млрд долл. США (табл. 3)¹. С 2000 г. рост экспорта региона возобновился в результате реализации эффектов девальвации рубля и установления благоприятной ценовой конъюнктуры внешних рынков. Однако уже в 2002 г. опять обозначилось сокращение экспорта, который к 2004 г. только вышел на уровень 2002 г. И причина опять кроется в скрытой ревальвации рубля.

---

¹ По данным Дальневосточного таможенного управления объем внешнеторгового оборота Дальнего Востока составил в 2000 г. 3,5 млрд долл., в том числе экспорта – 2,8 млрд долл., импорта 0,7 млрд долл. Несомненно с приведенными в тексте данными объясняется тем, что таможенная статистика не учитывает торговлю региона, осуществляемую за пределами таможенной границы. Это касается, прежде всего, экспорта рыбной продукции, а также экспорта и импорта бункерного топлива.

Еще более определенное влияние внутренних институциональных условий прослеживается при рассмотрении динамики импорта Дальнего Востока. За весь период 1992–2004 гг. наблюдались лишь два сравнительно коротких периода увеличения объемов импорта: 1995–1997 гг. и 2001–2004 гг. И оба этих периода совпадают с периодами повышения обменного курса рубля (за исключением короткого периода 2001–2002 гг.).

Таким образом, циклическая динамика внешнеторгового оборота, который в основном определяется экспортом, характеризуется шагом цикла, почти в точности совпадающим с шагом институциональных изменений внутри России, тогда как внешняя конъюнктура является неким постоянным динамическим фактором.

Таблица 3

**Динамика внешней торговли Дальнего Востока,
млн долл. США**

Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Экспорт	2427,0	3732,7	4532,5	3915,1	4058,3	4622,0
Импорт	993,3	828,2	1061,3	1555,4	1979,0	2987,9
Оборот	3420,3	4560,9	5593,8	5470,5	6037,3	7609,9
Сальдо	1433,7	2904,5	3471,2	2359,7	2079,3	1634,1

Источник: данные официальной статистики.

В течение всего восстановительного периода локомотивом роста внешней торговли являлся экспорт. В то же время, обесценение национальной валюты привело и к лавинообразному сокращению импорта. Положительное сальдо торгового баланса, благодаря этому быстро увеличивалось вплоть до 2001 г. После этого значение торгового сальдо, оставаясь положительным, плавно сократилось до уровня 1999 г. Сыграли свою роль два главных фактора. Во-первых, повышение мировых цен на нефть и рост в связи с этим стоимости рубля привел к росту импорта. Во-вторых, начавшийся промышленный и общеэкономический рост обусловил увеличение спроса на импортное сырье и оборудование, а увеличение реальных доходов населения вызвало рост спроса на импортные потребительские товары промышленного и продовольственного характера.

Основными экспортерами в регионе являются Приморский и Хабаровский края и Сахалинская область – 82,5% всего экспорта ре-

гиона в 2004 г. По сравнению с 1999 г. территориальная концентрация экспорта увеличилась, в 1999 г. эти три субъекта РФ обеспечивали 78% регионального экспорта. Еще в большей степени концентрирован географически импорт. В 2004 г. три вышеназванных субъекта РФ импортировали более 92% совокупного регионального импорта по стоимости против 71% в 1999 г. (табл. 4).

Таблица 4

**Территориальное распределение внешней торговли,
млн долл. США**

Территория	1999			2004		
	экспорт	импорт	доля (экспорт / импорт), %	экспорт	импорт	доля (экспорт / импорт), %
Республика Саха (Якутия)	153,7	139,0	6,3/14,0	263,8	50,7	5,7/1,7
Приморский край	863,9	367,7	35,6/37,0	1043,3	1668,9	22,6/55,9
Хабаровский край	523,8	151,1	21,6/15,2	1911,2	302,3	41,4/10,1
ЕАО	3,7	3,9	0,1/0,4	5,3	5,1	0,1/0,2
Амурская область	52,5	20,5	2,2/2,1	103,0	61,4	2,2/2,1
Сахалинская область	507,6	190,5	20,9/19,2	853,1	780,3	18,5/26,1
Камчатская область	286,3	64,6	11,8/6,5	370,2	37,6	8,0/1,3
Магаданская область	35,5	56,0	1,5/5,6	72,1	81,6	1,6/2,7
Всего	2427	993,3	100,0/100,0	4622,0	2987,9	100,0/100,0

Подобное распределение внешнеторговой активности соответствует общему распределению промышленного и общеэкономического потенциала, что отражается в интенсивности предложения и спроса на товары и услуги. Экономический рост усилил экономическую поляризацию на Дальнем Востоке. Относительно диверсифицированные экономики Хабаровского и Приморского краев и Сахалинской области извлекли относительно больше выгод из экономического роста, что и отразилось в концентрации на этих территориях положительных внешнеторговых эффектов.

Конечно, каждый из этих субъектов РФ имеет специфический «полюс торговой активности». Для Хабаровского края это продукция ВПК, нефтепродукты и лесотовары. Для Приморского края – рыбная продукция, транзитная торговля через морские порты. Для Сахалин-

ской области – рыбная продукция и в последнее время углеводородное сырье.

Дальний Восток торгует почти со 100 странами мира. Но основными торговыми партнерами по-прежнему остаются Япония, Китай, Республика Корея и США, на долю которых в 2004 г. пришлось 80% внешнеторгового оборота региона (в 1999 г. – 70,2%). Усиление географической концентрации внешней торговли региона выглядит противоречиво (*табл. 5*). С одной стороны, это может служить аргументом в пользу гравитационной теории внешней торговли, свидетельствуя об усилении интеграционных связей Дальнего Востока с северо-тихоокеанским рынком. То есть Дальний Восток все более втягивается в орбиту сразу двух интеграционных группировок – СВА и НАФТА. Но с другой стороны, это означает прогрессирующее сужение для Дальнего Востока «торгового горизонта». Регион все более адаптируется к ограниченному сегменту мирового рынка, превращаясь тем самым в придаток этого сегмента в силу ограниченной номенклатуры и отсутствия инвестиционных и технологических основ внешней торговли.

Таблица 5

Внешняя торговля Дальнего Востока по странам*,
млн долл. / %

Страна	1999			2004		
	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт	оборот
Япония	631,2 / 26,0	134,5 13,5	765,7 22,4	1201,8 26,0	1194,6 40,0	2396,4 31,5
КНР	383,8 15,8	131,4 13,2	515,2 15,1	1490,7 32,3	652,4 21,8	2143,1 28,2
Республика Корея	334,4 13,8	152,6 15,4	487,0 14,2	811,2 17,6	352,4 11,8	1163,6 15,3
США	407,4 16,8	225,5 22,7	632,9 18,5	185,4 4,0	198,3 6,6	383,7 5,0
Всего	2427 100,0	993,3 100,0	3420,3 100,0	4622,0 100,0	2987,9 100,0	7609,9 100,0

Примечание: * – без экспорта и импорта услуг.

За 1999–2004 гг. наиболее примечательной тенденцией в географической структуре внешней торговли Дальнего Востока являлось увеличение доли Китая при одновременном уменьшении доли США.

Это вполне вписывается в «гравитационную» теорию торговли, одновременно отражая объективное усиление позиций Китая на мировых рынках. В то же время это свидетельствует о прогрессирующем «встраивании» Дальнего Востока в китайский рынок. Общая тенденция направлена в сторону «поглощения» дальневосточного хозяйства китайским рынком. Противостоять этой тенденции может лишь диверсификация торговых взаимосвязей региона. Однако, как показывают тенденции последних 5–6 лет, именно этой диверсификации и не происходит.

Аналогично географической структуре все более обедняется и товарная структура внешней торговли Дальнего Востока (табл. 6). Если в 1999 г. три основные товарные группы (топливо и минеральное сырье, лесотовары, рыбопродукция) обеспечивали 87% регионального экспорта, то в 2004 г. уже более 90%.

Таблица 6

Товарная структура экспорта Дальнего Востока*

Товарная группа	1999		2004	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Машины, оборудование, транспортные средства	161,5	6,6	269,6	5,8
Топливо, минеральное сырье, металлы	724,6	29,9	2356,6	51,0
в том числе: уголь	146,6	6,0	276,7	6,0
нефть и нефтепродукты	335,8	13,8	1515,2	32,8
черные металлы	127,0	5,2	426,9	9,2
цветные металлы	60,5	2,5	35,6	0,8
Химические товары	8,7	0,4	40,21	0,9
Сырье и продукты его переработки	453,9	18,7	891,0	19,3
в том числе лесотовары	453,9	18,7	889,5	19,2
Пищевкусовые товары	958,6	39,5	1008,7	21,8
в том числе рыбопродукция	940,0	38,7	961,4	20,8
Промышленные товары народного потребления	6,9	0,3	38,6	0,8
Прочие	112,8	4,6	17,4	0,4
Экспорт, всего	2427,0	100,0	4622,0	100,0

Примечание: * – не включая экспорт услуг.

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики.

С одной стороны, это позволяет более оперативно реагировать на изменения конъюнктуры на мировых товарных рынках. Но с другой стороны, это обрекает региональных производителей на все более жесткую зависимость от ограниченного числа покупателей, что ухудшает условия конкуренции. За исключение нестабильного экспорта машино-технической продукции, что обусловлено нестабильностью экспортных заказов и поставок продукции военно-технического назначения, а также неустойчивости на рынке цветных металлов, товарная структура экспорта Дальнего Востока становится все более стабильной и одновременно все менее гибкой.

Сырьевая направленность экспорта, конечно, объясняет стабильность внешнеторговой конъюнктуры, особенно учитывая большой удельный вес топливно-энергетического сырья и сырья для металлургии – потребность в этих товарных группах непосредственно определяется темпами промышленного развития в потребляющих странах, то есть в Китае и в Республике Корея.

Растущий в последние годы внутрирегиональный спрос практически на все виды традиционно импортируемой продукции обусловил увеличение их физических и стоимостных объемов. Темп роста импорта за 1999–2004 гг. составил 300%, тогда как рост экспорта составил только 190%.

Наиболее существенно выросли объемы импорта продукции производственно-технического назначения (доля которых в товарной структуре импорта за 1999–2004 гг. увеличилась почти на 10 процентных пункта и достигла 53,3%. В то же время удельный вес товаров потребительского спроса, несмотря на увеличение стоимостных объемов их импорта, сократился – с 28 до 20% (табл. 7). В действительности, существенная часть импорта машин, транспортных средств и оборудования представляет собой импорт подержанных автомобилей для личного пользования, то есть статья импорта «потребительские товары» статистикой значительно занижается и, соответственно, сильно преувеличивается инвестиционная направленность импорта.

В целом, как экспорт, так и импорт Дальнего Востока строго позиционирован в географическом смысле. Рынки для дальневосточных производителей (и по экспорту, и по импорту) не диверсифицированы и ситуация напоминает ту, которая существовала в эпоху директивной экономики, когда производители были строго привязаны к потребителям и к поставщикам. В результате остается

открытым вопросом о том, является ли дальневосточное сырье критическим условием для поддержания темпов роста экономик Северо-Восточной Азии или же наоборот – спрос со стороны этих экономик, то есть их темпы роста при данной материалоемкости, является критическим условием развития экономики Дальнего Востока. Учитывая, что дальневосточные производители строго привязаны к рынкам стран Северо-Восточной Азии (табл. 8), а последние в принципе могут выбирать источники сырьевых поставок, ответ на сформулированный выше вопрос не слишком оптимистичен для Дальнего Востока.

Таблица 7

Товарная структура импорта Дальнего Востока*

Товарная группа	1999		2004	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Машины, оборудование, транспортные средства	440,8	44,4	1593,8	53,3
Топливо, минеральное сырье, металлы	134,8	13,6	455,7	15,3
Химические продукты	58,6	5,9	215,0	7,2
Строительные материалы	0,1	0,0	84,3	2,8
Товары народного потребления, всего	277,3	27,9	593,9	19,9
в том числе: промышленные товары народного потребления	84,9	8,5	318,4	10,7
пищевкусовые товары	192,4	19,4	275,5	9,2
Прочие	81,7	8,2	12,3	0,4
Импорт, всего	993,3	100,0	2987,9	100,0

Примечание: * – не включая импорт услуг.

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики.

Дальний Восток фактически «закреплен» за совершенно определенными рынками в Северо-Восточной Азии. Экспорт топлива привязан к рынкам Японии и Китая (67,5%). Экспорт металлов осуществляется на рынки Китая и Кореи (68,5%). Лесной экспорт «узурпирован Японией и Китаем (88,1%)». А экспорт рыбы и морепродуктов на 73% направляется в эти три страны. Импорт Дальнего Востока также «разобран» странами Северо-Восточной Азии. Импорт металлов и металлоизделий формируется поставками из Японии (48,6%), так же как и импорт машин и оборудования

(60,6%). Импорт нефтепродуктов на 56% состоит из поставок из Республики Корея. Почти 70% продукции деревообработки импортируется из Китая, с китайскими же поставками в основном связан и импорт потребительских товаров.

Таблица 8

**Географическая структура рынков для экспортеров
и импортеров Дальнего Востока в 2004 г., %**

Товарная группа	Япония		Китай		Республика Корея	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Топливо и нефтепродукты	31,9	10,8	35,6	2,3	6,4	55,9
Металлы и металлоизделия	2,3	48,6	27,2	9,7	41,3	6,7
Машины, транспортные средства и оборудование	1,9	60,6	25,9	7,0	20,8	6,7
Лесотовары	40,5	0,6	47,6	68,3	11,0	11,7
Рыба и морепродукты	22,7	0,9	16,9	80,7	33,3	1,3
Потребительские товары	0,2	0,7	0,9	76,8	4,0	15,1
Потребительские продукты	3,1	0,5	48,8	45,3	1,9	14,0

Взаимосвязь экономического развития в регионе и динамики внешней торговли в течение длительного времени остается очень тесной. По оценкам доля импорта товаров потребительского спроса Дальнего Востока в розничном товарообороте региона в последние годы находится на уровне 30-40%. Доля экспорта в объеме промышленного производства региона в настоящее время составляет 44,5%¹. При этом в отдельных отраслях промышленности экспортная квота гораздо выше. В нефтеперерабатывающей – 55%, рыбной – 66%, лесозаготовительной – около 90%².

¹ С учетом экспорта продукции алмазного комплекса.

² Деваева Е.И., Горюнов А.П., Котова Т.Е., Изотов Д.А. Оценка последствий присоединения России к ВТО для внешней торговли Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2005. № 3.

Экспортная квота по валовому региональному продукту находится на уровне 18–20%. Но реальное воздействие экспорта на экономику региона значительно выше. В 1999–2004 гг. коэффициент эластичности валового регионального продукта по экспорту составлял 0,358. То есть совокупный темп роста экономики на Дальнем Востоке на 36% определялся темпом роста экспорта. Это значительно, меньше, чем распространенное представление о том, что именно экспорт определяет развитие экономики региона. Но все же это очень высокая эластичность, означающая, что в предположении об отсутствии экспортной деятельности снижение ВРП за 1999–2004 гг. составило бы более 290 млрд руб. в ценах 2002 г. (54% объема ВРП в ценах 2002 г. в 2004 г). Для сравнения – суммарные валовые инвестиции в основной капитал на Дальнем Востоке в 2003–2004 гг. составили 300 млрд руб.

Экспорт в страны Северо-Восточной Азии, а фактически в страны «Большой тройки» все в большей степени становится решающим условием экономического роста Дальнего Востока. Например, доля валового экспорта в ВРП региона с 1997 г. по 2001 г. в результате стабильного роста достигло в 2001 г. 33,2%, в том числе доля экспорта в страны СВА – 23,9%. 33,2 копейки из каждого рубля валовой добавленной стоимости были реализованы на внешних рынках, из них 23,9 копеек – на рынках стран СВА¹. Такая сильная зависимость не является ни «плохим», ни «хорошим» фактом сама по себе. Но она становится проблемой для дальневосточной экономики именно в силу прогрессирующего закрепления монопродуктовой структуры внешней торговли, так как непосредственно ведет к развитию «региональной голландской болезни».

На рынке капиталов в АТР и Северо-Восточной Азии позиции России и Дальнего Востока, в частности, также весьма слабы и соответствуют позициям аутсайдеров. Если сравнивать позиции российских регионов между собой, то положение Дальнего Востока выглядит вполне достойно.

За 1999–2004 гг. общая сумма инвестиций в основной капитал на Дальнем Востоке составила 596 млрд руб. в текущих ценах. За тот же период общая сумма иностранных инвестиций (по официальному

---

¹ Экономическая интеграция: пространственный аспект / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО, 2004. С. 314.

обменному курсу) составила в регионе 256 млрд руб. (табл. 9). При том, что инвестиционный мультипликатор на Дальнем Востоке в 1999–2004 гг. был чрезвычайно мал (0,25) почти на 40% он обеспечивался именно иностранными инвестициями.

Таблица 9

**Поступление иностранных инвестиций
на Дальний Восток*, млн долл. США**

Территория	1999	2000	2001	2002	2003	2004	1999– 2004
Дальний Восток	1284,0	578,9	767,7	1141,7	2793,1	5072,5	11637,9
Республика Саха (Якутия)	85,6	159,6	144,6	291,3	560,8	834,4	2076,3
ЕАО	1,7	1,8	0,7	0,5	0,5	0,5	5,7
Приморский край	54,0	8,1	108,6	57,3	44,8	97,9	370,7
Хабаровский край	33,2	7,2	19,9	33,4	27,4	96,2	217,3
Амурская область	10,4	4,5	0,2	5,2	16,1	42,7	79,1
Камчатская область	26,0	29,4	78,4	42,7	52,9	39,6	269,0
Магаданская область	30,1	27,7	26,4	4,6	7,5	33,9	130,9
Сахалинская область	1043,0	250,6	388,9	706,7	2083,1	3927,1	8399,4

Примечание: * – накопительным итогом на конец года.

Пространственное распределение иностранных инвестиций в регионе весьма неравномерно. Подавляющая часть инвестиций направляется в Республику Саха (Якутия) и в Сахалинскую область. Эти субъекты РФ привлекли в 1999–2004 гг., соответственно, 17,7 и 72,2% всех инвестиций в регион. Это отражает долговременное поведение иностранных инвесторов, которые с самого начала инвестиционной компании на Дальнем Востоке (с 1987 г.) интересовались исключительно доступом к природным ресурсам региона, особенно имеющим высокую оценку на мировом рынке. Именно поэтому углеводороды шельфа Сахалина и алмазодобывающая промышленность Якутии аккумулируют основную часть инвестиций (почти 90%). Фактически эти же стимулы привлекают иностранных инвесторов на Камчатку (рыбные ресурсы).

Стремление к получению ренты с богатых природных ресурсов региона является основополагающим стимулом для иностранных инвесторов на Дальнем Востоке, так как в отличие от российской экономики в целом иностранные инвестиции в регионе осуществляются преимущественно в форме прямых инвестиций (*табл. 10*).

Таблица 10

**Распределение иностранных инвестиций
на Дальнем Востоке по формам, млн долл. США**

Форма инвестиций	1999	2000	2001	2002	2003	2004	1999–2004
Прямые	1115,9	304,7	458,9	724,3	2059,6	3396,5	8059,9
Портфельные	30,7	2,5	6,2	20,4	49,1	1,2	110,2
Прочие	75,9	272,0	307,4	413,3	723,2	1675,8	3467,8
Всего	1198,4	577,2	767,5	1141,7	2793,1	5072,5	11637,9

Доля прямых иностранных инвестиций в регионе за весь период 1999–2004 гг. составила 69,2%. Такая беспрецедентно высокая доля вложений в производство, конечно, объясняется тем, что возможности для инвестирования через фондовый рынок в случае Дальнего Востока практически отсутствуют. Дальневосточные компании практически не котируют акции и облигации на фондовых рынках России и зарубежных стран. Поэтому доля портфельных инвестиций незначительна. Значительно повысилась с 2000 г. доля ссудных инвестиций (с 6% в 1999 г. до в среднем 42% в 2000–2004 гг.). Рост доли ссудного капитала связан с общими тенденциями по России – увеличение экономической активности вызывал повышение спроса на капитал, но растущий спрос сталкивался с чрезмерно высокой ценой ссудного капитала на российском денежном рынке. Именно это обусловило расширяющийся импорт капитала в ссудной форме.

География инвестиционных доноров существенно отличается от географии торговых партнеров. Если в импорте и экспорте подавляющая часть операций связана со странами СВА и США, то наибольшая доля инвестиций приходится на «прочие» страны (*табл. 11*). Лишь Япония, за исключением 2004 г., является заметным инвестиционным донором, во многом благодаря вложениям в сахалинские нефтегазовые проекты.

Нестабильность в инвестиционной активности США и стран Северо-Восточной Азии в значительной степени связана с тем, что

весьма нестабильны условия инвестирования в форме основного капитала. Именно эта форма является наиболее привычной и эффективной для США, Японии и Республики Корея. Эти страны инвестировали в регион с конца 1980-х гг., и их инвестиции, тогда, как правило, осуществлялись в форме совместного предпринимательства. Однако к началу 2000-х гг. потенциал развития совместного предпринимательства на Дальнем Востоке исчерпал себя. Пик, который пришелся на середину 1990-х гг. прошел безвозвратно.

Таблица 11

**Географическая структура импорта капитала
на Дальнем Востоке, %**

Страна	2000	2001	2002	2003	2004
Япония	11,2	27,0	23,3	29,36	0,80
США	13,8	8,1	4,1	3,59	4,80
Китай	2,6	0,3	1,4	0,47	0,17
Республика Корея	27,5	2,8	3,0	0,48	0,42
Прочие	44,9	61,8	68,2	66,10	93,82
Всего	100,0	100,0	100,0	100	100

На географическую структуру привлекаемого зарубежного капитала существенно влияет динамика реализации международных проектов в нефтегазовом секторе Сахалинской области. В этой области в 2004 г. более чем в три раза увеличились инвестиции из «прочих» стран, в большинстве случаев европейских. Они вложили в проекты Сахалина 3,8 млрд долл. США, что практически соответствовало 99% всех иностранных инвестиций на Сахалине. Рост иностранных инвестиций в основном был обеспечен за счет поступлений из Нидерландов (около 3,3 млрд долл.). В Республике Саха (Якутия) почти 74% иностранных инвестиций также поступило из «прочих» стран. В значительной степени это объясняется тем, что европейские инвесторы стремятся диверсифицировать свои вложения за счет эффективных сырьевых проектов, имеющих стабильные перспективы с точки зрения конъюнктуры мирового рынка.

По сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х гг., когда существенная часть прямых иностранных инвестиций вкладывалась в услуги и торговлю, после кризиса 1998 г. установилась устойчивая тенденция инвестирования преимущественно в промышленность. За

исключением 2000 г. (доля инвестиций в промышленность 56,9%) удельный вес промышленности как объекта иностранного инвестирования находился постоянно на уровне 80–94%. Это отражает общее изменение экономической ситуации в России и соответствующее изменение поведения инвесторов. Они более не надеются на получение сверхвысокой прибыли за счет вложений в малокапиталоемкие и высокооборотистые проекты, перестраивая свою стратегию в пользу вложений в среднерентабельные, но заведомо долгосрочные предприятия.

Наиболее привлекательным дальневосточным проектом подобного рода является, конечно, сахалинский проект освоения нефти и газа шельфа Охотского моря. В 2004 г. в этот проект было инвестировано более 30% всех прямых инвестиций в Российскую Федерацию.

Общая стратегия иностранного инвестирования за почти 20 лет, прошедших после принятия первого советского закона (в форме Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР) об иностранных инвестициях, практически не изменилась. По-прежнему приоритетными объектами инвестирования являются в основном рентабельные природные ресурсы, которые имеют высокий потенциал реализации на внешнем рынке. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. таковыми были лесные и рыбные ресурсы. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. – нефть и газ, алмазы и благородные металлы.

Природные ресурсы являются приоритетными объектами инвестирования и для российского капитала. Поэтому иностранным инвесторам остается вкладывать средства только в те проекты, которые по тем или иным причинам оказались в их монопольной сфере деятельности (именно таковы проекты Сахалин-1, Сахалин-2 и проект «АЛРОССА»). Практически во всех остальных природноресурсных сферах иностранный капитал встречается с жесткой конкуренцией российского капитала. В то же время иные потенциальные сферы инвестирования не привлекают иностранного инвестора так как возможные дивиденды не покрывают реальных рисков. Именно проблема рисков является камнем преткновения в вопросе об участии иностранного капитала в развитии Дальнего Востока.

Несмотря на изобилие дискуссий и официально заявленных намерений об улучшении инвестиционного климата и создании дополнительных стимулов для привлечения иностранных инвесторов,

реальное поведение инвесторов свидетельствует о сравнительной низкой их оценке данного климата. Вероятно дело в том, что уровень комфортности инвестиционного климата следует сравнивать не с тем, который уже существует в странах-конкурентах на рынке капиталов. Тем более не с тем, который существовал в предыдущие периоды в самой России и на Дальнем Востоке, но с уровнем рисков, которые оценивают сами инвесторы. И речь идет не о кредитных рейтингах, которые достаточно комфортны для России. Речь идет о сравнительной вероятности получения не менее, чем нормативных для данного инвестора дивидендов, с одной стороны, и потери инвестиции, с другой стороны.

Риск потери инвестиций или получения меньшей, чем в стране-конкуренте нормы прибыли на вложенный капитал в общем случае определяется произведением вероятностей нескольких событий, важнейшими из которых для инвестора являются: 1) неприемлемо высокий уровень коррупции, 2) неприемлемо высокий уровень криминальной ренты, 3) неприемлемо низкий уровень защиты прав собственности. Если иметь в виду, что основным конкурентом в Северо-Восточной Азии с точки зрения привлечения капитала для российского Дальнего Востока является Китай, то комфортный для инвестора климат в регионе должен сверяться с ситуацией в Китае, прежде всего по вышеперечисленным позициям.

Таким образом, ни в области внешней торговли, ни в области иностранных инвестиций России и ее Дальнему Востоку не удалось добиться стабильных и заметных позиций в АТР и СВА. Успехи в области увеличения внешнеторгового оборота отражают лишь внутророссийские и внутрирегиональные изменения структурных приоритетов. Это же можно сказать и об увеличении количественных показателей в области иностранных инвестиций. Но основная проблема по-прежнему далека от решения. Органичное включение в кооперационные процессы в Северо-Восточной и в целом в Восточной Азии, а через них и превращение России в активного и эффективного как для себя, так и для партнеров игрока в тихоокеанском сегменте глобальной экономической игры остается лишь лозунгом.

Превращение этого лозунга в реальность предполагает явное определение условий «кооперационной игры». Необходимо оценить как вызовы для России и ее тихоокеанской провинции, так и объективные возможности ответить на эти вызовы. Иными словами, следует выбрать оптимальную стратегию, позволяющую реализовать

принцип «равновыгодности», когда баланс выигрышей и проигрышей оказывается положительным для всех участвующих в кооперационной игре партнеров.

Понимание вызовов и трезвая оценка необходимых действий по активации возможностей – залог реальной кооперации тихоокеанской России, а вместе с ней и всей национальной экономики в СВА и АТР в целом. Альтернативой может являться только превращение России в одну из баз снабжения сырьем стран Восточной Азии, а альтернатива Дальнего Востока – торгово-экономическое поглощение объединенным рынком Северо-Восточной Азии в качестве своего транспортно-сырьевого сегмента¹.

Вызовы для России и Дальнего Востока

С момента первого провозглашения интеграции с зарубежными экономиками как стратегического направления развития экономики Дальнего Востока прошло уже 20 лет. За это время существенно изменился мир вокруг России, изменилась и сама Россия. Изложенные ниже вызовы (которые можно воспринимать в определенном смысле и как угрозы) сформировались в результате как внутренних изменений, так и изменений окружающей Россию и Дальний Восток экономической и финансовой среды.

Вызов первый – интеграционно-геостратегический. За прошедшие с 1986 г. 20 лет кардинально изменилась расстановка сил, если иметь в виду азиатское окружение России. Если в 1980–1990 гг. основными экономическими соперниками и потенциальными партнерами являлись Япония и новые индустриальные страны, то в настоящее время безусловными фаворитами азиатской (и в значительной мере мировой) экономики являются Китай, Индия, страны АСЕАН. Количество реальных игроков на экономической и финансовой сцене АТР значительно увеличилось. Возросла скорость изменений ситуации, гораздо динамичнее стали изменения соотношения сил. Новые игроки привнесли новое понимание стратегий и изменили привычную оценку финансово-экономических коалиций, которые должны учитываться при вхождении России в те или иные группировки.

---

¹ *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика.* 2005. № 4.

Одним из наиболее радикальных для России и Дальнего Востока изменений стало «сужение» горизонта кооперационных стратегий с АТР до рамок СВА. Для России и Дальнего Востока в особенности важнейшее значение имеет изменение места и роли Китая, который в мировой экономической иерархии выходит на лидирующие позиции, как в производстве, так и в потреблении ресурсов. Для дальневосточной экономики Китай – это одновременно и визави в конкурентной борьбе, и барьер при выходах на международные рынки товаров и инвестиций, и потенциально выгодный экономический партнер. Учитывая вполне определившиеся военно-политические приоритеты России, для которой Китай становится партнером номер один в глобальной военно-политической игре, нетрудно сделать заключение о том, что доля Китая в экономическом сотрудничестве с Россией будет постоянно расти. Это связано хотя бы с тем, что изменение военно-политических приоритетов обязательно влечет за собой и перераспределение финансово-экономических потоков между странами.

Учет степени ориентированности экономики региона на Китай при реализации того или иного варианта стратегии развития Дальнего Востока России определит долгосрочные выигрыши или долгосрочные проблемы. Развитие Северного Китая и диффузия его экономического влияния на восток России становится одним из важных факторов ориентации инвестиционного процесса в Азиатском регионе. Активизация режимов открытости экономики России, особо усилившаяся в связи с предстоящим присоединением России к ВТО, будет стимулировать такие действия.

В значительной степени именно формирование военно-политического партнерства России и Китая обусловило появление в Северо-Восточной Азии глобальных инвестиционно-ресурсных и инфраструктурных проектов. Но глобальные масштабы реализуемых проектов привлекают глобальных игроков. Япония, Республика Корея и США являются именно такими игроками, а их финансово-экономическая мощь и активная конкурентная стратегия на мировых рынках исключают в принципе возможность «разыгрывать игру двух лиц». Эти игроки относятся к числу определяющих в мировой экономической политике. Они умеют не только защищать свои интересы, но и находить компромиссы между собой. Россия уже сегодня реально не в состоянии самостоятельно определять стратегию использования собственных ресурсов на востоке страны. Их использование возможно в принципе лишь при условии выхода на междуна-

родные рынки. А международный рынок для восточной России – это как раз рынок вышеупомянутых стран. Не случайно между ними ведутся активные обсуждения позиции по российским проектам, активно прорабатываются и лоббируются альтернативные варианты как транспортной, так и энергетической инфраструктуры, которая создаст новую ситуацию на рынке транспортных услуг и энергетических ресурсов в СВА.

Выше отмечалось, что Северо-Восточная Азия не является однородным экономическим или политическим субрегионом. Это – сложное экономико-политическое образование, в котором тон задает «Большая тройка», которая активно формирует стратегии создания подлинно интеграционной группировки, первоначально в форме зоны свободной торговли. Одновременно идут активные консультации, подтвержденные рядом формальных и неформальных договоренностей об объединении в ближайшем будущем зон свободной торговли СВА и АСЕАН. Очевидно, уже в районе 2010 г. России будет противостоять не аморфный конгломерат стран СВА и АСЕАН, а организованная интеграционная группировка, для которой Россия будет «третьей страной». Это означает, что Россия окажется окончательно на периферии глобализационных процессов и сможет получать лишь ту часть агломерационных и интеграционных эффектов, которую сочтет возможным выделить ей восточноазиатский интегрированный партнер. Реальный интерес России же заключается, конечно, в том, чтобы активно, опираясь на свои ресурсы формировать для себя положительные экономические и политические эффекты.

Следовательно, стратегия включения Дальнего Востока России в СВА и реализация имеющихся возможностей должны базироваться не только на ресурсных, инфраструктурных и институциональных возможностях и намерениях самой России. В значительной степени вхождение России своими восточными районами в формирующийся общий рынок Северо-Восточной Азии будет зависеть от того, каков будет статус России в этой новой субрегиональной интеграционной группировке. Россия должна стремиться к тому, чтобы быть не «третьей страной» для данной группировки, но полноправным участником этой интеграционной игры. Только в последнем случае, как Россия, так и страны Северо-Восточной Азии получают максимальный выигрыш от экономической интеграции. Следовательно, одной из важнейших задач является поиск и анализ аргументов и оснований, как для России, так и для «Большой тройки» Северо-Восточной Азии

включить Россию в процесс формирования зоны свободной торговли и последующих этапов экономической интеграции Северо-Восточной Азии.

Вызов второй – ресурсный. Господствующая и принимаемая Россией как сама собой разумеющаяся модель экономической кооперации в Северо-Восточной Азии основана на предположении о невозможности экономического развития «Большой тройки» без доступа к природным ресурсам Дальнего Востока и Восточной Сибири. Именно «богатство» региона природными ресурсами по умолчанию полагается основой «естественного» разделения труда в Северо-Восточной Азии. Простота этой ресурсной модели подкупает и завораживает. Действительно, если экономические лидеры в СВА лишены сырьевых ресурсов, а единственным их источником является Россия, то кооперационные тенденции непреодолимы. Но самое главное заключается в том, что не следует прикладывать усилий для развития этой кооперации. «Невидимая рука» рынка неотвратимо приведет к ее автоматическому развитию.

В этом предположении и кроется ловушка. Именно «невидимая рука» рынка перечеркивает предопределенность зависимости «Большой тройки» от российского сырья в современной экономике.

Во-первых, прогрессирующая глобализация товарных и факторных рынков обусловила значительное ослабление зависимости отдельных стран от размещения сырьевых ресурсов и иных факторов производства. Во-вторых, сырьевые ресурсы России и ее тихоокеанской провинции разнородны с точки зрения их «критического значения» для экономик СВА. Традиционное утверждение (которое до сих пор принимается на веру и за границей) об уникальности и высокой ценности природных ресурсов Дальнего Востока для стран Северо-Восточной Азии в целом оказывается неверным. Давно пора исходить из гораздо более отвечающей существу дела концепции взаимодополняемости природных ресурсов российского Дальнего Востока и стран СВА и АТР¹.

«Провинциальным монополистом» для стран СВА Дальний Восток России является лишь в области энергетических ресурсов (прежде всего нефтегазовых), лесных и рыбных. Определенный инте-

---

¹ Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

рес представляют и земельные ресурсы, прежде всего сельскохозяйственные угодья¹. Но сама Россия дает повод усомниться в высокой ценности этих ресурсов для своих зарубежных партнеров, упорно уклоняясь от рациональной организации их экономического использования. В современной экономике международное сотрудничество в области использования природных ресурсов все в большей степени базируется на конкуренции систем природопользования. Под этим термином понимается стремление региональных / национальных систем использования и воспроизводства природных ресурсов обеспечить достижение региональных / национальных целей производственного и социального характера при наименьшей затрате собственно природных ресурсов². Нельзя надеяться на высокую оценку своего ресурса, если «стартовая цена», которая определяется полезностью данного ресурса для самого собственника, остается низкой.

Например, Россия, прежде всего ее восточные регионы, является главным экспортером круглой древесины на рынки Японии и КНР. Поставки можно увеличить, так как условия и спрос позволяют практически удвоить ежегодный объем лесозаготовок на Дальнем Востоке. Но освоение лесных ресурсов проводится истощительными методами, что практически исключает долгосрочную перспективу для лесного комплекса. Это противоречит и мировой экологической тенденции. В перспективе это гарантирует большой объем упущенных выгод не только в области внешней торговли, но и в рамках Киотского и других аналогичных процессов. Равнодушное отношение к лесным ресурсам в России порождает столь же равнодушное отношение к ним и на зарубежных рынках, где оценка российского леса традиционно ниже, чем американского и канадского, например. Следовательно, потенциальная высокая оценка полезности для стран СВА лесных ресурсов восточной России явно противоречит реальной оценке этих ресурсов рынком.

Столь же плохо используются и дефицитные для всей СВА земельные ресурсы. Урожайность возделываемых культур в 4–5 раз ниже, чем в сопредельных регионах СВА. И в данном случае мы

---

¹ Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

² Там же.

имеем перспективу превратиться не в экономическую аграрную базу США, а в источник дешевой земли, так как при данной сравнительной эффективности использования земель капитализированная рента будет ничтожна по сравнению с реальными оценками земельных ресурсов в развитых экономиках.

Похожая ситуация и в области рыбных ресурсов. Пользуясь тем, что Тихоокеанская Россия имеет наиболее высокие показатели объема рыбных ресурсов, приходящихся на душу населения, мы экспортируем значительную часть добычи рыбопромышленного комплекса в страны США, которые являются крупнейшими мировыми импортерами рыбной продукции. Но при этом аквакультура и воспроизводство ресурсов рыбных ресурсов находятся в плачевном состоянии. Ресурсы истощаются, и в перспективе потенциальные доходы от экспорта придется перенацелить на воспроизводство сырьевой базы. То есть старая схема (добыча сырья – экспорт – инвестирование доходов от экспорта в добычу нового сырья) как раз и конструирует «сырьевую ловушку», устойчивость которой стимулирует региональную «голландскую болезнь».

подавляющая часть полезных ископаемых, кроме энергетической группы, вообще являются рядовыми и не имеют никаких предпосылок для того, чтобы на их основе сформировать масштабную и рентабельную специализацию. Кроме того, их эксплуатация сравнительно чрезвычайно дорога, следовательно, особого интереса для развития международной кооперации не представляет.

Парадокс дальневосточной экономики – из-за высоких удельных затрат выгодным является только добыча или самая первичная переработка сырья, но экспорт необработанного сырья подрывает перспективу экономики. Этот парадокс постоянно воспроизводится из-за:

- наличия еще не освоенных ресурсов;
- нацеленности на поставки сырья на рынки с хорошо развитой и экономически эффективной перерабатывающей базой (КНР, Республика Корея);
- нехватки инвестиционных средств для развития собственной перерабатывающей базы и ненадежного инвестиционного климата в России.

В результате создалась противоречивая ситуация, когда ресурсы в регионе и стране есть, но они могут осваиваться только при потере значительной части кооперативных выгод на международной арене.

Вызов третий – инфраструктурный. Выше рассматривались перспективы создания инженерной инфраструктуры, предназначенной для наращивания экспорта транспортных услуг и передачи на рынки СВА и АТР возрастающих объемов топливно-энергетического сырья. Инфраструктурное строительство не является лишь одним из направлений рентабельного вложения средств в экспортные отрасли на востоке России. Фактически речь идет уже в настоящее время о практическом создании новой версии концепции развития российского Дальнего Востока.

Эта концепция заключается в превращении дальневосточной экономики в своеобразный «коридор», по которому будет осуществляться ширококомасштабный экспорт российских энергетических ресурсов и транспортных услуг. Речь идет о создании магистральных коридоров для передачи в АТР и СВА российских энергоресурсов и энергопродукции, а также транзита европейской и азиатской продукции.

Идея заключается в том, чтобы использовать в качестве ресурса регионального развития, во-первых, эффект масштаба при эксплуатации имеющихся ресурсов углеводородов (в восточных регионах России) за счет использования спроса на энергию в странах АТР и СВА, а во-вторых, инфраструктурную ренту от транспортных и энергетических межконтинентальных коридоров.

По существу эта концепция перефразирует изложенную еще в 1990 г. «новую концепцию» развития Дальнего Востока в той ее части, где говорилось о превращении Дальнего Востока в «контактную зону», пространственный «переходный модуль» между Россией и АТР¹. Правда, если в концепции 1990 г. говорилось о создании системного «переходного модуля», что подразумевало модернизацию структуры и формирование полипродуктового регионального комплекса, интегрированного с сопредельными рынками, то формирующаяся сейчас концепция эксплуатирует старую идею моноструктурной специализации региона.

«Большая тройка» СВА действительно является энергезависимой частью экономического мира, дефицит собственных энергоресурсов и рост их потребления обуславливают большой интерес в СВА к стабильному альтернативному источнику снабжения.

---

¹ *Минакир П.А.* Концепция долговременного развития Дальнего Востока. Препринт научного доклада / Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990.

В 2004 г. потребление нефти в СВА составило 17,8% общемирового потребления. Обеспечение нефтью является центральным пунктом политики энергетической безопасности стран СВА. В 2003 г. Китай импортировал более 46% всей потребляемой нефти, Япония – почти 97%, Республика Корея – 100%. При этом поставки в основном привязаны к странам Персидского Залива. Зависимость Японии от ближневосточных поставок нефти составляет почти 80%, Республики Корея – более 75%, Китая – более 40%¹. Монополия Персидского Залива в энергообеспечении стран СВА явно противоречит принципам энергетической безопасности. Для стран «Большой тройки» ключевым вопросом является даже не физическое удовлетворение растущего спроса на углеводородное сырье, но, прежде всего, диверсификация источников снабжения им. Именно поэтому столь высока оценка полезности для стран СВА российских нефтяных и газовых ресурсов.

В то же время на Дальнем Востоке реально складывается ситуация, когда регион из традиционно энергодефицитного превратится в энергоизбыточный. Это связано как с вводом ряда новых мощностей в электроэнергетике и топливной промышленности, включая Бурейскую ГЭС и Сахалинские проекты, так и со спецификой взаимосвязи роста экономики и энергопотребления. В 1998–2004 гг. прирост валового регионального продукта составил на Дальнем Востоке 37,4%, однако при этом прирост валового потребления энергоресурсов составил лишь 16%. Поэтому при сохранении данной тенденции (а она достаточно устойчива) за пределами 2007–2008 гг. Дальний Восток будет не только покрывать свои энергетические потребности за счет собственного производства, но и превратится в экспортера энергетической продукции (*табл. 12*).

Таблица 12

Производство и потребление топливно-энергетических ресурсов на Дальнем Востоке, млн т в угольном эквиваленте

Показатель	2002	2005	2010	2012
Производство	29,8	34,7	84,1	85,3
Потребление	37,7	39,2	44,2	45,6

---

¹ Экономическая интеграция: пространственный аспект / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004. С. 208.

Таким образом, возможности и интересы России и Дальнего Востока явно совпадают с потребностями и интересами стран СВА. Поэтому в последнее время резко активизировалась с обеих сторон деятельность по формированию инфраструктурного каркаса энергетической кооперации в СВА¹.

В декабре 2004 г. Правительство Российской Федерации одобрило строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (проект ВСТО), что является прямой дорогой к формированию восточноазиатского рынка нефти и нефтепродуктов. Этот потенциальный рынок вполне может стать «джокером» в глобальной энергетической игре, учитывая, что Китай все в большей степени определяет уровень и динамику совокупного спроса на углеводороды. В этих условиях российская нефть может стать критическим фактором обеспечения равновесия на рынке углеводородов в СВА.

В июле 2005 г. ОАО «РАО ЕЭС России» и Государственная электросетевая корпорация Китая подписали Соглашение о долгосрочном сотрудничестве России и КНР в сфере электроэнергетики. Временные и технико-экономические параметры Соглашения принципиально и кардинально меняют сложившиеся до сих пор представления о производственной динамике и структуре развития электроэнергетики южной зоны Тихоокеанской России. Ожидается, что вскоре будет утверждена «Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона». Концепция Программы предусматривает развитие транзитных, экспортно ориентированных магистральных трубопроводов на юге Дальнего Востока, запитываемых с Сахалинского и Якутского газодобывающих центров².

Проектируемая энергетическая инфраструктура для транзита топливно-энергетических ресурсов (нефте- и газопроводы, высоковольтные линии электропередачи), а также транссибирский железнодорожный маршрут сформируют на полигоне «Восточная Сибирь – Сковородино – Благовещенск – Хабаровск и Комсомольск-на-Аму-

---

¹ Концепция формирования подобного каркаса была сформулирована еще в 1998 г. (*Ишаев В.И., Минакир П.А.* Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. 1998).

² Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР. 2005. С. 56.

ре – юг Приморского края» энергетический коридор, напоминающий по своей форме пространственную дугу. В создание этой «дуги» предполагается вложить не менее 15 млрд долл. США. Энергетический коридор превратит юг Дальнего Востока в мощнейший транспортно-энергетический транзитный полигон. В значительной степени он таковым уже является и сейчас, так как в последнее время большие капиталовложения в реконструкцию морских портов вкладываются исключительно ради того, чтобы облегчить переработку экспортных сырьевых грузов из Сибири¹.

На наших глазах создается не просто новый сектор внутринациональной и международной экономической специализации региона, меняется весь перспективный облик Дальнего Востока. Традиционная энергодефицитность в перспективе должна смениться на энергоизбыточность. Соответственно, российский Дальний Восток превратится в регион производства и экспортно ориентированного транзита мощных потоков углеводородов, электроэнергии, а также угля в направлении центров энергоиспользования в странах СВА с ежегодными финансовыми оборотами 2–3 млрд долл. США.

Однако сами по себе масштабные инвестиции в энергетическую инфраструктуру, транзитные обороты углеводородов и энергии вряд ли смогут стать заметным стимулом регионального развития и повышения благосостояния региона. Нефтегазовые проекты, магистральный транспорт энергоносителей действительно капиталоемкие и высокодоходные в эксплуатации, но они мало будут использовать рабочей силы, сосредоточатся на ограниченной территории, создадут очень ограниченные ареалы благополучия.

Энергетические коридоры «накладываются» на сетку международных транспортных коридоров на территории Дальнего Востока.

С одной стороны, железнодорожная, автомобильная, воздушная транспортная системы, морские порты и энергетическая инфраструктура облегчают формирование ряда важных сопутствующих возможностей: укрепляют инвестиционный климат в регионе, открывают потенциал для технологического развития смежных производств по переработке углеводородов, энергоемких производств.

С другой стороны, создание мощного «ресурсопроводящего» инфраструктурного каркаса весьма выгодно для интегрирующихся

---

¹ Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР. 2005. С. 58.

стран Северо-Восточной Азии. Будущая интеграционная группировка выступит в этой ситуации монополией по отношению к Тихоокеанской России и восточным российским регионам в целом.

С третьей стороны, если учесть интенсивно наращиваемые, в том числе благодаря инвестициям в реконструкцию морских дальневосточных портов, объемы транзита металлов, нефтепродуктов, угля, можно с уверенностью предсказать, что для транснациональных российских сырьевых корпораций инфраструктурная специализация юга региона чрезвычайно выгодна.

Но эта же специализация закрепляет обслуживающую функцию Дальнего Востока в системе нового разделения труда между регионом и стальной Россией и странами СВА. В то же время она существенно усиливает сырьевую специализацию самой России в международном разделении труда. То есть это есть сознательное углубление «голландской болезни» и распространение ее на область сотрудничества с АТР и СВА.

Разумеется, совершенно не следует паниковать по поводу сырьевого экспорта, если есть сырье, то его следует эффективно использовать. Но главным вопросом остается вопрос о характере и направлениях использования доходов от сырьевого экспорта. А для Дальнего Востока главный вопрос - насколько эта новая специализация будет способствовать развитию экономической и социальной системы самого региона, насколько она обеспечит равноправное участие России в интеграционных группировках Северо-Восточной Азии и АТР.

Вызов четвертый – мотивационный. Прогресс экономического сотрудничества в форме товарной торговли и инвестиционного обмена Дальнего Востока России и стран СВА за последние 10 лет очевиден. Но столь же очевидно, что результаты стремительного включения в международное сотрудничество для приграничных районов и населенных пунктов неадекватны тем, которые на глазах дальневосточников регистрируются в приграничных районах, особенно, Китая. Достаточно сказать, что накопленное за эти 10 лет положительное сальдо внешнеторгового оборота региона (а это на 80% южные районы, включая Сахалин) составляет 17 932 млн долл. Предположим, что лишь 10% этих доходов через налогово-бюджетные каналы могли бы влиться в экономику региона. Это дает примерно 1,8 млрд долл. США. Еще почти 9 млрд долл. США за эти годы составили накопленные прямые иностран-

ные инвестиции. Пусть еще 9% этой суммы через те же каналы могло влиться в регион, т. е. около 1 млрд долл. США, следовательно, ориентировочно это составит 2,8 млрд долл. США или по среднему курсу за эти годы (приблизительно 12 руб. за один доллар) около 34 млрд руб. Суммарные за этот же период капиталовложения в регион составили 162 млрд руб. Таким образом, при благоприятных институциональных условиях распределения выгод от международного сотрудничества регион сумел бы использовать на 20% больше средств на развитие. При этом, нужно учитывать, что из совокупных инвестиций почти 30% составили государственные капиталовложения, а потенциальные выгоды от международного сотрудничества прибавились бы именно к ним. Следовательно, суммарные государственные инвестиции на коммунальные и социальные нужды составили бы не 48 млрд руб., а 82 млрд руб., то есть увеличение составило бы более 70%. Такова «цена» неблагоприятных по сравнению с соседями институциональных условий международного сотрудничества для Дальнего Востока.

Регион, во всяком случае его южная приграничная часть, мог бы получить существенный толчок в коммунальном, социальном и экономическом развитии. Такой толчок, который получили приграничные торговые города Северо-Восточного Китая (Суйфэньхэ, Хэйхэ, Фуюань, Цзямусы и др. Источник их процветания – доходы от торговли с Россией, приграничной торговли. Именно это и является иллюстрацией содержания мотивационной проблемы.

Ясна мотивация китайских приграничных провинций и городов – распределение доходов построено таким образом, что территории прямо заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией, больше оборот в торговле – лучше жизнь. Но подобной мотивации нет у дальневосточных приграничных районов и городов.

Сохранение в будущем мотивационного парадокса, когда расширение сотрудничества увеличивает массу проблем для приграничных регионов, а не массу возможностей, чревато повторением 1994 г., когда столкнувшись впервые с этим парадоксом дальневосточные субъекты РФ в регионе фактически заблокировали либерализационный путь развития приграничного сотрудничества, предопределив во многом нынешние институциональные проблемы.

При этом недавние инициативы российского большого бизнеса, к которым обычно благожелательно прислушивается Федеральное Собрание, чреватые демонтажем значительной части пригранич-

ного сотрудничества вообще. Имеется в виду требование запрета «челночной торговли». Кроме удара по мотивации регионов и населения, каких либо выгод от этого (не считая, конечно, выгод собственно корпораций) не просматривается.

Вызов пятый – конкурентный. Очевидно, что включение страны в интеграционные группировки, как и вообще успешное функционирование в рамках глобальных финансово-экономических структур, предполагает формирование совершенно определенных ниш в международном разделении труда, основанных на конкурентоспособных в международном смысле кластерах внутри национальной экономики. В Северо-Восточной Азии подобных ниш для России и ее тихоокеанской провинции осталось немного, если еще остались. Практически все ниши, связанные с более или менее технологичным производством вторичного и третичного секторов экономики, захвачены странами «Большой тройки». Прогрессирующее закрепление этих ниш (автомобилестроение, судостроение, морские перевозки, промышленная и бытовая электроника, электротехнические товары, текстиль и обувь, игрушки, информатика, связь, черная металлургия, логистика, пищевая промышленность) основано на монополизации рынков факторов производства, в первую очередь рынка капиталов и технологий.

Из 425 млрд долл. прямых иностранных инвестиций импортированных странами СВА в 1996–2002 гг. на субъекты РФ на Дальнем Востоке приходится лишь 3,6 млрд долл. или 0,8%. И оседают эти капиталовложения преимущественно в сырьевом секторе экономики. Упомянутая выше «региональная голландская болезнь» становится все очевиднее. Объективные события все более свидетельствуют о закреплении за регионом двух ниш, которые могут быть конкурентоспособны в абсолютном смысле: 1) сырьевые, особенно топливно-энергетические и лесные ресурсы; 2) услуги по транзиту грузов, в первую очередь опять-таки топливно-энергетических.

То есть современная асимметрия товарной структуры торговых потоков Дальнего Востока России в страны СВА есть не временная неправильность, а напротив жесткая тенденция, которая не может быть преодолена самим регионом. Более того, она поддерживается политикой государства. Асимметрия как раз и выражается в том, что в экспорте региона преобладает продукция низких технологических переделов, предназначенная для промежуточного потребления, а им-

портируются главным образом товары высокой степени обработки инвестиционного и особенно потребительского назначения.

Уже сейчас конкурентоспособны преимущественно отрасли природно-ресурсного сектора экономики региона. Большинство отраслей перерабатывающего комплекса на внешнем рынке ограниченно конкурентоспособны или неконкурентоспособны вообще. Неизбежное в будущем существенное повышение производственных издержек, прежде всего за счет роста цен на продукцию/услуги естественных монополий, при низких объемах инвестиций может окончательно подорвать конкурентоспособность отраслей глубокой переработки продукции. Зато в среднесрочной перспективе основная масса добывающих и ресурсоемких производств, по-видимому, сохранит запас ценовой конкурентоспособности.

Возможности или концепция действий

Наделенность сырьем, как и выгодное экономико-географическое положение не являются сами по себе ни «проклятием», ни «счастьем». Проклятием является неумение использовать эти факторы на благо страны, региона и их населения. Счастьем является, напротив, умение разумно превратить эти «Богом данные» или / и предками добытые потенциальные преимущества в реальные блага. Поэтому необходимо ясно представлять возможные способы действий по блокированию угроз (вызовов), имея в виду, что наилучшей стратегией является не столько и не только парирование угрозы, сколько превращение объективных угроз в объективные же выгоды.

Возможность первая – концептуальная. Следует попытаться использовать в качестве ресурса регионального развития эффект масштаба при эксплуатации имеющихся ресурсов углеводородов (в восточных регионах) за счет подключения спроса на энергию в странах АТР и США, а также инфраструктурную ренту от транспортных и энергетических межконтинентальных коридоров. Именно эта виртуальная транспортная рента должна стать потенциальным мультипликатorem регионального развития. Возможно ли это, и при каких условиях?

Существует как минимум четыре канала распределения этой ренты. Во-первых, она будет присваиваться крупными корпоративными агентами, которые и будут инвестировать в создание этих коридоров, как транспортных, так и энергетических. Во-вторых, эта рента косвенным образом, как мультипликатор экономического раз-

вития, будет присваиваться нашими ближайшими соседями по Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея). В-третьих, она будет присваиваться западносибирским и европейскими регионами России, которые будут эксплуатировать транспортные и энергетические части транзитного канала для экспорта своей продукции. И только в последнюю очередь этой рентой сумеют воспользоваться (и финансовыми отчислениями и косвенными эффектами от этой ренты в виде наведенного спроса в регионе) собственно тихоокеанские субъекты РФ.

Поэтому, во-первых, следует разработать эффективную схему распределения потенциальных доходов, в рамках которой Тихоокеанская Россия будет являться полноправным реципиентом. Хотя, конечно, сибирские и европейские регионы России совершенно не заинтересованы в перераспределении этой ренты.

Во-вторых, необходимо создать условия для «перехвата» части дополнительных доходов у партнеров по Северо-Восточной Азии, то есть для перераспределения мультипликативного эффекта в пользу Дальнего Востока России.

Для этого необходимо дополнить концепцию транснациональных транспортно-энергетических коридоров концепцией формирования промышленно-сервисных дуг в южной части Тихоокеанской России (рис. 2). Фактически речь идет о реализации давней концептуальной идеи создания на тихоокеанском побережье экономической «контактной зоны» с сопредельными экономиками Северо-Восточной Азии. Такие «дуги» географически опираются на мощные промышленно-логистические и сервисные узлы: Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Уссурийск, Владивосток, Находка. Эти дуги являются естественной географической осью размещения локальных свободных экономических зон¹.

При условии создания комфортной институциональной среды, системы эффективных институтов появится реальная возможность превратить эти промышленно-сервисные дуги в своеобразный фильтр, который будет поставлен на пути транспортных и энергетических потоков. Этот фильтр будет преобразовывать часть экспортных потоков в продукцию и услуги, которые будут в свою очередь в значительной части экспортироваться в Северо-

---

¹ Минакир П.А. Тихоокеанская Россия в АТР и СВА: вызовы и возможности // Пространственная экономика. 2005.

Восточную Азию, принося повышенный доход в самом регионе. Тогда удастся использовать общую идею формирования транспортно-энергетической инфраструктуры международного экономического сотрудничества для увеличения фонда накопления в самом регионе. В этом случае огромные вложения в создание и поддержание инфраструктуры на востоке России будут давать отдачу не только крупным корпоративным агентам в России и их азиатским партнерам, но и восточные субъекты Российской Федерации получат реальный мощный стимул развития.

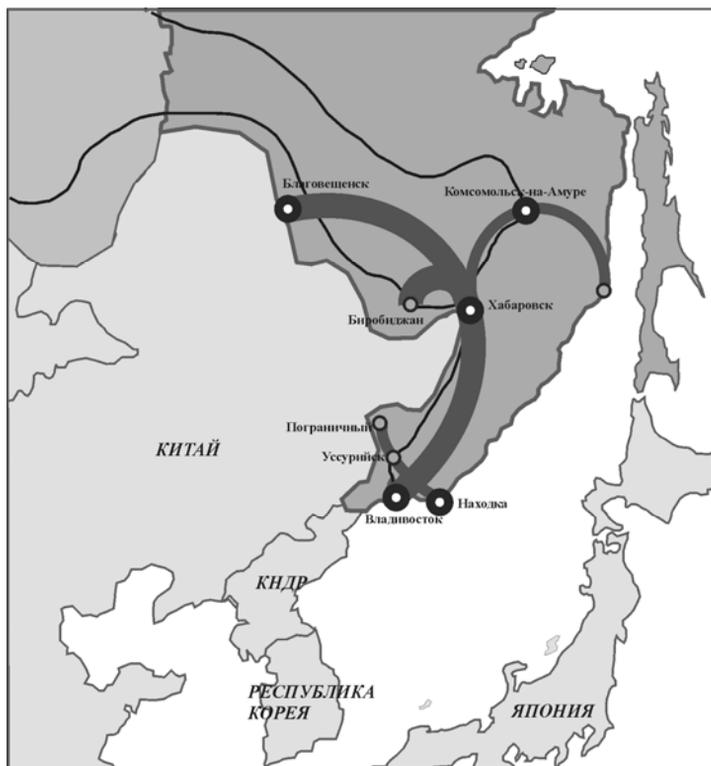

Рис. 2. Концепция промышленно-сервисных дуг

В какой степени удастся использовать наконец-то появившийся Закон об особых экономических зонах в России для реализации вышеописанной возможности? С одной стороны, действительно известен феномен притяжения в особые экономические зоны не только

иностранных, но и внутренних (как частных, так и государственных) инвестиций. С этой точки зрения создание таких зон в узлах «Дуги» может предоставить реальный инструмент ее создания.

Но есть и другая сторона проблемы. Особые зоны оказываются успешны лишь там и тогда, где и когда их функционирование основано на эксплуатации реальных преимуществ с точки зрения мирового рынка. Концепция российского Закона предусматривает создание в основном «инновационных зон». Это является весьма похвальным желанием, но никакого отношения к проблеме создания эффективно функционирующих зон на Дальнем Востоке не имеет. Первое правило создания успешных зон – концентрированное вложение капитала (преимущественно государственного) в создание соответствующей общепринятым международным стандартами инфраструктуры при обеспечении максимально стабильного режима регулирования, конкурентоспособного по основным показателям с СЭЗ в других странах (в нашем случае имеются в виду, прежде всего, китайские СЭЗ). Второе правило – зоны должны ориентироваться на изначально привлекательные для функционирующего капитала сферы деятельности. Здесь и кроется проблема. Если ориентировать зоны на инновационную деятельность, то таковая иностранный капитал не привлечет. На Дальнем Востоке она не привлечет и отечественный капитал. А вот если ориентировать эти зоны на выполнение функций переработки сырья с предназначением переработанной продукции на экспорт, то это в совокупности с институциональными мерами по ограничению экспорта необработанного сырья вполне может привлечь крупные капиталы, как иностранные, так и российские.

С точки зрения приведенный выше конфигурации промышленно-сервисных дуг на Дальнем Востоке целесообразна следующая аллокация особых экономических зон:

- 1) г. Хабаровск (один из локальных районов в его составе),
- 2) г. Комсомольск-на-Амуре (один из локальных районов в его составе),
- 3) г. Владивосток (один из ограниченных по площади районов),
- 4) г. Благовещенск (зона «Благовещенск – Хэйхэ»),
- 5) Большой Усурийский остров в районе г. Хабаровска,
- 6) зона «Приграничная» на юге Приморского края в районе существующего перехода через российско-китайскую границу в п. Пограничный,

7) город и порты Находка и Восточный.

Возможность вторая – институциональная. Создание справедливой и, главное, эффективной, то есть стимулирующей системы распределения доходов от приграничного сотрудничества. Это должно стимулировать приграничные регионы и регионы, обладающие реальными абсолютными и относительными преимуществами, а также потенциально высокими оценками системной конкурентоспособности на рынках СВА, активизировать внешнеторговые и инвестиционные потоки. Реально создать в центрах «промышленно-транспортных дуг» и свободных экономических зонах «институциональные ловушки», предоставив привлекательные инвестиционные условия, создав гарантированные законом зоны развития туризма и развлечений. Важно только иметь в виду конечную цель – аккумуляцию доходов на территориях. Важно только не попасть в ловушку глубокомысленных псевдогосударственных рассуждений типа «нельзя, потому, что закона нет или тем, что есть противоречит». Речь как раз и идет о том, чтобы создать ситуационную законодательную базу, ориентированную не на абстрактные либеральные ценности, а на конкретные проблемы конкретного региона и конкретные национальные интересы.

Возможность третья – геополитическая. Следует отказаться от рассмотрения Дальнего Востока России в качестве одного из регионов, когда речь идет о конструировании геостратегической концепции государства. Разумный взгляд на этот регион – как на активный фасад России в АТР. Российский Дальний Восток не может быть полноправным субъектом политико-экономических процессов в АТР и СВА формально, но он должен таковым быть по существу. Следовательно, федеральная власть должна взять на себя функцию активного политико-экономического лоббирования включения тихоокеанской провинции страны в восточноазиатскую интеграционную группировку.

И одной из важнейших задач в этом смысле является активное лоббирование необходимости для России, а равно и для «Большой тройки» Северо-Восточной Азии (Япония, Китай, Республика Корея) включения России в процесс формирования зоны свободной торговли и последующих этапов экономической интеграции Северо-Восточной Азии. Эта геополитическая стратегия должна стать общей оболочкой всех дипломатических, экономических и военно-политических инициатив России в Восточной Азии.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ С ЭКОНОМИКАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Наиболее тесные взаимодействия в режиме экономической интеграции с восточноазиатскими экономиками Россия в состоянии осуществить в перспективе только опираясь на свои восточные территории, в первую очередь на Дальний Восток, тем более, что исторически этот макрорегион всегда являлся и является наиболее вовлеченным в торговое и инвестиционное сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии, в последние два десятилетия в сотрудничестве на рынке труда. Потенциальные эффекты от интеграции РФ должны бы в большей степени проявляться на территории Тихоокеанской России, поскольку ее экономика в большей степени, чем экономика страны в целом, будет интегрирована в экономики Восточной Азии.

Существенное влияние оказала активизация торговой деятельности России в АТР на развитие российского Дальнего Востока, укрепив экономические позиции, как на национальных рынках, так и на международных, развивая торгово-экономическое сотрудничество в АТР. Доля Тихоокеанской России в торговле со странами АТЭС составляет более 90% внешнеторгового оборота (*табл. 1*).

Таблица 1

Доля интеграционных группировок во внешней торговле Тихоокеанской России, 2010 г., %

Показатель	Всего	ЕС-27	АТЭС	СВА	АСЕАН	СНГ
Экспорт	100,0	0,1	95,9	91,7	3,1	0,4
Импорт	100,0	8,4	85,3	73,3	1,9	0,2
Оборот	100,0	2,8	92,5	85,7	2,7	0,3

Источник: рассчитано на основе данных ДВТУ ФТС РФ.

---

¹ Васильева О.Г., Деваева Е.И., Котова Т.Е., Минакир П.А., Рензин О.М., Рыжова Н.П., Суслов Д.В. Перспективы экономической интеграции Тихоокеанской России с экономиками Восточной Азии // Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономический исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011.

В 2010 г. на долю Дальнего Востока России приходилось 22,7% российского экспорта и 8,3% импорта в страны АТЭС. Еще более заметную роль Тихоокеанская Россия играет во внешнеторговом сотрудничестве страны с государствами Северо-Восточной Азии, и, прежде всего, с Японией, Республикой Корея и Китаем. Удельный вес этой составляющей в национальном экспорте в Республику Корея составил 51,3%, в Японию – 48,1%, в Китай – 14,9%; в импорте, соответственно, 12,2; 7,4 и 10,0%. Эти позиции связаны, прежде всего, с существованием в Тихоокеанской России природно-ресурсного потенциала, включающего богатые энергетические, рыбные и лесные ресурсы. И одновременно с существованием высокого спроса на эти продукты в странах АТР. В настоящее время на рынки стран СВА направляется свыше 80% производимой на Дальнем Востоке деловой древесины, 75% добытой нефти, 40% выловленной рыбы и морепродуктов, 4% – угля, 2,5% – нефтепродуктов. При этом большая часть экспортных потоков лесопродукции с территории Тихоокеанской России замыкается на китайский рынок (85,3%), экспорт нефти ориентирован в основном на рынки Республики Корея (44,7%) и Японии (39,8%), СПГ – Японии (71,8%), рыбопродукции – Республики Корея (44,3%) и Китая (41,3%), нефтепродуктов – Японии (57,8%) и Китая (25,7%).

Основными стратегическими задачами внешнеэкономической политики России, ориентированной на интеграцию дальневосточных территорий с экономиками Северо-Восточной Азии в перспективе должны являться:

- в части привлечения иностранного капитала – создание комфортных условий для привлечения на Дальний Восток иностранного капитала. Наибольший приоритет должен отдаваться прямым иностранным инвестициям, поскольку они способствуют привлечению новых технологий и методов управления, созданию новых рабочих мест, росту объемов производства и экспорта, интеграции в международное экономическое пространство. Для привлечения иностранного капитала в экономику Дальнего Востока необходимо формирование инвестиционного климата, не менее привлекательного, чем в сопредельных странах АТР. Политика радикального улучшения инвестиционного климата станет необходимым условием успешного развития экономики. Для совершенствования инвестиционного климата необходимым будет использование целевых инвестиционных стимулов для привлечения отечественных и иностранных инвестиций в обрабаты-

вающие отрасли промышленности и «интеллектуальные» отрасли сферы услуг;

- в части формирования качественно новой основы развития экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР – использование преференций присоединения России к глобальным торговым институтам (ВТО);

- в части привлечения иностранной рабочей силы – эффективное использование трудового потенциала сопредельных стран с целью формирования оптимальной структуры рынка труда.

- в части торговой политики – всемерное содействие росту объемов экспорта, инициирование прогрессивных сдвигов в структуре промышленного производства Дальнего Востока, что предполагает формирование механизмов по аккумулированию доходов от внешнеэкономической деятельности для развития экспортного потенциала; создание финансовых структур с участием международного капитала для обслуживания внешнеэкономических связей и кредитования перспективных проектов международного сотрудничества; рационализация структуры импорта за счет увеличения в ней доли инвестиционных товаров, а также новых технологий, необходимых для модернизации существующих и создания новых, в том числе экспортных, производств.

Эти задачи могли бы эффективно решаться в случае, например, подключения России к интеграционным начинаниям в рамках концепции «специальной таможенной территории», предоставляющей территориям Тихоокеанской России большую стратегическую, тарифную и монетарную автономию.

Наибольшим потенциалом экономической интеграции для Тихоокеанской России в перспективе будут обладать проекты, связанные с новой индустриализацией, то есть формирование новых экономических ниш и новых сегментов товарных рынков как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности. Конечно, это предполагает существенный прогресс в области интеграции в сфере обмена технологиями и «производства знаний». Это в настоящее время наименее продвинутый сегмент общего интеграционного процесса.

Успех на этом направлении будет определяться, при прочих равных условиях, тремя обстоятельствами.

Во-первых, возможностью создания нового интеграционного формата – общего рынка технологий и информации. В частности, формированием объединенного на определенных условиях банка патентов

и лицензий, которые могут использоваться всеми заинтересованными сторонами подобного пула по примеру заимствований финансовых ресурсов в АБР. Для России и ее Дальнего Востока, обладающих мощным научным потенциалом, формирование такого интеграционного формата обеспечит существенное преимущество, так как именно Россия окажется в состоянии адаптировать и использовать ресурсы этого «информационно-технологического банка».

Во-вторых, возможностью встроить в интеграционные цепочки не только, и не столько бизнес-структуры или отдельные производственные единицы, сколько имплантировать в цепочки предметного и поддетального разделения труда в Северо-Восточной и в целом Восточной Азии продуктов и производственных процессов, локализованных в пределах Тихоокеанской России.

В-третьих, использованием естественных преимуществ, которыми обладает Тихоокеанская Россия в области природно-ресурсного потенциала. Значительная часть природных ресурсов Тихоокеанской России имеет для ряда стран Восточной Азии чрезвычайно высокую оценку предельной полезности (земля, водные и лесные ресурсы, углеводороды, минеральное сырье, пространство, экологическая емкость). Поэтому эти ресурсы следует использовать не только и не столько для увеличения размеров торговых доходов, сколько для организации взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии, в первую очередь, по типу «ресурс вместо рынка и технологии». То есть установление стабильных, гарантированных на длительную перспективу торговых и производственно-кооперационных связей по использованию природных ресурсов, включая в отдельных случаях концессионные и арендные отношения, должно сопровождаться для стран, в этих связях заинтересованных, обязательствами по встречному предоставлению экономическим агентам Тихоокеанской России технологий, каналов выхода на мировые рынки с производимой ими продукцией, а также установлением производственно-кооперационных связей по производству и реализации определенных видов продукции. При этом плата за технологии, рыночную логистику, маркетинг и т. д. может полностью или частично представлять собой дисконт к цене предоставляемых этим странам (их экономическим агентам) ресурсов в соответствии с межправительственными соглашениями. Конечно, это будет означать для российской стороны необходимость конструирования системы перераспределения доходов и издержек между всеми участниками данных «пулов».

Изложенные выше возможности, структурные и технологические инструменты для интеграции Тихоокеанской России с экономиками стран Северо-Восточной Азии не могут быть, конечно, реализованы автоматически или даже в результате длительной эволюции существующих институтов. Необходимо создать институциональную среду, которая бы позволила реализовать возможности для реальной интеграции с субглобальными рынками. Эта потенциальная среда предполагает формирование фактически новой модели функционирования экономики Тихоокеанской России в условиях неизбежного встраивания в глобальные процессы. Это встраивание может осуществляться по модели «форсированной торговли», когда крупные корпорации будут усиленно изымать сырьевые ресурсы и природные полезности, поставляя их на внешние рынки. Тихоокеанская Россия в этом случае будет по-прежнему играть роль «хранителя сокровищ», использование которых и присвоение основных выгод будет принадлежать транснациональным корпорациям (российским или / и зарубежным). Возможно же конструирование модели «активного собственника», предоставляющего свои ресурсы тем же транснациональным корпорациям, но изымающим в этом случае законную «абсолютную ренту» в вышеназванных формах. Вероятно, наиболее реалистично в перспективе формирование некоей компромиссной модели.

Формирование новых институтов в недрах существующей чрезвычайно инерционной институциональной системы, главной характеристикой которой является сращивание с административно-территориальной системой власти и управления, представляется мало реальным. Необходимо перейти к двухслойному принципу организации институциональной среды, который реализовывал бы идею размежевания институтов функционирования административно-территориального (субъект РФ – муниципалитеты) и экономического пространств (экономических зон, территориальных комплексов, трансграничных узлов и т. п.) на территории Тихоокеанской России.

Огромная территория с чрезвычайно низкой плотностью населения и экономической деятельности исключает возможность эффективного конструирования институтов «сплошного» действия, регулирующих экономическую жизнь и экономические взаимосвязи с внешней средой на всей территории Дальнего Востока. Специфические институты целесообразно конструировать лишь как локальные институты, действующие в пределах центров концентрации экономической деятельности.

Как отмечалось выше, такими центрами концентрации будут в перспективе являться линейно-узловые структуры, расположенные в пределах южной дуги (южного индустриального треугольника), а также отдельные экономические районы в зоне северной дуги. Так как в соответствии с общей концепцией новой индустриализации именно южная дуга (южный индустриальный треугольник) будет являться географическим местом концентрации потоков новых промышленных структур, ориентированных на максимально плотное взаимодействие с внешним миром с целью эксплуатации монопольных эффектов технологического лидерства, именно в приграничных районах должны быть созданы локальные национальные и трансграничные институциональные анклавов.

Организационно эти анклавов должны управляться специальными администрациями, в компетенции которых находится регулирование земельных, трудовых, таможенных, налоговых, коммунальных (инфраструктурных) отношений в части, касающейся экономических агентов, функционирующих на соответствующей территории. Этим администрациям должны быть переданы в управление земельные участки, предназначенные для инфраструктурного, промышленного и селитебного обустройства национальных и транснациональных экономических районов. При этом расположенные в пределах этих районов муниципалитеты сохраняют полномочия по организации и обеспечению функционирования коммунальной инфраструктуры и определению правил регулирования социально-бытовой и рознично-торговой инфраструктуры в пределах соответствующих муниципалитетов. Однако муниципалитеты и субъекты РФ лишаются прав регулирования и использования земельной собственности и недвижимости, а также прав осуществлять инвестиционную деятельность в пределах территорий, выделенных для формирования экономических районов, и, тем более, регулировать экономическое поведение резидентов экономических районов.

Администрации этих районов выступают также в качестве администраторов налогов, уплачиваемых резидентами, направляя соответствующие части налоговых доходов в соответствующие бюджеты. Фактически это означает формирование в пределах южного индустриального треугольника сети специальных экономических районов, а в зоне северной ресурсной дуги некоторого числа индустриальных анклавов.

Эта концепция кардинально отличается от предложений формировать на территории всего Дальневосточного региона единый особый экономический район, обладающий специальным финансово-налоговым и таможенным статусом, в котором государство посредством фондов регионального развития участвует лишь в создании «опорной инфраструктуры» (аэропорты, дороги, средства связи, линии электропередач, генерирующие мощности, системы тепло- и водоснабжения и т. п.), причем имеющей стратегическое значение для развития социально-экономической системы Дальнего Востока в целом. Эти предложения были сформулированы в 1990 г.¹, как вариант обсуждавшихся в то время сценариев общегосударственного перехода к рыночной экономике. Они предусматривали разделение всего хозяйственного и социального комплекса на Дальнем Востоке на две сферы – государственную и рыночную. Государственная сфера должна была финансироваться за счет специальных фондов государственного бюджета (фондов регионального развития) и в нее должны были входить проекты и объекты общерегионального значения, не ориентированные на получение прибыли. К ним относятся: проекты создания опорной производственной инфраструктуры, финансирование создания «ядер роста» или пусковых объектов – ввод в эксплуатацию новых природных ресурсов, создание задела по общему приросту сырьевых ресурсов, по подготовке новых секторов экономической активности; социальная поддержка населения, создание и поддержание социального минимума в области обеспечения жильем, коммунальными услугами, здравоохранением и образованием.

Остальная деятельность должна была опираться на инициативу территорий и отдельных предпринимателей и их сообществ, в том числе и иностранных. Роль государства должна была бы сводиться лишь к законодательному регулированию «правил игры» в регионе и обеспечению выполнения этих правил всеми участниками.

Предлагавшиеся институты, которые следовало бы создать для реализации концепции «Дальний Восток – особый экономический район», в некоторой степени возникли к настоящему времени (табл. 2).

---

¹ Минакир П.А. Концепция долговременного развития Дальнего Востока. 1990.

**Сравнение проектировавшихся и реально
созданных институтов**

Предлагавшиеся институты	Возникшие институты
«Экономическое открытие региона», т. е. предельная либерализация движения товаров и людей	Не реализовано
Создание государственного фонда развития Дальнего Востока	Формируется программа развития с бюджетным финансированием
Создание Дальневосточного банка экономического развития	Наделение Внешэкономбанка функциями кредитования крупных проектов на Дальнем Востоке
Льготное налогообложение объявленной прибыли с введением системы налоговых льгот для различных инвесторов	Не реализовано или реализовано частично в пределах налоговых полномочий местных органов власти
Гибкая таможенная политика, основанная на идеях протекционизма	Не реализовано
Введение режима свободного перелива капиталов из внутренних районов страны на Дальний Восток при ограничении обратного перелива капиталов	Не реализовано
Создание локальных свободных экономических зон	Не реализовано
Восстановление концессий	Не реализовано

Таким образом, за прошедшие более чем 20 лет большая часть институциональных новаций не была реализована, несмотря на то, что сделать это в 1990-е и 2000-е гг. было гораздо легче, так как в целом Россия в этот период быстро дрейфовала в сторону имплантации общих рыночных институтов. Однако в сфере экономического и финансового федерализма успехи оказались значительно скромнее, чем в области макроэкономического и корпоративного институционального строительства.

Наибольшей проблемой именно для Дальнего Востока, учитывая особое значение для него реализации принципов открытой экономики,

является блокирование институтов «открытости экономики». Именно либерализация внешней торговли и содействие конкуренции на внутреннем рынке являются в перспективе важнейшими институтами, имплантация которых способна обеспечить эффективное функционирование по модели новой индустриализации, основанной на технологических новациях, как в сегменте ресурсной экономики, так и обрабатывающих отраслей промышленности и сельского хозяйства. Ограничения в области либерализации торговли и других форм внешнеэкономических взаимодействий при узости внутреннего рынка не позволяют использовать эффекты роста производительности. Расширение рынков возможно только в случае использования стабильных каналов выхода на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако это предполагает наличие встречных каналов выхода зарубежных стран на рынки Дальнего Востока и России.

Необходимая структурная перестройка в экономике Тихоокеанской России должна быть основана на либерализации внешней торговли, особенно в контексте включения России и Дальнего Востока в интеграционные процессы в АТР, так как одним из эффектов интеграции является перенос производства «либерализованного» продукта в либерализованный же регион. Следовательно, стимулирование экономической активности, особенно в новых структурных звеньях на Дальнем Востоке, может быть основано на создании более либеральных или, по крайней мере, таких же как в регионах-лидерах условий для внешнеэкономической деятельности.

Кроме того, либерализация торговли и ее децентрализация может стать стимулом для получения эффектов «обучения» (*learning-by-exporting, learning-by-importing*), то есть создания в Тихоокеанской России более производительных, эффективных и крупных фирм, тогда как сейчас экономическая активность продолжает концентрироваться в федеральном центре. Эффекты «обучения» благодаря участию во внешней торговле проявляются и в склонности участвующих во внешней торговле предприятий к обучению персонала, что способствует повышению качества человеческого капитала. Наконец, либерализация торговли, может стимулировать приток иностранных инвестиций, которые, в зависимости от отраслевой принадлежности, могут направляться как в регионы с более емкими – для потребительских товаров – рынками, то есть расположенными в центральной части России, так и в регионы, более обеспеченные ресурсами – то есть на Дальний Восток.

Либерализация внешнеэкономической деятельности определяется, конечно, не только таможенными тарифами. В этом смысле Россия имеет достаточно либеральную внешнеторговую политику – к концу 2000-х гг. средняя ставка тарифа немного превышала 10%, что соответствовало среднемировому уровню. Но при этом нетарифные ограничения в России значительно хуже среднемировых показателей¹, а после 2005 г. ухудшение происходило непрерывно. Возможно, еще более важное значение имеет чрезмерно высокий уровень транзакционных издержек на преодоление административных барьеров. Если эти барьеры измерять, например, количеством документов, необходимых для оформления внешнеторговых сделок, временем, которое нужно затратить на их оформление и стоимостью их оформления, то величина транзакционных издержек в России сопоставима со странами-аутсайдерами в глобальном разделении труда (Кот-д-Ивуар или Руанда), что заставляет отнести Россию к одной из наименее открытых в мире стран².

Таким образом, либеральная тарифная политика «скрывает» крайне нелиберальные административные барьеры, которые в свою очередь стимулируют ухудшение экономических институтов через развитие коррупции.

Формирование «двухслойной» организации управления в экономике регионе, при которой на уровне локальных экономических районов можно решить проблему реальной либерализации внешнеэкономической деятельности, будет стимулировать увеличение масштаба эксплуатируемых рынков и обусловит притяжение инвестиций, как из-за пределов таможенной территории России, так и из внутренних регионов Российской Федерации.

---

¹ Точнее возьмем один из индексов (Freedom to Trade Internationally), а именно *Bi* – «Non-tariff trade barriers (GCR)». Чем выше его значение, тем меньше страна применяла в данном году нетарифных ограничений в сравнении с другими странами, по которым анализировались соответствующие данные (Fraser Institute Freedom in the World Data. URL: http://www.freetheworld.com/data-sets_efw.html (дата обращения: декабрь 2010).

² Ease of Doing Business. Trading Across Border / The World Bank. 2010.

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ВЫЗОВЫ¹

4–6 сентября 2019 г. прошел 5-й Восточный экономический форум, который является главной геополитической площадкой для России в зоне АТР. Форум в Санкт-Петербурге специализирован на глобальную повестку дня, демонстрацию приверженности России либеральным экономическим ценностям и иллюстрации того, какие результаты эта приверженность приносит России. А Восточный форум посвящен демонстрации успехов России в развитии экономики своих восточных районов, прежде всего Дальнего Востока, и прогрессу в интеграции России с экономиками стран АТР на двусторонней и многосторонней основе. При этом созданный в 2014 г. формат Восточного форума был обречен играть роль еще и геополитической площадки не только азиатско-тихоокеанского, но глобального масштаба, так как Восточная Азия в политическом смысле стала для России альтернативой атлантического направления во взаимодействиях с внешним миром.

В экономическом отношении Восточная Азия стала восприниматься экономической элитой России желанной альтернативой евроатлантического вектора экономических взаимодействий уже после кризиса 2009 г., когда экономика России столкнулась со стагнацией спроса в Европе на основные продукты российского экспорта. Нужно было искать новые рынки для извлечения ренты с природных ресурсов, особенно углеводородов, такими новыми рынками оказались рынки Восточной Азии. «Восточная политика» или, в новой редакции, «азиатская политика», провозглашенная после 2012 г. в качестве основного вектора национального развития, стала своеобразным брендом экономической политики России².

---

¹ *Минакир П.А.* Развитие Дальнего Востока России и международное сотрудничество: новые направления и вызовы // Материалы XXXV российско-японского симпозиума ученых-экономистов Дальнего Востока России и района Кансай (Япония) / под ред. П.А. Минакира, Вакио Фудзимото; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019.

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2013. 25 марта.

Некоторые экономические следствия такой переориентации можно заметить, по крайней мере, во внешнеторговой сфере. Доля товарооборота России со странами Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) составила в 2018 г. 22,4% общей стоимости внешнеторгового оборота против 17,7% в 2013 г. Значительно более высокая зависимость существует между странами Северо-Восточной Азии и российским Дальним Востоком. Около 80% общего товарооборота Дальневосточного федерального округа в 2018 г. составил товарооборот с вышеупомянутыми тремя странами США. Именно между ними распределяется практически весь экспорт сырьевой продукции региона, в том числе (в 2018 г.) 91,9% от всего экспорта продукции ТЭК, 96,7% рыбной продукции, 98,5% продукции деревообрабатывающей промышленности¹.

Особое место в международном экономическом сотрудничестве занимает развитие Дальнего Востока, базирующаяся на новой концепции государственной политики, содержание которой характеризуется несколькими пунктами:

- переход от сплошных государственных инвестиций в комплексное социально-экономическое развитие региона к точечным инвестициям в развитие инфраструктуры (прежде всего транспортной);
- акцент на поддержку крупных и крупнейших инвестиционных проектов, ориентированных, прежде всего, на экспорт продукции;
- переход от преимущественно инвестиционной политики к политике институциональной, внедрение новых институтов развития (агентство по развитию человеческого капитала, государственная корпорация по развитию Дальнего Востока, агентство по поддержке инвестиций);
- переход от политики сплошного освоения к политике создания локальных центров роста (территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт, специальные административные районы, «дальневосточный гектар»);
- переход от политики предоставления отдельных льгот к политике выравнивания условий ведения бизнеса с общероссийски-

---

¹ Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2; Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС. 2017–2019.

ми стандартами в области издержек производства (энерго- и транспортные тарифы).

В течение 2013–2018 гг. ряд инициатив по созданию локальных зон опережающего развития на Дальнем Востоке, снижению издержек производства в части энерго- и транспортных тарифов, снижению административных барьеров были превращены в законы и постановления правительства.

До настоящего времени, однако, существенного изменения темпов и структуры экономики, демографических тенденций в регионе не произошло. Инерция экономического поведения, ориентированного на рыночные критерии, которые диктует развитие в соответствии с динамикой и структурой спроса, оказалась слишком велика и составившая в среднем за 2014–2018 гг. норма накопления в размере 25–27% была не в состоянии преодолеть эту инерцию. Государство не имеет достаточных средств для существенного изменения в экономике региона вопреки сложившимся тенденциям, частный капитал ориентируется на традиционные экспортно ориентированные виды деятельности, динамика которых ограничена внешними факторами. Иностранный капитал заинтересован в основном в сырьевых проектах и производстве экспортно ориентированной продукции, возможности эксплуатации внутреннего российского рынка на Дальнем Востоке весьма ограничены¹.

Ожидалось, что на 5-м Восточном экономическом форуме в г. Владивостоке состоится официальная презентация национальной программы социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2035 г., которая должна заменить действующую Государственную программу развития этого региона до 2025 г.² По идее она должна была объяснить, почему за 5 лет, прошедшие после утверждения Государственной программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона, так и не получено положительных результатов ни в экономическом, ни в социальном плане. Даже рост инвестиций в Дальневосточном федеральном округе на 17% в

---

¹ *Минакир П.А.* «Программная» экономика: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2.

² Национальная программа развития Дальнего Востока до 2025 года / Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта. 2019; Национальная программа развития Дальнего Востока станет основной темой ВЭФ-2019 / Восточный экономический форум, Росконгресс.

2017 г., который упорно связывают с эффектом новой экономической политики на востоке РФ, в том числе с действием разнообразных льгот и дополнительным финансированием, никак не сказался на росте экономики и качестве жизни населения.

Однако анализ проекта новой национальной программы показывает, что основы для хотя бы 3–4% ежегодного экономического роста в регионе до сих пор не создано, хотя национальная программа декларирует достижение роста в размере 6% в год. Седьмой год на Дальнем Востоке, как и во всей стране, продолжается стагнация. В 2018 г. ВРП Дальневосточного федерального округа увеличился по отношению к 2012 г. только на 1,9% против 3% в целом по России.

Вместе с тем за последние 5 лет на Дальнем Востоке осуществлен ряд крупных мероприятий в области регулирования и стимулирования инвестиционной активности, чего не было в других регионах России, которые демонстрировали значительно более высокий и стабильный рост. Норма инвестиций в регионе составляет около 30% в ВРП в отличие от 17% в среднем по России. И при этом темпы не растут. Почему? В Казахстане, например, где норма инвестиций тоже около 30%, экономический рост в последние годы составляет около 4%. Развивающиеся страны в среднем при доле инвестиций в ВВП 30–35% развиваются темпом 4–5%. Почему Дальний Восток оказывается исключением из этого общего правила?

Во-первых, при высокой норме в 2018 г. объем инвестиций на Дальнем Востоке в 2013–2018 гг. сократился на 7%. И поэтому 17-процентный рост инвестиций в 2017 г. не смог обеспечить даже нулевой рост экономики Дальнего Востока.

Во-вторых, воспроизводится низкая прибыльность и высокая убыточность предприятий и организаций в регионе. У них не хватает средств даже для того, чтобы поддерживать нулевой рост. В России сальдированный финансовый результат составляет 7,3% к ВВП, а на Дальнем Востоке – 3,1% (всего 282,2 млрд руб.), а более 60% валовых инвестиций российских агентов финансируется из собственных средств.

В-третьих, на Дальнем Востоке совершенно не развита банковская система. Сумма кредитов предприятий и организаций Дальнего Востока по отношению к ВВП в 1,6 раза меньше средних показателей по России.

В-четвертых, доля бюджетных средств в общей сумме инвестиций составляет в регионе 11,2% против 15,3% по России. Это

справедливо и для средств федерального бюджета (6,4% против 7,4% в среднем по России). Все финансовые вложения в экономику на Дальнем Востоке в 2018 г. составили 1,6% от общероссийских финансовых вложений, что втрое меньше удельного веса ВРП Дальнего Востока в валовом внутреннем продукте РФ.

В-пятых, наиболее существенной причиной является сравнительно низкое качество человеческого капитала, которое ухудшается, благодаря структурной миграции.

Одной из фундаментальных причин низких темпов и низкой вероятности их повышения является отрицательная динамика и сравнительно низкий уровень конечного потребления. Реальное конечное потребление домашних хозяйств в сопоставимых ценах на Дальнем Востоке составляет 94% от общероссийского показателя, хотя номинально денежные доходы и потребительские расходы на душу населения на Дальнем Востоке выше, чем в России. Но стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе дороже в среднем на 21% по сравнению с усредненными данными по России.

Важной составляющей конечного спроса являются инвестиции в жилищное строительство. В нормальной экономике, по крайней мере, 20–25% экономического роста связано с ростом объема жилищного строительства, который генерирует спрос на развитие инфраструктуры, коммунального хозяйства, промышленности стройматериалов и других отраслей, рост покупок, связанных с приобретением нового жилья. Жилищное строительство обуславливает огромные финансовые потоки, в том числе в связи с продажей вторичного жилья. И все это увеличивает объемы ВРП. Но на Дальнем Востоке, где и так одни из худших в России показателей обеспеченности комфортным жильем на душу населения и его благоустройства, отставание жилищного строительства программируется на перспективу. В проекте национальной программы намечается рост жилищного строительства в 1,6 раза за 7 лет, а в целом по России это увеличение запланировано за 6 лет. В результате разрыв в обеспеченности жильем увеличится к 2025 г. до 2 раз.

В проекте национальной программы по каждому из субъектов РФ дается довольно длинный перечень создания новых предприятий или прироста мощностей у действующих предприятий. При этом отсутствует даже попытка отделить главное от второстепенного, существенное от несущественного.

Особое значение для Дальнего Востока имеет транспорт. Недостатки в его развитии в последние годы привели к потере Россией нескольких миллиардов долларов. Например, пропуск китайских грузов, в том числе контейнеров, через станцию Забайкальск. Раньше Забайкальск был монопольным пунктом пропуска китайских грузов по железной дороге. Но отсутствием развития перехода, задержками поездов воспользовался Казахстан. Китайские инвестиции были вложены в создание современного перехода, где простой составляет несколько часов, а не дней, как в Забайкальске, и где проходят уже подготовленные для маршрута скомплектованные грузовые поезда, в отличие от Забайкальска, где их формирование происходит перед станцией. В результате подавляющая часть грузов, особенно контейнеров, из Китая идет через Казахстан, а далее – сразу в Западную Сибирь, что в 1,5 раза уменьшило выручку с одного контейнера. Другим тормозом явится недостаточная пропускная способность Транссиба и БАМа. В программе обещается перевезти 210 млн т грузов, но про реальные мероприятия, которые гарантировали бы действительную коренную реконструкцию важнейших транспортных магистралей, ничего не говорится.

В перечне объектов для строительства на Дальнем Востоке преобладают добывающие предприятия. Причем торгуют они полупродуктами, а то и просто сырьем. Создание глубоких перерабатывающих комплексов даже не обсуждается. В случае же планирования новых мощностей добывающей промышленности почти все оборудование для них намечается импортировать, что из-за заниженного курса рубля резко увеличивает капиталоемкость. Не обсуждается создание в регионе машиностроительных мощностей по сборке, а впоследствии и более глубокой подготовке оборудования, там, где это целесообразно. Примеры Казахстана, Владимирской области и других регионов не учитываются.

И в целом по стране, и на Дальнем Востоке ситуацию с производством средств производства необходимо кардинально изменить. Ведь мы даже простую турбину для парогазовой электростанции, где КПД вдвое выше, чем на наших уже действующих электростанциях, которые потребляют вдвое больше газа, чем надо, не можем произвести. Хотя производим двигатели для самолетов, в том числе и новейшие типа ПД-14, не уступающие западным образцам, что неизмеримо более сложно. То же самое относится и к ракетным двигателям.

Согласно проекту национальной программы для достижения экономического роста 106% в год в период 2019–2025 гг. на Дальний Восток должно поступить 11,5 трлн руб. инвестиций (в период 2012–2018 гг. поступило 7 трлн руб.). Это означает ежегодный прирост объема инвестиций в основной капитал порядка 8%. Такой прирост инвестиций никогда не даст 6-процентного экономического роста, тем более что нужно преодолеть стагнацию. В лучшем случае при таком росте инвестиций общий экономический рост может составить 104% в среднем за год. Чтобы получить 6% в год в регионе нужно увеличивать инвестиции в главные драйверы социально-экономического роста (обрабатывающую промышленность, НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, роботизацию, биотехнологии, здравоохранение не менее, чем на 12–14% в год, а в целом объем инвестиций увеличивать на 10% в год. Но эти проценты нужно суметь профинансировать.

В бюджете таких денег нет. Основные финансовые ресурсы в России сосредоточены в банковской системе, активы которой составляют 92,5 трлн руб., тогда как вся сумма государственных средств, включая внебюджетные фонды (пенсионный, здравоохранение и социальный), составляет менее 40 трлн руб. Но этот источник почти совсем не используется на Дальнем Востоке. Нужно использовать инвестиционный кредит, чтобы увеличить уровень кредитования проектов развития. Ставки кредита в зависимости от типа проектов – от 2 до 5%. Сами банки на это не пойдут. Здесь-то и нужна национальная программа.

Почему весь пафос национальной программы свелся только к повышению темпов роста и / или объемов привлеченных в регион инвестиций – загадка. Ведь в действительности основной задачей является обеспечение увеличения общеэкономического потенциала, уровня социального развития и качества жизни населения. Экономика в 70 млрд долл. США не в состоянии ни интегрироваться на приемлемых условиях, ни привлечь сколько-нибудь заметный иностранный капитал из АТР. В АТР ценится уровень и динамика развития. А льготные налоговые условия ценятся лишь отдельными инвесторами и только в тех направлениях, которые уже обеспечены емким и стабильным рынком. А это – сырьевые отрасли. Гоняясь за темпами и объемами инвестиций, мы сооружаем для региона порочный круг с положительной обратной связью. Один из таких контуров положительной обратной связи – история с созданием рабочих мест в регио-

не. В программе предусмотрено, что стоимость создания одного рабочего места составляет почти 28 млн руб. или более 400 тыс. долл. США. Даже с учетом северных удорожания и высокой степени инфраструктурной необустроенности региона, большой доли добывающей промышленности это – запредельно высокая цена, которая не встречается, пожалуй, ни в одной стране мира. При такой стоимости рабочего места его окупаемость вообще оказывается под вопросом, какой бы уровень производительности труда не был обеспечен.

Все это грозит привести к закукливанию экономики региона, превращению ее в ресурсную резервацию, резервуар для сырьевой подпитки окружающего развивающегося мира.

А тем временем окружающий Дальний Восток мир (АТР и СВА), несмотря на мощные тенденции протекционизма в последнее время, неуклонно движется в сторону интеграции. Если и не глобальной, то региональной.

В зоне АТР после отказа США участвовать в интеграционной группировке ТТП все равно формируются альтернативные интеграционные форматы (Всеобъемлющее прогрессивное тихоокеанское партнерство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, зоны свободной торговли АСЕАН+3, АСЕАН+1). Россия потенциально присутствует только в одном формате – АТЗСТ. Но зато это самый нежизнеспособный формат.

Ключ к прорыву – развитие экономики и социальной среды. И в первую очередь на Дальнем Востоке. Успехи в снижении налогов и в поддержке и сопровождении инвесторов не помогут в деле интеграции. Нужно унифицировать тарифное и нетарифное регулирование, причем нетарифное – более узкое место. Но и это не панацея.

Отдельные успехи в точечных инвестиционных проектах, даже очень крупных, приятны, особенно для отчетов и статистики, но не приводят к результату – системному развитию и улучшению экономической и социальной среды и перспектив. Нужен прорыв в форме формирования механизмов межвидовых межрегиональных финансовых трансфертов.

Это – не программа, даже национальная, не перечень инвестиционных проектов и благих пожеланий. Это – реальная государственная политика, которая, естественно, конфликтует с суммарными корпоративными интересами. Но нахождение эффективного компромисса между интересами и есть суть государственной политики.

3.2. Интеграционные взаимодействия Дальнего Востока

РОССИЯ И КИТАЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Состояние и тенденции экономического развития российского Дальнего Востока, Забайкалья и Северо-Востока Китая

Ареалом соприкосновения России и Китая на Дальнем Востоке и сосредоточением их экономических связей являются: со стороны России – субъекты РФ, входящие в Дальневосточный федеральный округ, а также «забайкальские» субъекты РФ (Читинская область, Республика Бурятия); со стороны Китая – северо-восточные провинции (Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь).

Территория российского Дальнего Востока и Забайкалья составляет 6,99 млн км², или около 41% площади страны. При этом здесь проживает только 9,2 млн человек – 6,5% численности населения России. Северо-восточные провинции КНР занимают 8,3% территории страны (0,789 млн км²) с населением (на 2003 г.) 107,154 млн человек (8,3% численности населения страны). Таким образом, как по численности (в 11,7 раза), так и по плотности населения (в 103,8 раза) северо-восточные провинции Китая превосходят российский Дальний Восток и Забайкалье.

---

¹ Минакир П.А., Попов В.Е. Россия и Китай в условиях глобализации – региональный аспект // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005.

Северо-Восточный Китай. На равнине Северо-Восточного Китая (СВК) располагаются обширные пахотные угодья. Здесь преобладают плодородные черноземы, выращиваются главным образом пшеница, кукуруза, гаолян, соя, бобовые культуры и свекла. СВК является также местом преимущественного сосредоточения естественных лесов страны. Здесь обнаружены крупные месторождения нефти, каменного угля, железной руды.

Провинция Ляонин находится в южной части региона, омывается на юге водами Желтого и Бохайского морей. На востоке провинция граничит с КНДР. Площадь – более 150 тыс. км², население – 42,03 млн человек. Административный центр – г. Шэньян. Провинция Цзилинь находится в центральной части СВК, на юго-востоке граничит с Россией и КНДР. Ее площадь составляет более 180 тыс. км², а население – 26,994 млн человек. Административный центр – г. Чанчунь. Провинция Хэйлуцзян расположена в северной части СВК, на востоке и севере граничит с Россией. Ее площадь составляет более 460 тыс. км². Численность населения – 38,13 млн человек. Административный центр – г. Харбин.

В 2002 г. ВВП провинция Ляонин достиг 545 822 млн юаней (65 944,4 млн долл.). По данному показателю она занимала 6-е место среди провинций Китая. Ее ВВП с 1999 г. ежегодно рос более чем на 8%. ВВП провинции Хэйлуцзян равнялся 388 216 млн юаням (46 903 млн долл.) – 12-е место в Китае. Прирост ВВП в 2001–2002 гг. составил 9,3% и 10,3% соответственно. В провинции Цзилинь ВВП был равен 224 612 млн юаням (27 136,9 млн долл.) – 17-е место среди китайских провинций, прирост ВВП с 2000 г. ежегодно превышал 9%¹.

Для отраслевой структуры производства провинций в последние годы характерно опережающее развитие отраслей второй и третьей сферы экономики. Динамично развиваются транспорт и связь, что может свидетельствовать о возрастающей роли внешне-экономических связей для экономики региона.

Таким образом, по уровню экономического развития в СВК на 1-м месте находится Ляонин, за ней следует Хэйлуцзян, где значительно развита добывающая промышленность, в то время как Ци-

---

¹ Рассчитано по: China Statistical Yearbook. 2003 / National Bureau of Statistics of China, 2003. P. 62; Китай: факты и цифры. 2003. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/shuzi-2003/index.htm> (дата обращения: май 2004).

линь (традиционно специализирующаяся на сельском хозяйстве) отстает от соседних провинций по объемам производимого продукта.

Несмотря на то, что экономика СВК развивается опережающими темпами по сравнению с общекитайскими (прирост ВВП страны в 2002 г. по сравнению с предыдущим годом составил 8%), эти территории продолжают отставать от передовых приморских провинций. Отставание провинций СВК в экономическом развитии связывается с высоким удельным весом на их территории предприятий тяжелой промышленности (прежде всего в государственном секторе), отсутствием выхода к морю и мощного портового хозяйства (за исключением провинции Ляонин), а также сохранением повышенного внимания центрального правительства, прежде всего, к восточным провинциям, обладающим наиболее высоким потенциалом роста.

В 1950-е гг. прошлого столетия благодаря помощи СССР на территории СВК было создано более 50 промышленных объектов, образовавших сеть промышленных баз. СВК развивался прежде всего как база тяжелой и добывающей промышленности КНР. В 1960-е гг., с открытием и разработкой нефтяных месторождений, в структуре промышленности региона сформировался нефтехимический комплекс. Развитие получила и транспортная система региона. В 1978 г. перед началом экономических реформ доля СВК в ВВП КНР составляла 13,4%, однако в 1980-е гг., в связи с быстрым экономическим ростом восточных и юго-восточных провинций, произошло сокращение этого показателя. В 2002 г. он составил 11,19%¹.

Примерно половина валового внутреннего продукта СВК приходится на долю наиболее развитой в регионе провинции Ляонин. Относительно высокий удельный вес провинции Хэйлуицзян в общенациональном ВВП не в последнюю очередь объясняется наличием на ее территории одного из крупнейших нефтяных месторождений – Дацинского. Однако в последние годы нефтяные запасы Дацина в значительной степени истощены, и экономика становится все более зависимой от внешних поставок. Провинции Ляонин обладает выходом к морю, что создает лучшие возможности для привлечения иностранного капитала и развития экспортно ориентированных производств. В этой провинции наблюдается высокий удельный вес отраслей третьей сферы экономики в ВВП (в 2002 г. – 41,4%). Наи-

---

¹ Рассчитано по: China Statistical Yearbook. 2003. Pp. 27, 62.

больший из трех провинций удельный вес первой сферы имеют в Цзилинь (19,9%). Однако во всех трех провинциях отрасли второй и третьей сферы демонстрируют стабильный рост на уровне, превышающем 10% в год. Прирост в первой сфере не превышает 8,%¹. Из трех провинций Ляонин находится ближе всех по структуре экономики к наиболее развитым китайским провинциям. В провинции Цзилинь остается высокой доля сельского хозяйства как в объеме производства, так и в структуре занятости. Провинция является важным центром сельскохозяйственного производства не только в масштабе СВК, но и всей страны.

В настоящее время власти провинций уделяют значительное внимание реализации в регионе ряда крупномасштабных инвестиционных проектов, направленных на модернизацию структуры экономики, развитие экспортного сектора, создание новых высокотехнологичных производств, совершенствование транспортной и энергетической инфраструктуры. Общий объем инвестиций в экономику СВК в 2002 г. составил в провинции Ляонин – 160 555 млн юаней (примерно 19414 млн долл.), Цзилинь – 83 423 млн юаней (примерно 10 087 млн долл.), Хэйлунцзян – 104 617 млн юаней (около 12 650 млн долл.), Значительная часть этих инвестиций приходится на государственные предприятия (40,4%, 42 и 51,4% соответственно)².

Официально зарегистрированная численность ищущих работу (к ним относятся безработные, выпускники учебных заведений и работники, оравленные в бессрочные отпуска) в провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян в 2002 г. составила соответственно 1625, 396 и 914 тыс. человек. Уровень безработицы в СВК в течение последних 10 лет устойчиво растет. Так, численность безработных в городах пров. Ляонин выросла с 237 тыс. человек в 1990 г. до 755,7 тыс. в 2002 г. Соответствующий рост в провинции Цзилинь возрос с 105 тыс. человек до 238,2 тыс., в провинции Хэйлунцзян – с 204 тыс. до 416,1 тыс. человек. В 2002 г. официальный уровень городской безработицы составил в провинции Ляонин – 6,5%, Цзилинь – 3,6, Хэйлунцзян – 4,9%³. Однако по некоторым оценкам реальный уровень безработицы в СВК гораздо выше за счет сельских безработных и скрытой безработицы.

---

¹Рассчитано по: China Statistical Yearbook. 2003. P. 65.

²Ibid. P. 188.

³Ibid. P. 178.

Что касается благосостояния жителей СВК, то, например, такой показатель, как располагаемый годовой доход на душу городского населения в 2002 г., во всех трех провинциях отставал от среднего по стране и был в два раза ниже аналогичного показателя Пекина и наиболее развитой провинции Гуандун. Доходы сельского населения СВК, хотя и в несколько раз ниже доходов городского, тем не менее, заметно превышают средний по стране уровень.

С 1988 г. Китай формирует собственную северо-восточную зону экономического развития с центром на полуострове Ляодун. Эта зона включает в себя три провинции СВК, а также три аймака и один город в восточной части Внутренней Монголии. К середине 1990-х гг. в ее рамках было создано более 10 специальных экономических зон, ориентированных на внешнюю торговлю с США и привлечение иностранного капитала. Так, с 1984 по 1995 г. в провинции Ляонин было создано 5 таких зон, в провинции Цзилинь – 4 и в провинции Хэйлуцзян – 3. К началу 1990-х гг. в СВК были определены два района «приоритетного экономического строительства», территориально охватывавших центрально-южную часть провинции Ляонин и промышленный комплекс Харбин – Чанчунь. За каждым из них закреплена определенная специализация. В первом акцент сделан на развитии производства оборудования для металлургической, электроэнергетической промышленности и сверхмощного машиностроения, добыче и переработке нефти, химической промышленности. Район Харбин – Чанчунь специализируется на развитии нефтехимии, автомобилестроения и электромашиностроения, а также внедрении технических инноваций¹.

Российский Дальний Восток и Забайкалье. Дальний Восток России и Забайкалье занимают достаточно выгодное экономико-географическое положение в России и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выходя широким фронтом к Северному Ледовитому и Тихому океанам, соседствуя не только с Китаем, но и с США, Японией и КНДР. В незамерзающих портах Дальнего Востока смыкаются с океаном системы Транссибирской и Байкало-Амурской магистральных железных дорог, пересекающих Евразию, а вдоль дальневосточных берегов проходит Северный морской путь.

---

¹ *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 86–87.

Регион богат природными ресурсами. Огромный земельный фонд превышает 41% российского земельного потенциала, В то же время на пашню приходятся только 0,6% всех земель, а в расчете на одного жителя – 0,4 га пашни (от 1,4 га в Амурской области до 0,1 га в Магаданской области). Свыше 447 млн га составляют земли, покрытые лесами, в которых сосредоточен запас древесины 22,9 млрд м³. Общий объем биологических ресурсов в российской экономической зоне Тихого океана и его морей, по данным ТИНРО, составляет 25 млн т рыбы и морепродуктов.

Топливо-энергетические ресурсы представлены каменным и бурым углем, природным газом, нефтью, горючими сланцами, торфом, гидроэнергоресурсами. В регионе выявлено более 70 видов минерального сырья, среди них руды цветных и драгоценных металлов, алмазы, сырье для черной металлургии, химической промышленности, промышленности строительных материалов, минеральные воды, здесь сосредоточены основные российские запасы сурьмы, бора, олова, плавикового шпата и ртути, значительные запасы вольфрама, самородной серы, золота, серебра и др. Подтверждаются запасы железных руд на юге Якутии, в Еврейской автономной области и Амурской области.

Однако российские восточносибирские и дальневосточные территории в силу географической удаленности от европейских регионов России и довольно жестких климатических условий традиционно относятся к слабо освоенным территориям. Имевшие место, начиная с 1930-х гг., попытки центральных властей добиться приближения уровня экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья к среднероссийским показателям кардинально изменить ситуацию не смогли.

Начиная с середины 1980-х гг. удельный вес Дальнего Востока и Забайкалья в российской экономике начал снижаться, и к началу периода либеральных экономических реформ достиг в 1990 г. 5,4% в объеме общероссийского промышленного производства, и 9,7% в объеме капитальных вложений. Общеэкономический спад 1990–1998 гг. еще более закрепил отставание этого региона от общероссийского уровня. К 1998 г. совокупный валовой региональный продукт Дальнего Востока и Забайкалья составил только 7011,5 млн долл. и 1182,5¹ млн долл. соответственно.

---

¹ Рассчитано по официальному курсу доллара США к рублю на конец 1998 г.

Впервые за весь период реформ экономический рост на Дальнем Востоке и в Забайкалье был зафиксирован только в 1999 г. Улучшение динамики наблюдалось как в промышленности, так и в других сферах экономики, кроме сельского хозяйства. Заметно активизировалась инвестиционная деятельность (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика основных экономических индикаторов РФ,
Дальнего Востока и Забайкалья**

Территория	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Индекс ВРП, в % к предыдущему году							
Российская Федерация*	100	101,2	93,6	105,6	110,7	106,0	105,6
Дальний Восток	100	98,3	92,5	106,2	103,0	105,9	103,8
Забайкалье**	–	–	–	–	–	–	–
Республика Бурятия	100	102,2	94,1	108,0	104,8	106,4	106,4
Читинская область	100	92,3	86,8	109,8	109,3	107,5	101,4
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году							
Российская Федерация	95	102	95	111	112	105	104
Дальний Восток	92	95	98	107	107	99,9	100,2
Забайкалье**	95,2	96,6	93,1	112,9	107,7	109	105,7
Республика Бурятия	100,3	100,1	97	112	108	133	113,8
Читинская область	87	90	85	115	107	104	95
Индекс инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году							
Российская Федерация	81,9	95,0	88,0	105,3	117,4	110,0	102,6
Дальний Восток	74,2	92,2	96,8	144,3	98,4	147,9	108,4
Забайкалье**		85	86	120	130	113,8	75,1
Республика Бурятия	76	107	92	103	99	124,1	934,4
Читинская область	69,5	69	80	140	155,7	108,5	56,8

Примечание: * – ВВП, ** – экспертные оценки.

Источники: Российский статистический ежегодник. 1996. М.: Логос, 1996; Регионы России. В 2 т. / Госкомстат России. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2003.

В настоящее время совокупный удельный вес Дальнего Востока и Забайкалья в российской экономике составляет около 6% (совокупный ВВП – 17,9 млрд долл. из расчета по курсу руб. / долл., действовавшего на конец 2002 г., или 6,01 млрд долл. по ППС¹). При

¹ ППС – паритет покупательной способности (Российский статистический ежегодник. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.

этом наблюдается не только очень низкая концентрация экономического потенциала по территории Дальнего Востока и Забайкалья – 81,4 тыс. руб./км² (валовой региональный продукт на 1 км²) в 2002 г. против 554,7 тыс. руб./км² в целом по России, но и весьма высокая дифференциация рассматриваемых территорий по масштабу и уровню экономического развития (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение и концентрация ВРП по территориям
Дальнего Востока и Забайкалья в 2002 г.**

Территория	Удельный вес в ВРП, %	Экономический потенциал	
		концентрация ВРП, тыс. руб./км ²	отношение концентрации ВРП к общероссийскому показателю
Российская Федерация	100,00	554,70	100,00
Республика Саха (Якутия)	1,21	37,03	6,67
Приморский край	1,07	608,66	109,73
Хабаровский край	1,07	128,92	23,22
Амурская область	0,49	128,15	23,10
Камчатская область	0,27	53,71	9,68
Магаданская область	0,22	45,43	8,19
Сахалинская область	0,60	647,41	116,71
ЕАО	0,07	184,70	33,30
ЧАО	0,13	16,12	2,91
Республика Бурятия	0,41	111,20	20,05
Читинская область	0,48	104,41	18,82
Дальний Восток и Забайкалье	6,01	81,36	14,67

Динамика роста экономики Дальнего Востока и Забайкалья определяется развитием главным образом Республики Саха (Якутии), Приморского и Хабаровского краев, поскольку на долю этих субъектов РФ приходится более половины регионального выпуска. Причем только в Приморском крае уровень концентрации экономического потенциала превышает общероссийский показатель, а в большинстве регионов Дальнего Востока и Забайкалья уровень концентрации экономического потенциала составляет 3–33% от общероссийского.

Одной из ключевых отраслей экономики Дальнего Востока и Забайкалья является промышленность, На ее долю в 2002 г. прихо-

дилось 32,4% совокупного валового выпуска экономики региона. При этом удельный вес отраслей промышленного производства в валовом выпуске имеет тенденцию постепенного роста (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес основных отраслей материального производства в ВРП территорий Дальнего Востока и Забайкалья, %

Год	ВРП, всего	В том числе		
		промышленность	сельское хозяйство	строительство
1996	100,0	30,64	7,01	8,34
2002	100,0	32,38	5,39	9,99

Источник: рассчитано по: Национальные счета России в 1995–2002 гг. М., 2003.

Наряду с ростом удельного веса промышленного производства в ВРП Дальнего Востока и Забайкалья усилилась и его локализация. Если в 1996 г. на долю 4 наиболее промышленно развитых субъектов РФ (Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область) приходилось 68,1% совокупного промышленного производства, то в 2002 г. уже 73,3%. Это связано во многом с характером отраслевой структуры промышленности. Промышленное производство в регионе специализировано главным образом на отраслях первой сферы¹ экономики, доля которых возросла к 2002 г. до 61,3% по Дальнему Востоку и до 65,7% по Забайкалью (табл. 4).

Таблица 4

Структура промышленного производства РФ, Дальнего Востока и Забайкалья, %

Отрасль	1995			1998			2002		
	Рос-сия	Даль-ний Вос-ток	Забай-калье	Рос-сия	Даль-ний Вос-ток	Забай-калье	Рос-сия	Даль-ний Вос-ток	Забай-калье
Вся про-мышлен-ность	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹ ТЭК, цветная и черная металлургия, лесная промышленность.

Отрасль	1995			1998			2002		
	Рос- сия	Даль- ний Вос- ток	За- бай- калье	Рос- сия	Даль- ний Вос- ток	За- бай- калье	Рос- сия	Даль- ний Вос- ток	За- бай- калье
Электро- энергетика	13,5	19,3	29,0	17,0	22,6	41,9	11,8	16,8	31,7
Топливная	16,4	10,5	9,4	15,5	10,0	11,7	19,9	11,0	5,1
Черная ме- таллургия	9,1	0,5	2,2	7,7	0,7	1,5	8,1	0,9	0,4
Цветная ме- таллургия	6,5	20,7	15,1	7,6	26,2	14,8	7,7	29,3	23,3
Химическая и нефтехи- мическая	7,5	0,7	0,1	7,3	0,8	0,1	6,3	0,7	0,2
Машино- строение и металлооб- работка	17,9	8,5	15,1	18,0	9,2	8,5	20,1	13,5	20,5
Лесная, де- ревообраба- тывающая и целлюлоз- но-бумажная	5,1	5,4	6,6	3,9	3,0	4,7	4,4	5,1	5,1
Промышлен- ность строи- тельных материалов	4,8	4,0	5,3	3,8	2,4	3,3	3,1	1,8	2,0
Стекольная и фарфорофа- янсовая	0,3	0,2	0,2	0,4	0,1	0,1	0,5	0,1	0,0
Легкая	2,5	0,6	1,9	1,6	0,3	1,4	1,5	0,5	1,5
Пищевая	12,1	25,3	11,5	13,7	22,6	8,2	13,9	18,4	8,5
Мукомольно- крупяная и комбикормо- вая	2,1	2,0	1,7	1,8	0,7	2,2	1,2	0,4	1,0

Источники: рассчитано по: Промышленность РСФСР в 1990 г. М., 1991; Российский статистический ежегодник. 1996. М.: Логос, 1996; Регионы России. В 2 т. / Госкомстат России. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2001.

Замедление темпов роста промышленного производства региона в 2002–2003 гг., связано, главным образом, с проблемами в развитии экономики Якутии и Приморского края, темпы роста производства в которых в 2002 г. снизились до 1,7 и 1,2% соответственно. В 2003 г. динамика промышленного производства в Приморском крае несколько оживилась, хотя в Якутии осталась на прежнем низком уровне, а учитывая, что на ее долю приходится около 28% промышленного производства региона, динамика промышленного производства в масштабах региона осталась невысокой.

Довольно активный рост промышленности в Хабаровском крае (6,0% в 2002 и 7,2% в 2003 г.) оказался недостаточным для поддержания уровня общерегиональной промышленной динамики. Высокие темпы роста промышленности на Чукотке (20,5%), а также в Еврейской автономной области, Читинской области и Республике Бурятия оказали несущественное влияние на общий темп роста по региону, так как доля этих субъектов РФ в стоимости продукции промышленности Дальнего Востока и Забайкалья составляет около 11% (табл. 5).

Таблица 5

**Некоторые показатели развития промышленности территорий
Дальнего Востока и Забайкалья**

Территория	Удельный вес территории в общем объеме промышленного производства, %		Индекс производства продукции, в % к предыдущему году	
	1996	2002	2002	2003
Республика Саха (Якутия)	25,25	27,91	101,7	101,6
Приморский край	17,63	14,01	101,2	106,1
Хабаровский край	17,90	21,76	16,0	107,2
Амурская область	6,20	4,04	100,2	106,8
Камчатская область	7,39	5,35	84,0	103,4
Магаданская область	3,07	5,99	106,9	89,9
Сахалинская область	7,37	9,57	87,5	103,4
ЕАО	1,01	0,35	111,0	107,0
ЧАО	1,96	1,19	120,5	...
Республика Бурятия	6,62	5,57	113,8	112,1
Читинская область	5,57	4,22	96,7	110,2

Источники: рассчитано по: Промышленность РСФСР в 1990 г. М., 1991; Российский статистический ежегодник, 1996. М.: Логос, 1996; Регионы России. 1999; 2003.

Основные трудности развития промышленности уже длительное время связаны с накапливающимися проблемами в ее главных секторах.

Ведущей отраслью промышленности Дальнего Востока и Забайкалья является топливно-энергетический комплекс (почти 27% общего объема промышленного производства). Наибольший удельный вес электроэнергетики в общем объеме промышленного производства (от 25% до 32%) приходится на долю Амурской области, Чукотского автономного округа, Приморского края, территорий Забайкалья.

Топливная промышленность сосредоточена на Сахалине (56,2%) и в Читинской области (13,6%), чуть менее 10% от общего объема промышленного производства она составляет в Якутии. Основными производителями электроэнергии являются Якутия, Приморский и Хабаровский края, Амурская и Читинская области – более 75% вырабатываемой в регионе электроэнергии.

В 2002 г. произошло существенное сокращение объемов производства в электроэнергетике и топливной промышленности. Выработка электроэнергии снизилась практически во всех (кроме Приморского края и Республики Бурятия) территориях. Это обусловлено, с одной стороны, технологической ситуацией, с другой – замедлением общеэкономических темпов роста и снижением потребления электроэнергии.

Основными поставщиками угля являются Республика Саха (Якутия), Приморский край, Читинская область – почти 70% добываемого на территории угля. Рост добычи угля в Приморском крае не смог перекрыть резкого снижения производства в Читинской области, в результате чего в целом по Дальнему Востоку и Забайкалью добыча угля снизилась. Падение добычи угля связано с давно назревавшими и накопившимися тенденциями высокого процента износа оборудования и угледобывающей техники. В настоящее время вкладываются инвестиции в обновление устаревшего технологического оборудования, но отдачу от инвестиций можно ожидать лишь в перспективе.

Цветная металлургия наряду с отраслями ТЭК является ведущей отраслью промышленности Дальнего Востока и Забайкалья, на ее долю приходилось в 2002 г. 29,3% совокупного промышленного производства региона. Наибольший вклад в совокупный выпуск отрасли вносят Республика Саха (Якутия) – 64,1%, Магаданская область – 9,9, Хабаровский край – 7,4 и Читинская область – 5,5%.

В структуре промышленного производства субъектов РФ в 2002 г. на долю цветной металлургии в Якутии приходилось 72,7%, в Магаданской области – 60,0, в Чукотском автономном округе – 46,7, в Читинской области – 39,8% общего объема продукции промышленности.

Производство в данной отрасли напрямую зависит от конъюнктуры внутрироссийского и внешнего рынков. Это единственная отрасль в регионе, которая в течение всего периода рецессии показывала позитивные перемены. Рост в цветной металлургии обеспечен за счет темпов роста добычи золота. Так, например, в Хабаровском крае в 2001 г. добыча золота возросла на 49%, в настоящее время его добывается в 2 раза больше пика выработки советского периода. В Амурской области добыто 12 900 кг, что позволило перекрыть рекордное достижение 1994 г. Стремительный рост добычи произошел как за счет роста добычи рудного золота, так и за счет внедрения технологий переработки техногенных образований, содержащих тонкое золото.

В 2002 г. в Республике Саха (Якутия), Амурской и Камчатской областях произошло снижение объемов производства относительно 2001 г. Особенно оно значительно в Камчатской области, где снижение составило около 25%. Проблемы в отрасли обусловлены применением устаревших технологий добычи и переработки руд, вялым притоком реальных инвестиций в золотодобычу, незначительным объемом внебюджетных средств.

Машиностроение занимает 14,1% в совокупном промышленном производстве Дальнего Востока и Забайкалья. 68,3% выпуска машиностроительной продукции региона обеспечивают предприятия Хабаровского края, в структуре промышленного производства которого данная отрасль занимает более 42%. Вклад Республики Бурятия в региональный выпуск отрасли около 14%, а удельный вес отрасли в промышленной продукции республики составляет 32%. Для остальных территорий Дальнего Востока и Забайкалья машиностроение не является отраслью специализации, и их вклад в совокупный выпуск данной отрасли невелик.

Основу машиностроения составляют предприятия авиационного профиля, главным образом военно-промышленного комплекса, вследствие чего развитие отрасли в сильной степени определяется конъюнктурой государственного оборонного заказа либо разовыми контрактами на поставку продукции на внутренний и внешний рынки. На других территориях в основном развито сельскохозяйственное

машиностроение и ремонтное производство. В связи с этим темпы роста производства имеют неустойчивую динамику и в последнее время замедлились.

На долю выпуска продукции рыбной отрасли в структуре совокупного промышленного производства региона в 2002 г. приходилось примерно 11%. Основной объем промышленного производства обеспечивается предприятиями Приморского края (32,6%), Камчатской (30,4%) и Сахалинской областей (21,6%). Наиболее специализированными на производстве рыбной продукции являются Камчатская область, Сахалинская область, Приморский край и Магаданская область, чей удельный вес в общем объеме промышленного производства рыбной отрасли составлял в 2002 г. 54,9%, 25,7, 24,1 и 17,1% соответственно. В рыбной промышленности повсеместно продолжается спад производства, что отражает нарастающие проблемы с квотами на вылов рыбы и ухудшающееся финансовое состояние предприятий.

В 2002 г. на долю лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности приходилось 5,1% общего объема промышленного производства Дальнего Востока и Забайкалья. Данная отрасль сконцентрирована главным образом на территории Хабаровского (49,3%) и Приморского краев (22,1%). При этом наибольший удельный вес в структуре регионального промышленного производства отрасль имеет в Еврейской автономной области (12,8%), Хабаровском крае (11,2), Амурской области (8,1), Приморском крае (7,6) и Республике Бурятия (6,8%). Развитие отрасли сильно зависит от конъюнктуры на национальном и мировом рынках. Из-за потери внутренних рынков сбыта заготовленной древесины и пиломатериалов в республиках Средней Азии, европейской части России лесной комплекс Дальнего Востока и Забайкалья полностью ориентирован на зарубежный рынок АТР, на котором востребован в основном круглый лес. Зависимость производителей от колебаний цен на внешнем рынке ставит под угрозу финансовое состояние лесоперерабатывающих предприятий.

Позитивное воздействие девальвации рубля, приведшее к сокращению импорта и масштабному импортозамещению, затронуло, главным образом, пищевую и обрабатывающие отрасли промышленности. Однако после всплеска экономической активности 1999–2000 гг. в последующие годы вследствие исчерпания позитивного воздействия на динамику производства девальвации российской ва-

люты показатели экономического роста оказались менее существенными и сильно зависят от конъюнктурных факторов, прежде всего, от состояния рынка углеводородного сырья.

Региональные российско-китайские торгово-экономические связи

Внешнеторговая деятельность Китая вследствие активного экономического роста развивается весьма высокими темпами, в 1991–2003 гг. оборот внешней торговли КНР возрос в 6,76 раза.

Основу экспорта КНР определяют машины и оборудование, товары потребительского спроса, черные металлы и прокат. В структуре импорта наибольший удельный вес (около 40%) занимает продукция инвестиционного назначения. Экономический рост в Китае обусловил потребность в стабильных и возрастающих поставках ряда товаров российского экспорта. За период 1992–2002 гг. объем торговли между Россией и Китаем увеличился в 1,98 раза и достиг 9,2 млрд долл. (без учета «челночной торговли»). При этом экспорт России в Китай за этот период вырос в 2,38 раза, а экспорт КНР в Россию вырос только в 1,33 раза.

Удельный вес РФ в совокупном объеме внешней торговли Китая остается небольшим. По импорту на долю России приходится около 3%, а по экспорту – менее 1%. Хотя удельный вес России в совокупном импорте невелик, однако по ряду товаров данный показатель многократно выше. В частности, за счет российских поставок в 2002 г. удовлетворялись импортные потребности КНР в деловой древесине на 61 %, в бумаге и целлюлозе – на 17, в черных металлах – на 19, удобрениях – на 42, в рыбе и морепродуктах – на 57, в сырой нефти – на 4,4%. Осуществлялись крупные поставки в рамках военно-технического сотрудничества.

Китай также пока не играет существенной роли во внешнеторговых связях России. На его долю приходится около 2% российского экспорта и около 4% импорта (*табл. 6*).

Объемы российского экспорта существенно превышают встречные поставки китайских товаров, в 1999–2002 гг. суммарное сальдо России во взаимной торговле составило 15,2 млрд долл.¹

---

¹ Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004.

Таблица 6

Внешняя торговля КНР и России в 1994–2002 гг.

Показатель	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
	Внешняя торговля КНР, млрд долл.								
Экспорт	121,0	148,8	151,1	182,8	183,7	194,9	249,2	266,2	367,2
удельный вес России, %	2,4	2,3	3,1	2,2	1,7	1,8	2,1	2,1	1,9
Импорт	115,6	132,1	138,8	142,4	140,2	165,7	225,1	243,6	329,2
удельный вес России, %	0,8	0,7	0,7	0,9	0,8	0,5	0,4	0,7	0,7
	Внешняя торговля России, млрд долл.								
Экспорт	67,8	82,9	90,6	89,0	74,9	75,6	105,0	101,6	107,2
удельный вес КНР, %	2,3	2,4	1,9	2,2	2,4	2,2	2,0	1,8	1,6
Импорт	50,5	62,6	68,0	72,0	58,0	39,5	44,9	53,8	61,0
удельный вес КНР, %	5,3	7,2	6,8	5,7	5,0	4,4	4,7	3,3	2,5

Источники: рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.

Вместе с тем в последние годы обозначилась тенденция быстрого роста объемов импорта из КНР. В 2001–2002 гг. наряду с товарами легкой промышленности, традиционно поставляемыми на российский рынок, опережающими темпами росли поставки машинотехнической продукции, прежде всего, бытовой электротехники и некоторых видов промышленного оборудования.

По оценкам китайских специалистов, объем внешней торговли между Россией и Китаем в 2004 г. достиг 20 млрд долл. Россия стала 8-м по значимости торговым партнером КНР, а Китай для России стал 4-м партнером. Однако очевидно, что объем товарооборота между РФ и КНР не соответствует их экономическому потенциалу, во внешнеторговом обороте Китая в 2004 г. он составлял 1,7%, а во внешнеторговом обороте России – 7,4%.

Торгово-экономические отношения российского Дальнего Востока и Забайкалья с Китаем существенно оживились после кризиса 1998 г. и вносят довольно существенный вклад в динамику вза-

имных внешнеторговых связей. В 2001 г. доля региона во внешнеторговом обороте между Россией и КНР достигала 27,8%. Китай остается главным внешнеторговым партнером для дальневосточных и забайкальских территорий России (табл. 7).

Таблица 7

Показатели внешней торговли российского Дальнего Востока и Забайкалья с КНР, %

Год	Удельный вес Дальнего Востока и Забайкалья во внешней торговле между Россией и КНР	Темпы роста оборота внешней торговли Дальнего Востока и Забайкалья	Темпы роста оборота внешней торговли между Дальним Востоком и Забайкальем и КНР	Удельный вес КНР во внешней торговле Дальнего Востока и Забайкалья
1995	9,53	100,0	...	9,00
1996	18,43	125,1	259,11	18,65
1997	14,76	99,3	72,93	13,69
1998	26,22	85,3	146,53	23,51
1999	15,16	75,6	58,51	18,19
2000	20,13	131,7	188,17	25,99
2001	27,84	122,6	159,04	33,70
2002	17,67	98,6	82,05	28,03
2003	14,88	114,2	105,75	25,95

Источник: рассчитано по данным органов государственной статистики территорий Дальнего Востока и Забайкалья.

Торгово-экономические связи северо-восточных провинций Китая, прежде всего провинции Хэйлунцзян, во многом ориентированы на Дальний Восток и Забайкалье. В 2004 г. оборот внешней торговли провинции Хэйлунцзян с Россией достиг 3,82 млрд долл., что составляет около 56% общего объема внешнеторгового оборота провинции (6,79 млрд долл.) и занимает 19% в обороте китайско-российской торговли. Внешнеторговые связи других северо-восточных провинций Китая с Россией менее существенны¹.

---

¹ В 1995 г. доля России в общем объеме экспорта провинции Хэйлунцзян составила 41%, в импорте – 20%; провинции Ляонин – 1,6 и 2,4% соответственно; провинции Цзилинь – 6 и 6% соответственно.

В настоящее время на границе РФ и СВК открыто 16 транспортных переходов. С китайской стороны все они находятся на территории провинции Хэйлундзян, в которой с середины 1980-х гг. было начато создание «пограничного пояса открытости». С российской стороны 5 – в Амурской области, 3 – в ЕАО, 2 – в Хабаровском крае и 6 – в Приморском крае.

Несмотря на сокращение темпов роста внешней торговли региона с КНР, китайский рынок для Дальнего Востока и Забайкалья потенциально является одним из наиболее перспективных. Однако накопившиеся к настоящему времени проблемы существенно ограничивают возможности дальнейшего развития взаимного торгово-экономического сотрудничества. По оценкам специалистов ИЭИ ДВО РАН, к числу наиболее важных проблем относятся¹:

- узкая номенклатура экспорта региона. В настоящее время набор экспортируемых в Китай товаров выглядит довольно ограниченным. Более того, за последнее десятилетие произошло заметное сокращение числа экспортируемых товаров. Стабильный рост экспорта в традиционных направлениях мог бы обеспечить более существенные инвестиции (в том числе и иностранные) в соответствующие производства. К сожалению, серьезных непосредственных предпосылок к этому пока нет;

- неразвитость сети корреспондентских связей между банками России и Китая, значительный удельный вес расчетов наличными, что затрудняет дальнейшее развитие торговли, снижает инвестиционную активность деловых кругов обеих стран;

- ставка китайской стороны на развитие «народной» или «челночной» торговли, при которой физическими лицами перевозятся крупные партии товаров. Такая примитивная форма торговли приводит к уменьшению поступлений налогов в бюджеты всех уровней, невозможности контроля за технологическим процессом изготовления товаров, определения подлинности сертификатов качества и безопасности на ввозимые товары.

Перспективы торгово-экономического сотрудничества Дальнего Востока с Китаем во многом связаны с активизацией межрегиональных взаимодействий дальневосточных субъектов РФ с СВК.

---

¹ Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты. 2004.

В настоящее время КНР проводит активную политику по модернизации экономики северо-восточных провинций. При этом акцент делается на создание современных экспортно ориентированных предприятий с учетом имеющихся преимуществ в отраслевом развитии каждой из провинций. Реализация намеченных экономических преобразований на СВК в контексте вступления страны в ВТО может дать мощный импульс к расширению масштабов и структуры торговли Китая с российским Дальним Востоком.

Кроме того, ожидается, что присоединение КНР к ВТО уже в ближайшие годы приведет к значительному улучшению качества китайской экспортной продукции, в частности, за счет все более широкого использования современных технологий, материалов и комплектующих, поставляемых в Китай из развитых стран, и тем самым создаст реальные условия для увеличения объемов китайского импорта в Россию.

Рынки инвестиций российского Дальнего Востока, Забайкалья и КНР: инвестиционное сотрудничество в начале 2000-х гг.

На территории Дальнего Востока и Забайкалья к 2003 г. инвестиционная активность по сравнению с уровнем 1998 г. возросла в 2,8 раза. Однако доля этого региона в общероссийских инвестициях в 2003 г. (9,0%) только приблизилась к показателю 1990 г. (9,7%), а объем инвестиций пока не превышает 50% от уровня 1990 г. Несмотря на довольно впечатляющие темпы роста инвестиций на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 2003 г. (137,3% к уровню 2002 г.), рынок капиталобразующих инвестиций в регионе носит фрагментарный характер. Более 63% инвестиций в регионе размещались в Сахалинской области, Хабаровском крае и Республике Саха (Якутия) (табл. 8).

Для экономики региона последних лет характерна слабая корреляция между динамикой выпуска продукции в основных отраслях экономики, прежде всего в промышленности.

Доминирующую роль в источниках финансирования капиталобразующих инвестиций региона играют привлеченные внебюджетные средства – 57,2% (средства, направляемые на реализацию сахалинских нефтегазовых проектов) и собственные средства предприятий – 28,4% (также в значительной мере связанные с реализацией сахалинских нефтегазовых проектов и, кроме того, с освоением минерального сырья в Якутии и Хабаровском крае).

Таблица 8

**Инвестиционная активность территорий
Дальнего Востока и Забайкалья, %**

Территория	1995		2001		2003	
	к предыдущему году	удельный вес	к предыдущему году	удельный вес	к предыдущему году	удельный вес
Российская Федерация	90	100	109	100	112,5	100
Дальний Восток и Забайкалье*	85	6,3	129,4	6,3	137,3	9,0
Республика Саха (Якутия)	91	1,5	109,8	1,3	102,4	1,3
ЕАО	89	0,1	98,3	0,0	152,5	0,1
ЧАО	66	0,1	232,6	0,1	176	0,4
Приморский край	80	1,1	103,7	0,6	97,1	0,7
Хабаровский край	84	0,7	108,3	1,0	106	1,1
Амурская область	82	0,7	300,1	1,0	111,9	0,8
Камчатская область	53	0,3	99	0,3	166	0,3
Магаданская область	72	0,2	108,3	0,2	77,1	0,1
Сахалинская область	99,3	0,6	167,9	0,9	в 2,2 р.	3,3
Республика Бурятия	76	0,4	124,1	0,3	126,8	0,4
Читинская область	107	0,6	108,5	0,6	146,4	0,5

Примечание: * – экспертные оценки.

Источники: Регионы России. Т. 2. М., 1999; Российский статистический ежегодник. М., 2002; Социально-экономическое положение ДФО в 2002 г. М., 2003; Социально-экономическое положение Сибирского федерального округа в 2002 г. М., 2003; Социально-экономическое положение ДФО в 2003 г. М., 2004; Социально-экономическое положение Сибирского федерального округа в 2003 г. М., 2004.

Мировая конъюнктура на ресурсных рынках, определившая высокую доходность соответствующих отраслей российской экономики, существенно повлияла на динамику и структуру привлечения иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока и Забайкалья. Величина иностранных инвестиций в 2003 г. в 5 раз превысила уровень 1998 г., прямые иностранные инвестиции возросли в 8,4 раза. На долю Дальнего Востока и Забайкалья в 2003 г. пришлось 9,6% всех иностранных инвестиций и 31% прямых иностранных инвестиций.

В структуре иностранных инвестиций в народное хозяйство Дальнего Востока и Забайкалья преобладают прямые инвестиции, их доля в среднем в 1995–2003 гг. составляла около 70%. В силу слабо развитого регионального фондового рынка и информационной «закрытости» предприятий региона и, соответственно, рискованности для размещения капиталов в ценных бумагах доля портфельных иностранных инвестиций занимает менее 1%. В то же время прочие инвестиции – товарные и иные кредиты – достигали примерно 30% (табл. 9).

Таблица 9

Иностранные инвестиции на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье

Показатель	1995	1997	1999	2001	2003
Всего, в % к уровню предыдущего года	100	66,43	226,80	132,87	249,40
из них:					
прямые, в % к уровню предыдущего года	...	121,48	193,43	113,24	115,88
удельный вес, %	64,10	72,20	87,21	59,78	73,52
портфельные, в % к уровню предыдущего года	...	19,27	24,62	188,71	112,28
удельный вес, %	0,04	0,24	0,13	0,16	0,39
прочие, в % к уровню предыдущего года	...	70,07	23,28	85,01	72,06
удельный вес, %	36,86	27,57	12,67	40,06	26,09

Ресурсно-сырьевой сектор российского Дальнего Востока и Забайкалья становится все более привлекателен для иностранных инвесторов. Совокупная доля 4 основных отраслей ресурсно-сырьевой специализации (топливная, лесозаготовительная промышленность, металлургия и геология) по итогам 2003 г. удвоилась по сравнению с 1995 г. и составила почти 84%. При этом наиболее инвестиционно привлекательной является топливная отрасль, в частности, нефтегазовая, на долю которой в 2003 г. приходилось 62,5% иностранных инвестиций (табл. 10).

Отрасли, эффективность инвестиций в которые обусловлена конъюнктурой внутреннего дальневосточного рынка, привлекают менее 20% иностранного капитала. Это во многом объясняется довольно узким и слабо дифференцированным рынком Дальнего Вос-

тока и Забайкалья, население которого не отличается высокими среднедушевыми доходами, да к тому же на протяжении последних 15 лет наблюдается довольно устойчивая тенденция сокращения численности постоянного населения.

Таблица 10

Распределение иностранных инвестиций по основным отраслям экономики российского Дальнего Востока и Забайкалья, %

Отрасль	1995	1997	1999	2001	2003
Всего инвестиций, из них	100	100	100	100	100
топливная промышленность	21,3	15,8	80,8	42,2	62,5
металлургия	10,8	32,8	9,8	22,4	1,2
лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность	9,2	8,8	2,7	4,4	1,0
геология	0,1	2,1	1,5	0,1	19,1
пищевая промышленность	12,7	12,1	1,4	9,3	2,3
транспортная связь	21	6,8	1,3	1,5	0,4
торговля и общественное питание	2,2	1,7	0,1	0,7	0,2
прочие отрасли	22,7	19,9	2,4	19,4	13,3

Источник: рассчитано по данным органов государственной статистики территорий Дальнего Востока и Забайкалья.

С точки зрения географического распределения иностранных инвестиций по территории Дальнего Востока и Забайкалья в последние годы лидирующие позиции занимают Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) и Приморский край, на долю которых в общей сложности в 2003 г. пришлось более 96% всех иностранных инвестиций в регион. В этих же субъектах РФ сосредоточены практически все прямые иностранные инвестиции (более 99%).

В последние годы общая динамика привлечения иностранных инвестиций на российском Дальнем Востоке в основном определялась ситуацией в Сахалинской области. Так, в 2000 г. объем иностранных инвестиций в области составил 250,6 млн долл. (43,4% общего объема иностранных инвестиций на российском Дальнем Востоке); в 2001 г. соответствующий показатель достиг 388,9 млн долл. (50,7%), в 2002 г. – 706,7 млн долл. (61,9%), а в 2003 г. – уже 2083,1 млн долл. (74,58%).

Если в целом по России произошло удвоение объема прямых иностранных инвестиций (с 3 млрд долл. до 6,7 млрд долл.), то в Сахалинской области их объем вырос до 2,08 млрд долл., т. е. около 30% прямых инвестиций в Россию направлялись в этот дальневосточный субъект РФ. Такая динамика привлечения иностранного капитала связана, главным образом, с финансированием из-за рубежа нефтегазовых проектов и продажей углеводородов с сахалинского шельфа.

Китайский рынок инвестиций самый масштабный и динамичный в Восточной Азии. Инвестиции в основные фонды в 2002 г. превысили 4,34 трлн юаней¹, что более чем в два раза превосходит объемы инвестиций 1995 г. (инвестиции в капитальное строительство составили 39,57% от инвестиций в основные фонды).

На долю северо-восточных провинций Китая в 2002 г. приходилось 8,1% инвестиций в основные фонды и 7,9% инвестиций в капитальное строительство. Общий объем инвестиций в экономику СВК в 2002 г. составил: в Ляонине – 160 555 млн юаней (примерно 19 414 млн долл.); Цзилине – 83 423 млн юаней (примерно 10 087 млн долл.); Хэйлунцзяне – 104617 млн юаней (около 12650 млн долл.). Причем значительная часть этих инвестиций приходится на государственные предприятия (40,4%, 42 и 51,4% соответственно)².

На фоне сравнительно умеренной инвестиционной привлекательности экономики СВК в целом выделяется ресурсно-сырьевой сектор (добыча полезных ископаемых и производство и транспортировка электрической энергии, газа и воды). Доля инвестиций СВК в этих отраслях экономики в 2002 г. существенно превышала общекитайский уровень (17,7%) и достигала 27,27%. Причем на долю провинции Хэйлунцзян приходилось около 45% инвестиций в эти отрасли экономики СВК, провинции Цзилинь – 21,9% и Ляонин – 32,7%.

Еще более интенсивная инвестиционная активность в сравнении с ситуацией в целом в экономике Китая отмечалась в строительстве и на рынке недвижимости. На долю провинции Ляонин приходилось более 89% инвестиций в недвижимость в СВК в 2002 г. (*табл. 11*).

---

¹ China Statistical Yearbook. 2003. P. 185.

² Ibid. P. 188.

Таблица 11

**Отраслевое и географическое распределение инвестиций
в капитальное строительство в КНР, 2002 г., %**

Отрасль	Отраслевая структура инвестиций в капитальное строительство по провинциям КНР					Доля СВК в инве- стици- ях в от- расль
	КНР	в том числе по СВК				
		Хэй- лунц- зян	Цзи- линь	Ляо нин	СВК всего	
Всего	100	100	100	100	100	7,9
Сельское, лесное и рыбное хозяйство, животноводство	3,3	4,1	0,6	1,5	2,2	5,12
Добыча полезных ископаемых	3,8	18,3	5,3	6,8	10,5	21,47
Промышленное про- изводство	11,9	8,4	12,1	12,9	11,1	7,37
Производство и транспортировка электрической энер- гии, газа и воды	13,9	8,2	11,7	11,0	10,2	5,80
Строительство	1,5	1,4	2,9	1,6	1,9	9,82
Геологоразведка и водосбережение	4,1	2,5	2,4	1,2	2,0	3,85
Транспорт, почта и телекоммуникации	24,9	21,1	16,1	19,5	19,2	6,09
Оптовая и розничная торговля	2,2	2,2	6,0	4,0	3,9	13,71
Банковское дело и страхование	0,4	0,4	0,7	0,8	0,6	13,27
Недвижимость	1,1	0,5	0,2	5,2	2,2	15,27
Социальные услуги	14,6	12,2	16,7	14,5	14,3	7,70
Здравоохранение и спорт	1,9	1,3	1,5	1,3	1,4	5,55
Образование, культу- ра и искусство, ра- дио, кино и телеви- дение	6,6	6,9	9,0	7,4	7,6	9,16
Научно-технические исследования	0,8	0,5	0,6	1,0	0,7	7,32

Отрасль	Отраслевая структура инвестиций в капитальное строительство по провинциям КНР					Доля СВК в инве- стици- ях в от- расль
	КНР	в том числе по СВК				
		Хэй- лунц- зян	Цзи- линь	Ляо нин	СВК всего	
Правительственные и партийные объекты, общественные орга- низации	7,7	10,6	13,1	9,6	10,9	11,23
Другие	1,2	1,2	1,0	1,9	1,4	9,60

Источник: рассчитано по: China Statistical Yearbook. 2003. Pp. 196–197.

Основными источниками финансирования инвестиций как в Китае в целом, так и в северо-восточных провинциях в 2002 г. служили выпуск ценных бумаг (53,6%) и кредиты (17,1%). Доля средств государственного бюджета была невелика – 12,8%¹ (табл. 12).

Таблица 12

**Источники финансирования инвестиций
в капитальное строительство в СВК, 2002 г., %**

Территория	Всего	Средств- ва гос- бюджета	Кре- диты	Иностран- ные инве- стиции	Выпуск ценных бумаг	Дру- гие
КНР	100	14,7	25,6	6,0	44,5	9,2
Хэйлунцзян	100	11,4	14,9	2,4	59,2	12,2
Цзилинь	100	8,9	13,5	3,3	56,0	18,2
Ляонин	100	16,8	21,6	7,9	46,8	6,9
СВК	100	12,8	17,1	4,8	53,6	11,7

Источник: рассчитано по: China Statistical Yearbook. 2003. Pp. 192.

---

¹ Говоря о низкой доле государства в финансировании инвестиций в КНР, следует учитывать, что финансовый сектор Китая практически полностью находится в руках государства. Кроме того, на Северо-Востоке Китая преобладают предприятия государственной формы собственности. Реально доля государства в инвестициях существенно выше, чем фиксируется официальной статистикой.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), несмотря на масштабы их привлечения в экономику КНР (в 2002 г. – 52,7 млрд долл., в 2003 г. – 53,5 млрд долл.), существенной роли в финансировании капитального строительства не играют. В целом по Китаю их доля составляла в 2002 г. 6,0%, а по СВК – только 4,8%. Причем только на долю Китая в 2002 г. приходилось более 55% всех ПИИ в азиатском регионе.

По сравнению с восточными прибрежными районами Китая северо-восточные провинции испытали за годы экономических реформ гораздо меньший приток иностранных инвестиций, что и выразилось в отставании их экономического развития. Так, с 1985 по 1998 гг. объем накопленных прямых иностранных инвестиций в три северо-восточные провинции Китая составил всего 17,8 млрд долл. при ведущей роли провинции Ляонин (12,21 млрд долл.). За этот же период объем прямых иностранных инвестиций, например, в экономику прибрежной провинции Гуандун достиг 76,75 млрд долл. В общем объеме привлеченных в этот период ПИИ доля Хэйлунцзяна, Цзилиня и Ляонина составила соответственно 1,22%, 0,9 и 4,63%. В этот период 29,9% ПИИ, поступивших в Китай, было направлено в провинции Гуандун¹. К 2002 г. ситуация кардинальным образом не изменилась, а в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь ухудшилась по сравнению с 1996 г., их совокупная доля в поступающих в Китай ПИИ сократилась до 1,1%, а объем ПИИ сократился практически вдвое. В провинции Ляонин ситуация с ПИИ развивалась по иному сценарию. За тот же период объем привлекаемых ПИИ в этой провинции к 2002 г. удвоился, а ее доля возросла более чем на 2% (табл. 13).

В 2003 г. в северо-восточных провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян было привлечено иностранных инвестиций на сумму 7,19 млрд долл., что составило 13,4% от общего объема фактически привлеченных Китаем иностранных инвестиций. В частности, темпы роста иностранных инвестиций, привлеченных в провинции Ляонин, достигли рекордного за последние годы уровня – 34,7%.

Рынок капиталобразующих инвестиций Северо-Востока Китая более чем в 10 раз превосходит рынок инвестиций Дальнего Востока и Забайкалья. На фоне позитивных изменений, происходящих

---

¹ *Yuqing Xing*. Foreign Direct Investment and Technology Spillover Efficiency: Evidence from China's Regional Productivity Growth // The Journal of Econometric Study of Northeast Asia. 2001. Vol. 3. No. 1. P. 48.

на современном этапе во взаимной торговле, сотрудничество между Россией и КНР в инвестиционной сфере до настоящего времени не получило должного развития.

Таблица 13

Географическая структура и динамики ПИИ в СВК, %

Территория	1996	1997	1998	1999	2001	2002
Географическая структура распределения ПИИ в СВК						
КНР	100	100	100	100	100	100
СВК	6,56	7,38	6,88	4,17	6,82	7,61
Хэйлунцзян	1,31	1,62	1,16	0,79	0,73	0,67
Цзилинь	1,08	0,89	0,90	0,75	0,72	0,46
Ляонин	4,16	4,87	4,82	2,63	5,37	6,47
Динамика ПИИ в СВК к уровню 1996 г.						
КНР	100	108,46	108,96	96,63	112,35	126,40
СВК	100	122,07	114,19	61,41	116,70	146,53
Хэйлунцзян	100	134,00	95,98	58,04	62,21	64,75
Цзилинь	100	89,09	90,61	66,70	74,78	54,19
Ляонин	100	126,88	126,906	61,10	114,80	196,34

Источник: 1996–1999 гг. рассчитано по: China Foreign Economic Statistical Yearbook. 2000. P. 295; 2001–2002 гг. рассчитано по: China Statistical Yearbook. 2003. P. 675.

Направления развития инвестиционного сотрудничества территорий российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая

Наращивание масштабов российско-китайского экономического сотрудничества представляется достаточно привлекательным по разным причинам¹.

1. Китайская экономика является одной из наиболее динамично развивающихся экономик мира и даже в случае вероятного снижения среднегодовых темпов роста до 5–6% в год сохранит в этом отношении преимущества перед другими странами. Потенциально китайский рынок является практически неисчерпаемым.

---

¹ Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья по 2010 года. 2002. С. 46–48.

2. Наличие значительной сухопутной границы между Россией и КНР, в том числе на территории Дальнего Востока и Забайкалья, известная степень взаимодополняемости экономических потенциалов и сопоставимость уровней развития. Следовательно, ускоренное развитие отношений с Китаем могло бы не только поддержать традиционные отрасли специализации региона, но и создать новые перспективные производства (переработка минерального сырья, производство минеральных удобрений, целлюлозно-бумажная и мебельная промышленность и т. п.). Возможно также придание новых импульсов развитию сельского хозяйства (выращивание и переработка сои, других сельскохозяйственных культур) и некоторых подотраслей машиностроения.

3. Более активное привлечение и упорядоченное использование китайской рабочей силы на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье, освобожденное от бюрократических ограничений, способствовало бы подъему сельскохозяйственного производства и легкой промышленности в регионе, а также решению ряда острых социальных проблем (строительство жилья, объектов соцкультбыта и т. п.), что в конечном счете могло бы создать более благоприятные условия для закрепления российского населения в регионе и привлечения населения из других районов Российской Федерации и СНГ.

4. Благоприятные международно-политические факторы. Как США, так и Япония объективно заинтересованы в поддержании баланса сил в АТР, что означает недопущение деструктивных сценариев развития событий, как в Российской Федерации, так и в Китае. Вследствие этого в перспективе нельзя исключить возможности реализации крупномасштабных трехсторонних экономических проектов на территории региона с реализацией продукции на рынках стран АТР с использованием японской (американской, японской, южнокорейской) технологии и капиталов, природных ресурсов и территории Дальнего Востока и Забайкалья, китайской рабочей силы.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что одной из наиболее острых проблем современного Китая является растущий разрыв в уровне развития экономики и доходов населения между отдельными провинциями. Следовательно, стремясь сохранить стабильность в стране, руководство КНР будет и далее проявлять всемерную заинтересованность в развитии экономического сотрудничества со всеми сопредельными странами, включая и Российскую Федерацию.

Объективно СВК – более масштабная и более динамично развивающаяся экономическая система, нежели российский Дальний Восток и Забайкалье. Однако по некоторым направлениям экономика Дальнего Востока и Забайкалья пока сохраняет если не лидерство, то достаточно существенный потенциал, который возможно использовать в качестве актива в развитии двусторонних экономических связей. Вполне ожидаемо, что сфера возможного инвестиционного сотрудничества между российским Дальним Востоком и Забайкальем, с одной стороны, и северо-восточными провинциями Китая (прежде всего провинцией Хэйлунцзян), с другой стороны, будет находиться в зоне пересечения стратегических направлений развития этих двух регионов.

Направления развития СВК определяются исходя из «Стратегии возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая», закрепленной в решении 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.). Сама «Стратегия» является скорее не жестким программным документом, а идеологической платформой для реализации комплекса взаимодополняющих программ научно-технической, инвестиционной, социальной направленности, разрабатываемых и реализуемых, с учетом территориальной специфики, властями северо-восточных провинций Китая.

Многолетнее развитие перерабатывающей промышленности в Китае привело к формированию устойчивого рыночного спроса на оборудование для этой отрасли. СВК обладает всеми предпосылками, необходимыми для удовлетворения такого спроса. Все три провинции обладают благоприятными природными условиями, прочной экономической основой, сравнительно развитой инфраструктурой в сфере науки, техники, культуры и образования, богатыми природными, кадровыми и промышленными ресурсами.

В то же время каждая из трех провинций обладает собственной спецификой, определяющей ее конкурентные преимущества. Хэйлунцзян выгодно отличается сильными позициями в сфере машиностроения, нефтедобычи, лесных ресурсов, нефтехимической отрасли, а также выгодным расположением на границе с Россией. Провинция Ляонин традиционно специализировалась на судостроении, металлургии, нефтехимической промышленности и промышленности стройматериалов, а также обладает развитой финансовой сферой. К тому же провинция имеет компактные и удобные морские порты. Преимущество провинции Цзилинь – в ее автомобилестроении, неф-

техимической отрасли, фармацевтической промышленности, отрасли переработки продукции сельского хозяйства,

Эти преимущества и специфические особенности могут стать основой для создания на Северо-Востоке Китая комплекса новых конкурентоспособных, экспортно ориентированных производств. Этому будет способствовать «Программа развития наукоемкого производства и внедрения новых и высоких технологий на предприятиях СВК», которая одобрена Государственным комитетом по делам развития и реформы. Программа включает 60 проектов, на реализацию которых выделяется 5,6 млрд юаней. Основными направлениями Программы являются¹:

- внедрение на предприятиях ряда новых технологий, собственность на которые принадлежит Китаю;
- строительство предприятий ведущих отраслей промышленности, создание государственных научно-производственных и технологических центров в таких отраслях как связь, судостроение, металлургия, машиностроение, автомобилестроение, энергетика и др.;
- структурная перестройка высокотехнологичных предприятий СВК, создание новых производств специфического профиля.

Расширение международного сотрудничества становится одним из важных механизмов реализации стратегических и программных установок в сфере экономического развития СВК. В реализации стратегии восстановления промышленной базы провинции Хэйлунцзян Россия определена в качестве приоритетного партнера². Курс провинции Хэйлунцзян на расширение экономического и научно-технического сотрудничества с Россией (прежде всего с дальневосточными территориями) определяется в терминах «стратегической эскалации». Кроме того, акценты в позиции китайской стороны относительно распределения эффектов от российско-китайского экономического сотрудничества сместились в сторону максимизации взаимной выгоды.

Делая по-прежнему ставку на развитие, прежде всего, торгово-экономической составляющей сотрудничества и наращивание экспорта в Россию, правительство провинции Хэйлунцзян предполагает

---

¹ Агентство Синьхуа. URL: <http://russian.xinhuanet.com> (дата обращения: апрель 2004).

² Цюй Вэй. Выступление на международном семинаре «Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 2005. Январь.

предпринять ряд существенных шагов по развитию транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, а также по созданию производственных предприятий (главным образом связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов). Ожидается, что в 2005 г. торговый оборот провинции Хэйлунцзян с Россией превысит 4 млрд долл., т. е. на 20% увеличится по сравнению с 2004 г., в 2007 г. – 7 млрд, т. е. оборот торговли с Россией за 3 года удвоится, а в 2010 г. достигнет 10 млрд долл. При этом объем капитальных вложений со стороны провинции Хэйлунцзян к концу 2010 г. должен достичь 800 млн долл. против 400 млн долл. на конец 2004 г.¹

В рамках реализации «Стратегии возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая» на территории провинции Хэйлунцзян запланировано строительство 145 объектов, сумма капиталовложений на которые составляет 90 млрд юаней, в том числе до 2001 г. будет построено 80 объектов с общей суммой капиталовложений в 40 млрд юаней. В среднем ежегодно будет строиться 13 объектов².

Планируется, что с целью открытия новых пограничных переходов между провинции Хэйлунцзян и Дальним Востоком в 2005 г. начнется строительство таких объектов, как мост через р. Амур в районе между Благовещенском и Хэйхэ и мостовой переход через р. Амур в районе населенных пунктов Покровка – Логухэ.

Будет открыта транспортная линия Харбин – Суйфэньхэ (Дуннин) с дальнейшим выходом к морю, тем самым Хэйлунцзян получит вторую возможность выхода к морю через территорию российского Дальнего Востока. В 2005 г. будут проведены дорожно-строительные работы, направленные на повышение класса автомобильных дорог, которые соединяют пограничные переходы провинции Хэйлунцзян и Дальнего Востока, в целях повышения их пропускной способности с уровня в 7 млн т грузопереработки в 2004 г. до 20 млн т в 2010 г. и 60 млн т в 2020 г.

Одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего расширения российско-китайских экономических связей является сотрудничество в энергетической сфере. Уже в настоящее время российские поставки нефти в КНР играют важную роль в двусторонней

---

¹ Цюй Вэй. Выступление на международном семинаре «Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 2005.

² Там же.

торговле. В 2003 г. из России в Китай было экспортировано более 5,2 млн т нефти. В 2004 г. поставки российской нефти увеличились в физических объемах почти в 1,5 раза.

Кроме того, предприятия провинция Хэйлунцзян участвуют в совместных проектах по добыче нефти на территории российского Дальнего Востока. Годовой объем добычи нефти в рамках заключенных соглашений о совместной эксплуатации нефтяных месторождений превышает 1 млн т. Предприятиями провинции Хэйлунцзян получены в России лицензии на добычу полезных ископаемых, лицензии на заготовку, обработку и экспорт леса в объеме нескольких миллионов кубометров. Ожидается, что в будущем Хэйлунцзян сможет получить еще больше государственного финансирования для строительства в России объектов по добыче и обработке нефти, полезных ископаемых и леса, а также по производству бытовых товаров¹.

В свою очередь направления социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья заложены в федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и до 2010 г.» (далее – Программа). В обновленной редакции Программы ее целевая область выглядит следующим образом:

- во-первых, создание экономических условий для устойчивого развития Дальнего Востока и Забайкалья с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности Российской Федерации;
- во-вторых, формирование необходимой инфраструктуры и благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики Дальнего Востока и Забайкалья и стимулирования программ и проектов международного и приграничного сотрудничества;
- в-третьих, развитие социальной сферы, достижение необходимых социальных нормативов, соответствующих специфике Дальнего Востока и Забайкалья².

---

¹ Цюй Вэй. Выступление на международном семинаре «Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 2005.

² Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480.

Если следовать не только объявленным в Программе целям, а исходить из системы задач и ее структуры, то целевая область Программы может быть представлена следующим образом:

1) формирование международных транспортных и энергетических коридоров как важнейший элемент восстановления влияния РФ в СВА;

2) упорядочение и повышение эффективности использования морских биологических ресурсов на Дальнем Востоке;

3) оптимизация топливно-энергетического комплекса и придание на этой основе устойчивости социально-экономической системе региона;

4) ограничение потенциальной угрозы нерегулируемой внешней миграции за счет закрепления населения в регионе¹.

Повторяющаяся с начала 1980-х гг. во всех планово-программных документах, касающихся Дальнего Востока и Забайкалья, задача интеграции с экономиками стран АТР и СВА к настоящему времени хоть и стала более предметной по постановке вопросов и конкретной по структуре, но по-прежнему далека от реализации. Регион все еще не является сколько-нибудь заметной органической частью североазиатской субэкономики. Более того, происходящие – независимо от формулируемых нашими программами геостратегических намерений России – процессы субрегиональной интеграции в СВА (формирование зоны свободной торговли «АСЕАН+3», интенсивно ведущиеся подготовительные переговоры относительно узкой зоны свободной торговли «Япония + Республика Корея + Китай») все более отдаляют Россию от будущего интегрированного экономического пространства Восточной и Юго-Восточной Азии.

В связи с этим Китай для российского Дальнего Востока является все более важным и реальным экономическим партнером. Одним из наиболее эффективных способов привлечения китайских инвестиций в экономику Дальнего Востока и Забайкалья является реализация международных проектов экономического сотрудничества на приоритетных для региона направлениях. С точки зрения значимости эти проекты можно разделить на три категории.

---

¹ Региональный программный мониторинг / рук. авт. коллектива и науч. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004.

Во-первых, проекты, оказывающие существенное влияние на геостратегические позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Северо-Восточной Азии, среди них:

- проект строительства международных газопроводов с месторождений Иркутской, Сахалинской областей и Республики Саха (Якутия) в страны Северо-Восточной Азии (Китай, Монголия, Республика Корея, Япония) с последующим экспортом природного газа;

- проект создания инфраструктуры для экспорта электроэнергии с территории Дальнего Востока и Забайкалья в страны Северо-Восточной Азии на основе высоковольтных линий электропередач и строительства высокоэффективных генерирующих мощностей в электроэнергетике;

- проект развития Международного Транссибирского контейнерного моста по основному ходу Транссибирской магистрали с соединением ее с Транскорейской железной дорогой для создания еще одного транспортного пути между Азией и Европой, проект позволит в перспективе обеспечить перевозки грузов, в частности международных контейнеров, из Республики Корея и Северо-Востока Китая;

- Туманганский проект, который направлен на создание международной зоны экономического развития на юге Приморского края; проект предполагает повышение конкурентоспособности существующего маршрута международных грузоперевозок из провинции Цзилинь (КНР) через порт Зарубино Хасанского района Приморского края по сравнению с альтернативным маршрутом через порт Раджин (КНДР); он включает в себя: 1) проведение дальнейшей модернизации в порту Зарубино, включая установку оборудования для переработки контейнерных грузов, создание мощностей по переработке технологической щепы и зерновых; 2) строительство автомобильной дороги с твердым покрытием на трассе Хунчунь – Зарубино с российской стороны; 3) упрощение таможенных и пограничных процедур на данном участке российско-китайской границы¹.

Во-вторых, проекты, реализация которых окажет существенное влияние на развитие экономических связей территорий Дальнего Востока и Забайкалья:

---

¹ Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья по 2010 года. 2002. С. 68–70.

- создание зоны приграничной торговли «Благовещенск+Хэйхэ» и строительство автодорожного перехода между городами Благовещенск и Хэйхэ; реализация проекта даст возможность соединить транспортные системы России и Китая, что позволит транспортировать через Благовещенск из стран АТР в любые пункты России и обратно до 3 млн т грузов ежегодно; создаваемый путь намного более эффективен по сравнению с прохождением грузов через Монголию и Казахстан; создание перехода позволит получить дополнительный доход в размере 20 млн долл. в год, создать дополнительные рабочие места;

- создание торгово-промышленной зоны «Забайкальск» в Читинской области, ориентированной на развитие транспортного и промышленного сотрудничества между Россией и Северо-Восточной Азией, в первую очередь с Китаем;

- создание и развитие локальной свободной торгово-экономической зоны «Приграничная» на юге Приморского края в районе существующего перехода через российско-китайскую границу в п. Пограничный; создание зоны и развитие ее инфраструктуры будет способствовать росту эффективности использования транспортного потенциала перехода, укреплению торгово-экономических связей с северо-восточными провинциями КНР¹.

В-третьих, проекты, реализация которых окажет стимулирующее воздействие на развитие отдельных субъектов РФ:

- создание специальной экономической зоны локального характера в Бикинском районе Хабаровского края; инфраструктурной основой зоны является действующий российско-китайский пункт пропуска «Покровка – Жаохэ», который способен увеличить пропускную способность автомобильного потока до 200–300 машин в сутки; предполагаемый набор объектов для функционирования в зоне – склады временного хранения, помещения для организации выставок, гостиницы, объекты транспортной инфраструктуры;

- создание и развитие торгово-экономической зоны на основе транспортной инфраструктуры и пропускного пункта на российско-китайской границе в с. Нижнеленинское ЕАО;

---

¹ Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья по 2010 года. 2002.

- обустройство и изменение статуса автомобильного перехода «Покровка – Логухэ» в Могочинском районе Читинской области с сезонного на круглогодичный, что позволит увеличить пропускную способность на 40%¹.

В качестве конкретных шагов по реализации стратегии, направленной на наращивание масштабов российско-китайского экономического (главным образом инвестиционного) сотрудничества, следует предложить, прежде всего, постепенное ослабление и последующее снятие ограничений на свободное перемещение капиталов и технологий.

В качестве последующих шагов необходимо формировать льготный (упрощенный) пограничный и таможенный режимы в ряде зон (городов) вдоль российско-китайской границы, имея в виду создание здесь в конечном счете зоны свободной торговли. В дальнейшем подобный режим может быть распространен на всю либо на значительную часть территории региона. Помимо всего прочего, формирование льготного таможенного и инвестиционного режима позволит привлечь сюда также российские капиталы и свободные средства населения, пусть даже первоначально это будет происходить под флагом иностранного (в данном случае китайского) капитала, как это и происходило в свободных экономических зонах КНР.

В итоге, в течение нескольких десятилетий в регионе может сформироваться экономическая система, органически включенная в международное разделение труда и базирующаяся на относительно свободном распределении экономических ресурсов между Дальним Востоком и Забайкальем, с одной стороны, и КНР, с другой, а также внутри экономики региона на конкурентной основе. Учитывая, что Китай уже сейчас в значительной степени интегрирован в экономику АТР, это приведет к возможности двухсторонней фильтрации через китайскую экономику ресурсов, технологий, продукции, капиталов, информации, что фактически и означает интеграцию в АТР.

---

¹ Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья по 2010 года. 2002.

РОССИЯ – КИТАЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: МНИМЫЕ СТРАХИ И РЕАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ¹

Китай все более очевидно превращается в один из важнейших факторов глобального экономического и политического развития. Это – долговременный фактор, не учитывать который нельзя уже сейчас и станет совершенно невозможно уже в ближайшем будущем. Для России Китай превратился в важнейшего стратегического партнера, в том числе и в экономической сфере. Особое значение сотрудничество с Китаем имеет в контексте развития восточных районов России, многие из которых еще с начала 1990-х гг. переориентировали свои экономические связи на китайский рынок. За последние 20 лет Китай значительно усилился экономически, политически и в военном отношении, что неизбежно привело к изменению его самоидентификации.

На протяжении последнего десятилетия Китай, являясь наиболее быстро растущей экономикой Северо-Восточной Азии, одновременно становится основным стержнем экономической интеграции в регионе, распространяя свое влияние на соседние страны. Особенно остро расширение влияния Китая ощущается сопредельными территориями соседних государств, оказавшимися в той или иной мере втянутыми в сферу его экономических интересов. К таким территориям в силу своего географического положения относится и российский Дальний Восток.

Масштабные преобразования, проходящие в настоящее время на сопредельных с российским Дальним Востоком территориях, еще больше увеличивают разрыв в экономическом развитии двух регионов. В сложившихся обстоятельствах Китай все в большей степени берет на себя роль активного координатора двустороннего взаимодействия. В результате в данном процессе возникает ряд противоречий и проблем, негативно отражающихся на развитии ряда дальневосточных субъектов РФ. Анализ советских (а впоследствии и российских) отношений с КНР показывает, что в них ведущую роль на протяжении практически всей истории играли политические соображения. В качестве основной цели российской политики декларировалось развитие мирных добрососедских отношений между двумя

---

¹ *Минакир П.А.* Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // *Пространственная экономика.* 2009. № 3.

странами, ослабление напряженности в регионе. Расширение же торгово-экономических отношений рассматривалось лишь как инструмент укрепления дружбы и сотрудничества в политической сфере. Поэтому в большинстве случаев СССР и РФ положительно реагировали на инициативы КНР в экономической сфере и поддерживали предлагаемые китайской стороной мероприятия. Таким образом, у Российской Федерации отсутствовала (и в настоящее время отсутствует) собственная комплексная государственная стратегия развития экономических отношений с Китаем на приграничных территориях. В этих условиях децентрализация внешней торговли в 1990-е гг. привела к практически полной потере централизованного государственного контроля за процессом развития двусторонних торгово-экономических отношений. Вместо общегосударственных интересов появилось четыре группы новых – интересы субъектов РФ, муниципальных органов, отдельных предприятий и граждан. В итоге процесс сотрудничества в экономической сфере практически полностью стал управляться китайской стороной. Попытки восстановить баланс в отношениях не имели положительного результата, так как предпринимались бессистемно, без единой стратегической линии, учитывающей взаимозависимость отдельных секторов современной экономической системы Дальнего Востока и специфику развития взаимоотношений с сопредельными регионами КНР.

Одним из результатов этого явилось накопление всевозможных «фобий» относительно китайского «засилья», «захвата» и пр.¹ Наличие на дальневосточной границе густонаселенного, быстроразвивающегося, диверсифицированного территориально-экономического образования в форме северо-восточных провинций Китая, которое к тому же пользуется не просто поддержкой, но активно и четко координируется и направляется центральным правительством, действительно резко контрастирует с теряющим население, примитивизирующим экономическую структуру Дальневосточным регионом России. Это и стало причиной того, что с начала 1990-х гг. и средства массовой информации, и многие, вполне почтенные эксперты, занялись и продолжают заниматься перебором различного рода реальных и мнимых угроз со стороны Китая на дальневосточной границе Российской Федерации.

---

¹ Российские эксперты о «китайской угрозе» на Дальнем Востоке // REGNUM. 2009. 3 июня.

Среди наиболее часто упоминаемых в литературе проблем и угроз во взаимоотношениях РФ и Китая на Дальнем Востоке:

- переселение на Дальний Восток значительных масс китайцев (называются разные цифры, до 2 млн чел. уже в настоящее время), которые де-факто образуют собственный анклав в регионе;
- развитие политической обстановки по сценарию Косово, то есть предъявление требований политического самоопределения концентрированного китайского населения, что приведет к потере Россией южных территорий Дальнего Востока, то есть вернет ситуацию к середине XIX в.;
- «тихий захват» экономики и недвижимости, земли, что превратит Дальний Восток фактически в экономическую колонию Китая;
- превращение Дальнего Востока РФ в сырьевую колонию Китая, что фактически оторвет регион окончательно от России в экономическом отношении;
- чрезмерное «замыкание» экономики региона на китайский рынок, что будет означать фактическую изоляцию России от остального азиатского мира, прежде всего от Японии, стран АСЕАН, США, Канады (в экономическом отношении) и жестко привяжет экономику Дальнего Востока России к китайскому воспроизводственному и конъюнктурному циклу;
- финансовый захват (скупка) основных сырьевых запасов в регионе (интересных экономически для Китая), что лишит регион и Россию в целом значительной части суверенности в распоряжении и использовании своего природного потенциала;
- вероятность долговременной фиксации сложившейся экономической структуры региона и товарной структуры внешней торговли, что будет означать прогрессирующее перераспределение экономической и торговой ренты в пользу Китая;
- возврат территорий южного Приамурья и Приморского края в состав Китая по силовому сценарию, учитывая постоянное усиление как экономического, так и военного потенциалов Китая, а также вероятное увеличение агрессивной компоненты в геополитической стратегии КНР по мере усиления китайского влияния в мировой экономике и политике.

Этот список включает весьма разные по вероятности их наступления и реалистичности их содержания будущие события¹.

Во-первых, вероятность силового сценария реставрации китайского суверенитета над южным Приамурьем и Приморским краем представляется чрезвычайно низкой не только потому, что эпоха военно-колониальных захватов давно закончилась и в современном мире существует множество механизмов, предотвращающих подобные сценарии, но и потому, что любой сколько-нибудь масштабный военный конфликт между ядерными державами исключен в принципе.

Во-вторых, реализация сценария массового переселения китайского населения в Приамурье и Приморский край при прочих равных условиях зависит от эффективности и целей регулирования миграционной ситуации самой Россией. Подобное переселение при определенных условиях может оказаться положительным фактором для развития региона в случае, если такое развитие будет происходить по монотонно возрастающей траектории и основным фактором роста при этом будет физический прирост численности занятых, то есть упор будет сделан на развитие трудоемких производств; скорее всего, подобное предположение вряд ли реалистично, учитывая уже объявленные и разрабатываемые декларации и намерения в различных документах, касающихся перспектив социально-экономического развития Дальнего Востока; следовательно, угроза массового переселения китайцев если и реализуема, то вполне контролируема.

В-третьих, угроза изменения политического режима в результате спровоцированного изнутри военно-политического переворота (Косовский сценарий) также очевидно существует лишь гипотетически в случае, если, во-первых, Россия сама допустит массированную легальную иммиграцию из Китая, а, во-вторых, если при этом не будут быстро и жестко созданы условия, обеспечивающие полную ассимиляцию пришлого китайского населения и его абсолютную политическую и культурную идентичность с гражданами других национальностей; часто встречающиеся ссылки на то, что ассимилированность китайского населения в США, Европе, Канаде, где оно не соз-

---

¹ *Минакир П.А.* Россия – Китай на Дальнем Востоке: неожиданная угроза или грозные ожидания // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2009.

давало и не создает угроз территориальному и политическому суверенитету заселяемых территорий не могут служить доводом в случае российского Дальнего Востока; однако следует учитывать также наличие концентрированных китайских анклавов в Малайзии, Таиланде, Сингапуре, которые, так же как и Россия расположены в непосредственном контакте с китайской метрополией, но там не возникло и не возникает «коссовских» прецедентов. Иными словами, косовский сценарий в принципе возможен, но его реализация в значительно большей степени зависит от действий или от бездействия самой России, чем от Китая и от потенциальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке.

Но существуют и действительно вполне реальные проблемы и даже угрозы, которые нельзя не учитывать¹.

Во-первых, реальной угрозой является вероятность установления контроля над дальневосточным бизнесом и недвижимостью. При этом наибольшую опасность представляет контроль не над крупными объектами и предприятиями, что легко контролировать, а над мельчайшим, мелким и средним бизнесом; приобретение «малыми порциями», как правило, через подставных лиц жилой и коммерческой недвижимости, земельных участков. Реальная опасность при этом заключается в том, что вслед за финансовыми потоками последуют потоки людские, но так как они будут привязаны к реальной собственности и реальному бизнесу, их влияние на экономическую и социально-культурную ситуацию на Дальнем Востоке будет возрастать пропорционально доле китайского бизнеса в общем экономическом обороте и даже быстрее, учитывая чрезвычайную деловую агрессивность, трудолюбие и целеустремленность китайцев, что делает их чрезмерно сильными конкурентами отечественным предпринимателям и в целом населению. Особая опасность при этом связана с тем, что вероятные экономические мигранты из Китая – это выходцы из северо-восточных провинций, значительно уступающих южным и приморским провинциям Китая с точки зрения образовательного ценза, уровня культуры, этических норм, поведения в быту и т. д. Это может радикально изменить как сам бизнес, так и в целом дальневосточное общество, сделав их бо-

---

¹ *Минакир П.А.* Россия – Китай на Дальнем Востоке: неожиданная угроза или грозные ожидания // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения. 2009.

лее примитивными, соответственно, резко ослабив потенциал адаптации в быстро меняющейся экономической и технологической обстановке, принципиально осложнив конкурентоспособность на всех рынках, кроме китайского.

Во-вторых, весьма реальной является угроза трансформации экономики Дальнего Востока в сегмент обще китайского рынка, а точнее, превращение экономики Дальнего Востока в сырьевую базу и транспортно-логистический центр по снабжению китайской промышленности сырьем, транспортной переброске китайской продукции на другие территориальные рынки и одновременно в рынок сбыта продукции китайской перерабатывающей промышленности. При этом каких-либо кооперационных выгод, например, получение гарантированных китайских заказов для обрабатывающей промышленности самого Дальнего Востока не будет. Вероятность такого развития событий велика, так как внешний спрос является и для промышленности, и для транспорта Дальнего Востока критически важным условием роста, а высокие темпы роста Китая и его агрессивная внешняя экономическая политика, создающая хорошие условия для китайского бизнеса по экономической аннексии сравнительно слабых приграничных территорий, создают объективную основу для все большего смещения этого внешнего спроса по направлению Китая. Отсутствие контригры, выраженной в акцентированной экономической политике России на Дальнем Востоке, вполне может привести к созданию подобной ситуации «по умолчанию».

В-третьих, в случае, если экономическая концепция Китая, предусматривающая использование накопленных резервов и всего имеющегося потенциала китайской экономики для реставрации в послекризисный период глобальных экономических взаимосвязей по типу докризисной мировой экономики, окажется успешным и будет реализована, восстановивший экономический рост Китая вполне способен через определенное время поглотить существенную часть мировых сырьевых ресурсов. В этом смысле Дальний Восток как сырьевая провинция Северо-Восточной Азии вполне вероятно может трансформироваться в сырьевую провинцию Китая по тем компонентам запасов сырья, по которым Китай испытывает напряженность при формировании своих натуральных балансов. Этому будет способствовать то, что сохранение докризисной модели глобальных торговых и финансовых перетоков означало бы

дальнейшее увеличение финансового потенциала Китая, что облегчило бы ему задачу экономической аннексии (в форме концессий, приобретения активов, прямых инвестиций, долговременных соглашений) на сырьевых рынках. С этой точки зрения у России есть определенные возможности противодействовать подобному сценарию, так как в случае действительной реставрации докризисного экономического глобального порядка (что, впрочем, представляется сомнительным) Россия также сохранится как заметный игрок на сырьевых рынках мира. Это будет означать аккумуляцию Россией в среднесрочном периоде существенных финансовых ресурсов, что может быть использовано для активизации собственной политики противодействия китайского экспансионизму на сырьевых рынках. Однако подобная угроза реальна и ее устранение требует эффективных быстрых решений.

В-четвертых, очень сложной задачей является парирование угрозы длительной консервации отсталой экономической структуры Дальнего Востока на фоне быстрого экономического роста Китая, увеличение спроса со стороны которого на сырьевые ресурсы будет провоцировать перераспределение ресурсов накопления на Дальнем Востоке и в России в целом в сырьевые сектора. Это приведет, конечно, к дрейфу экономической структуры в сторону сравнительно примитивных добывающих секторов при нехватке ресурсов для облагораживания структуры. Парировать эту угрозу, полагаясь только на рыночные механизмы регулирования, скорее всего, окажется невозможным, так как фактор минимизации упущенной выгоды будет объективно препятствовать блокированию перераспределению ресурсов накопления в пользу добывающих отраслей. Следовательно, парировать эту угрозу возможно только в рамках целенаправленной государственной экономической политики, в которой противодействие китайскому экономическому экспансионизму является явной формализованной целью.

В-пятых, активно реализуемая, финансируемая и жестко контролируемая китайским государством программа развития экономики северо-восточных провинций Китая уже привела к осязаемому росту экономики трех сопредельных с Россией провинций КНР¹. Экономика регионов российского Дальнего Востока не демонстрирует

---

¹ План возрождения Северо-Восточного Китая // Пространственная экономика. 2009. № 1.

рвала столь же высокие темпы роста, ряд регионов был вынужден строить свои взаимоотношения с сопредельными территориями КНР, руководствуясь не общегосударственными принципами, а интересами собственного экономического выживания. В результате регионы Дальнего Востока не столько выступают в качестве представителей государства, проводя единую экономическую политику, сколько конкурируют между собой в получении выгод от взаимоотношений с сопредельными китайскими провинциями (в основном с провинцией Хэйлуцзян). Фактическое следование приграничных субъектов РФ китайской региональной экономической политике создает потенциальную угрозу либо институционального отторжения приграничных регионов России, либо формирования на их территории принципиально противоречивой институциональной среды – смешанного институционального режима (официального российского и фактического китайского), что в конечном счете способно разрушить экономику этих регионов.

В-шестых, Китай становится серьезным конкурентом России в сфере транзитных грузовых перевозок. Возникли объективные предпосылки для переориентации на китайские транспортные коридоры части товарных потоков из Восточной Азии в Европу. Это стимулируется, также расширением Китаем своей транспортной сети, соединением железнодорожных маршрутов Северо-Восточного Китая с транспортными системами бывших среднеазиатских республик. В то же время высокие тарифы на перевозки по Транссибу, низкое качество предоставляемых транспортных услуг в России снижают потенциальную конкурентоспособность РАО РЖД.

Конечно, реальные угрозы должны учитываться, но не следует отдавать себе отчет, что это не столько угрозы, сколько объективные условия взаимодействия с мощным и динамичным соседом, взаимодействия, которые являются важным фактором позитивного развития не только Дальнего Востока самого по себе, но и России в целом. Собственно говоря, угрозами эти условия становятся только в том случае, если они, во-первых, не оцениваются во всей их полноте, а, во-вторых, если мы полагаем интересы своего соседа проявлениями чуждой культуры и при этом культуры антагонистической. Это конечно не так, успех развития в будущем определяется способностью не изолироваться от иных культур и тем более не победить их, а готовностью к организации эффективного взаимодействия культур с обязательным сохранением собственной идентичности. Истинная

задача заключается в том, чтобы осознать, а затем и действовать в соответствии с убеждением и пониманием того, что миссия России и единственная возможность для нее конструктивно сотрудничать в Восточной Азии – сохранение поликультурности, настроя на синтез культур в условиях дальневосточного перекрестка мира.

Эффективное и динамичное сотрудничество России со странами СВА, и в первую очередь с Китаем невозможно без формирования современного, высоко динамичного экономического и социального комплекса в южных районах ДФО и Восточной Сибири. В настоящее время, несмотря на все многолетние попытки создать на Дальнем Востоке именно такой комплекс, регион продолжает по существу оставаться отсталой сырьевой экономикой, чрезвычайно сильно зависящей от динамики внешнего спроса и возможностей федерального бюджета по финансированию отдельных проектов. Россия должна четко определить национальную стратегию на своих восточных рубежах. По существу следует ответить на главный вопрос – достаточно ли для России дальнейшее функционирование Дальнего Востока как сырьевой провинции, перспективы которой определяются потребностями в основном внешних рынков, и особенно Китая, либо стратегической задачей является осуществление «новой индустриализации», в рамках которой должна быть проведена глубокая модернизация экономической структуры промышленных регионов ДФО (Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области), а также созданы условия для формирования принципиально новых рыночных ниш для дальневосточных производителей как на национальном, так и на мировом рынках. Это должно быть политическое решение, которое являлось бы императивом не только для государственных органов власти и управления, но и для всех экономических агентов ДФО и Российской Федерации.

Последние годы усилиями государства происходит формирование «переходной модели» развития восточных районов. Суть ее – в создании стратегической инфраструктуры транзита, поддерживающей экспортные потоки сырья из Российской Федерации на рынки АТР, в том числе в Китай (морские порты, нефте- и газопроводы, железнодорожное и автомобильное строительство, электроэнергетическая инфраструктура), это фактически означает формирование экономики южной части ДФО как транзитной базы федерального значения, развитие которой основывается на получении инфраструктур-

турной ренты, то есть по-прежнему целиком зависит от внешних для данного региона факторов¹. По существу формирующаяся переходная модель является аналогом ранее существовавшей (1930–1990 гг.) модели «тыловой базы». Самостоятельного импульса развития в данной модели возникнуть не может, хотя выполнение транзитных функций является важнейшим и эффективным элементом общегосударственной стратегии диверсификации внешних сырьевых рынков, а, следовательно, должно рассматриваться как долговременная стратегическая компонента. Вместе с тем, создание инфраструктурных коридоров логически является заключительным этапом всего предыдущего 80-летнего периода индустриального развития Дальнего Востока, в течение которого он рассматривался как сырьевая база для внутреннего и внешнего рынков. Этот этап подытоживает предшествующее развитие и является основой для последующей модернизации экономики региона.

В перспективе необходимо перейти от аморфных территориально-отраслевых стратегий развития к разработке ориентированных на решение конкретных узких проблем в рамках идеи новой индустриализации программ развития, которые должны разрабатываться на основе глубоких фундаментальных проработок государственных Академий наук.

Практически во всех документах последних 20 лет одним из основных вопросов, тревожащих государство, определялся вопрос о закреплении населения. На сегодняшний день население ДФО составляет порядка 6,5 млн человек, что почти на 20% меньше, чем в 1990 г. В последние годы установилось мнение об улучшении демографических показателей. Самая распространенная ошибка, которая укрепляет этот миф – это оценка рождаемости по числу родившихся за год. Однако этот показатель является отражением разных тенденций, не относящихся к объективному повышению рождаемости. Увеличение рождаемости в последние два-три года является следствием вступления в период активного воспроизводства более многочисленного поколения, рожденного в 1980-е гг. Во-вторых, абсолютное число родившихся в 2006 г. не достигло уровня 1990 г. ни на

---

¹ От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / под ред. А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, П.А. Минакира. Екатеринбург: УрО РАН, Институт экономикми, 2009. С. 952–970.

Дальнем Востоке, ни в России в целом. Есть основания предполагать, что ситуация с рождаемостью может ухудшиться после 2010 г., поскольку демографическое будущее заложено в современной возрастно-половой структуре населения.

При сохранении сложившихся тенденций, миграция в будущем также не сможет стать составляющей прироста населения, поскольку в условиях отставания региона по уровню и качеству жизни, население не видит перспектив для реализации своих приоритетов и социальных установок в случае перемены места жительства в пользу Дальнего Востока. Пониженный уровень доходов населения, снижает привлекательность региона не только для мигрантов, но и для самого населения, проживающего на территории. Последствия естественной убыли населения и миграционного оттока достаточно предсказуемы: деформируется возрастная структура населения, сокращается численность экономически активного населения, что является факторами риска для социально-экономического развития региона и национальной безопасности России на восточных рубежах. При сложившейся демографической ситуации к 2016 г. потеря трудоспособного населения в регионе относительно последней переписи населения 2002 г. может достичь 0,5 млн чел. К этому же времени общая численность населения региона прогнозируется на уровне все тех же 6,5 млн чел.¹

Это порождает беспокойство относительно формирования в будущем населения и трудового потенциала в регионе. Для адекватной реакции на ситуацию в области народонаселения необходимо ответить на несколько принципиальных вопросов: 1) нужно ли ориентироваться на увеличение численности населения за счет миграции из внутренних районов РФ и (или) стран СНГ; 2) следует ли ориентироваться на поддержание баланса трудовых ресурсов за счет зарубежной миграции; 3) достаточно ли сконцентрироваться на создании условий, обеспечивающих сохранение стабильности населения на Дальнем Востоке на основе естественного воспроизводства и положительного сальдо миграции с внутренними районами РФ. Представляется, что первоочередной задачей является третья. Прежде чем создавать условия для привлечения населения, следует обеспечить нормальные стандарты для уже имеющегося населения. Точно так же

---

¹ По данным Института экономических исследований ДВО РАН.

даже ориентируясь на привлечение иностранной рабочей силы, следует обеспечить бесспорные социальные преимущества на рынке труда для населения самого Дальнего Востока.

Часто высказывается озабоченность относительно того, что Дальний Восток России все в большей степени становится сегментом азиатского рынка, «удаляясь» от внутреннего экономического оборота является своеобразной формой утверждения о необходимости «привязки» Дальнего Востока к внутреннему рынку России. Это утверждение, во-первых, не основано ни на каких серьезных документах экономического характера, а, во-вторых, содержит противоречие с общей стратегией присоединения России к восточноазиатскому интеграционному процессу и использованию нового глобального экономического центра (в Восточной Азии) в социально-экономических интересах Российской Федерации. Реализуемая в настоящее время политика по созданию на Дальнем Востоке инфраструктурных коридоров для выхода российской экономики на рынки Восточной Азии и является государственной политикой по обеспечению тесной интеграции Дальневосточного региона с экономикой всей страны. Любые попытки искусственных экономических взаимосвязей будут либо нарушать нормальное функционирование рыночного механизма, либо воссоздавать искусственно поддерживаемую и потому внутренне нежизнеспособную экономику самого региона, которую, в конечном счете, все равно в очередной раз и опять очень болезненно придется перестраивать.

Невозможно изолировать какую-либо экономику, в том числе российскую и дальневосточную, от контактов с внешним миром без риска вырождения экономических, технологических и социальных структур. Однако сформулированная выше теза об обязательности сохранения собственной идентичности и обеспечении экономической и политической безопасности государства также является абсолютным приоритетом. Применительно к ситуации на дальневосточных границах с Китаем это означает, что необходимо обеспечить такие условия, при которых экономические, технологические и гуманитарные взаимодействия будут организованы в рамках общепринятых международных процедур, но на территории самой РФ и ее дальневосточных субъектов должен быть сконструирован комплекс мер и условий, обеспечивающих безусловный приоритет интересов государства, экономических агентов и граждан РФ, включая защиту таких институтов как политическая целостность страны, права соб-

ственности, контроль над элементами национального богатства, приоритет российских культурных ценностей.

Переход к новому этапу экономического развития Дальнего Востока неизбежен. Содержанием этого этапа должна являться программа новой индустриализации региона, которая по существу представляет собой антикризисную стратегию применительно к восточным районам России. Эта стратегия реализует неоднократно высказывавшиеся идеи о необходимости использования нынешнего мирового кризиса для перенастройки национальной экономики, включая ее пространственную организацию и позиционирование в глобальной экономике. Учитывая, что сырьевые и инфраструктурные ресурсы Дальнего Востока и Восточной Сибири являются основой восточного вектора национальной экономической системы, следует отдавать себе отчет в том, что определенная часть как уже полученных, так и потенциальных доходов российской экономики и государства обеспечивалась, обеспечивается и будет обеспечиваться именно здесь на востоке страны. Следовательно, определенную часть этих доходов справедливо было бы рассматривать как ресурсную основу для политики новой восточной индустриализации.

В контексте политики новой восточной индустриализации следует иметь в виду возможности, которые предоставляла бы предусмотренная на межгосударственном уровне синхронизация планов экономического развития и инвестиционной деятельности на востоке России с планом экономического возрождения Северо-Восточного Китая. При всей важности и полезности использования открывающихся при этом перспектив следует учитывать, что философия и содержание китайских и российских программ территориального развития разные и, что необходимо признать, Китай имеет здесь преимущество с точки зрения предметности, конкретности и системности подходов и действий. Следовательно, обеспечивая тактические выгоды от взаимодействия в рамках синхронизации планов, следует руководствоваться приоритетностью подготовки собственного стратегического не просто видения, а детального плана действий, имея в виду, новую индустриализацию в южной зоне Дальнего Востока и Восточной Сибири. Только такой подход сможет оградить от превращения восточных территорий в сырьевую и (или) производственную провинцию Китая и позволит действительно извлечь выгоды из взаимного конструктивного партнерства.

Современный финансово-экономический кризис еще раз наглядно продемонстрировал критическую важность для экономики восточных районов России спроса на внешних рынках, а также чрезвычайную опасность ситуации, когда ограниченное число стран потребителей определяет масштабы и структуру российской экономики. Имея в виду посткризисную стратегию развития следовало бы подумать над тем, как минимизировать подобные риски. Например, при всей важности привлечения иностранных, и в частности китайских, инвестиций в экономику дальневосточных и восточно-сибирских субъектов РФ более эффективной моделью инвестиционно-экономических взаимодействий была бы следующая: обеспечение доступа китайских компаний к закупкам российского сырья, производство которого в восточных районах обеспечивается совместными инвестициями России и Китая, а условием такого доступа является содействие китайской стороны (китайских компаний) выходу на китайский и третьи рынки российского сырья и продуктов его переработки. Это не просто. Необходимо глубоко проработать все детали подобной модели, учитывая, что есть множество условий, различающихся в зависимости от вида продукции, параметров производства, цен, таможенных условий и т. д. Но эффективные формы взаимодействия, которые бы позволили реально диверсифицировать экономику и задействовать потенциал технологического и организационного прогресса, должны быть найдены.

ЭНЕРГЕТИКА РОССИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

Стремление России попытаться использовать преимущества своего географического положения с непосредственным сухопутным контактом в Азиатско-Тихоокеанском регионе в совокупности с желанием привлечь для развития восточных районов страны считающихся наиболее перспективными инвесторами страны Северо-Восточной Азии побудили к активизации реставрации неоднократно до этого использовавшейся и царской и советской Россией стратегии дублирующего рынка. Если европейское (атлантическое) направление рассматривалось всегда и государством и экономическими агентами как основной «цивилизационный» вектор сотрудничества, то азиатско-тихоокеанское направление полагалось прагматически-географическим фактором сотрудничества. С началом XXI в. этот регион бесспорно подтвердил свой статус наиболее динамично развивающегося и наиболее перспективного в смысле экономической динамики региона мира. Уже к настоящему времени здесь вполне сформировался тихоокеанский центр мировой экономической мощи как в смысле концентрации факторов производства, так и в смысле одного из наиболее емких рынков товаров и услуг.

К настоящему времени восточная экономическая стратегия еще не по удельному весу вовлеченных в ее орбиту ресурсов, но по объему возлагающихся на нее надежд и связанных с ней ожиданий экономического и политического свойства стала основной пространственной стратегией в России. Этому способствовала практическая невозможность добиться сколько-нибудь серьезного прироста экспортной ренты на атлантическом направлении в силу возрастающей и часто недобросовестной конкуренции вкупе с внеэкономическими барьерами и ограничениями.

Для энергетического комплекса России Азиатско-Тихоокеанский регион стал приоритетным перспективным рынком значительно раньше, еще с начала 2000-х гг. Конечно, на практике перспективы рассматриваются оцениваются для субрегиона Северо-Восточной Азии – Китай, Япония, Республика Корея.

---

¹ Дёмина О.В., Минакир П.А. Энергетика России и Дальнего Востока // Развитие Дальнего Востока России в контексте будущего Северо-Восточной Азии / Корейский институт международной экономической политики; Институт экономических исследований ДВО РАН; под ред. Ли Чжэ Ёна, П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017.

Состояние и возможности энергетики на Дальнем Востоке

В 2000–2015 гг. объем производства первичных энергоресурсов на Дальнем Востоке увеличился в 3,8 раза, почти до 140 млн т у. т. Добыча нефти составила 95 млн т у. т., объем нефтепереработки, производства электрической и тепловой энергии – 44 млн т у. т. При этом размеры внутреннего спроса / потребления практически не изменились и сохраняются на уровне около 35 млн т у. т. Это привело к превращению региона в вывозящий топливно-энергетические ресурсы после десятилетий энергодефицитности. Особенно быстро растет экспорт, который поглощает свыше 50% добытых первичных энергоресурсов на Дальнем Востоке¹. В 2000–2015 гг. объем экспорта первичных энергоресурсов из региона увеличился в 8 раз и превышает 48 млн т у. т. Именно внешний спрос являлся драйвером роста производства энергоресурсов в регионе и обеспечивает поддержание достигнутых масштабов, стимулируя дальнейший рост в перспективе.

В 2015 г. на Дальнем Востоке России объем добычи природного газа составил 31,7 млрд м³, нефти и газового конденсата – 26,5 млн т². Добыча сосредоточена на Сахалине и в Якутии. Крупнейшими производителями углеводородов являются консорциумы Сахалин-1 и Сахалин-2 (более 50% добычи нефти и свыше 83% добычи природного газа). Добыча нефти на эксплуатируемых месторождениях практически достигла пика, что обусловлено выходом на проектную мощность основных разрабатываемых месторождений, прежде всего Талаканского. Перспективы наращивания добычи природного газа связаны с освоением Чадынского месторождения, которое пока не разрабатывается³ и со строительством магистрального газопровода «Сила Сибири», по которому основная часть добываемого газа будет экспортироваться в Китай и частично перерабатываться в Амурской области. Резервом наращивания экспорта природного газа является расширение объемов поставки на экспорт сжиженного природного газа (СПГ).

---

¹ По экспертным оценкам доля экспорта составила 65% (Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г. / Дальневосточное таможенное управление).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / ФСГС. 2017.

³ Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть 2015. № 12.

В настоящее время из-за острой конкуренции на рынке СПГ значительная часть добываемого на Сахалине природного газа из-за отсутствия спроса на внешнем рынке закачивается обратно в пласт (более 10 млрд м³)¹. Остальной газ используется в производстве СПГ на единственном в РФ заводе по сжижению газа (Сахалин-2), на котором в 2015 г. было произведено 9,6 млн т СПГ². Газ, незадействованный в производстве СПГ и незакачиваемый обратно в пласт, по системе трубопроводов направляется на рынки Сахалинской области, Хабаровского края и Приморского края, где основными потребителями (67%) являются электростанции.

В 2015 г. мощности по переработке нефти на Дальнем Востоке составили 12,8 млн т. Переработка осуществляется на двух крупных заводах – Комсомольском НПЗ (НК «Роснефть») и Хабаровском НПЗ (НК «Альянс»), а также на двух мини-НПЗ компаний «Петросах» и «Трансбункер». Однако подавляющая часть сырой нефти для переработки поступает из Уральского и Сибирского федеральных округов, так как добываемая в рамках сахалинских шельфовых проектов нефть (основная часть общей добычи в регионе) поставляется на экспорт в рамках соглашений о разделе продукции. Лишь незначительные объемы нефти с сухопутных месторождений Сахалина поступают на Комсомольский нефтеперерабатывающий завод (до 2 млн т в год).

Объем добычи угля на Дальнем Востоке в 2015 г. составил 38,4 млн т. Добыча угля ведется во всех дальневосточных субъектах РФ (за исключением ЕАО). Две трети угля добывается пятью производителями: ОАО ХК Якутуголь, ОАО Ургалуголь, ОАО Приморский уголь, ООО Эльгауголь, АО Амуруголь. Объем переработки угля на Дальнем Востоке в 2015 г. составил 12,6 млн т³. Уголь, добываемый на Дальнем Востоке, используется в основном потребителями региона, до 75% от объемов потребления приходится на электростанции.

---

¹ Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть 2015.

² Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г. / Дальневосточное таможенное управления.

³ Таразанов И.Г. Итоги работы угольной промышленности России за январь – декабрь 2015 года // Уголь. 2016. № 3.

На Дальнем Востоке функционирует около 4,8 тыс. электростанций и более 1000 предприятий, осуществляющих теплоснабжение. Производство электроэнергии в 2015 г. в регионе составило около 51,1 млрд кВт·ч, тепловой энергии – 60,3 млн Гкал. Средний коэффициент использования установленной электрической мощности электростанций ДФО составляет 43%, тепловой мощности ТЭЦ – 35%¹. Особенности электроэнергетики Дальнего Востока являются отсутствие связей с Единой энергосистемой России, наличие технологически изолированных энергосистем и районов децентрализованного энергоснабжения. Основными потребителями электроэнергии являются промышленность, население и железнодорожный транспорт, тепловой энергии – население.

Энергетическое сотрудничество России с АТР

В 2000–2015 гг. Россия увеличила экспорт первичных энергоресурсов в восточном направлении более чем в 12 раз. Поставки угля увеличились с 12,8 до 51,7 млн т; нефти – с 1,5 до 65,5 млн т; природного газа – с 0 до 9,5 млн т². В результате к 2015 г. доля восточного направления в экспорте российских энергоресурсов составила 34% по углю, 27 по нефти и 10% по природному газу³. Эта динамика рассматривается в России как долгосрочный тренд. Предпринимаются концентрированные усилия по дальнейшему увеличению поставок на азиатские рынки, особенно по газу, долю экспорта которого в восточном направлении предполагается довести к 2030 г. до 19–20% от общего объема российского экспорта природного и сжиженного газа⁴.

Дальнейшее продвижение в восточном направлении сдерживается целым рядом ограничений технологического, инфраструктурного, финансового, институционального и ресурсного характера, которые обусловлены внутрироссийскими проблемами. К ним относятся:

- необходимость ускоренного проведения большого объема геологоразведочных работ, что требует больших затрат времени, инвестиций и технологической поддержки;

---

¹ Выработка электроэнергии / ПАО ЭС Востока.

² UN Comtrade Database.

³ Ibid.

⁴ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 № 1715-р.

- высокая стоимость разработки и транспортировки энергетических ресурсов, что предполагает вполне определенный уровень экспортных цен для возврата инвестиций, недостижимый в настоящее время;

- высокая капиталоемкость проектов освоения и эксплуатации, что обуславливает необходимость аккумуляции инвестиционных ресурсов, дефицитных для российской экономики, это блокирует возможность реализации каскада проектов, что необходимо для максимально эффективного освоения ресурсов и удержания рыночных позиций;

- действие секторальных санкций со стороны ряда западных стран, что блокирует в ряде случаев технологическое и инвестиционное сотрудничество;

- дефицит мощностей транспортной инфраструктуры, например, требуется реализация 14 проектов по развитию железнодорожной инфраструктуры для транспортировки угля в восточных районах.

К этим ограничениям добавляются институциональные барьеры, которые существуют в крупнейших странах АТР и сдерживают увеличение объемов поставок российских энергоресурсов на их рынки АТР:

- квотирование импорта энергоресурсов;
- высокая неопределенность цен на энергоресурсы и объемов их поставок;
- усиление конкуренции поставщиков на рынки стран АТР и США;
- протекционизм по отношению к национальным энергетическим компаниям;
- отсутствие магистральных трубопроводных систем и нерешенность вопросов транзита.

Несмотря на трудности, сотрудничество российских энергетических компаний с партнерами из АТР развивается. Главными его формами являются и сейчас и в перспективе:

- долгосрочные контракты на поставку энергоресурсов,
- проектное финансирование,
- поставки оборудования и сервисное обслуживание,
- совместное строительство инфраструктурных объектов (трубопроводы, электрические сети, дороги),
- участие в разведке и добыче углеводородов,

- реализация совместных проектов по добыче полезных ископаемых, строительству электростанций на территории третьих стран,
- совместные научно-технические разработки в области энергетики.

Несмотря на наличие ограничений, на сегодняшний день все представленные формы сотрудничества осуществляются в различной степени. Максимальное развитие получило первое направление сотрудничества. Стабильно высокий спрос на энергоресурсы в странах АТР и возможности по диверсификации направлений экспортных поставок энергоресурсов обуславливают рост интереса российских энергетических компаний к рынкам данных стран. Наличие значительных запасов энергоресурсов и близость к рынкам сбыта (основные конкуренты России на рынках нефти и газа страны АТР – страны Ближнего Востока и Африки, угля – Австралия, расстояние поставок из которых в 2–5 раз превышает маршруты из Восточной Сибири и Дальнего Востока), диверсификация поставщиков, обуславливают встречный интерес партнеров к российским энергоресурсам.

Успешно реализуются долгосрочные контракты на поставку сахалинского СПГ в Японию (130 млн т СПГ за 20 лет) и Республику Корея (30 млн т СПГ за 20 лет). В последние годы подписан ряд долгосрочных контрактов на поставку российских энергоресурсов в Китай: 25-летний контракт на поставку 365 млн т нефти, 25-летний контракт на поставку 100 млрд кВт·ч электроэнергии, 30-летний контракт на поставку 1140 млрд м³ природного газа. Но даже в данных условиях доля российских энергоресурсов в структуре импорта Китая, Японии и Республикой Кореи не превышает 10%.

В рамках прочих форм сотрудничества можно отметить, что доля участия зарубежных компаний в российских энергетических проектах составляет порядка 20%¹. Примерами совместных проектов с партнерами из стран АТР служат: разработка ОАО «НК «Роснефть» и китайской компании КННК Среднеботуобинского месторождения (проект Таас-Юрях); строительство ОАО «НК «Роснефть» и китайской компанией КННК Тяньцзиньского НПЗ; 20%-ное участие китайской компании КННК в проекте ОАО «НОВАТЭК» «Ямал СПГ»; 20%-ное участие индийской нефтегазовой корпорации ONGC

---

¹ Тезисы выступления Министра энергетики Российской Федерации А.В. Новака «Приоритеты российской энергетической политики» (Брукингс, 6 декабря 2013).

Videsh Ltd. в акционерном капитале проекта Сахалин-1, подготовку к строительству которого ведет ОАО «НК «Роснефть» в рамках проекта Сахалин-1; совместные российско-вьетнамские предприятия с участием КНГ «Петровьетнам»¹.

Дальнейшие возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в страны АТР обусловлены, прежде всего, разработкой новых крупных месторождений энергоресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке и развитием соответствующей инфраструктуры. Указанные регионы характеризуется низкой степенью разведанности и изученности сырьевой базы. Так разведанность запасов углеводородов по Дальнему Востоку оценивается: по нефти 6% и по газу 8%².

Развитие совместных научно-технических разработок сдерживается общим отставанием уровня отечественных энергетических технологий, за исключением отдельных направлений (например, в атомной энергетике).

Развитие более сложных форм сотрудничества связано с формированием стратегических альянсов и обменом активами на уровне компаний. При этом ограничением выступает правило «симметричности позиций», т. е. при допуске партнеров из стран АТР к активам по добыче и транспортировке углеводородов на территории России необходимо предусмотреть участие российских компаний в проектах разведки, добычи, транспорта, подземного хранения, переработки и сбыта конечным потребителям на территории стран АТР.

Роль Дальнего Востока в развитии проектов сотрудничества обусловлена, во-первых, масштабным освоением новых месторождений, во-вторых, использованием территории для транзита энергетических ресурсов из Сибири. В настоящее время около 40% от объема первичных энергоресурсов, поставляемых на экспорт в восточном направлении, добывается на Дальнем Востоке.

К числу наиболее важных проектов, определяющих возможности и ограничения по экспорту энергоресурсов относятся: шельфовые проекты о. Сахалин, нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан (1 и 2 очередь), экспорт электроэнергии в Китай, Эльгинский уголь-

---

¹ Выступление Министра энергетики Российской Федерации А.В. Новака на 11-й встрече министров энергетики стран АТЭС (Пекин, 2 сентября 2014).

² Новости / Министерство энергетики Российской Федерации. 2016. 2 сентября.

ный комплекс, заводы по производству СПГ (г. Владивосток, Дальневосточный СПГ (о. Сахалин), газопровод «Якутия – Хабаровск – Владивосток» (Сила Сибири), нефтехимический комплекс в Приморском крае, Амурский газоперерабатывающий завод. В отдаленной перспективе рассматривается создание электротехнического объединения «Азиатское суперкольцо», одним из первых элементов которого может стать объединение энергосистемы о. Сахалин и Японии.

Большая часть из указанных проектов уже вышли на проектные мощности. Текущие обязательства по экспорту российских энергоресурсов обеспечены соответствующей инфраструктурой, а дальнейшее наращивание поставок потребует ее расширения. Так текущая пропускная способность нефтепровода ВСТО используется на пределе (загрузка 96,8% по итогам 2014 г.). В планах к 2020 г. увеличение мощности ВСТО-1 до 80 млн т, ВСТО-2 до 50 млн т, нефтепровода Сковородино – Мохэ до 30 млн т¹. Уголь на экспорт транспортируется по железной дороге, при этом резерв ее пропускной способности уже исчерпан, одним из наиболее загруженных участков является направление от Кузбасса к дальневосточным портам. Существующая мощность дальневосточных портов по перевалке угля составляет порядка 50 млн т. Для обеспечения увеличения экспортных поставок в страны АТР требуется создание новых и реконструкция действующих угольных терминалов в восточных портах, согласованные с расширением сети железных дорог Восточного полигона. Все указанные мероприятия предусмотрены «Долгосрочной программой развития угольной промышленности России на период до 2030 г.».

Экспортные возможности по поставкам природного газа из России в АТР сейчас ограничены мощностью завода СПГ и обусловлены отсутствием газопроводов. В свою очередь в стадии строительства следующие проекты: газопровод «Сила Сибири» и Амурский газоперерабатывающий завод. Общая протяженность газопровода составит около 3 тыс. км, а проектная мощность 61 млрд м³ газа в год. Строительство газопровода начато в сентябре 2014 г., по состоянию на 1 января 2017 г. сварено 700 км труб, планируемый срок завершения строительства – 2019–2020 гг. Так как

---

¹ Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (в части трубопроводного транспорта): распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2015 № 816-р.

природный газ месторождений Республики Саха (Якутия) характеризуется многокомпонентным составом, то для выделения ценных компонент газа строится Амурский газоперерабатывающий завод. Проектная мощность завода по переработке составит 42 млрд м³ природного газа в год, ввод в эксплуатацию запланирован в 2021 г.¹

Несмотря на реализацию рассмотренных проектов, не ожидается существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынках указанных стран. Российские энергоресурсы еще только входят на энергетические рынки региона, сталкиваясь со сложившейся структурой конкурентных взаимодействий. Возможным усилением конкурентных позиций для России будет способность выводить на рынки стран АТР продукты более высокой степени переработки, особенно способность создавать новые товарные ниши на основе технологического лидерства. Кроме того, существующие каналы поставок российских энергоресурсов на рынки стран АТР задействованы практически на пределе, а строительство новой энергетической инфраструктуры требует высоких затрат и в тоже время создает дополнительные риски для российской стороны из-за значительной рыночной власти покупателя.

В какой степени проекты по созданию транзитной инфраструктуры для экспорта энергоресурсов могут стимулировать экономический рост и социальное развитие на самом Дальнем Востоке? Согласно ожиданиям экспертов правительства перспективы в этой сфере большие. Но эти ожидания сильно завышены в силу того, что все крупные предприятия ТЭК не являются региональными резидентами. Это приводит к перераспределению финансовых результатов от их деятельности за пределы Дальнего Востока. Существующая система налогообложения также направлена на концентрацию природной и экспортной ренты в федеральном бюджете. Следовательно, дальнейшее наращивание экспорта энергоресурсов практически не будет совсем или будет в очень малой степени генерировать собственно региональные ресурсы развития.

---

¹ Амурский газоперерабатывающий завод / ПАО «Газпром».

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

Одной из существенных компонент новой экономической политики развития российского Дальнего Востока является стимулирование притока иностранного капитала, в первую очередь прямых иностранных инвестиций, рассматриваемых как альтернативный ресурс экономического развития и источник технологических инноваций. Первой попыткой использовать иностранные инвестиции как ресурс экономического развития на Дальнем Востоке стали концессионные соглашения 1920-х гг.² Прямые иностранные инвестиции начали использоваться в качестве источника экономического развития и инструмента освоения природно-ресурсной базы региона с середины 1960-х гг., когда были заключены первые компенсационные соглашения с Японией по формуле «капитал и технологии за природные ресурсы». По существу эти соглашения являлись крупномасштабными бартерными сделками, сторонами которых выступали национальные правительства³. В 1980-х гг. использование прямых иностранных инвестиций осуществлялось уже на базе самих экономических агентов при институциональных гарантиях и локализованных в регионе специальных стимулах (льготах) для иностранных инвесторов со стороны государства, закрепленных в Законе об иностранных инвестициях (1987 г.)⁴. Современный этап инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке характеризуется отсутствием специального институционального режима для иностранных инвестиций, что обуславливает подчинение динамики, масштабов, секторальной и территориальной

---

¹ *Минакир П.А., Суслов Д.В.* Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3.

² *Шлык Н.Л.* Внешнеэкономические связи на Дальнем Востоке. М.: Советская Россия, 1989; *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. 2006.

³ *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. 2006; *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005.

⁴ *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005.

структуры привлекаемых иностранных инвестиций сравнительным преимуществам функционирующего в регионе капитала по сравнению с другими вариантами его размещения.

Поэтому динамика и структура прямых иностранных инвестиций (ПИИ) могут служить косвенным индикатором успешности самой экономической политики развития в регионе с точки зрения повышения уровня его конкурентоспособности на рынке капитала, а также оценкой потенциала абсолютных преимуществ Дальнего Востока в области естественных факторов притяжения ПИИ.

Эти оценки описываются с помощью анализа тенденций привлечения и пространственного распределения ПИИ в регионах Дальнего Востока с учетом изменения информационной базы в связи с переходом в учете иностранных инвестиций на методологию Банка России. Подобные исследования с начала 2000-х гг. широко проводятся как применительно в целом по отношению к экономике России¹, так и в аспекте сравнительного пространственного анализа структурно-динамических индикаторов и эффектов².

Вместе с тем до настоящего времени не решена задача оценки откликов социально-экономических систем конкретных регионов на использование в данном регионе прямых иностранных инвестиций. В частности, необходимо исследовать, как соотношения между динамикой и масштабами иностранных инвестиций, с одной стороны, и

---

¹ Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. № 2; Дементьев Н.П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1; Федорова Е.А., Федоров Ф.Ю., Николаев А.Э. От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? // ЭКО. 2017. № 7.

² Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6; Кузнецова О.В. Формальная и реальная роль российских регионов в привлечении иностранных инвестиций (по статистике Центробанка) // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. 2016; Кузнецова О.В. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3; Кузнецова О.В. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ». 2009. № 1.

макроэкономической динамикой в конкретном регионе – с другой, модифицируются в зависимости от особенностей структуры экономики, емкости внутреннего рынка, интегрированности региональной системы в межрегиональные и глобальные цепочки. Не менее важной задачей является также оценка эффективности учета в инвестиционной и общеэкономической политике в конкретном регионе комплекса специфичных для него факторов привлечения и функционирования иностранных инвестиций.

Теоретические концепции исследования ПИИ

Исследования динамики, географической и отраслевой структуры, закономерностей размещения, форм и источников финансирования, эффектов прямых иностранных инвестиций опираются на целое семейство теоретических концепций.

Эти концепции опираются как на предположение о том, что прямые иностранные инвестиции осуществляются на рынках с совершенной конкуренцией (наличие большого числа продавцов и покупателей, гомогенность продуктов, свободный доступ к информации и т. п.), так и на допущение о несовершенстве рынков (наличие барьеров во внешней торговле, транзакционных издержек, транспортных затрат и налогов)¹. И в том и в другом случаях рассматриваются большое количество переменных и различных факторов (макро-, микро- и стратегических).

Макрофакторы включают в себя размеры принимающей ПИИ экономики, ставки процента, заработной платы и доходности. Микро-факторы относятся к характеристикам фирм и отраслей, которые предоставляют определенные преимущества ТНК в отличие от других фирм. Они включают в себя продуктовую дифференциацию, технологические и рекламные эффекты, жизненный цикл продуктов и размеры фирм. Множество стратегических факторов объединяет обстоятельства, косвенно влияющие на принятие решений о зарубежном инвестировании².

---

¹ *Lizondo J.S.* Foreign Direct Investment in International Monetary Fund, Determinants and Systematic Consequences of International Capital Flows / IMF. Occasional Papers. No. 77. Washington DC, 1991; *Agarwal J.P.* Determinants of Foreign Direct Investment: A Survey // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1980. Vol. 116.

² *The International Allocation of Economic Activity* / Ed. by B. Ohlin, P.O. Hesselborn, P.M. Wijkman. London: Mcmillan, 1977.

Теоретические концепции, описывающие пространственное распределение прямых иностранных инвестиций в соответствии с мотивами инвестирования в условиях рынков совершенной конкуренции, основаны на предположении о том, что решения о размещении ПИИ доминируются сравнительными оценками доходности капитала в различных странах и регионах¹, стремлением к диверсификации бизнеса², а также максимизации эффекта масштаба за счет размещения инвестиций в странах и регионах с большой емкостью рынка для соответствующей продукции³.

Более сложными конструкциями описываются закономерности размещения прямых иностранных инвестиций при введении в условие задачи более реалистичного предположения о несовершенстве рынков. К ним относятся гипотеза промышленной организации⁴, гипотеза интернализации⁵, гипотеза пространственного размеще-

---

¹ *Weintraub R.* Studio Empirico Sulle Relazioni di Lungo Andare tra Movimenti di Capitali Rendimenti Differenziali // *Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali*. 1967. Vol. 14; *Bandera V.N., White J.T.* American Direct Investment and Domestic Markets in Europe // *Economica Internazionale*. 1968. Vol. 21.

² *Agarwal J.P.* Determinants of Foreign Direct Investment: A Survey // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1980; *Yang Q.* Repartition Geographique de l'Investment Direct Entranger en Chine: l'Impact du Capital Humain // *Revue d'Economie du Development*. 1999. Vol. 3.

³ *Agarwal J.P.* Determinants of Foreign Direct Investment: A Survey // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1980; *Ragazzi G.* Theories of the Determinates of Foreign Direct Investment / IMF. Staff Papers. Vol. 20. 1973; *Balassa B.* American Direct Investment in the Common Market / *Banco Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 1966; *Jorgenson D.W.* Capital Theory and Investment Behavior // *American Economic Review*. 1963. Vol. 53; *Chenery H.B.* Overcapacity and the Acceleration Principle // *Econometrica*. 1952. Vol. 20.

⁴ *Hymer S.H.* The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment. Cambridge: MIT Press, 1976; *Kindleberger C.P.* American Business Abroad: Six Lectures on Direct Investment. New Haven: Yale University Press, 1969; *Caves R.E.* Multinational Enterprise and Economic Analysis. Cambridge University Press, 1982.

⁵ *Buckley P.J., Casson M.* The Future of Multinational Enterprise. London: Mcmillan, 1976; *Rugman A.M.* Internalization as a General Theory of Foreign Direct Investment: A Re-Appraisal of the Literature // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1980. Vol. 116; *Buckley P.J.* The Limits of Explanation: Testing the Internalization Theory of the Multinational Enterprises // *Journal of International Business Studies*. 1988. Vol. 19.

ния¹, эклектическая теория (парадигма) Даннинга², гипотеза жизненного цикла продукции³, гипотеза олигополистической реакции⁴ и некоторые другие.

Независимо от типа рынков, на которых функционируют прямые иностранные инвестиции, невозможно объяснить с достаточной достоверностью и полнотой мотивы, причины и эффекты размещения капитала только с точки зрения целеполагания и внутренней эффективности самого капитала. Эти основания вполне достаточны в случае описания мотивов и результатов размещения функционирующего капитала в условиях гомогенной институциональной среды, каковой является национальная экономика.

Однако в случае международного движения предпринимательского капитала существенны ми условиями, влияющими на принятие решений относительно размещения ПИИ и результаты реализации этих решений, являются столь же дифференцированные по странам и регионам, сколь и плохо формализуемые сочетания институтов и экономических политик (особенности режимов финансирования, валютных режимов, тарифных и нетарифных барьеров, налоговые политики, стратегические приоритеты и ограничения на вход иностранного капитала на национальные рынки и пр.).

---

¹ The International Allocation of Economic Activity. 1977; *Casson M.* Multinational Corporations. Chaltenham: Edward Elgar, 1990; *Schneider F., Frey B.S.* Economic and Political Determinants of Foreign Direct Investment // World Development. 1985. Vol. 13; *Culem C.G.* The Locational Determinants of Direct Investments Among Industrialized Countries // European Economic Review. 1988. Vol. 32; *Nankani G.T.* The Intercountry Distribution of Foreign Direct Investment. New York: Garland, 1979.

² *Dunning J.* The Determinants of International Production // Oxford Economic Papers. 1973. Vol. 25; *Dunning J.H.* Explaining Changing Patterns of International Production: In Defense of Eclectic Theory // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1979. Vol. 41; *Dunning J.H.* The Eclectic Paradigm of International Production: A Restatement and Some Possible Extensions // Journal of International Business Studies. 1988. Vol. 19; *Dunning J.* Multinational Enterprises and the Global Economy. Reading, Addison-Wesley Publ. Co., 1993.

³ *Vernon R.* International Investment and International Trade in the Product Cycle // Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80.

⁴ *Knickerbocker F.T.* Oligopolistic Reaction and Multinational Enterprise. Boston: Division of Research, Harvard University Graduate School of Business Administration, 1973.

Учесть это многообразие условий невозможно в рамках какой-либо унифицированной системы канонических концепций (теорий). Существенная специфика комбинаций факторов и условий, характерных для конкретных кейсов размещения иностранных инвестиций, обуславливает обязательность формулирования адекватных концепций и гипотез, описывающих динамику и структуру иностранного инвестирования применительно к той или иной стране или периоду. Еще в большей мере это относится к проблеме объяснения регионального размещения ПИИ (особенно в рамках средних и крупных стран), которая в теориях и гипотезах представлена значительно скромнее, нежели для случая национальных экономических систем. Это определяет не только, и не столько, наличие определенной свободы в формулировании гипотез и применении различных теоретических концепций при описании регионального аспекта ПИИ, но и необходимость проверки их адекватности эмпирическим путем, тестирования их соответствия особенностям территориального и отраслевого развития.

Такое тестирование может быть проведено с помощью эконометрических моделей (при наличии адекватной статистической базы), что имеет прецеденты в российской исследовательской практике¹, но не приводит к получению надежных результатов, так как позволяет учесть лишь ограниченную совокупность значимых для инвесторов характеристик регионов². В ряде случаев лучшие результаты дает дескриптивный анализ с использованием авторских баз данных и методы анкетирования.

В России одной из наиболее известных теоретических моделей размещения ПИИ в региональном разрезе является модель иерархически-волновой диффузии³, основанная на гипотезе о том, что ино-

---

¹ *Нестерова Д.В., Мариев О.С.* Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. 2005. № 4; *Полиди А.А., Сичкар С.В.* Эконометрическая оценка факторов и динамики прямых иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9.

² Инвестиционный климат России 2012: опрос существующих и потенциальных инвесторов / Консультативный совет по иностранным инвестициям. М., 2012.

³ *Кузнецов А.В.* Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007.

странные инвесторы первые свои предприятия создают, как правило, в ключевых экономических центрах или их пригородах, а затем «осваивают» смежные территории, что выражается со временем в уменьшении территориальной концентрации ПИИ. Однако эта модель значительно больше подходит для описания инвестиционных стратегий отдельных экономических агентов, но не для объяснения сравнительной динамики, тем более структуры и эффектов иностранных инвестиций в регионах. Если количество иностранных инвесторов остается постоянным, то данная модель способна объяснить процессы размещения инвестиций в межрегиональном аспекте. Но при увеличении числа приходящих в страну новых прямых инвесторов, которые, как и их предшественники, начинают свою деятельность с крупнейших экономических центров, концентрация ПИИ может сохраняться и даже увеличиваться. Кроме того, есть принципиальные исключения из этой модели, которые касаются как раз принципиальных для условий российской экономики случаев. Во-первых, этой моделью не учитывается ситуация, когда масштаб рынка делает достаточным для инвестора ограничиться ограниченным числом (или даже единичной) инвестиций, эксплуатируя экономию на масштабе (как, например, в случае создания автосборочных производств). Во-вторых, инвестирование в приграничных регионах, а не крупнейших экономических центрах. В-третьих, выпадают ситуации приобретения иностранным инвестором готового предприятия или развития кооперационных связей. Наконец, в-четвертых, и это наиболее принципиально в рамках данной статьи, приведенная модель не подходит для описания ситуации инвестирования в освоение и экспорт природных ресурсов, что исключительно важно для российского Дальнего Востока и аналогичных по экономическому типу регионов.

Поэтому в качестве теоретической гипотезы, объясняющей тренд и структуру прямых иностранных инвестиций применительно к Дальневосточному федеральному округу и входящим в его состав субъектам Российской Федерации, как и в случае с другими ресурсноориентированными регионами, принимается гипотеза пространственного размещения ПИИ, в соответствии с которой основанием для их движения и размещения является иммобильность факторов производства. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз (рабочая сила, источники сырья и пр.). Эта иммобильность ведет не только к пространственной дифференциации стоимо-

сти факторов производства (что генерирует эффекты сравнительных преимуществ или, в более поздней версии, ХО-эффекты), но и к возникновению ограниченных эффектов абсолютных экономических преимуществ.

Особенности информационного обеспечения анализа прямых иностранных инвестиций в России

До 2014 г. статистический учет иностранных инвестиций в России осуществлялся в соответствии с «Методологическим положением по организации статистического наблюдения за движением иностранных инвестиций в соответствии с руководством по платежному балансу»¹.

В Единой межведомственной информационно-статистической системе Госкомстата были собраны квартальные данные о поступлении иностранных инвестиций с 2004 г.

Признаками классификации поступления иностранных инвестиций являлись виды деятельности (по ОКВЭД), страны мира (инвесторы), региональный разрез по федеральным округам и субъектам РФ. Данные были представлены для всех видов иностранных инвестиций (прямые, портфельные и прочие), что позволяло проводить глубокий динамический и структурный анализ поступления иностранных инвестиций в отраслевом и региональном разрезе для выявления тенденций и региональных особенностей. Но с 2014 г. в России осуществлен переход к учету поступления только прямых иностранных инвестиций². Это привело к потере сопоставимости данных об иностранных инвестициях за 2004–2014 гг. и за период с 2015 г.

Со второй половины 2015 г. в России начали публиковать статистику ПИИ, собранную ЦБ РФ по новой методологии, о накоплен-

---

¹ Об утверждении Методологических положений по организации статистического наблюдения за движением иностранных инвестиций в соответствии с руководством по платежному балансу: постановление Госкомстата России от 28 октября 2002 № 204.

² Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/meth-kom-di.pdf; Об утверждении порядка предоставления в Банк России первичных статистических данных о прямых инвестициях: указание Центрального банка Российской Федерации (Банк России) от 28 декабря 2014 № 3519-У.

ных на начало 2015 г. прямых инвестициях по субъектам РФ, включая данные о накопленных в них ПИИ, структуре инвестиций по странам, географических и экономических зонах прямых инвесторов, видах экономической деятельности. Объем накопленных в субъекте РФ ПИИ – адекватный статистический показатель для оценки сложившихся межрегиональных различий по привлечению ПИИ¹. Однако, по этому показателю невозможно анализировать региональные закономерности, особенности и тенденции притока иностранных инвестиций в региональном разрезе, хотя именно эти проблемы в основном анализировались в научной литературе². Статданные не только о поступивших, но и об изъятых ПИИ Центральный банк России начал публиковать только с 2011 г., тогда как значительный приток иностранных инвестиций пришелся на 1990–2000-е гг. К тому же статистика по притоку ПИИ никогда не детализировалась: отсутствовали открытые данные и по странам происхождения прямых инвесторов (позволявшие оценить роль офшорных инвестиций и других удобных юрисдикций), и по отраслевой структуре инвестиций.

Эти и ряд других статистических новаций привели к значительным изъянам в аналитических исследованиях по региональным аспектам прямого иностранного инвестирования в России³. По некоторым направлениям, например при формулировании и тестировании различных гипотез, в сфере анализа данных по потокам и остаткам ПИИ в субъектах РФ, новая статистика предоставляет опреде-

---

¹ Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015.

² Кузнецова О.В. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ». 2009; Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Иностранные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5; Трещевский Ю.И., Круглякова В.М. Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // Terra Ecopomicus. 2010. Т. 8. № 1–2.

³ Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. М.: КомКнига, 2006; Матраева Л.В. Распределение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации: проблемы анализа и причины дифференциации. М.: Дашков и К, 2013.

ленные возможности, но в целом она имеет существенные недостатки, о которых говорят многие эксперты и иностранные инвесторы¹.

Несовершенство учета инвестиций становится проблемой для их объективного анализа и принятия управленческих решений. Объективный анализ динамики инвестиций часто затруднен в связи с неполнотой учета данных по мелким и средним инвестиционным проектам и предприятиям, несовершенством методов исчисления накопленных инвестиций, а также определения страновой принадлежности инвестиций. Официальные статданные по накопленным инвестициям могут в несколько раз отличаться от данных, основанных на учете объемов и структуры капиталовложений отдельных проектов. Так, по данным ЦБ, на конец 2016 г. накопленные прямые инвестиции из Китая в Россию составляли 2,27 млрд долл., а по данным Евразийского банка развития (ЕАБР), они составили 8,23 млрд долл. Китайские источники также не предоставляют возможности однозначно оценить масштабы инвестиционного сотрудничества. Противоречивы заявления и официальных представителей китайской стороны.

В некоторой степени обойти возникшие проблемы в полноте статистических наблюдений помогло бы использование авторских баз данных по конкретным осуществленным инвестиционным проектам с иностранными инвестициями². Примером может служить база данных ЕАБР и база ИМЭМО РАН.

Ключевое преимущество основанных на подобной информационной основе работ – детальность используемых для последующего анализа данных. Удастся узнать страну происхождения инвестиций (в т. ч. понять, являются ли инвестиции реально иностранными), характер реализуемого проекта (с нуля или готовый бизнес), его отраслевую принадлежность, долю иностранного инвестора в уставном капитале компании (контролирует ли иностранный инвестор предприятие³).

---

¹ Эксперты: статистика по инвестициям на Дальний Восток противоречива. URL: <https://dv.rbc.ru/dv/29/03/2018/5abd521b9a794732fae0849f?from=main> (дата обращения: март 2018).

² Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. 2015. Доклад № 32. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.

³ Прямой инвестор – инвестор, являющийся резидентом одной страны, участие которого в капитале резидента другой страны обеспечивает ему

Однако формирование базы данных инвестиционных проектов – крайне трудоемкий процесс, и неизбежно приходится ограничиваться сбором информации только об относительно крупных (или доступных) инвестиционных проектах. Кроме того, такие базы данных дают весьма ограниченные возможности для проведения количественного анализа распределения ПИИ по регионам, поскольку практически невозможно получить информацию по ежегодным объемам инвестиций.

Особенности информационного обеспечения аналитических исследований по проблеме прямых иностранных инвестиций обуславливают ряд ограничений в полноте выводов относительно как общерегионального аспекта их динамики и структуры, так и роли иностранных инвестиций в экономике конкретных регионов, в частности российского Дальнего Востока.

Прямые иностранные инвестиции в экономике России: региональные распределения

С учетом выделенных выше особенностей информации о поступлении и использовании прямых иностранных инвестиций в экономике России, характеризующей в целом движение капитальной стоимости, отраженное в платежном балансе, следует отметить, что распределение инвестиций в разрезе макрорегионов (федеральных округов) отражает именно эти информационные особенности. Основной зоной притяжения прямых иностранных инвестиций являются г. Москва и Северо-Западный федеральный округ (в основном г. Санкт-Петербург), где регистрируется 72% всех поступивших инвестиций в 2012 г. и почти 78% – в 2017 г. (*табл. 1*).

Это вполне соответствует ранее упомянутой концепции концентрации иностранных инвестиций в зоне мегаполисов, с которыми связаны основные рынки сбыта. Московский регион притягивает инвестиции и самим фактом регистрации в Москве значительной части иностранных и использующих иностранные инвестиции компаний. Существует также еще одна важная причина для подобной экстраординарной концентрации прямых иностранных инвестиций – в их со-

---

не менее 10% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставной капитал. Прямым иностранным инвестором может быть юридическое или физическое лицо, международная организация или государственный орган.

ставе большую долю занимают долговые инструменты, а, кроме того, система учета, основанная на платежном балансе, отслеживает финансовые потоки, связанные с инвестициями. Большая часть таких потоков идет именно в Москву и через Москву.

Таблица 1

**Поступление и сальдо прямых иностранных инвестиций
по федеральным округам, %, РФ = 100%**

Федеральный округ	2012	2017*
ЦФО	59,2 / 75,8	67,6 / 50,2
СЗФО	12,9 / 13,8	10,2 / -0,1
ЮФО	1,4 / 0,3	1,1 / -3,3
СКФО	0,1 / -0,1	0,4 / 0,3
ПрФО	3,3 / 2,0	2,0 / 1,1
УрФО	14,3 / 12,2	4,7 / 8,1
СФО	2,6 / -7,6	5,8 / 14,5
ДФО	4,7 / 1,1	7,5 / 27,0

Примечания. Данные без учета изъятия прямых инвестиций, нераспределенных инвестиций по субъектам, информации по Крымскому ФО. Данные и использование знаков соответствуют методологии шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ (РПБб) в соответствии с принципом активов / пассивов. Знаки операций: «+» – рост активов и рост обязательств; «-» означает снижение активов и снижение обязательств. Знаки сальдо операций по строке «Прямые инвестиции»: «+» – превышение активов над обязательствами; «-» – превышение обязательств над активами. * По данным за 9 месяцев.

Источник: данные Банка России.

Несколько иначе представляется ситуация с привлечением и использованием прямых иностранных инвестиций, если иметь в виду отток инвестиций. В этом случае заметно меняется пропорция между примененными инвестициями в зонах преимущественной концентрации производств, ориентированных на внутренний и на внешний рынки. В 2012–2017 гг. доля сальдо инвестиций (приток минус отток) снизилась для Москвы и СЗФО с 88,6 до 50,1%. В то же время доля макрорегионов с преимущественно экспортной ориентацией вложений иностранного капитала увеличилась с 3,5 до 39,6% (см. табл. 1).

Это свидетельствует о замещении в ожиданиях инвесторов эффектов внутреннего рынка внешнеторговыми доходами. Косвенным подтверждением этого тренда является также кардинальное изменение характеристик оттока инвестиций в сравнении с показателями притока. В 2012–2017 гг. отношение выведенных инвестиций к сумме поступивших за соответствующий год, увеличилось с 61 до почти 81% для «столичных регионов», но уменьшилось с 91 до 16% для восточных регионов.

Отмеченный эффект замещения вполне согласуется с вышеуказанной концепцией имобильности факторов производства как основания для решений при размещении прямых иностранных инвестиций. Но с точки зрения эффектов для роста российской экономики эта тенденция крайне негативна. Смещение зоны концентрации прямых иностранных инвестиций в пользу экспортного добывающего сектора означает сужение базы для увеличения внутреннего совокупного спроса в экономике как фактора экономического роста.

Прямые иностранные инвестиции в экономике Дальнего Востока

В целом для Дальнего Востока динамика и поступления, и сальдо прямых иностранных инвестиций носит монотонный характер. В 2012–2017 гг. в экономику региона поступило более 65 млрд долл. ПИИ, а совокупное сальдо за эти годы составило более 33 млрд долл. США или (по текущему курсу) более 23% совокупных инвестиций в основной капитал региона за эти годы.

При этом значение прямых иностранных инвестиций в качестве источника накопления в экономике Дальнего Востока увеличивалось высокими темпами, во многом благодаря девальвации рубля в конце 2014 г., но также и в связи с постоянным снижением коэффициента изъятия инвестиций из оборота в дальневосточной экономике, что свидетельствует о долговременности интересов инвесторов, которые преследуются ими в регионе.

Характер этих интересов иллюстрируется внутрирегиональным распределением ПИИ по субъектам РФ. В 2012–2017 гг. 68,4% всех поступивших по данным Банка России, прямых иностранных инвестиций в ДФО было аккумулировано в Сахалинской области¹.

---

¹ По данным Банка России за 2012–2017 гг.

То есть основным предметом инвестирования является добыча и переработка углеводородного сырья.

В целом к началу 2017 г. накопленный объем или остатки прямых иностранных инвестиций в экономике Дальнего Востока составили порядка 62 млрд долл., почти 90% которых приходилось на Сахалинскую область.

При этом (в отличие от среднероссийской ситуации) ссудный капитал составлял незначительную часть (около 7% остатков ПИИ), что в значительной степени объясняет и низкую долю оттока иностранного капитала из региона (*табл. 2*).

Таблица 2

**Прямые иностранные инвестиции в ДФО,
остатки по субъектам РФ в разрезе инструментов,
на 1.01.2017 г., млн долл. США**

Территория	Всего	Участие в капитале	Долговые инструменты
ДФО	62245	57942	4303
Республика Саха	1813	779	1034
Камчатский край	216	199	17
Приморский край	2117	1005	1112
Хабаровский край	1023	329	695
Амурская область	984	704	280
Магаданская область	11	1	9
Сахалинская область	55574	54673	901
ЕАО	202	87	115
ЧАО	305	166	139

Конечно, и в данном случае высокий уровень участия в капитале достигается за счет инвестиций в проекты Сахалинской области (1,6% накопленного капитала в ссудной форме). Для остальных субъектов РФ, за исключением Камчатского края, прямое иностранное инвестирование в большой степени принимает форму ссуд для финансирования инвестиционных проектов. Однако кредитование инвестиционных проектов не имеет в общем случае параллелей с ранее широко использовавшимся на Дальнем Востоке институтом компенсационных соглашений, рамках которых оплата долга и процентов по нему осуществлялась в форме гарантированных поставок на экспорт продукции, произведенной на кредитуемых предприятиях.

То есть в той части, в которой ПИИ представляют собой ссудный капитал, они фактически являются российскими инвестициями, использующими иностранный капитал в качестве финансового инструмента реализации проекта.

С этой точки зрения российский Дальний Восток имеет существенное преимущество перед другими макрорегионами, в которых значительно большая часть ПИИ относится к ссудному капиталу, то есть реальное влияние производительных иностранных инвестиций более ограничено. Однако в случае Дальнего Востока существует иная проблема в части реального влияния ПИИ на экономику региона – пространственно-отраслевая монополия на их привлечение и использование.

Более 90% накопленных в регионе ПИИ концентрируется в секторе добычи природных ресурсов и геологоразведки (*табл. 3*), в основном топливно-энергетических полезных ископаемых, что привело к формированию асимметричной отраслевой структуры ПИИ, а следовательно, к подавлению инвестиционного мультипликатора.

До 2012 г. основными странами-инвесторами (по месту регистрации инвестирующих компаний) для Дальнего Востока являлись Нидерланды и Япония. Но в 2015–2017 гг. ситуация существенно изменилась. Основными инвестиционными донорами для Дальнего Востока стали офшорные территории и прочие источники (категория «не распределено по странам»), расшифровать которые весьма проблематично по причине наличия «конфиденциальных данных».

Это связано с переходом к финансированию крупнейших нефтегазовых проектов через специально созданные компании в офшорных юрисдикциях. Этим объясняется и не столь заметная, как можно было бы ожидать, судя по роли японских компаний в нефтегазовых проектах Сахалина, доля Японии как страны-инвестора. «Новая» статистика ЦБ РФ отразила эту изменившуюся схему зарубежного инвестирования (*табл. 4*). Статистической «родиной» более чем 92% поступивших в этот период на Дальний Восток ПИИ являются такие офшорные территории, как Багамы, Бермуды и Кипр, что отражает общую тенденцию к минимизации инвестиционных рисков на развивающихся рынках, в частности на российском.

**Прямые иностранные инвестиции в ДФО,
остатки по видам экономической деятельности,
млн долл. США**

Вид деятельности	На 01.01.2015	На 01.01.2017
Всего по ДФО	41550	62245
Операции с недвижимым имуществом	61	100
Деятельность профессиональная, научная и техническая	–	–
Финансы и страхование	50	38
Добыча полезных ископаемых	36816	56041
Обрабатывающие производства	0	484
Предоставление прочих услуг	830	1154
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство	3	10
Строительство	66	187
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	51	120
Транспортировка и хранение	69	–28
Не распределено по видам экономической деятельности	3604	4139

Примечания. 1. Данные соответствуют методологии шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ и представлены в соответствии с принципом активов / пассивов. Определение видов экономической деятельности соответствует основным классификационным категориям четвертого пересмотренного варианта Международной стандартной отраслевой классификации ООН (ISIC4) и ее европейского эквивалента (NACE2). Данные по хозяйствующим субъектам, получающим прямые инвестиции, были изначально сформированы на базе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) по основному виду деятельности и затем перегруппированы по методологии ISIC4. Начиная с данных на 01.04.2017 года используется ОКВЭД2. Основным видом экономической деятельности коммерческой организации является тот вид, который по итогам предыдущего года имеет наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции и оказанных услуг.

2. Данные включают инвестиции в банки и прочие секторы; в графу «Не распределено по видам экономической деятельности» включены конфиденциальные данные.

Источник: данные Банка России.

**Географическая структура накопленных прямых
иностранных инвестиций в ДФО, млн долл. США**

Страна	На 01.01.2015	На 01.01.2016	На 01.01.2017	На 01.10.2017
Всего инвестиций	41550	39431	62245	60952
Багамы	20828	21227	33275	32486
Бермуды	14443	13177	21192	20555
Кипр	2121	1942	2622	3247
Не распределено, в т. ч. конфиденци- альные данные	3059	2395	3593	3190
Прочие страны	1099	690	1563	1474

Примечания. 1. Данные разработаны в соответствии с методологией шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБб) МВФ. 2. Включены финансовые и нефинансовые инвестиции.

Источник: данные Банка России.

Реальное влияние прямых иностранных инвестиций на экономику региона проявляется как на макро-, так и на микроуровне. На макроуровне это влияние должно было бы ощущаться через связь приростов сальдового показателя притока ПИИ и приростов валового регионального продукта, а также через реакцию общего объема инвестиций в основной капитал на изменение остатков ПИИ. Однако такой зависимости практически не обнаруживается.

Это связано отчасти с тем, что, как отмечалось выше, ПИИ на Дальнем Востоке пространственно локализованы в пределах Сахалинской области, а эффекты их применения в очень малой степени локализованы в пределах самого Дальнего Востока. Кроме того, инвестиции в проекты Сахалинского шельфа (основные реципиенты ПИИ) находятся в такой стадии, что инвестиционные лаги существенно больше, чем в первые годы после начала экспорта готовой продукции. Соответственно, период 2012–2015 гг. недостаточен для улавливания инвестиционных эффектов.

На микроуровне эффекты иностранного инвестирования проявляются как стимулирование предпринимательской деятельности в экономике, в частности через увеличение общей массы функционирующих экономических агентов. Для некоторых субъектов РФ в ре-

гионе прямые иностранные инвестиции действительно служат важным фактором наращивания предпринимательской массы (Еврейская автономная область, Амурская область, Сахалинская область). Но в целом предпринимательский эффект иностранных инвестиций весьма ограничен с точки зрения доли предприятий с иностранными инвестициями в общем количестве действующих на территории округа коммерческих предприятий (табл. 5).

При этом, как правило, речь идет о мелких предприятиях, судя по тому, что на территории Сахалинской области, на которую приходится почти 90% иностранных инвестиций, функционирует только 12,5% всех предприятий с иностранными инвестициями округа. Наибольшее число таких предприятий (70% общего числа) зарегистрировано в Приморском и Хабаровском краях и Амурской области, на которые приходится лишь малая часть накопленных иностранных прямых инвестиций, но которые располагают диверсифицированной экономикой, что предоставляет существенно большие возможности для создания ориентированных на внутренний спрос небольших предприятий.

Таблица 5

Число предприятий с иностранным участием на 01.01.2017 г.

Субъект РФ	Ино- стран- ные	Совме- стные	Всего с ино- странным участием	Доля в общем числе пред- приятий, %
ДФО	3442	1444	4886	2,5
Республика Саха (Якутия)	207	81	288	1,1
Камчатский край	60	77	137	1,2
Приморский край	1326	571	1897	2,7
Хабаровский край	548	302	850	1,9
Амурская область	570	123	693	4,1
Магаданская область	78	30	108	2,1
Сахалинская область	395	217	612	3,5
ЕАО	239	36	275	8,2
ЧАО	19	7	26	2,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 / ФСГС. М., 2017. С. 653.

Институциональный режим и иностранные инвестиции

С 2012 г. на Дальнем Востоке реализуется комплекс институциональных новаций, объединяемый в научной литературе и официальных документах термином «новая восточная политика»¹. Одним из элементов, положенных в ее основание, является преодоление объективного ограничения, обусловленного узостью внутреннего рынка, за счет создания, в том числе с использованием иностранного капитала, предприятий с экспортным потенциалом. Второй продекларированной целью этой политики выступает расширение инвестиционной базы для развития экономики Дальнего Востока также за счет привлечения иностранного капитала. Основным инструментом решения этой двудеиной задачи правительство выбрало создание локализованных преференциальных режимов инвестирования и функционирования предприятий в форме конструирования территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ).

К настоящему времени такие площадки с преференциями для инвесторов реально созданы практически во всех субъектах РФ на Дальнем Востоке. Из вышеприведенных данных пока нельзя делать выводов о результатах этих институциональных новаций с точки зрения решения задачи расширения внутрирегиональной экспортной базы и увеличения общего инвестиционного ресурса для регионального экономического развития. По-прежнему, как отмечалось выше, иностранные инвестиции направляются почти исключительно в эксплуатацию традиционного экспортно-сырьевого сектора и концентрируются преимущественно в рамках одного, хотя и очень масштабного, инвестиционно-экспортного проекта. Об этом свидетельствует и портфель новых инвестиционных проектов Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций (АПИ), которое предлагает инвесторам в основном проекты в области разработки месторождений и переработки природных ресурсов (3,6 трлн из 4,6 трлн руб.).

Определенные надежды на улучшение инвестиционного и делового климата связаны с созданными и создаваемыми в регионе «институциональными гаванями». Согласно отчету министерства по развитию Дальнего Востока ожидаемое инвестирование компаний-нерезидентов РФ в проекты, размещаемые в этих «гаванях», может

---

¹ *Изотов Д.А.* Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4; *Минакир П.А.* Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017.

быть сопоставимо по масштабам с годовым сальдо прямых иностранных инвестиций (4,7 млрд долл. США), причем 73% этих проектов не связаны с добычей природных ресурсов. Флагманом в этом виртуальном инвестировании является Китай, с компаниями которого связано более 88% стоимости проектов (табл. 6). В какой степени могут оправдаться ожидания того, что иностранные инвестиции в «институциональные гавани» смогут диверсифицировать структуру экономики Дальнего Востока, покажет ближайшее будущее.

Таблица 6

**Проекты с иностранными инвестициями
в «институциональных гаванях», на конец 2017 г.**

Страна	Инвестиции, млн руб.	Количество, шт.
Всего	247683	43
Китай	159713	23
Япония	64645	5
Сингапур	2053	2
Республика Корея	3131	5
Австралия	10648	2
Литва	77	1
Вьетнам	6500	1
Нидерланды	46	1
США, Индия, Великобритания	871	3

Источник: данные Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций.

Анализ территориальной и отраслевой структуры поступления ПИИ на Дальний Восток России позволяет сделать вывод о том, что основной стратегией иностранных инвесторов в регионе является обеспечение доступа и получение возможностей освоения месторождений полезных ископаемых (как углеводородов, так и других ресурсов), т. е. извлечение природной ренты, а также дальнейшая переработка ресурсов с использованием других немобильных факторов производства. Это говорит об адекватности гипотезы пространственного размещения ПИИ, вытекающей из современной теории ПИИ и пространственной экономики, состоятельность которой можно будет проверять по мере накопления объективных статистических данных о ПИИ и анализа информационных баз об инвестиционных

проектах с иностранным участием в макрорегионе и в отдельных Дальневосточных субъектах РФ.

Особенностью прямого иностранного инвестирования в экономику Дальнего Востока является его ярко выраженная пространственная и отраслевая локализация. Основная часть инвестиций концентрируется в сахалинских углеводородных проектах. Это определяет ограниченное влияние ПИИ на динамику и структуру экономики региона.

Институциональные новации последних 5 лет пока не в состоянии существенно изменить взаимодействие ПИИ и региональной макро- и микроэкономики. Тем не менее, на уровне ожиданий предполагается как существенное расширение круга стран-инвесторов, так и повышение уровня структурного разнообразия прямых иностранных инвестиций. Создание «институциональных гаваней» в каждом из субъектов РФ на Дальнем Востоке создает принципиальную возможность предложить рентабельные проекты в разнообразных секторах практически в каждом дальневосточном регионе.

Исследование, результаты которого отражены в настоящей статье, позволило получить новые данные о системе экономических эффектов привлечения и применения прямых иностранных инвестиций в экономике Дальнего Востока. Показано, что в случае Дальнего Востока пространственная и отраслевая локализация иностранных инвестиций доминируются не сравнительной эффективностью мобильных, но экономической доступностью имущественных факторов производства. Соответственно, наиболее адекватной для описания процесса трансферта прямых иностранных инвестиций теоретической концепцией является гипотеза пространственного размещения, которая получает надежное статистическое подтверждение в случае Дальнего Востока. Широко обсуждаемое в настоящее время в научной литературе значение институциональных оболочек для регионального развития и пространственного распределения факторов производства исследовано в настоящей статье применительно к феномену конструирования «институциональных гаваней» на Дальнем Востоке и их влиянию на процессы иностранного инвестирования. Установлено, что в условиях современного Дальнего Востока масштабы и размещение прямых иностранных инвестиций инвариантны по отношению к институциональным модификациям при максимальной чувствительности к возможностям извлечения природно-ресурсной ренты.

3.3. Кооперация на фоне кризиса: национальная и региональная проекции

МИРОВОЙ КРИЗИС: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ¹

Кризис в национальной экономике

Значительные сбережения в форме золотовалютных резервов и стабилизационного фонда, конвертированного в ликвидные ценные бумаги США и Европейского Союза, должны были, послужить надежным компенсатором в условиях разразившегося мирового кризиса. Источником российских резервов являлась как раз приобщенность России к странам чистым экспортерам и кредиторам остального мира после 2001 г. Из кризиса 1998 г. Россия вышла, имея золотовалютные резервы порядка 10 млрд долл. США, а внешний долг, который был преимущественно государственным долгом, в 170 млрд долл. США. Но уже в 2008 г. золотовалютные резервы России увеличились до 428 млрд долл., что должно было служить надежной гарантией для поддержания равновесия финансовой системы. Однако за этот же период внешний долг превысил 500 млрд долл.

Казавшаяся удивительной трансформация структуры внешней задолженности при том, что ее совокупный размер увеличился более чем в 3 раза при росте стоимости ВВП за тот же период в 1,8 раза, оказалась результатом представлявшегося вполне рациональным макроэкономического поведения.

---

¹ *Минакир П.А.* Мировой кризис: национальные и региональные реакции // Пространственная экономика. 2010. № 1.

Согласно официальной версии фундаментом российского экономического роста являлись не внешние, а в основном внутренние факторы – инвестиции и прирост конечного спроса. С точки зрения эконометрических оценок это соответствовало истине. Но противоречило логике более глубокого системного анализа экономических эффектов в российской экономике.

Источником финансирования внутренних инвестиций являлись внешние займы инвесторов и банков. Они в свою очередь основывались на экспортных доходах от углеводородов (экспорт топливно-энергетического сырья в 2008 г. составлял почти 67% всего российского экспорта по стоимости). Источником финансирования роста потребительских расходов являлась инфляция заработной платы и внешние займы банков. Инфляция заработной платы опиралась на рост доходов бюджета, которые в свою очередь поддерживались приростом экспортных доходов.

Рост потребительского и инвестиционного спроса стимулировал рост предложения и, соответственно, увеличение валовых инвестиций и спроса на труд, что вызывало новый виток инфляции заработной платы и роста потребительского и инвестиционного спроса. В сфере фиктивного капитала эта обратная связь отражалась стремительным ростом фондовых индексов, которые служили дополнительным источником финансирования растущего спроса.

Таким образом, посткризисное десятилетие (1998–2007 гг.), в течение которого происходил беспрецедентный рост конъюнктуры на сырьевых рынках под воздействием общего перегрева мировой экономики, стало временем формирования удивительной схемы трансформации экспортных доходов российских корпораций и российского бюджета в прирост внешней задолженности российских же банков и корпораций. Сутью этой трансформации является формирование положительного контура обратной связи в российской экономике, который был подобен такому же контуру в экономике США.

Схема эффектов подобной трансформации была весьма проста, даже примитивна: 1) рост экспортных доходов – рост доходов бюджета – конвертация части рублевых доходов в международные обязательства для сокращения денежной массы и сдерживания инфляции – рост стоимости денег – увеличение спроса на зарубежные заимствования по сравнительно низкой ставке процента; 2) рост экспортных доходов – рост нормы накопления – увеличение спроса на

ссудный капитал – рост ставки процента – рост спроса на зарубежные заимствования.

Таким образом, интересы федеральных монетарных властей, которые боролись с инфляцией, и корпораций, которые торопились использовать выгодную конъюнктуру для расширения товарного предложения и наращивания корпоративных активов, замечательным образом пересеклись.

С 2005 г. Россия перешла из разряда чистых кредиторов, в категорию чистых заемщиков, оставаясь при этом экспортно ориентированной экономикой. Чистая инвестиционная позиция России стала стабильно отрицательной. В 2008 г., чистая инвестиционная позиция России по отношению к остальному миру составила уже – 127 млрд долл.¹

Превращение российской экономики из «экспортера-кредитора» в «экспортера-заемщика» обусловило двойной шок – шок внешнего спроса и шок внешнего кредитования. Ни одна из макроэкономических компонент экономики не была готова к такому «двойному» удару: структура экономики перегружена добывающими производствами, которые не в состоянии перестроиться на внутренне потребление, банковско-финансовый сектор не в состоянии «перехватить» в необходимых масштабах ориентированный на внешние финансовые рынки спрос на финансовые услуги и заемный капитал². При этом шок внешнего спроса мультиплицирован зависимостью финансовых заимствований российских экономических агентов от экспортных доходов, что усугубило ситуацию. Сокращение спроса на рынках сырья не только сказалось на объемах выпуска продукции в России, но и существенно сократило финансовый поток в российскую экономику. Одновременно сократились возможности заимствований на глобальном финансовом рынке.

Таким образом, распространенное в начале кризиса и ставшее почти заклинанием, охотно поддерживаемое официальными экспертами утверждение о том, что Россия стала жертвой «чужих ошибок», совершенно не соответствует действительности. В России, как и практически во всех странах «двадцатки» исключительно быстро сформировались три классических «пузыря» (на фондовом, товарном и жилищном рынках). Это вполне подготовило в российской эконо-

---

¹ Горюнов А.П. Мировой финансово-экономический кризис и его российские проявления // Пространственная экономика. 2009. С. 44.

² Там же. С. 45.

мике почву для внутреннего кризиса перепроизводства капитала, спусковым крючком для которого стало падение мирового рынка капитала и шок спроса на внешних рынках.

Летом 2008 г. резко обрушился российский фондовый рынок. Если сравнивать глубину этого падения с основными мировыми биржами, то падение в России было самым глубоким¹.

В IV квартале 2008 г. спад начался в реальном секторе российской экономики. Уже в декабре 2008 г. стоимость промышленного производства уменьшилась на 10% по сравнению с декабрем 2007 г. По единодушному мнению аналитиков и правительства причина не целиком была связана с кризисом. Однако иных причин не указывалось.

Первый удар кризиса приняли на себя строительство, черная и цветная металлургия, добыча сырья и сфера услуг, особенно финансовых. Это абсолютно большая часть российской экономики. К этому добавилось и то, что при высокой доле добывающих отраслей, сокращение темпов негативно сказывается на транспорте, который тоже начал сворачивать объемы перевозок.

Уже в ноябре 2008 г. Центральный банк был вынужден объявить о расширении валютного коридора, т. е. активировать процедуру плавной девальвации рубля. Это было вызвано стремлением компенсировать потери бюджета и сырьевых корпораций от снижения экспортных цен. Эта цель была отчасти достигнута, но одновременно была спровоцирована паника на валютном рынке и подтверждены опасения населения и экономических агентов относительно кризисных перспектив экономики.

Коммерческие банки, и даже промышленные предприятия, корпорации и население получили практически государственную гарантию того, что конверсия рублевых активов в иностранную валюту является самой выгодной спекулятивной операцией. Уже в декабре 2008 г. огромные суммы сбережений населения, активов банков и оборотных средств предприятий и организаций были переведены в валюту.

«Валютное подтверждение» кризиса дало старт обвалу индекса потребительских намерений. Доля отказов от покупки автомобилей составила 70%, а от покупки жилья уже 75%. Индекс потребительской уверенности (совокупные потребительские ожидания населе-

---

¹ Минакир П.А. Экономика и кризис в России и на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. С. 13–15.

ния) упал в IV квартале 2008 г. до (-20%), по сравнению с III кварталом 2008 г. снизился на 21 п. п., а по сравнению с IV кварталом 2007 г. – на 15 п. п. «Потребительский энтузиазм» откатился до уровня IV квартала 2000 г. (-17%). В течение 2009 г. потребительское поведение населения оставалось важным фактором отрицательной динамики в экономике в целом. Несколько оптимистичнее складывались ожидания молодежи, но в целом даже в молодежной группе населения индекс потребительской уверенности в III квартале 2009 г. оказался ниже, чем в IV квартале 2008 г. А во II квартале население продемонстрировало уровень пессимизма, сравнимый с 1990-ми годами (рис. 1).

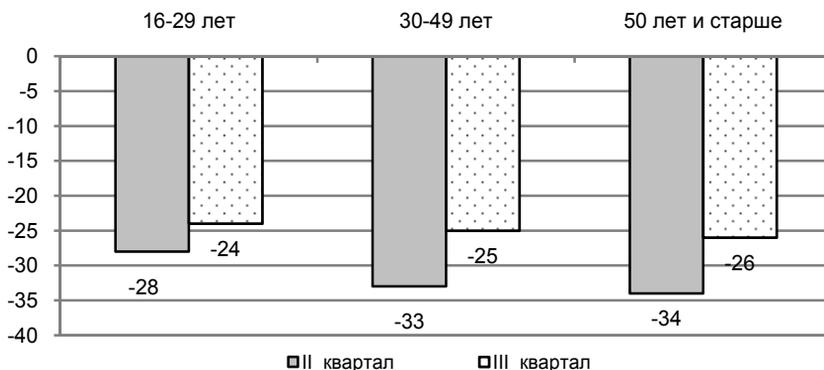

Рис. 1. Индекс потребительской уверенности по возрастным группам населения во II и III кварталах 2009 г.

Источник: ФСГС. 2010.

Неуверенность потребителей не могла не сказаться на уровне потребительского спроса. Инфляция компенсировала падение номинальных значений спроса, но резкое торможение темпа роста потребительских цен в 2009 г. стало важным сигналом неблагополучия в экономике (рис. 2).

Совместный эффект ужесточения спросовых ограничений на внутреннем и внешнем рынках, роста стоимости денег и ухудшения условий кредитования обусловил глубокий трехмесячный спад промышленного производства. С февраля 2009 г. промышленное производство перешло в фазу стагнации. До конца 2009 г. промышленность так и не смогла выйти на уровень октября 2008 г., который явился начальной точкой кризиса (рис. 3).

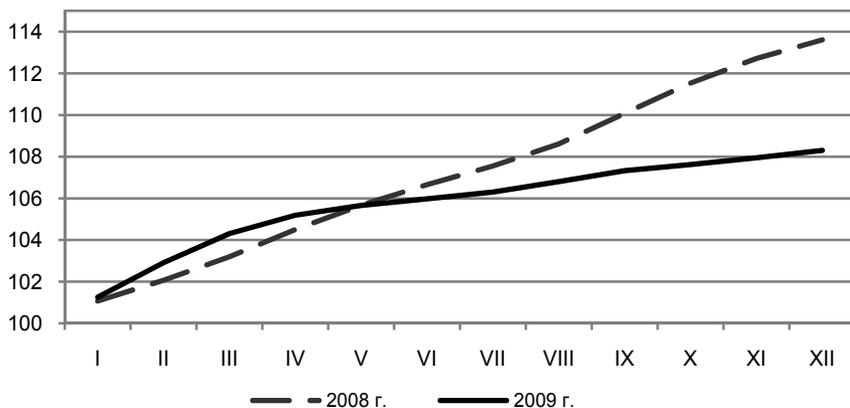

Рис. 2. Индекс потребительских цен на конец периода в % к декабрю предыдущего года

Источник: ФСГС. 2010.

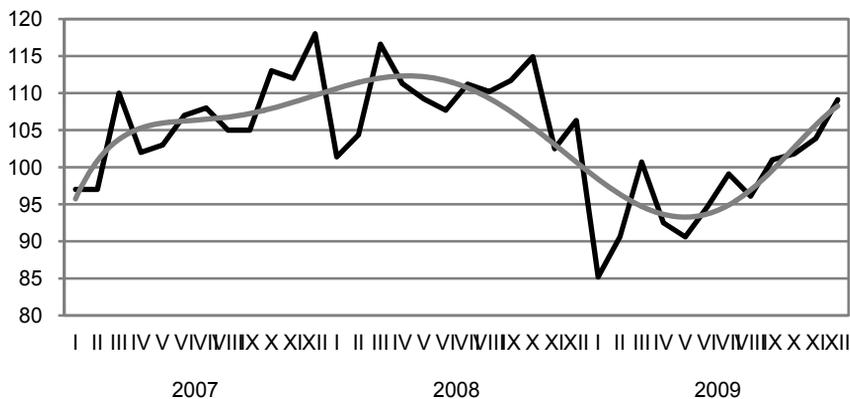

Рис. 3. Индексы промышленного производства в % к среднемесячному значению 2006 г.

Источник: ФСГС. 2010.

Это сказалось, естественно, и на финансовых результатах. В январе – октябре 2009 г. сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) российских экономических агентов (без сельскохозяйственных организаций, субъектов малого предпринимательства, банков, страховых и бюджетных организаций) в дейст-

вующих ценах составил +3233,4 млрд руб., или +103,3 млрд долл. США В январе – октябре 2008 г. аналогичный показатель составлял +4567,8 млрд руб., или +190,6 млрд долл. США.

Спад в промышленном секторе был усугублен катастрофическими показателями в строительстве. Резкое удорожание денег в банковской системе и, главное, глубокий кризис доверия, поразивший всю финансово-экономическую систему, практически парализовало кредитную сферу. Кредитный паралич в условиях ухудшившейся ликвидности, нехватки оборотных средств, чрезмерного прироста запасов быстро привели к падению валового продукта в национальной экономике, размер которого в начале кризиса не предсказывали даже наиболее пессимистично настроенные рейтинговые агентства.

Провал в области ВВП в России (рис. 4) связан, очевидно, с отсутствием структурных компенсаторов в российской экономике, которыми в развитых странах являются малый бизнес, сфера услуг и другие непромышленные сектора.

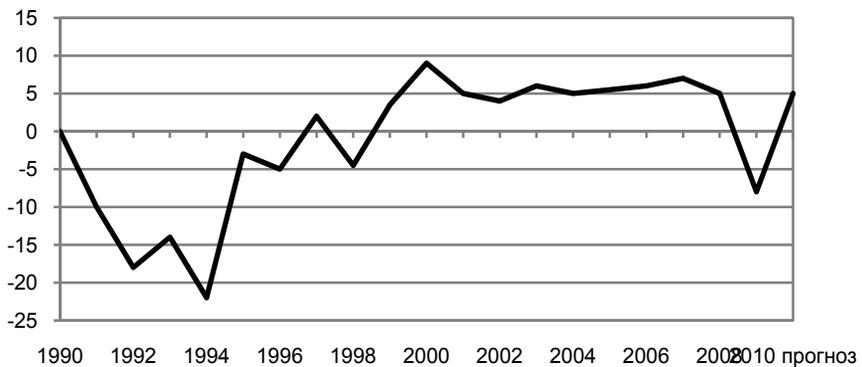

Рис. 4. Динамика ВВП России, в ценах 1990 г., 1990 г. = 100

Источник: ФСГС. 2010.

С начала 2009 г. изменение тренда цен на нефть на мировых рынках послужило положительным фактором для российской экономики. Цены на нефть в течение 2009 г. повысились практически в 1,5 раза, что обусловило переход основных макроэкономических показателей в России в зону положительных значений по отношению к показателям 2006–2007 гг.

Несмотря на наличие значительных золотовалютных и бюджетных резервов, накопленных к середине 2008 г., кризис в России оказался глубже, чем в основных мировых экономиках. Если по глубине падения промышленного производства Россия имела сопоставимые результаты с Канадой, Великобританией, США, Францией и имела преимущество перед Японией, Германией, Италией, то по степени падения ВВП Россия оказалась лидером (табл. 1).

Таблица 1

**Темпы роста реального ВВП и промышленного производства,
% к предыдущему периоду**

Страна	2005	2006	2007	2008	III квартал 2009 г. в % к III кварта- лу 2008 г.
Россия	6,4/5,1	7,7/6,3	8,1/6,3	5,6/2,1	-8,9/-13,5
Бразилия	3,1/...	3,9/...	5,6/...	5,1/...	-1,2/...
Германия	0,8/3,8	3,0/6,2	2,5/6,9	1,3/0,3	-4,8/-18,3
Индия	9,2/...	9,8/...	9,4/...	7,3/...	6,1/...
Италия	0,6/-0,7	2,0/3,6	1,6/2,1	-1,0/-3,3	-4,6/-20,1
Канада	3,0/1,7	2,9/-0,2	2,5/-0,1	0,4/-4,6	-4,0/-13,4
Китай	10,4/...	11,7/...	13,0/...	9,0/...	7,7/...
Великобритания	2,2/-1,7	2,9/0,1	2,6/0,4	0,7/-3,0	-5,2/-11,5
США	2,9/3,3	2,8/2,2	2,0/1,5	1,1/-2,2	-2,3/-11,4
Франция	1,9/0,3	2,2/0,9	2,3/1,5	0,4/-2,2	-2,4/-14,2
Япония	1,9/1,4	2,0/4,4	2,3/2,7	-0,7/-3,2	-4,5/-26,5

Примечание: числитель – ВВП, знаменатель – промышленное производство.

Источники: рассчитано по данным: Россия и мир. URL: http://statistika.ru/stat/russia-world/2008/11/13/russia-world_14228.html (дата обращения: февраль 2010); Срочная информация по актуальным вопросам / ФСГС. 2009.

Наиболее очевидным сигналом для восстановления экономической активности стала динамика фондовых индексов. Долларовый индекс московской биржи РТС показал в течение 2009 г. рост в размере 128%. Это наивысший показатель среди всех ведущих мировых бирж. Даже рост котировок на наиболее активной и наименее по-

страдавшей от кризиса Шанхайской биржи составил 80%. Однако этот рост является индикатором вероятности восстановления экономики, но автоматически не трансформируется в новый подъем.

В частности, за первые 10 месяцев 2009 г. внешнеторговый оборот России составил, по данным Банка России, 389,4 млрд долл. США (59,1% к январю – октябрю 2008 г.), в том числе экспорт – 238,6 млрд долл. (57,8%), импорт – 150,8 млрд долл. (61,3%) при положительном сальдо торгового баланса (87,8 млрд долл. США против 166,6 млрд долл. в январе – октябре 2008 г.). В октябре 2009 г. объемы экспорта и импорта только вышли на уровень января 2008 г. (рис. 5). За исключение продовольственных товаров по всем основным экспортным товарам стоимость экспорта уменьшилась от 26% для машин и оборудования до 62% для минеральных удобрений. На 45% сократился экспорт товаров топливно-энергетической группы и экспорт металлов.

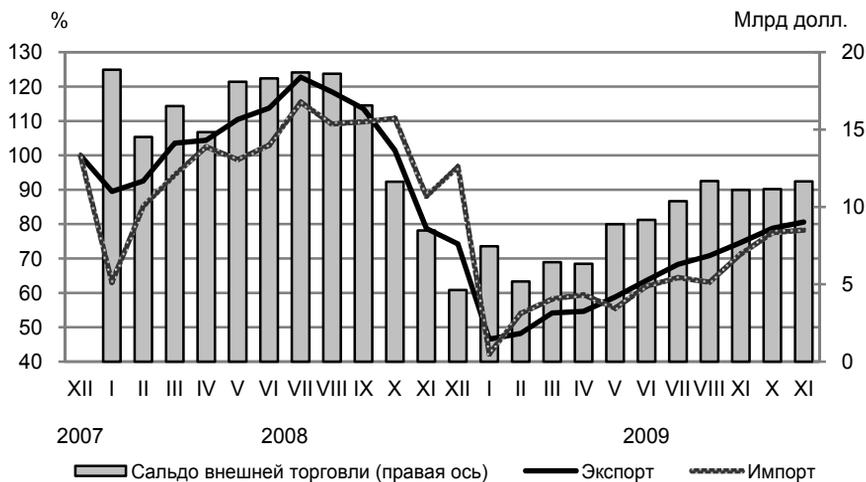

Рис. 5. Динамика экспорта и импорта РФ, в % к декабрю 2007 г.

Источник: ФСГС. 2010.

Незавершенность циклического спада в экономике России очевидна не только при анализе данных о внешней торговле, но и в области практически всех макроэкономических показателей (табл. 2). Это обстоятельство является весьма досадным с политической точки зрения, так как дает основание сомневаться в рациональности из-

бранного способа «ручного управления», основанного на чрезмерной централизации общественных ресурсов. Собственно говоря, основанием для такого рода сомнений является сам факт тяжелейшего кризиса российской экономики, хотя для стран экспортеров-кредиторов масштабы и глубина кризиса явно отличались от российских в лучшую сторону.

Таблица 2

**Динамика экономических индикаторов в России, 2009 г.,
в % к соответствующему периоду предыдущего года**

Индикатор	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Индекс промышленного производства	84,0	86,8	86,3	83,1	82,9	87,9	89,2	87,4	90,5	88,5
Индекс производства продукции с/х	102,4	101,9	102,5	102,1	101,9	99,1	98,9	87,7	106,7	104,8
Грузооборот транспорта	82,6	81,8	96,6	78,6	81,2	84,3	92,2	93,1	94,4	94,2
Инвестиции в основной капитал	84,0	85,2	83,9	82,6	75,5	79,4	81,1	80,6	81,4	92,1
Оборот розничной торговли	104,5	98,6	97,0	95,5	94,4	93,5	91,7	90,2	90,1	91,5
Расходы на покупку товаров и услуг	102,6	97,7	96,6	95,1	93,9	93,3	91,2	90,2	90,3	91,4
Реальные располагаемые денежные доходы	92,3	102,3	103,4	102,5	103,4	101,8	97,7	92,0	96,5	103,9
Общий уровень безработицы (по методологии МОТ), % к экономически активному населению, на конец периода	8,7	9,4	9,2	8,8	8,5	8,3	8,1	7,8	7,6	7,7

Источник: ФСГС. 2010.

С экономической точки зрения это дает основание сомневаться в наличии в российской экономике имманентно присущих рыночной экономике встроенных компенсаторов и стабилизаторов. Напрашивается сравнение с выходом из кризиса 1998 г. Тогда во многом благодаря устранению государства из экономики последняя смогла мобилизовать внутренние ресурсы и использовать те самые автоматические компенсаторы и стабилизаторы, которые практически не действуют в современных условиях¹.

Реакция экономики Дальнего Востока России

Изменение динамических характеристик экономики Дальнего Востока принципиально не отличается от вышеописанных модификаций национальных трендов. Конечно, существуют различия в количестве самих базисных трендов. Но эти различия не связаны с особенностями проявления цикла в условиях региона, а имеют основанием различия национальной и региональной экономики.

Кризис проявился на Дальнем Востоке к концу 2008 г., когда статистика показала спад по основным экономическим индикаторам² (табл. 3).

Кроме уловов рыбы остальные натуральные индикаторы по итогам 11 месяцев 2008 г. просигнализировали о реакции соответствующих промышленных секторов на серьезный внешний шок (табл. 4).

Добыча нефти по оценке в годовом выражении составила всего 87,5% к 2007 г. Точно так же по производству электроэнергии, если пересчитать 11 месяцев 2008 г. в годовое выражение, то сокращение составляет 2,5%. Это уже очень существенный показатель, потому что объем выработки электроэнергии – это индикатор общепромышленной динамики.

Самый большой спад произошел в лесной промышленности. В расчете на 2008 г. сокращение составило почти 20,5%. Из добывающих отраслей устойчивая ситуация наблюдалась только в угледобывающей промышленности. Здесь по оценке сохраняется уровень 2007 г.

---

¹ Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. 2001.

² Данные о первом этапе кризиса на Дальнем Востоке опубликованы в (Минакир П.А. Экономика и кризис в России и на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009). Здесь они приводятся для сравнительной оценки тренда за весь кризисный период.

Также устойчивая ситуация в рыбной промышленности (рост 100,5% по сравнению с 2007 г.). На ситуацию в рыбной промышленности конечно повлияли законодательные новации, появившиеся в 2008 г. Упрощен таможенный контроль за деятельностью рыбодобывающих предприятий, и улучшены налоговые условия для рыбной промышленности – она переведена на единый сельскохозяйственный налог.

Таблица 3

**Основные макропоказатели развития Дальнего Востока
в январе – ноябре 2008 г.**

Показатель	Январь – ноябрь 2008 г., в % к январю – ноябрю 2007 г.
Индекс промышленного производства	98,2
добыча полезных ископаемых	95,8
обрабатывающие производства	101,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	102,2
Инвестиции в основной капитал	106,1*
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	93,5
Реальные доходы населения	106,1**

Примечания. * – январь – сентябрь 2008 г. в % к январю – сентябрю 2007 г.; ** – январь – октябрь 2008 г. в % к январю – октябрю 2007 г.

Источник: Дальневосточный федеральный округ. 2010. URL: <http://www.dfo.gov.ru> (дата обращения: февраль 2010).

С начала 2009 г. спад продолжал прогрессировать, отражая общую стагнацию на внутринациональном и внешнем рынках. С методологической точки зрения разразившийся кризис поставил точку в неявном, но довольно нервном диспуте относительно источников роста дальневосточной экономики. Очевидный факт базирования экономического роста региона на внешнем спросе (межрегиональном и экспортном) в годы, непосредственно предшествовавшие кризису вызывал глухое раздражение у «официальных аналитиков», задачей которых являлось доказательство некоего «особого успеха особой политики» если и не в масштабах всего региона, то уж отдельных «особых территорий» непременно. Это стремление породило упорные попытки доказать, что экономический рост в регионе основан на внутрирегиональных факторах, а следовательно потенциал собствен-

но регионального рынка вполне достаточен для обеспечения эндогенного роста экономики.

Таблица 4

**Производство продукции в натуральном выражении
на Дальнем Востоке**

Продукция	Объем производства, январь – ноябрь 2008 г.	Объем производства, сентябрь 2009 г.	Сентябрь 2009 г., в % к сентябрю 2008 г.
Нефть и газовый конденсат, млн т	12,2	12,8	133,3
Газ природный, млрд м ³	...	7,9	123,8
Улов рыбы и добыча других морепродуктов, тыс. т	2027	1935	115,8
Цельномолочная продукция, тыс. т	...	199	101,8
Вывозка древесины, млн плот. м ³	11,6	7,4	73,5
Древесина деловая, млн плот. м ³	...	6,7	72,0
Уголь, млн т	29,6	19,5	82,4
Пиломатериалы, тыс. м ³	...	811	93,9
Первичная переработка нефти, млн т	...	8,4	96,1
Цемент, тыс. т	...	1270	50,1
Конструкции и детали сборные железобетонные, тыс. м ³	...	410	73,1
Готовый прокат черных металлов, млн т	...	...	46,8
Электроэнергия, млрд кВт·ч	37,1	29,5	98,9

Источник: Дальневосточный федеральный округ. 2010. URL: <http://www.dfo.gov.ru> (дата обращения: февраль 2010).

Шок внешнего спроса, проявившийся в конце 2008 г. и не преодоленный до настоящего времени, вполне определенно развеял эти заблуждения, одновременно заставив еще раз признать «закрываю-

щий» характер ряда дальневосточных производств, ориентированных на межрегиональное потребление.

Экономика Дальнего Востока России за последние 7–8 лет в значительно большей степени, чем в 1990-е гг. стала зависеть в своем развитии от национальной экономики, в том числе и от субсидий из федерального бюджета. Но экспорт по-прежнему остается важным фактором регионального роста. В то же время за I–III кварталы 2009 г. объем экспорта Дальнего Востока России по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократился на 42,0%. В результате доля экспорта в валовом продукте региона сократилась с 30–32% в 2007–2008 гг. до 25%. Это значительно увеличило роль взаимодействия Дальнего Востока с другими регионами России в поддержании общего экономического равновесия и темпа роста¹. Но сокращение спроса под влиянием снижения объемов производства и доходов в целом по экономике России обусловило сокращение совокупного спроса для дальневосточной экономики. Регион, таким образом, оказался под воздействием двух шоков – шока внешнего спроса и шока спроса на внутринациональном рынке.

Впрочем, со статистической точки зрения кризисная динамика на Дальнем Востоке обнаруживает заметные модификации по сравнению с общенациональной экономической динамикой. Скорее, эти модификации можно назвать «странностями».

Первой «странностью» является то, что индекс промышленного производства на Дальнем Востоке в отличие от всех других федеральных округов и общенационального индекса за I–III кварталы 2009 г. увеличился по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. (рис. 6). Положительная динамика индекса промышленного производства сохранилась и по итогам 11 месяцев 2009 г. (102% к уровню 11 месяцев 2008 г.). При этом ситуация существенно изменилась в течение III квартала 2009 г.

---

¹ Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа в январе – июне 2009 года. Ч. 1. Сравнительные показатели социально-экономического положения регионов; Ч. 2. Основные характеристики субъектов РФ в ДФО / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2009; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2008 году / ФСГС. 2008.

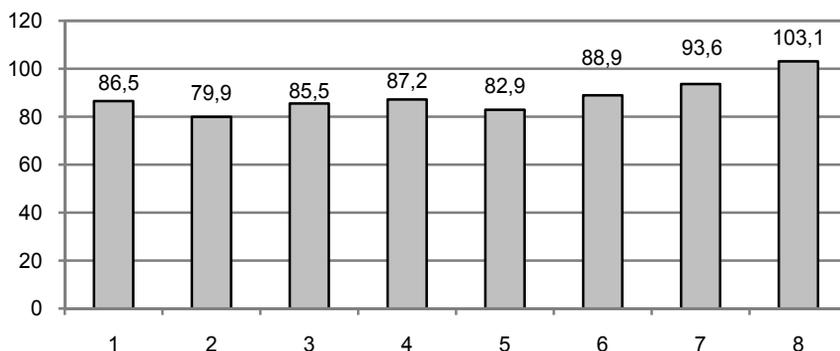

Рис. 6. Индекс промышленного производства январь – сентябрь 2009 г. к январю – сентябрю 2008 г.: 1 – Российская Федерация; 2 – Центральный федеральный округ; 3 – Северо-Западный федеральный округ; 4 – Южный федеральный округ; 5 – Поволжский федеральный округ; 6 – Уральский федеральный округ; 7 – Сибирский федеральный округ; 8 – Дальневосточный федеральный округ.

Источник: ФСГС. 2010. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: январь 2010).

Впрочем, эта «странность» легко объяснима структурными особенностями региональных экономических систем. Локомотивом промышленной статистики на Дальнем Востоке явилась топливная промышленность (начало широкомасштабной добычи и экспорта нефти и природного газа в рамках сахалинских проектов) и рыбная промышленность (чрезвычайно изобильная путина лососевых в 2009 г.).

Анализ динамики производства промышленной продукции в натуральном выражении хорошо иллюстрирует этот факт (см. *табл. 4*).

Еще одной «странностью» является то, что в III квартале 2009 г. произошел перелом тенденций. По итогам первого полугодия 2009 г. промышленное производство сократилось по сравнению с первым полугодием 2008 г. почти на 18% против 11% в целом по России. При этом, объем производства в добывающей промышленности увеличился на 20% по сравнению с декабрем 2008 г., а в обрабатывающих отраслях спад составил более 30%. Девятимесячная статистика демонстрирует уже рост промышленного производства в целом, причем некоторое выправление ситуации даже в обрабатывающей промышленности. Это могло бы объясняться началом выхода в III квартале из кризиса основных зарубежных потребителей дальневосточной про-

дукции. Но, как показано ниже, подобный вывод не подтверждается данными о динамике экспорта по группам товаров за I–III кварталы 2009 г. Более того, если по итогам I–II кварталов рост в добывающем секторе региона, который ориентирован в основном на экспорт составил, как отмечалось, порядка 130%, то по итогам I–III кварталов темп роста сократился до 108% (табл. 5).

Таблица 5

**Индикаторы экономического развития Дальнего Востока,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Показатель	2008	I–III кварталы 2009
Индекс промышленного производства	97,6	103,1
добыча полезных ископаемых	96,7	108,2
обрабатывающие производства	95,5	97,3
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,8	96,2
Инвестиции в основной капитал	107,8	112,4
Объем работ в строительстве	92,9	88,2
Грузооборот транспорта общего пользования	86,2	91,6*
Реальные доходы населения	...	99,5

Примечание: * – первое полугодие 2009 г.

Источник: ФСГС. 2010. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: январь 2010).

Эта «странность» не имеет простого объяснения, а при предположении, что система обработки оперативных статистических данных не искажается сознательно или бессознательно, разумных объяснений вообще, скорее всего, не существует.

Еще одной «странностью» является увеличение по сравнению с 2008 г. инвестиций в основной капитал (см. табл. 5). Впрочем, эта «странность» легко объяснима. Возможная причина заключается в том, что значительная часть является региональных инвестиций финансируется либо непосредственно из федерального и местных бюджетов, либо связаны с приоритетными государственными проектами

развития инфраструктуры и территориальных систем (например, нефтепровод ВСТО, региональные газопроводы, строительство сети федеральных автодорог в регионе, объекты саммита АТЭС во Владивостоке, ресурсные проекты Южной Якутии и т. п.).

Кризис усугубил ситуацию в лесном комплексе. Уже в 2008 г. объем вывозки древесины сократился на 20% по сравнению с 2007 г. под воздействием ожиданий увеличения таможенных пошлин на экспорт. За I–III кварталы 2009 г. сокращение составило 26,5% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.

Сокращение производства, как на самом Дальнем Востоке, так и в межрегиональном и внешнеторговом обороте привело к снижению грузооборота на транспорте (рис. 7). При этом грузооборот снижался не только в 2009 г. Снижение происходило и во второй половине 2008 г., в связи с чем объем грузооборота в 2008 г. составил только 86% по сравнению с 2007 г. При этом максимальный спад по итогам первого полугодия 2009 г. отмечался в железнодорожных перевозках (до 73,6% от уровня января – июня 2008 г.) и грузообороте внутреннего водного транспорта (69%), что связано с сокращением загрузки Транссибирского железнодорожного коридора в результате уменьшения внешнеторгового оборота и с сокращением поставок в северные районы Дальнего Востока из-за трудностей с финансированием, в частности, северного завоза.

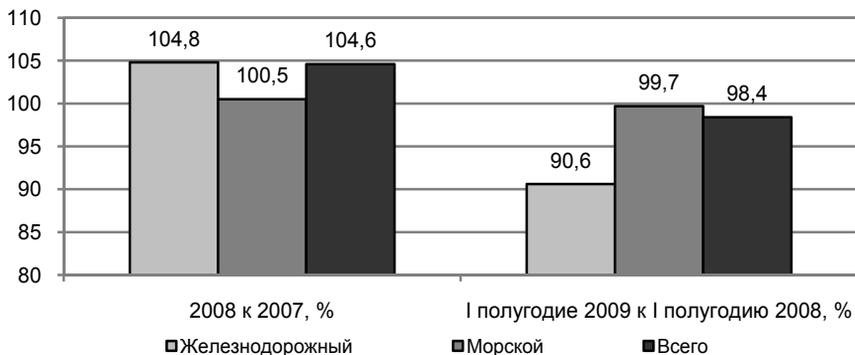

Рис. 7. Темпы роста грузооборота на транспорте Дальнего Востока

Источник: база данных ИЭИ ДВО РАН.

Снижение уровня экономической активности в регионе и отрицательные ожидания потребителей и производителей обусловили значительное ухудшение состояния рынка труда. С января по июль 2009 г. численность безработных в регионе увеличилась на 15 тыс. человек (с 104 до 115 тыс. человек). При этом превышение численности безработных над числом вакансий в центрах занятости составило в июле 2009 г. 30 тыс. человек против 15 тыс. человек в январе. Рост безработицы и отрицательные ожидания в области общеэкономической конъюнктуры обусловили стабилизацию уровня реальной заработной платы, который постоянно увеличивался в период 2001–2008 гг. В I квартале 2009 г. реальная заработная плата на Дальнем Востоке показала нулевой рост. При этом инфляция в I–III кварталах 2009 г. продолжала сохраняться на сравнительно высоком уровне. В целом по России индекс потребительских цен на товары и услуги в целом по России по сравнению с декабрем 2008 г. увеличился на 8,1%, а на Дальнем Востоке на 8,8%. При этом наибольший рост продемонстрировали цены на услуги (9,3%) и цены на промышленные потребительские товары (9,6%). Последнее отражает эффект девальвации рубля, которая составила к сентябрю 2009 г. примерно 11%.

Совместная динамика цен, занятости и ожиданий потребителей и производителей обусловила отрицательную динамику розничного торгового оборота в регионе. Хотя еще в I квартале 2009 г. при сокращении на 12,5% номинальных денежных доходов населения, совокупные потребительские расходы сохранились на уровне 2008 г. (около 10 тыс. рублей в месяц), но это произошло за счет снижения уровня сбережений и при увеличении доли расходов на коммунальные услуги. В результате обороты розничной торговли существенно сократились.

Сокращение внешнего спроса, спровоцированное мировым финансовым кризисом, во второй половине 2008 г. привело к резкому падению объемов экспорта Дальнего Востока уже в IV квартале 2008 г. (стоимость экспорта составила 64,6% относительно соответствующего периода 2007 г.). Сокращение продолжилось в 2009 г.

Основной причиной ухудшения ситуации в сфере внешней торговли региона явилось существенное ухудшение общеэкономической конъюнктуры в странах СВА, являющихся основными торговыми партнерами Дальнего Востока (*табл. 6*).

Сокращение валового внутреннего спроса, особенно инвестиционного спроса спровоцировало снижение цен практически на

все импортируемые товары, в том числе, продукцию дальневосточного экспорта. Сравнительное благополучие китайских макроэкономических показателей также было обманчивым. Хотя данные по динамике валового внутреннего спроса и инвестициям в основной капитал отсутствуют, однако сокращение объемов китайского импорта в 2009 г. свидетельствует о подобии макроэкономических тенденций в Китае общемировым.

Таблица 6

Макроэкономические индикаторы стран СВА, %

Индикатор	Япония		Китай		Республика Корея	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009
ВВП	-0,7	-0,8	9,0	7,7	2,2	-2,2
Импорт	0,9	-12,6	5,2	-7,8	3,7	-14,5
Валовый внутренний спрос	-0,9	-3,4	...	...	1,4	-4,6
Инвестиции в основной капитал	-5,0	-12,3	...	...	-1,7	-5,1

Источник: Data Base of Organization for Economic Co-operation and Development.

Снижение цен коснулось практически всей основной номенклатуры дальневосточного экспорта. Интегральный индекс внешне-торговых цен на продукцию Дальнего Востока за период I квартал 2008 г. – IV квартал 2009 г. снизился на 98% (рассчитано по материалам базы данных ИЭИ ДВО РАН).

Наиболее резкое падение стоимостных объемов экспорта было характерно для продукции минерально-сырьевого (на 95,3%), топливно-энергетического (на 36,7%) и лесопромышленного (на 36,5%) комплексов. Только цены на мороженую рыбу сохранились на уровне 2007 г.

Снижение спроса на внешних рынках вместе с падением цен оказались шоком для внешней торговли региона. Кроме рыбной продукции по всем остальным товарным группам дальневосточного экспорта объемы по стоимости сократились по сравнению с I–III кварталами 2008 г.

Наибольшее сокращение стоимости экспорта наблюдалось по продукции ТЭК (около на 40%) и по продукции МСК (около 75%).

Наряду с ухудшением конъюнктуры внешнего рынка, существенное влияние на формирование объемов и структуры внешней торговли региона в 2009 г., и, прежде всего, импорта, оказала комбинация таких факторов, как девальвация рубля, снижение доходов населения, сжатие внутреннего спроса. Серьезное влияние на объемы и динамику внешней торговли оказали новации в области правил государственного регулирования.

Снижение курса рубля по отношению к основным валютам (индекс реального курса рубля по отношению к доллару снизился за I–III кварталы 2009 г. на 15,8%), снижение уровня реальных доходов населения вместе с сокращением спроса в результате стагнации производства и сферы услуг привели к сокращению импорта в регион. Общее сокращение стоимости импорта составило за I–III кварталы 2009 г. 48,9%

При этом, наиболее значительные темпы падения были характерны для импорта машин, оборудования и транспортных средств. За I–III кварталы 2009 г. объем импорта этой группы товаров сократился в 2,7 раза. В данном случае основным «возмущающим» фактором кроме девальвации рубля стали таможенные новации российского правительства¹. Резкое повышение импортных пошлин оказалось таким же шоком для импорта подержанных автомобилей, как и объявленное повышение экспортных пошлин для экспорта круглого леса.

---

¹ О ввозе (вывозе) на таможенную территорию РФ уловов водных биологических ресурсов, добытых (выловленных) при осуществлении промышленного рыболовства во внутренних морских водах РФ, в территориальном море РФ, на континентальном шельфе РФ, в исключительной экономической зоне РФ, и произведенной из них рыбной и иной продукции: постановление Правительства РФ № 990 от 24.12.2008 г.; О внесении изменений в пункт 11 Положения о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации физическими лицами для личного пользования: постановление Правительства РФ № 943 от 10.12.2008 г.; О местах декларирования отдельных видов товаров (лом и отходы металлов): приказ ФТС РФ № 1514 от 02.12.2008 г.; О порядке оформления судов рыбопромыслового флота, уловов водных биологических ресурсов и продуктов их переработки и государственного контроля в морских портах в РФ: постановление Правительства РФ № 184 от 19.03.2008 г.

Различия в масштабах и формах проявления мирового кризиса в отдельных странах обусловили неравномерную реакцию отдельных товарных рынков и различия в торговле Дальнего Востока с отдельными странами СВА (табл. 7).

Таблица 7

**Внешняя торговля Дальнего Востока
с отдельными странами СВА, млн долл.**

Страна	I	II	III	IV	I	II	III
	квартал 2008	квартал 2008	квартал 2008	квартал 2008	квартал 2009	квартал 2009	квартал 2009
Экспорт							
Китай	425,6	482,9	501,1	481,6	426,5	691,1	587,6
Республика Корея	1253,2	1500,7	1766,7	1256,5	697,9	770,8	1004,1
Япония	1227,5	1128,1	1181,3	855,1	568,6	714,8	1032,4
Страны СВА	2906,3	3111,7	3449,0	2593,2	1693,0	2176,8	2624,1
Импорт							
Китай	729,9	798,1	901,2	777,5	418,0	434,3	567,8
Республика Корея	129,9	166,7	214,4	192,7	59,5	87,1	112,2
Япония	543,6	765,4	725,7	648,7	135,8	98,4	99,0
Страны СВА	1403,4	1730,2	1841,4	1618,9	613,3	619,8	779,0

Источник: база данных ИЭИ ДВО РАН.

Например, сокращение импорта легковых автомобилей привело к уменьшению объемов импорта из Японии (на 83,6% относительно 2008 г.), вследствие чего доля Японии в структуре импорта Дальнего Востока в I–III квартал 2009 г. снизилась до 9,9% (против 31,1% в 2008 г.).

Существенно сократились в 2009 г. объемы импорта из Республики Корея (на 49,3%) и Китая (на 41,5%).

В экспорте Дальнего Востока, на фоне падения объемов поставок в Республику Корея (на 45,3%) и Японию (34,5%), объемы экспорта в КНР сохранили положительную динамику (120%). Рост объемов экспорта с Китаем достигался за счет увеличения объемов поставок продукции топливно-энергетического (сырая нефть) и рыбопромышленного комплекса региона (рыба свежемороженая).

Соответственно, в 2009 г. во внешней торговле Дальнего Востока существенно увеличилась доля Китая с (11,5% в I–III кварталах 2008 г. до 24,2%. – в 2009 г.), который в последние годы уступал свои позиции Японии и Республике Корея.

Выход экономики Дальнего Востока из кризиса зависит от двух основных факторов. Во-первых, от перспектив стабилизации экономической конъюнктуры в российской экономике в целом. Во-вторых, от скорости восстановления экономик стран Северо-Восточной Азии.

Среди экономик стран СВА наибольшую скорость восстановления демонстрирует Китай, в котором согласно прогнозам темпы роста ВВП достигнут в 2010 г. 109%. Восстановление высоких темпов роста китайской экономики означает также восстановление масштабов спроса китайской экономики на сырьевые ресурсы. Россия намерена присоединиться к ряду стран Африки, Латинской Америки, а также к Австралии, которые в ходе кризиса существенно расширили масштабы инвестиционного сотрудничества с Китаем, который уже вложил и продолжает вкладывать большие инвестиции в сырьевые сектора этих стран. Об этом, в частности, свидетельствует декларативный, но в структурном отношении весьма показательный программный документ (программа), подписанный российским и китайским правительством в ходе недавнего визита в Пекин В. Путина.

Согласно этому «протоколу намерений» речь идет о совместной деятельности по созданию отдельных объектов и проектов на востоке России и северо-востоке Китая (*табл. 8*).

Можно сказать, что подписанный документ (программа) имеет некоторое сходство с опубликованной в период 2004–2007 гг. концепцией формирования приграничных промышленно-сервисных дуг на российском Дальнем Востоке¹. Однако фактически речь идет о формировании не приграничных дуг, а трансграничных поясов, расположенных на территории как России, так и Китая. Во-вторых, име-

---

¹ *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2005. С. 5–20; *Минакир П.А.* Россия в Северо-Восточной Азии // *Движение регионов России к инновационной экономике*. М.: Наука, 2006; *Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона*. 2007.

ется в виду концентрация перерабатывающих мощностей и производств конечной продукции в большей степени именно в китайском сегменте этих поясов. Это, конечно, может существенно модифицировать исходную идею концепции.

Таблица 8

**Предлагаемые проекты согласованного строительства
на востоке России и северо-востоке КНР**

Проекты	На территории РФ	На территории КНР
Освоение месторождений, добыча сырьевых ресурсов	> 37	0
Переработка минерально-сырьевых ресурсов	12	2
Лесопромышленный комплекс	23	4
Энергетические проекты	> 11	3
Промышленные предприятия	9	77
Пищевая промышленность, сельское хозяйство, рыболовство	11	6
Строительство и промышленность строительных материалов	6	5
Туризм	2	6
Транспорт	0	4

Осуществятся ли намерения России по привлечению китайских инвестиций для развития ресурсной экономики Дальнего Востока? Осуществятся ли идеи Китая об «экономическом поглощении» восточной части России и окончательной привязке этого макрорегиона к китайскому рынку? Сможет ли Россия использовать китайский рынок и через китайские каналы сбыта выйти на международные рынки? От этого зависит геостратегический баланс в Северной Азии, но от этого зависит и то, каким выйдет из кризиса российский Дальний Восток и Байкальский регион.

НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹

Провозглашенный в конце 2013 г. «национальный проект XXI в.», которым определен «подъем Сибири и Дальнего Востока», с тех пор приобрел статус чуть ли не новой «восточной политики» России. Политический истеблишмент вообще не склонен предаваться размышлениям исторического свойства, руководствуясь правилом «если история не соответствует конъюнктурным интересам, то тем хуже для истории». Российская экономико-политическая элита в этом отношении не является исключением. Иначе чем можно объяснить, что государственная политика развития Дальнего Востока (и Байкальского региона) представляется чуть ли не новым феноменом российской стратегии глобального экономического поведения?

Конечно, такое представление является поверхностным и неверным. Эта политика имеет давнюю историю, и ее траектория весьма далека от монотонности и «гладкости». Об этапах и особенностях акцентов, инструментов и режимов регулирования на этом долгом пути много написано и неоднократно говорено на разных уровнях и разными авторами, специально на этом останавливаться не было бы смысла, если бы не постоянное «хождение по кругу».

За период 2009–2015 гг. в государственной политике развития востока страны произошла смена акцентов. В 2009–2012 гг. основной идеей являлось накачивание региона государственными инвестициями, поддержание уровня государственного спроса и увеличение на этой основе темпов экономического роста и масштабов экономики. Увеличение объема финансовых ресурсов, связанное с развитием корпоративных экспортных проектов, являлось положительным шоком для макроэкономической динамики в регионе.

Однако проблему собственно развития региона кратковременные инвестиционные шоки не решали, хотя благотворно сказывались на динамике экспортного сырьевого сектора как на самом Дальнем Востоке, так и в Сибири, благодаря наращиванию транзитной и добывающей инфраструктуры. Собственно же региональное развитие основывается на формировании инфраструктуры доступа к коммунальным благам и общественным фондам, транспортной инфра-

---

¹ *Минакир П.А.* Новая восточная политика и экономические реалии // *Пространственная экономика.* 2015. № 2.

структуре, обеспечивающей мобильность граждан, условий и механизмов генерации доходов в рамках регионального бизнес-сообщества, создании комфортной бизнес-среды, формировании режима открытой экономики в регионах концентрированной экономической деятельности¹. А для этого, прежде всего, необходима не инвестиционная накачка (хотя если она есть, то дело упрощается), а выращивание эффективных экономических институтов и формирование для них адаптивной среды функционирования.

С 2013 г. в связи с ухудшением общей макроэкономической ситуации в России объективно пришлось сменить акцент в области политики развития на Дальнем Востоке – вместо накачивания государственных средств в инвестиционные проекты речь пошла о наращивании финансовых вливаний в инфраструктуру институциональных новаций на Дальнем Востоке, которые призваны сделать регион процветающим и современным. Одной из таких новаций, которая предлагается в качестве абсолютно нового и безусловно эффективного инструмента развития, является концепция территорий опережающего развития (ТОР). В действительности эта концепция является примитивным копированием хорошо известных методов регионального развития, которые часто приносили успех (Франция, КНР, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд, Малайзия). Но успех отнюдь не гарантирован и достигался не всегда. Для Дальнего Востока в разные периоды эта концепция преподносилась как особые экономические зоны (ОЭЗ), полюса роста, зоны ускоренного роста, даже как плановые кластеры². Особого успеха так и не было достигнуто. Сколько-нибудь глубокого анализа причин неуспеха также не предпринималось.

Возможен ли успех теперь? При определенных условиях – да. Но для этого недостаточно просто а) выделить территорию, б) обеспечить ее инфраструктурой, г) предоставить на этой территории налоговые и административные льготы. Все это – необходимые условия. Главное (и достаточное) условие успеха – возможность эффективного предпринимательства на этих территориях. Бизнес интересуется снижением налогов, но прежде всего он интересуется длительным прибыльным функционированием.

---

¹ Минакир П.А. От главного редактора // Пространственная экономика. 2014. № 1.

² Там же.

Но есть и еще одна проблема: если ТОРы – инструмент для развития территории, то главная проблема – распространение эффектов на окружающие ТОРы территории, которые могут достигать состояния эндогенного развития за счет запуска агломерационных эффектов. Но это произойдет только в том случае, если эффекты межрегиональной и межотраслевой кооперации окажутся сильнее эффектов специализации и конкуренции. Предполагаемые же территории использования ТОРов (Дальний Восток и Восточная Сибирь) представляют собой как раз противоположный случай.

«Территории опережающего (по сравнению с окружающей периферией) развития» и на Дальнем Востоке, и в Байкальском регионе уже давно сформировались – это территории повышенной концентрации экономической активности¹. Возможно ли усилить уже получаемый эффект и подключить новые зоны концентрации? Наверное. Но главное условие для этого – конкретно определить конкурентное преимущество таких зон. Это не одинаковый и даже не льготный по сравнению с Восточной Азией административный и налоговый режимы. Эти режимы могут и должны быть фоном для развития бизнеса вообще на территории хотя бы Дальнего Востока. Но и при их наличии успех могут принести только конкретные экономические преимущества.

Существует и еще один не очень популярный и не очень приятный вопрос, на который в случае обоснования чрезвычайных мер по отношению к Дальнему Востоку и чрезвычайных затрат для реализации этих мер приходится отвечать: что именно не устраивает в состоянии экономики региона, почему нужны меры чрезвычайные? На самом деле ни с точки зрения экономического роста, ни с позиций показателей качества экономики и социального развития чего-либо катастрофического при сравнении с параметрами развития иных макрорегионов страны нет. Есть, конечно, желательные для решения задачи формирования узнаваемого Северо-Восточной Азией (СВА) экономического пространства меры, которые следует осуществить в обозримом будущем (модернизация инфраструктуры доступа населения к общественным и коммерческим услугам, гарантия свободы передвижения, создание максимальной плотности рынка труда, това-

---

¹ *Minakir P.A.* Russian Economy and Economic Policy for Russian Far East Development // 5th Far Eastern Russian-Korean Forum (16 June 2015, Khabarovsk).

ров и услуг)¹. Но для этого уже недостаточно просто институциональных новаций, нужны масштабные инвестиции, и не в магистральную инфраструктуру, а в инфраструктуру коммунальную, социальную и инфраструктуру рынка.

Конечно, необходимо понимать, что даже если и найдутся на это деньги, то без модернизации институциональной среды реализация этих мер невозможна. Модернизация должна быть не точечной, а представлять собой изменение общей институциональной оболочки хотя бы в пределах экономически активной зоны Дальнего Востока. Создание такой оболочки станет условием создания современного и конкурентоспособного на пространстве СВА региона. А на пространстве России – региона, имеющего решающие инфраструктурные и институциональные преимущества по сравнению с другими регионами страны. Вот тогда задача ускоренного развития Дальнего Востока будет решаться и важнейший проект страны в XXI в. перестанет быть всего лишь пропагандистским лозунгом. В противном случае останется лишь верить в то, что на этот раз очередной чудесный рецепт даст положительный результат.

Но вот найдутся ли деньги? И когда? Любые региональные общеэкономические проекты развития являются конкурентными, то есть должны конкурировать за общественные, в том числе и бюджетные, инвестиции с другими региональными проектами, входящими в пул национальных приоритетов. С этой точки зрения Дальний Восток как приоритетный реципиент общественных ресурсов испытывает сильную конкуренцию со стороны Республики Крым и Севастополя. В наличии самой по себе межрегиональной ресурсной конкуренции нет ничего страшного и необычного, но она налагает дополнительные требования к масштабу реально имеющихся для распределения ресурсов. В общем случае чем больше страна имеет приоритетных региональных объектов, тем выше требования к объему самих ресурсов и к его стабильности, то есть к состоянию и перспективам общенациональной экономики. А состояние последней внушает серьезные опасения, что обесценивает даже гипотетическое удачное построение механизма распределения экспортных доходов, полученных за счет ресурсов региона. Ключевым пунктом будет яв-

---

¹ *Минакир П.А.* От главного редактора // *Пространственная экономика.* 2014; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. 2011.

ляться размер этих доходов, что опять-таки определяется состоянием общей экономической конъюнктуры.

Ухудшение экономической ситуации началось задолго до введения западных санкций. Причина заключалась в выбранной модели экономического развития, которая возникла как реакция на кризис 1998 г., за которым последовали девальвация рубля, рост мировых цен на нефть и импортозамещение. Нежелание менять эту модель вполне способно превратить нынешние экономические трудности в серьезную и долговременную проблему даже безо всяких санкций. Краеугольный камень этой модели – денежно-кредитная политика, которая последние почти 20 лет проводится на принципах рыночного фундаментализма. Теорема о росте темпа инфляции и скорости оттока капитала пропорционально росту денежной массы за счет инструментов ЦБ России превратилась в аксиому, хотя действительно успешные страны из числа развивающихся продемонстрировали, что эта теорема неверна, а монетаристские тезисы в практике развивающихся рынков малоприменимы¹.

Собственно говоря, крушение финансовой пирамиды под напором санкций уже фактически поставило в повестку дня изменение экономической политики. Необходимость конвертировать внешние валютные заимствования частного сектора во внутренний спрос на валютные ресурсы привело к льготному валютному кредитованию со стороны ЦБ России². Это помогло несколько стабилизировать валютный курс и одновременно поставило вопрос о долговременном источнике валютных резервов ЦБ России. Таким источником может быть в условиях долговременных санкций только рост внутреннего производства и диверсификация на этой основе экспорта. Однако экономический рост невозможен без смены принципов политики экономического роста в России, в частности, без изменения принципов таргетирования политики ЦБ России. Придется определиться с целями политики – верность монетаристскому фундаментализму или долгосрочная стабилизация платежного баланса, иллюзия контроли-

---

¹ *Штатов Д.* Снять «смирительную рубашку» с российской экономики // Bankir.ru. 2015. 20 мая.

² *Gorunov A.P.* Russian International Economic Integration in the New Economic Reality // Russian Economy and Korea-Russia Cooperation: New Challenges and Perspectives. 10th KIEP – ERI Joint International Seminar (9–10 June, 2015, Jeju). Seoul: KIEP, 2015.

руемой инфляции или экономического роста. Разумная политика может основываться только на разумном сочетании рациональных норм и принципов, содержащихся в различных теоретических концепциях. Критерием синтеза может быть только положительный тест, полученный в результате реального эксперимента. Таких экспериментов проведено уже достаточно и в самой России, и за ее пределами. Есть из чего выбрать.

Ссылки на то, что для такого выбора и для реализации сконструированной на его основе политики нет кадров, несостоятельны. Альтернатива создателям российского экономического аттракциона есть. Нужна только политическая воля для собирания команды не подражателей и демонстрационных, а творцов и созидателей. И еще следует избавиться от страха, что от перемен может стать еще хуже. Не станет. Хуже некуда.

ШОКИ И ИНСТИТУТЫ: ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОГО КРИЗИСА¹

Обсуждение вопроса о том, есть ли в России кризис или его нет, а есть только экономические трудности, которые являются результатом «гибридной войны» заклятых друзей на Западе и Востоке против России, уже давно перестало быть оригинальной темой для дискуссий. Достаточно посмотреть на не самую надежную, но тем не менее постоянную в своей ненадежности экономическую статистику, чтобы ответить на этот вопрос.

Да, кризис стал из ожидаемого несчастья печальным фактом. 2015 г. в этом отношении расставил все по своим местам. Почти 4% падения ВВП, почти 6% падения инвестиций в основной капитал, начавшегося с I квартала 2016 г. Сокращение расходов домохозяйств, сокращение в 2015 г. реальных доходов населения до уровня ниже 2012 г., потеря почти 45 млрд долл. в чистом экспорте – это далеко не полный перечень «достижений» российской экономики в 2015 г.²

Причины и рецепты лечения – наиболее популярная тема для дискуссий в последнее время. Относительно причин существует относительный консенсус – падение цен на нефть, финансовые санкции и архаичная внутренняя экономическая политика. Как отмечается в литературе, и сам мировой кризис 2008–2009 гг., и его «эхо» оказались наиболее болезненными среди стран БРИКС именно для России, которая пережила самый масштабный спад в экономике и самый слабый рост в восстановительный период 2009–2013 гг., хотя в это время нефтяные цены сохранялись на высоком уровне, а условия доступа к кредитам улучшались³. Кроме того, до 2014 г. циклические факторы, а именно внутренний потребительский и инвестиционный спрос, показывали вполне приемлемую динамику. За период с I квар-

---

¹ *Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1.

² Динамика потребительских цен в России в период спада экономики // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2016. № 9.

³ *Минакир П.А.* Простые рецепты в сложной игре // Пространственная экономика. 2015. № 3; *Gregory P.R.* A Russian Crisis with No End in Sight, Thanks to Low Oil Prices and Sanctions // Forbes. 2015. 14 May.

тала 2009 г. до I квартала 2014 г. валовое накопление основного капитала увеличилось почти на 20 процентных пунктов, а внутренний потребительский спрос (спрос домашних хозяйств) за период с III квартала 2009 г. по III квартал 2014 г. увеличился почти на 35 процентных пунктов¹. Единственный логичный вывод из этих сопоставлений – именно институциональные провалы являются основной причиной формирования нынешней кризисной ситуации в российской экономике².

Разумеется, наличия просто объективной причины формирования кризисных явлений недостаточно для объяснений наступления реального кризиса в определенный период и с определенными параметрами спада. Необходим повод, спусковой крючок для превращения возможности в реальность. Такими поводами стали действительно два почти синхронизированных во времени внешних шока.

Во-первых, снижение мировых цен на нефть. Ни регулировать, ни даже предвидеть в краткосрочном периоде не просто снижение, но обрушение цен, которое началось с середины 2014 г., было невозможно. За сравнительно короткий период (*рис. 1*) цены на нефть описали почти правильную параболу, снизившись до уровня середины 2008 г., хотя никаких макроэкономических и финансовых катаклизмов в мировой экономике за этот период не приключилось, наблюдалось лишь вялое восстановление после кризиса 2008 г. Тем не менее обрушение рынка нефти, конечно, не было абсолютно стихийным, непредвиденным бедствием. Скорее, это стало, во всяком случае для российской экономики, одним из результатов провала в области системной аналитики и прогнозирования поведения отраслевых рынков.

Результат не мог не стать печальным, так как почти 70% экспорта, 40% доходов федерального бюджета, а следовательно и большая часть совокупного дохода экономических агентов, связаны именно с нефтью (добыча, экспорт, переработка). Снижение цен привело к появлению «эффекта домино» – снижению доходов в валюте, удорожанию денег, сокращению инвестиций, падению внутренних доходов, сокращению совокупного спроса, падению темпов роста и т. д. Компенсаторов не оказалось, в «тучные годы» стержем

---

¹ Динамика потребительских цен в России в период спада экономики // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2016. № 9.

² Там же.

экономической политики являлась не реструктуризация экономики и формирование этих самых структурных компенсаторов, а наращивание государственного и личного потребления. Если с личным потреблением все более или менее понятно, необходимо было компенсировать ужасные потери 1990-х гг. в этой области, то с государственным потреблением ситуация гораздо менее ясная. Вместо генерирования роста внутреннего спроса за счет развития бизнеса и новых структурных секторов экономики строилась «выставочная экономика», вместо инвестирования экспортных доходов процветало чистое государственное потребление.

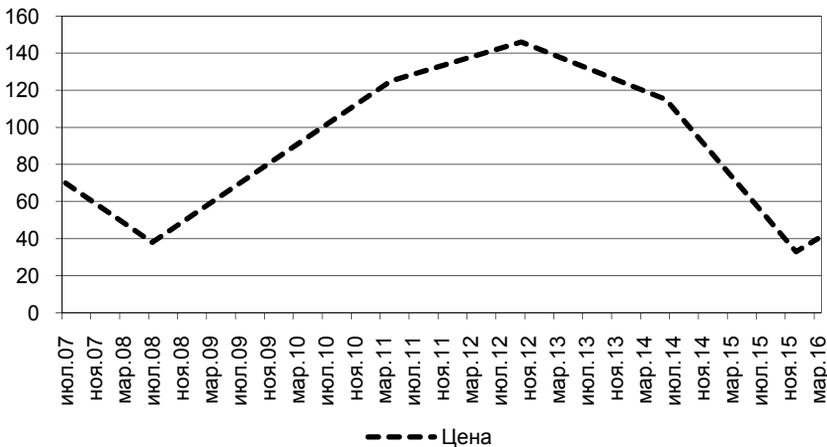

Рис. 1. Динамика мировых цен на нефть, долл. США/баррель

Источник: Центральный банк России.

Вторым шоком, который по времени совпал с первым, стало введение секторальных, в первую очередь финансовых, санкций против России, затем через некоторое время последовали «антисанкции», которые экономически мало чем отличались от «просто санкций». Этот шок вызвал падение инвестиционного спроса, бегство капитала и еще один виток снижения потребительского спроса через снижение курса рубля, рост инфляции на потребительском рынке, сокращение технологических возможностей. Наиболее очевидным последствием финансового шока являлись снижение курса рубля (рис. 2) и отток капитала из России (рис. 3).

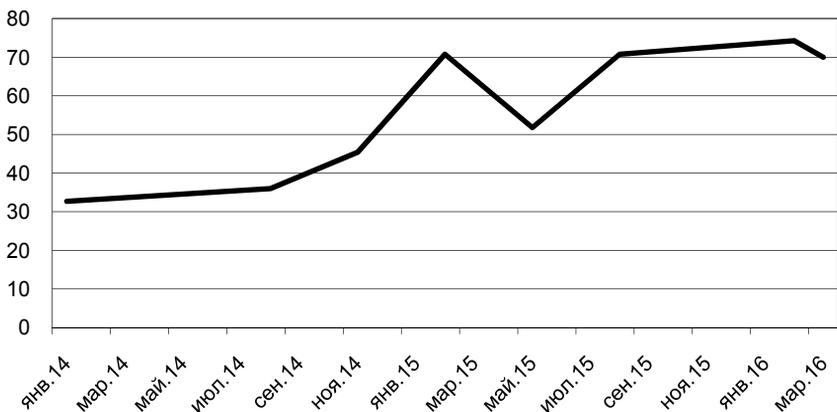

Рис. 2. Динамика курса рубля к доллару США, руб./долл.

Источник: Центральный банк России.

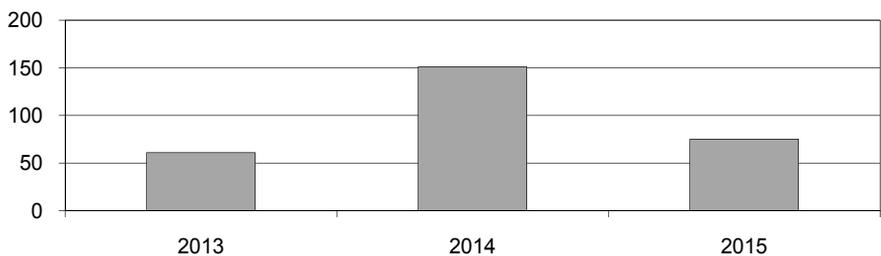

Рис. 3. Отток капитала из РФ, млрд долл.

Источник: Центральный банк России.

Начавшаяся в конце лета 2014 г. девальвация рубля, которая была спровоцирована негативными ожиданиями в результате введения финансовых санкций и нервных предсказаний экспертов и даже членов правительства относительно ожидавшегося кризиса в российской экономике, в действительности отражала давно назревшую объективную необходимость приведения курса рубля к реалиям макроэкономической динамики и институциональной среды в России. К октябрю 2014 г. курс рубля отражал установление нового объективного равновесного уровня. Затем начался обвал, который был

спровоцирован оттоком капитала, ожиданиями ухудшения платежного баланса, опасениями потери золотовалютных резервов.

И в данном случае не оказалось ни структурных, ни институциональных компенсаторов. Результатом действия двух этих шоков, наложившихся на фундаментальный институциональный консерватизм, стал переход институционально-структурного кризиса российской экономики в форму классического циклического кризиса.

Его основные характеристики: 1) перепроизводство капитала в форме накопленных капитальных долгов, которые невозможно обслуживать по прежним ценам; 2) вывод капитала из производства, в данном случае отток капитала за пределы России; 3) снижение совокупного спроса (потребительского и инвестиционного); 4) снижение объемов производства как реакция на реальное и ожидаемое сокращение совокупного спроса; 5) рост спроса на ссудный капитал и сокращение размеров его предложения, рост стоимости денег; 6) выбытие части функционирующего капитала из экономики, особенно малого и среднего капитала, и далее по классической схеме.

В одном, но очень существенном компоненте нынешний кризис подобен кризису 1998–1999 гг.: впервые после 2000 г. произошло снижение реальных доходов населения, чего не происходило при кризисе 2008–2009 гг. (табл.).

Таблица

Динамика реальных доходов населения, %

Год	Темп роста
2009	100
2010	105,2
2011	108,1
2012	117,2
2013	126,6
2014	128,1
2015	116,5

Источник: ФСГС.

Последний раз реальные доходы населения в России уменьшались в 1999 г., поэтому снижение в 2015 г. было для населения психологическим шоком, который сыграл роль мультипликатора негативных ожиданий.

Таким образом, современный российский кризис имеет два «этажа»: институциональный консерватизм и циклический детерминизм.

Циклическая компонента кризиса развивается в почти строгом соответствии с теорией – выход из кризиса «вложен» в проявления и причины самого кризиса. Автоматические регуляторы работают, и их действие со временем становится все заметнее: снижение курса рубля активизирует экспорт (там, где есть производственные и технологические заделы), уход с российского рынка импортной продукции компенсируется активизацией отечественных производителей (опять же там, где есть такие возможности: пищевая промышленность, сельское хозяйство, станкостроение, транспортное машиностроение, химия и пр.).

Но превращение действия этих частичных структурных компенсаторов в широкомасштабную реструктуризацию экономики (как это частично произошло в 1999–2002 гг.) возможно только при изменениях на «институциональном этаже». Незыблемость управленческих, кадровых, идеологических (в смысле экономических концепций) устоев российской экономики гарантирует, по меньшей мере, затяжной характер нынешнего кризиса, что связано с ограниченностью способности вышеупомянутых структурных компенсаторов переломить экономическую динамику без широкомасштабной поддержки финансового рынка, технологического обмена, экономических стимулов, позитивных ожиданий экономических агентов.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ РУБЛЯ: ВНЕШНИЕ ШОКИ И ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Наиболее резонансным событием в экономической жизни России во втором полугодии 2018 г. после объявления в июле о начале с 2019 г. «пенсии реформы», под которой имеется в виду повышение возраста выхода на пенсию, стал очередной провал национальной валюты. Статистически чего-то необычного и ужасного не произошло. К 24 августа (минимальное значение курса рубля после января 2016 г.) курс снизился по сравнению с курсом на 1 марта 2018 г. на 21,5%, а по сравнению с курсом на 31 июля «только» на 9,1%.

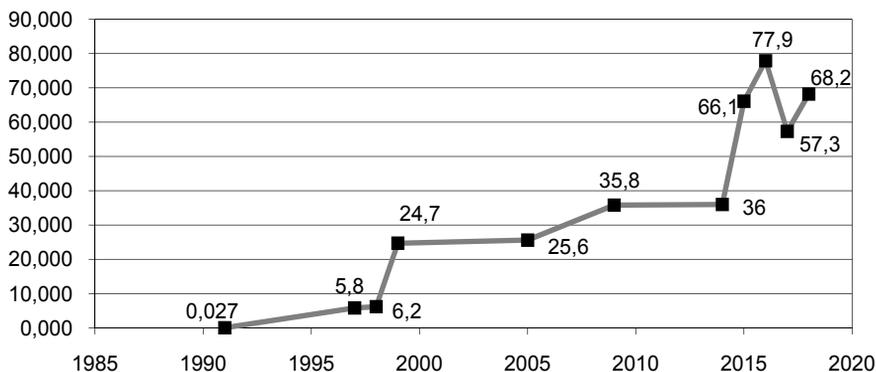
Во-первых, это случилось сразу после «пенсии травмы». Во-вторых, произошло это как раз в дни «празднования» дефолта 1998 г., когда курс рубля рухнул к августу 1999 г. по сравнению с августом 1998 г. почти в 4 раза. В-третьих, падение произошло после, казалось бы, нащупанного рублем равновесного интервала в 58–62 руб. за доллар и усиленно пропагандировавшейся последние полтора года стабилизации экономики России. В-четвертых, падение рубля случилось при растущих ценах на нефть и отсутствии катастрофического оттока капитала. Все это вместе вызвало всплеск экономических и финансовых тревог не только у публики, но и у экспертов. Новые валютные потрясения дали основание вспомнить не только о дефолте 1998 г., но в целом о валютно-финансовых потрясениях в постсоветскую эпоху.

Девальвация как проявление системного кризиса экономики

По существу вся российская постреформенная экономическая история может быть описана как перманентный валютный кризис с непродолжительными периодами рецессии (*рис. 1*). Самый продолжительный и глубокий валютный кризис регистрировался в 1992–1996 гг., когда курс рубля по отношению к американскому доллару снизился почти в 200 раз по сравнению с курсом в августе 1991 г. Причиной этого затяжного кризиса стал внутренний трансформационный шок.

---

¹ *Минакир П.А.* Девальвация рубля: внешние шоки и внутренние проблемы // *Пространственная экономика.* 2018. № 3.

Рис. 1. Динамика курса рубля к доллару США. Масштаб цен 1998 г. Среднемесячные значения для месяцев с максимальным / минимальным значением курса для соответствующего года

Источник: Статистика: история курса доллара к рублю / Руксперт. 2018.

Парадокс заключался в том, что, решившись на шоковую реформу ради скорейшей трансформации централизованной плановой экономики в архаично-рыночную, легко пойдя на шоковую реформу ценообразования, отношений собственности, рынка труда, собственно внешнеэкономической сферы, «творцы» реформы помыслить не могли о шоковом же решении валютной проблемы. А ситуация была именно шоковая. По свидетельствам руководителей валютных органов того времени, запасы конвертируемой валюты Центрального банка СССР был практически полностью исчерпаны уже к ноябрю 1991 г., а золотой запас страны составлял всего 374 т¹. Это делало невозможным выполнение даже текущих обязательств, не говоря уже о погашении внешних долгов СССР, исполнение которых было принято на себя Российской Федерацией. Внешний долг СССР составлял к этому моменту почти 63 млрд долл., большая часть его подлежала погашению уже в 1992 г.

¹ Золотовалютные резервы страны в 1991 году: записки Ю.В. Полетаева, В.В. Герашенко и А.П. Носко в Правительство СССР и Президенту СССР в ноябре 1991 г. 2011.

Это была ситуация дефолта по государственным обязательствам. Но дефолта объявлено не было. Вместо неминуемого валютного шока, болезненного, но имевшего шанс стать кратковременным и дать импульс роста экономике, страна была погружена в затяжной и мучительный валютно-экономический кризис. Ценой сохранения обязательств по государственным платежам был отказ от обязательств по обеспечению внешнего экономического оборота. Формой этого отказа стала либерализация внешней торговли, которая привела к стремительному увеличению количества агентов внешней торговли в условиях не просто слабых институтов, но отсутствия сколько-нибудь эффективных институтов вообще¹. Последствия не замедлили себя ждать.

Спрос на иностранную валюту для импорта и капитальных операций за границей увеличивался по мере остановки производства и сокращения товарных ресурсов для внутреннего рынка, а также в соответствии с прогрессирующим замещением промышленного капитала торговым, который быстро становился основной формой экономической деятельности и главным источником дохода.

Разрыв между спросом и предложением валюты увеличивался. Часть внешнеторговых операций осуществлялась в форме бартера. Часть экспортной валютной выручки просто не возвращалась в страну. Одновременно прогрессировал развал экономических связей внутри страны, был потерян контроль над материально-техническими ресурсами, сокращался объем промышленного, в том числе и экспортного производства, останавливались экспортные контракты. Параллельно развивалась гиперинфляция на внутреннем рынке (потребительские цены в 1996 г. по отношению к 1991 г. увеличились почти в 2400 раз² и непрерывно подталкивала вверх рублевые цены на валютном рынке. Совместное давление внутренней инфляции и разрывов спроса и предложения валюты обусловили гипердевальвацию, которая завершилась только к 1996 г. Инструментами временного замораживания девальвации рубля стали, во-первых, резкое ограничение денежного предложения на внутреннем рынке, переход к финансированию дефицитов бюджета через выпуск

---

¹ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997 / отв. ред. Е.Т. Гайдар. М., 1998. С. 335–368.

² Уровень инфляции в России (по годам) // Банкирша.com. 2018.

ГКО-ОФЗ (политика макроэкономической стабилизации) и, во-вторых, привлечение валютных ресурсов посредством размещения высокодоходных ГКО-ОФЗ среди иностранных инвесторов с обязательной конвертацией валюты в рубли.

Таким образом, гипердевальвация была остановлена технически открытием финансового рынка для «горячих денег». В этом успехе крылась угроза, которая в любой момент могла привести к новому витку девальвации при залповом оттоке горячих капиталов в условиях отсутствия фундаментального баланса спроса и предложения валюты и/или достаточного для восстановления такого баланса в кризисные периоды валютного резерва. Именно это произошло в августе 1998 г., когда российская экономика столкнулась с сильным внешним шоком в форме «залпового» оттока капитала, вложенного в российские ценные бумаги (ГКО-ОФЗ). Причиной шока стал финансовый кризис на азиатских рынках, приведший к кризису валютной ликвидности и выходу инвесторов из высокорисковых активов на развивающихся рынках¹. В то же время Россия не решила к этому времени задачи увеличения притока валюты по текущим и капитальным операциям. Со II квартала 1997 г. сальдо платежного баланса стало отрицательным. Отрицательное значение сальдо финансовых счетов за 1997-й и первые три квартала 1998 г. составило 23,5 млрд долл.² Внешний долг к началу 1998 г. составлял более 180 млрд долл. при величине валютных резервов в 17,7 млрд долл. (*табл.*).

Таким образом, валютный кризис 1998 г., вызванный внешним валютно-финансовым шоком, являлся, по существу, продолжением прерванного в 1996 г. трансформационного валютного кризиса. Общий рост курса доллара по отношению к рублю составил за 1992–1998 гг. 915 раз.

После 2000 г. экономический рост и относительно умеренная инфляция при повышающихся ценах на экспортное сырье и восстановлении постоянного притока как производительного, так и финансового иностранного капитала стабилизировали курс рубля. В 1999–2008 гг. курс доллара колебался в пределах 24–25 руб. за один доллар.

---

¹ Минакир П.А. «Указная» экономика // Пространственная экономика. 2018. № 2.

² Статистика внешнего сектора / Центральный банк РФ. 2018.

**Внешний долг и золотовалютные резервы РФ, млрд долл. США,
на 1 января соответствующего года**

Год	Государственный долг (долг органов государственного управления и ЦБ РФ)	Частный долг (банки и прочие сектора экономики)	Сум- марный внешний долг	Золото- валют- ные резервы
1994	115,7	2,1	117,8	7,6
1998	149,9	33,0	182,9	17,7
2007	48,6	264,4	313,0	303,7
2009	32,1	448,2	480,3	426,2
2014	77,6	651,3	728,9	509,6
2018	70,1	448,8	518,9	432,7

Источник: Статистика: внешний долг России / Руксперт. 2018.

Однако внутренняя макроэкономическая политика по-прежнему генерировала риски возникновения внешних шоков¹. В этот период принципиально изменилась структура внешней задолженности. Риски внешних шоков переместились из сферы государственного долга в корпоративный сектор. Если в 1998 г. внешний долг правительства и Центрального банка составлял 81% всего государственного долга, то к 2007 г. 85% внешнего долга России составляли долги коммерческих банков и прочих секторов экономики. Внешний долг формировался за счет заимствований банков и компаний за рубежом в связи с жесткой денежной политикой правительства и Центрального банка. Высокая учетная ставка (средняя учетная ставка в период 2000–2007 гг. составляла 16,6% в год², с одной стороны, приводила к замещению внутренних заимствований внешними, а с другой стороны, опять привлекала горячие капиталы.

Начавшийся в 2007 г. мировой долговой кризис на финансовых рынках развитых стран привел к повторению для России шокового сценария 1998 г. – массовый отток капитала и всплеск спроса на ва-

---

¹ Минакир П.А., Горюнов А.П. Мировой экономический кризис: теоретические и прикладные аспекты // Вестник ДВО РАН. 2009. № 4.

² Уровень инфляции в России (по годам) // Банкирша.com. 2018.

люту в связи с невозможностью рефинансирования операций по обслуживанию огромного внешнего долга в условиях мирового финансового кризиса. Это привело к кратковременной девальвации рубля на 46% с сентября 2008 г. по март 2009 г. (рис. 2). Благодаря тому, что острая фаза мирового кризиса к этому времени уже завершилась и Россия обладала значительными золотовалютными резервами, которые были использованы для смягчения внешнего шока, смещение уровня равновесия курса рубля в послекризисный период 2009–2014 гг. оказалось сравнительно небольшим, порядка 25% по сравнению с периодом 1999–2009 гг.

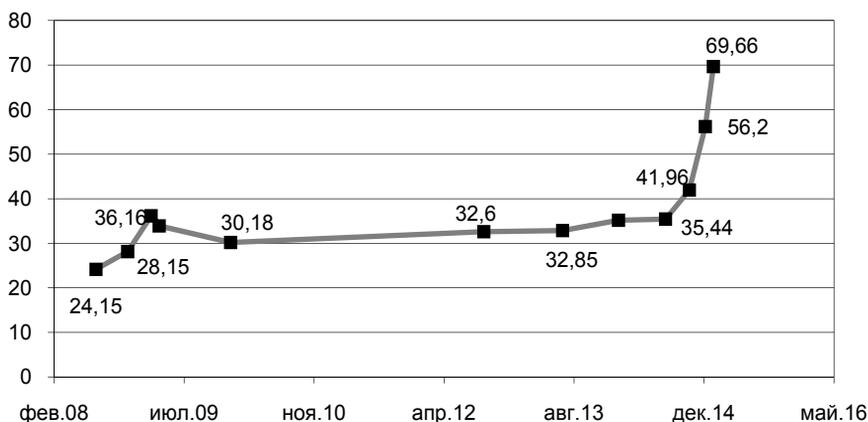

Рис. 2. Динамика курса рубля к доллару США в 2009–2014 гг., руб./долл.

Источники: Курс доллара (USD). Динамика за 10 лет / Creditpower.ru. 2018. URL: <https://creditpower.ru/currency/usd/10year/>; Динамика курса доллара США / RateStats.com. 2018. URL: <https://ratestats.com/dollar/> (дата обращения: август 2018).

Непосредственным поводом для валютного кризиса в 2014 г. явился внешний политический шок в форме введения ограничений на заимствования частного сектора, в том числе банков, за рубежом. Но природа этого кризиса по существу была такая же, как и предыдущего кризиса, – долговая зависимость страны. Внешний долг достиг 728 млрд долл., причем основную его часть (почти 90%) по-прежнему составляли долги частного сектора (см. табл.). Санкции, препятствующие заимствованиям за рубежом для обслуживания дол-

га, создали угрозу дефолтов для банков и коммерческих компаний, единственным источником валюты для которых стал внутренний валютный рынок. Ажиотажный рост спроса на валюту со стороны иностранных инвесторов, которые начали срочно выводить капиталы, со стороны компаний, нуждавшихся в средствах для обслуживания долга, и со стороны внутренних спекулянтов, которыми часто выступали те же самые компании и банки, при начавших снижаться ценах на нефть обрушил текущий баланс спроса и предложения и баланс на фьючерсном рынке. Внешний политический шок спровоцировал внутренний финансово-валютный шок.

Шок был настолько силен, что Центральный банк, опасаясь за судьбу резервов, отказался от поддержки рубля и ввел плавающий курс, одновременно кардинально подняв значение ключевой ставки. Это не остановило отток капитала и не привлекло новых финансовых инвесторов. Стимулом для оттока и барьером для притока капитала являлись не значения доходности, а политические шоки. Но высокая ключевая ставка ограничила внутренние валютные спекуляции, а отток иностранного капитала уменьшился вследствие физического исчерпания его запасов. За шесть месяцев (с августа 2014 г. по февраль 2015 г.) рубль девальвировался по отношению к доллару США на 96% по сравнению с августом 2014 г.¹

Таким образом, в основе всех предыдущих девальваций рубля лежали реальные внутренние или внешние финансово-экономические шоки. Однако в августе 2018 г. каких-либо явных шоков не было зарегистрировано. Не происходит снижения мировых цен на нефть, они, напротив, растут. Платежный баланс не стал дефицитным, наоборот, профицит платежного баланса в январе – июле 2018 г. увеличился по сравнению с 2017 г. Не произошло катастрофического оттока капитала, который составил в частном секторе 21,7 млрд долл., что больше аналогичного периода прошлого года (8,7 млрд долл.), но, по отчетам Центрального банка РФ, это произошло в связи с увеличением вложения в иностранные активы частных компаний, то есть не связано с увеличением долговой нагрузки в валютной форме. Не произошло сокращения международных резервов, которые составили 457,1 млрд долл. (на 24 августа 2018 г.) при величине внешнего долга РФ 485,5 млрд долл. (на 1 июля 2018 г.) и

---

¹ Статистика внешнего сектора / Центральный банк РФ. 2018.

умеренных предстоящих выплатах по внешнему долгу, около 40 млрд долл. во II полугодии 2018 г.¹

Тем не менее после 9 августа 2018 г. средний курс рубля перешел с уровня 63 руб. за один доллар к уровню 68 руб. за один доллар. То есть рубль девальвировался на 8% (рис. 3). В очередной раз толчком стал внешний политический шок в форме объявленных новых санкций США, которые должны распространиться на рынок долговых инструментов и осуществление долларовых операций крупнейшими российскими банками. Но вызвало ли это объявление внутренний валютно-финансовый шок наподобие 2014 г. или реакция рынка была исключительно иррационально паникерской?

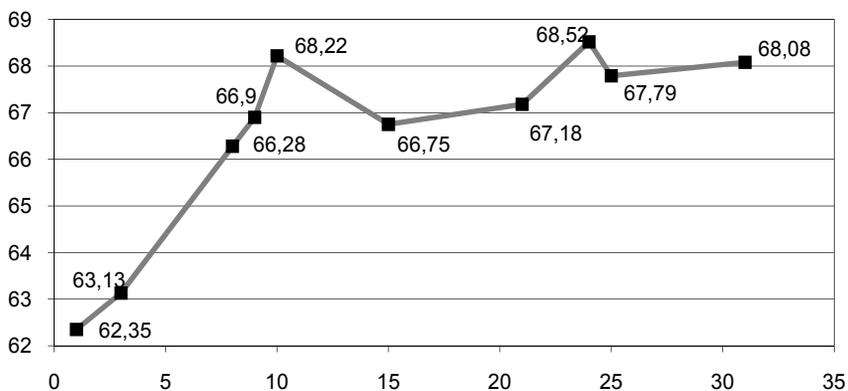

Рис. 3. Динамика курса рубля в августе 2018 г., руб./долл.

Источник: Курс доллара США в августе 2018 года / Ratestats.com. 2018. URL: <https://ratestats.com/dollar/2018/08/> (дата обращения: август 2018).

С одной стороны, объявленные санкции, по утверждению ряда экспертов, были ожидаемы и не являются чрезмерно болезненными, хотя и скажутся в среднесрочном периоде на таких сферах, как геологоразведка и нефтедобыча, приток частных американских финансовых капиталов, импорт высоких технологий для некоторых отраслей. Но в целом рынок декларировал, что возможности введения санкций к моменту их объявления уже были заложены в динамике

¹ Статистика внешнего сектора / Центральный банк РФ. 2018.

рыночных индексов и курсе рубля¹. Тем не менее курс рубля отреагировал весьма резко.

Рубль в глобальном интерьере

Это произошло, конечно, не только в России. Девальвировались валюты многих развивающихся стран. Причиной являются два параллельно идущих в глобальной экономике и совпавших по времени процесса.

Во-первых, изменение денежной политики США – повышение учетной ставки и сжатие долларовой массы. Для США это является универсальным инструментом, чтобы добиться удешевления импорта и притока финансового капитала для финансирования госдолга. В результате начался отток капиталов прежде всего с наиболее рискованных развивающихся рынков.

Во-вторых, массированная санкционная и торговая война, которую США развязали с целым рядом стран (Китай, Россия, Иран, Пакистан, Турция, Венесуэла, Куба, Судан, Зимбабве, Мьянма, Демократическая республика Конго, КНДР). Это привело к устойчивым негативным ожиданиям как в сфере торговли, так и в области финансовой устойчивости этих стран, макроэкономические параметры которых (за исключением Китая) критически зависимы от доходов от экспорта сырья и материалов. Однако и финансовая устойчивость Китая во многом определяется результатами и стабильностью экспортной деятельности. Санкции и торговые войны подорвали основы стабильности.

В качестве ответной реакции нарастает сопротивление в форме попыток создания параллельной финансовой системы, чтобы попытаться в перспективе избежать ситуации, когда любые транзакции, проводимые в американских долларах или осуществляемые через американский банк, автоматически подводят стороны торговых отношений под действие американской законодательной системы, то есть распространяют на них санкции США². Основные черты этой

---

¹ *Ермак О.* Эксперты вынесли неожиданный вердикт по пакету антироссийских санкций: «Показуха» // Московских комсомолец. 2018. 24 августа. URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/08/24/eksperty-vynesli-neozhidannyy-verdikt-po-paketu-antirossiyskikh-sankciy-pokazukha.html> (дата обращения: август 2018).

² *Лафм Г.* Бунт против доллара может оказаться резче и начаться скорее, чем прогнозирует большинство экономистов // ИноСМИ.ру. 2018. 30 августа.

«параллельной системы» – введение национальных валют в расчеты за энергоресурсы, выпуск криптовалют и наращивание запасов золота как альтернативного основания международных расчетов¹.

Для России реальный и потенциальный отток капиталов не относится к фундаментальным факторам ослабления валюты. Но девальвация валют развивающихся стран, многие из которых являются важными импортерами российского сырья, представляет опасность. Поэтому первый ответ на вопрос о том, почему в отсутствие фундаментальных факторов ослабления рубля он все-таки девальвируется (или почему не происходит коррекция после первой панической волны) – страховка для экспортеров сырья (и, соответственно, для федерального бюджета) от потери доходов из-за девальвации валют импортеров. Это касается даже европейской валюты, так как ЕС также находится в зоне риска и вовлечен в торговую войну с США.

Второй ответ – Россия вместе с Китаем оказалась в авангарде «антидолларового путча». Но этот антидолларовый поход, если и имеет шанс поколебать позиции доллара как мирового платежного средства, то не в ближайшем будущем. Значительная часть торговых и капитальных операций все равно будет проводиться в долларах. Но сам по себе этот поход, как и вероятное дальнейшее давление на рубль со стороны США посредством «отсекания» от долларовых транзакций, чреват потерями, которые хотя бы частично можно попытаться «отыграть» превентивной девальвацией.

Однако есть и третий ответ. Учитывая, что одной из особенностей денежного обращения России является учет депозитов в иностранной валюте в качестве показателя денежной массы («широких денег»), некоторое обесценение национальной валюты становится резервом увеличения денежной массы, то есть дополнительной эмиссии денег. Конечно, злоупотребление печатанием дензнаков опасно, так как может спровоцировать чрезмерную инфляцию, одним из следствий которой может стать срыв экономики в девальвационную спираль (см. выше). Но при известной осторожности усиление уровня недооцененности рубля вполне может быть дополнительным инструментом создания дополнительных рублевых резервов.

---

¹ *Циэптитц* Х. Путин отказывается от диктата доллара // ИноСМИ.ру. 2018. 24 августа.

Трансформационный кризис в России до сих пор продолжается. Недолгий перерыв в череде экономических и финансово-валютных кризисов в 2000–2007 гг. сменился новыми шоками и вызванными им кризисами. И все-таки нестабильность курса рубля, начавшаяся в августе 2018 г., заставляет усомниться в том, что мы столкнулись с вполне соответствующим ранее наблюдавшемуся набору факторов феноменов. Отличает его, во-первых, отсутствие фундаментальных причин внезапной девальвации рубля, во-вторых, явная регулируемость динамики курса. Эта «регулируемость» является своеобразным инструментом подавления ожидаемых рисков и создания возможности для генерации дополнительных финансовых резервов для решения внутренних политических проблем. А эти резервы, как показали события после майских выборов, скорее всего, придется изыскивать. Налоговый маневр, изъятие пенсионных фондов, повышение налогового бремени для потребителей могут оказаться недостаточными для выполнения грандиозных бюджетных интервенций в 2018–2024 гг.¹, значительная часть которых предназначена как раз для «инвестиций в пространство» (скоростные дороги, мостовые мегапереходы, мегаполисы).

---

¹ Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4; Минакир П.А. «Указная» экономика // Пространственная экономика. 2018.

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС: ОЖИДАНИЯ ПРОТИВ ФАКТОВ¹

В течение всего 2017 г. и эксперты, и представители власти с энтузиазмом обсуждали завершение кризиса в экономике, адаптацию к внешним шокам и переход к новому равновесному состоянию, которое характеризуется уменьшением зависимости от темпов роста внутреннего потребления, снижением влияния волатильности нефтяных цен на мировом рынке и переходом к низкой инфляции. Особенно оптимистично реляции о завершении кризиса и переходе к устойчивому экономическому росту звучали в конце лета – начале осени 2017 г., когда экономика показала по итогам II квартала наивысший в истекшем году темп роста (I квартал – 0,8%, II – 2,5%, III – 1,8%, IV – 1,1%). Основания для оптимизма усматривались в том, что впервые после 2015 г. российская экономика оказалась в зоне положительных квартальных приростов ВВП. Само по себе это действительно позитивная новость, но в какой степени реальные данные позволяют с оптимизмом смотреть в будущее и, главное, какое именно экономическое будущее они сулят? Ликвидированы ли или хотя бы начата ли работа по ликвидации тех институциональных провалов, которые ранее² нами определялись как основная причина экономического кризиса 2015–2016 гг., и в наиболее концентрированной форме проявляются как искажения в области государственной экономической политики³?

Факты и надежды

То, что макроэкономические индикаторы в 2017 г. демонстрируют позитивную динамику, – очевидный факт, во всяком случае с точки зрения статистических наблюдений и измерений (*табл. 1*). Однако более детальное рассмотрение этих индикаторов оставляет некоторые вопросы.

---

¹ Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018.

² Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016.

³ Ивантер В.В. Стратегия перехода к экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016.

Таблица 1

**Макроэкономические индикаторы в России,
% к предыдущему году**

Индикатор	2016	2017
ВВП	99,8	101,5
Промышленность	101,3	101,0
Сельское хозяйство	104,8	102,4
Транспорт	101,8	105,4
Розничная торговля	95,4	101,2
Оборот внешней торговли	86,6	125,1
Инвестиции	99,4	104,2
Реально располагаемые доходы населения	94,2	98,3

Источник: Социально-экономическое положение России в 2017 году / ФСГС. 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: февраль 2017).

Прирост ВВП в 2017 г. сложился в основном за счет прироста на транспорте, в розничной торговле, прироста инвестиций в основной капитал и прироста оборота внешней торговли. Динамика в промышленности и в сельском хозяйстве ухудшилась по сравнению с 2016 г.

Наиболее просто объясняется прирост показателя на транспорте, который сильно коррелирует с приростом внешнеторгового оборота. Улучшение же внешнеторговой статистики является, очевидно, следствием смягчения внешних конъюнктурных ограничений (рост цен на углеводороды, климатический шок в Западной Европе, увеличение зернового экспорта и пр.). Смягчение конъюнктурных ограничений преодолело действие фундаментального ограничителя для экспорта – повышение курса рубля, который к декабрю 2017 г. вырос по отношению к доллару США в сравнении с декабрем 2015 г. на 21%, что одновременно стимулировало импорт. Однако для длительного периода укрепление рубля остается проблемой с точки зрения поддержания экономического роста, который в большой степени ба-

зируется на стабильно низком валютном курсе при отсутствии его высокой волатильности¹.

Рост в секторе розничной торговли на первый взгляд выглядит алогичным, учитывая продолжившееся в 2017 г. снижение реальных располагаемых доходов населения (на 1,7%). Очевидно, некоторое изменение сберегательной модели поведения потребителей оказалось связано с улучшением условий потребительского кредитования в связи со снижением ключевой ставки Центробанка, официальными отчетами о низкой инфляции в потребительском секторе и укреплением рубля по отношению к доллару США. Вероятно, важным фактором стала и «усталость» домашних хозяйств от откладывания расходов на текущее потребление. Эта усталость поспособствовала некоторой смене пессимистических ожиданий на веру в позитивные изменения под влиянием агрессивной пропаганды макроэкономических успехов. При этом очевидный дефицит реальных доходов был компенсирован ростом закредитованности, в том числе и в секторе микрозаймов, что особенно ярко свидетельствует о дефиците доходов и нежелании населения более откладывать удовлетворение наиболее насущных потребностей. Причем, судя по квартальным данным, уверенность потребителей в том, что настало время для изменения поведения, усиливалась в течение года. Прирост оборотов розничной торговли монотонно увеличивался в течение всех кварталов 2017 г. (-1,6% в I, +1% во II, +2,1% в III и +3% в IV).

В целом вышеприведенные данные вполне укладываются в картину, предшествовавшую наступлению кризиса в 2015 г. В период 2011–2014 гг. также наблюдалась положительная динамика внутреннего потребительского и инвестиционного спроса. Однако тогда этого оказалось недостаточно для нивелирования внешних шоков. Способность к самогенерации экономического роста остается невысокой. Хотя мультипликатор выпуска в целом по экономике несколько увеличился после катастрофического снижения к 2000 г. по сравнению с 1990 г. (до 1,35 против 2,0), но все еще остается низким (1,93). В значительной степени это объясняется примитивизацией российской экономики, в которой к началу кризиса уровень межотраслевых взаимодействий и длина цепочек добавленной стоимости

---

¹ Полтерович В.М., Попов В.В. Валютный курс, инфляция и промышленная политика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 1 (29).

сократились на 32% по сравнению с началом 1980-х гг.¹, хотя в периодовых экономиках происходили противоположные процессы.

В течение 2015–2017 гг. описанные ранее² автоматические регуляторы (стимулирование экспорта в результате снижения курса рубля, стимулирование предложения в результате санкционного блокирования импорта) совместно с вышеупомянутым смягчением внешних конъюнктурных ограничений в некоторой степени компенсировали системные диспропорции в российской экономике, но это пока не дает основания для оптимистичного вывода о завершении кризиса и переходе к стабильному экономическому развитию.

Во-первых, следует обратить внимание на характер поквартальной динамики в экономике (*табл. 2*). За исключением оборота розничной торговли, динамика которого, как отмечалось выше, определялась «усталостью от потребительского воздержания» и запаздыванием реакции на изменение макроэкономической информации, экономическая динамика имела характер выраженной синусоиды с гребнем во II квартале.

К концу года динамика начала затухать вопреки обычному характеру сезонных колебаний, а также вопреки стабилизации относительно высокого уровня нефтяных цен на мировом рынке. Это свидетельствует о том, что устойчивых изменений фундаментальных условий воспроизводства, которые могли бы стать надежной основой восстановления экономической динамики, пока нет.

Во-вторых, среднемесячная динамика за период 2015–2017 гг. показывает, что ни в одном из основных экономических секторов, за исключением добывающей промышленности, уровень 2014 г. пока не достигнут (*табл. 3*). Большинство секторов экономики пребывают в состоянии стагнации. Исключение составляют добывающая промышленность и внешняя торговля. Для добывающих отраслей и экспорта переломным стал 2017 г., благодаря положительным сдвигам в ценовой конъюнктуре. Драйвером импорта явилось, начиная с 2016 г., укрепление рубля. Но в целом говорить о преодолении кризиса в смысле перехода от стагнации к оживлению на настоящий момент преждевременно.

---

¹ *Широв А.А.* Практическое использование таблиц «затраты – выпуск» для обоснования решений в области экономической политики. Доклад на заседании секции экономики ООИ РАН. 28.02.2018 г.

² *Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // *Пространственная экономика*. 2016.

Таблица 2

**Квартальная динамика макроэкономических показателей,
% к предыдущему кварталу**

Период	Стоимость выпуска по базовым отраслям		Оборот розничной торговли		Грузооборот на транспорте	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017
I квартал	100,3	100,6	95,0	98,4	101,5	105,3
II квартал	100,3	103,8	95,1	101,0	101,0	109,3
III квартал	100,6	102,1	96,1	102,1	102,8	105,5
IV квартал	100,8	99,5	95,4	103,0	101,7	101,8

Источник: Социально-экономическое положение России в 2017 году / ФСГС. 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: февраль 2018).

Таблица 3

**Среднемесячные темпы роста, %, июль соответствующего года
по отношению к июлю 2014 г.**

Сектор	2015	2016	2017
Розничная торговля	90,0	84,0	87,0
Строительство	97,0	97,0	99,0
Обрабатывающие производства	99,0	98,0	100,0
Добывающие производства	100,8	103,0	106,0
Промышленность в целом	99,0	100,0	100,0
Платные услуги	98,2	99,4	99,6
Экспорт	65,0	60,0	75,0
Импорт	66,0	75,0	90,0

Источник: Социально-экономическое положение России в 2017 году / ФСГС. 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: февраль 2018).

Экономическая политика

Несмотря на длительность кризиса и явно высокую роль институциональных провалов в его развитии, экономическая политика и характер функционирования институтов столь же постоянны, как и сам кризис. Никаких существенных изменений в области бюджетной, финансовой, денежной, налоговой политики по существу не происходит. По-прежнему экономическая политика ориентируется на подавление инфляции, полагая, что вполне достаточно достичь стабильности цен, равнозначной уверенности экономических агентов, и экономический рост будет достигнут сам по себе. Теоретические доказательства, равно как и эмпирический анализ, не могут поколебать этого заблуждения. Вместе с тем почти 20-летний понижающийся тренд инфляции вполне благополучно сосуществует с понижающимся же трендом темпов роста ВВП (рис. 1 и 2). Вера в то, что экономические агенты при снижении темпов роста потребительских цен приобретают инвестиционную уверенность и прирост инвестиций стимулирует экономический рост, выглядит несколько странно с точки зрения не логики, но последовательности эффектов.

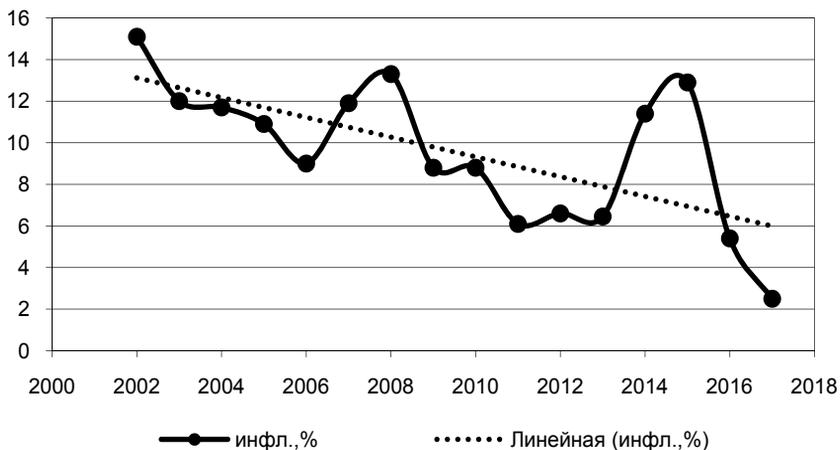

Рис. 1. Темпы инфляции в РФ, % к предыдущему году

Источник: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2018 г. / ФСГС. 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm (дата обращения: февраль 2018).

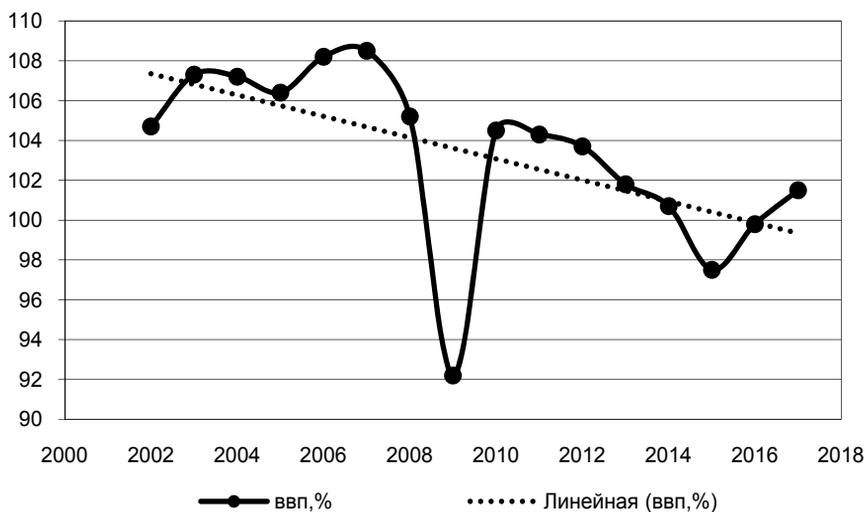

Рис. 2. Темпы ВВП в РФ, % к предыдущему году

Источник: Валовой внутренний продукт / ФСГС. 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения: февраль 2018).

Если говорить о потребительском рынке, то, напротив, снижение темпов роста цен снижает при данном темпе роста цен производителей стимулы для наращивания производства, в том числе стимулы для инвестиций, определяющих будущий прирост предложения. В этом смысле темп инфляции является индикатором напряженности потребительского спроса. И действительное значение имеет не темп роста потребительских цен, а ожидаемое изменение объема спроса на тот или иной продукт. В кризисе снижаются именно объемы спроса, что приводит к ужесточению ценовой конкуренции, вследствие которой при прочих равных условиях снижается темп роста цен или даже начинается дефляция, как это происходило, например, в августе – ноябре 2017 г. в России. Наибольшие темпы среднегодового прироста инвестиций в основной капитал в России регистрировались в периоды наивысших темпов потребительской инфляции. В 2002–2007 гг. среднегодовой темп роста инвестиций в основной капитал составлял 114,3% при среднегодовом темпе инфляции в 111,8% и

среднем темпе роста ВВП 107% в год, а в 2010–2013 гг. эти показатели выглядели как 106,3, 107,3 и 103,6%.

Темп инфляции, измеряемый темпом роста потребительских цен, зависит от реального прироста потребительского спроса и формируемого стороной предложения уровня издержек, в том числе и импортных товаров. После всплеска инфляции в 2014–2015 гг. как раз из-за скачка издержек (рост импортных цен из-за девальвации рубля) темпы инфляции пошли вниз под воздействием изменения потребительской модели поведения.

Поэтому при всей «неполезности» потребительской инфляции возводить ее в ранг главного обвиняемого в падении экономического роста и наоборот нет никаких оснований. Однако это упорно делается, и более того, даже канонизируется¹. Между тем именно «инфляционные» меры остаются незадействованными для превращения модели «низкая инфляция – низкий рост» в модель «устойчивый рост – контролируемая инфляция», в которой не низкие темпы роста потребительских цен отражают стагнацию экономики и ожесточенную конкуренцию производителей за потребительские доходы при низком уровне разнообразия и невысоком качестве предложения, но высокие темпы роста предложения за счет эффекта масштаба и увеличения степени разнообразия и качества предложения на рынке обеспечивают снижение темпа роста цен и производителя, и потребительских цен.

Пока российская экономика далека от такой модели. По-прежнему усилия направлены на подавление инфляции монетарными методами, ограничением денежного предложения. Несмотря на увеличение объема инвестиций в основной капитал в 2017 г., среднемесячный объем размещенных средств в финансовой системе страны практически не изменился по сравнению с 2016 г. (53,5 и 53,3 трлн

---

¹ «В России сегодня, по сути, сформирована новая макроэкономическая реальность, с низкой инфляцией и общей устойчивостью экономики. Для граждан это условие для роста реальных доходов, снижения стоимости ипотеки. Для бизнеса – предсказуемость в работе и более дешевый кредит. Бизнес должен тоже адаптироваться, привыкнуть к этим новым макроэкономическим условиям. И, наконец, это позволяет привлекать длинные заемные средства и частные инвестиции в масштабные инфраструктурные проекты» (Послание Президента Федеральному Собранию / Администрация Президента России. 2018. 1 марта).

руб. соответственно), инвестиции поддерживаются, следовательно, собственными средствами экономических агентов. Низкой остается и степень монетизации ВВП (47% в 2017 г. и 43% в 2016 г.). Каким образом при этом предполагается увеличить норму инвестиций в ВВП до 27%¹, хотя в 2017 г. эта норма составляла 21,4%², а главное, как достичь этого при сохранении «устойчивости экономики» при низком уровне темпов роста, остается загадкой, если только не идет речь об усилении нагрузки на государственный бюджет для финансирования источников экономического роста.

Следствие из вышеизложенного является столь же простым, сколь и банальным: институциональная оболочка по-прежнему остается наиболее проблемной областью с точки зрения перехода к экономике роста, генерирующего увеличение качества жизни. Одновременное решение двойственной задачи: сохранить «стабильность» институтов и обеспечить динамичное развитие экономики и общества, – представляется невозможным.

---

¹ Послание Президента Федеральному Собранию / Администрация Президента России. 2018.

² Бутрин Д. Экономическая баллистика // Коммерсантъ. 2018. 2 марта.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: МЕЖДУ КРИЗИСАМИ¹

В 2016 и 2018 гг. автором были опубликованы обзоры социально-экономической динамики в России, где был сделан акцент на институциональных провалах, которые являются главным компонентом лежащих в основе российских кризисов оснований². Эти провалы становятся катализаторами структурных шоков, которые и проявляются в форме социально-экономического кризиса. К настоящему времени накопилось достаточно эмпирического материала, подтверждающего гипотезу о том, что именно долгосрочный провал в области экономических институтов является фундаментальной основой экономических кризисов в России, одновременно объясняя частоту и масштабы спровоцированных внешними шоками среднесрочных рецессий.

Первый в экономической истории постсоветской России экономический кризис 1992–1995 гг. стал результатом почти десятилетнего трансформационного цикла, начавшегося в середине 1980-х гг.³ Содержанием этого цикла были системный институциональный шок, разрушение жизнеспособных и имевших большой потенциал адаптации к рыночной среде институтов и замена их новой институциональной платформой⁴ и др. Сам кризис стал реакцией на двойной шок – внешний (падение экспортных цен и доходов бюджета) и внутренний – ликвидация институтов, способных обеспечить адаптацию экономики, и замена их институтами, блокировавшими дейст-

---

¹ *Минакир П.А.* Российская экономика: между кризисами // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 1.

² *Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // *Пространственная экономика*. 2016; *Минакир П.А.* Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика*. 2018.

³ *Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике. 2001. С. 335–337.

⁴ *Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике. 2001; *Интрилигатор М.* Шокирующий провал «шоковой терапии» // *Реформы глазами американских и российских ученых / под общ. ред. О.Т. Богомолова*. М., 1996; *Львов Д.С., Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Экономика России на перепутье веков. М.: Управление мэра Москвы, 2000; *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.

вие встроенных компенсаторов (формирование двухколейной экономики, управляемая девальвация рубля, контролируемая инфляция и пр.). Именно в первой половине 1990-х гг. был сформирован действующий до настоящего времени генеральный институциональный тренд, содержанием которого является формирование и развитие фундаментального институционального консерватизма.

Мировой кризис 1997–1998 гг., известный как азиатский кризис, сформировал сильный внешний шок для российской экономики в форме масштабного оттока финансового капитала, который был мультиплицирован в 1998 г. масштабами и структурой пирамиды финансирования государственного долга за счет внешних заимствований. Эта пирамида являлась следствием и формой конструировавшегося в 1990-х гг. упомянутого выше институционального консерватизма, проявлением которого стало открытие российского финансового рынка. В результате разразился сильнейший финансово-экономический кризис 1998–1999 гг., проявившийся как дефолт по внешним обязательствам, что спровоцировало обрушение российской валюты и конвертацию внешних обязательств правительства во внутренние обязательства российского бизнеса и населения¹.

Мировой долговой кризис 2007 г. сформировал внешний финансовый и конъюнктурный шок для российской экономики в форме массового оттока капитала с российского рынка (как и вообще с развивающихся рынков). И в этом случае внешний шок был не смягчен и тем более не блокирован внутренней институциональной средой, но, напротив, эта среда оказалась весьма «плодородна» для его превращения в валютно-финансовый кризис 2008–2009 гг. После кризиса 1998–1999 гг. государственный долг, номинированный в иностранной валюте, был фактически конвертирован в корпоративный внешний долг, быстрый рост величины которого стимулировался искусственным блокированием внутренних кредитных ресурсов. В условиях высоких темпов экономического роста, ориентированного на рост, прежде всего, внутреннего спроса, это провоцировало быстрый рост заимствований за рубежом. Финансовый рынок оставался открытым, препятствий для оттока капиталов не существовало, а

---

¹ Горюнова Н.П., Минакир П.А. Финансовые кризисы на развивающихся рынках. М.: Наука, 2006; Монтес М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. 1999.

возникший из-за этого оттока и высокого внутреннего спроса на валюту для обслуживания внешнего долга риск нового дефолта обусловил девальвацию рубля, за которой последовали банковский и экономический кризисы.

В 2014–2015 гг. российская экономика опять столкнулась с двумя практически синхронизированными внешними шоками. Во-первых, со снижением мировых цен на нефть, которые за короткое время снизились до уровня кризисного 2008 г. без каких-либо макроэкономических или финансовых катаклизмов в мировой экономике. Во-вторых, с введением секторальных, в первую очередь финансовых, санкций. Первый шок вызвал «эффект домино» (снижение валютных курсов, рост учетной ставки, сокращение инвестиций и потребительских расходов, падение в итоге темпов роста). Второй шок проявился как отток капитала, девальвация рубля, рост темпов инфляции и далее усиление «эффекта домино» (новое снижение потребительского спроса, сокращение инвестиций в связи с ограничением доступа к источникам кредита и технологиям, дальнейшее снижение темпов роста и их переход в отрицательную область). Как и для вышеописанных кризисов (1992–1995, 1998–1999, 2008–2009 гг.), эти реальные шоки не встретили какого-либо сопротивления со стороны так и не сформировавшихся в течение почти 30 лет внутренних компенсаторов и стабилизаторов, способных ослабить или даже заблокировать действие этих шоков. Напротив, не только не преодоленная, но и укрепившаяся после кризиса 2008–2009 гг. идеология фундаментального институционального консерватизма усугубила влияние новых шоков¹. Казалось бы, что институциональная платформа экономики должна была быть подвергнута корректировке после кризиса 2008–2009 гг., который имел наиболее тяжелые последствия для России по сравнению с остальными странами БРИКС и многими развивающимися экономиками как раз из-за отсутствия встроенных компенсаторов. Но такой корректировки в восстановительный период 2010–2013 гг. не произошло. Вместо стимулирования усложнения экономики за счет развития новых видов деятельности, вместо инвестирования экспортных доходов государства в формирование разви-

---

¹ *Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // *Пространственная экономика*. 2016; *Алексащенко С.* Почему дно кризиса еще не пройдено? // *Ежедневная деловая газета РБК*. 2016. 29 июня. № 113 (2369).

того внутреннего производственного спроса продолжалось наращивание доли государственного потребления, по-прежнему строилась «выставочная экономика». В итоге российская экономика опять оказалась неподготовленной к встрече с очередными внешними шоками.

В условиях развернувшегося в итоге кризиса номинальные возможности государственного бюджета существенно сократились в связи с сокращением размеров внешнеторговой ренты, и это привело к секвестру государственных расходов. Но секвестр коснулся не военно-технических программ и мегапроектов, а как раз доходов домашних хозяйств. Последние сократились не только в связи с «оптимизацией» в различных сегментах бюджетного сектора, но и по причине оптимизации расходов бизнеса в условиях сокращавшегося спроса и нарастающего налогового давления.

При этом сохранение и даже наращивание размеров государственного спроса за счет реализации мегапроектов и закупки продукции и услуг военно-технического назначения не могло заменить рост эндогенного спроса бизнеса и домашних хозяйств. Доходы федерального бюджета ни номинально, ни по темпам роста были недостаточны для того, чтобы обеспечить адекватное потребностям экономики увеличение совокупного спроса.

Поэтому неудивительно, что впервые после кризиса 1998–1999 гг. в 2015–2016 гг. наблюдалось снижение реальных доходов населения, которые по сравнению с 2014 г. упали на 11,7 п. п. и даже после слабого роста в 2019 г. остаются ниже 2014 г. на 11 п. п. (*рис.*). То есть внутренний потребительский рынок оказался не в состоянии выполнять функцию компенсатора спросовых шоков во время острой фазы кризиса и до сих пор не может использоваться как фактор, который мог бы способствовать росту российской экономики.

Все это является свидетельством чрезвычайной устойчивости курса на сохранение в российской экономике превалирования экстрактивных институтов, поддерживающих извлечение ренты (экономической или политической) в пользу экономической и политической элит, над институтами инклюзивными, обеспечивающими благоприятные условия для производительной деятельности и эффективного приложения и накопления производственных ресурсов¹. Та-

---

¹ *Натхов Т.В., Полищук Л.И.* Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34).

кое институциональное упорство может расцениваться как наиболее вероятная причина необычной длительности кризиса российской экономики.

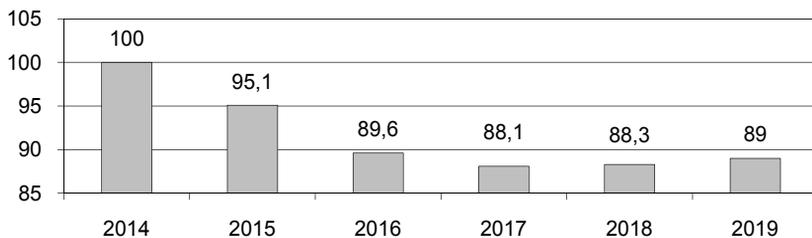

Рис. Реальные доходы населения, %, 2014 = 100

Примечание: данные за 2019 г. отражают статистику за январь – ноябрь 2019 г., отнесенную к статистике за январь – ноябрь 2018 г.

Источники: Социально-экономическое положение России. 2017 год / ФСГС. 2018b. № 12; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации / ФСГС. 2018; Социально-экономическое положение России – 2018 г. / ФСГС. 2018a; *Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // *Пространственная экономика.* 2016; Повышение роли внутренних реформ на фоне ухудшения прогноза мировой экономики. Доклад об экономике России / Группа Всемирного банка. 2019.

Правда, с 2017 г. в экспертных кругах и правительственных инстанциях мейнстримом стало утверждение об окончании кризиса, завершении адаптации экономики к внешним шокам и состоявшемся переходе к новому равновесному состоянию. Это новое равновесие усматривалось в уменьшении зависимости от динамики внутреннего потребительского спроса и низких темпов инфляции. Казалось бы, такие утверждения имели под собой основания, которые, впрочем, сводились в основном к положительным квартальным темпам прироста ВВП. Впрочем, если судить по цепным индексам, и после 2017 г. российская экономика удерживалась в зоне положительных значений годовых приростов основных макроэкономических индикаторов (*табл. 1*).

---

¹ *Минакир П.А.* Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика.* 2018.

Таблица 1

**Макроэкономические индикаторы в России,
% к предыдущему году**

Индикатор	2017	2018	2019*
ВВП	101,6	102,3	101,2**
Промышленность	101,0	102,9	102,4
Сельское хозяйство	102,4	99,4	104,1
Транспорт	105,4	102,9	100,7
Розничная торговля	101,2	102,6	101,6
Оборот внешней торговли	125,1	118,7	96,7
Инвестиции	104,2	104,1	100,7
Реально располагаемые доходы населения	98,3	100,3	100,8
Индекс потребительских цен	103,7	102,9	103,5
Индекс цен производителей	107,6	111,9	93,7

Примечания. * – январь – ноябрь 2019 г. к январю – ноябрю 2018 г.; ** – оценка Всемирного банка (Повышение роли внутренних реформ на фоне ухудшения прогноза мировой экономики. Доклад об экономике России / Группа Всемирного банка. 2019).

Источники: Социально-экономическое положение России. 2017 год / ФСГС. 2018. № 12; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации / ФСГС. 2018; Социально-экономическое положение России – 2018 г. / ФСГС. 2018; Социально-экономическое положение России – 2019 г. / ФСГС. 2019.

Свидетельствует ли это о том, что кризис действительно закончился в 2016 г. и сейчас мы наблюдаем мучительный восстановительный рост? Формально все выглядит именно так. Если не считать отрицательного темпа прироста сельскохозяйственного производства в 2018 г., снижения темпов роста внешнеторгового оборота и дефляционного срыва цен производителей по итогам 11 месяцев 2019 г., то темпы прироста по всем остальным секторам после 2017 г. стабильно положительны. Правда, при взгляде на таблицу 1 нельзя не отметить постоянно снижающийся темп роста продукции транспорта и объема инвестиций в основной капитал. Первое свидетельствует о реальном торможении производства и обмена, а второе – о том, что реальный

рост экономики все более отодвигается в будущее. Однако существует и более серьезное основание для сомнений в окончательном преодолении кризиса и обоснованности его датирования только периодом 2015–2016 гг. Динамика макроэкономических индикаторов за период 2015–2019 гг. по отношению к последнему предкризисному году (2014) свидетельствует о том, что экономика только в 2019 г. вошла в зону слабого роста. Годом ранее это сделала промышленность. А сельское хозяйство, судя по статистическим показателям, вообще избежало кризиса (табл. 2).

Таблица 2

Динамика макроэкономических индикаторов, %, 2014 = 100

Индикатор	2015	2016	2017	2018	2019*
ВВП	96,3	96,1	97,6	99,8	101,0
Промышленность	96,6	97,8	98,8	101,7	104,1
Сельское хозяйство	103,0	107,9	110,5	109,9	114,3
Инвестиции в основной капитал	91,6	91,0	94,9	98,7	99,5
Оборот внешней торговли	66,8	57,8	72,3	85,9	83,1
Реальные доходы населения	95,1	89,6	88,1	88,3	89,0
Индекс потребительских цен	112,9	119,0	123,3	127,0	131,4
Индекс цен производителей	110,7	119,0	128,1	143,2	134,3

Примечание: * январь – ноябрь 2019 г. к январю – ноябрю 2018 г.

Источники: рассчитано по данным: Социально-экономическое положение России. 2017 год / ФСГС. 2018. № 12; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации / ФСГС. 2018; Социально-экономическое положение России – 2018 г. / ФСГС. 2018; Социально-экономическое положение России – 2019 г. / ФСГС. 2019.

Почему же российская экономика до сих пор не может войти в фазу устойчивого роста? Ссылка на то, что «механизмы торможения роста в России носят исключительно политико-институциональный характер»¹, как отмечалось выше, справедлива, но является предель-

---

¹ *Алексащенко С.* Почему дно кризиса еще не пройдено? // Ежедневная деловая газета РБК. 2016.

но общей констатацией давно уже очевидного факта и вполне может объяснять застойный характер экономической динамики на длинных периодах. Однако в коротком периоде необходимо найти более конкретное объяснение, тем более, что кризисы 1998–1999 и 2008–2009 гг., также покоившиеся на политико-институциональной платформе, не переходили в фазу затяжной депрессии. Это тем более важно, что в 2015–2016 гг. формировались и действовали как инвариантные по отношению к институциональному режиму автономные рыночные компенсаторы и стабилизаторы внешнего и внутреннего характера, так и некоторые вполне инклюзивные институты.

Пожалуй, можно назвать пять автономных компенсаторов и стабилизаторов, которые обусловили ограниченность острой фазы кризиса двумя годами. Во-первых, убытки большинства мировых игроков на энергетических рынках обусловили заключение картельного соглашения, в результате которого мировые цены на энергоносители повысились, увеличив доходы российских экспортеров и федерального бюджета. Это позволило влить в экономику дополнительные средства, которые пошли на поддержание доходов домашних хозяйств и уровня государственного спроса. Во-вторых, девальвация рубля позволила уменьшить внешнюю задолженность и выиграть время для переключения финансирования инвестиций и оборотных средств с внешних на внутренние источники. В-третьих, девальвация рубля стимулировала экспорт и поддержала профицит торгового баланса. В-четвертых, экономические агенты адаптировались к новому масштабу цен. В-пятых, потребители исчерпали запас терпения и от стратегии отложенного потребления перешли к стратегии потребления в счет ожидаемых доходов.

Кроме того, внеэкономические внешние шоки активизировали процессы точечной корректировки внутренней институциональной среды в направлении частичного отхода от начетническо-ученической концепции «невидимой руки» в пользу создания фрагментарной промышленной политики. Это коснулось, прежде всего, сельского хозяйства и сопряженных отраслей пищевой промышленности, которые оказались под «зонтиком» продовольственных анти-санкций, а также некоторых подотраслей, инкорпорированных в оборонный комплекс, многие из которых на фоне политического кризиса не просто получили дополнительные ресурсы для развития, но были заново созданы, сформировав целые сектора нового спроса.

Этого, однако, не хватило для формирования устойчивого экономического роста на основе эндогенных факторов. Российская экономика, выйдя из полосы острого кризиса, столкнулась с весьма неприятной реальностью: вместо восстановительного роста она попала в фазу «восстановительной стагнации». Сохраняя консервативность институциональной среды в качестве официальной экономической политики, Россия столкнулась с новым «неожиданным» внешним шоком. Таким шоком стало торможение мировой экономики, которая, не до конца преодолев последствия глобальной рецессии 2007–2008 гг.¹, столкнулась с серьезными институциональными вызовами², ускорившими деформацию либеральной экономики как глобальной институциональной платформы экономических взаимодействий.

Невозможно однозначно оценить, является ли это торможение ответом на тактические «операции» США, направленные на обеспечение преимуществ в рамках вероятной новой конфигурации глобальных торгово-экономических институтов, или же мировая экономика втягивается в очередной финансово-экономический кризис. Грань между тактическими маневрами и глобальной рецессией трудноуловима и вряд ли может контролироваться даже ключевыми игроками в мировой экономике. Пока прогнозы развития ухудшаются только в краткосрочном периоде. Так, для развитых экономик темпы роста в 2020 г. прогнозируются на очень низких уровнях, порядка 102% в год для США и порядка 101,5% для зоны Евро и Великобритании. Экономика Японии скатывается в очередную рецессию, показывая темпы роста в 99% в 2019 г. со снижением до 96% в 2020 г. Несколько лучше обстоят дела в странах с развивающейся экономикой, для которых средний темп роста прогнозируется 104,7% в 2020 г., формируясь в основном темпами азиатских развивающихся

---

¹ Ершов М.В., Танасова А.С. Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. № 12.

² Одним из наиболее очевидных и разрушительных по краткосрочным последствиям является кризис глобального регулирования мировой торговли, проявляющийся в масштабных торговых войнах (США – КНР, США – ЕС) и массовом применении экономических санкций в качестве инструментов получения торговых, финансово-экономических и политических преимуществ.

экономик, прогнозируемыми на уровне 106–106,2%, в том числе 106% для китайской и 107,2% для индийской экономик (табл. 3).

Таблица 3

**Темпы экономического роста в странах мира,
% к предыдущему году**

Страна	2017	2018	2019*	2020*
Мир в целом	103,8	103,6	103,2	103,5
США	102,2	102,4	102,6	101,9
ЕС	102,4	101,9	101,3	101,6
Япония	101,9	100,8	100,9	100,4
Китай	106,8	106,6	106,2	106,0
Россия	101,6	102,3	101,2	101,9
СНГ без РФ	103,5	103,9	103,5	103,7

Примечание: * – прогноз МВФ.

Источник: Мировой рост продолжает оставаться вялым / МВФ. Июль 2019.

При этом риски накапливаются как в финансово-экономической сфере, так и в институциональной среде. В частности, все в большей степени экономический рост поддерживается за счет ускоряющегося роста фондовых рынков в развитых странах и наращивания государственного долга, уровень которого во многих странах достиг максимально возможных значений с точки зрения поддержания экономического равновесия. Для поддержания темпов роста используется стратегия монетарного смягчения, но в условиях минимальных (и даже отрицательных) значений учетных ставок центральных банков эффективность этой стратегии становится все более проблематичной¹.

Вместе с тем, появляются и свидетельства вероятности более длительных негативных процессов в мировой экономике. В частности,

---

¹ *Ершов М.В., Танасова А.С.* Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019.

эксперты ожидают, что темп прироста мирового экспорта будет оставаться ниже показателей динамики ВВП вплоть до 2024–2025 гг.¹

Тот факт, что темпы роста российской экономики сейчас и в краткосрочной перспективе находятся на уровне развитых экономик, может успокаивать и даже радовать только очень убежденных апологетов «западного пути», для которых, очевидно, закрепление экономического провала 2015–2016 гг. является нормальным состоянием. Для всех остальных такое состояние ненормально. Официальной доктриной на 2018–2024 гг. в России является опережение или хотя бы удержание на уровне «среднемировых» темпов экономического роста, которые, кстати, поддерживаются остальными странами, входящими в СНГ. То есть, учитывая сползание части мировой экономики в зону низких темпов роста, ориентиром для России становится среднегодовой темп роста 103–104%, или 127–127,5% в целом за период. Учитывая, что темп роста в 2018–2020 гг. составит не более 105,5–106%, на 2021–2024 гг. для выполнения «политического норматива» необходимо обеспечить среднегодовой темп роста на уровне 104,6–104,7%. Это, как отмечалось выше, соответствует сегодняшним темпам экономического роста развивающихся стран. Впрочем, сам по себе темп роста является не более чем статистической иллюстрацией успехов или неудач в реализации экономических целей, которые стоят перед страной. «Красивая» сравнительная статистика не является такой целью, а вот реальный прогресс уровня и качества жизни в стране является. Основа для такого прогресса – сокращение разрыва в среднедушевом национальном «богатстве» между Россией и развитыми странами мира, при всех условностях измерения этого показателя. Пока наблюдается пятикратное отставание России от развитых стран мира по этому показателю².

Но способна ли в нынешнем состоянии политических и экономических институтов российская экономика на прорыв в области темпов роста? Ничего сверхъестественного в таких ожиданиях нет, тем более что российская экономика уже демонстрировала темпы

---

¹ Сокращение внешнеторгового оборота России в условиях замедления роста мировой экономики // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. Выпуск № 56. Декабрь.

² Повышение роли внутренних реформ на фоне ухудшения прогноза мировой экономики. Доклад об экономике России / Группа Всемирного банка. 2019.

роста в 106–108% в год (в первой половине 2010-х гг.). И в настоящее время «нашу экономику легко разогнать до 4–5% роста в год за счет внутренних финансов»¹, но вот внутренние финансы как раз и оказываются почти непреодолимым барьером. Вернее, отсутствие этих финансов. Если судить по маневрам 2018–2019 гг. в области экономической политики в целом, и денежно-кредитной в частности, которые сводятся к стремлению любой ценой обеспечить незыблемость «учебно-неоклассического» курса даже ценой обеспечения стабильности рецессии российской экономики, «разгон» российской экономики весьма проблематичен.

Главный вопрос заключается в способности обеспечить транзит экспортных доходов в эффективные проекты развития, стимулировать увеличение внутреннего потребительского и предпринимательского спроса, гарантировать долгосрочное финансирование инвестиций в основной и оборотный капитал, поддерживать адекватную требованиям экономики денежно-кредитную и налоговую политику. Пока ответы на все эти вопросы отрицательны, хотя реальные факты ясно показывают, что даже незначительные отступления от «верноподданнического неоклассического фундаментализма» дают удивительно обнадеживающие результаты.

Так, например, даже очень осторожное смягчение денежно-кредитной политики в середине и осенью 2019 г. в форме снижения Центральным банком ключевой ставки и ускорение расходования средств государственного бюджета подтолкнуло спрос и обеспечило в III квартале 2019 г. прирост ВВП на 1,7% год к году. При этом рост промышленного производства увеличился примерно на 0,4% по отношению к III кварталу 2018 г. с учетом сезонности. Оживление динамики роста отмечалось и в октябре.

Тем не менее монетарные власти продолжают упорствовать в проведении жесткой денежно-кредитной политики, настаивая на том, что контролирование инфляции и выполнение «бюджетного правила» являются безальтернативным императивом. При этом поклонников «классического монетаризма» совершенно не смущает то, что, согласно прогнозам самого Центрального банка, при темпе инфляции в 2020 г. 103,5–104% темп экономического роста не превысит 101,5–

---

¹ Миркин Я. Администрация роста // Российская газета. 2020. 3 февраля. № 22 (8076).

102%¹. Если раньше маниакальное стремление подавить предложение денег можно было объяснить начетничеством и наивностью вновь приобретенных к монетарной теории, то к настоящему времени такое объяснение не может быть принято. Все очевиднее то, что мировые экономики с легкостью предадут забвению теоретические догмы ради формирования условий экономического роста². Но в России экономическая политика со все большим упорством концентрируется на «стерилизации» экономики, «освобождении» ее от ресурсов развития при столь же упорном декларировании верности экономическому росту. Финансовые ресурсы изымаются из экономики страны в результате солидарных усилий самого Центрального банка и правительства.

Первый планирует сокращение в 2020 г. объема валового кредита коммерческим банкам при увеличении объема их средств, размещаемых на депозитах в самом Центральном банке. Центральный банк, очевидно, полагает, что накопленный к октябрю 2019 г. профицит ликвидности в коммерческих банках в размере более 2 трлн руб.³, которые, по прогнозам, могут превратиться в 5 трлн руб. уже к 2023 г., могут стать угрозой для российской экономики. От этой угрозы политика регулятора «охраняет» экономику, вымывая ликвидность, которая может привести к росту кредитной массы, а тем самым в значительной степени блокирует все остальные факторы экономического роста.

Однако существует еще и механизм изъятия денег из экономики через повышенные процентные ставки по кредитам, как для бизнеса, так и для домохозяйств. Этот механизм прост, но эффективен, правда не для российской экономики: произведенный в экономике доход аккумулируется на счетах в коммерческих банках, которые частично используют его для кредитования по завышенной цене (учетной ставке) бизнеса или домашних хозяйств; в результате снижения спроса на деньги и повышения ставки дохода банков у последних образуются излишки, которые аккумулируются Централь-

---

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов / Банк России. М., 2019.

² *Ершов М.В., Танасова А.С.* Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019.

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов / Банк России. М., 2019.

ным банком уже на своих счетах (депозитах коммерческих банков). Таким образом, экономика остается без денег (во всяком случае длинных денег), а макроэкономические регуляторы рапортуют о низкой инфляции.

Еще одним «эффективным институтом», тщательно «стерилизующим» экономику, является правительство, а особенно Министерство финансов РФ. Опираясь на «бюджетное правило», последнее азартно выводит ликвидность из экономики, скупая иностранную валюту через все тот же Центральный банк. Только в 2018 г. объем закупок валюты составил около 4 трлн руб. Эти деньги были изъяты из российской экономики и перелиты в экономику «западных партнеров».

Еще одним способом изъятия финансовых ресурсов из российской экономики, ограждающим ее от роста, является профицит бюджета. В 2018 г. он составил 2,7 трлн руб., а за 11 месяцев 2019 г. – 3,1 трлн руб.¹ В проекте бюджета на 2020–2022 гг. предусмотрено превышение доходов над расходами в размере от 0,8 до 0,2% ВВП. То есть за 2018–2022 гг. суммарный профицит можно оценить в 7,5 трлн руб., или порядка 1,1–1,3% суммарного ВВП за эти годы. Конечно, речь здесь идет только о федеральном бюджете, профицит консолидированного бюджета РФ составил только за 2018 г. и 11 месяцев 2019 г. более 7,2 трлн руб.²

Конечно, сам по себе профицит бюджета еще не тормозит экономический рост, хотя можно привести примеры, показывающие, что рост весьма благополучно сосуществует с дефицитом бюджета³. Более того, при четко организованном механизме трансферта дополнительных доходов в экономику, в наиболее эффективные точки приложения капитала и труда профицит может стать одним из существ-

---

¹ Социально-экономическое положение России. 2019 год / ФСГС. 2019.

² Там же.

³ «...В США за последние 44 года ...накопленный дефицит бюджета составил почти 14 трлн долл., а прирост американского ВВП – почти 19 трлн. В Великобритании ...накопленный дефицит составил 1,6 трлн ф. ст., а прирост ВВП – 1,8 трлн...» (цитируется по: *Ершов М.В., Танасова А.С.* Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. С. 20).

венных источников роста. Но вот вымывание ликвидности из экономики, что приобрело в России статус устойчивого института, как раз и блокирует экономический рост.

Согласно «бюджетному правилу» дополнительные доходы бюджета должны конвертироваться в иностранную валюту и направляться в Фонд национального благосостояния, инвестирование средств которого допускается лишь после достижения им размера в 7 трлн руб., который достигнут уже в 2019 г. (7,95 трлн руб. по состоянию на 1 декабря)¹. При этом оказывается, что, например, в 2019 г. из 2 трлн руб. бюджетного профицита 1,7 трлн руб. аккумулированы Министерством финансов РФ через выпуск облигаций государственного займа, в закупках которых все явственнее проявляется заинтересованность зарубежных инвесторов. Получаем весьма простую, но никак не поддающуюся логическому объяснению схему (если считать логичной деятельность по стимулированию экономического роста): наращивание государственного долга для формирования профицита бюджета, который расходуется на приобретение валюты с последующим ее размещением согласно рекомендациям МВФ в резервных фондах и на зарубежных счетах, причем основных экономических конкурентов России – США, ЕС, КНР. Есть только две «разумные» причины такой «стратегии». Во-первых, поддержание функционирования фондового рынка и привлечение в страну «горячих капиталов», ориентированных на высокие ставки доходности российских бумаг (основная масса бумаг торгуется по ставкам 6,2–7,2% годовых), которые на фоне падения ставок доходности практически всех серьезных эмитентов долговых обязательств являются лакомством для международных и российских финансовых спекулянтов. Во-вторых, упомянутое вымывание ликвидности с российского рынка.

Помимо стерилизации ликвидности банковская система блокирует экономический рост с помощью запретительных барьеров на пути получения инвестиционных кредитов. Доступ к «длинным деньгам» перекрывается высокими процентными ставками. Притом, что в коммерческих банках избыток ликвидности составляет порядка 2 трлн руб., средние процентные ставки по кредитам нефинансовым

---

¹ Социально-экономическое положение России. 2019 год / ФСГС. 2019.

организациям на срок свыше трех лет составляют 8,5% в год¹. Конечно, можно сослаться на то, что на депозитах юридических лиц остатки на конец 2019 г. составляли 22,9 трлн руб. и еще более 29 трлн руб. составляют остатки на депозитах физических лиц², что вполне покрывает потребность в «длинных деньгах», учитывая, что на 1 декабря 2019 г. общая сумма предоставленных кредитными организациями средств юридическим лицам на срок свыше одного года составила 29,7 трлн руб.³ Но это утверждение свидетельствовало бы либо о безграмотности, либо о лицемерии по следующим причинам.

С одной стороны, население не станет инвестировать в стагнирующую экономику, тем более, что рассматривает свои сбережения как «запас на черный день». Как упоминалось выше, реальные доходы населения практически не растут, и в этих условиях нарастает кредитная нагрузка на домохозяйства. Объем задолженности по кредитам, полученным населением, за вычетом ипотечных кредитов, составил на декабрь 2019 г. 9,9 трлн руб., увеличившись по сравнению с декабрем 2018 г. на 1,6 трлн руб.⁴

С другой стороны, бизнес будет инвестировать только тогда, когда степень доверия к экономической политике государства станет выше, чем оценка риска от ныне проводящейся политики. Кроме того, что само государство блокирует факторы роста в экономике, оно еще и осуществляет изрядное давление на бизнес, причем не только административное, но и чисто экономическое. Так, например, за 2015–2018 гг. размер начисленных налогов и сборов увеличился в 1,7 раза⁵.

В целом, можно сделать вывод, что российские экономические институты настроены таким образом, чтобы щедро финансировать экономический рост за границей, но тормозить российский экономический рост, осушая его финансовую базу, блокируя рост деловой активности и потребительского спроса.

---

¹ Социально-экономическое положение России. 2019 год / ФСГС. 2019. С. 197.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Рассчитано по данным Российской налоговой службы. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: январь 2020).

Заключение

Исследования по проблемам международных экономических взаимодействий как важнейшего условия освоения и функционирования хозяйства советского (российского) Дальнего Востока развернулись широким фронтом с 1960-х гг. Выдвижение концепции ориентации экономики региона на внешние рынки соседней Северо-Восточной Азии, в первую очередь проходящей активную фазу первичной индустриализации Японии, означало фундаментальное изменение экономической стратегии регионального развития. Конечно, функционирование и развитие экономики по-прежнему опиралось на централизованные финансовые и материально-технические ресурсы, а степень интегрированности регионального хозяйства, значительную часть которого составляли отрасли военно-промышленного комплекса и обслуживающие их отрасли производственно-технического и социального характера. Но нарастающий дефицит централизованных ресурсов заставлял все в большей степени концентрировать их на поддержании и развитии критически важных компонентов собственно оборонного комплекса. Даже поддержание и развитие обеспечивающей их нужды региональной экономической и социальной структуры. Это не только привело к накоплению диспропорций в региональном хозяйственном комплексе, но, и это самое главное, поставило под вопрос возможность сколько-нибудь упорядоченного развития региона на основе собственного экономического, социального и ресурсного потенциалов. Подключение внешнего рынка в этих условиях представлялось действительно единственным доступным способом получения дополнительных производственно-экономических ресурсов для развития, в том числе и за счет привлечения новых технологических возможностей, а также расширения масштабов совокупного спроса на продукцию невоенных секторов экономики.

Появление внешнего компонента экономического развития региона, однако, требовало решения ряда фундаментальных проблем как практического, так и научного характера. В числе этих проблем – оценка размеров доступных внешних рынков для отдельных групп товаров и сравнительных конкурентных условий поставок их продукции, определение эффективных форматов и механизмов внешнеэкономического взаимодействия, оценка реакции региональной социально-экономической системы на различные режимы и масштабы открытия внешнего контура экономических взаимодействий, оценка форм и масштабов интеграционных процессов, происходящих в сопредельных странах Северо-Восточной Азии и возможности согласования производственно-технологических и институциональных режимов в СССР / России и США. Все эти и многие другие вопросы были совершенно новыми для традиционной системы организации и специализации экономической науки в СССР / России и не могли быть решены без масштабной организационной, предметной и методической модернизации в рамках структуры и распределения кадровых и финансовых ресурсов в рамках регионального научного комплекса.

В 1960-х–1970-х гг. это обусловило появление нескольких исследовательских групп (в Хабаровске, Южно-Сахалинске, Магадане, на Камчатке), которые с разной степенью детализации и с разными структурными акцентами проводили исследования в этих направлениях. Спрос на научные результаты постоянно обгонял возможности самих исследователей. Первоначальная концентрация на прибрежной и приграничной торговле уже в 1960-х гг. дополнилась проблемами инвестиционных компенсационных соглашений, многократно усложнявшимися и расширяющимися по масштабам вплоть до конца 1980-х гг. В конце 1970-х и далее в 1980-х гг. исследовательская область расширилась за счет прогнозируемого вовлечения в орбиту внешнеэкономических взаимодействий ресурсов в зоне строящейся железнодорожной магистрали БАМ. Во второй половине 1980-х гг. проблематике внешнеэкономических исследований существенно увеличилась в результате начала интенсивного международного инвестиционного сотрудничества и реализации на этой основе новых масштабных интеграционных программ в отраслях специализации, особенно лесной и рыбной промышленности.

В 1990-х гг. степень сложности и масштаб решаемых в этих направлениях задач еще более увеличилась. Традиционные торговые

взаимодействия были дополнены попытками глубокой экономической интеграции в разных сферах – на транспорте, в минерально-сырьевом комплексе, электроэнергетике. Новым направлением исследований стали проблемы формирования и функционирования совместных и иностранных предприятий на Дальнем Востоке. Значительно увеличилось количество восточноазиатских стран, торгово-экономические и инвестиционные взаимодействия с которыми стали предметом исследования. Кроме Японии все более важными партнерами по международному сотрудничеству стали Китай, Республика Корея, страны АСЕАН, Индия, США. Важным направлением исследований стали проблемы изучения и потенциала совмещения институционального режима, в частности формирование специальных экономических зон, в том числе международных (например, исследования по проблемам проекта «Золотой дельты» – международной торгово-экономической зоны Туманган).

Автор настоящей книги принимал участие во многих из вышеупомянутых разработках и выступал в качестве руководителя по ряду направлений. Ограниченный объем книги не позволяет отразить все исследования автора в области международных экономических взаимодействий в эти периоды. Их результаты, изложены в многочисленных монографических работах и статьях 1970–1990 гг. В книге изложены только те результаты исследований автора, которые были получены в новейший период после 2000 г.

Главной отличительной чертой исследований международных экономических взаимосвязей в этот период стало появление разработок в области теории и эмпирических оценок последствий мировых экономических циклов и кризисов, которые начиная с кризиса 1994 г. самым непосредственным образом влияли как на международные экономические взаимодействия в целом и на экономику России и ее Дальнего Востока, отражая возрастающую степень интегрированности страны и региона в глобальную экономику.

Первый раздел книги посвящен полученным автором результатам именно в этой области, особенно начиная с кризиса 1997–1998 гг. Показано, что фундаментальной основой мировых кризисов и их влияния на национальные экономики через «эффект заражения» является возрастающая степень глобализации и превращение финансовых взаимодействий в основной фактор цикличности мирового хозяйства, деформирующий классическую циклическую динамику экономической конъюнктуры. Особое внимание уделено анализу

особенностей и последствий проявления мировых кризисов в экономике России, а именно тому обстоятельству, что кроме универсального эффекта заражения, усиливающегося по мере открытия национального финансового рынка, фундаментальной причиной периодических кризисов российской экономики являются дефекты внутренней институциональной среды.

Исследования, отраженные во втором разделе книги, посвященном закономерностям и проблемам международной экономической интеграции с акцентом на субглобальную интеграцию в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира, показали отсутствие унифицированной интеграционной модели. Считавшаяся в течение длительного времени универсальной и практически классической европейская интеграционная модель не могла быть имплементирована в регионе Восточной и Северо-Восточной Азии. Фактически возникла новая интеграционная модель, в которой развитие торгово-экономических взаимодействий играют роль цели интеграционных процессов, а не «спускового крючка» как в случае с Европейским экономическим союзом. Сами же торгово-экономические взаимодействия конструируются в рамках как взаимосвязанных, так и конкурирующих форматов, включающих двусторонние и многосторонние торговые союзы и блоки. Важной особенностью торгово-экономической интеграции в АТР является то, что финальной формой предстают взаимодействующие и конкурирующие зоны свободной торговли, а конечной целью является увеличение совокупной емкости рынков стран-участников и создание общедоступных эффективных инфраструктурных сетей. Формирование единого институционального и политического пространства, унификация национальных экономических политик под эгидой единого управляющего центра и общих институтов вплоть до создания общей валюты и единого финансового рынка не рассматриваются даже в отдаленной перспективе. Для России в этой ситуации существенным обстоятельством, ограничивающим перспективы включения в эти интеграционные процессы, является закрепившаяся за ней и усиленно самой же Россией продвигаемая роль чистого поставщика замыкающих ресурсов и материалов. Не будучи в состоянии выполнять роль монопольного поставщика ни по одному виду сырья и первичных материалов, Россия при этом готова интегрировать свой внутренний рынок лишь в качестве импортера отдельных видов готовой продукции, что не предполагает интеграции в производственно-технологическом и финансовом смысле. Пер-

спективы усиления взаимной торговли на основе производственно-технологической и финансовой кооперации пока являются туманными даже в условиях декларируемого вот уже более 10 лет «поворота на восток».

Как следствие, и это является основным содержанием третьего раздела книги, количество проблем на пути торгово-экономической и особенно производственно-технологической кооперации, а, следовательно, и включения российского Дальнего Востока в восточноазиатские интеграционные процессы и форматы, значительно превышает количество эффективных решений в этом направлении. Дальний Восток в значительно большей степени, чем вся российская экономика, продолжает развиваться в системе международного разделения в рамках смитовской парадигмы «абсолютных преимуществ» тогда, как экономическая система Северо-Восточной и Восточной Азии в значительной степени функционирует в рамках модели сравнительной эффективности. Устранение разноразмерной модели взаимодействия является главным препятствием с точки зрения прогресса экономической интеграции региона с экономиками стран АТР и США. Это устранение требует огромных институциональных усилий, прежде всего изменения парадигмы экономического целеполагания и институционально-инструментальных основ экономического регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акулова Е.* Обходя запреты: как экономике КНДР в условиях санкций удалось обогнать США и Южную Корею // ТВ-Новости. 2017. 26 июля. URL: <https://russian.rt.com/business/article/412482-severnaya-koreya-ekonomicheskii-rost> (дата обращения: март 2018).
2. *Алексащенко С.* Почему дно кризиса еще не пройдено? // РБК. 2016. 29 июня. № 113 (2369). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/29> (дата обращения: январь 2020).
3. *Алексеева Н.* Элементы высоких технологий: как мировые державы борются за рынок редкоземельных металлов // ТВ-Новости. 2018. 4 марта. URL: <https://russian.rt.com/world/article/488763-redkozemelnye-metally-dobycha-rossiya-ssha-kitay> (дата обращения: июль 2018).
4. *Антонова Н.Е., Бардаль А.Б., Калашиников В.Д., Кучерявенко В.Е., Ломакина Н.В., Минакир П.А.* Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 134–158. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2009.3.134-158>
5. *Бакланов П.Я., Каракин В.П., Романов М.Т., Ермошин В.В.* Неиспользованные возможности транспортного потенциала Приморья для выхода прилегающих регионов СВА к Тихоокеанскому побережью РФ // Вестник транспорта. 2017. № 11. С. 8–11.
6. *Бардаль А.Б., Демьяненко А.Н., Демина О.В., Демина Я.В., Ломакина Н.В., Минакир П.А.* К вопросу о трехстороннем экономическом сотрудничестве республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
7. *Батырь В.А.* Российско-северокорейский проект «Хасан – Раджин» в системе международных экономических ограничений (неприступный российско-китайский бастион в КНДР) // LEX RUSSICA. 2018. № 4. С. 53–69.
8. *Белов А.В.* К созданию банка развития Северо-Восточной Азии: возможные пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2002. № 3/4. С. 23–31.
9. *Брагинский С.В.* Кредитно-денежная политика в Японии. М.: Наука, 1989. 196 с.
10. *Брагинский С.В.* Перестройка системы финансирования японской экономики и макроэкономической политики // Япония: смена модели экономического роста. М.: Наука, 1990. С. 250–279.

11. *Бутенко Ф.П.* Перемены в России и Китае: сходство и различие. М.: Эпикон, 1998.
12. *Бутрин Д.* Экономическая баллистика // *Коммерсантъ*. 2018. 2 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3561293?google_editors_picks=true (дата обращения: март 2018).
13. *Бутрин Д., Шаповалов А.* Не доллар, а руководство к действию // *Коммерсантъ*. 2018. 3 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3759654> (дата обращения: январь 2022).
14. *Бухвальд Е.М., Валентик О.Н.* Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 72–84.
15. *Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р.* Иностранные инвестиции в регионы России и Китая // *Проблемы прогнозирования*. 2004. № 5. С. 101–115.
16. Валютная структура расчетов за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым договорам / Банк России. 2021. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: январь 2022).
17. *Васильева О.Г., Деваева Е.И., Котова Т.Е., Минакир П.А., Рензин О.М., Рыжова Н.П., Сулов Д.В.* Перспективы экономической интеграции Тихоокеанской России с экономиками Восточной Азии // Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 658–668.
18. *Виноградова Е., Деготькова И.* Путеводитель по санкциям и ограничениям против России. Главное // РБК. 2022. 28 февраля. URL: https://www.rbc.ru/business/28/02/2022/621a20109a79471f8295dade?#chapter_1 (дата обращения: январь 2022).
19. *Вислогузов В.* «Недружественную» валюту убрали из ФНБ // *Коммерсантъ*. 2021. 7 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4889391> (дата обращения: январь 2022).
20. *Воропай Н.И., Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю.* Международная кооперация для формирования межгосударственного энергообъединения в Северо-Восточной Азии и роль восточных регионов России // *Пространственные исследования на Дальнем Востоке России: проблемы, результаты, перспективы: мат-лы международной научно-практической конференции (5 декабря 2017 г., Хабаровск)* / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. С. 17–27.

21. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
22. *Ганишин Г.А.* Экономика КНР: реформа и развитие. М., 1997.
23. Глава Минвостокразвития предложил КНДР упростить визовый режим для россиян // ТВ-Новости. 2018. 22 марта. URL: <https://russian.rt.com/world/news/494681-uprostit-vizovyi-rezhim-kndr> (дата обращения: октябрь 2018).
24. Глобальная экономика возвращается к росту // Коммерсантъ. 2017. 7 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (дата обращения: июль 2017).
25. *Голяшев А., Григорьев Л., Курдин А., Коломиец А., Некраш А., Федоренко Д., Федоров С.* Новая диверсификация на рынках газа // Энергетические тренды. 2022. Вып. № 107. 16 с.
26. *Горюнов А.П.* Мировой финансово-экономический кризис и его российские проявления // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 32–46. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2009.2.032-046>
27. *Горюнова Н.П., Минакир П.А.* Финансовые кризисы на развивающихся рынках / отв. ред. С.Н. Леонов; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006. 215 с.
28. *Гранберг А.Г.* Россия в Тихоокеанском сообществе: роль РНКТЭС // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 4–5.
29. *Григорьев Л., Салихов М.* Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 27–45. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-12-27-45>
30. Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2002. 434 с.
31. Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2005. 80 с.
32. Дальний Восток России: экономический потенциал / под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Хабаровск: РИОТИП. 1999. 594 с.
33. *Данкевич А.И., Игнацкая М.А.* Восточная и Юго-Восточная Азия: финансово-экономический кризис и его последствия // Деньги и кредит. 1999. № 3.

34. *Деваева Е.И.* Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 208 с.
35. *Деваева Е.И., Горюнов А.П., Котова Т.Е., Изотов Д.А.* Оценка последствий присоединения России к ВТО для внешней торговли Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2005. № 3. С. 64–84. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2005.3.064-084>
36. *Деваева Е.И., Котова Т.Е.* Российское Дальневосточье и АТР: внешнеторговый аспект // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 6. С. 45–52.
37. *Деготькова И.* Эксперты предложили России создать новую платежную единицу // РБК. 2022. 30 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/03/2022/6242deaa9a79476061873005?from=newsfeed> (дата обращения: апрель 2022).
38. *Дементьев Н.П.* Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // *Российский экономический журнал*. 2017. № 2. С. 56–69.
39. *Дементьев Н.П.* Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2017. № 1. С. 251–255.
40. *Дёмина О.В.* Перспективы развития экспорта российской электроэнергии в страны СВА // *Регионалистика*. 2018. Т. 5. № 3. С. 59–67. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.3.59>
41. *Дёмина О.В., Минакир П.А.* Энергетика России и Дальнего Востока // *Развитие Дальнего Востока России в контексте будущего Северо-Восточной Азии* / под ред. Ли Чжэ Ёна, П.А. Минакира; Корейский институт международной экономической политики; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. С. 74–81.
42. *Демченко Н.* В МВФ заявили о риске ослабления позиций доллара из-за санкций // РБК. 2022. 31 марта. URL: <https://www.rbc.ru/finances/31/03/2022/62452f979a7947a714e8e4cc> (дата обращения: апрель 2022).
43. *Динамика потребительских цен в России в период спада экономики* // *Бюллетень социально-экономического кризиса в России*. 2016. № 9. Январь. 20 с.
44. *Долг России предложили нарастить до 150 процентов ВВП* // *Lenta*. 2017. 3 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (дата обращения: июль 2017).

45. *Долженков А., Обухова Е.* Рубль идет на таран // Эксперт. 2022. 27 марта. URL: <https://expert.ru/expert/2022/13/rubl-idet-na-taran/?ny> (дата обращения: апрель 2022).
46. *Дэн Сяопин.* Избранное. Том II (1975–1982). Пекин: Изд-во литературы на иностранном языке, 1983. 554 с.
47. Ежегодный обзор рынка лесных товаров ЕЭК ООН / ФАО, 2006–2007 годы. Нью-Йорк; Женева, 2007. 260 с.
48. *Ершов М.* Кризис 2008 года: «момент истины для глобальной экономики» и новые возможности для России // Вопросы экономики. 2008. № 12. Рр. 4–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-12-4-26>
49. *Ершов М.В., Танасова А.С.* Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-5-23>
50. *Захарова Л.В.* Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 238–248.
51. *Захарова Л.В.* К вопросу об иностранных инвестициях в КНДР. 2013. URL: <http://onekorea.ru/2013/04/27/rossijskie-investicii-v-severnoj-koree/> (дата обращения: июль 2018).
52. *Захарова Л.В.* Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 101–111.
53. *Захарова Л.В.* Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 15–21.
54. Золотая книга российского предпринимательства. Ч. 2. М.: АСМ, 1998. 672 с.
55. Золотовалютные резервы страны в 1991 году: записки Ю.В. Полетаева, В.В. Геращенко и А.П. Носко в Правительство СССР и Президенту СССР в ноябре 1991 г. 2011. URL: <http://gaidarfund.ru/articles/1061/> (дата обращения: август 2018).
56. *Иванов Ф.* Экономика России перешла в стадию роста. 2017. URL: <https://rns.online/articles/Экономика-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (дата обращения: июль 2017).
57. *Ивантер В.В.* Стратегия перехода к экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 1. С. 3–7.
58. *Изотов Д.А.* Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.

59. *Ильин В.А., Морев М.В.* Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4. С. 9–34.

60. Инвестиционный климат России 2012: опрос существующих и потенциальных инвесторов / Консультативный совет по иностранным инвестициям. М., 2012. 26 с.

61. *Интрилигатор М.* Шокирующий провал «шоковой терапии» // Реформы глазами американских и российских ученых / под общ. ред. О.Т. Богомолова. М., 1996. С. 129–136.

62. *Исаев А.Г.* Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77. <https://dx.doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2017-4-61-77>

63. *Иццоки О.* Валютный кризис 2014–2015 годов // Ведомости. 2015. 12 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/news/38130981/valyutnyj-krizis-20142015-gg?full#cut> (дата обращения: январь 2022).

64. *Ишаев В.И., Минакир П.А.* Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 140 с.

65. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. 496 с.

66. *Киреу Е., Мовчан А.* Формула рубля. Как рассчитать курс российской валюты в любой момент времени / Московский центр Карнеги. 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/73225> (дата обращения: январь 2022).

67. *Кирьянов О.В.* Россия – КНДР: проект «Хасан – Раджин» // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 65–68.

68. *Кирьянов О.В.* Экономические и политические аспекты российско-северокорейского проекта «Хасан – Раджин» // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 386–398.

69. *Коган Г., Селезнев М.* С обильным застоем // Lenta. 2017. 6 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/06/ageofrise/> (дата обращения: июль 2017).

70. *Комлев С.* Двухсекторная модель перехода к рыночной экономике // Экономические науки. 1991. № 4. С. 46–58.

71. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики // Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 170–412.

72. Корейский вопрос и интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии. М.: Горбачев-Фонд, 2005. URL: https://www.gorby.ru/activity/conference/show_453/view_23999/ (дата обращения: март 2022).
73. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 608 с.
74. Королева А. Новый бенчмарк на газ // Эксперт. 2022. 24 марта. URL: <https://expert.ru/2022/03/24/zapad-v-shoke-ot-gaza-za-rubli/> (дата обращения: март 2022).
75. Кошкина Ю. Аналитики оценили вклад угрозы санкций в ослабление рубля // РБК. 2020. 8 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/09/2020/5f565b349a79476d75b6bb4a> (дата обращения: январь 2022).
76. Кравцевич А. Общественное предпринимательство в Японии. М.: Наука, 1988. 302 с.
77. Кравцевич А.И. Политика рационализации промышленности Японии: уроки для России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио: НИИ промышленной политики; НИИ национальной экономики, 1995. С. 57–140.
78. Кравцевич А.И. Японский опыт реформ и задачи России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио: НИИ промышленной политики; НИИ национальной экономики, 1995. С. 1–56.
79. Крах или ренессанс. Ждет ли мировую экономику глубокий кризис // Агентство экономической информации. 2022. 16 мая. URL: <https://1prime.ru/exclusive/20220516/836889233.html> (дата обращения: май 2022).
80. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 9–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-1-9-27>
81. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
82. Кузнецова О.В. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ». 2009. № 1. С. 32–39.
83. Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Том 8. № 6. С. 47–62.

84. *Кузнецова О.В.* Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 3. С. 132–142.

85. *Кузнецова О.В.* Формальная и реальная роль российских регионов в привлечении иностранных инвестиций (по статистике Центробанка) // *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика*. 2016. С. 235–245.

86. *Кузнецова О.В., Кузнецов А.В.* Системная диагностика экономики региона. М.: КомКнига, 2006. 232 с.

87. *Кукла М.П.* Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 61–71.

88. *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия / *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.

89. *Латышева А.* Вопросы трудовых мигрантов из КНДР обсудят в апреле в Москве. 2018. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/14153/> (дата обращения: июнь 2018).

90. *Лафт Г.* Бунт против доллара может оказаться резче и начаться скорее, чем прогнозирует большинство экономистов // *ИноСМИ.ру*. 2018. 30 августа. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180830/243124908.html> (дата обращения: август 2018).

91. *Левинталь А.Б.* Об итогах реализации решений 7-го заседания Российско-китайского координационного совета по приграничному сотрудничеству // *Материалы 8-го заседания РККС по приграничному сотрудничеству*. Шеньян, 2006. С. 23–24.

92. *Ленин В.И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // *В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 39*. М.: Изд-во политической литературы. 1977. С. 271–282.

93. *Леонов С.Н., Шейнгауз А.С.* Состояние и перспективы экономических связей российского Дальнего Востока и стран Восточной Азии: оценки зарубежных экспертов // *Пространственная экономика*. 2006. № 3. С. 170–177. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2006.3.170-177>

94. *Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор*. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с.

95. *Ли Цзиньвень*. Роль государственного регулирования в реформировании и развитии экономики Китая // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1997. № 25.

96. *Львов Д.С., Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Экономика России на перепутье веков. М.: Управление мэра Москвы, 2000. 85 с.

97. *Маврина Л., Подлинова А.* Минфин поддержит дедолларизацию экономическими стимулами // Ведомости. 2021. 8 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/06/07/873297-minfin-dedollarizatsiyu> (дата обращения: январь 2022).

98. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1954. 932 с.

99. *Матраева Л.В.* Распределение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации: проблемы анализа и причины дифференциации. М.: Дашков и К., 2013. 192 с.

100. *Мау В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 4–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-2-4-23>

101. *Машенских Д.* Специальная экономическая операция // Эксперт. 2022. 25 марта. URL: <https://expert.ru/2022/03/25/spetsialnaya-ekonomicheskaya-operatsiya-rossii/> (дата обращения: март 2022).

102. Медведев предрек экономический крах из-за антироссийских санкций // Агентство экономической информации. 2022. 13 мая. URL: <https://1prime.ru/world/20220513/836881995.html> (дата обращения: май 2022).

103. Международные резервы Российской Федерации / Банк России. 2022. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: январь 2022).

104. *Минакир П.А.* «Программная» экономика: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2. С. 7–16. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.2.007-016>

105. *Минакир П.А.* «Указная» экономика // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 8–16. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2018.2.008-016>

106. *Минакир П.А.* Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 69–84.

107. *Минакир П.А.* Геостратегические константы новой азиатской политики России // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: мат-лы международной научной конференции (Хабаровск, 4–5 декабря 2019 г.) / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследо-

ваний ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАН-ХиГС при Президенте Российской Федерации. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 29–35.

108. *Минакир П.А.* Девальвация рубля: внешние шоки и внутренние проблемы // *Пространственная экономика*. 2018. № 3. С. 7–18. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2018.3.007-018>

109. *Минакир П.А.* Интеграционные проблемы России в АТР // *Пространственная экономика*. 2012. № 2. С. 131–133. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2012.2.131-133>

110. *Минакир П.А.* Интеграция российского Дальнего Востока в АТР и США: возможности и реальности // *Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия* / под ред. Г. Витковской, Д. Тренина; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 11–22.

111. *Минакир П.А.* Концепция деятельности РНКТЭС / Дальневосточный центр, Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Хабаровск – Москва, 2004.

112. *Минакир П.А.* Концепция долговременного развития Дальнего Востока. Препринт научного доклада / Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. 46 с.

113. *Минакир П.А.* Кризис экономический или институциональный? // *Кондратьевские волны*. 2018. № 6. С. 219–229. (Золотая медаль).

114. *Минакир П.А.* Мировой кризис: национальные и региональные реакции // *Пространственная экономика*. 2010. № 1. С. 6–25. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2010.1.006-025>.

115. *Минакир П.А.* Новая восточная политика и экономические реалии // *Пространственная экономика*. 2015. № 2. С. 7–11. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011>

116. *Минакир П.А.* Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029. <https://dx.doi.org/10.17059/2017-4-4>.

117. *Минакир П.А.* От главного редактора // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 7–11. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2014.1.007-011>

118. *Минакир П.А.* Простые рецепты в сложной игре // *Пространственная экономика*. 2015. № 3. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2015.3.007-015>

119. *Минакир П.А.* Развитие Дальнего Востока России и международное сотрудничество: новые направления и вызовы // *Материалы XXXV российско-японского симпозиума ученых-экономистов Дальнего Востока*

России и района Кансай (Япония) / под ред. П.А. Минакира, Вакио Фудзимото; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019. С. 101–109.

120. *Минакир П.А.* Региональная экономическая политика. Стратегия развития Дальневосточного региона. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1997. 86 с.

121. *Минакир П.А.* Реформа системы ценообразования: сравнение моделей // Вестник ДВО РАН. 1996. № 6. С. 3–14.

122. *Минакир П.А.* Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>

123. *Минакир П.А.* Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015>

124. *Минакир П.А.* Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 7–19. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2009.3.007-019>

125. *Минакир П.А.* Россия – Китай на Дальнем Востоке: неожиданная угроза или грозные ожидания // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения (14–15 мая 2009 г.; Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУП, 2009. С. 98–100.

126. *Минакир П.А.* Россия в Северо-Восточной Азии // Движение регионов России к инновационной экономике. М.: Наука, 2006. С. 307–319.

127. *Минакир П.А.* Санкции: политическая риторика и экономические шоки // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 7–11. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2014.3.007-011>

128. *Минакир П.А.* Свободные экономические зоны – механизм инвестиционного мультипликатора // Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2007. С. 235–249.

129. *Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике / под ред. Д.С. Львова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.

130. *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 5–20. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2005.4.005-020>

131. *Минакир П.А.* Транзитивная экономика: макроэкономическая стабилизация // Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-

Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2007. С. 93–144.

132. *Минакир П.А.* Уметь считать // Банковское дело. 2008. № 5. С. 42–47.

133. *Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7–13. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2016.1.007-013>.

134. *Минакир П.А.* Эволюция и революция: уроки векового эксперимента // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 9–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2017.4.009-022>

135. *Минакир П.А.* Экономика и кризис в России и на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 7–25. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2009.1.007-025>

136. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток / под ред. А.Г. Гранберга; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2006. 962 с.

137. *Минакир П.А., Горюнов А.П.* Мировой экономический кризис: теоретические и прикладные аспекты // Вестник ДВО РАН. 2009. № 4. С. 130–146.

138. *Минакир П.А., Горюнов А.П.* Стратегия открытости и реформа внешней торговли КНР: политика и экономика // Китай в диалоге цивилизаций. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 43–59.

139. *Минакир П.А., Горюнова Н.П.* Конъюнктурные и финансовые циклы и кризисы // Вестник ДВО РАН. 2003. № 5. С. 70–95.

140. *Минакир П.А., Деваева Е.И.* Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 72–92.

141. *Минакир П.А., Изотов Д.А.* Мировые деньги во времени и пространстве: удар по доллару или удар долларом? // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 7–33. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.007-033>

142. *Минакир П.А., Леонов С.Н.* Этапы и механизмы интеграции с АТР // Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 177–195.

143. *Минакир П.А., Попов В.Е.* Россия и Китай в условиях глобализации – региональный аспект // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 218–252.

144. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Теоретические основы воспроизводственного цикла и кризиса // Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика / под ред. В.В. Кулешова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. С. 111–166.

145. *Минакир П.А., Суслов Д.В.* Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 41–56. <https://dx.doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.3>

146. *Минакир П.А., Суслов Д.В.* Экономическая интеграция стран АТР и проблемы таможенного регулирования // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2015. № 2. С. 41–48.

147. *Миркин Я.* Администрация роста // Российская газета. 2020. 3 февраля. № 22 (8076). URL: <https://rg.ru/2020/02/03/iakov-mirkin-nashu-ekonomiku-legko-razognat-do-4-5-rosta-v-god.html> (дата обращения: январь 2020).

148. Мировой рост продолжает оставаться вялым / МВФ. 2019. Июль. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEOupdateJuly2019> (дата обращения: январь 2020).

149. *Михеев В.В.* Восточно-Азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2004. № 1. 23 с.

150. *Михеев В.В.* Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2. С. 17–31.

151. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. 2015. Доклад № 32. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015. 54 с.

152. *Монтес М.Ф., Попов В.В.* «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. М.: Дело, 1999. 136 с.

153. МПК Россия – КНДР: главный принцип – равноправие отношений и реализация экономически оправданных проектов. URL: <http://minvt.ru:443/press-center/news/1454/> (дата обращения: июль 2018).

154. *Назарова К., Ткачев И.* Доля доллара в оплате экспорта из России в Китай впервые упала ниже 50% // РБК. 2019. 26 июля. URL:

<https://www.rbc.ru/economics/26/07/2019/5d39ad439a79477f145b23b0> (дата обращения: январь 2022).

155. *Натхов Т.В., Полищук Л.И.* Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 12–38.

156. Национальная программа развития Дальнего Востока станет основной темой ВЭФ-2019 / Восточный экономический форум, Росконгресс. URL: <https://forumvostok.ru/news/natsionalnaja-programma-razvitija-dalnego-vostoka-stanet-osnovnoj-temoj-vef-2019/> (дата обращения: май 2019).

157. *Немчинов В.С.* Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы экономики. 1961. № 6. С. 3–15.

158. *Нестерова Д.В., Мариев О.С.* Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. 2005. № 4. С. 57–70.

159. *О'Нил Д.* Опять глобальная рецессия? // Project Syndicate. 2022. 17 мая. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-russia-ukraine-fed-tightening-could-mean-global-recession-by-jim-o-neill-2022-05/russian?barrier=accesspaylog> (дата обращения: май 2022).

160. *Огородников Е.* Рак на горе свистнул, и финансовые власти России его услышали // Эксперт. 2022. 8 мая. URL: https://expert.ru/expert/2022/19/rak-na-gore-svistnul-i-finansovyje-vlasti-rossii-yego-uslyshali/?from=feed&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: май 2022).

161. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов / Банк России. М., 2019. 148 с.

162. Особенности и перспективы «Бреттон-Вудской системы 2.0» / Российская экономическая школа. 2021. URL: <https://guru.nes.ru/osobennosti-i-perspektivy-i-%C2%ABretton-vudskoj-sistemyi-2.0%C2%BB-konspekt-lekczii-olega-iczxoki.html> (дата обращения: январь 2022).

163. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / под ред. А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, П.А. Минакира. Екатеринбург: УрО РАН, Институт экономики, 2009. 1227 с.

164. *Пак Ду Бок.* Северная Корея и китайская модель реформ и развития // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. 35–40.

165. *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. 286 с.

166. *Пименова М.* Преподаватель Питтсбургского университета Ковалик: санкции США уничтожают роль доллара // *Общественная служба новостей*. 2022. 2 апреля. URL: https://www.osnmedia.ru/ekonomika/prepodavatel-pittsburgskogo-universiteta-kovalik-sanktsii-ssha-unichtozhayut-rol-dollara/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: апрель 2022).

167. План возрождения Северо-Восточного Китая // *Пространственная экономика*. 2009. № 1. (пер. с кит. В.Е. Кучерявенко). С. 62–101.

168. Повышение роли внутренних реформ на фоне ухудшения прогноза мировой экономики. Доклад об экономике России / Группа Всемирного банка. 2019. 72 с. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/782731577724536539/pdf/Weaker-Global-Outlook-Sharpens-Focus-on-Domestic-Reforms.pdf> (дата обращения: январь 2020).

169. *Полиди А.А., Сичкар С.В.* Эконометрическая оценка факторов и динамики прямых иностранных инвестиций в экономику региона // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 9. С. 234–239.

170. *Полтерович В.М., Попов В.В.* Валютный курс, инфляция и промышленная политика // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. № 1 (29). С. 192–198.

171. *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература РАН, 1998. 236 с.

172. *Потанов М.А.* Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998. 320 с.

173. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.

174. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2013. 25 марта. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: май 2019).

175. *Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 2. С. 110–149. <https://doi.org/10.14530/se.2019.2.110-149>

176. Пространственные трансформации в российской экономике / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2002. 424 с.

177. Путин высказался о «близоруких» санкциях Запада // Агентство экономической информации. 2022. 12 мая. URL: <https://1prime.ru/world/20220512/836874253.html> (дата обращения: май 2022).

178. Региональные аспекты долгосрочной экономической политики. Научный доклад / ИНИП РАН; ИЭОПП СО РАН. М.: Международные отношения, 2018. 69 с.

179. Региональный программный мониторинг / рук. авт. коллектива и науч. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 160 с.

180. *Рогов С.М.* Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. Доклад на общем собрании Объединенного ученого совета РАН. 2008. 16 декабря.

181. Российские власти засекретят план борьбы с долларом // Ведомости. 2018. 15 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/10/15/783672-plan-borbi-s-dollarom> (дата обращения: январь 2022).

182. Российские эксперты о «китайской угрозе» на Дальнем Востоке // REGNUM. 2009. 3 июня. URL: <http://www.regnum.ru/news/1171599.html> (дата обращения: июль 2009).

183. Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: мат-лы выездных исследований 24 октября – 5 ноября 2005 г. / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 48 с.

184. Российский Дальний Восток: переходный период / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск; Владивосток: Дальнаука, 1996.

185. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.

186. Россия и межкорейские отношения. М.: Горбачев-Фонд, 2003. URL: https://www.gorby.ru/activity/conference/show_70/ (дата обращения: май 2022).

187. РФ и КНДР подписали протокол о сотрудничестве в сфере транспорта, образования и науки // ТАСС. 2018. 22 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5054861> (дата обращения: сентябрь 2018).

188. *Сакс Дж., Ларрен Ф.* Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело, 1999. 848 с.

189. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток, 2011. 912 с.

190. *Слуцкий Е.* Накопление случайных причин как источник циклических процессов // Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 3. Вып. 1. С. 34–64.

191. Сокращение внешнеторгового оборота России в условиях замедления роста мировой экономики // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. Вып. № 56. Декабрь. 22 с.

192. Статистика внешнего сектора / ЦБ РФ. 2018. URL: <http://cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs> (дата обращения: сентябрь 2018).

193. Статистика: внешний долг России / Руксперт. 2018. URL: <https://ruxpert.ru/> (дата обращения: август 2018).

194. Статистика: история курса доллара к рублю / Руксперт. 2018. URL: <https://ruxpert.ru/> (дата обращения: август 2018).

195. Структура экономики Китая / под ред. В.И. Ванина. М.: Прогресс, 1984. 472 с.

196. *Таразанов И.Г.* Итоги работы угольной промышленности России за январь – декабрь 2015 года // Уголь. 2016. № 3. С. 58–72.

197. *Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Гребенников П.И., Леусский А.И.* Макроэкономика. СПб.: СПбГУЭФ, 1999. 656 с.

198. *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 406 с.

199. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

200. *Ткачев И.* ЕС заявил о намерении заморозить половину резервов Банка России // РБК. 2022. 28 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/02/2022/621bdf199a79471a97bc53cb> (дата обращения: февраль 2022).

201. *Ткачев И.* Запад замораживает внешние активы ЦБ // РБК. 2022. 27 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/02/28/621a5d149a7947339ae7351c> (дата обращения: февраль 2022).

202. *Ткачев И.* ЦБ дал первый официальный прогноз по глубине рецессии // РБК. 2022. 29 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/04/2022/626bc2939a7947ebdf90a9f1> (дата обращения: май 2022).

203. *Ткачев И., Сухорукова Е., Гальчева А.* ЦБ впервые раскрыл масштабы торговли с Турцией в рублях // РБК. 2019. 30 октября. URL:

<https://www.rbc.ru/economics/29/10/2019/5db7081e9a79477654969b28> (дата обращения: январь 2022).

204. *Трещевский Ю.И., Круглякова В.М.* Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // *Тетра Economicus*. 2010. Т. 8. № 1–2. С. 151–159.

205. «Транстелеком» подключил КНДР к интернету // *Коммерсантъ*. 2017. 2 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427707> (дата обращения: июль 2018).

206. Уровень инфляции в России (по годам) // *Банкирша.com*. 2018. URL: <https://bankirsha.com/uroven-inflyacii-v-rossiyskoy-federacii-po-godam.html> (дата обращения: сентябрь 2018).

207. *Федорова Е.А., Федоров Ф.Ю., Николаев А.Э.* От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? // *ЭКО*. 2017. № 7. С. 112–123.

208. *Фишер И.* Покупательная сила денег. М.: Дело, 2001. 320 с.

209. *Фридман М.* Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007. 880 с.

210. *Хазин М.* О санкциях и достоинстве // *Взгляд*. 2014. 1 сентября. URL: <http://vz.ru/opinions/2014/9/1/703311.html-3.09.2014> (дата обращения: август 2014).

211. *Циэнтитц Х.* Путин отказывается от диктата доллара // *ИноСМИ.ру*. 2018. 24 августа. URL: <https://inosmi.ru/economic/20180827/243096598.html> (дата обращения: август 2018).

212. Что думают экономисты по поводу «плана дедолларизации» // *Коммерсантъ*. 2018. 3 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3759644> (дата обращения: январь 2022).

213. *Швецов А.Н.* «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // *Российский экономический журнал*. 2016. № 3. С. 40–61.

214. *Шейнгауз А.С.* Новый феномен восточноазиатской экономики – китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // *Пространственная экономика*. 2006. № 4. Рр. 59–80. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2006.4.059-080>

215. *Шейнгауз А.С.* Новый феномен восточноазиатской экономики – китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // *Пространственная экономика*. 2007. № 1. Рр. 61–82. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2007.1.061-082>

216. *Шейнгауз А.С., Антонова Н.Е.* Оценка последствий присоединения России к ВТО для развития лесного комплекса Дальневосточного федерального округа // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. С. 118–124.

217. *Широв А.А.* Практическое использование таблиц «затраты – выпуск» для обоснования решений в области экономической политики. Доклад на заседании секции экономики ООН РАН. 2018. 28 февраля.

218. *Шлык Н.Л.* Внешнеэкономические связи на Дальнем Востоке. М.: Советская Россия, 1989. 152 с.

219. *Шмелев Н.* О здравом смысле и морали в экономике // Вопросы экономики. 1993. № 2. С. 102–111.

220. *Шпрингель В.К.* Механизмы формирования валютных кризисов на развивающихся рынках. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 169 с.

221. *Шпрингель В.К.* Принципиальные подходы к созданию системы ранней идентификации финансовых кризисов // Банковские услуги. 2002. № 1. С. 6–14.

222. *Шпрингель В.К.* Проблема внешнего долга и экономическое развитие стран Латинской Америки в 80-е годы // Экономический журнал ВШЭ. 1999. № 3. С. 186–210.

223. *Шпрингель В.К.* Функционирование банковской системы России в период финансовой стабилизации // Экономический журнал ВШЭ. 2000. Т. 4. № 1. С. 42–61.

224. *Штатов Д.* Снять «смирительную рубашку» с российской экономики. 2015. URL: <http://bankir.ru/publikacii/s/snyat-smiritelnuyu-rubashku-s-gossiiskoi-ekonomiki-10006420/> (дата обращения: май 2015).

225. Шувалов спрогнозировал двухпроцентный рост ВВП России в 2017 году // Lenta. 2017. 19 января. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/19/rusecon/> (дата обращения: июль 2017).

226. *Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А.* Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть 2015. № 12. С. 3–12.

227. Экономика Дальнего Востока: переходный период / под ред. П.А. Минакира; Н.Н. Михеевой; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск; Владивосток: Дальнаука, 1996. 239 с.

228. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997 / отв. ред. Е.Т. Гайдар. М., 1998. 1114 с.

229. Экономическая интеграция: пространственный аспект / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004. 352 с.

230. Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 1993.

231. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.

232. *Эрозбек Д.* ЦБ начнет тестирование цифрового рубля в апреле 2023 года // Коммерсантъ. 2022. 25 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5368171> (дата обращения: май 2022).

233. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

234. *Adrian T., Hyun Song Shin.* Liquidity and Financial Cycles / BIS. Working Paper. No. 256. 2008. July. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1165583>

235. *Agarwal J.P.* Determinants of Foreign Direct Investment: A Survey // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1980. Vol. 116. Pp. 739–773. <https://doi.org/10.1007/BF02696547>

236. *Agenor P.-R., Aizenman J.* Contagion and Volatility with Imperfect Credit Markets / IMF. Staff .s No. 45. 1998.

237. Annual Review and Assessment of the World Timber Situation 2007 / International Tropical Timber Organization. Yokohama, 2008. URL: <http://www.itto.or.jp> (дата обращения: апрель 2009).

238. APEC Economic Outlook – 2004 / APEC Economic Committee, 2004.

239. *Arrau P.* How Does the Debt Crisis Affect Investment and Growth? A Neoclassical Growth Model Applied to Mexico / International Economic Department, The World Bank. 1990. WPS 378.

240. *Avery C., Zemsky P.* Multidimensional Uncertainty and Herd Behavior in Financial Markets // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No. 4. Pp. 724–748.

241. *Baig T., Goldfajn I.* Financial Market Contagion in the Asian Crisis / IMF. Staff Papers. No. 46. 1999.

242. *Balassa B.* American Direct Investment in the Common Market // *Banco Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 1966. Pp. 121–146.

243. *Bandera V.N., White J.T.* American Direct Investment and Domestic markets in Europe // *Economica Internazionale*. 1968. Vol. 21. Pp. 117–133.

244. *Banerjee A.* A Simple Model of Herd Behavior // *The Quarterly Journal of Economics*. 1992. No. 107. Pp. 797–817. <https://doi.org/10.2307/2118364>

245. *Barsky R., Easton M.* The Global Saving Glut and the Fall in U.S. Real Interest Rates: A 15-year Retrospective // *Economic Perspectives*. 2021. No. 1. <https://doi.org/10.21033/ep-2021-1>

246. *Bayraktar N., Wang Y.* Foreign Bank Entry, Performance of Domestic Banks, and Sequence of Financial Liberalization / *World Bank Policy Research. Working Paper. No. 3416*. 2004.

247. *Bénassy-Quéré A., Cœuré B., Jacquet P., Pisani-Ferry J.* *Economic Policy: Theory and Practice*. Oxford University Press, 2010. 728 p.

248. *Berg A., Borensztein E., Pattillo C.* Assessing Early Warning Systems: How They Have Worked in Practice? / *IMF. Working Papers. No. 52*. 2004.

249. *Bernanke B.* Global Imbalances: Recent Developments and Prospects / *Board of Governors of the Federal Reserve System*. 2007. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20070911a.htm> (дата обращения: апрель 2022).

250. *Bettendorf T., Heinlein R.* Connectedness between G10 Currencies: Searching for the Causal Structure / *Deutsche Bundesbank. Discussion Paper. No. 06/2019*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3337431>

251. *Bikchandani S., Sharma S.* Herd Behavior in Financial Markets: A Review / *IMF. Working Papers. No. 48*. 2000.

252. *Bin S.* The Political Economy of Trade Policy in China / *Department of Management, Politics and Philosophy. Working Paper. No. 10/2000*. 2000.

253. *Blanco H., Garber P.M.* Recurrent Devaluation and Speculative Attacks on the Mexican Peso // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. No. 1. <https://doi.org/10.1086/261366>

254. *Boz E., Casas C., Georgiadis G., Gopinath G., Le Mezo H., Mehl A., Nguyen T.* Patterns in Invoicing Currency in Global Trade / *ECB. Working Paper. Series No. 2456*. 2020. 38 p.

255. *Brown D.K., Dearnorff A.V., Stern R.M.* CGE Modeling and Analysis of Multilateral and Regional Negotiating Options // *Issues and Options for US-Japan Trade Policies*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.

256. *Buckley P.J.* The Limits of Explanation: Testing the Internalization Theory of the Multinational Enterprises // *Journal of International Business Studies*. 1988. Vol. 19. Pp. 181–193. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490382>

257. *Buckley P.J., Casson M.* The Future of Multinational Enterprise. London: Macmillan, 1976. 112 p.

258. *Burns A., Mitchell W.* Measuring Business Cycles. N.Y. NBER. 1946. 765 p.

259. *Calvo G.A.* Balance of Payments Crises in Emerging Markets: Large Capital Inflows and Sovereign Governments / NBER. Currency Crises Conference. Cambridge: MIT, 6–7 Feb., 1998. Pp. 23–62.

260. *Calvo G.A.* Capital Market Contagion and Recession: An Explanation of the Russian Virus. College Park: University of Maryland, 1998.

261. *Calvo G.A., Leiderman L., Reinhardt C.M.* Capital Inflows and Real Exchange Rate Appreciation in Latin America / IMF. Staff Papers. No. 40. 1993.

262. *Calvo G.A., Mendoza E.* Mexico's Balance-of-Payment Crisis: A Chronicle of Death Foretold // *Journal of International Economics*. 1996. Vol. 41. Pp. 235–264. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(96\)01436-5](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(96)01436-5)

263. *Calvo S., Reinhart C.M.* Capital Flows to Latin America: Is There Evidence of Contagion Effects? // *Private Capital Flows to Emerging Markets after the Mexican Crisis*. Washington D.C.: IMF Press, 1996. Pp. 151–171.

264. *Campbell J., Burnham O.* Financial Cooperation in Northeast Asia: An Overview of the Case for a Northeast Asian Development Bank // *Regional Economic Cooperation in Northeast Asia (26–28 September, 1993, South Korea)*. 1993. Pp. 40–54.

265. *Campbell J., Mankiw G.* Are Output Fluctuations Transitory? // *The Quarterly Journal of Economics*. 1987. Vol. 102. Issue 4. Pp. 857–880. <https://doi.org/10.2307/1884285>

266. *Cao Yuanzheng.* The Reform of China's Price System / Working Paper. No. 4. Tokyo: SPF, 1995.

267. *Caprio G., Klingbiel D.* Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy or Bad Banking? // *World Bank Conference on Emerging Markets*. Washington, 1996. Pp. 141–161.

268. *Casson M.* Multinational Corporations. Chaltenham: Edward Elgar, 1990. 478 p.

269. *Caves R.E.* Multinational Enterprise and Economic Analysis. Cambridge, University Press, 1982. 346 p.

270. *Chang R., Velasco A.* Liquidity Crises in Emerging Markets: Theory and Policy / NBER. Working Papers. No. 7272. 1999.

271. *Chang R., Velasco A.* The Asian Liquidity Crisis / NBER. Working Papers. No. 6796. 1998.

272. *Chenery H.B.* Overcapacity and the Acceleration Principle // *Econometrica*. 1952. Vol. 20. Pp. 1–28. <https://doi.org/10.2307/1907804>

273. *China Engaged: Integration with the Global Economy*. Washington: The World Bank, 1997. 40 p.

274. *China Foreign Economic Statistical Yearbook*. 2000. URL: <https://ghdx.healthdata.org/record/china-statistical-yearbook-2000> (дата обращения: март 2021).

275. *Corsetti G., Pesenti P., Roubini N.* What Caused the Asian Currency and Financial Crisis? A Macroeconomic Overview / NBER. Working Papers. No. 6833. 1998.

276. *Culem C.G.* The Locational Determinants of Direct Investments Among Industrialized Countries // *European Economic Review*. 1988. Vol. 32. Pp. 885–904. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(88\)90051-7](https://doi.org/10.1016/0014-2921(88)90051-7)

277. *Cumby R.E., van Wijnbergen S.* Financial Policy and Speculative Runs with a Crawling Peg: Argentina, 1979–1981 // *Journal of International Economics*. 1989. Vol. 27. Pp. 111–127. [https://doi.org/10.1016/0022-1996\(89\)90080-9](https://doi.org/10.1016/0022-1996(89)90080-9)

278. *Dekle R., Kletzer K.* Domestic Bank Regulation and Financial Crises: Theory and Empirical Evidence from East Asia / IMF. Working Papers. No. WP/01/67. 2001.

279. *Demirguc-Kunt A., Detragiache E.* The Determinants of Banking Crisis in Developing and Developed Countries / IMF. Staff Papers. No. 45. 1998.

280. *Diamond D., Dybvig P.* Bank Runs, Deposit Insurance and Liquidity // *Journal of Political Economy*. 1983. No. 91. <https://doi.org/10.1086/261155>

281. *Diaz-Alejandro C., Sachs J., Krugman P.* Latin American Debt: I Don't Think We Are in Kansas Anymore // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1984. No. 2. Pp. 335–403. <https://doi.org/10.2307/2534434>

282. *Dooley M.* A Model of Crises in Emerging Markets / NBER. Working Papers. No. 6300. 1997.

283. *Dooley M., Folkerts-Landau D., Garber P.* An Essay on the Revived Bretton Woods System / NBER. Working Paper. No. 9971. 2003. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9971/w9971.pdf (дата обращения: апрель 2022).

284. *Dornbusch R., Fischer S.* The World Debt Problem. Capital Flows and World Debt // *Economic Policy: Theory and Practice*. Washington, D.C.: IMF Press, 1987. Pp. 43–68.

285. *Dornbusch R., Goldfajn I., Valdes R.* Currency Crises and Collapses // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. No. 2. Pp. 219–293. <https://doi.org/10.2307/2534613>

286. *Dunning J.* *Multinational Enterprises and the Global Economy*. Reading, Addison-Wesley Publ. Co., 1993. 687 p.

287. *Dunning J.* The Determinants of International Production // *Oxford Economic Papers*. 1973. Vol. 25. Pp. 289–336. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.oep.a041261>

288. *Dunning J.H.* Explaining Changing Patterns of International Production: In Defense of Eclectic Theory // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 1979. Vol. 41. Pp. 269–295. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.1979.mp41004003.x>

289. *Dunning J.H.* The Eclectic Paradigm of International Production: A Restatement and Some Possible Extensions // *Journal of International Business Studies*. 1988. Vol. 19. Pp. 1–31.

290. *Edwards S.* The Great Exchange Rate Debate after Financial Stability / NBER. Working Papers. No. 9257. 2002.

291. *Eichengreen B., Hausmann R.* Exchange Rates and Financial Stability / NBER. Working Papers. No. 7418. 1999.

292. *Eichengreen B., Rose A., Wyplosz C.* Exchange Rate Mayhem: Antecedents and Aftermath of Speculative Attacks // *Economic Policy*. 1995. Vol. 10. No. 21. Pp. 249–312. <https://doi.org/10.2307/1344591>

293. *Emerging Asian Regionalism: A Partnership for Shared Prosperity* / ADB. Manila, 2008. 292 p.

294. Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression / The White House. 2022. 11 March. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression/> (дата обращения: апрель 2022).

295. *Feldstein M.* Economic and Financial Crises in Emerging Market Economies: Overview of Prevention and Management / IMF. Working Papers. No. 8837. 2002.

296. *Fischer S.* The Asian Crises: The View from IMF // *Asian Association for International Cooperation and Trade*. Singapore, 26–28 May, 1998. Pp. 6–13.

297. *Fisher I.* The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // *Econometrica*. 1933. Vol. 1. No. 4. Pp. 337–357. <https://doi.org/10.2307/1907327>

298. *Flood R., Garber P.* Collapsing Exchange Rate Regimes: Some Linear Examples // *Journal of International Economics*. 1984. Vol. 17. No. 1–2. Pp. 1–13. [https://doi.org/10.1016/0022-1996\(84\)90002-3](https://doi.org/10.1016/0022-1996(84)90002-3)
299. *Flood R., Jeanne O.* An Interest Rate Defense of a Fixed Exchange Rate / IMF. Working Papers. No. 159. 2000.
300. *Flood R.P., Garber P.M.* Market Fundamentals Versus Price-Level Bubbles: The First Test // *Journal of Political Economy*. 1980. Vol. 80. No. 4. <https://doi.org/10.1086/260900>
301. Foreign Exchange Turnover in April 2019 / BIS Triennial Central Bank Survey. 2019. 21 p. URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx19_fx.pdf#page=15 (дата обращения: январь 2022).
302. *Frankel J., Rose A.* Currency Crises in Emerging Markets: An Empirical Treatment // *Journal of International Finance*. 1996. Vol. 41. No. 3–4. Pp. 351–366. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(96\)01441-9](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(96)01441-9)
303. Free Trade Agreement. Asian Development Bank. URL: <http://www.adb.org> (дата обращения: июль 2018).
304. *Frish R.* Propagation and Impulse Problems in Dynamic Economics // *Economic Essays in Honour of Gustav Cassel*. London: Allen and Unwin, 1933. Pp. 171–203.
305. Global Liquidity Indicators / BIS. 2022. URL: <https://stats.bis.org/statx/toc/GLI.html> (дата обращения: январь 2022).
306. *Goldfajn I., Valdes R.* Capital Flows and the Twin Crises: The Role of Liquidity / IMF. Working Papers. No. 87. 1997.
307. *Gonzales-Hermosillo B.* Determinants of Ex-Ante Banking System Distress: A Macro-Micro Empirical Exploration of Some Recent Episodes / IMF. Working Paper. No. 33. 1999.
308. *Gopinath G., Itskhoki O.* Dominant Currency Paradigm: A Review / NBER. Working Paper. 29556. 2021. 55 p. <https://doi.org/10.3386/w29556>
309. *Gopinath G., Itskhoki O., Rigobon R.* Currency Choice and Exchange Rate Pass-Through // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. No. 1. Pp. 304–336. <https://doi.org/10.1257/aer.100.1.304>
310. *Gordon G. Chang.* The Coming Collapse of China. New York: Random House, 2001. 344 p.
311. *Gorunov A.* Russian International Economic Integration in the New Economic Reality // *Russian Economy and Korea-Russia Cooperation: New Challenges and Perspectives*. 10th KIEP – ERI Joint International Seminar (9–10 June, 2015, Jeju). Seoul: KIEP, 2015. Pp. 91–99.

312. *Gourinchas P.-O.* The Dollar Hegemon? Evidence and Implications for Policy Makers // The 6th Asian Monetary Policy Forum. Singapore. 2019. 18 p. URL: <https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/EPG/AMPF/2019/AMPF2019---Commissioned-Paper-Discussant-Slides---Ricardo-Caballero.pdf?la=en&hash=62D2BD2D0C00D43AE3ADD314C1408BDCDBF88A3B> (дата обращения: январь 2022).

313. *Gregory P.R.* A Russian Crisis with no end in Sight, Thanks to Low Oil Prices and Sanctions. URL: www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2015/05/14 (дата обращения: 25.02.2016).

314. *Gulidov R., Kalashnikov V.* Russia's Energy Cooperation with the NEA Countries: The Current Situation and Problems // Northeast Asia Energy Focus. 2008. Vol. 5. No. 2. Pp. 16–24.

315. *Haberger A.C.* Growth, Industrialization and Economic Structure: Latin America and East Asia Compared // Achieving Industrialization in East Asia / Ed. by H. Hughes. Cambridge University Press, 1988. Pp. 164–194. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511552267.007>

316. *Hardy D.C., Pazarbasioglu C.* Leading Indicators of Banking Crises: Further Evidence / IMF. Staff Papers. 1999. Vol. 46. No. 3.

317. *Hardy D.C., Pazarbasioglu C.* Leading Indicators of Banking Crises: Was Asia Different? / IMF. Working Papers. No. 91. 1998.

318. *Hicks J.R.* A Contribution to the Theory of the Trade Cycle. Oxford: Oxford University Press, 1956. 327 p.

319. *Hu Weijia.* Unilateral Sanctions Add to Evidence that it's no Longer Safe to Hold Assets in US // Global Times. 2022. 20 May. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1266185.shtml> (дата обращения: май 2022).

320. *Huang Defa, Su Huahong, Zhang.* Economic Development in the Ninth Five-Year Plan. Beijing, 2002. (На кит. яз.).

321. *Humer S.H.* The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment. Cambridge: MIT Press, 1976. 253 p.

322. *Ilzetki E., Reinhart C.M., Rogoff K.S.* Exchange Arrangements Entering the Twenty-First Century: Which Anchor will Hold? // The Quarterly Journal of Economics. 2019. Vol. 134. Issue 2. Pp. 599–646. <https://doi.org/10.1093/qje/qjy033>

323. *Ito T.* Capital Flows in Asia / NBER. Working Papers. No. 7134. 1999.

324. *James H.* International Monetary Cooperation Since Bretton Woods / IMF. New York: Oxford University Press, 1996. 742 p.

325. *Johnson Ch.* MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford University Press, 1982.

326. *Jorgenson D.W.* Capital Theory and Investment Behavior // American Economic Review. 1963. Vol. 53. Pp. 247–259.

327. *Kaldor N.* A Model of Economic Growth // Economic Journal. 1957. Vol. 67. Vol. 268. Pp. 591–624. <https://doi.org/10.2307/2227704>

328. *Kaminsky G.* Currency and Banking Crises: The Early Warnings of Distress / IMF. Working Papers. No. 178. 1999.

329. *Kaminsky G., Lizondo S., Reinhart C.* Leading Indicators of Currency Crises / IMF. Staff Papers. No. 45. 1998.

330. *Kaminsky G., Pereira A.* The Debt Crises: Lessons of the 1980s for the 1990s / Board of Governors of the Federal Reserve System. International Finance Discussion Paper. No. 481. 1994.

331. *Kaminsky G., Reinhart C.M.* The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance of Payments Problems / Board of Governors of the Federal Reserve System. International Finance Discussion Paper. No. 544. 1996.

332. *Katz S.S.* The Role of a Northeast Asian Development Bank in Northeast Asia's Future Development // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia (26–29 October 1999, Ulan-Baatar). 1999. 195 p.

333. *Kawai M., Wignaraya G.* Asian FTA's: Trends and Challenges / ADBI. Working Paper. Series 144. August. 2009.

334. *Kawai M., Newfarmer R., Schmukler S.* Crisis and Contagion in East Asia: Nine Lessons. Washington: World Bank, 2001.

335. *Keen S.* Bailling out the Titanic with a Thimble // Economic Analysis and Policy. 2009. Vol. 39. No. 1. [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(09\)50052-5](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(09)50052-5)

336. *Kim E.* Political Economy of the Tumen River Basin Development: Problems and Prospects // Journal of Northeast Asian Studies. 1992. Vol. 11. Pp. 35–48. <https://doi.org/10.1007/BF03023342>

337. *Kim W., Wei S.-J.* Offshore Investment Funds: Monsters in Emerging Markets / NBER. Working Papers. No. 7133. 1999.

338. *Kindleberger C.P.* American Business Abroad: Six Lectures on Direct Investment. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1969. 225 p.

339. *Knickerbocker F.T.* Oligopolistic Reaction and Multinational Enterprise. Boston, Mass.: Division of Research, Harvard University Graduate School of Business Administration, 1973. 236 p.

340. *Kochhar K., Loungani P., Stone M.R.* The East Asian Crisis: Macroeconomic Development and Policy Lessons / IMF. Working Paper. No. 128. 1998.

341. *Kodres I., Pritsker M.* A Rational Expectation Model of Financial Contagion / Board of Governors of the Federal Reserve System. Washington, D.C. 1998.

342. *Komiya R.* The Japanese Economy: Trade, Industry and Government. University of Tokyo Press, 1990.

343. *Kreinin M.E., Plummer M.G.* 'Natural' Economic Blocs: An Alternative Formulation // The International Trade Journal. 1994. Vol. 8. No. 2. Pp. 193–205. <https://doi.org/10.1080/08853909408523799>

344. *Krugman P.* A Model of Balance-of-Payments Crises // Journal of Money, Credit and Banking. 1979. Vol. 11. No. 3. Pp. 311–323. <https://doi.org/10.2307/1991793>

345. *Kuo S.W.Y.* The Taiwan Economy in Transition. Washington D.C.: Westview Press, 1983.

346. *Lane P., Shambaugh J.* The Long or Short of it: Determinants of Foreign Currency Exposure in External Balance Sheets / IIS. Discussion Paper. No. 253. 2009.

347. *Lardy N.* Foreign Trade and Economic Reform in China, 1978–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

348. *Laidler D.* An Elementary Monetarist Model of Simultaneous Fluctuations in Prices and Output // Inflation in Small Countries / Ed. by H. Frisch. Berlin; Heidelberg: Springer, 1976. Pp. 75–89.

349. *Lee C., Park S.* Formation of Regional Trading Blocs in East Asia and the Roles of Japan and the US / KIEP. Working Paper. 02–12. Seoul, 2002.

350. *Lewis W.A.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // Manchester School. 1954. Vol. 22. No. 2. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x>

351. *Liang K.C., Liang Hou C.I.* Trade Strategy and the Exchange Rate Policies in Taiwan // Trade and Growth of the Advanced Developing Countries in the Pacific Basin / Ed. by W.T. Hong, L.B. Krause. Seoul: Korea Development Institute, 1981.

352. *Lindgren C.-J., Balino T., Enoch C., Guide A.-M., Quintyn M., Teo L.* Financial Sector Crisis and Restructuring: Lessons from Asia / IMF. Occasional Paper. No. 188. 1999.

353. *Lizondo J.S.* Foreign Direct Investment in International Monetary Fund, Determinants and Systematic Consequences of International Capital Flows / IMF. Occasional Papers. No. 77. Washington DC, 1991. Pp. 68–82.

354. *Long Guoqiang.* Reforming China's Foreign Economic Management System // China Development Review. 2000. Vol. 2. No. 4.

355. *Long J., Plosser C.* Real Business Cycles // Journal of Political Economy. 1983. Vol. 91. No. 1. <https://doi.org/10.1086/261128>
356. *Lopez-Mejia A.* Large Capital Flows. A Survey of the Causes, Consequences and Policy Responses / IMF .Working Papers. No. 17. 1999.
357. *Lucas R.* Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 4. Issue 2. Pp. 103–124. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(72\)90142-1](https://doi.org/10.1016/0022-0531(72)90142-1)
358. *Lucas R.* Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 4. Issue 2. Pp. 103–124.
359. *Lucas R.* Some International Evidence on Output-Inflation Trade-Offs // American Economic Review. 1973. Vol. 63. No. 3. Pp. 326–334.
360. *Martin W.P., Petri A., Yanagishima K.* Charting the Pacific: An Empirical Assessment of Integration Initiatives // The International Trade Journal. 1994. Vol. 4. No. 4. Pp. 447–482. <https://doi.org/10.1080/08853909408523813>
361. *Masson P.* Multiple Equilibria, Contagion, and the Emerging Market Crises / IMF. Working Papers. No. 164. 1999. 25 p.
362. *McGuire P., von Peter G.* The US Dollar Shortage in Global Banking / BIS Quarterly Review. 2009. March.
363. *McKinnon R.* Financial Repression and the Liberalization Problem within Less Developed Countries // The World Economic Order: Past and Prospects / Ed. by S. Grassman, E. Lundberg. New York: St. Martin Press, 1981. Pp. 365–390. https://doi.org/10.1007/978-1-349-16488-2_11
364. *McKinnon R.* Money and Capital in Economic Development. Washington: Brookings Institution Press, 1973. 184 c.
365. *Metzler L.* The Nature and Stability of Inventory Cycles // Review Economics Statistics. 1941. Vol. 23. No. 3. Pp. 113–129. <http://dx.doi.org/10.2307/1927555>
366. *Milesi-Ferretti G.M., Razin A.* Sustainability of Persistent Current Account Deficits / NBER. Working Papers. No. 5467. 1996.
367. *Minakir P.A.* Russian Economy and Economic Policy for Russian Far East Development // 5th Far Eastern Russian-Korean Forum (June 16, 2015, Khabarovsk). Pp. 9–18.
368. *Mishkin F.* Lessons from the Asian Crisis / IMF. Working Papers. No. 7102. 1999.
369. *Mitchell W.F., Mosler W.B.* Essential Elements of a Modern Monetary Economy with Applications to Social Security Privatisation and the Intergenerational Debate / Centre of Full Employment and Equity. Working Paper. No. 05-01. 2005. 20 p. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/>

download?doi=10.1.1.532.9727&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: январь 2022).

370. *Mukhin D.* An Equilibrium Model of the International Price System // *American Economic Review*. 2022. Vol. 112. Issue 2. Pp. 650–688. <https://doi.org/10.1257/aer.20181550>

371. *Murphy A.* An Analysis of the Financial Crisis of 2008: Causes and Solutions. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1295344>

372. *Nankani G.T.* The Intercountry Distribution of Foreign Direct Investment. New York: Garland, 1979. 368 p.

373. *Nelson C., Plosser C.* Trends and Random Walks in Macroeconomic Time Series // *Journal of Monetary Economics*. 1982. Vol. 10. Issue 2. Pp. 139–162. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(82\)90012-5](https://doi.org/10.1016/0304-3932(82)90012-5)

374. *Obstfeld M.* The Logic of Currency Crises / NBER. Working Paper. No. 4640. 1994. 64 p.

375. *Oh W.T., Cheong I.* Evaluation of Economic Effects of a Free Trade Area in the East Asia // *Kukje Kyungje Yongu*. Vol. 3 (3). 1997. Pp. 65–90. (На кор. яз).

376. *Otker I., Pazarbasioglu C.* Exchange Market Pressures and Speculative Capital Flows in Selected European Countries / IMF. Working Papers. No. 21. 1994.

377. *Otker I., Pazarbasioglu C.* Speculative Attacks and Currency Crises: The Mexican Experience // *Open Economies Review*. 1996. No. 7. Pp. 535–552. <https://doi.org/10.1007/BF01886212>

378. *Panagariya A.* East Asia and the New Regionalism in World Trade // *The World Economy*. 1994. Vol. 17. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.1994.tb00775.x>

379. Plan of Revitalizing Northeast China by National Development and Reform Commission / Office of the Leading Group for Revitalizing Northeast China and Other Old Industrial Bases of the State Council. 2007. URL: http://news.xinhuanet.com/-english/2007-12/19/content_7279455.htm (дата обращения: май 2009).

380. *Plummer M., Wignaraja G.* The Post-Crisis Sequencing of Economic Integration in Asia // *Economie Internationale*. 2006. No. 107. Pp. 59–85.

381. *Pop V., Fleming S., Politi J.* Weaponisation of Finance: How the West Unleashed ‘Shock and Awe’ on Russia // *Financial Times*. 2022. 6 April. URL: <https://www.ft.com/content/5b397d6b-bde4-4a8c-b9a4-080485d6c64a> (дата обращения: апрель 2022).

382. *Prescott E.* Theory Ahead of Business Cycle Measurement // Carnegie-Rochester Conference Series on Public. 1986. Vol. 25. Pp. 11–44. [https://doi.org/10.1016/0167-2231\(86\)90035-7](https://doi.org/10.1016/0167-2231(86)90035-7)

383. *Radelet S., Sachs J.* The Onset of the East Asian Financial Crisis / NBER. Working Papers. No. 6680. 1998. 160 p.

384. *Ragazzi G.* Theories of the Determinates of Foreign Direct Investment / IMF. Staff Papers. 1973. Vol. 20. Pp. 471–498.

385. Report on the Implementation of the 2008 Plan for National Economic and Social Development and on the 2009 Draft Plan for National Economic and Social Development // Xinhua News Agency. 2009. 15 March. URL: <http://www.xinhuanet.com/english> (дата обращения: апрель 2009).

386. Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation // World Economic Outlook. 2022. January. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/01/25/world-economic-outlook-update-january-2022> (22.05.2022) (дата обращения: май 2022).

387. *Rodriguez F.* The Political Economy of Latin American Growth / World Bank's Global Network Research Project. 1999.

388. *Rodrik D., Velasco A.* Short-Term Capital Flows / NBER. Working Papers. No. 7364. 1999.

389. *Rothier P.* Explaining the Behavior of Financial Intermediation: Evidence from Transition Economies / IMF. Working Paper. No. 36. 1999.

390. *Roubini N., Setser B.* Will the Bretton Woods 2 Regime Unravel Soon? The Risk of a Hard Landing in 2005–2006 // Revived Bretton Woods System: A New Paradigm for Asian Development? (4 feb., 2005; San Francisco) / Federal Reserve Bank of San Francisco, UC Berkley.

391. *Rugman A.M.* Internalization as a General Theory of Foreign Direct Investment: A Re-Appraisal of the Literature // Weltwirtschaftliches Archiv. 1980. Vol. 116. Pp. 365–379. <https://doi.org/10.1007/BF02696864>

392. *Sachs J.* Theoretical Issues in International Borrowing / NBER. Working Papers. No. 1189. 1983.

393. *Sachs J., Tornell A., Velasco A.* Financial Crises in Emerging Markets: The Lesson from 1995 // Brookings Papers on Economic Activity. 1996. No. 1. Pp. 147–215. <https://doi.org/10.2307/2534648>

394. *Samuelson P.* Interactions between the Multiplier Analysis and the Principle of Acceleration // The Review of Economics and Statistics. 1939. Vol. 21. No. 2. Pp. 75–78. <https://doi.org/10.2307/1927758>

395. *Schneider F., Frey B.S.* Economic and Political Determinants of Foreign Direct Investment // *World Development*. 1985. Vol. 13. Pp. 161–175. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(85\)90002-6](https://doi.org/10.1016/0305-750X(85)90002-6)

396. *Scott M.* Foreign Trade // *Economic Growth and Structural Change in Taiwan: The postwar experience of the Republic of China* / Ed. by W. Galenson. Ithaca; London: Cornell University Press, 1979.

397. *Sheridan K.* *Governing in Japanese Economy*. Cambridge: Polity Press, 1993. 330 p.

398. *Shi Min.* China's Reform in Foreign Trade and Foreign Exchange Systems / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 6. Tokyo: SPF, 1995.

399. *Slutsky E.* The Summation of Random Causes as the Source of Cyclic Processes // *Econometrica*. 1937. Vol. 5. No. 2. Pp. 105–146. <https://doi.org/10.2307/1907241>

400. *Strumpf D.* Chinese Tech-Giants Quietly Stop Doing Business with Russia // *The Wall Street Journal*. 2022. 6 May. URL: https://www.wsj.com/articles/chinese-tech-giants-quietly-stop-doing-business-with-russia-11651845795?mod=hp_lead_pos5 (дата обращения: май 2022).

401. *Sussangkarn C.* The Chiang Mai Initiative Multilateralization: Origin, Development and Outlook / ADBI. Working Paper. 230. Tokyo, 2010. URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2010/07/13/3938.chiang.mai.initiative.multilateralisation> (дата обращения: июль 2015).

402. *The International Allocation of Economic Activity* / Ed. by B. Ohlin, P.O. Hesselborn, P.M. Wijkman. London: Mcmillan, 1977. 572 p.

403. *The Japanese Economy: 1945–1955*. Tokyo: Economic Planning Agency, 1990. June.

404. *Thirwall A.P.* Inflation, Saving and Growth in Developing Economies. New York: Macmillan, 1974. 256 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-86179-8>

405. *Tornell A.* Lending Booms and Currency Crises: Empirical Links / NBER. Working Paper. No. 7340. 1999.

406. Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-the-Counter (OTC) Derivatives Markets in 2019 / BIS. 2019. URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm?m=6_381_677 (дата обращения: январь 2022).

407. *Tsiang S.C.* Exchange Rate, Interest Rate and Economic Development // *Quantitative Economics and Development* / Ed. by L. Klein, M. Nervolve,

S. Tsiang. Taipei: Academic Press Inc., 1980. Pp. 309–346.
<https://doi.org/10.1016/B978-1-4832-2792-4.50020-7>

408. *Tsiang S.C.* Fashion and Misconceptions in Monetary Theory and Their Influences on Financial and Banking Policies // *Journal of International and Theoretical Economics*. 1979. Vol. 135. Pp. 584–604.

409. *Tsiang S.C.* Success or Failure in Economic Takeoff / CIER Economic Monograph Series; Chung-Hua Institution for Economic Research. 1989. No. 26.

410. *Tsiang S.C.* Taiwan's Economic Miracle: Lessons in Economic Development // *World Economic Growth: Case Studies of Developed and Developing Nations* / Ed. by A. Haberger. San Francisco: ICS Press, 1984. Pp. 301–326.

411. *Tsuen-hua Shih.* Achieving High Growth and Low Inflation: The Success Story of Taiwan Monetary Policy, 1949–1993 / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 11. Tokyo: SPF, 1995.

412. *Tu Anthony H.* Foreign Exchange Policies and Incentive-Induced Trade Strategy: The Taiwan's Experience / Project on Implementing Market Economies in Central Asia: Implications from East Asian Experiences. Working Paper. No. 10. Tokyo: SPF, 1995.

413. U.S. Treasury Announces Unprecedented & Expansive Sanctions Against Russia, Imposing Swift and Severe Economic Costs / U.S. Department of the Treasury. 2022. 24 February. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0608> (дата обращения: апрель 2022).

414. U.S. Treasury Imposes Immediate Economic Costs in Response to Actions in the Donetsk and Luhansk Regions / U.S. Department of the Treasury. 2022. 22 February. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0602> (дата обращения: апрель 2022).

415. United States, G7 and EU Impose Severe and Immediate Costs on Russia / The White House. 2022. 6 April. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements--releases/2022/04/06/fact-sheet-united-states-g7-and-eu-impose-severe-and-immediate-costs-on-russia/> (дата обращения: апрель 2022).

416. USD / RUB – US Dollar Russian Ruble / Investing.com. 2022. URL: <https://www.investing.com/currencies/usd-rub-historical-data> (дата обращения: январь 2022).

417. *Vanderlint J.* Money Answers All Things: Or, an Essay to Make Money Sufficiently Plentiful. London: Johnson Reprint Corp., 1734. 170 p.

URL: <https://archive.org/details/cu31924013775501/page/n16/mode/lup?view=theater> (дата обращения: апрель 2022).

418. *Vernon R.* International investment and International Trade in the Product Cycle // *Quarterly Journal of Economics*. 1966. Vol. 80. Pp. 190–207.

419. War Sets Back the Global Recovery // *World Economic Outlook*. 2022. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022> (дата обращения: май 2022).

420. *Weintraub R.* Studio Empirico Sulle Relazioni di Lungo Andare tra Movimenti di Capitali Rendimenti Differenziali // *Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali*. 1967. Vol. 14. Pp. 401–405.

421. White Paper on the Economy of Northeast Asia – 2003. Niigata: ERINA, 2003.

422. *Wigglesworth R., Ivanova P., Smith C.* Financial Warfare: Will there be a Backlash Against the Dollar? // *Financial Times*. 2022. 7 April. URL: <https://www.ft.com/content/220db8f2-2980-410f-aab8-f471369ac3cf> (дата обращения: апрель 2022).

423. World Economic Outlook Database / IMF. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: январь 2022).

424. World Economic Situation and Prospects 2009. New York: United Nations, 2009. 160 p. URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_archive/2009wesp.pdf (дата обращения: апрель 2020).

425. *Yang Q.* Repartition Geographique de l'Investment Direct Entranger en Chine: l'Impact du Capital Humain // *Revue d'Economie du Development*. 1999. Vol. 3. Pp. 35–59. <https://doi.org/10.3406/recod.1999.1002>

426. *Yuqing Xing.* Foreign Direct Investment and Technology Spillover Efficiency: Evidence from China's Regional Productivity Growth // *The Journal of Econometric Study of Northeast Asia*. 2001. Vol. 3. No. 1. Pp. 41–58.

Научное издание

Павел Александрович Минакир

академик РАН, доктор экономических наук, профессор,

научный руководитель

Институт экономических исследований ДВО РАН

E-mail: minakir@ecrin.ru

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Ответственный редактор – член-корреспондент РАН *В.П. Чичканов*

Рецензент – доктор экономических наук *Б.Х. Краснопольский*

Ответственный за выпуск – *Л.А. Самохина*

Изготовление оригинал-макета – *В.В. Червонцева*

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 45. Уч.-изд. л. 40,2.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru.